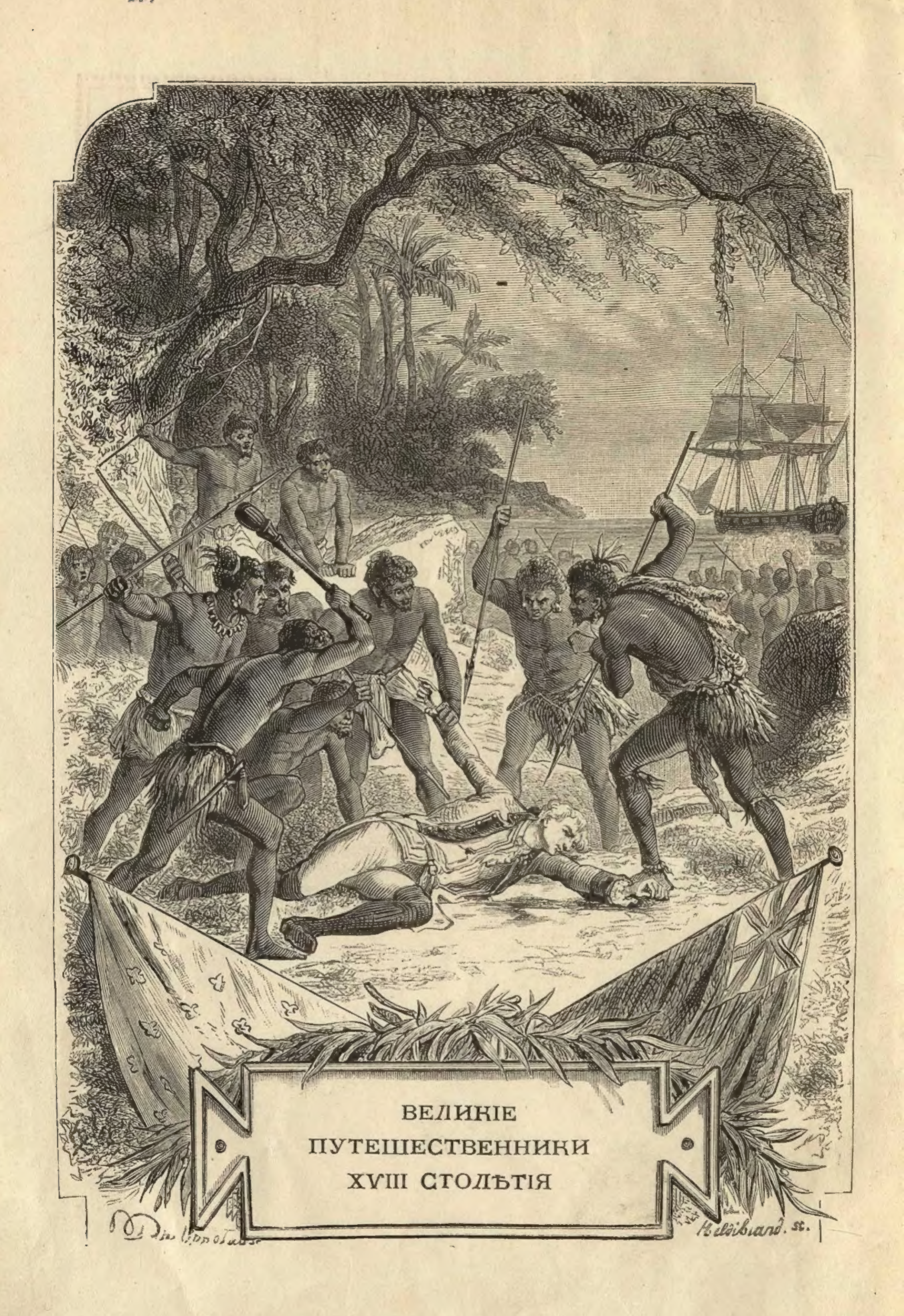
Жюль Вернъ
ИСТОРІЯ ВЕЛИКИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XIX ВѢКА
ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М.О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА


ВЕЛИКІЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
XVIII СТОЛѢТІЯ
Hildibrand. sc.

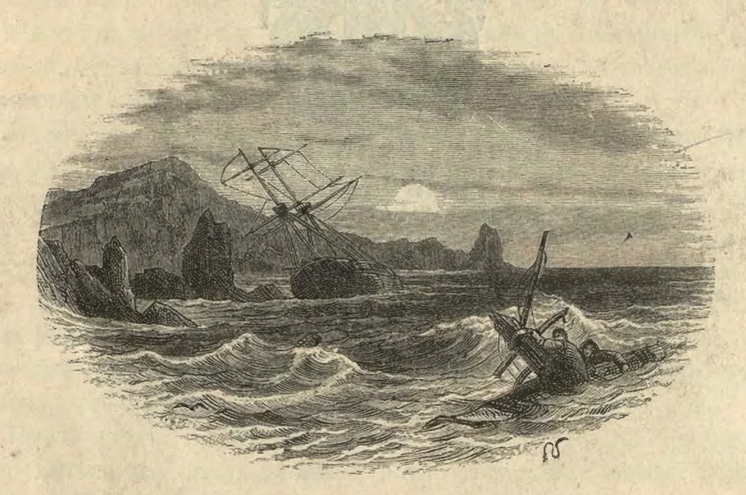
ИСТОРІЯ ЗНАМЕНИТЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

ВЕЛИКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
XVIII СТОЛѢТІЯ

СОЧИНЕНІЕ

ЖЮЛЯ ВЕРНА

Съ 48 рисунками Ф. Филиппото, Л. Бенетта и Маттиса
и 48 факсимиле съ современныхъ гравюръ



ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гост. Дворъ, 18 и Невск. 13. | Кузнецк. М., 12 и Мохов., 22.

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С·Петербургъ · Вас· Остр· 16 линія соб· домъ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Выпуская въ свѣтъ первый томъ «Исторіи знаменитыхъ путешествій и путешественниковъ», я имѣлъ въ виду дать въ своемъ сочинени полный сводъ историческихъ свѣдѣній относительно открытія поверхности земного шара. Открытія послѣдняго времени значительно расширили размѣры моего труда, такъ какъ въ программу его пришлось включить и новѣйшія работы, не такъ давно еще возбуждавшія живой интересъ въ ученомъ мірѣ. Дѣятельную помощь въ обработкѣ этого богатаго матеріала оказалъ мнѣ одинъ изъ компетентнѣйшихъ современныхъ географовъ, г. Габріэль Марсель, состоящій при парижской національной библіотекѣ.

Пользуясь лингвистическими свѣдѣніями его въ тѣхъ иностранныхъ языкахъ, которые мнѣ неизвѣстны, я имѣлъ возможность черпать прямо изъ источниковъ, заимствовать свѣдѣнія только изъ безусловно заслуживающихъ довѣрія подлинныхъ документовъ. Авторъ считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь искреннюю благодарность г. Марселю, просвѣщенному содѣйствію котораго много обязана лежащая передъ читателемъ исторія подвиговъ и заслугъ великихъ путешественниковъ, отъ Ганнона и Геродота до Ливингстона и Стенли.

Нашъ трудъ, по мысли, представляетъ нѣкоторое сходство съ появившимся около двадцати лѣтъ тому назадъ сочиненіемъ Эдуарда Шартона «Древніе и новые путешественники». Это полезное, выдающееся сочиненіе состоитъ преимущественно изъ заимствованій и извлеченій изъ отчетовъ знаменитыхъ путешественниковъ. Отсюда нетрудно заключить чѣмъ, главнымъ образомъ, отличается нашъ трудъ отъ книги Э. Шартона.

Жюль Вернъ.

Имена главныхъ путешественниковъ, вошедшихъ во второй томъ:

Кассини.—Пикаръ. — Ла-Гиръ. — Делиль. — Д'Анвилль.—Мопертюи.—Ла-Кондаминъ.—Роггевейнъ.—Байронъ.—Валлисъ и Картеретъ.—Бугэнвилль и Гюйо-Дюкло.—Кукъ и Фюрно.—Бувэ де-Лозье.—Сюрвиль.—Маріонъ-Дюфенъ.—Кергеленъ.—Ла-Перузъ.—Д'Антркасто. — Маршанъ и Шаналь. — Бассъ и Флиндерсъ. — Бодэнъ и Фрейсине.—Шоу. —Горнеманнъ. — Адансонъ. — Гоутонъ.—Мунго-Паркъ.—Спарманъ.—Тунбергъ.—Левальянъ.—Лачерда. — Брюсъ. — Броунъ. — Витценъ. — Дю-Гальдъ. — Аббатъ Гросье и іезуиты.—Макартней.—Вольней.—Шуазель-Гуфье. — Шевалье.—Оливье.—Палласъ.—Хуанъ де-Фука.—Де-Фонте.—Берингъ. — Ванкуверъ. — Самюэль Гирнъ. — Меккензи. — Гумбольдтъ и Бонпланъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

I.

Астрономы и картографы.

II.

Каперство въ XVIII столѣтіи.

ГЛАВА II.

Предшественники капитана Кука.

I.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Французскіе мореплаватели.

I.

II.

III.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Астрономы и картографы.

I.

Кассини, Пикаръ и Ла-Гиръ.—Измѣреніе градусовъ меридіана, исправленіе карты Франціи.—Ж. Делиль и д'Анвилль.—Истинный видъ земли.—Мопертюи въ Лапландіи.—Ла-Кондаминъ подъ экваторомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію великихъ путешествій, совершенныхъ въ XVIII столѣтіи, необходимо упомянуть о

громадныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ къ этому времени въ области точнаго знанія. Благодаря этимъ успѣхамъ исправлено было множество погрѣшностей, пользовавшихся до того въ наукѣ правомъ гражданства. Вмѣстѣ съ тѣмъ положена была прочная основа для послѣдующихъ астрономическихъ и географическихъ работъ. Относительно непосредственно интересующаго насъ вопроса замѣтимъ, что успѣхи научныхъ знаній въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія существенно измѣнили картографію и обезпечили мореплавателю возможность несравненно болѣе точнаго управленія кораблемъ.

Наблюденія надъ затменіями спутниковъ Юпитера производились Галилеемъ уже съ 1610 года, но вслѣдствіе равнодушія правительства, отсутствія хорошихъ телескоповъ и, наконецъ, вслѣдствіе погрѣшностей, сдѣланныхъ учениками великаго итальянскаго астронома, это важное научное открытіе не могло въ первое время принести надлежащихъ плодовъ.

Въ 1668 году Жанъ-Доминикъ Кассини обнародовалъ свои „Таблицы спутниковъ Юпитера". Таблицы эти обратили на себя вниманіе Кольбера, который и назначилъ Кассини директоромъ парижской обсерваторіи.

Въ іюлѣ 1671 года Филиппъ Ла-Гиръ отправился для астрономическихъ наблюденій въ Ураниборгъ, на островѣ Гюэнѣ, на то самое мѣсто, гдѣ находилась передъ тѣмъ обсерваторія извѣстнаго астронома Тихо де-Браге. Воспользовавшись таблицами Кассини, онъ вычислилъ съ небывалою до тѣхъ поръ точностью разность долготъ Парижа и Ураниборга.

Въ томъ-же году французская академія наукъ послала астронома Жана Ришэ въ Кайенну для наблюденія надъ параллаксами солнца и луны, при чемъ имѣлось также въ виду опредѣлить разстоянія, въ которыхъ находятся отъ земли ближайшія къ ней планеты—Марсъ и Венера. Путешествіе Ришэ, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ, имѣло для науки весьма важныя послѣдствія, такъ какъ послужило исходной точкой для работъ, предпринятыхъ затѣмъ съ цѣлью опредѣлить истинную фигуру земли. Наблюдая за колебаніями секунднаго маятника, Ришэ нашелъ, что въ Кайеннѣ онъ дѣлаетъ за сутки 148 колебаніями менѣе, чѣмъ въ Парижѣ, и такимъ образомъ доказалъ, что притяженіе земли въ Кайеннѣ должно быть соотвѣтственно слабѣе, чѣмъ во французской столицѣ. Ньютонъ и Гюйгенсъ заключили отсюда, что

земля должна быть сплющена у полюсовъ. Между тѣмъ непосредственныя измѣренія градуса меридіана, произведенныя Пикаромъ, а также болѣе обширныя работы, выполненныя обоими Кассини (отцомъ и сыномъ), привели къ совершенно противоположному результату. Дѣйствительно, основываясь на нихъ, слѣдовало бы, повидимому, разсматривать землю какъ эллипсоидъ вращенія, удлиненный по направленію оси. Разногласіе это подало поводъ не только къ страстной полемикѣ, но также и къ весьма серьезнымъ научнымъ изысканіямъ, принесшимъ большую пользу математической и астрономической географіи.

Пикаръ, опредѣливъ съ значительной для своего времени точностью разницу въ широтѣ между Амьеномъ и Мальвуазиномъ, нашелъ, что она равняется 1°22′55″. Вмѣстѣ съ тѣмъ тщательная тріангуляція позволила ему опредѣлить, что разстояніе между параллельными кругами, проходящими черезъ эти пункты, составитъ по дугѣ меридіана 78,850 туазовъ. Французская академія наукъ рѣшила однако для большей точности измѣрить въ градусахъ все протяженіе Франціи отъ сѣвера къ югу по меридіану парижской обсерваторіи. Этотъ громадный трудъ, предпринятый въ 1679 году, продолжался съ нѣкоторыми перерывами почти 40 лѣтъ и закончился лишь въ 1720 году.

Уступая настояніямъ Кольбера, Людовикъ XIV предписалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ астрономамъ выработать точную, подробную карту Франціи. Съ 1679 по 1682 годъ состоялось нѣсколько научныхъ экспедицій, опредѣлившихъ посредствомъ астрономическихъ наблюденій долготу и широту у многихъ пунктовъ прибрежья Атлантическаго океана и Средиземнаго моря

Всѣ эти работы, равно какъ произведенныя Пикаромъ (и обоими Кассини) измѣренія дуги меридіана, а также опредѣленіе широты и долготы главнѣйшихъ французскихъ городовъ и подробная геометрическая съемка окрестностей Парижа, были еще недостаточны для составленія обстоятельной карты всей Франціи. Чтобъ получить точныя данныя для такой карты, пришлось покрыть всю Францію сѣтью треугольниковъ, связанныхъ другъ съ другомъ. Тріангуляція эта послужила основой для подробной карты французскаго королевства, извѣстной подъ именемъ „Кассиніевской“ карты.

Опредѣливъ астрономическое положеніе нѣсколькихъ точекъ, Кассини и Ла-Гиръ пришли къ тому заключенію, что Франція на

самомъ дѣлѣ менѣе обширна, чѣмъ это до тѣхъ поръ предполагалось.

„На западномъ прибрежьѣ отъ Бретани до Бискайскаго залива они урѣзали ее на нѣсколько градусовъ долготы,— говоритъ Деборо Кулей въ своей „Исторіи путешествій“. — Не довольствуясь этимъ, они отняли у нея полградуса со стороны Лангедока и въ Провансѣ. По поводу этихъ значительныхъ урѣзокъ Людовикъ XIV замѣтилъ академикамъ, представлявшимся ему по возвращеніи изъ научной экспедиціи: — Съ прискорбіемъ вижу, господа, что ваша командировка стоила мнѣ изрядной части моего королевства“.

Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что картографы, вообще говоря, не считали нужнымъ обращать особенное вниманіе на поправки, сдѣланныя астрономами. Въ половинѣ XVII вѣка Пейрескъ и Гассенди нашли, что разстояніе между Марселью и Александріей показано на картахъ Средиземнаго моря не совсѣмъ вѣрно, а именно, что ошибка въ этомъ разстояніи составляетъ цѣлыхъ „500 морскихъ миль“. Такую поправку нельзя было, повидимому, признать слишкомъ мелочной, но тѣмъ не менѣе на нее не обращали ни малѣйшаго вниманія до тѣхъ поръ, пока гидрографъ Жанъ-Матье де-Шазель, состоявшій у Кассини помощникомъ при измѣреніи дуги меридіана, не былъ отправленъ въ Малую Азію и Египетъ для точнаго описанія береговъ Средиземнаго моря.

Въ „Запискахъ“ французской академіи наукъ между прочимъ говорится: „Замѣчено было также, что на географическихъ картахъ придаютъ слишкомъ большое протяженіе европейскому, африканскому и американскому материкамъ въ ущербъ Великому или Тихому океану и прочимъ морямъ. Погрѣшности эти зачастую подавали поводъ къ весьма серьезнымъ ошибкамъ въ кораблевожденіи. Такъ, во время путешествія де-Шомона, посла Людовика XIV, къ сіамскому королю выяснилось, что судно, на которомъ онъ плылъ, прошло на самомъ дѣлѣ гораздо большее разстояніе, чѣмъ слѣдовало, по расчетамъ капитана и штурмановъ. Та же самая ошибка была замѣчена и на обратномъ пути. Идя отъ мыса Доброй Надежды къ острову Явѣ, французскіе моряки считали себя еще далеко отъ Зондскаго пролива, тогда какъ въ дѣйствительности находились уже на цѣлыхъ 60 миль далѣе къ востоку. Чтобы войти въ этотъ проливъ, пришлось повернуть корабль назадъ и потерять даромъ цѣлыхъ двое

сутокъ. Возвращаясь во Францію мимо мыса Доброй Надежды, судно прибыло къ острову Флоресъ, самому западному изъ группы Азорскихъ острововъ, когда, по корабельному счисленію, оно должно было находиться болѣе чѣмъ въ 150 миляхъ оттуда къ востоку. Затѣмъ надо было плыть еще цѣлыхъ двѣнадцать дней въ направленіи на востокъ, чтобы достигнуть береговъ Франціи.“

Какъ уже упомянуто, прежняя карта Франціи подверглась значительнымъ исправленіямъ. При этомъ выяснилось между прочимъ, что Перпиньянъ и Колліуръ лежатъ гораздо далѣе на востокъ, чѣмъ до тѣхъ поръ предполагалось. Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этихъ исправленіяхъ, достаточно взглянуть на карту Франціи, обнародованную въ первой части VII тома „Записокъ“ французской академіи наукъ. При составленіи ея приняты во вниманіе результаты астрономическихъ наблюденій, о которыхъ мы говорили, а вмѣстѣ съ тѣмъ нанесенъ и контуръ прежней карты, изданной Сансономъ въ 1679 году.

Кассини совершенно основательно заявлялъ, что тогдашнее положеніе картографіи не соотвѣтствовало состоянію научныхъ знаній. Дѣйствительно, Сансонъ заимствовалъ безъ всякихъ мудрствованій опредѣленія долготъ у Птолемея, не принимая въ расчетъ успѣховъ, которые сдѣланы были съ тѣхъ поръ въ области астрономіи. Сыновья и внуки Сансона перепечатывали его карты, внося въ нихъ только разныя дополненія и прибавленія. Прочіе картографы шли тѣмъ-же путемъ. Гильомъ Делиль первый дерзнулъ отрѣшиться отъ общепринятой традиціи и началъ составлять карты исключительно на основаніи новѣйшихъ географическихъ и астрономическихъ данныхъ. Онъ такъ ревностно принялся за этотъ трудъ, что въ теченіе всего лишь двадцати пяти лѣтъ окончилъ его для всей извѣстной тогда поверхности земного шара. Братъ его, Жозефъ-Николай, былъ преподавателемъ астрономіи въ Россіи и доставлялъ отсюда Гильому драгоцѣнные матеріалы для его картографическихъ работъ. Другой братъ, Делиль де-ла-Койеръ, осматривалъ тѣмъ временемъ берега Ледовитаго океана, опредѣляя астрономическое положеніе важнѣйшихъ пунктовъ прибрежья. Затѣмъ онъ отправился вмѣстѣ съ Берингомъ отыскивать сѣверо-восточный проходъ изъ Тихаго океана въ Атлантическій и умеръ въ Камчаткѣ.

Такимъ образомъ всѣ трое братьевъ Делилей много потрудились на пользу науки. Изъ нихъ Гильому выпала на долю за-

видная честь произвести коренной переворотъ въ картографіи.

Кулей говоритъ о заслугахъ Гильома Делиля такимъ образомъ: „Ему удалось сопоставить вмѣстѣ фактическіе результаты древнихъ и новыхъ изслѣдованій, для чего пришлось переработать громадную массу матеріаловъ. Не ограничивая свои поправки какою-нибудь одною частью земной поверхности, онъ распространилъ ихъ на весь земной шаръ и такимъ образомъ пріобрѣлъ законное право считаться какъ-бы творцомъ новой географіи. Заслуги Делиля были оцѣнены по достоинству также и Петромъ Великимъ. Проѣздомъ черезъ Парижъ, русскій государь сообщилъ французскому ученому всѣ географическія данныя, имѣвшіяся у него относительно обширнаго русскаго царства“.

Таково безпристрастное свидѣтельство писателя-иностранца о французскомъ ученомъ. Если въ настоящее время французскіе географы должны уступить пальму первенства нѣмцамъ и англичанамъ, то имъ можетъ служить утѣшеніемъ, что въ предшествовавшій періодъ первое мѣсто въ разработкѣ этой науки несомнѣнно принадлежало Франціи, которая и теперь дѣятельно стремится возвратить себѣ прежнее первенство.

Делиль успѣлъ еще дожить до той поры, когда прославился его ученикъ д'Анвилль. Если въ отношеніи обширности историко-географическихъ свѣдѣній д'Анвилль и уступалъ Адріану Валуа, онъ, однако, вполнѣ заслужилъ блестящую свою репутацію необыкновенной для того времени точностью картъ, а также художественнымъ ихъ выполненіемъ.

М. Э. Дежарденъ въ своей „Географіи римской Галліи“ говоритъ: „Удивительно, отчего придаютъ теперь такъ мало значенія трудамъ д'Анвилля какъ географа, математика и картографа-художника. Между тѣмъ заслуги его въ этомъ отношеніи стоятъ превыше всякой похвалы. Д'Анвилль первый сумѣлъ примѣнить научные методы къ составленію картъ, и это одно уже должно было бы спасти его имя отъ забвенія... Въ области историко-географическихъ изслѣдованій д'Анвилль выказалъ много здраваго смысла и замѣчательнаго топографическаго чутья, хотя и нельзя отрицать недостаточности его знакомства съ древними классиками“.

Замѣчательнѣйшимъ трудомъ д'Анвилля была его карта Италіи. Онъ впервые придалъ на этой картѣ Апеннинскому

полуострову дѣйствительное его очертаніе. На всѣхъ предшествовавшихъ картахъ Италію изображали значительно обширнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и относили длинную ея ось слишкомъ много на западъ.

Въ 1735 году Филиппъ Бюашъ, пользующійся заслуженной извѣстностью, какъ географъ, издалъ гидрографическую карту Ламанша, на которой впервые примѣнены были горизонтали къ изображенію неровностей морского дна.

Десятью годами позднѣе вышло въ свѣтъ сочиненіе д'Апре де-Манвильета „Восточный Нептунъ", въ которомъ были исправлены карты африканскаго, китайскаго и остъ-индскаго прибрежій. Къ сочиненію этому приложена инструкція для кораблевожденія, тѣмъ болѣе цѣнная для своего времени, что она была единственною въ своемъ родѣ. Д'Апре де-Манвильетъ до самой своей смерти работалъ надъ исправленіемъ и пополненіемъ своего сборника, служившаго еще до конца XVIII вѣка лучшимъ руководствомъ для офицеровъ французскаго флота.

Въ Англіи первое мѣсто между астрономами и физиками занималъ Галлей. Онъ обнародовалъ „Теорію измѣненія указаній магнитной стрѣлки" и сочиненіе „О муссонахъ". Чтобы доставить Галлею возможность провѣрить теоретическіе свои выводы на практикѣ, англійское адмиралтейство дало ему чинъ капитана корабля.

Александръ Дальримпль сдѣлалъ для англійскихъ моряковъ то же самое, что д'Апре для французскихъ. Слѣдуетъ замѣтить однако, что Дальримпль слишкомъ увлекался предвзятыми гипотезами. Такъ, между прочимъ, онъ былъ твердо убѣжденъ въ существованіи громаднаго южнаго материка. Преемникомъ его былъ Горсбергъ, имя котораго останется навсегда дорого мореплавателямъ.

Мы считаемъ теперь долгомъ упомянуть о двухъ весьма важныхъ научныхъ экспедиціяхъ, долженствовавшихъ положить конецъ страстнымъ пререканіямъ объ истинной фигурѣ обитаемой нами планеты. Французская академія наукъ отправила Годена, Буге и Ла-Кондамина въ Америку, чтобы измѣрить тамъ подъ экваторомъ дугу меридіана. Одновременно съ этимъ послана была въ полярныя страны подобная же экспедиція подъ начальствомъ Мопертюи.

„Если земля сплющена у полюсовъ не болѣе того, какъ это предполагаетъ Гюйгенсъ, — говорилъ Мопертюи, — то разница

между средней длиной градуса меридіана во Франціи и близъ экватора будетъ настолько незначительна, что ее можно будетъ приписать погрѣшностямъ инструментовъ и ошибкамъ, неизбѣжнымъ при наблюденіяхъ. Между тѣмъ, исходя даже изъ гипотезы Гюйгенса, должна получиться замѣтная разница между градусами меридіана въ экваторіальныхъ и полярныхъ странахъ. Разница эта будетъ достаточно велика для того, чтобы выйти изъ предѣловъ наибольшихъ возможныхъ погрѣшностей".

Эти соображенія приводили во всякомъ случаѣ къ совершенно опредѣленной постановкѣ вопроса. Разрѣшеніе его путемъ непосредственнаго измѣренія дуги меридіана какъ между Торнео и Киттисомъ въ полярныхъ странахъ, такъ и въ окрестностяхъ Квито, въ экваторіальной Америкѣ, доказало справедливость предположенія Гюйгенса и Ньютона.

Полярная экспедиція, въ составъ которой, кромѣ Мопертюи, вошли академики: Клеро, Камю и Лемоннье, аббатъ Утье, секретарь Сомре, рисовальщикъ Гербело и шведскій астрономъ Цельсій, вышла на особо снаряженномъ для нея кораблѣ изъ Дюнкирхена и благополучно прибыла въ Стокгольмъ.

Принимая членовъ этой научной экспедиціи, шведскій король сказалъ: „Не разъ случалось мнѣ бывать въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, но предпринимаемое вами путешествіе я считаю гораздо опаснѣе самаго страшнаго изъ нихъ".

Дѣйствительно, такое путешествіе не могло ни въ какомъ случаѣ назваться увеселительной прогулкой. Почтеннымъ ученымъ пришлось преодолѣть серьезныя трудности, подвергаться жестокой стужѣ и претерпѣвать всевозможныя лишенія. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что выпавшія имъ на долю испытанія были все-таки ничтожны сравнительно съ тяжкими испытаніями, перенесенными мореплавателями Россомъ, Парри, Галлемъ, Пейеромъ и многими другими изслѣдователями полярныхъ морей.

Дамиронъ въ своемъ „Похвальномъ словѣ Мопертюи" говоритъ: „Въ городѣ Торнео, лежащемъ на сѣверной окраинѣ Ботническаго залива, почти подъ полярнымъ кругомъ, дома были совершенно занесены снѣгомъ; на улицѣ стояла такая стужа, что больно было дышать. О степени мороза можно было судить по треску, издаваемому бревнами, которыя раскалывались отъ мороза (надо замѣтить, что всѣ дома въ Торнео деревянные). Улицы

Мопертюи. (Fac-simile съ древней гравюры).

были такъ безлюдны, какъ будто все населеніе города вымерло. Чуть не на каждомъ шагу, однако, встрѣчались безрукіе или же безногіе калѣки, ставшіе таковыми вслѣдствіе ужасающаго холода, а между тѣмъ городъ Торнео былъ для путешественниковъ лишь точкой отправленія".

Въ настоящее время, когда климатическія условія Лапландіи обстоятельно изслѣдованы, когда извѣстно, чтó такое суровость

арктическаго климата, можно составить себѣ болѣе правильное понятіе о степени трудностей, которыя надлежало на самомъ дѣлѣ преодолѣть академику Мопертюи и его ученымъ товарищамъ.

Они приступили къ работамъ въ іюлѣ 1736 года. Къ сѣверу отъ Торнео французскимъ ученымъ пришлось въ необитаемой мѣстности производить топографическую съемку, взбираться самимъ на горы и устанавливать тамъ вѣхи, образовавшія вершины непрерывной цѣпи треугольниковъ. Чтобы по возможности уменьшить вѣроятную погрѣшность, смѣлые ученые раздѣлились на два отряда, каждый изъ которыхъ долженъ былъ самостоятельно опредѣлить дугу меридіана между параллельными кругами, проходящими чрезъ Торнео и Киттисомъ. Послѣ тяжкихъ трудовъ и многоразличныхъ приключеній, повѣствованіе о которыхъ можно прочесть въ „Запискахъ“ французской академіи наукъ за 1737-й годъ, они нашли эту дугу равной 55,023$^1/_2$ туазамъ. Такимъ образомъ оказалось, что градусъ меридіана подъ полярнымъ кругомъ почти на цѣлую тысячу туазовъ длиннѣе, чѣмъ предполагалъ Кассини, и превышаетъ на 377 туазовъ величину, опредѣленную Пикаромъ для такой дуги подъ 47° широты. Отсюда необходимо слѣдовало заключить, что земля значительно сплюснута у полюсовъ. Оба Кассини, отецъ и сынъ, долго не хотѣли согласиться съ правильностью этого вывода.

Вольтеръ, поздравляя Мопертюи съ возвращеніемъ изъ полярной экспедиціи, не могъ удержаться отъ того, чтобы не подпустить ему шпильку. Мы ограничимся лишь слѣдующими выдержками:

О, физики посолъ и новый аргонавтъ,
Вернувшійся изъ странъ, подвластныхъ тремъ коронамъ,
Въ сохранности чрезъ горы и моря
Привезшій къ намъ сюда благополучно
Свой землемѣрный инструментъ и двухъ лапландокъ,
Ты подтвердилъ, свершивъ свой скучный путь,
То, что ужъ зналъ Ньютонъ, не выходя изъ дому *).

Лапландки, о которыхъ упоминаетъ Вольтеръ, были родныя

---

*) Courrier de la physique, argonaute nouveau,
Qui, franchissant les monts, qui, traversant les eaux,
Ramenez des climats soumis aux trois couronnes,
Vos perches, vos secteurs et surtout deux Laponnes,
Vous avez confirmé, dans ces lieux pleins d'ennui,
Ce que Newton connut sans sortir de chez lui.

сестры, одна изъ которыхъ сумѣла увлечь почтеннаго ученаго. Вольтеръ, упомянувъ объ этомъ увлеченіи, утверждалъ, что эта „вполнѣ естественная" погрѣшность была единственною, сдѣланною въ теченіе всей экспедиціи въ полярныя страны *).

М. А. Мори въ своей „Исторіи академіи наукъ" указываетъ, однако, что, „несмотря на совершенство инструментовъ и методовъ, употреблявшихся во время экспедиціи Мопертюи для опредѣленія длины градуса меридіана, окончательные ея результаты дали для сжатія земли у полюсовъ величину значительно бо́льшую, чѣмъ въ дѣйствительности. Въ слѣдующемъ столѣтіи погрѣшность эта была исправлена шведскимъ астрономомъ Свангергомъ".

Тѣмъ временемъ научная экспедиція, отправленная въ Перу французской академіей, занималась съ своей стороны тоже измѣреніемъ дуги меридіана. Экспедиція эта состояла изъ академиковъ: Ла-Кондамина, Бугэ и Годена, къ которымъ присоединились: деканъ медицинскаго факультета, извѣстный ботаникъ Жозефъ де-Жюссьё, врачъ Сеньергъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ и рисовальщикъ. Она отплыла изъ Ла-Рошели 16-го мая 1635 года. Посѣтивъ островъ Санъ-Доминго и произведя тамъ нѣкоторыя астрономическія наблюденія, французскіе ученые побывали въ Картагенѣ, Пуэрто-Белло, перешли черезъ Панамскій перешеекъ, сѣли опять на корабль и 9-го марта 1736 года прибыли, наконецъ, въ приморскій городъ Манту, находящійся въ Перуанскихъ предѣлахъ.

Бугэ и Ла-Кондаминъ, отдѣлившись тамъ отъ своихъ товарищей, занялись сперва сообща наблюденіемъ надъ маятникомъ, а затѣмъ порѣшили отправиться въ Квито, каждый своею дорогой.

Ла-Кондаминъ слѣдовалъ вдоль берега до Изумрудной рѣки (Rio de las Esmeraldas) и нанесъ всю пройденную имъ мѣстность на карту.

Бугэ избралъ болѣе южное направленіе (къ Гваяквилю). Пробравшись сквозь болотистые лѣса, онъ достигъ Караколя, у подножія Кордильеровъ. Бугэ употребилъ цѣлую недѣлю на пере-

---

*) Cette erreur est trop ordinaire,
Et c'est la seule que l'on fit
En allant au cercle polaire.

ходъ черезъ эти горы по той-же дорогѣ, по которой шелъ нѣкогда отрядъ Альварадо, потерявшій при этомъ случаѣ 70 человѣкъ, въ томъ числѣ и трехъ первыхъ испанокъ, рѣшившихся проникнуть въ Перу. Французскій академикъ былъ счастливѣе этихъ дамъ и благополучно прибылъ 10-го іюня въ Квито. Городъ этотъ имѣлъ тогда населеніе въ 30—40 тысячъ жителей, епископа, предсѣдательствовавшаго въ областномъ совѣтѣ или въ такъ называемой аудіенціи, множество монастырей и два училища. Жизнь тамъ была довольно дешева, хотя всѣ заграничные товары продавались по необычайно высокой цѣнѣ; такъ, напримѣръ, простой стеклянный стаканъ стоилъ отъ 18 до 20 франковъ.

Французскіе ученые взбирались на огнедышащую гору Пичинху, сосѣдство которой не разъ уже причиняло большія непріятности перуанской столицѣ. Впрочемъ, они не замедлили вскорѣ убѣдиться въ неумѣстности помѣщать на такой значительной высотѣ вѣхи, долженствовавшія служить вершинами треугольниковъ. Оказалось гораздо удобнѣе ставить ихъ на холмахъ.

Въ мемуарѣ, прочитанномъ въ засѣданіи французской академіи наукъ, Бугэ упоминаетъ о необычайномъ явленіи, которое, по его словамъ, „такъ же старо, какъ міръ, но до сихъ поръ вѣроятно никѣмъ еще не было замѣчено“. Между тѣмъ явленіе это можно наблюдать почти каждый день на вершинахъ нѣкоторыхъ горъ. „Мы замѣтили его впервые,—говоритъ Бугэ,—взбираясь на гору Памбамарку. Окутавшее насъ облако было отнесено вѣтромъ въ сторону и, когда оно удалилось шаговъ на тридцать, каждый изъ насъ увидѣлъ, при яркомъ свѣтѣ восходящаго солнца, на этомъ облакѣ собственную свою тѣнь, на которой можно было легко различить руки, ноги, голову. Насъ особенно удивило то обстоятельство, что голова на тѣни была украшена ореоломъ изъ трехъ или четырехъ маленькихъ концентрическихъ радужныхъ вѣнцовъ очень яркаго цвѣта, обращенныхъ красной полосой наружу; вѣнцы эти находились въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, при чемъ послѣдній изъ нихъ былъ блѣднѣе прочихъ. Наконецъ вся тѣнь была окружена громаднымъ бѣлымъ вѣнцомъ. Такимъ образомъ каждый изъ насъ присутствовалъ какъ бы при собственномъ своемъ апоѳеозѣ“.

Геодезическіе инструменты, которыми была снабжена экспе-

диція, не обладали такою точностью, какою отличаются нынѣшніе теодолиты. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ могли вкрасться погрѣшности и отъ измѣненія температуры. Чтобы по возможности избѣжать накопленія погрѣшностей, Бугэ и его товарищи всегда измѣряли всѣ три угла треугольника и никогда не позволяли себѣ вычислять третій уголъ по двумъ первымъ.

Вычисливъ въ туазахъ пройденное ими разстояніе, надо еще было опредѣлить, сколькимъ градусамъ, минутамъ и секундамъ соотвѣтствуетъ оно по дугѣ меридіана. Вопросъ этотъ можно было разрѣшить лишь путемъ тщательныхъ астрономическихъ наблюденій.

Преодолѣвъ значительныя разнородныя трудности, о которыхъ здѣсь распространяться не мѣсто, и замѣтивъ между прочимъ, что притяженіе сосѣднихъ горъ уклоняетъ отвѣсъ отъ вертикальнаго направленія,—французскіе ученые, участвовавшіе въ Перуанской экспедиціи, пришли къ результатамъ, подтверждавшимъ выводы Мопертюи. Они вернулись во Францію не одновременно. Жюссье пробылъ еще нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, занимаясь тамъ естественно-историческими изысканіями. Ла-Кондаминъ рѣшился избрать, для возвращенія въ Европу, путь внизъ по теченію рѣки Амазонки. Мы еще будемъ имѣть случай упомянуть объ этомъ замѣчательномъ путешествіи.

II.

Каперство въ XVIII столѣтіи.

Путешествіе Вуда-Роджерса.—Приключенія Александра Селькирка.—Острова Галапагосъ.—Пуэрто-Сегуро.—Возвращеніе въ Англію.—Экспедиція Джорджа Ансона.—Земля Генеральныхъ Штатовъ.—Островъ Хуанъ-Фернандесъ.—Тиніанъ. —Макао.—Взятіе галіона.—Кантонская рѣка.—Результаты крейсерства.

ВОЙНА за испанское наслѣдство была въ самомъ разгарѣ. Бристольскіе арматоры рѣшились снарядить нѣсколько крейсеровъ, чтобы преслѣдовать испанскія суда въ Тихомъ океанѣ и опустошать прибрежье испанскихъ колоній въ Южной Америкѣ. Выбранные для этой экспедиціи корабли, „Герцогъ“ и „Герцогиня“, были ввѣрены опытнымъ морякамъ—капитанамъ Роджерсу и Куртнею, лично наблюдавшимъ за снаряженіемъ и снабженіемъ этихъ судовъ всѣмъ необходимымъ для

столь продолжительнаго плаванія. Знаменитый Дампьеръ, который пріобрѣлъ себѣ такую извѣстность смѣлыми набѣгами и морскими разбоями, не отказался принять участіе въ этой экспедиціи въ качествѣ старшаго штурмана.

Крейсерство „Герцога“ и „Герцогини“ обогатило не столько науку, сколько предпринявшихъ его арматоровъ, но тѣмъ не менѣе представляетъ извѣстный интересъ также и съ чисто географической точки зрѣнія.

„Герцогъ“ и „Герцогиня“ отплыли изъ Бристоля 2-го августа 1708 года. На обоихъ судахъ во все время плаванія рѣшено было держать корабельный журналъ въ распоряженіи экипажа. Этимъ путемъ разсчитывали достигнуть исправленія даже самыхъ мелочныхъ погрѣшностей и ошибокъ, которыя могли бы случайно вкрасться въ журналѣ.

До 22 декабря ничего особенно интереснаго не случилось; но въ этотъ день были усмотрѣны Фалкландскіе острова, которые посѣщались тогда лишь немногими мореплавателями. Роджерсъ не приставалъ къ этимъ островамъ и говоритъ только, что берега ихъ не такъ высоки, какъ Портландское прибрежье, хотя и напоминаютъ его вообще своимъ характеромъ.

„Холмы на этихъ островахъ покрыты, сколько можно судить, плодородной почвой,—прибавляетъ онъ,—склоны ихъ весьма отлоги и одѣты лѣсомъ. У береговъ немало удобныхъ портовъ“.

Въ дѣйствительности же на Фалкландскихъ островахъ нѣтъ ни одного дерева, а удобныхъ портовъ тамъ, какъ извѣстно, очень немного. Отсюда можно уже заключить о степени достовѣрности указаній, сообщаемыхъ Роджерсомъ. Нельзя порицать послѣдующихъ мореплавателей, если они отнеслись къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

Миновавъ Фалкландскій архипелагъ, оба корабля направились прямо къ югу и достигли 60° 58′ южной широты. Несмотря на лѣтнее время, было очень холодно, погода стояла очень бурная, и „Герцогиня“ потерпѣла кое-какія аваріи. Офицеры обоихъ судовъ, созванные на военный совѣтъ, рѣшили, что незачѣмъ идти далѣе къ югу и пора взять курсъ снова на западъ. 15-го января 1709 года выяснилось, что суда обогнули уже мысъ Горнъ и вступили въ Тихій океанъ. Въ то время положеніе острова Хуанъ-Фернандеса не было еще съ точностью опредѣлено и показывалось на разныхъ картахъ различно. Вудъ Род-

жерсъ хотѣлъ пристать къ этому острову, чтобы запастись водой и свѣжей говядиной, но отыскалъ его лишь случайно.

1-го февраля, будучи въ виду этого острова, онъ послалъ шлюпку, чтобъ отыскать удобное мѣсто для якорной стоянки. Пока ожидали возвращенія шлюпки, замѣтили вдругъ на берегу большой огонь. Что бы это могло значить? Ужъ не пристали ли тутъ испанскія или французскія суда? Полагая, что воду и свѣжую провизію придется, пожалуй, брать съ бою, Роджерсъ отдалъ на всякій случай приказъ приготовиться къ сраженію. На разсвѣтѣ выяснилось, что никакихъ кораблей по сосѣдству нѣтъ. Всѣ недоумѣвали, куда собственно могъ дѣться воображаемый непріятель, когда возвращеніе шлюпки разсѣяло всѣ недоумѣнія. Она привезла съ собою человѣка, одѣтаго въ козьи шкуры, но казавшагося совершеннымъ дикаремъ.

На самомъ дѣлѣ это былъ шотландскій морякъ Александръ Селькиркъ, который, поссорившись съ своимъ капитаномъ, былъ $4^1/_2$ года тому назадъ покинутъ на этомъ пустынномъ островѣ. Онъ именно и зажигалъ огонь, такъ встревожившій капитана Роджерса.

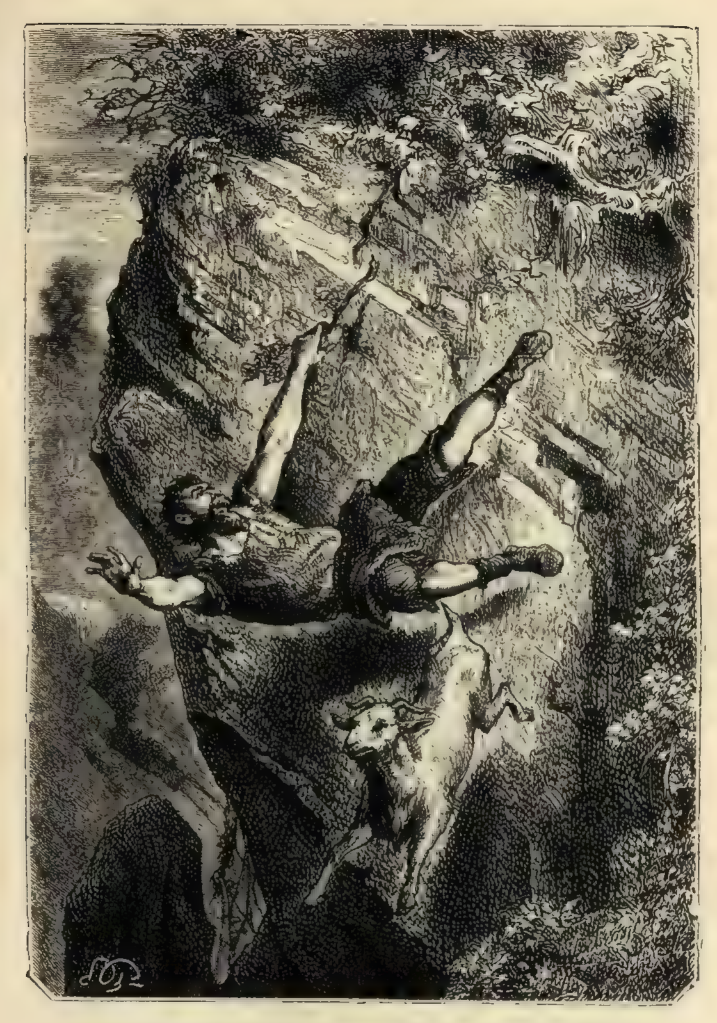
За время своего пребыванія на Хуанъ-Фернандесѣ Селькиркъ видѣлъ много судовъ, проходившихъ мимо этого острова, но къ берегу приставали всего лишь два испанскихъ корабля. Матросы ихъ, увидѣвъ Селькирка, стрѣляли по немъ. Селькирку удалось спастись отъ нихъ лишь благодаря проворству, съ какимъ онъ убѣжалъ въ лѣсъ и скрылся на деревѣ, гдѣ его, къ счастью, не замѣтили.

Впослѣдствіи выяснилось, что Селькиркъ былъ, по распоряженію своего капитана, высаженъ на берегъ острова Хуанъ-Фернандеса со всѣмъ принадлежавшимъ ему имуществомъ. Кромѣ сундука съ бѣльемъ и платьемъ, ему оставили также койку, ружье, фунтъ пороху, десятка два пуль, нѣкоторое количество табаку, котелъ, ножъ, топоръ, библію, молитвенникъ, нѣсколько другихъ книгъ духовнаго содержанія и т. п. Бѣдняга старался устроиться на островѣ возможно лучше, но въ первые мѣсяцы сильно страдалъ отъ безотчетной тоски, которую внушало ему страшное одиночество. Онъ выстроилъ двѣ хижины, въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, изъ миртоваго дерева, въ изобиліи росшаго на островѣ. Хижины эти были покрыты тростникомъ и обшиты изнутри шкурами козъ, которыхъ онъ билъ изъ ружья,

пока у него имѣлся порохъ. Этимъ же порохомъ пользовался Селькиркъ въ первое время и для добыванія себѣ огня. Въ послѣднее время, когда порохъ былъ уже на исходѣ, Селькиркъ сталъ добывать себѣ огонь треніемъ двухъ кусковъ перцоваго дерева одинъ о другой... Когда, наконецъ, порохъ весь вышелъ, Селькирку пришлось ловить козъ на-бѣгу. Постоянное упражненіе развило въ немъ такое проворство, что онъ бѣгалъ по лѣсамъ, скаламъ и холмамъ съ невѣроятною быстротой. „Мы имѣли случай въ этомъ убѣдиться, — говоритъ Роджерсъ, — взявши его съ собой на охоту. Онъ оставлялъ далеко позади за собою не только самыхъ проворныхъ матросовъ, но даже и превосходную охотничью собаку, бывшую у насъ на кораблѣ. Селькиркъ, повидимому, безъ особеннаго труда настигалъ козъ и, поймавъ, приносилъ ихъ къ намъ на спинѣ. Онъ разсказывалъ, что однажды, гоняясь за козой, догналъ ее въ кустарникѣ на самой окраинѣ пропасти и, не будучи въ состояніи остановиться, скатился туда вмѣстѣ съ своею добычей. Бѣдняга ушибся при этомъ такъ сильно, что лишился сознанія. Что касается козы, то она убилась наповалъ. Селькиркъ, пролежавъ цѣлыя сутки на днѣ пропасти, съ трудомъ лишь дотащился потомъ до своей хижины, находившейся оттуда въ разстояніи всего лишь какой-нибудь мили. Тамъ онъ слегъ въ постель и сталъ немного поправляться лишь дней черезъ десять.

Приправой къ кушаньямъ служили этому пустыннику овощи, посѣянныя на берегу экипажами судовъ, пристававшихъ передъ тѣмъ къ острову. Кромѣ того онъ нашелъ тамъ пальмовую капусту и перецъ. Когда его башмаки и платье износились, Селькиркъ сшилъ себѣ одежду и обувь изъ козьихъ шкуръ, употребляя вмѣсто иглы или, лучше сказать, шила заостренный гвоздь. Когда ножъ у него истерся до самаго черенка, онъ сдѣлалъ себѣ новый изъ желѣзныхъ обручей, найденныхъ на берегу. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, которыя Селькиркъ провелъ пустынникомъ на островѣ, онъ до того разучился говорить, что его съ трудомъ понимали. Роджерсъ взялъ Селькирка съ собой на корабль и далъ ему мѣсто боцмана.

У этого пустынника были на Хуанъ-Фернандесѣ уже предшественники. Такъ Дампьеръ въ 1684 году принялъ оттуда къ себѣ на корабль злополучнаго индѣйца Москито, оставленнаго тамъ однимъ испанскимъ судномъ еще съ 1681 года. Въ раз-



Селькиркъ скатился внизъ съ своей добычей.

сказѣ о похожденіяхъ Шарпа и другихъ флибустьеровъ говорится, что одно изъ ихъ судовъ потерпѣло крушеніе близъ этого острова, при чемъ весь экипажъ погибъ за исключеніемъ одного человѣка, который прожилъ на островѣ цѣлыхъ пять лѣтъ, пока не пристало къ берегу другое судно, согласившееся взять его съ собой. Приключенія Селькирка были недавно описаны Сэнтиномъ въ романѣ, озаглавленномъ „Въ одиночествѣ“.

Англійскіе каперы покинули 14-го февраля свою стоянку у береговъ Хуанъ-Фернандеса и стали производить набѣги на испанскія колоніи. Овладѣвъ городомъ Гваяквилемъ, Роджерсъ взялъ съ него большую контрибуцію и захватилъ нѣсколько судовъ, доставившихъ ему, однако, болѣе плѣнныхъ, чѣмъ денегъ.

Эта часть его путешествія насъ не особенно интересуетъ. Упомянемъ лишь, что на островѣ Горгоны Роджерсъ нашелъ обезьяну, которую, вслѣдствіе крайней медлительности въ движеніяхъ, называютъ „лѣнивцемъ". На Тэкамесѣ туземцы, имѣвшіе у себя ружья и отравленныя стрѣлы, успѣшно отразили нападеніе англичанъ и заставили ихъ отступить съ большимъ урономъ. Архипелагъ Галапагосъ, лежащій подъ 2° сѣв. шир., состоитъ, по словамъ Роджерса, изъ полусотни острововъ, ни на одномъ изъ которыхъ онъ не могъ найти прѣсной воды. Тамъ въ изобиліи водятся, однако, горлицы, а также сухопутныя и морскія черепахи громадныхъ размѣровъ, отъ которыхъ и самые острова названы Галапагосъ, т.-е. „Черепашьими". Кромѣ черепахъ Роджерсъ встрѣтилъ на этихъ островахъ ужасно свирѣпыхъ тюленей, которыхъ называетъ „морскими псами". Одинъ изъ этихъ тюленей имѣлъ даже дерзость напасть на самого храбраго капитана.

„Я былъ на берегу,—разсказываетъ Роджерсъ,—когда вдругъ изъ воды выскочилъ пребольшущій морской песъ. Разинувъ пасть, онъ устремился прямо на меня съ бѣшенствомъ и проворствомъ злющей собаки, сорвавшейся съ цѣпи. Звѣрь этотъ трижды на меня бросался, но я всякій разъ встрѣчалъ его ударомъ пики въ грудь. Получивъ три страшныхъ раны, онъ наконецъ оставилъ меня въ покоѣ, но долго еще злобно смотрѣлъ въ мою сторону, ворча и скаля зубы. За сутки передъ тѣмъ подобный же звѣрь чуть было не растерзалъ одного изъ моихъ матросовъ".

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года Роджерсъ, овладѣвъ манильскимъ галіономъ, укрылся въ Пуэрто-Сегуро на берегахъ Калифорніи. Во время стоянки Роджерсъ посылалъ на рекогносцировку вглубь страны небольшіе отряды. Они видѣли тамъ величественныя деревья, но земля нигдѣ не была обработана, хотя дымки, подымавшіеся во многихъ мѣстахъ, указывали, что страна эта населена.

Аббатъ Прево въ своей „Исторіи путешествій" говоритъ: „Калифорнійцы высокаго роста и крѣпкаго сложенія, но кожа у нихъ гораздо чернѣе, чѣмъ у всѣхъ индѣйцевъ, видѣнныхъ мною

«Я встрѣчалъ его ударомъ пики въ грудь».

на берегахъ Тихаго океана. Длинные, черные и прямые волосы ниспадаютъ у нихъ до самыхъ бедеръ. Мужчины ходятъ совершенно нагіе, женщины же прикрываютъ свою наготу листьями или же лоскутьями ткани, изготовленной изъ особой травы, или же наконецъ звѣриными и птичьими шкурами... Нѣкоторые изъ туземцевъ носятъ ожерелья изъ палочекъ и раковинъ; у другихъ были на шеѣ бусы изъ красныхъ ягодъ и жемчужинъ, которыя

они не умѣютъ просверливать, а надрѣзаютъ кругомъ и привязываютъ одну къ другой нитками. Эти самодѣльныя бусы нравились, однако, туземцамъ гораздо больше англійскихъ стеклянныхъ бусъ. Ножи, топоры и т. п. орудія, пригодныя для работы, пришлись имъ, однако, очень по вкусу".

„Герцогъ" и „Герцогиня" вышли изъ Пуэрто-Сегуро 12-го января 1710 года и два мѣсяца спустя прибыли къ острову Гуаму (одному изъ Маріанскихъ острововъ). Запасшись свѣжей провизіей, они черезъ Бутанскій и Салейерскій проливы достигли Батавіи. Послѣ обычной остановки тамъ и въ Капштадтѣ, Роджерсъ вернулся 1-го октября 1710 года обратно въ Англію. Не сообщая въ подробности списка награбленнымъ имъ сокровищамъ, Роджерсъ упоминаетъ только, что сдалъ своимъ арматорамъ громадное количество золота и серебра въ монетѣ, слиткахъ и посудѣ, а также множество жемчуга и драгоцѣнныхъ камней.

Путешествіе адмирала Ансона, о которомъ мы должны теперь вкратцѣ упомянуть, принадлежитъ также еще къ числу каперскихъ экспедицій, но оно заканчиваетъ собою рядъ этихъ экспедицій, которыя, не разоряя въ конецъ побѣжденныхъ, покрывали позоромъ побѣдителей. Оно хотя и не обогатило географію никакими новыми открытіями, но описаніе его, составленное, по свѣдѣніямъ Николя, Бенжаминомъ Робинсомъ, а не капелланомъ экспедиціи — Ричардомъ Вальтеромъ (имя котораго стоитъ на заглавномъ листѣ), содержитъ много интересныхъ наблюденій и замѣтокъ о мало извѣстныхъ въ то время странахъ.

Джорджъ Ансонъ родился въ Стафордширѣ въ 1697 году. Онъ, такъ сказать, выросъ на морѣ и былъ съ малолѣтства морякомъ. Ансонъ пользовался уже репутаціей искуснаго и счастливаго капитана, когда, въ 1739 году, ему поручено было командованіе эскадрой, состоявшей изъ шестидесятипушечнаго корабля „Центуріонъ", двухъ пятидесятипушечныхъ фрегатовъ „Глочестеръ" и „Северъ", сорокапушечнаго фрегата „Перль", двадцативосьмипушечнаго корвета „Уоджеръ", шлюпа „Тріаль" и двухъ транспортовъ, нагруженныхъ продовольствіемъ и боевыми припасами. Кромѣ 1,460 человѣкъ экипажа, на этой эскадрѣ находился еще дессантный отрядъ изъ 470 человѣкъ морскихъ солдатъ.

Отплывъ изъ Англіи 18-го сентября 1740 года, эскадра Ансона

приставала къ островамъ: Мадерѣ, св. Екатерины (близъ береговъ Бразиліи), заходила въ бухту св. Юліана и наконецъ вступила въ проливъ Лемера.

„Какъ ни ужасна Огненная Земля, — разсказывается въ описаніи этого путешествія, — видъ Земли Генеральныхъ Штатовъ является еще ужаснѣе. Она представляетъ собою рядъ зіяющихъ пропастей, неприступныхъ скалъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Воображеніе не въ силахъ представить себѣ ничего печальнѣе и мрачнѣе этого далекаго прибрежья".

Едва лишь послѣднія суда эскадры успѣли вытянуться изъ пролива, какъ на нихъ налетѣли такіе жестокіе шквалы, которыхъ никогда не видывали даже и самые опытные моряки. Въ теченіе цѣлыхъ семи недѣль погода стояла чрезвычайно бурная. Всѣ суда потерпѣли болѣе или менѣе значительныя аваріи. Множество матросовъ погибло частью въ волнахъ, частью же вслѣдствіе болѣзни, развившейся на корабляхъ отъ постоянной сырости и нездоровой пищи.

Фрегаты „Северъ" и „Перль" пошли ко дну, а четыре другихъ судна были потеряны изъ виду. Сборнымъ пунктомъ для эскадры назначена была Вальдивія, но Ансонъ не могъ тамъ остановиться, такъ какъ его отнесло бурей значительно далѣе на западъ. Наконецъ, 9-го іюня, ему удалось бросить якорь у острова Хуанъ-Фернандеса. Остановка эта была для „Центуріона" положительно необходимой: на кораблѣ этомъ не было уже болѣе прѣсной воды, 80 человѣкъ изъ его экипажа погибли, а остальные такъ ослабѣли отъ цынги, что съ трудомъ лишь можно было составить изъ нихъ двѣ вахты по 10 человѣкъ въ каждой. Вскорѣ пришли туда-же еще три судна, находившіяся въ столь-же плачевномъ состояніи.

Надо было прежде всего дать отдыхъ выбившимся изъ силъ экипажамъ и сколько-нибудь починить пострадавшія отъ бури суда. Ансонъ высадилъ всѣхъ больныхъ на берегъ и помѣстилъ ихъ въ шалашахъ, устроенныхъ на скорую руку. Затѣмъ съ нѣсколькими изъ здоровыхъ матросовъ онъ осмотрѣлъ весь островъ и составилъ подробную карту его прибрежья. Лучшей якорной стоянкой на Хуанъ-Фернандесѣ Ансонъ признаетъ Кумберландскую бухту. Весь островъ Хуанъ-Фернандесъ имѣетъ всего лишь 5 миль въ длину и двѣ мили въ ширину. Юго-восточная его часть представляетъ каменистую, безлѣсную и безводную, довольно ровную

низменную мѣстность, тогда какъ сѣверная, гористая часть изобилуетъ ручьями и лѣсомъ. На островѣ растутъ въ изобиліи: кресъ, портулакъ, щавель, брюква и сицилійская рѣпа, а также трилистникъ и овесъ. Ансонъ посѣялъ тамъ большое количество моркови, латука, а также посадилъ много абрикосовыхъ, персиковыхъ и сливныхъ косточекъ. Онъ убѣдился, что козы, оставленныя буканьерами на этомъ островѣ и размножившіяся тамъ въ первое время замѣчательно быстро, успѣли за послѣднія нѣсколько лѣтъ сильно уменьшиться въ числѣ. Испанцы, чтобы отнять у своихъ враговъ возможность запасаться свѣжимъ мяснымъ продовольствіемъ, привезли на островъ цѣлую стаю собакъ, которыя гонялись за козами и пожирали ихъ въ такомъ количествѣ, что ко времени посѣщенія этого острова Ансономъ едва-ли можно было бы отыскать тамъ болѣе двухсотъ козъ.

Начальникъ эскадры, — какъ называютъ Ансона въ описаніи его путешествія, — приказалъ осмотрѣть островъ Масъ-а-Фуэро, находящійся въ двадцатипяти миляхъ отъ Хуанъ-Фернандеса. Уступая послѣднему въ величинѣ, онъ оказался богаче его лѣсомъ, прѣсной водой и козами.

Въ началѣ декабря здоровье матросовъ и офицеровъ настолько поправилось, что Ансонъ могъ уже начать набѣги на испанцевъ. Завладѣвъ нѣсколькими кораблями съ грузомъ драгоцѣнныхъ товаровъ и слитковъ золота, онъ сжегъ городъ Паиту. Испанцы оцѣнили понесенные имъ при этомъ убытки въ полтора милліона піастровъ.

Ансонъ укрылся затѣмъ съ своей эскадрой въ бухтѣ Квибо близъ Панамскаго перешейка, чтобы подстеречь галіонъ, на которомъ ежегодно пересылались въ Акапулько съ Филиппинскихъ острововъ сокровища, поступавшія въ мѣстное колоніальное казначейство. На берегахъ этой бухты англичане не встрѣтили жителей, но зато нашли нѣсколько хижинъ, возлѣ которыхъ навалены были большія груды жемчужныхъ раковинъ и прекраснаго перламутра. Въ свѣжей провизіи недостатка не было. Въ особенномъ изобиліи встрѣчались тамъ морскія черепахи вѣсомъ обыкновенно до двухсотъ фунтовъ. Ловля этихъ черепахъ производилась весьма замѣчательнымъ способомъ. Завидѣвъ на поверхности моря сонную черепаху, искусный пловецъ нырялъ въ нѣсколько саженяхъ отъ нея въ воду. Затѣмъ, вынырнувъ возлѣ черепахи, онъ хватался за ея щитъ съ задней стороны возлѣ

хвоста и тянулъ его внизъ, какъ-бы стараясь погрузить въ воду. Проснувшись, черепаха напрягала всѣ усилія, чтобъ удержаться на поверхности. Она работала лапами такъ усердно, что это ей дѣйствительно удавалось. Бѣдняжка поддерживала и себя и своего врага человѣка, пока ихъ обоихъ не забирали въ лодку.

Послѣ долгаго неудачнаго крейсерства Ансонъ рѣшился сжечь три захваченные и вооруженные имъ испанскіе корабля. Распредѣливъ ихъ экипажи и грузъ между „Центуріономъ" и „Глочестеромъ"—единственными оставшимися у него судами,—Ансонъ рѣшился 6-го мая 1742 года идти въ Китайскія воды, гдѣ надѣялся встрѣтить какой-нибудь англійскій корабль и, въ силу военно-морскихъ законовъ, взять съ него необходимыхъ для своей эскадры матросовъ и офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ансонъ имѣлъ въ виду запастись свѣжей провизіей, въ которой чувствовался у него недостатокъ. Плаваніе это, вмѣсто шестидесяти дней, какъ сперва разсчитывалъ Ансонъ, продолжалось цѣлыхъ четыре мѣсяца. Вслѣдствіе сильной бури на „Глочестерѣ" открылась течь, съ которою не могъ справиться оставшійся на немъ малочисленный экипажъ. Корабль этотъ пришлось сжечь. Деньги, драгоцѣнные металлы и съѣстные припасы были перегружены на „Центуріонъ" — послѣдній представитель многочисленной, прекрасно снаряженной эскадры, отплывшей лишь два года тому назадъ отъ береговъ Англіи.

Отнесенный вѣтрами и теченіями далеко къ сѣверу отъ надлежащаго пути, Ансонъ 26-го августа увидѣлъ острова Атанаканъ и Сериганъ, а на слѣдующій день — острова Сейпанъ, Тиніанъ и Аньганъ, принадлежащіе къ Маріанскому архипелагу. Захвативъ небольшой испанскій баркасъ, Ансонъ узналъ отъ бывшаго на баркасѣ сержанта, что островъ Тиніанъ необитаемъ и что тамъ имѣются въ изобиліи рогатый скотъ, домашняя птица и превосходные фрукты: апельсины, лимоны, кокосы, плоды хлѣбнаго дерева и проч. Мѣсто это было отличной стоянкой для „Центуріона", весь экипажъ котораго состоялъ уже лишь изъ 71 человѣка, изнуренныхъ лишеніями и болѣзнями. Они одни только и остались въ живыхъ изъ 2,000 матросовъ, находившихся на эскадрѣ передъ ея отплытіемъ.

„Почва на островѣ Тиніанѣ,—разсказывается въ описаніи путешествія,—сухая и нѣсколько песчаная, вслѣдствіе чего трава на лугахъ и въ лѣсахъ тамъ нѣжнѣе и ровнѣе, чѣмъ это обы-

кновенно бываетъ въ жаркомъ климатѣ. Мѣстность постепенно возвышается отъ устья рѣчки, гдѣ мы запасались прѣсной водой, къ срединѣ острова. Направляясь къ вершинѣ этой возвышенности, надо пройти черезъ нѣсколько полянъ, покрытыхъ мелкимъ трилистникомъ, испещреннымъ множествомъ прелестныхъ цвѣтовъ и окаймленныхъ роскошными лѣсами, состоящими преимущественно изъ фруктовыхъ деревьевъ, отягченныхъ вкусными плодами. Животныя, являющіяся въ продолженіе большей части года единственными хозяевами этого прелестнаго уголка, гармонируютъ съ общей картиной и въ значительной степени усиливаютъ производимое ею волшебное впечатлѣніе. Тамъ встрѣчаются иногда стада, болѣе чѣмъ въ тысячу головъ, крупнаго рогатаго скота, пасущагося вмѣстѣ на громадномъ лугу. Зрѣлище это тѣмъ разительнѣе, что они всѣ чистой молочно-бѣлой масти за исключеніемъ ушей, которыя въ большинствѣ случаевъ черныя. Островъ этотъ совершенно безлюденъ, но обиліе домашняго скота, который цѣлыми стадами бродитъ по лѣсу, мычанье коровъ, блеянье овецъ, козъ и т. п.—невольно наводятъ на мысль о томъ, что гдѣ-нибудь по сосѣдству должны находиться богатыя фермы и деревни“.

Картина эта поистинѣ восхитительна. Спрашивается только, не прикрасилъ ли ее авторъ такими прелестями, которыя существовали единственно лишь въ его воображеніи? Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ продолжительнаго плаванія и столькихъ вынесенныхъ бурь тропическіе зеленѣющіе лѣса, роскошная растительность и обиліе животной жизни произвели глубокое впечатлѣніе на спутниковъ лорда Ансона. Мы вскорѣ будемъ имѣть случай провѣрить, раздѣлялся ли этотъ восторгъ также и послѣдующими мореплавателями, которымъ пришлось посѣтить островъ Тиніанъ.

Ансонъ не чувствовалъ себя, однако, совершенно спокойнымъ во время этой стоянки. Корабль его вскорѣ былъ исправленъ, но нельзя было пока выйти въ море, такъ какъ на берегу оставалось еще много выздоравливающихъ больныхъ. На кораблѣ находилось кромѣ того недостаточное число матросовъ. На днѣ бухты могли быть перетерты якорные канаты. На этотъ случай приняты были соотвѣтственныя мѣры предосторожности. Но тѣмъ не менѣе сильнымъ вѣтромъ, поднявшимся передъ новолуніемъ, заставило судно дрейфовать. Якори держались хорошо, но ка-

наты не выстояли, и „Центуріонъ“ унесло далеко въ открытое море. Въ то время была страшная гроза. Среди безпрерывныхъ раскатовъ грома и плеска проливного дождя на берегу не слышали даже подаваемыхъ съ корабля сигналовъ бѣдствія. Самъ Ансонъ, большая часть офицеровъ и матросовъ, а именно сто тридцать человѣкъ, остались на берегу повидимому безъ всякой возможности вернуться съ Тиніана обратно на родину.

Можно представить себѣ общее уныніе и отчаяніе! Ансонъ, какъ человѣкъ энергическій и находчивый, сумѣлъ, однако, ободрить своихъ спутниковъ. У нихъ оставалась еще отнятая у испанцевъ лодка. Рѣшено было удлинить ее настолько, чтобъ въ нее могли помѣститься всѣ сто тридцать англичанъ и запасъ продовольствія, достаточный для перехода въ Китай. Къ счастью, черезъ 19 дней „Центуріонъ“ вернулся на прежнюю стоянку, а 21-го октября лордъ Ансонъ окончательно простился съ Тиніаномъ и направился къ Макао, куда вскорѣ и прибылъ.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ со времени отплытія своего изъ Англіи „Центуріонъ“ въ первый разъ еще вошелъ въ портъ, принадлежавшій дружественной цивилизованной державѣ.

„Макао,—говоритъ Ансонъ, — былъ когда-то весьма богатый и многолюдный портовый городъ, способный защищаться отъ нападеній сосѣднихъ китайскихъ губернаторовъ; теперь же онъ въ значительной степени утратилъ прежнее свое величіе. Въ Макао все еще живутъ португальцы, и губернаторъ его назначается указомъ португальскаго короля, но въ дѣйствительности городъ находится въ рукахъ китайцевъ, которые могутъ блокировать его и вынудить къ сдачѣ голодомъ. Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ португальскій губернаторъ всячески старается съ ними ладить“.

Ансонъ вынужденъ былъ послать очень энергичное письмо китайскому губернатору, чтобъ заручиться дозволеніемъ купить, хотя-бы и за дорогую цѣну, необходимые для „Центуріона“ съѣстные припасы и снасти. Потомъ онъ распустилъ слухъ, что идетъ въ Батавію, и дѣйствительно отплылъ изъ Макао 19-го апрѣля 1743 года. Вмѣсто того однако, чтобъ идти къ голландскимъ владѣніямъ, онъ направился къ Филиппинскимъ островамъ и поджидалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней галіонъ, возвращавшійся изъ Акапулько съ деньгами, вырученными за проданные тамъ цѣнные товары. На галіонахъ имѣлось обыкновенно

сорокъ четыре пушки и до пятисотъ офицеровъ и матросовъ. У Ансона было всего около двухсотъ матросовъ и въ томъ числѣ до тридцати подростковъ, служившихъ юнгами. Но такое неравенство въ силахъ нисколько его не останавливало. Ожидаемая богатая добыча разжигала мужество англичанъ и являлась вѣрнымъ залогомъ побѣды.

„Почему не изготовите вы мнѣ къ обѣду барашка изъ тѣхъ, что мы купили въ Макао? Развѣ уже всѣ съѣдены?—спросилъ однажды Ансонъ своего дворецкаго".—Прошу г-на начальника эскадры меня извинить,—отвѣчалъ дворецкій,—на кораблѣ у насъ осталось еще два барашка, но я хотѣлъ приберечь ихъ для капитана испанскаго галіона, когда они пожалуютъ къ намъ въ гости.

Такимъ образомъ даже дворецкій не сомнѣвался въ успѣхѣ. Къ тому-же во время боя Ансонъ распорядился очень искусно и сумѣлъ восполнить малочисленность экипажа своего корабля ловкими маневрами. Завязалась жаркая схватка; цыновки, которыми были покрыты бортовыя сѣтки галіона, вспыхнули, и пламя поднялось до самой фокъ-мачты. Испанцы не осмѣлились боротъся съ двумя врагами и спустили флагъ послѣ двухчасового боя, въ которомъ потеряли 67 человѣкъ убитыми и 84 ранеными.

Побѣдителямъ досталась богатая добыча, состоявшая изъ 1.313,843 восьмыхъ *), 35,682 унцій серебра въ слиткахъ, большого количества кошенили и другихъ товаровъ, цѣнность которыхъ сравнительно съ захваченными деньгами была однако очень невелика. Призъ этотъ вмѣстѣ съ предшествовавшими доводилъ цифры убытковъ, причиненныхъ испанцамъ, приблизительно до 400,000 фунт. стерлинговъ, не считая сожженныхъ и истребленныхъ англійской эскадрой товаровъ, кораблей и проч., стоимость которыхъ простиралась по меньшей мѣрѣ до 600,000 фунтовъ стерлинговъ.

Ансонъ вернулся въ Макао и привелъ туда галіонъ, который продалъ тамъ гораздо ниже его стоимости, а именно всего лишь за 6,000 піастровъ. 10-го декабря онъ отплылъ оттуда въ Англію, 15-го іюня 1744 года вернулся на Спиходскій рейдъ

*) Испанская золотая монета, называемая такъ потому, что она составляетъ восьмую часть дублона. Она равняется 10 франк. 75 сант. французской монеты.

Битва «Центуріона» съ испанскимъ галіономъ.

послѣ сорокапятимѣсячнаго отсутствія. Его вступленіе въ Лондонъ было тріумфальное. При звукахъ барабановъ и трубъ и громкихъ восклицаніяхъ толпы были ввезены на тридцатидвухъ повозкахъ сокровища, отбитыя имъ у испанцевъ. Вся эта добыча была распредѣлена между Ансономъ, его офицерами и матросами, при чемъ въ королевскую казну не было ничего отчислено.

Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Англію Ансонъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Впослѣдствіи ему давались неоднократно важныя назначенія. Въ 1747 году, послѣ упорнаго боя, онъ взялъ въ плѣнъ маркиза де-Ла-Жонкьеръ-Таффанеля. Назначенный, въ награду за этотъ подвигъ, первымъ лордомъ адмиралтейства и произведенный въ полные адмиралы, онъ въ 1758 г. прикрывалъ высадку, которую англичане хотѣли сдѣлать близъ Сенъ-Мало, и умеръ въ Лондонѣ, спустя нѣсколько времени по возвращеніи изъ этой экспедиціи.

ГЛАВА II.

Предшественники капитана Кука.

I.

Роггевейнъ.—Немногое, что о немъ извѣстно.—Отсутствіе вѣрныхъ данныхъ объ его открытіяхъ.—Островъ Пасхи.—«Пагубные» острова.—Островъ Баумана.—Новая Британія.—Прибытіе въ Батавію.—Байронъ.—Стоянки въ Ріо-Жанейро и въ «Желанномъ» портѣ.—Магеллановъ проливъ.—Фалкландскіе острова и портъ Эгмонтъ.—Жители Огненной Земли.—Масъ-а-фуэро.—Острова Разочарованія.—Опасные острова.—Тиніанъ.—Возвращеніе въ Европу.

Еще въ 1669 году отецъ Роггевейна представилъ голландской Вестъ-индской компаніи докладную записку, въ которой ходатайствовалъ о снаряженіи трехъ кораблей, съ которыми обѣщалъ сдѣлать важныя и весьма выгодныя открытія въ Тихомъ океанѣ. Предложеніе это было встрѣчено сперва очень благопріятно, но затѣмъ, въ виду охлажденія, возникшаго между Испаніей и Голландіей, батавское правительство признало умѣстнымъ повременить съ осуществленіемъ этого предпріятія. Роггевейнъ, на смертномъ одрѣ, взялъ съ своего сына обѣщаніе хлопотать о выполненіи представленнаго имъ проекта.

Обстоятельства, не зависѣвшія отъ его воли, долго препятствовали Якову Роггевейну выполнить данное отцу обѣщаніе. Совершивъ нѣсколько морскихъ кампаній на судахъ, плававшихъ въ Индійскомъ океанѣ, и прослуживъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ судьей въ городѣ Батавіи, Яковъ Роггевейнъ принялся наконецъ хлопотать въ правленіи Вестъ-индской компаніи о томъ, чтобы докладной запискѣ его отца данъ былъ надлежащій ходъ. Мы не знаемъ, сколько лѣтъ было Роггевейну въ 1721 году и на

какихъ основаніяхъ ввѣрили ему начальство надъ экспедиціей, посылавшейся для географическихъ открытій. Въ большинствѣ историческихъ и біографическихъ словарей нельзя найти о Роггевейнѣ болѣе двухъ строчекъ. Тѣмъ болѣе надо быть благодарными Флерье, написавшему цѣлую монографію, въ которой онъ старался выяснить открытія, сдѣланныя голландскимъ мореплавателемъ. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ свои усилія, Флерье не могъ придти ни къ какому опредѣленному результату.

Замѣтимъ, что описаніе путешествія Якова Роггевейна составлено не имъ самимъ, а однимъ нѣмцемъ, Беренсомъ. Поэтому неясности, противорѣчія и сбивчивость, которыми изобилуетъ это описаніе, должны быть въ сущности поставлены въ вину повѣствователю, а не мореплавателю. Въ противномъ случаѣ неминуемо пришлось бы придти къ совершенно неправдоподобному заключенію, будто Роггевейнъ не былъ достаточно знакомъ съ путешествіями и открытіями его современниковъ и предшественниковъ.

21-го августа 1721 года отплыли изъ Текселя, подъ начальствомъ Роггевейна, три корабля: тридцатипушечный корабль „Орелъ“ со 111 матросами, двадцативосьмипушечный бригъ „Тинховенъ“ со 100 матросами, подъ командой капитана Якова Баумана, и четырнадцатипушечная галера „Африканка“ съ 60 матросами, подъ командой Генриха Розенталя. Плаваніе этой эскадры по Атлантическому океану не представляетъ ничего интереснаго. Посѣтивъ Ріо-де-Жанейро, Роггевейнъ принялся отыскивать землю, которая въ описаніи его путешествія названа Магделандъ Аукеса. По всѣмъ вѣроятіямъ это и есть Виргинія Гаукинса, т. е. Фалкландскій или же Малуинскій архипелагъ, если только не Южная Георгія. Острова эти были въ то время уже извѣстны, но голландцы, очевидно, имѣли очень неясное представленіе о географическомъ ихъ положеніи. Не найдя Фалкландскихъ острововъ, они принялись искать острова, названные французами архипелагомъ Св. Людовика, даже и не подозрѣвая, что это—тотъ-же Малуинскій архипелагъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что упомянутый архипелагъ назывался также островами Пепи, островами Конти и т. д., и т. д. Можно было бы безъ особеннаго труда насчитать у него цѣлую дюжину разныхъ наименованій.

Открывъ или, лучше сказать, усмотрѣвъ на одной широтѣ съ Магеллановымъ проливомъ и въ 80 миляхъ отъ американскаго

материка островъ, имѣвшій будто-бы цѣлыхъ 200 миль въ окружности и названный Южной Бельгіей,—эскадра Роггевейна прошла черезъ Лемеровъ проливъ. Затѣмъ ее отнесло теченіемъ къ югу до 62½ южной широты. Повернувъ оттуда къ сѣверу, эскадра Роггевейна дошла до береговъ Чили и бросила якорь передъ островомъ Моаха, который нашла покинутымъ, а послѣ того перешла къ острову Хуанъ-Фернандесу, гдѣ встрѣтилась съ „Тинховеномъ“, отставшимъ отъ нея еще 21-го декабря.

Въ послѣднихъ числахъ марта всѣ три судна отправились снова въ путь, держа курсъ на западо-сѣверо-западъ, гдѣ разсчитывали встрѣтить землю, открытую Девисомъ между 27° и 28° южной широты. Послѣ тщетныхъ поисковъ, продолжавшихся нѣсколько дней, Роггевейнъ прибылъ наконецъ 6-го апрѣля 1722 г. къ острову, который назвалъ островомъ Пасхи. Не будемъ останавливаться на преувеличенныхъ размѣрахъ, приписываемыхъ голландскимъ мореплавателемъ этому острову, равно какъ и на замѣткахъ его о туземныхъ нравахъ и обычаяхъ,—у насъ будетъ еще впослѣдствіи случай познакомиться съ нимъ изъ болѣе точныхъ и обстоятельныхъ описаній, составленныхъ Кукомъ и Лаперузомъ, въ которыхъ, разумѣется, не найдемъ слѣдующаго глубокомысленнаго замѣчанія старшаго врача Роггевейна, г-на Беренса. Измѣривъ нѣсколько листьевъ банана, имѣющихъ отъ 6 до 9 фут. въ длину и отъ 2 до 3 фут. въ ширину, онъ сообщаетъ, что наши прародители въ первое время до грѣхопаденія прикрывали такими листьями свою наготу. Беренсъ подкрѣпляетъ это „весьма достовѣрное“ мнѣніе тѣмъ, что изъ всѣхъ растеній, произрастающихъ какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ странахъ, бананъ обладаетъ самыми крупными листьями.

Замѣчаніе это во всякомъ случаѣ доказываетъ, что Беренсъ имѣлъ очень высокое мнѣніе о размѣрахъ нашихъ прародителей.

Одинъ изъ туземцевъ безбоязненно присталъ въ своей лодчонкѣ къ „Орлу“ и взобрался на палубу голландскаго корабля. Веселое его расположеніе духа и дружественные жесты расположили къ нему весь экипажъ судна. На другой день утромъ Роггевейнъ увидѣлъ на берегу, уставленномъ высокими статуями, многочисленную толпу, казалось, съ нетерпѣніемъ ждавшую прибытія чужеземцевъ. Неизвѣстно по какому случаю — раздался вдругъ ружейный выстрѣлъ. Одинъ туземецъ былъ убитъ на-поваль. Испуганная толпа разбѣжалась, но вскорѣ затѣмъ верну-

лась еще многочисленнѣе прежняго. Роггевейнъ, высадившій на берегъ 150 матросовъ, приказалъ дать по туземцамъ залпъ почти въ упоръ, которымъ было убито и ранено множество народа. Чтобы умилостивить грозныхъ пришельцевъ, испуганные островитяне распростерлись на землю и положили къ ногамъ голландцевъ наиболѣе цѣнное свое имущество.

Флерье не считаетъ островъ Пасхи тождественнымъ съ землею Девиса. Несмотря на приводимые имъ доводы и показываемыя различія въ широтѣ и долготѣ, приходится, однако, признать ихъ за одинъ и тотъ-же островъ, такъ какъ въ настоящее время вполнѣ выяснилось, что по сосѣдству съ островомъ Пасхи нѣтъ никакихъ другихъ острововъ.

Отброшенный сильнымъ шкваломъ съ якорной своей стоянки на восточномъ берегу острова Пасхи, Роггевейнъ переплылъ черезъ „Скверное“ море Шутена и въ разстояніи 800 миль отъ острова Пасхи нашелъ островъ, который счелъ „Собачьимъ островомъ“ Шутена, но тѣмъ не менѣе далъ ему названіе Карлсгофа, которое и осталось за этимъ островомъ.

Эскадра Роггевейна прошла, не останавливаясь, мимо. Въ слѣдующую затѣмъ ночь вѣтеръ и теченіе занесли ее въ группу низменныхъ острововъ, которыхъ голландскіе мореплаватели вовсе не разсчитывали встрѣтить. Галера „Африканка“ разбилась о коралловый рифъ, два остальныхъ судна съ трудомъ лишь избѣгли той-же участи. Въ продолженіе цѣлыхъ пяти дней голландскіе корабли лавировали между этими островами, но подъ конецъ имъ все-таки удалось выбраться въ открытое море.

Жители этого архипелага высокаго роста, съ длинными гладкими волосами. Они разрисовываютъ себѣ тѣло разными красками. Въ настоящее время выяснилось, что острова, описанные въ путешествіи Роггевейна подъ именемъ „Пагубныхъ“, тождественны съ архипелагомъ, получившимъ отъ Кука названіе Паллизеровыхъ острововъ.

Утромъ на слѣдующій день, послѣ того какъ „Орлу“ и „Тинховену“ удалось высвободиться изъ группы „Пагубныхъ“ острововъ, Роггевейнъ открылъ отдѣльно лежащій островъ, названный имъ островомъ Авроры. Вслѣдствіе низменнаго положенія этого острова „Тинховенъ“ непремѣнно набѣжалъ бы на него, еслибъ солнце взошло нѣсколькими минутами позднѣе.

Незадолго до наступленія ночи показался въ виду другой

островъ, который названъ былъ островомъ Весперъ (Вечерней зари), принадлежащій по всѣмъ вѣроятіямъ также къ группѣ Паллизеровыхъ островова. Роггевейнъ продолжалъ свой путь къ западу, держась между 15° и 16° сѣв. шир., и не замедлилъ внезапно очутиться среди нѣсколькихъ полузатонувшихъ островова.

„Приближаясь къ нимъ, — говоритъ Беренсъ, — мы увидѣли близъ берега цѣлую флотилію лодокъ и убѣдились, что острова эти густо населены. Вскорѣ выяснилось, что передъ нами лежатъ нѣсколько островова, находящихся очень близко одинъ отъ другого. Сами того не замѣчая, мы зашли такъ далеко въ извилистый каналъ между этими островами, что подверглись серьезной опасности и не знали, будемъ ли въ состояніи оттуда выбраться. Адмиралъ послалъ одного изъ штурмановъ на салингъ, чтобъ высмотрѣть оттуда, какъ высвободиться изъ западни. Къ счастью еще, что погода стояла тихая. При малѣйшемъ волненіи корабли наши непремѣнно разбились бы о подводныя скалы. Какъ бы то ни было, мы благополучно избавились отъ опасности. Означенный архипелагъ состоитъ изъ шести прелестныхъ островова, имѣющихъ въ общей сложности протяженіе въ тридцать миль. Они лежатъ въ двадцатипяти миляхъ отъ Пагубныхъ островова; мы назвали ихъ „Лабиринтомъ“, такъ какъ, чтобъ выбраться оттуда, вынуждены были идти по очень извилистому фарватеру“.

Нѣкоторые географы отождествляютъ „Лабиринтъ“ Роггевейна съ островами, названными Байрономъ архипелагомъ Принца Уэльсскаго. Флерье не раздѣляетъ этого взгляда. Дюмонъ д'Юрвиль съ своей стороны полагаетъ, что это вѣроятно группа Флигенскихъ островова, видѣнныхъ уже Шутеномъ и Лемеромъ.

Продолжая держать курсъ къ западу, голландскія суда подошли черезъ трое сутокъ къ довольно большому острову, покрытому роскошной растительностью, свидѣтельствовавшей о его плодородіи. Особенно обильно произростали тамъ кокосовыя деревья и нѣкоторые другіе виды пальмъ. Шлюпка, посланная сдѣлать промѣры близъ берега, нигдѣ не могла найти дна. За невозможностью стать на якорь, рѣшено было послать для осмотра острова хорошо вооруженный дессантный отрядъ.

Голландцы и на этотъ разъ безъ всякой надобности открыли огонь по ожидавшей ихъ на берегу толпѣ народа, которой можно было поставить въ вину развѣ лишь ея многочисленность. Послѣ такого злодѣйскаго поступка, достойнаго скорѣе варваровъ, чѣмъ

людей, называющихъ себя цивилизованными, голландцы пытались привлечь къ себѣ туземцевъ, предлагая подарки вождямъ и расточая передъ ними льстивыя выраженія дружбы. Туземцы однако не дались въ обманъ. Заманивъ матросовъ вглубь острова, они устремились на чужеземцевъ и осыпали ихъ градомъ камней. Несмотря на преимущество, которое доставляло голландцамъ огнестрѣльное оружіе, они вынуждены были укрыться на своихъ лодкахъ, унося съ собою много убитыхъ и раненыхъ. Само собою разумѣется, что островитяне понесли при этомъ жестокій уронъ.

Замѣчательнѣе всего, что голландцы сочли себя совершенно правыми и даже нашли возможнымъ упрекать своихъ противниковъ въ злостномъ вѣроломствѣ и коварной измѣнѣ! Спрашивается, на чьей сторонѣ была первая вина, кого слѣдуетъ признать зачинщикомъ? Допустивъ даже, что кѣмъ-либо изъ островитянъ совершена была кража у высадившихся на берегъ матросовъ, нельзя все-таки заключить отсюда, что голландцы были въ правѣ стрѣлять изъ-за этого въ толпу ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Несмотря на потери, понесенныя ими въ столкновеніи съ туземцами, плодородіе этого острова произвело на голландцевъ такое сильное впечатлѣніе, что они назвали его островомъ „Увеселенія". Роггевейнъ помѣщаетъ этотъ островъ подъ 16° широты, но долгота обозначена у него такъ неточно, что не было никакой возможности отождествить его съ какимъ-нибудь извѣстнымъ островомъ.

Надо было рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать путь на западъ, отыскивая землю, которую Квиросъ назвалъ островомъ Св. Духа, или же слѣдуетъ, напротивъ того, повернуть къ сѣверу и, пользуясь попутнымъ муссономъ, идти къ берегамъ Остъ-Индіи. Созванный Роггевейномъ военный совѣтъ принялъ это послѣднее рѣшеніе.

На третій день послѣ того, какъ голландскія суда повернули къ сѣверу, встрѣчена была группа изъ трехъ острововъ, названныхъ Баумановыми островами, такъ какъ они были замѣчены прежде всего самимъ капитаномъ „Тинховена". Островитяне подплыли на лодкахъ къ кораблямъ и завязали съ голландцами оживленную мѣновую торговлю. На берегу собралась громадная толпа туземцевъ, вооруженныхъ луками и копьями. Цвѣтъ кожи

у нихъ былъ совершенно бѣлый; единственное отличіе отъ европейцевъ заключалось въ томъ, что многіе туземцы были очень смуглы. Островитяне эти не татуируются и не расписываютъ себѣ кожу разноцвѣтными узорами. Они носятъ нѣчто въ родѣ юбки изъ артистически сотканной туземной ткани, украшенной бахромой и ниспадающей имъ до пятъ. Голову они прикрываютъ себѣ шляпой изъ подобной-же ткани, а на шеѣ носятъ гирлянды изъ душистыхъ цвѣтовъ.

— Надо признаться, — говоритъ Беренсъ, — что это были честнѣйшіе и самые порядочные люди изъ всѣхъ, которые намъ попадались на островахъ южнаго моря. Обрадованные нашимъ прибытіемъ, они встрѣтили насъ съ божескими почестями и высказали искреннее сожалѣніе при нашемъ отъѣздѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, это были острова Мореплавателей.

Миновавъ группы острововъ, которые самъ Роггевейнъ счелъ Кокосовыми и Разбойничьими островами, описанными уже Шутеномъ и Лемеромъ, но которые, по мнѣнію Флерье, открыты впервые самимъ голландскимъ адмираломъ, а потому должны были бы называться островами Роггевейна,—маленькая эскадра открыла острова Тинховенъ и Гронингъ (Пингре отождествляетъ его съ островомъ Санта-Крусъ, открытымъ Менданой) и наконецъ достигла береговъ Новой Ирландіи, гдѣ голландцы снова опозорили себя злодѣйскимъ избіеніемъ островитянъ. Оттуда она отправилась къ берегамъ Новой Гвинеи и, пройдя сквозь группу Молукскихъ острововъ, прибыла въ Батавію.

Тамъ соотечественники Роггевейна, не отличавшіеся въ то время, какъ мы видѣли, избыткомъ человѣколюбія, конфисковали оба его судна и, заковавъ въ цѣпи матросовъ и офицеровъ, отослали ихъ въ Европу для преданія тамъ суду. Роггевейна и его подчиненныхъ обвиняли въ тяжкомъ преступленіи. Состоя на службѣ Вестъ-индской компаніи, они осмѣлились посѣтить владѣнія Остъ-индской компаніи! Понятно, что Вестъ-индская компанія предъявила встрѣчный искъ. Судъ рѣшилъ дѣло въ ея пользу. Остъ-индская компанія была приговорена къ возвращенію конфискованнаго имущества и къ возмѣщенію всѣхъ проторей и убытковъ.

Роггевейнъ вернулся въ Голландію 11-го іюля 1723 года. Съ этого времени мы теряемъ его совершенно изъ виду за неимѣніемъ свѣдѣнія о послѣдующей его жизни. Нельзя не поблаго-

Военный совѣтъ принялъ это послѣднее рѣшеніе.

дарить Флерье за добросовѣстный его трудъ, пролившій нѣкоторый свѣтъ на это, во всякомъ случаѣ замѣчательное, путешествіе.

17-го іюня 1764 года вручены были коммодору Байрону инструкціи за подписью лорда адмиралтейства. Приведемъ здѣсь вступленіе, которымъ начинались эти инструкціи:

„Для вящшей славы Англіи, какъ морской державы, для мести великобританской короны, равно какъ для преуспѣянія

англійской торговли и мореплаванія, ничто не можетъ быть полезнѣе открытія новыхъ земель. Между тѣмъ есть поводъ предполагать, что въ Атлантическомъ океанѣ, между мысомъ Доброй Надежды и Магеллановымъ проливомъ, могутъ оказаться неизвѣстныя еще до сихъ поръ европейскимъ державамъ земли и очень большіе острова, лежащіе въ широтахъ, удобныхъ для судоходства и обладающіе климатомъ, способнымъ для произведенія на нихъ разныхъ цѣнныхъ товаровъ. Къ тому-же принадлежащіе его величеству острова, именуемые „Пеписовыми" или же „Фалкландскими" островами и лежащіе тоже въ тѣхъ мѣстахъ, не изслѣдованы еще настолько обстоятельно, чтобы можно было составить себѣ точное понятіе объ очертаніи береговъ и объ естественныхъ произведеніяхъ этихъ острововъ, открытыхъ и осмотрѣнныхъ англійскими мореплавателями. Въ виду всего вышеизложеннаго, его величество король, принимая во вниманіе глубокій миръ, которымъ благополучно наслаждаются теперь его королевства, и находя, что означенный миръ благопріятствуетъ таковому предпріятію, заблагоразсудилъ повелѣть: да будетъ оно приведено въ исполненіе!.."

Испытанный морякъ, избранный англійскимъ правительствомъ въ руководители столь важнаго предпріятія, былъ коммодоръ Джонъ Байронъ, родившійся 8-го ноября 1723 года. Съ самаго дѣтства онъ страстно любилъ море и 17-ти лѣтъ отъ роду участвовалъ уже въ экспедиціи, отправленной подъ начальствомъ Ансона противъ испанскихъ колоній на Тихоокеанскомъ прибрежьѣ.

Мы упомянули уже о бѣдствіяхъ, которыя пришлось вынести этой экспедиціи, прежде чѣмъ ей суждено было увѣнчаться такимъ блестящимъ успѣхомъ.

Судно „Уоджеръ", на которомъ находился Байронъ, потерпѣло крушеніе при выходѣ изъ Магелланова пролива; экипажъ его, захваченный въ плѣнъ испанцами, былъ отвезенъ въ Чили. Байронъ пробылъ въ плѣну болѣе трехъ лѣтъ, но наконецъ ему удалось бѣжать и встрѣтить судно, шедшее въ Европу, на которомъ онъ и вернулся въ Англію. Тотчасъ же затѣмъ онъ опять поступилъ на службу и отличился въ нѣсколькихъ морскихъ сраженіяхъ съ французами. Блестящіе его подвиги и вѣроятно также воспоминаніе о первомъ кругосвѣтномъ путешествіи, въ которомъ ему такъ не посчастливилось, обратили на него вниманіе адмиралтейства.

Суда, ввѣренныя коммодору Байрону, были снаряжены съ величайшимъ тщаніемъ. То были: двадцатичетырехпушечный военный корабль шестого ранга „Дельфинъ“ съ экипажемъ изъ 150 матросовъ, 3-хъ лейтенантовъ и 37 такъ называемыхъ низшихъ офицеровъ, т. е. боцмановъ, квартирмейстеровъ и т. п., и шестнадцатипушечный шлюпъ „Тамаръ“ подъ командой лейтенанта Муата, съ экипажемъ изъ 90 матросовъ, 3 лейтенантовъ и 27 низшихъ офицеровъ.

Начало плаванія было неудачно. 21-го іюня „Дельфинъ“, при самомъ выходѣ изъ Темзы, задѣлъ килемъ за отмель и вынужденъ былъ идти въ Плимутъ для исправленія поврежденій.

3-го іюля эскадра Байрона окончательно снялась съ якоря; 10 дней спустя она остановилась на короткое время на Фунчальскомъ рейдѣ (острова Мадеры), чтобъ купить свѣжей провизіи. Байрону пришлось также зайти на острова Зеленаго мыса, чтобъ запастись тамъ свѣжею прѣсною водой, такъ какъ имѣвшаяся у него на судахъ вода до того испортилась, что стала негодной къ употребленію.

До самыхъ береговъ Бразиліи путешествіе англійскихъ судовъ не представляло ничего интереснаго. Байронъ замѣтилъ только, что мѣдная обшивка его кораблей какъ-будто разгоняла рыбу, долженствовавшую водиться въ этихъ мѣстахъ въ изобиліи. То же самое было замѣчено впослѣдствіи и многими другими мореплавателями. Невыносимый зной и безпрерывные дожди разстроили здоровье офицеровъ и матросовъ, такъ что значительная часть экипажа обоихъ англійскихъ судовъ числилась больной. Надо было пристать къ берегу, чтобъ дать отдыхъ экипажу и возобновить запасы свѣжей провизіи.

Рѣшено было остановиться въ Ріо-Жанейро. Прибывъ туда 12-го декабря, Байронъ былъ очень радушно встрѣченъ вице-королемъ. Первое свое свиданіе съ нимъ англійскій коммодоръ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Когда я явился къ вице-королю съ визитомъ, меня приняли съ величайшимъ почетомъ. Передъ вице-королевскимъ дворцомъ стояло до 60 офицеровъ въ парадныхъ мундирахъ. Вся гвардія была подъ ружьемъ. Это былъ все очень рослый народъ и несомнѣнно прекрасные солдаты. Самъ вице-король вышелъ въ сопровожденіи мѣстнаго дворянства, чтобы меня встрѣтить на лѣстницѣ. Меня привѣтствовали салютомъ пятнадцати пушеч-

ныхъ выстрѣловъ изъ сосѣдняго форта. Затѣмъ мы вошли въ парадную залу, гдѣ послѣ бесѣды, продолжавшейся около четверти часа, я простился съ вице-королемъ. Меня проводили обратно съ прежнимъ церемоніаломъ...

Капитанъ Кукъ, который нѣсколькими годами позднѣе тоже посѣтилъ Ріо-Жанейро, былъ, какъ мы увидимъ, принятъ тамъ совершенно инымъ образомъ.

Англійскому коммодору безъ всякихъ хлопотъ разрѣшили высадить больныхъ на берегъ. Онъ не встрѣтилъ также никакихъ затрудненій въ дѣлѣ снабженія судовъ съѣстными припасами и жалуется лишь на неоднократныя попытки португальцевъ побудить его матросовъ къ побѣгу. Невыносимая жара заставила сократить эту стоянку. Англійскія суда снялись 16-го октября съ якоря, но должны были у входа въ бухту ждать четыре или пять дней попутнаго вѣтра, который помогъ бы имъ отойти отъ берега.

Назначеніе экспедиціи держалось пока еще въ секретѣ, но, выйдя въ открытое море, Байронъ пригласилъ къ себѣ на корабль командира „Тамара" и, въ присутствіи всѣхъ матросовъ, прочелъ вслухъ инструкціи адмиралтейства, которыми предписывалось обоимъ судамъ идти не въ Остъ-Индію, а въ Южныя моря—для отысканія тамъ неизвѣстныхъ еще земель и острововъ. Лорды адмиралтейства, придавая важное значеніе этой экспедиціи, назначили всѣмъ матросамъ и офицерамъ двойное жалованье, обѣщая кромѣ того наиболѣе достойнымъ денежныя награды и производство въ слѣдующіе чины. Само собою разумѣется, что эта послѣдняя часть инструкцій пришлась какъ нельзя болѣе по-сердцу матросамъ, которые и выразили свое удовольствіе одобрительными возгласами.

До 29-го октября англійскія суда держали курсъ къ югу, не встрѣчая на пути ничего необыкновеннаго. 29-го числа начали съ утра налетать на нихъ шквалы, и наконецъ разразилась такая страшная буря, что коммодоръ приказалъ выбросить за бортъ 4 пушки, такъ какъ опасался, что въ противномъ случаѣ корабль можетъ пойти ко дну. На другой день погода сдѣлалась нѣсколько сноснѣе, однако-же было довольно холодно, почти совершенно такъ же, какъ въ Англіи, хотя ноябрь мѣсяцъ въ южномъ полушаріи соотвѣтствуетъ въ сущности маю мѣсяцу въ сѣверномъ полушаріи. Вслѣдствіе сильнаго вѣтра суда значительно укло-

нялись къ востоку, и Байронъ опасался уже, что ему не удастся удержаться въ сосѣдствѣ патагонскаго прибрежья.

12-го ноября вахтенные на обоихъ судахъ доложили, что видятъ передъ собою землю, между тѣмъ на картѣ въ этой мѣстности ея показано не было. Почти весь горизонтъ былъ подернутъ грозовыми тучами, молніи безпрерывно слѣдовали одна за другой среди оглушительнаго грохота грома.

„Мнѣ показалось, говоритъ Байронъ, что передъ нами лежитъ островъ, на которомъ высятся двѣ крутыя горы. Всмотрѣвшись пристальнѣе съ подвѣтренной стороны, я замѣтилъ, что примыкавшая къ этимъ островамъ полоса земли простирается далеко на юго-востокъ, вслѣдствіе этого мы перемѣнили курсъ и пошли тоже на юго-востокъ. Нѣсколько офицеровъ взобрались на мачты, откуда имъ было удобнѣе провѣрить сдѣланное нами открытіе. Всѣ увѣряли, что видятъ передъ собою длинную полосу прибрежья... Тогда мы положили руль на востокъ-юго-востокъ. Передъ нами положительно была земля. Горы имѣли голубоватый цвѣтъ, свойственный въ пасмурную и дождливую погоду не особенно удаленнымъ холмамъ. Многіе изъ экипажа утверждали даже, будто слышатъ морской прибой на песчаномъ прибрежьѣ. Такимъ образомъ шли мы цѣлый часъ, соблюдая величайшую предосторожность, когда вдругъ то, что мы считали землей, внезапно разсѣялось, и мы къ величайшему своему изумленію убѣдились, что это было лишь скопленіе тумановъ... Я провелъ почти цѣлыхъ 27 лѣтъ на морѣ, продолжаетъ Байронъ, но лишь впервые былъ свидѣтелемъ такого упорнаго и общаго для всѣхъ обмана зрѣнія... Несомнѣнно, что еслибъ погода не прояснилась во-время и еслибъ мы не видѣли собственными глазами, какъ разсѣялось скопленіе тумановъ, которое мы приняли сперва за землю, то весь экипажъ „Дельфина“ могъ бы присягнуть на евангеліи, что открылъ землю подъ 43°46′ южной широты и 60°5″ западной долготы“.

На другой день налетѣлъ ужасный шквалъ, предвѣстникомъ котораго служили стаи въ нѣсколько сотенъ птицъ, поспѣшно улетавшихъ прочь съ пронзительными криками. Шквалъ этотъ продолжался не болѣе 20 минутъ, но въ это время судно легло на-бокъ. Однимъ изъ лопнувшихъ шкотовъ сбило съ ногъ перваго лейтенанта. Фокъ, который не успѣли совершенно убрать, былъ порванъ въ клочья.

Въ слѣдующіе затѣмъ нѣсколько дней погода стояла тоже очень неблагопріятная. Кромѣ того „Дельфинъ", вслѣдствіе особенности своей конструкціи, при сильномъ вѣтрѣ всегда очень дрейфовалъ.

Наконецъ, 24-го ноября Байронъ достигъ острова „Пингвиновъ" и „Желаннаго" порта. Послѣ такого труднаго плаванія экипажъ радъ былъ наконецъ добраться до берега. Стоянка эта однако не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій и оказалась далеко не изъ особенно пріятныхъ.

Сойдя на берегъ, англійскіе матросы, сколько они ни углублялись вглубь страны, видѣли передъ собой лишь безлѣсную пустыню, покрытую песчаными холмами. Нигдѣ не видно было ни одного дерева. По части дичи замѣчено было нѣсколько штукъ гуанако, но въ разстояніи, значительно превышавшемъ дальность ружейнаго выстрѣла. Матросамъ удалось убить нѣсколько крупныхъ зайцевъ, но ихъ, разумѣется, было недостаточно для продовольствія экипажа. Зато охота на тюленей и на водяную птицу доставила столько дичи, что можно было бы прокормить цѣлый флотъ.

„Желанный" портъ представлялся не вполнѣ надежнымъ уже потому, что онъ не былъ защищенъ отъ нѣкоторыхъ вѣтровъ. Къ тому-же тамъ нельзя было достать порядочной прѣсной воды. Жителей по сосѣдству, сколько можно было судить, не было. Продолжительная стоянка была-бы при такихъ обстоятельствахъ безполезна и даже опасна, а потому Байронъ на слѣдующій же день снялся съ якоря и отправился отыскивать островъ Пеписа.

Положеніе этого острова указывалось весьма неточно; Галей помѣщалъ его на 80° къ востоку отъ Американскаго материка. Коулей, единственный изъ мореплавателей, посѣтившій этотъ островъ, утверждалъ, что онъ лежитъ подъ 47° южной широты, но не опредѣлилъ въ точности подъ какой долготой онъ находится. Было весьма интересно провѣрить въ дѣйствительности географическое положеніе этого острова.

Послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ, въ продолженіе которыхъ Байронъ держалъ курсъ то къ сѣверу, то къ югу, то къ востоку, англійскій коммодоръ рѣшилъ наконецъ, что упомянутаго острова вовсе не существуетъ; онъ направился поэтому къ Себальдинскимъ островамъ съ цѣлью зайти въ ближайшій портъ, гдѣ бы можно было запастись дровами и прѣсной водой, въ чемъ эки-

Матросы увидѣли всадниковъ съ бѣлымъ флагомъ.

пажъ терпѣлъ большой недостатокъ. При этомъ они были захвачены такой страшной бурей и такимъ страшнымъ волненіемъ, что Байронъ не видѣлъ ничего подобнаго, даже когда съ адмираломъ Ансономъ огибалъ мысъ Горнъ. Когда утихла буря, коммодоръ увидѣлъ передъ собою мысъ Дѣвъ, образующій собою сѣверо-восточную оконечность входа въ Магеллановъ проливъ.

Какъ только судно подошло достаточно близко къ берегу, матросы различили на немъ толпу всадниковъ съ развѣвавшимся

бѣлымъ флагомъ, которые какъ-бы приглашали ихъ сойти на берегъ. Интересуясь поближе взглянуть на патагонцевъ, которыхъ прежніе путешественники описывали столь разнорѣчивымъ образомъ, Байронъ, въ сопровожденіи многочисленнаго отряда вооруженныхъ солдатъ, сошелъ на берегъ.

Онъ нашелъ тамъ болѣе пятисотъ туземцевъ. Почти всѣ они были колоссальнаго роста и на своихъ коняхъ походили скорѣе на человѣкообразныхъ чудовищъ, чѣмъ на людей. Все тѣло ихъ было разрисовано самымъ отвратительнымъ образомъ. Лицо было разукрашено разноцвѣтными полосками, а глаза обведены синими, черными или красными кругами наподобіе громадныхъ очковъ. Почти всѣ туземцы имѣли единственнымъ одѣяніемъ звѣриную шкуру, накинутую на плечи шерстью во внутрь. Нѣкоторые изъ нихъ носили впрочемъ также полусапожки. Этотъ первобытный костюмъ обходился имъ, надо полагать, не особенно дорого.

Туземцы имѣли при себѣ множество собакъ. Лошади очень малорослыя и невзрачныя, но отличаются ловкостью и быстротою въ движеніяхъ. Женщины ѣздятъ на лошадяхъ по-мужски. Вся толпа неслась вскачь вдоль берега, покрытаго громадными и чрезвычайно скользкими каменьями.

Свиданье съ туземцами имѣло вполнѣ дружественный характеръ. Байронъ надѣлилъ этихъ великановъ ленточками, стеклярусомъ и табакомъ и доставилъ имъ этимъ несказанное удовольствіе.

Вернувшись на свой корабль, англійскій коммодоръ воспользовался приливомъ, чтобы войти въ Магеллановъ проливъ. Онъ не имѣлъ въ виду далеко углубляться въ этотъ проливъ и хотѣлъ лишь отыскать тамъ удобную, безопасную бухту, въ которой онъ могъ бы запастись водой и дровами, прежде чѣмъ идти снова на поиски Фалкландскихъ островóвъ. Близъ оконечности второго изъ каналовъ, ведущаго въ этотъ проливъ, Байронъ нанесъ на карту острова св. Елизаветы, св. Варѳоломея, св. Георгія и Песчаный мысъ. Близъ этого мыса мѣстность имѣетъ, по его словамъ, самый очаровательный характеръ. Англійскій коммодоръ встрѣтилъ тамъ въ изобиліи ручьи, лѣса, луга, испещренные цвѣтами, наполнявшими воздухъ дивными благоуханіями. Картину эту оживляли многочисленныя стаи птицъ, одинъ изъ видовъ которыхъ, вслѣдствіе блестящаго своего оперенія, на-

званъ былъ разрисованнымъ гусемъ. Нигдѣ нельзя было, однако, безопасно пристать къ берегу: вездѣ близъ берега были отмели и сильный прибой. Рыбная ловля и охота доставили экипажу большое количество свѣжей провизіи. Особенно много добыто было прекрасныхъ головлей; изъ птицъ же убито было болѣе всего гусей, бекасовъ, чирковъ и т. п.

Байрону пришлось продолжать свой путь далѣе до „Голоднаго" порта, куда онъ и прибылъ 27-го декабря.

„Тамъ, говорилъ онъ, мы были защищены отъ всѣхъ вѣтровъ за исключеніемъ сѣверо-восточнаго, который здѣсь дуетъ очень рѣдко. Если бы судно не могло даже удержаться на якоряхъ и было-бъ прижато вѣтромъ вглубь бухты къ берегу, то не потерпѣло бы никакой аваріи, такъ какъ дно въ бухтѣ вездѣ мягкое, илистое. Вдоль береговъ столько плавучаго лѣса, что имъ легко можно-бъ было нагрузить хоть тысячу кораблей, а потому намъ не было никакой надобности рубить самимъ деревья въ лѣсу".

Въ рѣкѣ Седжеръ, впадающей въ эту бухту, вода превосходная для питья. На берегахъ рѣки въ изобиліи растутъ высокія прямыя деревья, какъ нельзя болѣе пригодныя въ качествѣ мачтоваго лѣса. На нихъ гнѣздится множество попугаевъ. Во все пребываніе Байрона въ „Голодномъ" портѣ англійскіе матросы и офицеры не могли надивиться естественнымъ богатствамъ окрестной мѣстности.

5-го января 1765 года, какъ только экипажъ эскадры успѣлъ совершенно оправиться и запастись должнымъ количествомъ свѣжей провизіи, коммодоръ принялся снова разыскивать Фалкландскіе острова. Недѣлю спустя онъ открылъ землю, которую онъ первоначально принялъ за островъ Зебольда Веерта. Подойдя къ ней ближе, онъ убѣдился однако, что вмѣсто трехъ острововъ передъ нимъ лежитъ всего лишь одинъ островъ, простирающійся далеко на югъ. Байронъ убѣдился тогда, что дѣйствительно нашелъ архипелагъ, обозначавшійся тогда на картахъ подъ именемъ Новыхъ острововъ подъ 51° южной широты и 63°32′ западной долготы.

Сначала Байронъ держался поодаль отъ берега, опасаясь, чтобъ его не нанесло теченіемъ на какую-либо подводную отмель. Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ общей фигурой прибрежья, онъ послалъ шлюпку для производства промѣровъ и отысканія

надежной якорной стоянки, которая вскорѣ и была найдена. Бухта, въ которой бросили якорь англійскія суда, была названа портомъ Эгмонта въ честь графа Эгмонта, бывшаго тогда первымъ лордомъ адмиралтейства.

„Не думаю, говоритъ Байронъ, чтобъ можно было найти гдѣ-либо болѣе прелестную бухту. Это восхитительная якорная стоянка. Грунтъ у нея прекрасный. Суда могутъ удобно запасаться прѣсной водой. Весь англійскій флотъ могъ бы помѣститься на тамошнемъ рейдѣ, защищенномъ отъ всѣхъ вѣтровъ. Водяной птицы — гусей, утокъ и чирковъ такое множество, что матросамъ подъ конецъ опротивѣло ее ѣсть. Можно пожаловаться только на отсутствіе лѣса. Дѣйствительно, здѣсь можно встрѣтить развѣ лишь плавучія деревья, занесенныя, надо полагать, теченіемъ изъ Магелланова пролива“.

Дикій щавель и селлерей, эти цѣлебныя противоскорбутныя растенія, встрѣчались въ изобиліи на всемъ протяженіи прибрежья. Пингвины и тюлени водились въ такомъ изобиліи, что постоянно приходилось спугивать ихъ цѣлыми стаями. Нѣсколько разъ англійскіе матросы подвергались нападеніямъ какихъ-то животныхъ, похожихъ на волковъ, но по сложенію напоминавшихъ скорѣе лисицу, только болѣе крупнаго роста и не съ такимъ пушистымъ хвостомъ. Это были такіе свирѣпые звѣри, что матросамъ съ трудомъ лишь удавалось отъ нихъ отбиться. Трудно представить себѣ, какъ могли они они забраться на эти острова, удаленные по меньшей мѣрѣ на сто миль отъ материка; неизвѣстно также, гдѣ устраиваютъ они себѣ логовище, такъ какъ на означенныхъ островахъ растетъ только трава и тростникъ, но не имѣется ни единаго дерева.

Въ біографическомъ сборникѣ Дидо вся эта часть путешествія лорда Байрона изложена совершенно невѣрно. Тамъ говорится напр., что 17-го февраля англійскія суда вступили въ Магеллановъ проливъ, но вынуждены были бросить якорь близъ „Голоднаго“ порта въ бухтѣ, которую Байронъ назвалъ портомъ Эгмонта... По этому образчику можно составить уже себѣ понятіе объ ошибкахъ, которыя встрѣчаются иногда въ этомъ замѣчательномъ сборникѣ.

Именемъ англійскаго короля коммодоръ Байронъ вступилъ во владѣніе портомъ Эгмонта и прилежащими Фалкландскими островами. Коулей назвалъ этотъ архипелагъ островами Пеписа, но

по всѣмъ вѣроятіямъ они были открыты впервые въ 1592 году капитаномъ Девисомъ. Два года спустя сэръ Ричардсъ Гаукинсъ видѣлъ на томъ-же самомъ мѣстѣ землю, которую онъ, въ честь царствовавшей тогда королевы Елизаветы, назвалъ Виргиніей. Затѣмъ архипелагъ этотъ былъ посѣщенъ нѣсколькими судами изъ Сенъ-Мало. Фрезье, по всѣмъ вѣроятіямъ, вслѣдствіе того и назвалъ его Малуинскими островами.

Давъ имена нѣсколькимъ выдающимся скаламъ и островамъ и нанеся ихъ на карту, Байронъ отплылъ 27-го января изъ порта Эгмонта къ „Желанному“ порту, куда и прибылъ черезъ девять дней. Онъ нашелъ тамъ транспортное судно „Флориду“, съ которымъ ему присланы были изъ Англіи продовольственные припасы и также все необходимое для ремонтировки такелажа. Якорная стоянка въ „Желанномъ“ портѣ была однако очень неудобна. Къ тому-же „Флорида“ и „Тамаръ“ значительно пострадали отъ бурь, вынесенныхъ ими во время плаванія. Перегрузка при такихъ условіяхъ была бы сопряжена съ большою опасностью, и потому Байронъ послалъ на „Флориду“ одного изъ своихъ штурмановъ, хорошо знакомаго съ Магеллановымъ проливомъ. Вся эскадра отправилась затѣмъ въ „Голодный“ портъ, представлявшій несомнѣнно бо̀льшія удобства для перегрузки.

Въ Магеллановомъ проливѣ англійскому коммодору приходилось неоднократно встрѣчаться съ французскимъ судномъ, шедшимъ въ одномъ съ нимъ направленіи. По возвращеніи въ Англію Байронъ узналъ, что это судно Бугенвилля „Орелъ“, ходившее въ Патагонію за лѣсомъ для колоніи, только что основанной французами на Фалкландскихъ островахъ.

Когда англійскія суда останавливались близъ берега Огненной Земли, ихъ зачастую посѣщали туземцы.

„Мнѣ никогда еще не случалось видѣть, говоритъ Байронъ, такихъ жалкихъ человѣческихъ созданій. Они ходили совсѣмъ нагишомъ, за исключеніемъ вонючей тюленьей шкуры, которую набрасывали себѣ на плечи. Оружіе ихъ состояло изъ луковъ и стрѣлъ; они охотно отдавали его въ обмѣнъ за нѣсколько стеклянныхъ бусинокъ и т. п. Стрѣлы ихъ, около двухъ фут. длины, были изъ тростника съ острыми наконечниками изъ зеленоватаго камня. Тетива трехфутовыхъ ихъ луковъ изготовляется изъ тюленьихъ кишокъ.

Они питаются частью плодами, частью же раковинами и

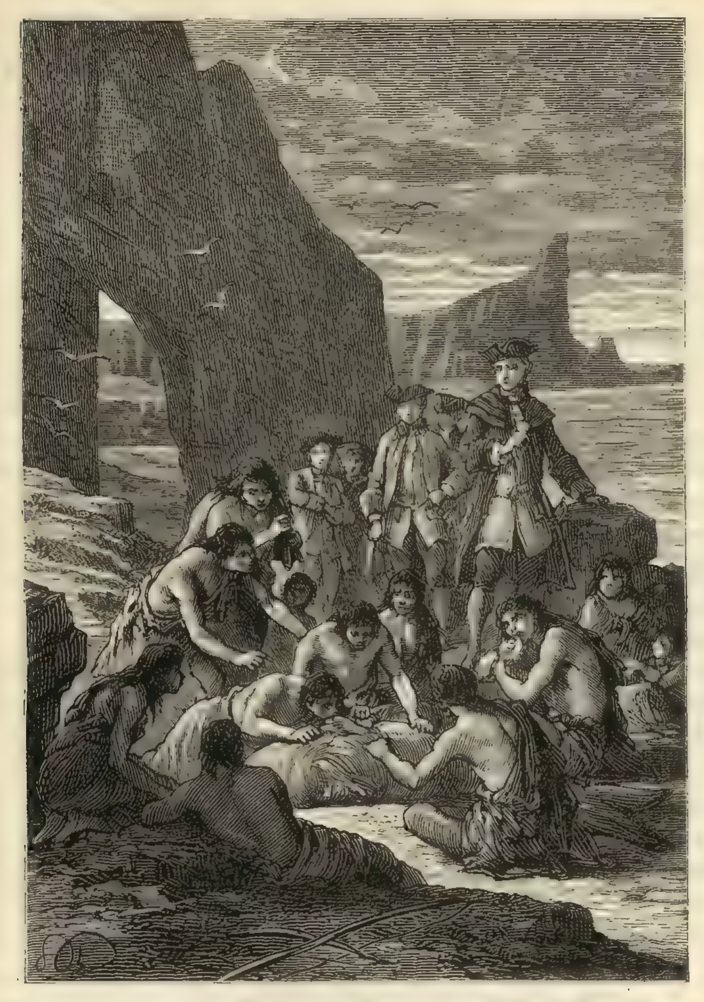
гнилой рыбой, которую выбрасываетъ волнами на берегъ. Мы были свидѣтелями, какъ туземцы съ большимъ аппетитомъ ѣли такую гадость, отъ которой съ негодованіемъ отвернулась бы порядочная англійская свинья. Это былъ громадный кусокъ разлагавшагося уже кита, распространявшій далеко кругомъ невыносимое зловоніе. Одинъ изъ туземцевъ рвалъ эту падаль зубами и подавалъ оторванные такимъ образомъ куски своимъ товарищамъ, пожиравшимъ ихъ съ жадностью хищныхъ звѣрей.

Многіе изъ этихъ дикарей взобрались къ намъ на корабль. Чтобъ позабавить гостей, одинъ изъ моихъ офицеровъ взялъ скрипку и началъ играть плясовую, подъ которую пустились танцовать нѣсколько матросовъ.

Зрѣлище это очень понравилось дикарямъ. Желая выразить намъ свою благодарность, одинъ изъ нихъ поспѣшно спустился въ свою байдару и принесъ оттуда мѣшочекъ изъ тюленьей шкуры, наполненный какимъ-то краснымъ жиромъ, которымъ онъ проворно натеръ лицо офицеру, игравшему на скрипкѣ. Дикарю, очевидно, хотѣлось оказать и мнѣ ту же самую честь, но я всячески старался отклонить ее отъ себя. Мнѣ лишь съ большимъ трудомъ удалось доказать туземцу, что я не заслужилъ ничѣмъ такого высокаго отличія, но, наконецъ, скромность моя восторжествовала".

Не мѣшаетъ кстати привести здѣсь мнѣніе такого опытнаго моряка, какъ Байронъ, о выгодахъ и неудобствахъ плаванія черезъ Магеллановъ проливъ, тѣмъ болѣе, что англійскій коммодоръ расходится въ данномъ случаѣ съ большинствомъ другихъ компетентныхъ мореплавателей.

„Испытанныя нами трудности и опасности, говоритъ онъ, могли бы навести на мысль о непрактичности избрать этотъ проливъ для того, чтобы пройти изъ Атлантическаго океана въ Тихій. Можно было бы подумать, что кораблямъ, идущимъ изъ Европы въ Южное море, слѣдовало бы лучше огибать мысъ Горнъ. Мое мнѣніе, однако, вовсе не таково, хотя мнѣ самому приходилось дважды огибать этотъ мысъ. Есть такое время года, когда можно въ три недѣли пройти не только съ однимъ кораблемъ, но даже и съ цѣлымъ флотомъ сквозь весь Магеллановъ проливъ. Судамъ, идущимъ въ этотъ проливъ, всего выгоднѣе вступить туда въ декабрѣ мѣсяцѣ. Путь черезъ Магеллановъ проливъ представляетъ для мореплавателей выгоду въ томъ отношеніи,



Одинъ изъ туземцевъ рвалъ падаль зубами.

что они могутъ найти тамъ въ изобиліи плоды, селлерей, ложечную траву и другія противоскорбутныя растенія. Затрудненіе, встрѣченное нами съ 17-го февраля по 8-ое апрѣля, надо приписать тому, что тогда стояла очень бурная погода, надѣлавшая намъ немало хлопотъ".

До самаго 26-го апрѣля, когда онъ подошелъ къ острову Масъ-а-фуэро, принадлежащему къ группѣ Хуанъ-Фернандеса, Байронъ держалъ курсъ на сѣверо-западъ. Онъ послалъ на этотъ островъ

шлюпку съ нѣсколькими матросами, которые запаслись тамъ прѣсной водой и дровами, а также убили нѣсколько штукъ дикихъ козъ. Мясо этихъ козъ показалось всему экипажу чрезвычайно вкуснымъ.

Во время этой остановки случился слѣдующій замѣчательный казусъ. У берега былъ такой сильный прибой, что шлюпка, посланная за матросами, не могла къ нему близко подойти. Одинъ изъ находившихся на берегу матросовъ, не умѣвшій плавать, ни за что не рѣшился броситься въ море, хотя на немъ надѣтъ былъ спасательный поясъ. Товарищи его спрыгнули съ кручи и поплыли къ шлюпкѣ, а онъ все еще стоялъ въ нерѣшительности на берегу. Тогда другой матросъ обвязалъ его веревкой, конецъ которой былъ поданъ на шлюпку. Съ помощью этой веревки бѣднягу удалось втащить на лодку, но, какъ разсказываетъ Гаукесуортъ, бѣдняга проглотилъ столько воды, что казался уже безжизненнымъ трупомъ. Тогда его повѣсили внизъ головою и держали такъ, пока онъ не пришелъ въ себя. На слѣдующій день онъ чувствовалъ уже себя какъ нельзя лучше.

Какъ бы то ни было, мы не беремъ на себя отвѣтственность рекомендовать этотъ способъ подаванія помощи утопленникамъ.

Отплывъ отъ Масъ-а-фуэро, Байронъ нѣсколько разъ измѣнялъ свой курсъ, разыскивая землю Девиса, нынѣшній островъ Пасхи, подъ 27°30′ южной широты и приблизительно въ ста миляхъ къ западу отъ американскаго прибрежья. Въ поискахъ этихъ прошла у него цѣлая недѣля.

Видя, что они остаются безуспѣшными, и не желая терять даромъ времени, такъ какъ онъ хотѣлъ еще посѣтить Соломоновъ архипелагъ, Байронъ далъ сигналъ держаться на сѣверо-западъ. 22-го мая на судахъ у него обнаружился скорбутъ. Болѣзнь эта стала быстро распространяться между экипажемъ, но къ счастью 7-го іюня на 14°58′ западной долготы замѣчена была съ салинга земля.

На другой день англійская эскадра находилась въ виду двухъ прелестнѣйшихъ острововъ, покрытыхъ высокими густолиственными деревьями и кустарниками. Туземцы, бывшіе на берегу, разложили нѣсколько костровъ.

Байронъ послалъ къ берегу шлюпку для разысканія какой-нибудь якорной стоянки. Шлюпка эта подходила очень близко къ берегу и дѣлала промѣры, но даже и въ кабельтовѣ отъ берега

не могла отыскать дна. Больные, вышедшіе на палубу, съ отчаяніемъ смотрѣли на этотъ плодородный островъ, гдѣ бы они могли найти все необходимое для своего исцѣленія, если-бъ сама природа не преградила имъ туда доступъ.

Они видѣли тамъ множество кокосовыхъ пальмъ, отягощенныхъ орѣхами, въ которыхъ содержится молоко, являющееся, быть можетъ, самымъ могущественнымъ лѣкарствомъ отъ скорбута. Они могли съ достовѣрностью заключить, что нашли бы на этомъ островѣ въ изобиліи лимоны, бананы и другіе тропическіе фрукты. Въ довершеніе всего они видѣли валявшіеся на берегу щиты съѣдобныхъ черепахъ. Они знали, что свѣжая провизія могла легко возвратить имъ здоровье, а между тѣмъ достать ее было такъ-же невозможно, какъ если-бъ она въ эту минуту находилась гдѣ-нибудь у антиподовъ. Нельзя и вообразить себѣ ничего мучительнѣе такого состоянія!

Не желая долѣе мучить своихъ матросовъ такою танталовой пыткой, Байронъ приказалъ 8-го іюня снова поставить паруса и назвалъ эту группу острововъ—островами Разочарованія. На другой день онъ увидѣлъ передъ собою длинное низменное прибрежье, усѣянное кокосовыми пальмами. Это былъ „атолъ", заключавшій въ себѣ лагуну съ маленькимъ островкомъ посрединѣ. Шлюпка, посланная для промѣровъ, нашла, что берегъ поднимается изъ воды вездѣ почти такъ-же отвѣсно, какъ стѣна.

Туземцы встрѣтили англичанъ довольно враждебно. Двое изъ нихъ забрались въ шлюпку, причемъ одинъ сорвалъ съ матроса куртку, а другой хотѣлъ стащить съ квартермистра треуголку, но вмѣсто того, чтобъ снять ее съ головы, потащилъ прямо къ себѣ. Благодаря этому квартермистръ успѣлъ отстоять свой головной уборъ. Тогда двѣ большія пироги, на каждой изъ которыхъ было около тридцати гребцовъ, направились къ англійскимъ шлюпкамъ, намѣреваясь, очевидно, на нихъ напасть. Англичане въ свою очередь быстро пустились грести къ нимъ навстрѣчу. Туземцы поспѣшно повернули назадъ къ берегу. Англичане пустились за ними вслѣдъ и настигли ихъ у самаго прибрежья. Завязалась схватка, во время которой англійскимъ матросамъ пришлось подъ конецъ пустить въ дѣло оружіе. Трое или четверо туземцевъ было убито, остальные въ испугѣ разбѣжались.

На другой день нѣсколько матросовъ и тѣ изъ больныхъ,

которые могли вставать съ койки, съѣхали на берегъ. Туземцы, устрашенные урокомъ, полученнымъ за день передъ тѣмъ, попрятались въ лѣсъ и не мѣшали англичанамъ собирать кокосовые орѣхи и противоцынготныя травы, благодаря которымъ нѣсколько дней спустя больные всѣ до одного выздоровѣли. Фауна этого острова, который названъ былъ островомъ короля Георга, состояла исключительно почти изъ птицъ. Между ними особенно замѣчательны были по изяществу и красотѣ оперенія попугаи и голуби различныхъ видовъ, а также нѣкоторыя птицы неизвѣстныхъ англичанамъ породъ. Первый встрѣченный затѣмъ островъ получилъ наименованіе острова Принца Уэльскаго. Оба острова принадлежали къ одной изъ группъ архипелага Помоту, называемаго также Низменными островами и по характеру своему вполнѣ соотвѣтствующаго этому названію.

21-го іюня встрѣчена была опять группа острововъ, опоясанныхъ коралловыми рифами. Байронъ рѣшилъ, что острова эти не стòитъ разсматривать въ подробности, такъ какъ это было бы сопряжено съ немалою опасностью для судовъ, а между тѣмъ не привело бы къ особенно полезнымъ въ практическомъ отношеніи результатамъ. Отмѣтивъ положеніе этихъ острововъ на картѣ, онъ назвалъ ихъ островами Опасности.

Шесть дней спустя открытъ былъ островъ Герцога Іоркскаго. Англичане нашли его необитаемымъ, но добыли тамъ до 200 кокосовыхъ орѣховъ, которые имъ очень пригодились.

Нѣсколько далѣе, а именно подъ 1°18′ южной широты и 173°46′ западной долготы, найденъ былъ къ востоку отъ Жильберова архипелага уединенный островъ, названный въ честь самого коммодора островомъ Байрона. Стояла страшная жара. Матросы утомились отъ долгаго плаванія и ослабѣли отъ недостаточной и нездоровой пищи. Имѣвшійся на корабляхъ запасъ прѣсной воды также испортился. Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ почти весь экипажъ страдалъ кровавымъ поносомъ.

Наконецъ, 28 іюля Байронъ съ радостью увидѣлъ передъ собою острова Саипанъ и Тиніанъ, принадлежащіе къ Маріанскому или же Разбойничьему архипелагу. Суда его остановились въ той самой бухтѣ, гдѣ останавливался передъ тѣмъ лордъ Ансонъ со своимъ „Центуріономъ“.

Тотчасъ же разбиты были палатки для цынготныхъ больныхъ.

Почти всѣ матросы въ большей или въ меньшей степени страдали этой страшной болѣзнью; многіе изъ нихъ были уже почти въ безнадежномъ состояніи. Густой лѣсъ доходилъ почти до самаго берега. Байронъ рѣшился проникнуть черезъ этотъ лѣсъ, чтобъ отыскать очаровательную мѣстность, такъ краснорѣчиво описанную капелланомъ Ансона. Оказалось, что дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала этимъ восторженнымъ описаніямъ. Весь островъ покрытъ былъ дремучими лѣсами, въ которыхъ промежутки между деревьями были заполнены непроницаемою чащею ліанъ и колючихъ кустарниковъ, раздиравшихъ въ клочья одежду пробиравшихся сквозь нихъ матросовъ и офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлыя тучи москитовъ яростно нападали на чужеземцевъ. Дичи попадалось мало, да и та была сильно напугана. Прѣсная вода казалась отвратительной на вкусъ, да къ тому-же и якорная стоянка была въ это время года далеко небезопасна.

Стоянка на островѣ Тиніанѣ не обѣщала поэтому ничего путнаго. Однако, англичане нашли тамъ все-таки достаточное количество лимонныхъ, померанцовыхъ, хлѣбныхъ деревьевъ, гуявовъ и т. п. съ совершенно спѣлыми плодами, которые очень помогли цынготнымъ больнымъ. Но если больные эти вскорѣ поправились, то, съ другой стороны, болотистыя испаренія, подымавшіяся изъ почвы, порождали страшные приступы лихорадки, отъ которой умерло двое матросовъ. Почти все время шелъ безпрерывный дождь и стояла невыносимая жара.

„Мнѣ пришлось побывать, говоритъ Байронъ, на берегахъ Гвинеи, въ Остъ-Индіи и на островѣ св. Ѳомы (подъ экваторомъ), но я не испытывалъ нигдѣ такого удручающаго зноя“.

Ознакомившись съ мѣстностью, англичане могли безъ особенныхъ хлопотъ добывать себѣ разную мелкую дичь и дикихъ свиней, имѣвшихъ зачастую до пяти пудовъ вѣсу; но эту дичь приходилось немедленно употреблять въ пищу, такъ какъ по прошествіи какого-нибудь часа она начинала уже портиться. Близъ береговъ ловилось много рыбы, но она оказалась положительно вредною для здоровья. Всѣ, кто хоть сколько-нибудь ее отвѣдалъ, захворали, и жизнь ихъ находилась въ серьезной опасности.

1-го октября, обильно запасшись продовольствіемъ, а также кокосовыми орѣхами, плодами и т. п., отплыли съ Тиніанскаго

рейда, гдѣ они стояли въ продолженіе цѣлыхъ девяти недѣль. Пройдя мимо острова Анатакана, видѣннаго уже Ансономъ, Байронъ продолжалъ свой путь къ сѣверу, надѣясь встрѣтить попутный сѣверо-восточный муссонъ еще до прибытія своего къ архипелагу Бешу, составляющему сѣверную окраину Филиппинскихъ острововъ. 22-го октября англійскіе корабли были въ виду острова Графтона, самаго сѣвернаго во всемъ архипелагѣ, а 3-го ноября они подошли къ острову Тимуану, на которомъ, по словамъ Дампьера, можно было легко запастись фруктами и свѣжей провизіей. Населеніе этого острова, принадлежащее къ малайской расѣ, съ презрѣніемъ отвергло топоры, ножи и разные стальные инструменты, предложенные англичанами въ обмѣнъ за домашнюю птицу и т. п.; туземцы требовали уплаты рупіями и съ трудомъ лишь согласились отдать дюжину куръ, козу и козленка въ обмѣнъ за клѣтчатые платки. Къ счастью, матросамъ удалось поймать много рыбы; въ противномъ случаѣ имъ пришлось бы довольствоваться обыкновенной корабельной провизіей.

Снявшись 7-го ноября съ якоря, Байронъ прошелъ мимо Пуло-Кондора и остановился у береговъ Пуло-Тайя, гдѣ встрѣтилъ шлюпъ подъ голландскимъ флагомъ, но съ экипажемъ, состоявшимъ исключительно изъ малайцевъ. Направившись оттуда къ Суматрѣ, онъ прошелъ вдоль береговъ этого острова и 27-го ноября бросилъ якорь на рейдѣ въ Батавіи, столицѣ голландскихъ владѣній въ Остъ-Индіи.

Торговля голландской остъ-индской компаніи находилась тогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. На батавскомъ рейдѣ стояло болѣе сотни большихъ и малыхъ судовъ. Батавія переживала тогда самую блестящую свою пору. Широкія ея, прямыя улицы, каналы, содержавшіеся въ замѣчательномъ порядкѣ и окаймленные высокими деревьями, дома правильной европейской архитектуры—все это придавало ей чрезвычайное сходство съ голландскими городами. Португальцы, китайцы, англичане, персы, арабы, малайцы толпились тамъ на бульварахъ и въ торговыхъ кварталахъ. Праздники, балы и всякаго рода общественныя удовольствія свидѣтельствовали о благоденствіи города и дѣлали пребываніе тамъ какъ нельзя болѣе пріятнымъ для иностранца. Единственнымъ неудобствомъ, весьма существеннымъ впрочемъ, для экипажа судовъ, сдѣлавшихъ столь продолжительную морскую кампанію, былъ въ высшей степени нездоровый климатъ.

Байронъ, зная, что горячки свирѣпствуютъ въ Батавіи эндемически, простоялъ тамъ на рейдѣ всего лишь 12 дней и, запасшись провизіей, тотчасъ-же вышелъ опять въ море.

Несмотря на кратковременность этой стоянки, она все-таки повлекла за собой роковыя послѣдствія. Едва только англійскія суда успѣли пройти черезъ Зондскій проливъ, какъ на нихъ появилась ужаснѣйшая гнилая горячка, которою переболѣла большая половина экипажа. Умерло, къ счастью, всего лишь трое матросовъ.

Послѣ сорокавосьмидневнаго плаванія эскадра Байрона достигла 10-го февраля южно-африканскаго прибрежья и три дня спустя стала на якорь въ Столовой бухтѣ. Англійскія суда могли запастись въ Капштадтѣ всѣмъ, что было для нихъ необходимо. Прѣсная вода, продовольственные запасы, лѣкарства — все это было погружено съ поспѣшностью, свидѣтельствовавшей о томъ, что Байронъ и его товарищи сгорали нетерпѣніемъ какъ можно скорѣе вернуться на родину. Дѣйствительно, тотчасъ-же затѣмъ англійскія суда снова отправились въ путь.

Во время плаванія по Атлантическому океану смѣлымъ мореходцамъ пришлось пережить еще слѣдующихъ два приключенія:

„На широтѣ острова св. Елены, говоритъ Байронъ, въ значительномъ разстояніи отъ земли мы всѣ вдругъ почувствовали такой толчокъ, какъ если-бъ нашъ корабль набѣжалъ на отмель. Погода стояла прекрасная и мы шли со свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ, а потому, разумѣется, никакъ не могли ожидать подобнаго казуса. Мы всѣ очень перепугались и выбѣжали на палубу, однако-же вскорѣ успокоились, увидѣвъ, что море вокругъ насъ окрасилось на значительномъ протяженіи кровью. Мы заключили изъ этого, что нашъ корабль столкнулся на полномъ ходу съ какимъ-нибудь китомъ или другимъ морскимъ чудовищемъ и что онъ самъ не потерпѣлъ никакихъ аварій. Заключеніе наше оказалось совершенно правильнымъ“.

Спустя нѣсколько дней выяснилось, что „Тамаръ“ настолько уже пострадалъ отъ продолжительнаго плаванія, что наврядъ-ли можетъ дойти до береговъ Англіи. Въ особенно плохомъ состояніи оказался его руль. Пришлось взамѣнъ его придумать для управленія судномъ особое механическое приспособленіе. Затѣмъ Байронъ долженъ былъ отправить „Тамаръ“ къ Антильскимъ островамъ, куда онъ благополучно и прибылъ.

Что касается „Дельфина“, то онъ 9-го мая 1766 года, послѣ кругосвѣтнаго плаванія, продолжавшагося почти $23^1/_2$ мѣсяца, сталъ наконецъ на якорь въ Лондонскомъ портѣ. Это было самое счастливое изъ всѣхъ кругосвѣтныхъ плаваній, совершенныхъ до тѣхъ поръ англійскими мореходцами.

Замѣтимъ при этомъ, что это было также первое путешествіе, предпринятое съ научною цѣлью. Если оно не принесло такихъ богатыхъ результатовъ, какихъ можно было, повидимому, отъ него ожидать, то въ этомъ никоимъ образомъ нельзя обвинять самого Байрона, выказавшаго, напротивъ того, замѣчательную смѣтливость и умѣнье. Вся отвѣтственность въ данномъ случаѣ лежитъ на лордахъ адмиралтейства, которые не дали Байрону достаточно опредѣленныхъ инструкцій и не отправили въ это путешествіе ученыхъ спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія. Въ послѣдующихъ путешествіяхъ, предпринимавшихся съ научною цѣлью, не дѣлалось уже подобныхъ промаховъ.

Заслуги Байрона были, однако, оцѣнены по достоинству: онъ получилъ адмиральскій чинъ и важное назначеніе въ Остъ-Индіи. Послѣдняя эпоха его жизни не касается разсматриваемаго нами здѣсь предмета, поэтому мы не станемъ о ней распространяться и замѣтимъ лишь, что адмиралъ Байронъ скончался въ 1786 году.

II.

Валлисъ и Картеретъ.—Приготовленія къ экспедиціи. — Трудное плаваніе въ Магеллановомъ проливѣ. — «Дельфинъ» разстается съ «Ласточкой». — Островъ св. Троицы.—Островъ Королевы Шарлотты. — Острова Кумберландскіе, Генриха и т. д.—Таити.—Острова Гоу, Боскевена и Кеппеля.— Островъ Валлиса.—Батавія.—Мысъ Доброй Надежды.—Дюны.—Открытіе Картеретомъ острововъ: Питкерна, Оснабрюка и Глочестера. — Архипелагъ св. Креста. — Соломоновы острова.—Каналъ св. Георгія и Новая Ирландія.—Портландскіе острова и острова Адмиралтейства.—Макассаръ и Батавія.—Встрѣча съ Бугенвиллемъ въ Атлантическомъ океанѣ.

Толчокъ былъ уже данъ. Англія вступила на стезю великихъ научныхъ путешествій, долженствовавшихъ принести такіе блестящіе плоды и доставить такъ много славы британскому флоту. Кругосвѣтныя плаванія послужили превосходною школой для офицеровъ и матросовъ англійскаго флота. Непредвидѣнныя случайности, съ которыми приходилось сталкиваться на каждомъ шагу, развивали самыя высокія качества моряка, воина, а порой даже и человѣка. Если во время войнъ и революцій первой имперіи англійскій флотъ имѣлъ почти во всѣхъ случаяхъ такой по-

давляющій перевѣсъ надъ французскимъ, то это слѣдуетъ отчасти приписать пройденной имъ прекрасной школѣ, отчасти же раздиравшимъ Францію внутреннимъ раздорамъ, увлекшимъ большинство французскихъ офицеровъ въ ряды эмиграціи. Какъ-бы то ни было, англійское адмиралтейство, по возвращеніи Байрона, рѣшилось тотчасъ-же организовать новую научную экспедицію. Кажется даже, что оно при этомъ ужъ слишкомъ поторопилось. „Дельфинъ" вошелъ въ Лондонскій портъ въ началѣ мая мѣсяца, а 19-го іюня, т.-е. шесть недѣль спустя, назначенъ былъ командиромъ этого судна капитанъ Самюэль Валлисъ.

Капитанъ Валлисъ все время служилъ въ военномъ флотѣ, занималъ важный постъ въ Канадѣ и содѣйствовалъ взятію Луисбурга. Мы не знаемъ, какими именно соображеніями руководствовалось адмиралтейство, поручая Валлису начальство надъ предположенной новой научной экспедиціей, но, во всякомъ случаѣ, благороднымъ лордамъ не пришлось раскаиваться въ сдѣланномъ ими выборѣ.

Валлисъ безотлагательно приступилъ къ исправленіямъ, въ которыхъ нуждался „Дельфинъ", и 21-го августа, т.-е. черезъ два мѣсяца послѣ назначенія своего командиромъ этого корабля, привелъ уже его на Плимутскій рейдъ, гдѣ засталъ шлюпъ „Ласточку" и транспортъ „Принцъ Фредерикъ" въ полной готовности сопутствовать ему въ кругосвѣтномъ плаваніи. „Принцъ Фредерикъ" состоялъ подъ командой Брайна, „Ласточкой" же командовалъ Филиппъ Картеретъ, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ англійскаго флота, совершившій уже съ коммодоромъ Байрономъ путешествіе вокругъ свѣта. Второе кругосвѣтное путешествіе должно было составить ему еще бо́льшую извѣстность.

Къ несчастью, „Ласточка" казалась мало пригодной къ предстоявшему ей трудному плаванію: это былъ старый шлюпъ, прослужившій уже цѣлое тридцатилѣтіе, и съ весьма недостаточною обшивкой. Киль его не былъ даже обитъ гвоздями, которые, за отсутствіемъ обшивки, могли бы хоть сколько-нибудь защитить его отъ червоточины. Наконецъ съѣстные припасы и товары для мѣновой торговли были распредѣлены такъ странно, что большая часть ихъ досталась „Дельфину", на „Ласточку" же было отпущено сравнительно очень недостаточное количество. Тщетно капитанъ Картеретъ просилъ адмиралтейство снабдить его шлюпъ запасными канатами, походною кузницей, желѣзомъ

и разными другими предметами, необходимость которыхъ имѣть подъ рукой онъ уже извѣдалъ на опытѣ. Адмиралтейство отвѣчало, что „Ласточка“ и ея снаряженіе вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Отвѣтъ этотъ убѣдилъ Картерета, что шлюпъ этотъ не пойдетъ далѣе Фалкландскихъ острововъ, тѣмъ не менѣе онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобъ по возможности пополнить снаряженіе судна.

Какъ только всѣ приготовленія были окончены, т. е. 21-го августа 1762 года, маленькая эскадра снялась съ якоря. Валлисъ не замедлилъ убѣдиться, что „Ласточка“, несмотря на свое прозвище, очень плохой ходокъ и что она доставитъ ему во время плаванія немало хлопотъ. Однако, все шло благополучно до самой Мадеры, гдѣ эскадра остановилась, чтобъ пополнить израсходованные уже частью запасы продовольствія.

При отплытіи оттуда Валлисъ передалъ Картерету копію съ своихъ инструкцій и назначилъ „Голодный“ портъ въ Магеллановомъ проливѣ сборнымъ пунктомъ на случай, если суда потеряютъ другъ друга изъ виду. Слѣдующая затѣмъ стоянка въ портѣ Прайѣ, на островѣ Сантъ-Яго, была очень непродолжительна, такъ какъ оказалось, что на островѣ свирѣпствуетъ оспа. Валлисъ не дозволилъ даже никому изъ своихъ матросовъ и офицеровъ съѣзжать на берегъ. Вскорѣ послѣ того, какъ эскадра перешла черезъ экваторъ въ южное полушаріе, съ транспорта поднятъ былъ сигналъ „бѣдствія“ и пришлось отправить туда плотника, чтобъ задѣлать течь, обнаружившуюся съ праваго борта. Продовольственные припасы, отпущенные на это судно, оказались недоброкачественными, и вслѣдствіе того среди экипажа его было уже много больныхъ.

19-го ноября къ 8-ми часамъ вечера замѣченъ былъ на сѣверовостокѣ блестящій метеоръ, несшійся съ изумительной быстротою почти горизонтально по направленію къ юго-западу. Метеоръ этотъ виденъ былъ въ теченіе почти цѣлой минуты и оставлялъ послѣ себя такую яркую полосу свѣта, что палуба корабля казалась освѣщенною такъ-же ярко, какъ въ полдень.

8-го декабря эскадра была уже въ виду Патагонскаго прибрежья. Валлисъ шелъ вдоль этого прибрежья до самаго мыса Дѣвы Маріи и съѣхалъ тамъ на берегъ съ отрядомъ вооруженныхъ матросовъ съ „Ласточки“ и „Принца Фредерика“. Собравшаяся тамъ на берегу толпа туземцевъ съ удовольствіемъ при-

няла поднесенные ей подарки, состоявшіе изъ ножей, ножницъ и тому подобныхъ бездѣлушекъ, но ни за что не хотѣла уступить пришельцамъ убитыхъ на охотѣ гуанакъ, страусовъ и другой дичи.

„Мы измѣрили ростъ нѣкоторыхъ туземцевъ, казавшихся намъ самыми высокими, говоритъ Валлисъ. Одинъ изъ нихъ оказался ровно въ шесть футовъ и семь дюймовъ; многіе были ростомъ всего лишь въ пять футовъ пять дюймовъ, но большинство было ростомъ отъ пяти футовъ шести дюймовъ до шести футовъ".

Футъ, употреблявшійся при этомъ Валлисомъ, былъ обыкновенный англійскій или русскій футъ, равный 305 м.м. Если патагонцы и не оказались такими великанами, какими изображали ихъ первые путешественники въ своихъ описаніяхъ, то все-же они были народъ довольно рослый.

„У каждаго изъ туземцевъ, прибавляетъ Валлисъ, имѣлось за поясомъ совершенно особое метательное оружіе: два круглыхъ камня, обшитыхъ кожей и вѣсившихъ по фунту каждый; камни эти были прикрѣплены къ веревкѣ длиною приблизительно въ 8 футовъ; туземцы употребляютъ ихъ вмѣсто пращи. Держа одинъ изъ камней въ рукѣ, они махаютъ другимъ вокругъ головы до тѣхъ поръ, пока онъ не пріобрѣтетъ достаточной скорости, и затѣмъ бросаютъ оба камня въ предметъ, въ который желаютъ попасть. Они такъ ловко владѣютъ этимъ оружіемъ, что съ разстоянія пятнадцати шаговъ попадаютъ обоими камнями въ цѣль величиною не болѣе шиллинга. Замѣчательно однако, что они не употребляютъ этого оружія на охотѣ за гуанаками и страусами".

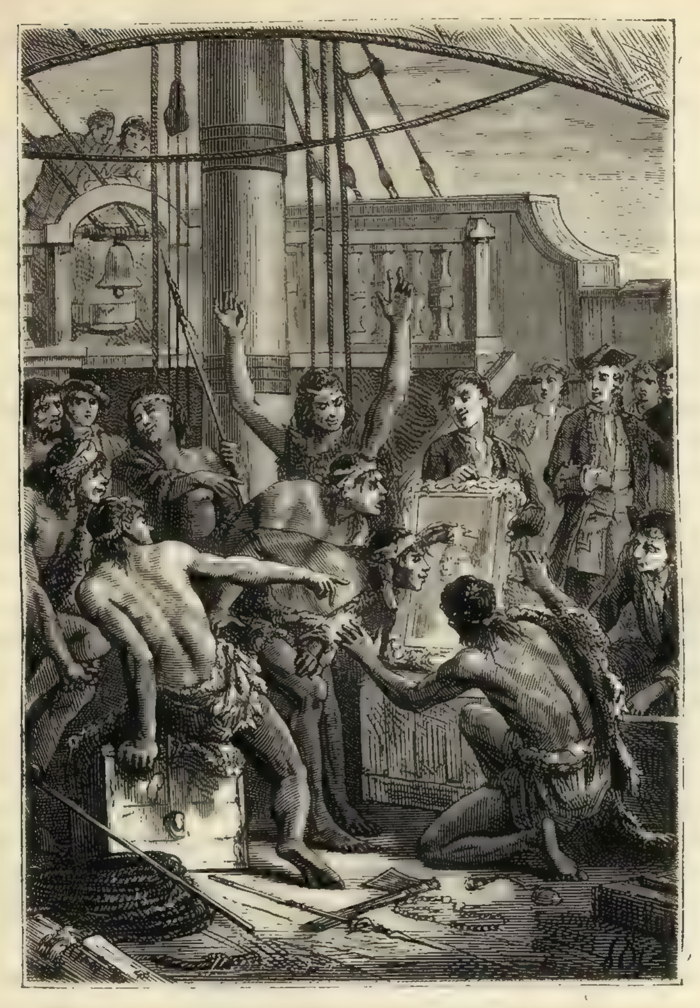
Валлисъ пригласилъ восьмерыхъ патагонцевъ къ себѣ на корабль. Дикари эти не выказали при видѣ столькихъ необычайныхъ и новыхъ для нихъ предметовъ особеннаго удивленія. Ихъ изумило въ сущности одно только зеркало; они то подходили къ нему, то отступали назадъ, подпрыгивали, махали руками и дѣлали передъ зеркаломъ разныя ужимки и гримасы, хохотали во все горло и съ большимъ оживленіемъ разсказывали другъ другу свои впечатлѣнія. Живыя свиньи, находившіяся на кораблѣ, тоже до нѣкоторой степени заинтересовали туземцевъ, но болѣе всего понравились имъ индюки и цесарки. Патагонцамъ видимо не хотѣлось уѣзжать съ корабля; ихъ съ трудомъ лишь

уговорили сѣсть въ шлюпку и вернуться на берегъ къ ожидавшимъ тамъ товарищамъ. Дорогой дикари все время пѣли пѣсни и были, казалось, въ самомъ прекрасномъ настроеніи духа.

17-го декабря Валлисъ далъ „Ласточкѣ“ сигналъ стать въ головѣ эскадры и плыть въ Магеллановъ проливъ. Благополучно достигнувъ „Голоднаго“ порта, англичане разбили на берегу два большихъ шатра для больныхъ, дровосѣковъ и парусниковъ. Рыба, которую ловили каждый день въ количествѣ достаточномъ для продовольствія всего экипажа, обиліе селлерея и кислыхъ ягодъ, похожихъ на клюкву и барбарисъ,—все это содѣйствовало быстрому выздоровленію цынготныхъ больныхъ, которыхъ было особенно много на „Принцѣ Фредерикѣ“. Что касается самыхъ судовъ, то ихъ протимберовали и отчасти проконопатили; паруса были починены; весь такелажъ тщательно осмотрѣнъ и приведенъ въ порядокъ и вся эскадра была приведена вскорѣ опять въ полную исправность.

Разставаясь съ „Голоднымъ“ портомъ, Валлисъ приказалъ заготовить большое количество дровъ и строевого лѣса; все это было погружено на „Принца Фредерика“, долженствовавшаго идти къ Фалкландскимъ островамъ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни единаго деревца. Вмѣстѣ съ тѣмъ Валлисъ приказалъ вырыть съ корнями нѣсколько тысячъ молодыхъ деревьевъ и поручилъ лейтенанту Брайну посадить ихъ въ окрестностяхъ порта Эгмонта. Если-бъ деревья тамъ принялись, то это было бы дѣйствительно благодѣяніемъ для мореходцевъ, которымъ приходится иногда приставать къ Фалкландскимъ островамъ. Снятые съ транспорта продовольственные запасы были распредѣлены между „Дельфиномъ“ и „Ласточкой“. У „Дельфина“ оказался потомъ запасъ продовольствія на годъ, а у „Ласточки“ на десять мѣсяцевъ.

Мы не станемъ распространяться о приключеніяхъ, которымъ подвергались, выйдя изъ „Голоднаго“ порта, оба эти корабля въ Магеллановомъ проливѣ. Скажемъ только, что неожиданные шквалы, бури, вьюги, неизслѣдованныя морскія теченія, туманы и необычайно сильные приливы и отливы неоднократно ставили ихъ въ самое критическое положеніе. „Ласточка“ пострадала при этомъ такъ сильно, что капитанъ Картеретъ обратился къ Валлису съ просьбой принять во вниманіе совершенную негодность его судна для предстоящаго путешествія. Вмѣстѣ съ тѣмъ



Ихъ изумило только зеркало.

Картеретъ просилъ Валлиса дать ему формальное предписаніе въ томъ смыслѣ, какой найдетъ умѣстнымъ по совѣсти и долгу службы.

„Инструкціи адмиралтейства высказываются на этотъ счетъ совершенно категорически,—отвѣчалъ Валлисъ.—Исполняя эти инструкціи, вы должны, пока это будетъ возможно, сопровождать „Дельфина“. Знаю, что ваша „Ласточка“ плохой ходокъ; я буду сообразоваться съ этимъ и слѣдовать за ея движеніемъ. Необхо-

димо, чтобъ, въ случаѣ несчастья съ однимъ изъ судовъ, другое, находящееся вблизи, могло бы своевременно подать ему помощь.

Картеретъ не могъ на это ничего возразить, хотя и не ожидалъ, чтобы путешествіе это для его „Ласточки" окончилось благополучно.

При выходѣ изъ Магелланова пролива въ Тихій океанъ, эскадра встрѣчена была самой отвратительной погодой. Густой туманъ, порывистый вѣтеръ съ дождемъ и снѣгомъ, теченіе, которымъ несло на подводные утесы, страшное волненіе на морѣ— таковы были препятствія, задержавшія эскадру въ проливѣ до самаго 10-го апрѣля, когда на высотѣ мыса Пиларъ „Дельфинъ" потерялъ „Ласточку" изъ виду. За все время путешествія корабли эти болѣе уже не встрѣчались другъ съ другомъ, такъ какъ Валлисъ упустилъ назначить Картерету мѣсто, на которомъ тотъ долженъ былъ его обождать.

Прежде чѣмъ мы послѣдуемъ за Валлисомъ въ его путешествіи по Тихому океану, мы приведемъ съ его словъ нѣкоторыя подробности относительно Огненной Земли и ея обитателей.

Эти жалкіе дикари, находящіеся въ самомъ бѣдственномъ положеніи и, повидимому, на самой низшей ступени человѣческаго развитія, питаются сырымъ мясомъ тюленей и пингвиновъ.

„Одинъ изъ нашихъ матросовъ, говоритъ Валлисъ, занимавшійся уженіемъ, далъ туземцу только что пойманную живую рыбу немного болѣе сельди; туземецъ схватилъ ее съ жадностью собаки, которой брошена кость; онъ сначала умертвилъ рыбу, укусивъ ее немного повыше жабръ, а затѣмъ принялся пожирать ее, начиная съ головы и до самаго хвоста, съ костями, плавниками, чешуей и кишками".

Туземцы съ такою-же жадностью пожирали вообще все съѣдобное, сырое и вареное, свѣжее и соленое, но ни за что не хотѣли пить ничего кромѣ воды. Единственная ихъ одежда состояла изъ грязной тюленьей шкуры, ниспадавшей имъ до колѣнъ. У нихъ не было другого оружія кромѣ дротика съ наконечникомъ изъ рыбьей кости. У всѣхъ болѣли глаза, по всѣмъ вѣроятіямъ отъ дыма, которымъ они стараются разгонять москитовъ. Наконецъ, все тѣло туземцевъ издавало невыносимый зловонный запахъ, напоминавшій запахъ лисицы, что, безъ сомнѣнія, обусловливалось крайнею ихъ неопрятностью.

Картина эта, правда, не особенно лестная, писана, однако, съ

натуры, какъ засвидѣтельствовали и всѣ позднѣйшіе путешественники. Эти дикари, которые своимъ развитіемъ такъ мало еще отличаются отъ высшихъ животныхъ, находятся, повидимому въ состояніи полнаго застоя. Они не вѣдаютъ никакого развитія и прозябаютъ въ столь-же бѣдственномъ положеніи, какъ и ихъ предки, не помышляя о томъ, чтобъ выйти изъ жалкаго своего положенія, и даже какъ-будто не ощущая потребности какого бы то ни было улучшенія.

„Мы покинули, такимъ образомъ, говоритъ Валлисъ, эту дикую и нелюдимую страну, гдѣ, въ теченіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ, находились почти постоянно въ опасности потерпѣть крушеніе. Тамъ, среди лѣта, вѣчные туманы, холода и бури. Въ долинахъ почти нигдѣ нѣтъ зелени, а на горахъ—лѣсу. Земля представляется тамъ скорѣе развалинами отжившаго міра, чѣмъ обиталищемъ живыхъ существъ“.

Выбравшись изъ пролива, Валлисъ взялъ курсъ на западъ. Погода стояла самая неблагопріятная. Густые туманы, порывистый вѣтеръ и сильное волненіе дѣлали плаваніе крайне затруднительнымъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль на кораблѣ все было пропитано сыростью. Эта постоянная сырость порождала простуды и горячки, къ которымъ вскорѣ присоединилась цынга. Достигнувъ 32° южной широты и 100° западной долготы, Валлисъ повернулъ прямо къ сѣверу.

6-го іюня, къ общей радости всего экипажа, открыты были два острова. Тотчасъ же были спущены на воду шлюпки. Лейтенантъ Фурно съ командой вооруженныхъ матросовъ высадился на берегъ.

На островѣ собрано было нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ и большое количество противоцынготныхъ травъ, но англичане не нашли тамъ ни жилья, ни жителей. Островъ этотъ, открытый наканунѣ Троицына дня, названъ былъ островомъ св. Троицы. Онъ лежитъ подъ 19° 26′ южной широты и 137° 56′ восточной долготы, и, подобно сосѣднимъ островамъ, причисляется къ архипелагу Помоту.

На другой день пытались вступить въ сношенія съ обитателями другого острова, но берегъ этого острова былъ такъ крутъ, а туземцы выказывали такое враждебное настроеніе, что приставать къ острову признано было неумѣстнымъ. Пролавировавъ всю ночь, Валлисъ выслалъ, однако, утромъ шлюпки опять

къ берегу, строго приказавъ воздерживаться отъ всякихъ насилій по отношенію къ туземцамъ.

Приближаясь къ острову, лейтенантъ Фурно съ удивленіемъ замѣтилъ, что все туземное населеніе поспѣшно усаживается въ большія двухмачтовыя пироги. Пироги эти, которыхъ было числомъ семь, не замедлили отчалить. Выждавъ удаленіе туземцевъ, англичане пристали къ берегу и осмотрѣли весь островъ. Они нашли тамъ нѣсколько цистернъ съ отличной прѣсной водой. Почва острова была ровная и песчанистая, густо поросшая деревьями, среди которыхъ было много кокосовыхъ и другихъ пальмъ. Найдено было также множество противуцынготныхъ растеній.

Туземцы, какъ разсказывается въ описаніи путешествія Валлиса, были средняго роста. Цвѣтъ кожи у нихъ смуглый; длинные черные волосы ниспадаютъ на плечи. Мужчины хорошо сложены, а женщины очень красивы. Одежда у тѣхъ и другихъ состоитъ изъ куска грубой ткани, перехваченнаго поясомъ, такъ что ее, казалось, можно было приподымать и набрасывать на плечи.

Пополудни Валлисъ снова послалъ своего лейтенанта на берегъ, чтобы запастись прѣсной водой и вступить, именемъ короля Георга III, во владѣніе этимъ островомъ, который былъ названъ, въ честь англійской королевы, островомъ „Королевы Шарлотты".

Лично осмотрѣвъ островъ и убѣдившись, что тамъ можно будетъ безъ труда прокормить экипажъ „Дельфина", Валлисъ рѣшился остановиться тамъ на цѣлую недѣлю.

Во время прогулокъ по острову англичане собрали цѣлую коллекцію туземныхъ инструментовъ изъ раковинъ и заостренныхъ камней, обдѣланныхъ въ формѣ скребковъ, долотъ, шильевъ и т. п. Они нашли также недостроенныя лодки, сшитыя изъ досокъ. Всего болѣе удивленія возбудили однако туземныя гробницы, состоявшія изъ навѣсовъ, подъ которыми трупы разлагались на открытомъ воздухѣ. Удаляясь съ острова, Валлисъ оставилъ тамъ значительное число топоровъ, гвоздей, бутылокъ и т. п. предметовъ, чтобы вознаградить такимъ образомъ туземцевъ за понесенные ими хлопоты и убытки.

XVIII-й вѣкъ, какъ извѣстно, щеголялъ филантропическими своими идеалами, и судя по описаніямъ путешествій, тогдашніе

мореплаватели считали долгомъ почти во всѣхъ случаяхъ слѣдовать этимъ идеаламъ. Сравнительно съ предшествовавшимъ столѣтіемъ, цивилизованное человѣчество сдѣлало большой шагъ впередъ. Заключенная въ концѣ XVIII вѣка конвенція о противозаконности торговли неграми была лишь выраженіемъ тогдашняго общественнаго мнѣнія.

Отплывъ отъ острова „Королевы Шарлотты", Валлисъ встрѣтилъ въ тотъ-же день другой островъ. Промѣры, произведенные вдоль берега, показали, что лотъ нигдѣ не достаетъ до дна. Островъ этотъ, очень низменный, поросшій лѣсомъ, повидимому служилъ для жителей сосѣднихъ острововъ лишь временнымъ пристанищемъ, когда они отправлялись на охоту или рыбную ловлю. На немъ не видно было ни жилья, ни кокосовыхъ пальмъ. Валлисъ не счелъ поэтому за нужное тамъ останавливаться. Въ честь тогдашняго перваго лорда адмиралтейства, графа Эгмонта, островъ этотъ былъ названъ островомъ Эгмонта.

Слѣдующіе затѣмъ дни ознаменовались тоже открытіями. Новые острова названы были: островомъ Глочестера, герцога Кумберландскаго, Вильгельма-Генриха и Оснабрюка. Лейтенантъ Фурно, не приставая къ острову Оснабрюку, досталъ отъ жителей этого острова нѣкоторое количество плодовъ и свѣжей провизіи, необходимой для экипажа. Замѣтивъ на берегу нѣсколько двойныхъ пирогъ, онъ разсудилъ, что по сосѣдству должны находиться болѣе обширные острова, на которыхъ „Дельфинъ" въ состояніи будетъ удобнѣе запастись всѣмъ для себя необходимымъ.

Предположеніе это не замедлило оправдаться. 19-го іюня на восходѣ солнца англичане съ удивленіемъ увидѣли себя окруженными нѣсколькими сотнями большихъ и малыхъ пирогъ, на которыхъ находилось болѣе 800 туземцевъ. Пироги эти держались сперва поодаль отъ корабля, но затѣмъ нѣкоторые изъ туземцевъ рѣшились подплыть къ нему ближе, держа въ рукахъ вѣтви банана, служившія у нихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, символомъ мирнаго настроенія. Они взобрались на корабль и начали дѣятельную мѣновую торговлю, когда эти дружественныя сношенія чуть не были прерваны слѣдующимъ довольно забавнымъ приключеніемъ.

Козелъ, случайно выскочившій на палубу, боднулъ одного изъ туземцевъ въ спину. Обернувшись, туземецъ увидѣлъ передъ

собою страшнаго рогатаго звѣря, который, поднявшись на дыбы, собирался снова кинуться на него. Не помня себѣ отъ ужаса, туземецъ бросился въ море. Бывшіе на кораблѣ его товарищи послѣдовали его примѣру, напомнивъ собою извѣстное Панургово стадо. Они, впрочемъ, вскорѣ успокоились и, снова вернувшись на корабль, изощряли всю свою ловкость и хитрость, чтобы стянуть то, что лежало поплоше. За ними смотрѣли, какъ говорится, въ оба; тѣмъ не менѣе у одного офицера все-таки была украдена форменная его треуголка, обшитая галуномъ. Тѣмъ временемъ корабль шелъ вдоль берега, отыскивая себѣ защищенную отъ вѣтровъ, удобную якорную стоянку. Шлюпки давно уже были спущены на воду и производили промѣры, держась почти вплоть къ берегу.

Никогда въ продолженіе всего этого путешествія англичанамъ не случалось еще видѣть такой прелестной и живописной мѣстности. Прибрежье было покрыто рощицами, надъ которыми высились граціозные вѣеры кокосовыхъ пальмъ. Въ тѣни этихъ рощицъ разбросаны были хорошенькія хижины туземцевъ; на заднемъ планѣ воздымалась амфитеатромъ цѣпь зеленѣющихъ холмовъ, между которыми змѣились серебристыми лентами многочисленные ручейки.

Близъ входа въ просторную бухту шлюпки, ушедшія далеко отъ корабля, были внезапно окружены цѣлою флотиліей пирогъ. Желая избѣжать столкновенія, Валлисъ приказалъ дать на воздухъ залпъ изъ девяти пушекъ. Туземцы сперва было испугались выстрѣловъ, но затѣмъ стали опять приближаться къ шлюпкамъ. Тогда шлюпкамъ поданъ былъ сигналъ возвращаться назадъ. Съ туземныхъ пирогъ, мимо которыхъ проходила одна изъ шлюпокъ, посыпался на нее градъ камней. Нѣсколько матросовъ было ранено. Тогда офицеръ, командовавшій шлюпкой, выстрѣлилъ въ аттакующихъ изъ двустволки, заряженной дробью; одинъ изъ туземцевъ былъ раненъ, а остальные обратились въ бѣгство.

На другой день „Дельфинъ“ бросилъ якорь близъ устья довольно большой рѣчки на глубинѣ стадвадцати футовъ. Корабль былъ тотчасъ-же окруженъ туземными лодками, на которыхъ привезено было множество свиней, домашней птицы и плодовъ. Туземцы охотно мѣняли все это на гвозди, мелкіе металлическіе товары и стеклярусъ. Тѣмъ не менѣе одна изъ шлюпокъ, по-

Туземцы держали въ рукахъ вѣтви банана.

сланныхъ для производства промѣровъ близъ берега, подверглась нападенію туземцевъ, вооруженныхъ дубинами и веслами. Матросы, видя себя въ меньшинствѣ, принуждены были прибѣгнуть къ оружію. Одинъ изъ нападавшихъ былъ убитъ, другой раненъ, остальные же побросались въ воду. Видя, что ихъ не преслѣдуютъ и что они сами были зачинщиками ссоры, туземцы вернулись къ „Дельфину" и принялись торговать попрежнему.

Вернувшись на корабль, офицеры, командовавшіе шлюпками, сообщали, что туземцы приглашали ихъ сойти на берегъ. Особенно желали этого, повидимому, туземныя дамы, выказывавшія весьма краснорѣчивыми и удобопонятными жестами стремленіе какъ можно короче познакомиться съ чужеземцами. Близъ берега найдена была прекрасная якорная стоянка, очень удобная для того, чтобъ запастись прѣсной водой. Прежняя стоянка была тоже не дурна, но во время волненія корабль на ней сильно качало. Валлисъ рѣшился поэтому сняться съ якоря и перейти на болѣе удобное мѣсто, въ шести или семи миляхъ отъ прежняго. Надо было предварительно отойти отъ берега и затѣмъ спуститься по вѣтру въ бухту. „Дельфину" чуть было при этомъ не пришлось извѣдать горькимъ опытомъ, что синица въ рукахъ гораздо надежнѣй журавля въ небѣ.

Несмотря на то, что шлюпки высланы были впередъ для производства промѣровъ, „Дельфинъ" наткнулся на подводную скалу и сѣлъ на нее носовой частью. Безотлагательно приняты были всѣ мѣры, употребляемыя обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Къ ужасу экипажа, за цѣпью коралловыхъ рифовъ лотъ нигдѣ не доставалъ дна. Нельзя было поэтому закинуть верпъ и съ помощью ворота стянуться со скалы. Положеніе становилось критическимъ. Корабль било дномъ о скалу, а многочисленная флотилія изъ нѣсколькихъ сотъ туземныхъ пирогъ, казалось, смотрѣла на него какъ на вѣрную добычу и съ нетерпѣніемъ ждала окончательнаго его крушенія. Къ счастью, дѣло до этого не дошло. Часъ спустя поднялся благопріятный вѣтерокъ, при помощи котораго „Дельфинъ" снялся со скалы и безъ дальнѣйшихъ приключеній пришелъ на выбранную для него новую стоянку, которая, дѣйствительно, оказалась весьма удобной. Онъ потерпѣлъ лишь очень легкія аваріи, которыя были немедленно исправлены.

Въ виду неоднократныхъ враждебныхъ покушеній со стороны туземцевъ, надо было принять соотвѣтственныя мѣры военной предосторожности. Валлисъ раздѣлилъ экипажъ на четыре смѣны, одна изъ которыхъ должна была стоять въ ружьѣ, и приказалъ зарядить пушки. Тѣмъ временемъ число туземныхъ пирогъ, окружавшихъ корабль, болѣе и болѣе возрастало. Сперва туземцы занимались какъ-будто мѣновымъ торгомъ, но затѣмъ начали подходить пироги, на которыхъ, вмѣсто домашней птицы, свиней

и плодовъ, были навалены только груды каменьевъ. На большихъ пирогахъ было сравнительно больше народу, чѣмъ на малыхъ.

Внезапно, по знаку, поданному съ одной изъ пирогъ, посыпался на корабль градъ камней. Валлисъ приказалъ отвѣтить на это нападеніе ружейнымъ залпомъ и двумя картечными выстрѣлами. Атакующіе сначала смѣшались, но вскорѣ оправились и мужественно возобновляли еще два раза нападеніе. Валлисъ, видя, что численность непріятеля болѣе и болѣе возрастаетъ, начиналъ уже опасаться за исходъ боя, когда неожиданный случай положилъ конецъ всѣмъ его опасеніямъ.

Въ числѣ пирогъ, особенно энергически напиравшихъ на „Дельфина" съ носовой его части, на одной находился повидимому вождь туземной флотиліи, такъ какъ съ этой пироги поданъ былъ и сигналъ къ нападенію. Мѣткій пушечный выстрѣлъ переломилъ эту двойную пирогу и побудилъ туземцевъ къ немедленному отступленію. Оно было произведено съ такою поспѣшностью, что полчаса спустя не оставалось болѣе въ виду ни одной туземной ладьи. Корабль втянулся тогда въ бухту и сталъ неподалеку отъ берега, такъ, чтобъ поддержать, если понадобится, дессантъ огнемъ своей артиллеріи. Затѣмъ лейтенантъ Фурно съ сильнымъ отрядомъ вооруженныхъ матросовъ и морскихъ солдатъ высадился на берегъ, водрузилъ на немъ англійскій флагъ и вступилъ, именемъ англійскаго короля, во владѣніе островомъ, который названъ былъ островомъ Георга III. У туземцевъ онъ назывался „Таити".

Туземцы пали ницъ передъ англичанами и давали знаками понять, что хотятъ возобновить съ ними дружественныя сношенія, когда Валлисъ, остававшійся вслѣдствіе тяжкой болѣзни на кораблѣ, замѣтилъ, что на отрядъ, посланный запастись прѣсной водой, подготовляется одновременно нападеніе съ сухого пути и съ моря. Онъ разсчиталъ, что борьба окажется тѣмъ менѣе кровопролитной, чѣмъ будетъ она короче, а потому, какъ только туземцы подошли на пушечный выстрѣлъ, онъ далъ по нимъ нѣсколько залповъ, послѣ которыхъ флотилія ихъ разсѣялась.

Чтобы предупредить возобновленіе такихъ покушеній, надо было показать туземцамъ, что съ ними шутить не намѣрены. Необходимъ былъ строгій примѣръ. Валлисъ отправилъ на берегъ плотниковъ, подъ прикрытіемъ сильнаго дессантнаго отряда, и приказалъ имъ переломать всѣ вытащенныя на берегъ лодки.

Такимъ образомъ приведено было въ негодность болѣе полусотни пирогъ, многія изъ которыхъ имѣли до шестидесяти футовъ въ длину. Эта карательная мѣра побудила таитянъ изъявить покорность. Они вынесли на берегъ дары, состоявшіе изъ свиней, собакъ, тканей и плодовъ, а затѣмъ смиренно удалились. Англичане, принявъ эти дары, оставили взамѣнъ ихъ соотвѣтственное количество топоровъ, ножей, ножницъ и разныхъ бездѣлушекъ. Все это было унесено въ лѣсъ туземцами, громко выражавшими свою радость. Такимъ образомъ миръ былъ заключенъ, и на другой день установились между англичанами и туземцами правильныя торговыя сношенія, благодаря которымъ экипажу можно было доставать въ изобиліи свѣжую провизію.

Можно было надѣяться, что туземцы, убѣдившись въ смертоносномъ дѣйствіи англійскаго оружія, не дерзнутъ болѣе ссориться съ грозными чужеземцами. Валлисъ приказалъ поэтому разбить возлѣ рѣчки шатеръ. Туда переведены были всѣ цынготные больные. Тѣмъ временемъ всѣ здоровые матросы чинили снасти и паруса, конопатили и красили судно, чтобъ привести его въ готовность къ предстоявшему еще продолжительному плаванію къ родному англійскому прибрежью.

Между тѣмъ болѣзнь Валлиса приняла очень серьезный характеръ, здоровье старшаго лейтенанта было также очень плохо. Вся отвѣтственность лежала такимъ образомъ на лейтенантѣ Фурно, который оказался, къ счастью, на высотѣ своего положенія. По прошествіи двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ миръ не былъ нарушенъ, самъ капитанъ и всѣ его больные совершенно выздоровѣли.

За это время предложеніе продовольственныхъ припасовъ со стороны туземцевъ значительно уменьшилось. Туземцы же, запасшись значительнымъ количествомъ топоровъ и ножей, подняли цѣну на свои товары. 15-го іюля женщина высокаго роста, которой туземцы выказывали большое уваженіе, удостоила корабль своимъ посѣщеніемъ. Величественная ея осанка, повелительные жесты свидѣтельствовали о занимаемомъ ею на островѣ высокомъ положеніи. Валлисъ тотчасъ же поднесъ ей большой синій плащъ, зеркальце и нѣсколько другихъ бездѣлушекъ, которыя были приняты ею со знаками величайшаго удовольствія. Удаляясь съ корабля, она предложила капитану съѣхать на берегъ и отплатить ей визитъ. Валлисъ сдѣлалъ это на слѣдующій же день,

Прическа жителей Таити (Fac-simile съ древней гравюры).

хотя и чувствовалъ, что силы его еще не вполнѣ окрѣпли. Его проводили въ большую хижину или казу, имѣвшую 327 фут. въ длину и 42 фута въ ширину; ея кровля изъ пальмовыхъ листьевъ поддерживалась пятьюдесятью тремя столбами. Многочисленная толпа, собравшаяся ради этого торжественнаго случая, встрѣтила Валлиса со знаками величайшаго уваженія. Визитъ этотъ ознаменовался слѣдующимъ комическимъ приключеніемъ. Корабель-

ный врачъ, сопровождавшій Валлиса, былъ человѣкъ очень дородный. Онъ очень разгорячился во время ходьбы и, чтобъ нѣсколько освѣжиться, снялъ съ себя парикъ.

Одинъ изъ туземцевъ, замѣтивъ такое чудо, вскрикнулъ отъ изумленія и обратилъ этимъ вниманіе всѣхъ остальныхъ на доктора. Королева и весь ея дворъ словно оцѣпенѣли и съ такимъ же удивленіемъ глядѣли на доктора и злополучный парикъ, который онъ тѣмъ временемъ надѣлъ себѣ опять на голову, какъ если-бъ подозрѣвали, что чужеземцы въ состояніи разнимать себя по частямъ и собирать эти части вновь въ одно цѣлое.

На другой день офицеръ, съ которымъ посланы были королевѣ Обероа подарки въ благодарность за благосклонный пріемъ, оказанный ею капитану Валлису, попалъ какъ разъ на пиршество, которое королева давала своему народу.

На пиршество это собралось до тысячи гостей. Служители королевы подавали ей приготовленныя яства: мясо, жареное и вареное, подавалось въ скорлупахъ кокосовыхъ орѣховъ, а раковины—въ деревянныхъ лоханкахъ. Королева собственноручно раздавала эти яства своимъ гостямъ, сидѣвшимъ и стоявшимъ вокругъ царской казы. Надѣливъ своихъ гостей, она усѣлась сама на возвышенномъ мѣстѣ, въ родѣ эстрады, и начала сама кушать, при чемъ ей прислуживали двѣ женщины. Ея таитское величество открывала свой ротъ, а прислужницы прямо вкладывали ей туда кушанье пальцами.

Дружественныя отношенія, установившіяся между англичанами и таитской королевой, оказались чрезвычайно выгодными для экипажа „Дельфина". Торговыя сношенія съ туземцами снова оживились. Съѣстные припасы появились опять въ изобиліи на рынкѣ и цѣны на нихъ понизились, хотя, впрочемъ, остались еще значительно выше первоначальнаго своего уровня.

Лейтенантъ Фурно произвелъ рекогносцировку вдоль берега по направленію къ западу съ намѣреніемъ составить себѣ понятіе о величинѣ острова и тѣхъ выгодахъ, которыя можно будетъ изъ него извлечь въ торговомъ отношеніи. Туземцы всюду встрѣтили англичанъ самымъ радушнымъ образомъ, но не ощущали повидимому особеннаго желанія продавать имъ продовольственные припасы. Всѣ употреблявшіеся туземцами инструменты и орудія состояли изъ дерева, камня, раковинъ и кости. Лейтенантъ Фурно заключилъ отсюда, что таитяне незнакомы съ упо-

требленіемъ металловъ; у нихъ не было также горшковъ и вообще глиняной посуды. Вслѣдствіе этого они не имѣли никакого понятія о кипяткѣ. Это обнаружилось между прочимъ разъ во время завтрака, сервированнаго на кораблѣ ея величеству королевѣ Обероа. Одинъ изъ высшихъ ея придворныхъ чиновъ, видя, что докторъ, наливая кипятокъ изъ самовара въ чайникъ, поворачиваетъ кранъ, вздумалъ продѣлать тотъ-же фокусъ, но подставилъ вмѣсто чайника руку, при чемъ, разумѣется, страшно обжегся. Боль отъ обжога была настолько чувствительна, что таитскій сановникъ принялся съ пронзительными криками бѣгать по каютѣ, махая обожженной рукой и дѣлая самыя уморительныя гримасы. Прочіе островитяне, бывшіе въ каютѣ, не понимая, что случилось съ ихъ товарищемъ, глядѣли на него со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и ужаса. Корабельный врачъ тотчасъ же сдѣлалъ ему перевязку, но рука у бѣдняги зажила лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней.

Съ нѣкотораго времени Валлисъ сталъ замѣчать, что собственные матросы воруютъ у него гвозди и дарятъ ихъ прелестнымъ островитянкамъ. Дѣло дошло до того, что начали отдирать обшивочные гвозди, чтобы воспользоваться винтами, гвоздями, скобами, и вообще всѣми кусочками желѣза, которыми доски эти прикрѣплялись къ тимберсамъ. Несмотря на самыя строгія карательныя мѣры, воровство не унималось. Валлисъ приказалъ обыскивать всѣхъ матросовъ, отправлявшихся съ корабля на берегъ, но и это не помогло.

Экспедиція, отправленная во внутрь острова, встрѣтила прежде всего обширную живописную долину, по которой протекала хорошенькая рѣчка. Земля была повсюду тщательно обработана и перерѣзана каналами, служившими для орошенія садовъ и плантацій фруктовыхъ деревьевъ. Далѣе вглубь страны рѣчка становилась все извилистѣе, долина суживалась, холмы постепенно замѣнялись горами, а дорога становилась все болѣе и болѣе затруднительнѣе. Офицеръ, которому было поручено произвести эту рекогносцировку, поднялся на вершину горы, находившуюся приблизительно въ шести миляхъ отъ мѣста, гдѣ разбитъ былъ больничный шатеръ. Можно было надѣяться, что съ этой горы виденъ будетъ весь островъ во всѣхъ его деталяхъ, но оказалось, что горизонтъ ограничивается съ трехъ сторонъ еще болѣе высокими горами. Со стороны моря, впрочемъ, ничто не засло-

няло очаровательной картины, раскидывавшейся передъ взорами. Повсюду виднѣлись холмы, одѣтые величественными лѣсами и рощами, на зеленомъ фонѣ которыхъ красиво выдѣлялись туземныя хижины. Долины, испещренныя хижинами, которыя утопали въ садахъ, окруженныхъ живыми изгородями, казались настоящимъ земнымъ раемъ. Почва острова, очевидно, была въ высшей степени плодородною и производила въ особенномъ изобиліи сахарный тростникъ, имбирь, тамариндъ, кокосовыя пальмы и древовидные папоротники.

Валлисъ, убѣжденный, что на Таити могли бы произрастать также многія изъ европейскихъ овощей и плодовыхъ деревьевъ, посадилъ на небольшомъ участкѣ земли неподалеку отъ пристани косточки вишенъ, сливъ и персиковъ, а также зернышки различнаго рода апельсиновъ и лимоновъ; онъ посѣялъ также на грядахъ разнаго рода овощи, подарилъ королевѣ беременную кошку, двухъ пѣтуховъ, нѣсколько куръ, гусей и т. п. животныхъ, которыя могли бы легко расплодиться на островѣ.

Какъ ни было пріятно англичанамъ пребываніе на островѣ, но все-таки надо было подумать и о возвращеніи на родину. Когда Валлисъ сообщилъ королевѣ о предстоящемъ отплытіи корабля, она упала въ кресло и начала плакать такъ горько, что ее долго нельзя было успокоить. Она оставалась до послѣдней минуты на кораблѣ и когда, наконецъ, подняты были паруса, „ея величество нѣжно обняла насъ, говоритъ Валлисъ. Она все время рыдала, да и вообще наши таитскіе друзья прощались съ нами съ такой искренней скорбью, что у меня самого сердце сжалось и на глазахъ навернулись слезы“.

Таитяне встрѣтили англичанъ не особенно привѣтливо и нѣсколько разъ пытались завладѣть съ бою „Дельфиномъ“, такъ что, собственно говоря, нельзя было ожидать послѣ столь несочувственной встрѣчи такого искренняго, дружескаго прощанья, но, какъ говорится, конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Мы приведемъ лишь вкратцѣ замѣтки Валлиса о нравахъ и обычаяхъ таитянъ, такъ какъ мы будемъ еще имѣть случай поговорить объ этихъ интересныхъ островитянахъ впослѣдствіи, описывая путешествіе Бугэнвилля и Кука.

Это въ большинствѣ случаевъ стройные, хорошо сложенные, рослые, смуглолицые люди. Одежда ихъ состоитъ изъ бѣлой ткани, которую они приготовляютъ изъ древесной коры. Весь

ихъ костюмъ состоитъ изъ двухъ кусковъ ткани; одинъ изъ нихъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ одѣяла съ дырою посрединѣ и напоминаетъ собою мексиканское сарапе или пончо южно-американскихъ туземцевъ; другой кусокъ свободно обертывается нѣсколько разъ вокругъ тѣла. Почти всѣ туземцы, какъ мужчины, такъ и женщины, татуируются черточками и точками, изображающими на ихъ кожѣ различныя фигуры. Татуировка эта производится слѣдующимъ образомъ. На кожѣ дѣлаются неглубокіе уколы и надрѣзы, въ которые втираютъ мазь, составленную изъ смѣси особаго растительнаго сока съ масломъ. Мазь эта, послѣ заживленія ранки, оставляетъ въ ней неизгладимый черный пигментъ. Таитяне при посѣщеніи ихъ Валлисомъ находились еще на очень низкой ступени цивилизаціи. Мы упомянули уже, что горшки и глиняная посуда были имъ совершенно неизвѣстны. Когда Валлисъ подарилъ королевѣ Обероа чугунный котелокъ и таганъ, чуть не все населеніе острова собралось посмотрѣть на эту диковинку.

Валлисъ не могъ подмѣтить у туземцевъ даже и признаковъ какихъ-либо религіозныхъ вѣрованій. Онъ говоритъ, впрочемъ, что, подходя къ нѣкоторымъ мѣстамъ (по всѣмъ вѣроятіямъ къ кладбищамъ), туземцы опускали глаза долу, какъ-бы съ выраженіемъ скорби и уваженія.

Одинъ изъ таитянъ, которому очень нравились манеры и обычаи англичанъ, старался имъ всячески подражать. Валлисъ подарилъ ему полный матросскій костюмъ. Іонаѳанъ, какъ прозвали англичане этого переимчиваго туземца, былъ внѣ себя отъ радости. Дѣйствительно, костюмъ пришелся ему совершенно впору. Чтобы совсѣмъ оцивилизовать этого островитянина, Валлисъ хотѣлъ пріучить его къ употребленію вилки, но всѣ старанія ученика и учителя въ этомъ отношеніи остались тщетны. Сила привычки брала свое. Іонаѳанъ невольно подносилъ руку ко рту, такъ что кусокъ, наколотый на вилку, проѣзжалъ у него въ сторону за ухо.

Валлисъ разстался 27-го іюля съ островомъ Георга III. Пройдя мимо острова герцога Іоркскаго, онъ послѣдовательно открылъ еще нѣсколько островов и островковъ, къ которымъ однако не приставалъ. Острова эти были нанесены имъ на карту подъ именами острова Чарльза-Сундерса, лорда Гау, Сциллы, Боскевена и Кеппеля. Враждебное настроеніе туземцевъ и трудности,

съ которыми была бы сопряжена подробная рекогносцировка этихъ острововъ, помѣшали ему познакомиться съ ними поближе.

Въ южномъ полушаріи должна была вскорѣ начаться зима. Въ кораблѣ обнаружилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ течь; особенно сильно повреждена была кормовая часть судна, которую всегда расшатываетъ дѣйствіемъ руля. При такихъ обстоятельствахъ казалось неблагоразумнымъ идти назадъ къ мысу Горну или же Магелланову проливу. Несравненно вѣрнѣе было избрать путь мимо мыса Доброй Надежды, такъ какъ при этомъ можно было остановиться на островѣ Тиніанѣ или же въ Батавіи и произвести тамъ необходимыя починки. Соображенія эти показались Валлису достаточно вѣскими, а потому онъ взялъ курсъ на сѣверо-востокъ и 19-го сентября, послѣ благополучнаго плаванія, о которомъ нечего и разсказывать, бросилъ якорь въ Тиніанской бухтѣ.

Стоянка его тамъ напоминаетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ обстоятельства предшествовавшей стоянки коммодора Байрона. Подобно своему предшественнику, Валлисъ жалуется на страшную жару и на затруднительность запасаться свѣжей провизіей. Бывшіе на „Дельфинѣ“ цынготные больные вскорѣ поправились. Самый корабль былъ противбированъ и проконопаченъ, паруса зачинены, всѣ снасти исправлены, и къ тому-же экипажъ имѣлъ счастье не хворать во все время стоянки ни лихорадками, ни горячками.

16-го октября 1767 года „Дельфинъ“ снова вышелъ въ море. На этотъ разъ ему пришлось выдержать цѣлый рядъ страшныхъ бурь, причинившихъ ему сильныя аваріи. Паруса у него были изорваны, во многихъ мѣстахъ обнаружилась снова течь, руль былъ сильно поврежденъ, а ютъ со всѣмъ, что находилось на носу судна, сорванъ волнами.

Тѣмъ не менѣе Валлису удалось обогнуть Низменные острова и пройти черезъ Формозскій проливъ. Усмотрѣвъ острова Песчаный, Длинный, Новый, а также островъ Кондора, Тиморъ, Аросъ и Пизангъ, Пуло-Тайю, Пуло-Тотэ и Суматру, Валлисъ прибылъ 30-го ноября въ Батавію.

Остальная затѣмъ часть его путешествія не представляетъ особеннаго интереса. Мы упомянемъ поэтому только, что экипажъ „Дельфина“ успѣлъ тоже заразиться въ Батавіи гнилой горячкой. Зайдя въ Столовую бухту и на островъ св. Елены, „Дельфинъ“

вернулся 20-го мая 1768 года въ Лондонскій портъ послѣ 637-дневнаго плаванія.

Жаль, что Гаукесуортъ не сообщаетъ въ подробности инструкціи, которыя были даны Валлису адмиралтействомъ. Не зная въ чемъ состояли эти инструкціи, мы, разумѣется, не можемъ судить въ какой степени онѣ были выполнены смѣлымъ мореплавателемъ. Замѣтимъ только, что онъ почти не уклонялся отъ пути, проложеннаго предшествовавшими ему мореплавателями въ Тихомъ океанѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что почти всѣ они, пройдя черезъ Магеллановъ проливъ или же обогнувъ мысъ Горнъ, направляются прямо къ Опасному архипелагу, оставляя въ сторонѣ ту часть океана, которая наиболѣе изобилуетъ островами и гдѣ капитану Куку предстояло сдѣлать такъ много чрезвычайно важныхъ открытій. Во всякомъ случаѣ Валлисъ высказалъ себя искуснымъ морякомъ и, несмотря на поспѣшное снаряженіе своего судна, сумѣлъ благополучно привести его на родину, преодолѣвъ всѣ трудности опаснаго кругосвѣтнаго плаванія. Человѣколюбіе Валлиса и стараніе его собрать по возможности точныя свѣдѣнія о населеніи острововъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, заслуживаютъ также величайшей похвалы. Если-бъ у него на кораблѣ находилось нѣсколько ученыхъ спеціалистовъ, то путешествіе его, безъ сомнѣнія, обогатило бы науку еще болѣе цѣнными данными. Вина въ этомъ упущеніи падаетъ, разумѣется, не на самого Валлиса, а на англійское адмиралтейство.

Мы упомянули уже, что 10-го апрѣля 1767 года, въ то время, какъ маленькая эскадра Валлиса выходила изъ Магелланова пролива въ Тихій океанъ, „Дельфинъ“ потерялъ въ туманную погоду „Ласточку“ изъ виду. Разлука эта была очень прискорбна для капитана Картерета, который прекрасно зналъ плачевное состояніе своего корабля и недостаточность имѣвшихся у него запасовъ продовольствія. Картерету извѣстно было тоже, что онъ можетъ встрѣтиться съ „Дельфиномъ“ развѣ только въ Англіи, такъ какъ для обоихъ судовъ не было назначено никакого сборнаго пункта. Со стороны Валлиса это было тѣмъ болѣе серьезное упущеніе, что онъ зналъ о плохомъ или, какъ выражается Картеретъ, о неблагонадежномъ состояніи „Ласточки“. Само собою разумѣется, что Картеретъ тщательно скрылъ отъ экипажа свои опасенія.

Къ тому-же бурная погода, встрѣченная „Ласточкой“ въ Тихомъ океанѣ, вовсе неоправдывающемъ свое наименованіе, не позволяла экипажу „Ласточки“ особенно много размышлять о будущемъ. Настоящее было сопряжено съ такими опасностями, борьба съ которыми требовала крайняго напряженія энергіи и вслѣдствіе этого не позволяла задумываться о болѣе отдаленныхъ опасностяхъ.

Выйдя изъ Магелланова пролива, Картеретъ направился сперва къ сѣверу вдоль береговъ Чили. Освидѣтельствовавъ имѣвшійся у него на кораблѣ запасъ прѣсной воды, капитанъ убѣдился, что запасъ этотъ недостаточенъ для предстоящаго перехода. Прежде чѣмъ направиться къ западу, надо было возобновить этотъ запасъ и зайти для этого къ островамъ Хуанъ-Фернандесу или Масъ-а-фуэро.

Погода стояла все время самая скверная. 27-го апрѣля вечеромъ налетѣлъ сильный шквалъ, вслѣдствіе котораго вѣтеръ перемѣнился и сталъ дуть прямо съ носа. Шкваломъ этимъ чуть не сорвало мачты и едва не потопило злополучную „Ласточку“. Буря свирѣпствовала всю ночь. Намокшіе паруса такъ плотно приставали къ мачтамъ, реямъ и штангамъ, что съ трудомъ лишь можно было управлять судномъ.

На другой день волна, нахлынувшая съ кормы, переломила бизань-реи и обкатила все судно. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ можно было думать, что „Ласточка“ немедленно пойдетъ ко дну. Затѣмъ буря временно утихла, какъ-бы для того, чтобъ дать экипажу „Ласточки“ возможность немного отдохнуть и слегка исправить аваріи судна. Послѣ того буря опять возобновилась. Сильные шквалы налетали на „Ласточку“ по нѣсколько разъ въ день до самаго 7-го мая, когда установился попутный вѣтеръ. Три дня спустя „Ласточка“ подходила уже къ острову Хуанъ-Фернандесу.

Картеретъ не зналъ, что испанцы укрѣпили этотъ островъ, а потому былъ очень удивленъ, увидѣвъ на берегу большое количество солдатъ. Оказалось, что близъ самаго моря построена была четырехпушечная батарея, а на холмѣ воздвигнутъ былъ большой фортъ, надъ которымъ развѣвался испанскій флагъ. Въ фортѣ этомъ было прорѣзано до двадцати амбразуръ. Тѣмъ временемъ вѣтеръ опять перемѣнился. Пролавировавъ цѣлый день и убѣдившись въ невозможности войти въ Кумберландскую бухту,

Картеретъ вынужденъ былъ идти къ Масъ-а-фуэро. Близъ этого острова онъ встрѣтилъ подобное же затрудненіе, какъ и у береговъ Хуанъ-Фернандеса. Однако, несмотря на сильный прибой, посланнымъ съ корабля шлюпкамъ удалось привезти нѣсколько бочекъ съ прѣсной водой.

На Масъ-а-фуэро матросы, посланные за водой, убили столько цесарокъ, что ихъ хватило на обѣдъ для всего экипажа. Кромѣ того добыто было нѣсколько тюленей и поймано множество рыбы. Это было во всякомъ случаѣ очень недостаточное вознагражденіе за шквалы и бури, которымъ подвергалась „Ласточка" на пути къ означенному острову.

Вслѣдствіе порывистаго вѣтра „Ласточку" нѣсколько разъ относило отъ Масъ-а-фуэро. Возвращаясь назадъ, Картерету приходилось неоднократно опредѣлять положеніе этого острова. Такимъ образомъ онъ имѣлъ случай провѣрить ошибки, вкравшіяся въ описанія путешествій капитана Ансона и пополнить свѣдѣнія объ означенномъ островѣ многими подробностями, драгоцѣнными для мореплавателей.

Разставшисъ съ Масъ-а-фуэро, Картеретъ взялъ курсъ на сѣверъ въ надеждѣ воспользоваться юго-восточнымъ пассатомъ. Отнесенный вѣтромъ и теченіемъ гораздо далѣе, чѣмъ это входило въ его расчеты, онъ задался цѣлью отыскать острова св. Амвросія, св. Феликса или же св. Павла; такъ какъ Хуанъ-Фернандесъ былъ занятъ уже испанцами, то эти острова, въ случаѣ войны, могли бы пригодиться англичанамъ. Между тѣмъ на картахъ Грина и въ Робертсоновскомъ „Учебникѣ навигаціи" относительно положенія этихъ острововъ давались разнорѣчивыя указанія. Картеретъ, болѣе довѣрявшій учебнику, искалъ ихъ въ сѣверномъ направленіи и, разумѣется, не нашелъ. Основываясь на замѣткѣ, составленной о нихъ корабельнымъ врачомъ Девиса, Везеромъ, Картеретъ полагалъ, что острова св. Амвросія и св. Феликса тождественны съ землей, встрѣченной этимъ флибустьеромъ южнѣе острововъ Галапагосъ. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ двойную ошибку: смѣшалъ упомянутые острова съ землей Девиса, т. е. съ островомъ Пасхи, и отрицалъ существованіе этого послѣдняго острова.

„Подъ этою широтой (въ 18° къ западу отъ Масъ-а-фуэро), говоритъ Картеретъ, ощущались легкіе вѣтерки и сильное сѣверное теченіе. По этимъ и нѣкоторымъ другимъ признакамъ

можно было заключить, что мы находимся неподалеку отъ Земли Дэвиса, которую такъ желательно было найти. Вскорѣ поднялся, однако, опять свѣжій вѣтеръ, мы взяли курсъ на $^1/_4$ юго-востокъ и прошли до 28° южной широты. Отсюда слѣдуетъ, что если-бъ Земля Дэвиса или что-либо подобное существовало, то я бы навѣрно ее встрѣтилъ или, по меньшей мѣрѣ, усмотрѣлъ. Отмѣтивъ затѣмъ положеніе свое на картѣ, я нашелъ свой корабль подъ 28° южной широты и въ 40° къ западу отъ послѣдней опредѣленной мною точки или же, по моему исчисленію, въ 121° къ западу отъ Лондона".

Всѣ мореплаватели были тогда убѣждены въ существованіи южнаго материка, а потому Картеретъ не могъ представить себѣ Землю Дэвиса маленькимъ островомъ, ничтожною точкой въ окружавшемъ его безбрежномъ океанѣ. Не встрѣчая материка, Картеретъ ошибочно заключилъ, что Земли Дэвиса вовсе не существуетъ.

7-го іюня, продолжая свои поиски; Картеретъ находился подъ 28° южной широты и 112° западной долготы, т. е. въ непосредственномъ сосѣдствѣ острова Пасхи. Въ южномъ полушаріи стояла тогда зима. Море все время было очень неспокойно, вѣтеръ дулъ сильный и порывистый, но постоянно мѣнялъ свое направленіе. Погода была сумрачная, туманная и холодная; нерѣдко шелъ снѣгъ или дождь, а иногда бывали и грозы. При такой сумрачной погодѣ и густомъ туманѣ, скрывавшемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней солнечный дискъ, немудрено, что Картеретъ проглядѣлъ островъ Пасхи, хотя многіе признаки, какъ напримѣръ обиліе птицъ, плавучія водоросли и т. п., свидѣтельствовали о близости земли.

Неблагопріятная погода уже сама по себѣ замедляла плаваніе. Къ тому-же „Ласточка" была очень плохимъ ходокомъ. Можно представить себѣ тяжелое, озабоченное настроеніе ея капитана, опасавшагося, чтобъ его экипажу не пришлось умереть съ голоду. Какъ бы ни было, до самаго 2-го іюля корабль шелъ день и ночь на всѣхъ парусахъ, держа курсъ прямо на западъ.

2-го іюля съ салинга „Ласточки" усмотрѣна была земля, лежавшая къ сѣверу отъ корабля. На другой день Картеретъ подошелъ къ ней такъ близко, что ее можно было довольно обстоятельно осмотрѣть. Это былъ островъ или, лучше сказать, боль-

шая скала, имѣвшая до пяти миль въ окружности. Она была покрыта лѣсомъ и казалась необитаемой. Вслѣдствіе сильнаго прибоя нельзя было подойти къ ней на шлюпкѣ. Скалу эту назвали островомъ Питкерна, по имени матроса, которому удалось первому ее усмотрѣть. Здоровье экипажа „Ласточки" было до тѣхъ поръ удовлетворительно, но въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца обнаружилась между матросами цынга.

11-го іюня замѣчена была опять земля подъ 22° южной широты и 141°34′ восточной долготы. Въ честь второго сына короля Георга ее назвали островомъ Оснабрюка.

На слѣдующій день Картеретъ, проходя мимо двухъ другихъ острововъ, послалъ для осмотра ихъ команду матросовъ, которая не нашла тамъ, однако, ни прѣсной воды, ни плодовъ, пригодныхъ въ пищу. Зато матросы поймали руками много птицъ, которыя такъ мало пугались людей, что даже отъ нихъ не улетали.

Всѣ эти острова принадлежатъ къ „Опасному" архипелагу, длинной цѣпи низменныхъ острововъ и атолловъ, приводившихъ въ отчаяніе всѣхъ мореплавателей затруднительностью добыть тамъ что-либо пригодное къ облегченію страданій экипажа, изнуреннаго продолжительнымъ плаваніемъ. Картерету казалось, что онъ усмотрѣлъ также землю, открытую Квиросомъ, но, въ дѣйствительности, земля эта, называемая у туземцевъ Таити, лежитъ значительно далѣе на сѣверъ.

Тѣмъ временемъ цынга распространялась все болѣе и болѣе среди экипажа „Ласточки". Непостоянство вѣтра, а въ особенности поврежденія, которыя потерпѣло уже судно, чрезвычайно замедляли плаваніе. Картеретъ считалъ при такихъ обстоятельствахъ необходимымъ избрать такое направленіе, держась котораго онъ могъ скорѣе всего дойти до удобной стоянки. Надо было во что бы ни стало надлежащимъ образомъ починить „Ласточку", а также снабдить больной ея экипажъ свѣжею провизіей и противоцынготными средствами.

„Если-бъ оказалось возможнымъ привести корабль въ полную исправность,—говоритъ Картеретъ, — то я, съ наступленіемъ благопріятнаго времени года, продолжалъ бы свои изслѣдованія въ южныхъ моряхъ. Въ случаѣ если-бъ мнѣ удалось открыть материкъ и найти тамъ въ достаточномъ количествѣ продовольствіе для экипажа „Ласточки", я намѣревался держаться вдоль

его прибрежья до тѣхъ поръ, пока солнце не перейдетъ съ южнаго полушарія въ сѣверное. Тогда я хотѣлъ забраться какъ можно дальше на югъ, а затѣмъ взять на западъ, къ мысу Доброй Надежды, или же къ востоку, зайдя, если понадобится, на Фалкландскіе острова, а оттуда какъ можно скорѣе вернуться въ Европу.

Картеретъ принадлежалъ къ такимъ людямъ, на которыхъ опасность дѣйствуетъ не подавляющимъ, а, напротивъ того, возбуждающимъ образомъ. Онъ увидѣлъ себя однако въ положительной невозможности выполнить смѣлыя свои предположенія. Дѣйствительно, онъ попалъ въ полосу пассатнаго вѣтра лишь подъ 16° южной широты. Погода стояла все еще очень пасмурная. Поэтому Картеретъ не видалъ никакой земли, хотя и проходилъ неподалеку нѣсколькихъ острововъ, въ томъ числѣ Опаснаго острова, открытаго Байрономъ въ 1765 году.

„Мы, вѣроятно, прошли возлѣ какой-нибудь земли, которую за туманомъ не могли различить, говоритъ Картеретъ. По крайней мѣрѣ за это время надъ кораблемъ вилось множество морскихъ птицъ. Коммодоръ Байронъ въ послѣднемъ своемъ путешествіи перешелъ за сѣверную черту той части океана, гдѣ, какъ увѣряютъ, лежатъ Соломоновы острова; я же, съ своей стороны, держался на южной предѣльной чертѣ означенной части океана, но тоже ихъ не видѣлъ. Поэтому у меня есть солидные поводы думать, что если эти острова существуютъ, то положеніе ихъ показано на всѣхъ картахъ совершенно неправильно“.

Послѣднее предположеніе было совершенно справедливо, но все-таки Соломоновы острова были не миѳъ, а существовали въ дѣйствительности. Картерету пришлось даже нѣсколькими днями позднѣе самому пристать къ одному изъ острововъ этого непризнаннаго имъ архипелага.

Тѣмъ временемъ почти всѣ продовольственные запасы, имѣвшіеся на „Ласточкѣ“, были израсходованы или же пришли въ негодность. Паруса и снасти злополучнаго корабля были порваны бурей, да и замѣнить ихъ было уже нечѣмъ. Цынга свирѣпствовала на суднѣ до такой степени, что половина экипажа не могла уже вставать съ коекъ, когда обнаружилась въ трюмѣ течь, очень обезпокоившая капитана. Течь эта оказалась ниже ватеръ-линіи, такъ что задѣлать ее можно было не иначе, какъ совершенно разгрузивъ судно. Къ счастью, на другой день за-

мѣчена была съ салинга земля. Нечего и говорить, что экипажъ привѣтствовалъ ее съ искреннѣйшимъ восторгомъ. По словамъ самого Картерета, чувство, которое испытывали матросы и офицеры при видѣ такъ неожиданно появившейся предъ ними земли, можно сравнить лишь съ чувствомъ преступника, которому сообщаютъ, что онъ помилованъ, въ то время, когда голова его уже лежала на плахѣ. Островъ, которому такъ обрадовался экипажъ „Ласточки", былъ уже передъ тѣмъ усмотрѣнъ Менданой. Это островъ Нитандидъ.

Едва только „Ласточка" стала на якорь, какъ тотчасъ же на берегъ отправлена была шлюпка за прѣсной водой. Чернокожіе, совершенно нагіе туземцы, съ курчавыми волосами, показались-было на берегу, но убѣжали, прежде чѣмъ шлюпка успѣла пристать къ берегу. Офицеръ, командовавшій шлюпкой, сообщилъ Картерету, что нашелъ прекрасный ручеекъ среди дремучаго лѣса, спускавшагося до самаго моря. Общій характеръ мѣстности показался этому офицеру дикимъ и гористымъ.

На другой день опять была отправлена къ острову шлюпка. Ей было предписано отыскать мѣсто, болѣе удобное для высадки. Квартирмейстеру, командовавшему шлюпкой, поручено было снискать расположеніе туземцевъ подарками. Картеретъ совѣтовалъ ему быть осторожнѣе и вернуться на корабль, если увидитъ, что къ нему направляется нѣсколько пирогъ. Самъ квартирмейстеръ долженъ былъ оставаться на шлюпкѣ и послать на берегъ всего лишь двоихъ матросовъ, въ то время какъ остальные должны, оставаясь на шлюпкѣ, держаться въ готовности отразить нападеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Картеретъ послалъ за водой собственную свою гичку. По ней сдѣлано было туземцами нѣсколько выстрѣловъ изъ лука, которые однако никого не ранили. Шлюпка была далеко не такъ счастлива. Когда она вернулась къ „Ласточкѣ", то оказалось, что квартирмейстеръ пораженъ тремя стрѣлами, половина экипажа шлюпки была тоже переранена и притомъ такъ опасно, что, нѣсколько дней спустя, трое матросовъ и самъ квартирмейстеръ умерли отъ ранъ.

Столкновеніе съ островитянами произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Сойдя въ сопровожденіи четырехъ матросовъ на берегъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ замѣтилъ нѣсколько хижинъ, квартирмейстеръ вступилъ въ мѣновую торговлю съ ту-

земцами. Вскорѣ число ихъ значительно увеличилось. Замѣтивъ, что нѣсколько пирогъ подходятъ къ его шлюпкѣ, квартирмейстеръ поспѣшно направился къ ней. Только что онъ успѣлъ ее достигнуть, какъ дикари съ ожесточеніемъ на него напали. Туземцы осыпали шлюпку градомъ стрѣлъ и гнались за ней съ такимъ ожесточеніемъ, что вошли въ воду по самыя плечи. Туземныя ладьи долго преслѣдовали шлюпку. Квартирмейстеру удалось освободиться отъ нихъ только послѣ горячей схватки, въ которой нѣсколько туземцевъ было убито и одна изъ ихъ пирогъ пущена ко дну. Попытка отыскать удобную пристань для „Ласточки" была такъ неудачна, что Картеретъ приказалъ повалить судно на-бокъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно стояло, и тотчасъ же приступить къ задѣлкѣ течи. Плотнику, единственному совершенно здоровому человѣку всей „Ласточки", удалось, если не совершенно задѣлать течь, то значительно ее ослабить. Гичка была опять отправлена за водой, а чтобъ выгнать туземцевъ изъ лѣсу, сдѣлано было съ корабля нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Шлюпка, подойдя къ берегу, чтобъ прикрыть гичку, открыла тоже по лѣсу ружейный огонь. Эти энергическія мѣры не привели однако къ желаемому результату. Матросы, наливавшіе бочки прѣсной водой, работали всего лишь какихъ-нибудь четверть часа, когда на нихъ посыпались изъ лѣсу стрѣлы. Одинъ изъ матросовъ былъ при этомъ опасно раненъ въ грудь. Подобныя нападенія повторялись каждый разъ, когда приходилось посылать матросовъ на берегъ за водой.

Къ тому времени тридцать человѣкъ изъ экипажа „Ласточки" были не въ состояніи исполнять служебныхъ своихъ обязанностей; квартирмейстеръ умиралъ отъ полученныхъ имъ ранъ. Лейтенантъ Гауэръ былъ, казалось, тоже при смерти. Самъ Картеретъ страдалъ воспаленіемъ печени и вынужденъ былъ лежать въ постели. Такимъ образомъ всѣ трое офицеровъ, которые одни только и могли бы въ благопріятномъ случаѣ привести „Ласточку" въ Англію, находились почти въ безнадежномъ положеніи!

Чтобы успѣшно бороться съ цынгой, надо было во что бы ни стало запастись свѣжей провизіей и плодами. На островѣ, близъ котораго стояла „Ласточка", этого, очевидно, сдѣлать было нельзя, а потому Картеретъ 17-го августа снялся съ якоря, назвавъ островъ въ честь перваго лорда адмиралтейства остро-

Туземцы осыпали шлюпки градомъ стрѣлъ.

вомъ Эгмонта, а бухту, гдѣ стоялъ на якорѣ, бухтою „Ласточки“. Картеретъ думалъ, правда, что это тотъ самый островъ, который названъ былъ уже испанцами островомъ св. Креста, но, слѣдуя обычаю тогдашнихъ мореплавателей, онъ не поцеремонился дать ему новое прозвище. Идя съ своимъ кораблемъ вдоль берега капитанъ „Ласточки“ удостовѣрился, что островъ этотъ очень населенъ. Ему пришлось при этомъ неоднократно имѣть

столкновеніе съ туземцами. Враждебное настроеніе островитянъ и невозможность добыть отъ нихъ какіе бы то ни было съѣстные припасы—отняли у Картерета охоту тщательно осмотрѣть прочіе острова этого архипелага, которые онъ назвалъ островами королевы Шарлотты.

„Жители острова Эгмонта, — говоритъ онъ, — народъ очень проворный, сильный и дѣятельный. Подобно амфибіямъ, они чувствуютъ себя въ водѣ какъ въ своей стихіи и ежеминутно бросаются изъ своихъ пирогъ въ море... Одна изъ пущенныхъ ими стрѣлъ пробила бортъ шлюпки и опасно ранила въ бедро офицера, правившаго рулемъ. Всѣ найденныя нами стрѣлы были съ каменными наконечниками. Сколько можно судить, туземцы незнакомы еще съ употребленіемъ металловъ. Мѣстность острова гористая, перерѣзанная множествомъ долинъ и очень лѣсистая".

18-го августа 1767 года Картеретъ покинулъ этотъ негостепріимный архипелагъ и направился къ Новой Британіи, разсчитывая встрѣтить на пути какія-нибудь, болѣе гостепріимные острова. Дѣйствительно, 20-го августа онъ открылъ низменный островокъ, который назвалъ островомъ Гауэра, и добылъ тамъ нѣсколько десятковъ кокосовыхъ орѣховъ. На другой день усмотрѣны были острова Симпсона и Картерета, а затѣмъ группа изъ девяти острововъ, отождествленныхъ имъ съ архипелагомъ Огангъ-Ява, который былъ открытъ Тасманомъ. Затѣмъ послѣдовательно встрѣчены были острова сэра Чарльза Гарди и Винчельзи, о которыхъ Картеретъ не зналъ, что они въ сущности принадлежатъ къ Соломонову архипелагу. Наконецъ, пройдя мимо открытаго Шутеномъ острова св. Іоанна, „Ласточка" прибыла 28 августа къ Новой Британіи.

Отыскивая для своего корабля удобную якорную стоянку, Картеретъ плылъ вдоль берега и останавливался въ нѣсколькихъ бухтахъ. Онъ безъ труда запасся тамъ дровами, водой, кокосовыми и мускатными орѣхами, сахарнымъ тростникомъ, пальмовой капустой. На островѣ произрастаетъ также во множествѣ алоэ и бамбуковый тростникъ.

Картеретъ очень хвалитъ пальмовую капусту. „Капуста эта,—говоритъ онъ,—бѣлая, кудрявая и очень сочная; сырая она походитъ вкусомъ на каштаны, а вареная—вкуснѣе лучшаго пастернака. Мы накрошили ее маленькими ломтиками въ супъ,

сваренный изъ бульона, и, подбавивъ къ этому супу овсяной муки, приготовили очень вкусное кушанье".

Въ лѣсу летало множество горлицъ, голубей, попугаевъ и птицъ разныхъ неизвѣстныхъ Картерету породъ. Англичане нигдѣ не встрѣчали туземцевъ, но усмотрѣли нѣсколько покинутыхъ ими жилищъ. Если о степени цивилизаціи народа можно судить по его жилищамъ, то новобританцы должны стоять еще на самой низшей ступени развитія. Картеретъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, что онъ нигдѣ не видалъ такихъ жалкихъ шалашей.

Командиръ „Ласточки" воспользовался стоянкой у береговъ Новой Британіи для того, чтобы снова повалить на бокъ свой корабль. Оказалось, что обшивка судна совершенно обтерлась и проржавѣла, а киль былъ изъѣденъ червями. Чтобъ сколько-нибудь помочь горю—весь киль былъ смазанъ смѣсью изъ смолы и дегтя.

7-го сентября Картеретъ торжественно вступилъ отъ имени короля Георга III во владѣніе островомъ. Продѣлавъ эту смѣшную церемонію, онъ отправилъ одну изъ своихъ шлюпокъ на рекогносцировку вдоль берега. Она вернулась въ тотъ-же день, привезя съ собою множество кокосовыхъ орѣховъ и пальмовой капусты. Обиліе плодовъ и свѣжей провизіи было большимъ облегченіемъ для многочисленныхъ цынготныхъ больныхъ.

Муссонъ долженъ былъ еще въ теченіе долгаго времени дуть съ востока, но тѣмъ не менѣе Картеретъ, зная плохое состояніе своего судна, хотѣлъ какъ можно скорѣе идти въ Батавію. Онъ разсчитывалъ тамъ починить надлежащимъ образомъ „Ласточку" и поправить здоровье экипажа. Поэтому „Ласточка" уже 9-го сентября отплыла изъ бухты Картерета, самой удобной стоянки, какую она вообще встрѣчала послѣ своего выхода изъ Магелланова пролива.

Картеретъ вошелъ въ заливъ, названный Дампьеромъ заливомъ св. Георгія, но оказавшійся въ дѣйствительности проливомъ, отдѣляющимъ Новую Британію отъ Новой Ирландіи. Осмотрѣвъ этотъ проливъ, которому оставилъ наименованіе св. Георгія, Картеретъ описалъ его весьма тщательно и тѣмъ оказалъ большую услугу современнымъ ему мореплавателямъ. „Ласточка" обогнула берегъ Новой Ирландіи до западной его оконечности. Близъ маленькаго островка, который былъ названъ островомъ Сандвича, капитанъ Картеретъ имѣлъ случай завязать сношенія съ туземцами.

„Эти островитяне, — говоритъ онъ,—чернокожіе и съ такими-же курчавыми волосами, какъ у негровъ, отъ которыхъ отличаются, впрочемъ, тѣмъ, что носы у нихъ не приплюснуты и губы не толстыя. Намъ показалось, что они принадлежатъ къ одному племени съ жителями острова Эгмонта Они ходятъ совсѣмъ нагіе, если не упоминать о браслетахъ изъ раковинъ, которыми украшены у нихъ руки и ноги. Они придерживаются однако той-же самой моды, которой слѣдуютъ наши европейскіе щеголи и щеголихи. Волосы или, лучше сказать, шерсть на головѣ всѣхъ новоирландскихъ туземцевъ, которыхъ намъ только случалось видѣть, были посыпаны бѣлымъ порошкомъ; изъ этого слѣдуетъ заключить, что обычай пудриться очень древній и несравненно болѣе распространенный, чѣмъ это предполагаютъ... Туземцы вооружены копьями и большими деревянными булавами, но мы у нихъ не замѣтили ни луковъ, ни стрѣлъ".

За юго-западной оконечностью Новой Ирландіи Картеретъ усмотрѣлъ сперва землю, которую назвалъ Новымъ Ганноверомъ, а затѣмъ—архипелагъ герцога Портландскаго.

Хотя эта часть его путешествія въ неизслѣдованныхъ до тѣхъ поръ мѣстностяхъ изобилуетъ драгоцѣнными подробностями, — Картеретъ, отличающійся въ своихъ описаніяхъ бо́льшею точностью и обстоятельностью, чѣмъ его предшественники, Байронъ и Валлисъ, извиняется, что не можетъ сообщить болѣе обстоятельныхъ подробностей.

„Слѣдовало бы несравненно подробнѣе описать эту страну, естественныя ея произведенія и жителей, но я былъ такъ изнуренъ своею болѣзнью, что едва въ состояніи былъ выполнять обязанности, которыя мнѣ пришлось взять на себя за неимѣніемъ офицеровъ. Какъ только я въ состояніи былъ сколько-нибудь держаться на ногахъ, мнѣ пришлось поочередно съ моимъ лейтенантомъ стоять на вахтѣ. Здоровье моего лейтенанта Гауэра было также въ очень плохомъ состояніи и намъ обоимъ приходилось тогда очень нелегко".

По выходѣ изъ канала св. Георгія „Ласточка" держала путь на западъ. Картеретъ усмотрѣлъ еще нѣсколько островковъ, но не могъ съ точностью опредѣлить ихъ положенія, такъ какъ вслѣдствіе усилившейся болѣзни не въ состояніи былъ выйти на палубу. Онъ назвалъ этотъ архипелагъ островами Адмиралтейства и былъ нѣсколько разъ поставленъ въ необходимость отражать

огнестрѣльнымъ оружіемъ нападенія туземцевъ. „Ласточка“ шла вдоль островов: Дюрура, Мати и Ивердскаго архипелага. Жители этихъ острововъ очень обрадовались, когда имъ подарили нѣсколько обломковъ желѣзнаго обруча. По словамъ Картерета, у нихъ можно было бы за нѣсколько желѣзныхъ и стальныхъ инструментовъ купить все, что только вздумается. Несмотря на сосѣдство Новой Гвинеи и другихъ острововъ съ чернокожимъ населеніемъ, эти островитяне не имѣли ничего общаго съ чернокожей расой. Они, правда, очень смуглы (съ мѣдно-коричневымъ оттѣнкомъ), но черты лица у нихъ очень правильны, зубы ослѣпительной бѣлизны, и прелестные, черные, очень длинные волосы. Островитяне эти средняго роста, хорошо сложены, отличаются ловкостью и проворствомъ; характеръ у нихъ очень веселый и сообщительный; они нисколько не боялись англичанъ и довѣрчиво посѣщали корабль. Одинъ изъ нихъ просилъ, чтобъ Картеретъ взялъ его съ собою. Несмотря на всѣ возраженія соотечественниковъ и самого капитана, онъ ни за что не хотѣлъ уйти съ „Ласточки“. Въ виду такой твердой рѣшимости Картеретъ счелъ долгомъ уступить. Къ несчастью, этотъ островитянинъ, которому дано было прозвище добровольца Джая, вскорѣ заболѣлъ и умеръ во время стоянки на островѣ Целебесѣ.

29-го октября англійскій корабль достигъ сѣверо-восточной оконечности острова Минданао. Постоянно нуждаясь въ прѣсной водѣ и свѣжей провизіи, Картеретъ тщетно искалъ близъ этой оконечности бухты, въ окрестностяхъ которой Дампьеръ нашелъ много дичи. Пройдя нѣсколько далѣе, онъ встрѣтилъ удобное мѣсто для того, чтобъ запастись прѣсной водой, но враждебное настроеніе туземцевъ опять-таки вынудило его сняться съ якоря.

Отплывъ отъ Минданао, капитанъ направился къ Макассарскому проливу между островами Борнео и Целебесомъ. Онъ вступилъ въ этотъ проливъ 14-го ноября. „Ласточка“ была тогда въ такомъ плохомъ состояніи, что въ теченіе двухъ недѣль прошла всего лишь 28 миль. „Больные, выбившіеся изъ силъ, мы съ часу-на-часъ ожидали смерти. Мы видѣли землю, но не могли къ ней пристать, служили игрушкою бурямъ, съ которыми не въ силахъ были бороться,—и вотъ, при такихъ обстоятельствахъ, на насъ напало еще разбойничье судно“.

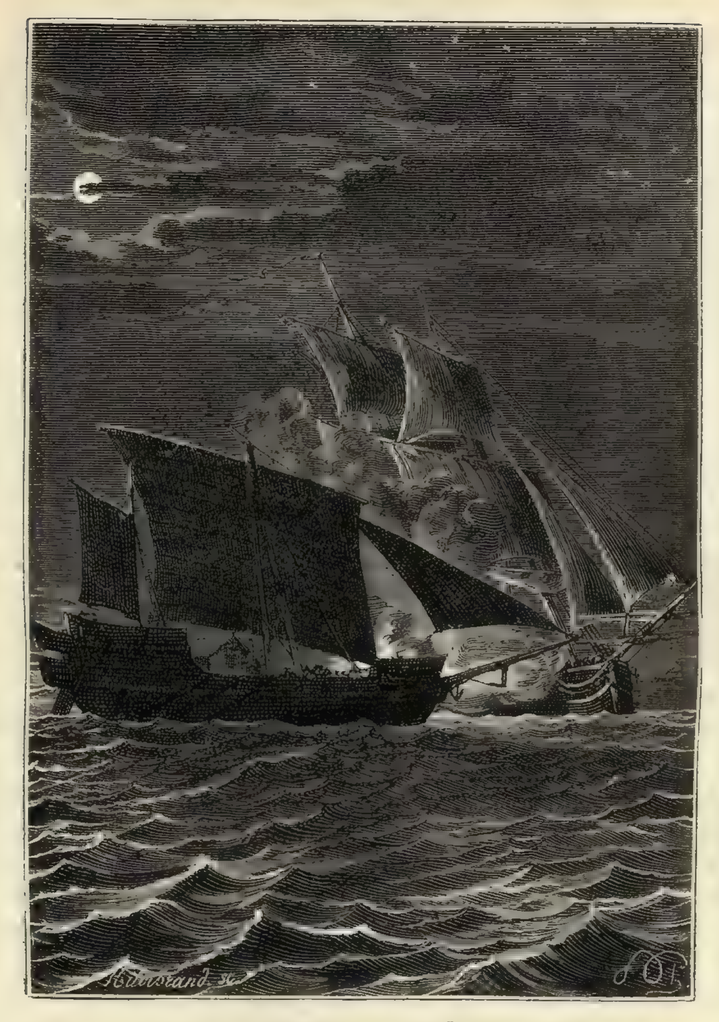
Пираты, разсчитывая захватить англичанъ врасплохъ, напали на „Ласточку“ ночью. Экипажъ англійскаго корабля защищался,

однако, съ такимъ искусствомъ и мужествомъ, что пустилъ ко дну сражавшуюся съ нимъ малайскую прау.

12-го декабря Картеретъ, къ величайшему своему прискорбію, увидѣлъ, что начался уже западный муссонъ. „Ласточка“ была не въ силахъ бороться съ вѣтромъ и теченіемъ, нельзя было и думать о томъ, чтобы идти въ Батавію. Картеретъ рѣшился тогда отвести свой корабль въ Макассаръ, бывшій тогда главной голландской факторіей на островѣ Целебесѣ. „Ласточка“ прибыла къ Макассарскому порту ровно черезъ тридцать пять недѣль послѣ того, какъ она вышла изъ Магелланова пролива.

Едва она успѣла бросить якорь въ виду порта, какъ на нее явился посланный губернаторомъ острова голландскій чиновникъ. Узнавъ, что имѣетъ дѣло съ военнымъ англійскимъ кораблемъ, онъ видимо встревожился. На слѣдующій день Картеретъ отправилъ своего лейтенанта Гауэра просить у губернатора разрѣшенія ввести „Ласточку“ въ портъ Гауэра не допустили даже сойти на берегъ. Сухопутныя голландскія войска стали въ ружье, а находившіяся въ портѣ суда изготовились къ бою. Наконецъ по прошествіи пяти часовъ Картерету доставленъ былъ отвѣтъ губернатора. Несмотря на то, что англійскій капитанъ мотивировалъ свою просьбу необходимостью починить корабль, запастись свѣжей провизіей для умирающаго экипажа и обождать перемѣны муссона, ему отвѣчали категорическимъ отказомъ и притомъ въ самыхъ невѣжливыхъ выраженіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ именемъ своего правительства запретилъ англичанамъ высаживаться на берегъ гдѣ бы то ни было въ голландскихъ владѣніяхъ.

Заявленія Картерета о безчеловѣчности такого отказа не привели ни къ какому результату. Лишь когда онъ отдалъ съ своей стороны приказъ изготовиться къ бою, голландскія власти стали немного сговорчивѣе. Они согласились продать Картерету нѣкоторое количество свѣжей провизіи и разрѣшили ему зайти въ сосѣднюю маленькую бухту, гдѣ, какъ увѣряли, корабль его будетъ вполнѣ защищенъ муссономъ. По словамъ голландскихъ чиновниковъ, тамъ на берегу можно будетъ устроить временный лазаретъ для больныхъ. Въ свѣжей провизіи и фруктахъ недостатка не будетъ, а притомъ все, что понадобится англичанамъ, можетъ быть прислано имъ изъ Макассара. Зная, что его „Ласточка“ можетъ не сегодня—завтра пойти ко дну и что



Битва «Ласточки» съ малайскимъ прао.

экипажу грозитъ смерть отъ голода, Картеретъ уступилъ и отвелъ свой корабль на Бонтейнскій рейдъ.

Голландцы отвели, правда, на берегу домъ для временнаго лазарета, но запретили больнымъ отходить отъ этого лазарета болѣе чѣмъ на 80 шаговъ въ какую бы то ни было сторону. Лазаретъ былъ оцѣпленъ военнымъ кордономъ, строго слѣдившимъ за тѣмъ, чтобы англичане не вступали въ какія бы то ни было сношенія съ туземцами. Желая что-либо купить, они должны

были обращаться къ посредничеству голландскихъ солдатъ, которые брали съ нихъ за все вдесятеро дороже того, что платили сами туземцамъ. Жалобы Картерета оставались тщетными. Англичане за все время своей стоянки находились подъ этимъ унизительнымъ, обиднымъ и убыточнымъ для нихъ надзоромъ.

Наконецъ 22 мая 1768 года начался опять восточный муссонъ, давшій капитану Картерету возможность покинуть Бонтейнъ, гдѣ ему пришлось пережить такъ много тяжкихъ испытаній. Въ отчетѣ о своемъ путешествіи Картеретъ приводитъ дѣйствительно такіе факты, что остается только удивляться его долготерпѣнію.

О самомъ островѣ Целебесѣ Картеретъ вынесъ очень благопріятное впечатлѣніе. „Целебесъ является ключомъ къ Молуккскимъ или Прянымъ островамъ,—говоритъ англійскій капитанъ.— Острова эти неминуемо будутъ принадлежать государству, владѣющему Целебесомъ. Городъ Макассаръ построенъ на мысѣ и орошается одною или двумя рѣчками, протекающими или черезъ самый городъ, или же по-сосѣдству отъ него,—въ точности узнать мнѣ этого не удалось. Мѣстность въ окрестностяхъ Макассара ровная и очень живописная. Повсюду разбросаны плантаціи и кокосовыя рощицы, среди которыхъ виднѣется много домовъ. Судя по этому, надо заключить, что окрестная страна населена очень густо... Въ Бонтейнѣ можно достать прекрасную говядину, но наврядъ-ли ее найдется въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы снабдить цѣлую эскадру. Что касается риса, домашней птицы и фруктовъ, то ихъ можно купить тамъ въ какомъ угодно количествѣ. Въ лѣсахъ водится много дикихъ кабановъ, мясо которыхъ можно покупать по дешевой цѣнѣ, такъ какъ туземцы исповѣдуютъ исламъ и не ѣдятъ свинины...“

Свѣдѣнія эти, несмотря на свою неполноту, представляли въ свое время большой интересъ. Мы полагаемъ, что и теперь, по прошествіи болѣе чѣмъ ста лѣтъ, данныя эти могутъ казаться въ общихъ чертахъ довольно вѣрными.

„Ласточка“ дошла до Батавіи безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній. Послѣ нѣкотораго промедленія, обусловленнаго требованіемъ голландской компаніи получить отъ англійскаго капитана свидѣтельство въ томъ, что онъ совершенно доволенъ образомъ дѣйствій макассарскаго губернатора (въ чемъ Картеретъ однако положительно отказалъ), „Ласточкѣ“ разрѣшено было войти въ портъ для починки.

Къ 15-му сентября англійскій корабль былъ кое-какъ протимбированъ, и Картеретъ рѣшился пуститься съ нимъ въ дальнѣйшій путь. Въ бытность свою въ Батавіи ему удалось завербовать къ себѣ на корабль нѣсколько англійскихъ матросовъ, и только благодаря этому обстоятельству „Ласточка“ могла благополучно вернуться въ Европу. Изъ прежняго ея экипажа 24 человѣка умерли, а 24 другихъ находились почти при смерти. Семеро изъ этихъ послѣднихъ умерли на пути къ мысу Доброй Надежды.

Простоявъ нѣсколько дней въ Столовой бухтѣ, гдѣ здоровье его экипажа немного поправилось, Картеретъ снова вышелъ въ море. Миновавъ островъ Вознесенія, у котораго она не надолго останавливалась, „Ласточка“ встрѣтилась съ французскимъ судномъ, возвращавшимся тоже въ Европу.

Это былъ фрегатъ „Сердитая“ (La Boudeuse), на которомъ Бугэнвилль совершилъ кругосвѣтное путешествіе.

20-го марта 1769 года „Ласточка“ бросила якорь на Спитгедскомъ рейдѣ, окончивъ такимъ образомъ свое трудное и опасное тридцатиодномѣсячное плаваніе.

Чтобы спасти отъ гибели такое плохое судно и сдѣлать на немъ при столь неблагопріятныхъ условіяхъ важныя географическія открытія, необходимы были все морское искусство, вся энергія и хладнокровіе такого человѣка, какъ Картеретъ. Препятствія, которыя ему удалось столь счастливо преодолѣть, еще болѣе увеличиваютъ его славу, но зато англійское адмиралтейство покрыло себя стыдомъ и не можетъ ничѣмъ оправдаться въ неосмотрительности, съ какою, несмотря на представленія Картерета, послало его и весь его экипажъ въ кругосвѣтное путешествіе на такомъ дрянномъ и плохо снаряженномъ суднѣ, какъ „Ласточка“.

III.

Бугэнвилль. — Превращенія, которымъ подвергался сынъ нотаріуса.— Устройство колоніи на Малуинскихъ островахъ.—Буэносъ-Айресъ и Ріо-Жанейро.—Передача Малуинскихъ острововъ испанцамъ.—Гидрографическія работы въ Магеллановомъ проливѣ.—Жители Огненной Земли.— Четыре островка.—Таити.—Стоянка на этомъ островѣ.—Мѣстные нравы и естественныя произведенія.—Архипелагъ Самоа.—Земля св. Духа или Ново-Гебридскіе острова.—Острова Отшельниковъ.—Новая Гвинея.— Бутанъ.—Изъ Батавіи въ Сенъ-Мало.

Въ то время когда Валлисъ заканчивалъ уже кругосвѣтное свое плаваніе, а Картеретъ боролся еще съ чрезвычайными трудностями путешествія, предпринятаго на совершенно непри-

годномъ для этого суднѣ,—снаряжена была во Франціи экспедиція для географическихъ изслѣдованій въ южныхъ моряхъ.

При существовавшихъ тогда во Франціи порядкахъ титулы, чины и мѣста раздавались по благоусмотрѣнію монарха или, лучше сказать, приближенныхъ къ нему лицъ. Неудивительно поэтому, что начальство надъ столь важной экспедиціей было поручено кавалерійскому полковнику, который всего лишь четыре года тому назадъ былъ переведенъ во флотъ съ чиномъ капитана 1-го ранга.

Благодаря дѣйствительно замѣчательнымъ талантамъ этого человѣка, онъ, паче чаянія, удачно выполнилъ возложенное на него важное порученіе.

Луи-Антуанъ Бугэнвилль родился въ Парижѣ 13-го ноября 1729 года. Будучи сыномъ нотаріуса, онъ готовился сперва къ юридической карьерѣ и, выдержавъ установленное испытаніе, былъ внесенъ въ списокъ адвокатовъ. Не чувствуя никакого призванія къ этой профессіи, молодой Бугэнвилль поступилъ въ Черные мушкатеры. Въ то же время онъ увлекался математикой и даже написалъ трактатъ объ интегральномъ исчисленіи. Изъ трехъ начатыхъ имъ такимъ образомъ карьеръ Бугэнвилль безповоротно бросилъ двѣ: юридическую и научную. Что касается третьей—военной карьеры, то онъ неоднократно измѣнялъ ей для четвертой—дипломатической и впослѣдствіи покинулъ ее совсѣмъ, перейдя во флотъ. Въ концѣ-концовъ, испытавъ еще шестое превращеніе, онъ умеръ сенаторомъ.

Назначенный адъютантомъ къ Шеверу, а потомъ секретаремъ при французскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, гдѣ Британское Королевское Общество приняло его въ число своихъ членовъ, Бугэнвилль, въ чинѣ капитана драгунскаго полка, отправился въ 1756 году изъ Бреста въ Канаду, въ распоряженіе генерала Монкальма. Состоя адъютантомъ при этомъ генералѣ, онъ имѣлъ случай обратить на себя вниманіе своего начальника и былъ командированъ обратно во Францію просить о высылкѣ подкрѣпленія.

Дѣла Людовика XIV въ Европѣ шли тогда очень неблагопріятно. Армія его терпѣла одно пораженіе за другимъ, такъ что приходилось напрягать всѣ силы для обороны Франціи отъ непріятельскаго нашествія. Поэтому, когда Бугэнвилль, которому было тогда всего лишь 27 лѣтъ отъ роду, изложилъ гер-

Портретъ Бугэнвилля (Fac-simile съ древней гравюры).

цогу Шуазелю порученіе, съ которымъ былъ присланъ, министръ сердито возразилъ: „Когда загорѣлся домъ, нечего думать о конюшняхъ“.—„Осмѣлюсь замѣтить вашему превосходительству, никто не скажетъ про васъ, чтобъ вы говорили какъ лошадь“, возразилъ на это Бугэнвилль.

Выходка эта была слишкомъ зла и слишкомъ остроумна для того, чтобъ министръ могъ отнестись къ ней особенно благо-

душно. Къ счастью для Бугэнвилля, маркиза Помпадуръ была тогда не въ ладахъ съ герцогомъ Шуазелемъ. Она представила Бугэнвилля королю. Монкальмъ не получилъ подкрѣпленія, но зато остроумный капитанъ былъ произведенъ въ полковники и пожалованъ орденомъ св. Людовика. Прибывъ снова въ Америку, Бугэнвилль старался оправдать благоволеніе монарха и отличился въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. По завоеваніи Канады англичанами онъ вернулся во Францію и служилъ на германскомъ театрѣ войны, подъ начальствомъ Шуазеля-Стэнвилля.

Миръ 1763 года положилъ конецъ военной его карьерѣ. Такому дѣятельному и непосѣдливому человѣку, какъ Бугэнвилль, не могла придтись по-сердцу обыденная гарнизонная жизнь кавалерійскаго офицера. Въ умѣ у него родился оригинальный проектъ устроить колонію на Фалкландскихъ островахъ, близъ южной оконечности американскаго материка, и поселить тамъ выходцевъ изъ Канады, которые, не желая подчиниться англійскому владычеству, эмигрировали во Францію. Увлекшись своею идеей, Бугэнвилль сумѣлъ заинтересовать въ ея пользу также и нѣсколькихъ арматоровъ изъ Санъ-Мало, суда которыхъ, въ началѣ XVIII столѣтія, такъ часто заходили на Фалкландскіе острова, что острова эти были по преимуществу извѣстны подъ названіемъ Малуинскаго архипелага.

Заручившись содѣйствіемъ означенныхъ арматоровъ, Бугэнвилль представилъ министерству въ самомъ заманчивомъ видѣ громадныя, хотя и гадательныя еще выгоды, какія предстояло извлечь изъ новой колоніи, куда непремѣнно стали бы заходить всѣ суда, шедшія въ южное море. Благодаря могущественной протекціи, онъ получилъ разрѣшеніе учредить колонію на Малуинскихъ островахъ и былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, переведенъ во флотъ съ чиномъ капитана 1-го ранга.

Дѣло происходило въ 1763 году. Весьма вѣроятно, что флотскіе офицеры, дослужившіеся до своихъ ранговъ, пройдя черезъ всѣ предшествовавшіе чины, были весьма недовольны такимъ, съ ихъ точки зрѣнія, совершенно незаслуженнымъ отличіемъ, оказаннымъ Бугэнвиллю. Тогдашнему морскому министру, Шуазелю-Стэнвиллю, это было, впрочемъ, совершенно безразлично. Бугэнвилль служилъ уже и прежде у него подъ начальствомъ. Къ тому-же въ тѣ времена французскіе вельможи вообще не счи-

тали нужнымъ обращать вниманіе на то, какъ отнесутся къ ихъ распоряженіямъ какіе-нибудь флотскіе офицеры.

Бугэнвилль, склонивъ своего двоюроднаго брата, Нервилля, и дядю д'Арбулена, къ дѣятельному участію въ своемъ предпріятіи, поручилъ состоявшему у него подъ начальствомъ командиру брандера, Гюйо-Дюкло, построить и вооружить въ Сенъ-Мало двадцатипушечный корабль „Орелъ" и двѣнадцатипушечное судно „Сфинксъ", на которыхъ и отправилось нѣсколько канадскихъ эмигрантовъ, со своими семействами, для основанія новой колоніи. Отплывъ изъ Сенъ-Мало 15-го сентября 1763 года, Бугэнвилль заходилъ со своей маленькой эскадрой къ острову св. Екатерины, близъ береговъ Бразиліи, и въ Монтевидео. Взявъ тамъ на свои суда значительное количество лошадей и крупнаго рогатаго скота, онъ прибылъ наконецъ къ Малуинскимъ островамъ и бросилъ якорь въ большой бухтѣ, на берегу которой казалось особенно удобнымъ устроить колонію. Вскорѣ, однако, ему пришлось убѣдиться, что на этихъ островахъ не было не только ни одного деревца, но даже и ни одного кусточка. То, что всѣ мореплаватели издали принимали за лѣсъ, оказалось въ дѣйствительности тростникомъ. Къ счастью, въ топливѣ недостатка не было, такъ какъ найденъ былъ въ изобиліи превосходный торфъ. Во всякомъ случаѣ охота и рыбная ловля могли служить для колонистовъ прекраснымъ подспорьемъ.

Колонія состояла первоначально всего лишь изъ двадцати-девяти человѣкъ. Для нихъ построены были хижины и провіантскій магазинъ. Въ то же время разбита была на мѣстѣ и начата постройкою крѣпостца, которую предполагалось вооружить 14-ю пушками. Нервилль согласился остаться на Малуинскихъ островахъ и завѣдывать дѣлами колоніи, а Бугэнвилль отправился 5-го апрѣля обратно во Францію. Взявъ съ собою новыхъ колонистовъ, а также большое количество продовольственныхъ запасовъ, онъ, 5-го января 1765 года, вернулся опять на Малуинскіе острова. Оттуда Бугэнвилль ходилъ со своими судами въ Магеллановъ проливъ за лѣсомъ. Какъ уже упомянуто, онъ встрѣтился тамъ съ эскадрой коммодора Байрона и шелъ за нею вслѣдъ до „Голоднаго порта", гдѣ погрузилъ на суда до 10,000 деревьевъ, вырытыхъ съ корнями, которыя и были посажены въ окрестностяхъ колоніи.

27-го апрѣля Бугэнвилль снова отплылъ во Францію. Къ этому времени въ новой колоніи насчитывалось вмѣстѣ съ колоніальными властями, получавшими жалованье отъ казны, уже 80 человѣкъ. Въ концѣ 1765 года „Орелъ" и „Сфинксъ" посланы были опять на Малуинскіе острова съ грузомъ продовольствія и нѣсколькими новыми колонистами.

Мало-по-малу колонія начала принимать надлежащій видъ, когда англичане, въ свою очередь, основали поселеніе въ посѣщенномъ Байрономъ портѣ Эгмонтѣ. Капитанъ Макбридъ, утверждая, будто Малуинскіе острова принадлежатъ англійскому королю, требовалъ, чтобъ французы передавали основанную ими колонію англійскимъ властямъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, эскадра коммодора Байрона прибыла къ Малуинскимъ островамъ лишь въ 1765 году, когда французская колонія существовала тамъ ужъ цѣлыхъ два года. Вмѣстѣ съ тѣмъ Испанія предъявила тоже свои права на Малуинскіе острова, ссылаясь на то, что острова эти находятся въ сосѣдствѣ принадлежащаго ей южноамериканскаго прибрежья. Англія и Франція, убѣдившись, что означенные острова не могутъ имѣть особенно важнаго коммерческаго значенія, не захотѣли доводить дѣло до ссоры и признали притязанія испанскаго правительства правильными. Бугэнвиллю было предписано отказаться отъ своего предпріятія, при чемъ мадридскій дворъ обязался вознаградить его за всѣ понесенные убытки. Кромѣ того, французское правительство поручило Бугэнвиллю передать Малуинскіе острова испанскимъ комиссарамъ.

Сумасбродная попытка основать колонію на Малуинскихъ островахъ доставила Бугэнвиллю случай совершить кругосвѣтное путешествіе, такъ какъ министерство поручило ему, послѣ передачи этой колоніи испанцамъ, вернуться во Францію черезъ южное море и нанести на карту новыя земли и острова, которые ему удастся тамъ открыть.

Въ первыхъ числахъ ноября 1766 года Бугэнвилль уѣхалъ въ Нантъ, гдѣ его помощникъ, капитанъ брандера Гюйо-Дюкло, искусный морякъ, который, не будучи дворяниномъ, состарѣлся въ младшихъ офицерскихъ чинахъ, наблюдалъ за вооруженіемъ 26-пушечнаго фрегата „Сердитая" (la Boudeuse).

15-го ноября Бугенвилль отплылъ съ Минденскаго рейда (въ устьѣ Луары). Ему слѣдовало прежде всего идти къ устью Ла-

Платы, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтить два испанскихъ фрегата — „Эсмеральду“ и „Либру“. Едва только „Сердитая“ успѣла выйти въ открытое море, какъ поднялась страшная буря. Хотя фрегатъ этотъ былъ оснащенъ заново, онъ потерпѣлъ, однако, настолько серьезныя аваріи, что его пришлось 21-го ноября отвести въ Брестъ для починки. Бугэнвилль, убѣдившись въ непригодности ввѣреннаго ему судна для предположенной экспедиціи, рѣшился произвести въ немъ нѣкоторыя передѣлки. Онъ приказалъ убавить высоту мачтъ и замѣнилъ тяжелыя пушки болѣе легкими. Несмотря на это, „Сердитая“ все-таки не могла быть признана достаточно благонадежной для борьбы съ бурями и непогодами, которыя приходится встрѣчать судамъ, огибающимъ мысъ Горнъ. Однако, сознавая всю невѣжливость оставлять испанцевъ слишкомъ долго на стоянкѣ въ устьѣ Ла-Платы, Бугэнвилль долженъ былъ снова выйти въ море. Экипажъ его фрегата состоялъ изъ 203 матросовъ, юнги и служителей, 11 офицеровъ и 3-хъ волонтеровъ, въ числѣ которыхъ былъ принцъ Нассау-Зигенскій.

До самой Ла-Платы море было довольно спокойно. Бугэнвиллю удалось вслѣдствіе этого сдѣлать много наблюденій надъ морскими теченіями, являющимися главной причиной погрѣшностей въ такъ называемомъ корабельномъ счисленіи.

31-го января „Сердитая“ бросила якорь на рейдѣ въ Монтевидео, гдѣ ждали ее уже цѣлый мѣсяцъ два испанскихъ фрегата подъ начальствомъ дона Филиппа Руисъ-Пуэнте. Стоянка на этомъ рейдѣ и пребываніе въ Буэносъ-Айресѣ, куда Бугэнвиллю пришлось отправиться для переговоровъ съ губернаторомъ, дали ему возможность собрать весьма интересныя замѣтки объ этомъ городѣ и нравахъ мѣстнаго населенія. Замѣтки эти настолько любопытны, что мы приведемъ ихъ въ краткомъ извлеченіи.

Буэносъ-Айресъ показался Бугэнвиллю слишкомъ обширнымъ для своего населенія, не превышавшаго тогда 20,000 душъ обоего пола. Это объяснялось, впрочемъ, тѣмъ, что дома въ городѣ строились тогда почти исключительно одноэтажные. При каждомъ домѣ былъ большой дворъ и садъ.

Въ Буэносъ-Айресѣ не только нѣтъ гавани, но даже и простого мола. Грузъ съ прибывающихъ туда судовъ снимается лихтерами, которые входятъ въ маленькую рѣчку. Тамъ грузъ

перекладывается съ лихтеровъ на телѣги, которыя уже и доставляютъ его въ городъ.

Особенно оригинальный характеръ придаетъ Буэносъ-Айресу множество находящихся въ немъ мужскихъ и женскихъ монастырей.

„Въ году тамъ, говоритъ Бугэнвилль, справляется множество праздниковъ въ честь разныхъ святыхъ, причемъ каждый разъ устраиваются торжественныя процессіи и фейерверки. Религіозныя церемоніи замѣняютъ собою театральныя представленія... Особенно набожнымъ дѣвицамъ и дамамъ предлагаются у іезуитовъ еще болѣе энергическія мѣры къ искупленію грѣховъ и примиренію съ Богомъ. Для нихъ возлѣ іезуитскаго монастыря выстроенъ особый домъ, который называется „Cosa de los ejercicios de las mujeres", т. е. „домъ для подвижничества женщинъ". Чтобы очиститься отъ грѣховъ, дѣвушки и женщины шли туда на двѣнадцать дней подвизаться въ дѣлахъ благочестія. Согласія отцовъ и мужей, разумѣется, не требовалось. Кающіяся получали за все это время не только квартиру, но и продовольствіе отъ іезуитскаго ордена. Навѣщать ихъ могли только члены братства Іисуса. Всѣмъ остальнымъ, не исключая даже и служанокъ, строго воспрещалось входить въ „домъ подвижничества". Самое подвижничество заключалось въ благочестивыхъ размышленіяхъ, молитвѣ, слушаніи проповѣдей, исповѣдываніи грѣховъ и самобичеваніи. Намъ показывали на стѣнахъ часовни пятна крови, свидѣтельствовавшія о томъ, какъ ревностно бичевали себя эти новыя Магдалины".

Окрестности Буэносъ-Айреса хорошо обработаны и усѣяны множествомъ хорошенькихъ дачъ (quintas), но въ разстояніи двухъ или трехъ миль отъ города начинаются уже обширныя равнины, почти единственными обитателями которыхъ являются лошади и рогатый скотъ. Скота этого пасется такъ много на безбрежныхъ пампасахъ Ла-Платы, что, какъ замѣчаетъ Бугэнвилль, „путешественники, если имъ не попадается другой дичи, убиваютъ быка и вырѣзаютъ изъ него кусокъ мяса, который имъ нуженъ, бросая остальное на съѣденье ягуарамъ и степнымъ волкамъ".

Индѣйцы, обитавшіе по берегамъ Ла-Платы, не были въ то время еще покорены испанцами и были извѣстны подъ названіемъ „indios bravos".

„Они роста средняго, очень некрасивы и почти всѣ заражены коростой. Цвѣтъ лица у нихъ очень смуглый и кажется еще, темнѣе отъ жиру, которымъ они усердно себя умащиваютъ. Единственною одеждой служитъ имъ большой плащъ изъ шкуръ дикихъ козъ, спускающійся до самыхъ пятъ. Они завертываются въ него съ головы до ногъ... Индѣйцы эти (по крайней мѣрѣ племена, которыя держатся поблизости отъ испанскихъ поселеній) проводятъ почти всю свою жизнь на конѣ. Иногда они, вмѣстѣ со своими женами, являются на гаціенды, чтобы купить водки, и пьютъ ее до тѣхъ поръ, пока не доведутъ себя до безчувственнаго состоянія... Бываетъ, что они собираются въ шайки по двѣсти и триста человѣкъ, угоняютъ принадлежащія испанцамъ стада, или же нападаютъ на проходящіе караваны, грабятъ и убиваютъ путешественниковъ или уводятъ ихъ въ неволю. Испанскія колоніальныя власти чувствуютъ себя совершенно безсильными противъ этого зла. Дѣйствительно, что могутъ онѣ предпринять для укрощенія бродячихъ племенъ, передъ которыми разстилается широкое раздолье пампасовъ, гдѣ европейскимъ войскамъ было бы нелегко даже и отыскать индѣйцевъ?“

Торговля была далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, съ тѣхъ поръ какъ испанское правительство запретило ла-платскимъ купцамъ сухопутный транспортный торгъ европейскими товарами съ Перу и Чили. Однако-же, въ бытность Бугэнвилля отправленъ былъ изъ Буэносъ-Айреса корабль, на которомъ находилось болѣе милліона піастровъ звонкою монетой. Бугэнвилль замѣчаетъ по этому поводу: „Если-бъ мѣстное населеніе могло пріискать въ Европѣ надлежащій сбытъ для сырыхъ и выдѣланныхъ кожъ, то оно разбогатѣло бы уже отъ этой одной отрасли торговли“.

Якорная стоянка въ Монтевидео довольно безопасна, хотя судамъ приходится выдерживать на ней порывы такъ называемыхъ „памперо“, шкваловъ, налетающихъ съ юго-запада и сопровождаемыхъ страшными бурями. Самый городъ не представляетъ ничего интереснаго. Окрестности его совершенно невоздѣланы, такъ что муку, сухари и вообще все необходимое для останавливающихся на рейдѣ судовъ приходится доставлять изъ Буэносъ-Айреса. Впрочемъ, въ Монтевидео можно найти въ изобиліи разные фрукты, напр. смоквы, персики, яблоки, айву и т. п., а также, разумѣется, свѣжую говядину.

Сопоставляя эти данныя, собранныя сто лѣтъ тому назадъ,

съ наблюденіями современныхъ путешественниковъ (между прочимъ Эмиля Деро, недавно написавшаго очень интересную книгу о „Ла-Платѣ“) увидимъ, что картина, набросанная Бугэнвиллемъ, остается, во многихъ отношеніяхъ, еще и теперь довольно схожей. Лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, какъ напр. въ отношеніи народнаго образованія, о которомъ сто лѣтъ тому назадъ не было даже и помину, обнаружился съ тѣхъ поръ значительный прогрессъ.

Погрузивъ необходимое количество съѣстныхъ припасовъ, прѣсной воды и рогатаго скота, всѣ три фрегата пошли 28-го февраля 1767 года къ Малуинскимъ островамъ. Плаваніе это совершилось при неблагопріятныхъ условіяхъ. Непостоянство вѣтровъ, непогода и сильное волненіе причинили фрегату Бугэнвилля кое-какія аваріи. Лишь 23-го марта ему удалось бросить якорь во „Французской бухтѣ“, куда на другой день прибыли и оба испанскихъ корабля, тоже сильно пострадавшихъ отъ бури.

1-го апрѣля французское поселеніе было официально передано испанцамъ. Немногіе лишь французы воспользовались королевскимъ разрѣшеніемъ остаться на Малуинскихъ островахъ. Большинство предпочло покинуть колонію и отправилось на испанскихъ судахъ въ Монтевидео. Что касается Бугэнвилля, то онъ долженъ былъ еще ждать транспортъ „Звѣзду“, долженствовавшій доставить „Сердитой“ продовольственные запасы и сопровождать ее въ кругосвѣтное плаваніе.

Прошли уже мартъ, апрѣль и май мѣсяцы, а „Звѣзда“ все еще не приходила. Между тѣмъ было бы слишкомъ рискованно пуститься въ Тихій океанъ съ имѣвшимся на „Сердитой“ шестимѣсячнымъ запасомъ провизіи. Бугэнвилль рѣшился поэтому, 2-го іюня, идти въ Ріо-Жанейро, куда назначено было также прибыть и командиру „Звѣзды“, г. Ла-Жиродэ, въ случаѣ если непредвидѣнныя обстоятельства не дозволятъ ему идти на Малуинскіе острова.

Погода на этотъ разъ стояла очень благопріятная, такъ что французскій фрегатъ послѣ восемнадцатидневнаго плаванія прибылъ въ столицу португальской колоніи и нашелъ тамъ на рейдѣ „Звѣзду“, ждавшую его уже четыре дня. Транспортъ этотъ вышелъ въ море гораздо позднѣе, чѣмъ первоначально предполагалось. Буря заставила „Звѣзду“ укрыться на рейдѣ въ Монте-

видео, откуда, согласуясь съ данною инструкціей, транспортъ прибылъ въ Ріо-Жанейро.

Бразильскій вице-король, графъ д'Акунья, принялъ французскихъ моряковъ сперва очень радушно. Имъ дозволено было посѣщать театръ, гдѣ комедіи Метастаза игрались труппой мулатовъ. Плохой оркестръ, которымъ дирижировалъ горбатый аббатъ въ рясѣ, исполнялъ вдохновенныя произведенія итальянскихъ маэстро.

Радушное настроеніе вице-короля оказалось, однако, не особенно прочнымъ. Бугэнвилль купилъ съ разрѣшенія графа д'Акуньи шняву, но затѣмъ продавцу не дозволено было передать на самомъ дѣлѣ эту шняву французамъ. Точно также не отпустили съ королевской верфи сторгованный уже Бугэнвиллемъ лѣсъ. Наконецъ, французскому капитану и его офицерамъ запрещено было жить на дачѣ, предоставленной однимъ частнымъ лицомъ въ ихъ распоряженіе на все время, пока будетъ продолжаться починка „Сердитой". Во избѣжаніе дальнѣйшихъ столкновеній Бугэнвилль поспѣшно приготовился къ отплытію.

Прощаясь съ бразильской столицей, французскій капитанъ восторженно описываетъ прекрасный ея рейдъ и чарующую прелесть окрестной мѣстности. Въ заключеніе онъ приводитъ слѣдующую интересную замѣтку о необычайныхъ богатствахъ Бразиліи, складочнымъ пунктомъ которыхъ служитъ Ріо-Жанейро.

„Ближе всего къ столицѣ (приблизительно лишь въ семидесяти пяти миляхъ) находятся такъ называемые „главные рудники". Король получаетъ съ нихъ ежегодно, въ счетъ слѣдующей ему по закону пятой части, не менѣе 112 аробъ золота, а въ 1762 году на его долю пришлось даже 119 аробъ. Управленіе главныхъ рудниковъ вѣдаетъ пріисками Ріо-десъ-Мартосъ, Сабары и Серо-Фріо. На этомъ послѣднемъ пріискѣ, кромѣ золота, добываются также всѣ получаемые изъ Бразиліи алмазы. Вообще находимые на пріискахъ драгоцѣнные камни, за исключеніемъ алмазовъ, считаются законной собственностью подрядчиковъ, производящихъ работы. Что же касается до алмазовъ, то имъ ведется обстоятельный счетъ и подрядчики обязаны сдавать ихъ особенно назначенному для того королевскому чиновнику. Этотъ чиновникъ кладетъ алмазы въ шкатулку, окованную желѣзомъ и запертую тремя замками. Ключъ отъ одного изъ замковъ хранится у самого чиновника, отъ другого замка—у вице-короля, а отъ

третьяго замка—у главноуправляющаго королевскими имуществами въ Бразиліи, носящаго титулъ „Provedor de hacienda reale“. Шкатулка эта, съ тремя къ ней ключами, помѣщается въ ящикѣ, запертомъ на замокъ за тремя печатями упомянутыхъ сановниковъ. Вице-король не уполномоченъ осматривать содержаніе шкатулки. Онъ укладываетъ только ящикъ, въ которомъ она находится, въ желѣзный сундукъ и отсылаетъ этотъ сундукъ въ Лиссабонъ, приложивъ къ наружному замку сундука собственную свою печать“.

Несмотря на всѣ эти мѣры предосторожности и строгость, съ какою наказывалось похищеніе алмазовъ, въ Ріо-Жанейро велась ими дѣятельная контрабандная торговля. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что доходы бразильскаго казначейства не ограничивались лишь доходами съ золотыхъ розсыпей и алмазныхъ копей. По свѣдѣніямъ Бугэнвилля, португальскій король получалъ съ Бразиліи, за вычетомъ расходовъ на содержаніе войскъ, жалованье чиновникамъ и т. д., до десяти милліоновъ ливровъ чистаго дохода.

На переходѣ отъ Ріо-Жанейро до Монтевидео не случилось ничего особеннаго, но въ устьѣ Ла-Платы „Звѣзда“ столкнулась, во время шквала, съ испанскимъ судномъ, переломившимъ ей бугшпритъ, попортившимъ ютъ и порвавшимъ снасти. Аваріи эти, а также появившаяся на транспортѣ сильная течь, заставили его подняться вверхъ по теченію рѣки до Ансенады-де-Бараганъ, гдѣ можно было удобнѣй, чѣмъ въ Монтевидео, произвести необходимыя починки. Французскимъ судамъ удалось лишь къ 14-му ноября выбраться изъ Ла-Платы.

Тринадцать дней спустя оба судна были уже въ виду мыса Дѣвъ, у входа въ Магеллановъ проливъ, куда они и не замедлили вступить. Первая бухта, встрѣчающаяся въ этомъ проливѣ, бухта „Possession“, несмотря на свою обширность, представляетъ плохую якорную стоянку, открытую для всѣхъ вѣтровъ. Отъ мыса Дѣвъ до Оранскаго мыса, на протяженіи приблизительно пятнадцати миль, проливъ имѣетъ всюду отъ пяти до семи миль ширины. Пройдя безъ всякихъ затрудненій первый участокъ пролива, французскія суда бросили якорь въ бухтѣ „Буко“, гдѣ нѣсколько офицеровъ и матросовъ сошли на берегъ.

Они не замедлили вступить въ сношенія съ патагонцами, отъ которыхъ пріобрѣли нѣсколько вигоньихъ и гуанаковыхъ шкуръ

въ обмѣнъ на бездѣлушки, казавшіяся туземцамъ драгоцѣнностями. Туземцы эти были народъ рослый, но никто изъ нихъ не достигалъ шести-футовой вышины.

„То, что мнѣ показалось въ нихъ дѣйствительно колоссальнымъ, говоритъ Бугэнвилль, это широкія плечи, могучее сложеніе, большія головы, толстыя, жилистыя руки и ноги. Вообще видѣнные нами патагонцы были народъ крѣпкій и хорошо откормленный. Тѣло у нихъ твердое и упругое, короче сказать—почти каждый изъ нихъ можетъ служить образцомъ человѣка, который, живя на свободѣ при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, достигъ самаго высшаго, возможнаго для него, физическаго развитія“.

Второе отдѣленіе пролива, протяженіемъ отъ шести до семи миль, было пройдено также благополучно. Оттуда французскимъ судамъ пришлось вступить въ узкій каналъ, имѣющій всего лишь полторы мили въ ширину и четыре мили въ длину. Проходя въ этой части пролива мимо острововъ св. Варѳоломея и св. Елизаветы, французы приставали къ этому послѣднему острову, оказавшемуся совершенно безплоднымъ. Они не нашли на немъ ни прѣсной воды, ни деревьевъ.

Далѣе къ западу берегъ американскаго материка изобилуетъ лѣсомъ. Счастливо преодолѣвъ трудности, съ которыми зачастую приходилось бороться другимъ мореплавателямъ при входѣ въ проливъ, маленькая эскадра Бугэнвилля увидѣла вскорѣ себя, однако, въ затруднительномъ положеніи. Наиболѣе выдающейся особенностью Магелланова пролива слѣдуетъ признать чрезвычайное непостоянство погоды. Перемѣны въ направленіи и силѣ вѣтровъ происходятъ тамъ такъ внезапно и порывисто, что зачастую нельзя принять противъ нихъ надлежащихъ мѣръ предосторожности. Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ суда, идущія изъ Магелланова пролива, зачастую терпятъ аваріи, которыя замедляютъ плаваніе или даже вынуждаютъ приставать къ берегу для производства необходимыхъ починокъ.

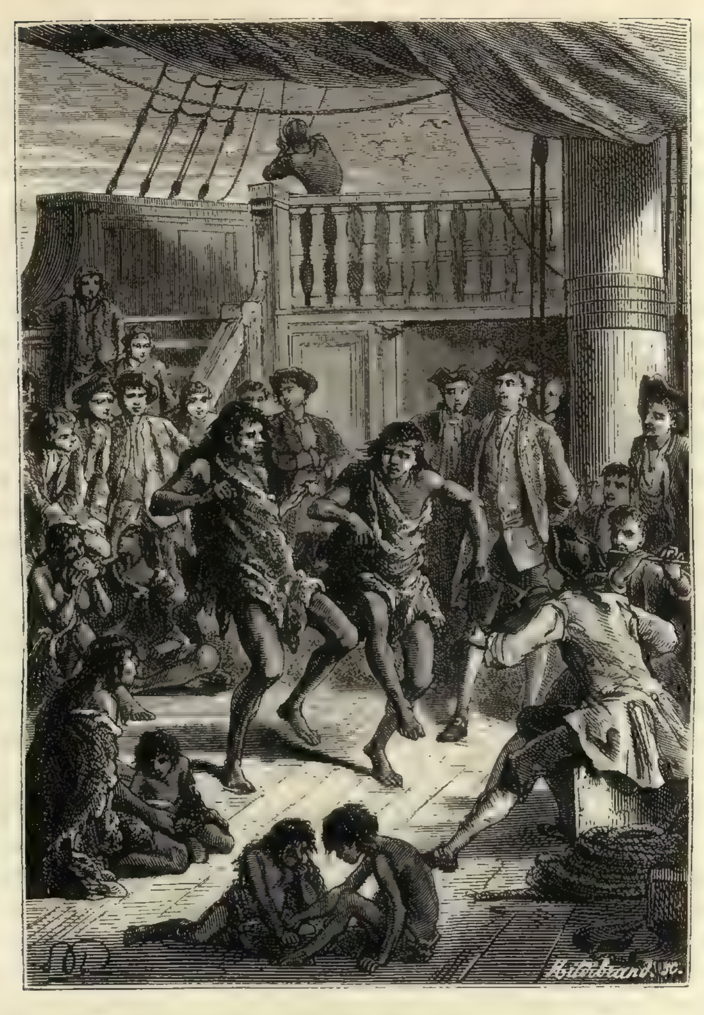
Бухта Гюйо-Дюкло—прекрасная якорная стоянка съ отличнымъ грунтомъ на 40—50-футовой глубинѣ. Бугэнвилль останавливался тамъ, чтобъ налить нѣсколько бочекъ прѣсной водой и запастись свѣжимъ мясомъ. Это послѣднее, впрочемъ, ему не удалось, такъ какъ въ окрестностяхъ бухты найдено было очень мало дичи. Послѣ того Бугэнвилль опредѣлилъ положеніе мыса

св. Анны, гдѣ въ 1581 году Сарміенто основалъ колонію, названную имъ Филиппвиллемъ. Мы упоминали уже въ предшествовавшемъ томѣ объ ужасающей катастрофѣ, вслѣдствіе которой вся бухта прозвана была „Голоднымъ портомъ“.

Французскія суда осмотрѣли затѣмъ еще нѣсколько заливовъ, мысовъ и бухтъ. Въ нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ имъ пришлось заходить. Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ: бухта Бугэнвилля, гдѣ чинилась „Звѣзда“, портъ, названный вслѣдствіе своего удобства Beau-Bassin, Кормандьерская бухта на берегу Огненной Земли близъ мыса Форварда (въ самой южной оконечности американскаго материка) и въ особенности Каскадная бухта, также на берегу Огненной Земли, представляющая по своей безопасности, прекрасному грунту для якорной стоянки, удобству запасаться прѣсной водой и лѣсными матеріалами, лучшее убѣжище, какого только могутъ желать мореплаватели. Осмотрѣнныя и описанныя Бугэнвиллемъ бухты особенно цѣнны въ томъ отношеніи, что позволяютъ судамъ сравнительно удобно обогнуть мысъ Форвардъ. Огибаніе этого мыса считается дѣломъ очень опаснымъ вслѣдствіе порывистыхъ противныхъ вѣтровъ, съ которыми обыкновенно должно бороться.

Новый, 1768-й годъ встрѣченъ былъ французскими судами въ бухтѣ Фортескью, въ глубинѣ которой находится портъ Галанъ, въ подробности снятый на планъ г. Женномъ. Отвратительная погода, о которой самая скверная парижская зима не могла бы дать сколько-нибудь удовлетворительнаго понятія, задержала Бугэнвилля болѣе чѣмъ на три недѣли на этой стоянкѣ. Французскія суда были посѣщены шайкою обитателей Огненной Земли—пешересовъ.

„Мы угостили ихъ музыкой,—разсказывается въ описаніи путешествія Бугэнвилля,—заставляли пѣть, плясать, а въ особенности ѣсть. Это послѣднее доставило имъ наибольшее удовольствіе. Они ни отъ чего не отказывались и пожирали съ одинаковымъ аппетитомъ хлѣбъ, солонину, сальныя свѣчи и т. д. Наши корабли, а также различные предметы, которые мы показывали этимъ дикарямъ, не возбуждали въ нихъ ни малѣйшаго удивленія. Чтобъ удивляться произведеніямъ искусствъ, необходимо имѣть о нихъ хотя какія-нибудь первоначальныя понятія. Пешересы относились къ произведеніямъ человѣческаго генія такъ-же равнодушно, какъ и къ произведеніямъ природы, недо-



Ихъ заставляли плясать.

ступнымъ для ихъ пониманія... Дикари эти издаютъ невыносимое зловоніе. Они малорослы и противны на видъ; ходятъ почти нагіе, одѣваясь лишь въ грязныя тюленьи шкуры, которыя слишкомъ малы, чтобъ можно было въ нихъ хорошенько закутаться. Особенно отвратительны туземныя женщины. Мужчины обращаются съ ними, повидимому, не особенно хорошо... Дикари эти живутъ артелями, состоящими изъ нѣсколькихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ хижинахъ, посерединѣ которыхъ горитъ огонь.

Пешересы питаются преимущественно ракушками; однако-же мы видѣли у нихъ собакъ и рыболовныя сѣти, плетеныя изъ китоваго уса... Они кажутся довольно добродушными, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ слабосильны, что добродушія имъ, повидимому, нельзя даже поставитъ въ заслугу... Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною дикарей, пешересы ведутъ самое нищенское существованіе".

Стоянка эта ознаменовалась слѣдующимъ печальнымъ событіемъ. Въ числѣ пешересовъ, посѣтившихъ „Сердитую", былъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Матросы подарили ему нѣсколько осколковъ стекла, разумѣется, не предвидя того употребленія, какое онъ изъ нихъ сдѣлаетъ. Сколько можно судить, пешересы имѣютъ привычку засовывать себѣ въ горло куски талька (жировика), служащіе у нихъ талисманами. Мальчикъ пожелалъ вѣроятно для этой же цѣли употребить стекло. Сойдя на берегъ, французы нашли его въ самомъ отчаянномъ положеніи: у него была страшная кровавая рвота; горло и десны были изрѣзаны и окровавлены. Несмотря на заклинанія и колотушки, на которыя не скупился мѣстный кудесникъ, или, можетъ быть, даже именно вслѣдствіе примѣненія слишкомъ энергическаго массажа, ребенокъ вскорѣ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Смерть его послужила для пешересовъ сигналомъ къ поспѣшному бѣгству; они, очевидно, боялись, чтобы французы ихъ не околдовали и не поморили бы всѣхъ такимъ же ужасающимъ образомъ.

16-го января, пытаясь пройти къ острову Руперта, фрегатъ „Сердитая" былъ увлеченъ теченіемъ къ берегу и чуть было не сталъ на мель. Якорь, брошенный въ полукабельтовѣ отъ берега, не выдержалъ и судно удалось спасти лишь благодаря легкому вѣтерку, дувшему отъ земли. Пришлось вернуться назадъ въ портъ Галанъ. Это случилось какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ на другой же день разразился страшный ураганъ.

„Простоявъ двадцать шесть дней въ этомъ портѣ изъ-за неблагопріятныхъ противныхъ вѣтровъ, мы были обрадованы, наконецъ,—говоритъ Бугэнвилль,—попутнымъ вѣтромъ, который въ какихъ-нибудь тридцать шесть часовъ доставитъ насъ изъ порта Галана въ Тихій океанъ. Я думаю, что это еще первый примѣръ безостановочнаго плаванія отъ упомянутаго порта до выхода изъ Магелланова пролива. Всю длину пролива отъ мыса Дѣвъ до Столбового мыса я считаю приблизительно въ сто четырнадцать миль. Намъ пришлось употребить пятьдесятъ два

дня, чтобы пройти это разстояніе... Несмотря на трудности, встрѣченныя въ Магеллановомъ проливѣ, я всё-таки совѣтовалъ бы судамъ съ сентября и по конецъ марта мѣсяца идти лучше этимъ проливомъ, чѣмъ огибать мысъ Горнъ (такимъ образомъ Бугэнвилль вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ коммодора Байрона). Во всякое другое время года я предпочелъ бы обогнуть упомянутый мысъ. Сильное волненіе и противные вѣтры не представляютъ въ открытомъ морѣ особенно серьезныхъ опасностей, тогда какъ въ проливѣ идти ощупью во время сильныхъ тумановъ неблагоразумно. Напротивъ того, въ надлежащее время года путь черезъ Магеллановъ проливъ представляетъ значительныя выгоды, хотя и сопряженъ съ нѣкоторою потерею времени. Тамъ въ изобиліи можно встрѣтить отличную прѣсную воду, лѣсъ, съѣдобныхъ ракушекъ, а зачастую также достаточное количество очень хорошей рыбы. Несомнѣнно, что экипажъ корабля, идущаго изъ Атлантическаго океана въ Тихій или обратно—изъ Тихаго въ Атлантическій, огибая мысъ Горнъ, гораздо болѣе пострадаетъ отъ цынги, чѣмъ въ случаѣ если-бъ избралъ путь черезъ Магеллановъ проливъ. По крайней мѣрѣ у насъ, при выходѣ изъ этого пролива, не было на обоихъ судахъ ни одного больного".

Мнѣніе это вызывало до послѣдняго времени весьма вѣскія возраженія со стороны многихъ опытныхъ мореплавателей. Путь черезъ Магеллановъ проливъ, въ пользу котораго такъ горячо высказывается Бугэнвилль, былъ мало-по-малу совершенно покинутъ; теперь же, когда примѣненіе пара окончательно преобразовало морское дѣло, измѣнивъ всѣ условія кораблевожденія, о Магеллановомъ проливѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи.

При самомъ выходѣ въ Тихій океанъ Бугэнвилль, совершенно неожиданно для себя, встрѣтилъ тамъ южные вѣтры, вынудившіе его отказаться отъ первоначальнаго намѣренія идти къ острову Хуанъ-Фернандесу.

По соглашенію съ командиромъ „Звѣзды", г. де-Ла-Жироде, рѣшено было, чтобъ въ теченіе дня оба судна находились другъ отъ друга въ возможно большемъ отдаленіи, при которомъ еще можно не терять другъ друга изъ виду. Вечеромъ транспортъ долженъ былъ подходить къ фрегату и держаться отъ него всего лишь въ полумилѣ. Такимъ образомъ, если-бъ съ „Сердитой" случилось какое-нибудь несчастье, „Звѣзда" могла-бы все-таки

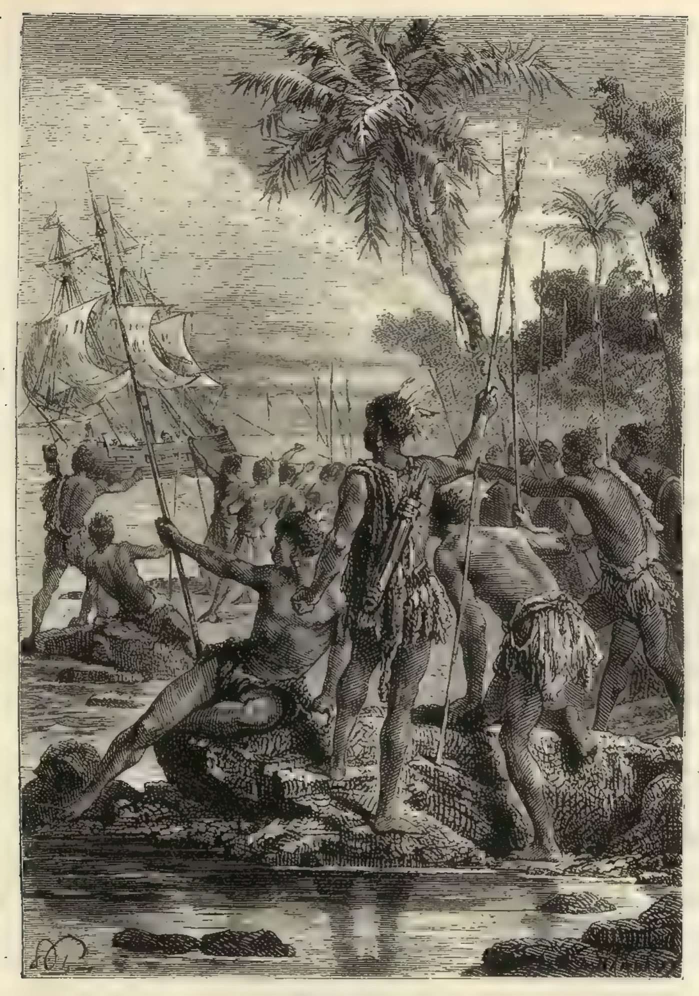
уцѣлѣть; днемъ же, держась въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, французскія суда могли обстоятельно осмотрѣть болѣе широкую полосу моря.

Въ продолженіе нѣкотораго времени Бугэнвилль тщательно искалъ островъ Пасхи, но не могъ его найти. Затѣмъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ достигъ параллели земель и острововъ, ошибочно обозначенныхъ на Белленовской картѣ подъ именемъ острововъ Квироса. 22-го марта съ французскихъ судовъ усмотрѣны были четыре островка, получившіе названіе „Четырехъ Факарденовъ“. Эти островки принадлежатъ къ Опасному архипелагу, скопленію низменныхъ коралловыхъ острововъ и атолловъ, который, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, непремѣнно встрѣчался всѣмъ мореплавателямъ, огибавшимъ южную оконечность Америки, какимъ бы путемъ они ни проникали изъ Атлантическаго океана въ Тихій. Нѣсколько далѣе встрѣченъ былъ плодородный островъ, обитатели котораго ходили совершенно нагіе. Они были вооружены длинными копьями и потрясали ихъ съ такимъ угрожающимъ видомъ, что Бугэнвилль далъ ихъ острову названіе острова Копейщиковъ.

Не станемъ повторять неоднократно уже высказанныхъ замѣчаній относительно характера этихъ острововъ, труднаго доступа къ нимъ, а также негостепріимныхъ нравовъ туземнаго населенія. Скажемъ лишь, что островъ Копейщиковъ названъ былъ Кукомъ „Thrum-Cap“, а островъ Арфы, усмотрѣнный Бугэнвиллемъ 24-го марта, называется у англійскаго мореплавателя островомъ „Лука“.

Бугэнвилль, зная, что Роггевейнъ едва не погибъ среди этихъ острововъ, рѣшилъ, что изслѣдованіе ихъ не представляетъ достаточнаго интереса, дабы вознаградить за опасности, которымъ пришлось бы при этомъ подвергаться. Онъ уклонился нѣсколько къ югу и вскорѣ потерялъ изъ виду этотъ громадный архипелагъ, разбросанный на протяженіи болѣе чѣмъ пятисотъ миль и заключающій въ себѣ болѣе шестидесяти острововъ или же островныхъ группъ.

2-го апрѣля замѣчена была съ фрегата высокая, крутая гора, названная пикомъ „Сердитой“. Это былъ островъ Маитеа, получившій уже отъ Квироса наименованіе Дезаны. На разсвѣтѣ, 4-го апрѣля, французскія суда были въ виду Таити, длиннаго острова, состоящаго изъ двухъ полуострововъ, соединенныхъ перешейкомъ шириною не болѣе мили.



Островъ Лука.

Суда эти были тотчасъ же окружены по меньшей мѣрѣ сотнею туземныхъ байдаръ съ коромыслами, нагруженныхъ кокосовыми орѣхами и множествомъ прекрасныхъ плодовъ, которые охотно вымѣнивались островитянами на различныя бездѣлушки. Съ наступленіемъ ночи зажжено было на берегу множество огней. Французы сочли долгомъ отвѣтить на это, пустивъ съ кораблей нѣсколько ракетъ.

„Берегъ, воздымавшійся амфитеатромъ, представлялъ, по сло-

вамъ Бугенвилля, самое пріятное и живописное зрѣлище. Горы тамъ очень высоки, но скалы нигдѣ не выказываются въ безплодной своей наготѣ. Всѣ онѣ густо поросли лѣсомъ. Особенно удивила насъ отдѣльно стоявшая гора, покрытая до самой вершины деревьями. Гора эта была нисколько не ниже остальныхъ горныхъ вершинъ въ южной части острова, но имѣла въ діаметрѣ у подошвы лишь около тридцати саженъ. Она казалась издали громадной пирамидой, которую искусный декораторъ украсилъ гирляндами зеленой листвы. На болѣе ровныхъ мѣстностяхъ зеленые луга перемежаются съ веселыми рощами, а вдоль всего берега тянется довольно широкая низменная полоса, занятая плантаціями. Тамъ, среди банановъ, кокосовыхъ пальмъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ, виднѣлись домики островитянъ".

Весь слѣдующій день шла дѣятельная мѣновая торговля. Кромѣ фруктовъ туземцы предлагали французамъ куръ, голубей, рыболовныя снасти, каменные топоры, ножи и т. п. орудія, ткани собственнаго издѣлія и раковины. Въ обмѣнъ за эти товары требовались преимущественно желѣзные гвозди и мѣдныя серьги.

Утромъ 6-го апрѣля, пролавировавъ цѣлыхъ три дня, чтобъ ознакомиться съ берегомъ и отыскать удобную якорную стоянку, Бугэнвилль рѣшился бросить якорь въ бухтѣ, которую нашелъ въ первый же день по прибытіи къ острову.

„Около судовъ скопилось такое множество туземныхъ лодокъ,— говоритъ Бугэнвилль, — что намъ стоило не мало хлопотъ пристать къ берегу. Кругомъ собралась громадная толпа народа; туземцы кричали: „тайо", т.-е. „другъ", и всячески старались выказать намъ дружеское свое расположеніе. Лодки были переполнены женщинами, которыя красотой лица нисколько не уступаютъ большинству нашихъ европейскихъ дамъ и могли бы поспорить съ любою изъ нихъ стройностью стана и прелестью тѣлосложенія".

Несмотря на строгое запрещеніе сходить на берегъ, поваръ Бугэнвилля ушелъ съ корабля и благополучно добрался до острова. Тамъ его тотчасъ же окружила громадная толпа туземцевъ, которые раздѣли его до-гола и съ любопытствомъ осматривали всѣ части его тѣла. Поваръ страшно перепугался и думалъ, что его непремѣнно убьютъ, но туземцы снова его одѣли и привезли назадъ на корабль. Бѣдняга почти не помнилъ себя отъ страха. Бугэнвилль хотѣлъ было дать ему строгій выговоръ, но убѣдился,

что въ этомъ не предстоитъ ни малѣйшей надобности. Дѣйствительно, поваръ заявилъ, что самый строжайшій выговоръ не могъ бы нагнать на него такого страха, какого онъ натерпѣлся на берегу.

Какъ только фрегатъ сталъ на якорь близъ острова, Бугэнвилль, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, съѣхалъ на берегъ, чтобъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ удобнѣе запастись прѣсной водой. Французовъ вскорѣ окружила громадная толпа туземцевъ, которые разглядывали съ чрезвычайнымъ вниманіемъ своихъ гостей, привѣтствовали ихъ возгласами: „тайо! тайо!“ Одинъ изъ туземцевъ пригласилъ Бугэнвилля и его спутниковъ къ себѣ въ домъ, гдѣ угостилъ ихъ фруктами, жареной рыбой и вкусною чистою водой.

Французы увидѣли тамъ подъ деревомъ туземца, приглашавшаго ихъ знаками присѣсть рядомъ съ нимъ.

„Мы согласились, — говоритъ Бугэнвилль. — Нѣжно склонившись надъ нами, онъ началъ медленно, но очень пріятнымъ голосомъ пѣть какую-то пѣсню, вѣроятно, во вкусѣ анакреоновской поэзіи. Другой туземецъ акомпанировалъ ему носомъ на флейтѣ особаго устройства. Все это могло бы послужить очаровательнымъ сюжетомъ для кисти Буше. Четверо островитянъ послѣдовали за нами на корабль и безъ всякихъ опасеній остались у насъ ужинать и ночевать. Наши музыканты играли для нихъ на флейтѣ контрабасѣ и скрипкѣ. Затѣмъ мы устроили въ честь гостей фейерверкъ. Ракеты и огненныя змѣйки возбуждали въ нихъ одновременно изумленіе и страхъ“.

Прежде чѣмъ приводить дальнѣйшія выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ Бугэнвилля, необходимо предупредить читателя, чтобъ онъ не считалъ повѣствованія эти списанными прямо съ натуры. Ихъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, отнести къ области буколической поэзіи. Авторъ, увлекаясь блестящею своею фантазіей, значительно прикрашиваетъ и безъ того уже прелестную дѣйствительность. Живописная природа, восхитительныя зрѣлища, представляющіяся глазамъ французскаго мореплавателя, его не удовлетворяютъ. Думая еще болѣе украсить картину, онъ вмѣсто того впадаетъ въ шаржъ, и все это дѣлается авторомъ совершенно неумышленно, почти безсознательно. Во всякомъ случаѣ понятно, что не мѣшаетъ отнестись къ такимъ описаніямъ отчасти критически. Затѣмъ это стремленіе

рисовать жизнь дикарей въ розовомъ цвѣтѣ раздѣляется почти всѣми современниками Бугэнвилля. Интереснымъ образчикомъ этого стремленія можетъ служить описаніе второго путешествія капитана Кука. Сопровождавшій Кука рисовальщикъ Годжесъ, на картинкѣ, представляющей высадку англичанъ на островъ Миддльбургъ, изобразилъ туземцевъ въ такомъ прикрашенномъ видѣ, что ихъ можно было бы принять скорѣе за римлянъ Цезаря или Августа, чѣмъ за океанійскихъ островитянъ. А между тѣмъ дикари были у художника передъ глазами и ничто повидимому не мѣшало ему передать въ точности сцену, при которой онъ самъ присутствовалъ. Въ наше время относятся къ истинѣ съ несравненно большимъ уваженіемъ. Современные путешественники не дозволяютъ себѣ украшать дѣйствительность арабесками собственнаго изобрѣтенія. Правда, что зачастую описанія нынѣшнихъ путешествій смахиваютъ на сухіе, безстрастные протоколы, которые не могутъ особенно нравиться обыкновеннымъ читателямъ, но зато описанія эти являются въ большинствѣ случаевъ цѣннымъ вкладомъ въ науку и могутъ служить матеріаломъ для дальнѣйшаго ея преуспѣянія.

Сдѣлавъ эту оговорку, вернемся снова къ повѣствованію Бугэнвилля.

„На берегу маленькой рѣчки, впадающей въ бухту, Бугэнвилль раскинулъ палатки для своихъ больныхъ и выгрузилъ бочки, которыя надо было налить прѣсной водой. Для охраны больныхъ поставили караулъ изъ нѣсколькихъ десятковъ вооруженныхъ матросовъ. Мѣры эти не понравились туземцамъ, которые отнеслись къ нимъ съ недовѣріемъ. Таитяне охотно дозволяли чужеземцамъ съѣзжать на берегъ и гулять по острову, но съ условіемъ, чтобъ они возвращались къ ночи на свои корабли. Бугэнвиллю, однако, удалось успокоить туземцевъ, объяснивъ, что онъ останется на островѣ лишь сравнительно недолго.

Между французами и таитянами установились тогда опять наилучшія отношенія. Для цынготныхъ больныхъ, которыхъ было всего тридцать четыре человѣка, туземцы отвели большой сарай, въ которомъ помѣщался и караулъ изъ тридцати матросовъ. Сарай этотъ былъ тщательно со всѣхъ сторонъ огороженъ частоколомъ, въ которомъ оставлено было всего лишь одно входное отверстіе. Туземцы приносили туда въ громадномъ количествѣ предметы, которые имъ хотѣлось промѣнять на европейскія без-

дѣлушки. Французамъ не нравилась только необходимость имѣть тщательный надзоръ за всѣмъ, что было выгружено на берегъ,— островитяне могли смѣло заткнуть за поясъ самыхъ ловкихъ европейскихъ воровъ. Слѣдуя похвальному обычаю, начинавшему тогда входить уже въ общее употребленіе, Бугэнвилль подарилъ туземному вождю индюка съ индѣйкой и нѣсколькихъ утокъ и селезней. Затѣмъ, приказавъ обработать небольшой клочокъ земли, онъ посѣялъ тамъ пшеницу, овесъ, ячмень, рисъ, кукурузу, посадилъ лукъ и нѣкоторыя другія европейскія овощи.

10-го апрѣля былъ убитъ изъ ружья одинъ островитянинъ. Бугэнвилль, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ отыскать виновнаго. Туземцы полагали, вѣроятно, что ихъ соотечественникъ былъ самъ неправъ, и продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, вести съ французами мѣновую торговлю. Бугэнвилль понималъ однако, что было бы неблагоразумно долго оставаться на рейдѣ, не защищенномъ отъ вѣтровъ и грунтъ котораго былъ усѣянъ крупными кораллами.

12-го апрѣля, при сильномъ порывѣ вѣтра, „Сердитая", у которой одинъ изъ якорныхъ канатовъ перетерло кораллами, навалилась на „Звѣзду" и чуть было не причинила ей серьезныя аваріи. Экипажи обоихъ судовъ дѣятельно занялись исправленіемъ поврежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ послана была шлюпка, чтобъ отыскать другой, болѣе удобный выходъ изъ бухты. Тѣмъ временемъ Бугэнвилль узналъ, что на берегу трое островитянъ были въ своихъ домахъ убиты или опасно ранены штыками. Это такъ сильно встревожило туземцевъ, что всѣ они бѣжали внутрь острова.

Несмотря на опасное положеніе, въ которомъ находились тогда корабли, Бугэнвилль тотчасъ-же съѣхалъ на берегъ и приказалъ заковать въ цѣпи матросовъ, которыхъ можно было подозрѣвать въ этомъ возмутительномъ преступленіи. Благодаря столь благоразумной строгости, негодованіе туземцевъ улеглось и ночь прошла благополучно.

Положеніе дѣлъ на берегу внушало довольно серьезныя опасенія, но Бугэнвилль спѣшилъ, тѣмъ не менѣе, какъ можно скорѣе вернуться къ себѣ на корабль, гдѣ присутствіе его было еще болѣе необходимо. Погода стояла бурная; неоднократно налетали порывистые шквалы съ сильнымъ волненіемъ и грозой. Если-бъ не поднялся благопріятный вѣтеръ отъ берега, то оба

французскія судна были бы выброшены на мель. Якорные канаты порвались и суда чуть было не разбились о подводныя скалы. Къ счастью, „Звѣздѣ“ удалось выйти въ открытое море; „Сердитая“ послѣдовала ея примѣру, потерявъ на этомъ открытомъ рейдѣ шесть якорей, которые могли бы ей впослѣдствіи очень пригодиться.

Замѣтивъ, что французы собираются покинуть островъ, громадная толпа таитянъ пришла съ ними прощаться. Островитяне принесли съ собою множество фруктовъ и свѣжей провизіи. Одинъ изъ туземцевъ, по имени Аотуру, упросилъ Бугэнвилля взять его съ собою. По прибытіи въ Европу, Аотуру прожилъ одиннадцать мѣсяцевъ во французской столицѣ и встрѣтилъ въ высшихъ слояхъ тамошняго общества самый радушный пріемъ. Когда онъ пожелалъ вернуться на родину, французское правительство препроводило его на островъ св. Маврикія, откуда его должны были отправить на Таити, какъ только установится благопріятный муссонъ. Къ сожалѣнію, Аотуру заболѣлъ и умеръ на островѣ св. Маврикія, гдѣ остался также и подаренный ему французскимъ правительствомъ цѣлый корабельный грузъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ орудій, домашнихъ животныхъ и сѣмянъ полезныхъ растеній.

Таитяне произвели на Бугэнвилля такое благопріятное впечатлѣніе, что онъ въ честь ихъ назвалъ островъ Таити „Новою Цитерой“. Островъ этотъ самый большой во всемъ архипелагѣ Товарищества. Онъ уже былъ посѣщенъ Валлисомъ, но мы все-таки считаемъ умѣстнымъ сообщить о немъ нѣкоторыя данныя, собранныя Бугэнвиллемъ.

Главными естественными богатствами острова Таити во времена Бугэнвилля были кокосовыя пальмы, бананы, ямсъ, сахарный тростникъ и т. п. Естествоиспытатель Коммарсонъ, находившійся на „Звѣздѣ“, признавалъ въ таитской флорѣ большое сходство съ остъ-индской. Единственными представителями млекопитающихъ, кромѣ человѣка, были свиньи, собаки и крысы. Эти послѣднія водились на Таити въ чрезвычайномъ множествѣ.

„Климатъ на островѣ чрезвычайно здоровый, — говоритъ Бугэнвилль. — Несмотря на тяжелыя работы, которыя приходилось тамъ выносить нашимъ матросамъ, никто изъ нихъ не захворалъ, хотя приходилось зачастую работать въ страшную жару, подъ палящими лучами солнца, по поясъ въ водѣ, и затѣмъ спать по

ночамъ подъ открытымъ небомъ. Цынготные больные, высаженные на берегъ, быстро поправлялись. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи, по возвращеніи на корабль, совершенно выздоровѣли. Впрочемъ, лучшимъ доказательствомъ здороваго климата, которымъ пользуются таитяне (а также и правильности ихъ образа жизни), служатъ счастливая старость, до которой они достигаютъ, острота и тонкость ихъ чувствъ и замѣчательная красота зубовъ, сохраняющихся у нихъ до глубокой старости".

Нравы таитянъ казались Бугэнвиллю кроткими и благодушными. Островъ раздѣленъ на нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга округовъ; однако-же междоусобныя войны между ними, повидимому, неизвѣстны. Зато таитяне ведутъ довольно часто войны съ жителями сосѣднихъ острововъ. Во время этихъ войнъ они, одержавъ побѣду надъ противниками, избиваютъ всѣхъ мужчинъ и дѣтей мужескаго пола; трофеями у нихъ служатъ непріятельскія бороды, снятыя вмѣстѣ съ кожею подбородка. Бугэнвиллю не удалось получить сколько-нибудь яснаго свѣдѣнія о мѣстной религіи и религіозныхъ обрядахъ. Онъ замѣтилъ лишь, что таитяне относятся къ усопшимъ очень почтительно. Покойниковъ выставляютъ на чистомъ воздухѣ на помостахъ, покрытыхъ навѣсомъ. Несмотря на отвратительное зловоніе, родственницы усопшихъ просиживаютъ часть дня подъ этими навѣсами, орошая разлагающійся трупъ своими слезами и кокосовымъ масломъ.

Естественныя богатства края такъ велики и требуютъ отъ человѣка такъ мало труда, что мужчины и женщины на Таити живутъ почти въ постоянной праздности. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ таитянки почти исключительно занимаются однимъ лишь кокетствомъ. Пѣсни, танцы, продолжительныя бесѣды, отличающіяся самымъ беззавѣтнымъ весельемъ, выработали у таитянъ чрезвычайную подвижность духа и вѣтренность, которыя казались изумительными даже французамъ. Бугэнвилль замѣчаетъ при этомъ, что французовъ совершенно напрасно обвиняютъ въ недостаткѣ серьезности. Дѣло въ томъ, что французы живѣе, веселѣе и остроумнѣе тѣхъ, кто дѣлаетъ имъ подобные упреки. Что касается таитянъ, то невозможно было долгое время сосредоточивать ихъ вниманіе на какомъ бы то ни было предметѣ. Они очень наблюдательны, но ничто не можетъ приковать къ себѣ ихъ вниманіе. Несмотря на свое легкомысліе,

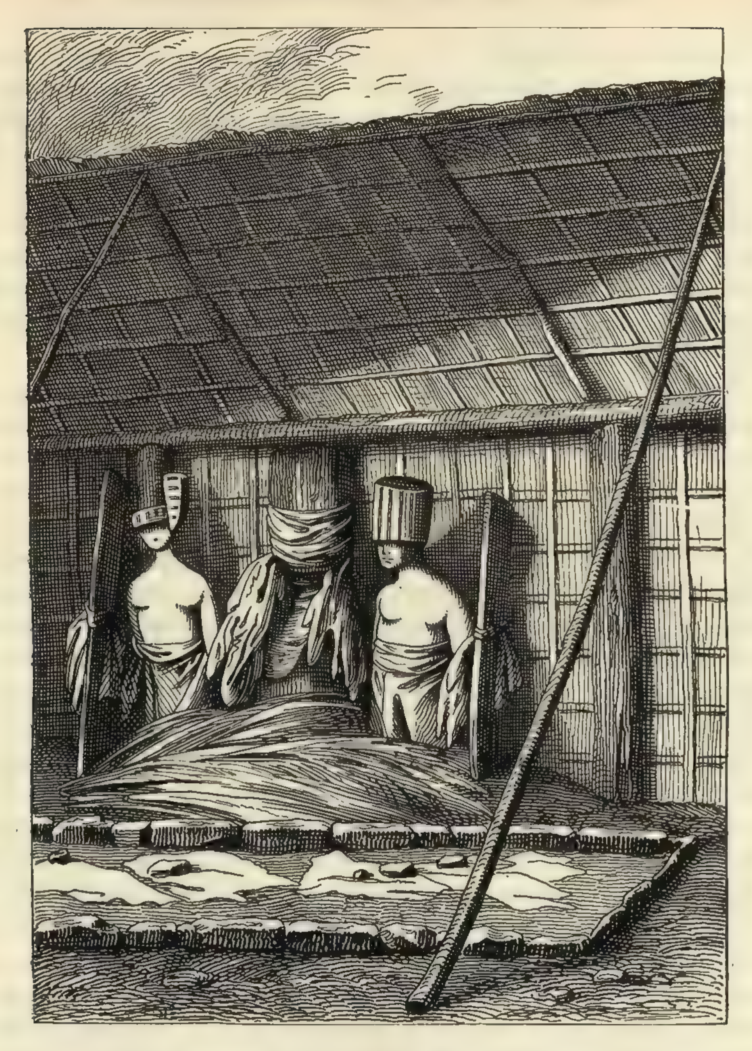
они отличаются изобрѣтательностью и ловкостью. Такъ, между прочимъ, они обнаруживаютъ замѣчательное искусство и остроуміе при постройкѣ своихъ байдаръ. Удочки, крючки, вообще всѣ рыболовныя снасти у таитянъ очень хорошей отдѣлки. Рыболовныя сѣти у нихъ приблизительно такія-же, какъ и въ Европѣ. Ткани, изготовляемыя изъ древесной коры, искусно сработаны и хорошо окрашены.

Короче сказать, таитяне произвели на Бугэнвилля впечатлѣніе чистокровныхъ лаццарони.

Въ 8 часовъ утра 16-го апрѣля Бугэнвилль, находясь приблизительно въ десяти миляхъ къ сѣверу отъ Таити, усмотрѣлъ подъ вѣтромъ землю. Казалось, что она состояла изъ трехъ отдѣльныхъ островов; на самомъ же дѣлѣ это былъ всего лишь одинъ островъ. Аотуру сообщилъ, что островъ этотъ называется Умаитія. Бугэнвилль не счелъ нужнымъ тамъ останавливаться и взялъ курсъ такъ, чтобы избѣгнуть „Опасныхъ“ островов, среди которыхъ погибъ одинъ изъ кораблей Роггевейна. Въ теченіе всего остального апрѣля мѣсяца погода была очень хороша, но вѣтеръ дулъ очень слабый.

3-го мая Бугэнвилль увидѣлъ снова передъ собою землю и въ теченіе дня открылъ еще нѣсколько островов. Берега самаго большого изъ нихъ были очень круты. Въ сущности островъ этотъ представлялъ собою гору, покрытую до самой вершины деревьями. На немъ не было ни долинъ, ни обычной низменной береговой полосы. Однако-же островъ этотъ оказался обитаемымъ. Въ тѣни кокосовыхъ пальмъ замѣчено было нѣсколько хижинъ и около тридцати туземцевъ, бѣгавшихъ взадъ и впередъ вдоль берега.

Вечеромъ къ французскимъ судамъ подошло нѣсколько туземныхъ лодокъ. Послѣ нѣкотораго, совершенно естественнаго и понятнаго колебанія началась мѣновая торговля. Островитяне, привезя съ собою кокосовые орѣхи, ямсъ и ткани худшаго качества, чѣмъ таитскія, желали получить въ обмѣнъ за нихъ красное сукно. Они съ презрѣніемъ отвергали желѣзо, гвозди и серьги, являвшіеся такимъ ходкимъ товаромъ на Бурбонскомъ архипелагѣ (какъ названа была Бугэнвиллемъ группа Таитскихъ островов). Туземцы раскрашивали себѣ грудь и бедра въ темносиній цвѣтъ; брили бороды и зачесывали волоса вверхъ, такъ, чтобы образовать длинный хохолъ на макушкѣ.



Внутренность «морай» таитянъ (Fac-simile съ древней гравюры).

На слѣдующій день усмотрѣны были еще острова, принадлежавшіе очевидно къ тому-же архипелагу. Жители ихъ показались Бугэнвиллю очень нелюдимыми, такъ какъ не хотѣли вступать въ сношенія съ французскими судами.

„Острова эти,—говоритъ Бугэнвилль,—лежатъ приблизительно подъ тою-же долготой, подъ которою находился по его расчетамъ Абель-Тасманъ, когда онъ открылъ острова Амстердамъ,

Ротэрдамъ, Пильстоарсъ, Принца Вильгельма и Флимскерскую отмель. Подъ тою-же приблизительно долготой должны лежать также и Соломоновы острова. Туземныя байдары, виднѣвшіяся въ открытомъ морѣ въ различныхъ направленіяхъ, особенно же въ направленіи на югъ, указывали, повидимому, на существованіе тамъ другихъ острововъ. Надо полагать, что всѣ эти острова образуютъ длинную цѣпь, лежащую приблизительно подъ однимъ и тѣмъ-же меридіаномъ. Вообще этотъ архипелагъ мореплавателей находится подъ 14° южной широты и между 171° и 172° западной долготы, считая отъ Парижа".

По мѣрѣ того какъ приходила къ концу свѣжая провизія, на французскихъ судахъ начала снова появляться цынга. Бугэнвилль рѣшился поэтому остановиться опять на нѣсколько дней у какого-нибудь острова. 22-го мая и въ слѣдующіе за тѣмъ нѣсколько дней усмотрѣны были острова Троицы, Авроры и островъ Прокаженныхъ, принадлежащій къ архипелагу Ново-Гебридскихъ островов, открытыхъ Квиросомъ въ 1606 году. Пристать къ нимъ, казалось, довольно легко, а потому Бугэнвилль послалъ на берегъ команду матросовъ за кокосовыми орѣхами и другими противоцынготными плодами. Въ теченіе дня самъ Бугэнвиль съѣхалъ тоже на берегъ. Матросы рубили дрова, а туземцы пособляли грузить ихъ въ лодки. Несмотря на такое кажущееся дружелюбное настроеніе, островитяне не особенно довѣряли чужеземцамъ и не выпускали изъ рукъ оружія. Тѣ, у кого не было другого оружія, держали въ рукахъ большіе каменья. Забравъ въ шлюпки достаточное количество фруктовъ и дровъ, Бугэнвилль приказалъ матросамъ грести назадъ къ кораблямъ. Многочисленная толпа туземцевъ вышла вслѣдъ за французами на берегъ и проводила ихъ градомъ стрѣлъ и дротиковъ. Нѣкоторые изъ островитянъ до того увлеклись преслѣдованіемъ, что вошли по плечи въ воду. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ въ воздухъ, не произвели на туземцевъ желаемаго впечатлѣнія, а потому Бугэнвилль приказалъ дать по нимъ залпъ, послѣ котораго туземцы дѣйствительно обратились въ бѣгство.

Нѣсколько дней спустя шлюпка, отыскивавшая якорную стоянку близъ острова Прокаженныхъ, подверглась нападенію туземцевъ. Двѣ стрѣлы, пущенныхъ островитянами, послужили для экипажа шлюпки предлогомъ открыть огонь, который уси-

лился вскорѣ до такой степени, что Бугэнвилль счелъ свою шлюпку въ серьезной опасности. Туземцы понесли жестокія потери убитыми и ранеными; укрывшись въ лѣсу, они испускали ужасные вопли. Вообще это была настоящая бойня. Бугэнвилль, обезпокоенный продолжительною ружейною пальбою, собирался уже послать на помощь своимъ матросамъ другую шлюпку, когда увидѣлъ, что первая шлюпка, никѣмъ не преслѣдуемая, вышла изъ-за мыса. Ей тотчасъ же данъ былъ сигналъ вернуться къ кораблю.

„Я принялъ, — говоритъ Бугэнвилль, — надлежащія мѣры къ тому, чтобъ мы не безчестили себя на будущее время, злоупотребляя до такой степени превосходствомъ нашего оружія".

Легкость, съ которою всѣ вообще мореплаватели поддаются искушенію злоупотреблять превосходствомъ, которое даетъ имъ надъ дикарями огнестрѣльное оружіе, наводитъ на размышленія самаго печальнаго свойства. Стремленіе къ смертоубійству безъ всякаго побудительнаго къ тому повода и безъ всякой необходимости — невольно возбуждаетъ негодованіе. Между тѣмъ оно проявляется у всѣхъ вообще мореплавателей, къ какой бы національности они ни принадлежали. Такимъ образомъ упрекъ въ жестокосердіи долженъ быть обращенъ не къ тому или другому народу, а одновременно ко всему человѣчеству.

Добывъ на упомянутыхъ островахъ достаточное количество фруктовъ, Бугэнвилль продолжалъ свое путешествіе.

Сколько можно судить, этотъ мореплаватель поставилъ себѣ главнымъ образомъ цѣлью сдѣлать какъ можно болѣе новыхъ открытій. Всѣ найденные имъ острова были осмотрѣны крайне поверхностно и поспѣшно. Изъ многочисленныхъ картъ, приложенныхъ къ описанію его путешествія, нѣтъ ни одной, которая обнимала бы собою цѣлый архипелагъ и разрѣшала различные вопросы, возбуждаемые каждымъ новымъ открытіемъ. Совершенно иначе поступалъ капитанъ Кукъ. Гидрографическія изслѣдованія Кука, производившіяся всегда съ рѣдкой тщательностью и настойчивостью, ставятъ его несравненно выше французскаго мореплавателя.

Встрѣченные Бугэнвиллемъ острова были въ сущности тождественны съ островами св. Духа, Малликоло, св. Варѳоломея и др. Самъ Бугэнвилль призналъ ихъ тождественными съ квиросовской Землей св. Духа; тѣмъ не менѣе онъ далъ имъ названіе Боль-

шихъ Цикладскихъ островов. Теперь ихъ называютъ Ново-Гебридскими островами.

„Полагаю, что Роггевейнъ встрѣтилъ подъ 11° южной широты сѣверную оконечность этого архипелага (острова Тинховенъ и Грёнингенъ),—говоритъ Бугэнвилль.—Что касается лично до насъ, то, приставъ къ этимъ островамъ, мы убѣдились въ тождественности ихъ съ южной оконечностью Земли св. Духа. Все, что мы видѣли тамъ, вполнѣ согласовалось съ описаніями Квироса и побуждало насъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Замѣчательно, что подъ тою-же широтой и долготой, подъ которыми указанъ у Квироса большой заливъ св. Іакова и св. Филиппа, на берегу, представлявшемся на первый взглядъ берегомъ материка, мы нашли проливъ, входъ въ который имѣетъ какъ разъ такую-же ширину, какую Квиросъ приписываетъ своему заливу. Не знаю, слѣдуетъ ли это объяснить недосмотромъ со стороны испанскаго мореплавателя или же нежеланіемъ его вполнѣ обнародовать свои открытія. Правильны ли были предположенія географовъ о томъ, что Земля св. Духа и Новая Гвинея составляютъ одинъ материкъ? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, надо было идти подъ тою-же параллелью по меньшей мѣрѣ еще 350 миль. Я рискнулъ на это, хотя дурное качество и недостаточное количество имѣвшейся на судахъ провизіи въ сущности побуждало насъ направиться поскорѣе къ какой-нибудь европейской факторіи. Принятое мною рѣшеніе едва не стало для насъ окончательно пагубнымъ".

Находясь въ этой мѣстности, Бугэнвилль посѣтилъ по дѣламъ службы „Звѣзду" и могъ тамъ провѣрить любопытный фактъ, служившій для всего экипажа поводомъ къ различнымъ толкамъ. Естествоиспытатель Коммерсонъ взялъ съ собой на корабль служителя Барре. Этотъ Барре выказалъ себя понятливымъ, неутомимымъ и опытнымъ ботаникомъ; онъ принималъ дѣятельное участіе въ собираніи растеній. Онъ таскалъ на себѣ коробки, мѣшки, съѣстные припасы, гербаріи и т. п. съ такимъ усердіемъ, что Коммерсонъ прозвалъ его своимъ „вьючнымъ скотомъ". Уже съ нѣкотораго времени экипажъ подозрѣвалъ въ Барре женщину. Отсутствіе бороды, тембръ голоса, женственная скромность и многіе другіе признаки, казалось, подтверждали это предположеніе, когда наконецъ фактъ, случившійся на Таити, положительно доказалъ, что Барре не мужчина.

Таитянинъ, играющій на флейтѣ (Fac-simile съ древней гравюры).

Коммерсонъ сошелъ на берегъ для собиранія растеній. Барре, слѣдовавшій по обыкновенію за нимъ съ коробками и гербаріемъ, былъ внезапно окруженъ толпою туземцевъ, которые, восклицая, что это женщина, тотчасъ же принялись его раздѣвать. Мичману де-Бурнану съ трудомъ лишь удалось высвободить злополучнаго служителя изъ рукъ туземцевъ и проводить его обратно къ шлюпкѣ.

Прибывъ на „Звѣзду", Бугэнвилль вызвалъ Барре въ капитанскую каюту. Слуга естествоиспытателя со слезами на глазахъ признался, что онъ дѣйствительно не мужчина, а женщина. Оказалось, что дѣвица Барре явилась въ мужскомъ платьѣ къ г. Коммерсону какъ разъ въ то время, когда онъ собирался уже сѣсть на корабль, и ввела такимъ образомъ почтеннаго естествоиспытателя въ обманъ. Она была круглая сирота и, вслѣдствіе разорительной тяжбы, лишилась всего своего имущества. Дѣвица Барре, поступая въ услуженіе къ г. Коммерсону, знала, что отправляется въ кругосвѣтное плаваніе. Перспектива эта не только ее не устрашала, но даже, напротивъ того, очень ей нравилась.

„Во всякомъ случаѣ она является первою изъ женщинъ, совершившихъ кругосвѣтное плаваніе, — говоритъ Бугэнвилль. — Справедливость требуетъ заявить, что она во все продолженіе путешествія держала себя въ высшей степени скромно и благопристойно. Она недурна собой, но не можетъ быть названа и хорошенькой, хотя ей отъ роду теперь всего лишь лѣтъ 26 или же 27. Если-бъ наши суда потерпѣли крушеніе близъ какого-нибудь пустыннаго острова, она несомнѣнно оказалась бы въ большомъ спросѣ и могла бы составить себѣ прекрасную партію".

29-го мая Ново-Гебридскіе острова скрылись изъ виду. Французскія суда направились затѣмъ къ западу. 4-го іюня усмотрѣна была подъ 15° 50′ южной широты и 148° 10′ восточной долготы чрезвычайно опасная скала, выдающаяся такъ мало изъ воды, что въ двухъ миляхъ разстоянія ее нельзя было примѣтить даже съ салинга. Послѣ того встрѣчены были другіе рифы, плавающіе древесные стволы, плоды и водоросли. Все это, равно какъ и спокойная поверхность моря, показывало, что поблизости, на юго-востокѣ, должна находиться большая земля. Это и была Новая Голландія.

Бугэнвилль рѣшился покинуть столь опасныя мѣста, гдѣ море усѣяно подводными скалами и отмелями и гдѣ онъ не разсчитывалъ ни на какія сколько-нибудь интересныя открытія. У него была, впрочемъ, и другая причина измѣнить свой курсъ: имѣвшіеся на судахъ запасы провизіи приходили къ концу, солонина совсѣмъ протухла, такъ что матросы предпочитали питаться крысами, когда имъ удавалось изловить таковыхъ. Запасъ сухарей могъ хватить еще на два мѣсяца, овощей же достало бы всего

Приключеніе съ Барре.

лишь на сорокъ дней. Необходимо было, во что бы то ни стало, взять курсъ къ сѣверу.

Къ несчастію, южные вѣтры прекратились, а когда они снова начали дуть, то поставили французскіе корабли на край гибели. 10-го іюня усмотрѣна была на сѣверѣ земля; это была внутренняя окраина Луизіадскаго залива, названная Бугэнвиллемъ „Оранжерейнымъ закоулкомъ“. Окрестная мѣстность была покрыта роскошной растительностью. Вдоль морского прибрежья тянулась

низменность, покрытая цѣлыми рощами фруктовыхъ деревъ, благоуханіе которыхъ доносилось вѣтеркомъ до кораблей. Далѣе вглубь страны мѣстность возвышалась амфитеатромъ, на заднемъ фонѣ котораго виднѣлись горы, опоясанныя облаками.

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ вѣтровъ оказалось невозможнымъ пристать къ этой богатой и плодоносной странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было также идти къ западу, чтобъ обогнуть съ юга Новую Гвинею, хотя это и былъ, несомнѣнно, кратчайшій путь къ Малуинскимъ островамъ. Въ то время было, однако, еще неизвѣстно, существуетъ ли вообще этотъ кратчайшій путь; напротивъ того, казалось, что земля тянется далеко на западъ. Надо было какъ можно скорѣе выйти изъ залива, куда французы столь неосторожно забрались.

Это оказалось, однако, въ высшей степени труднымъ. До 21-го іюня оба судна тщетно старались отойти на западъ отъ берега, усѣяннаго скалами и рифами, къ которымъ ихъ прижимало вѣтромъ и морскими теченіями. Погода стояла туманная и дождливая. Чтобы не потерять „Звѣзду“ изъ виду, „Сердитая“ отъ времени до времени обмѣнивалась съ ней пушечными выстрѣлами. Какъ только вѣтеръ немного перемѣнялся, оба судна начинали лавировать такъ, чтобы выйти въ открытое море, но вѣтеръ, устанавливаясь опять съ востока-юго-востока, относилъ ихъ назадъ на прежнее мѣсто. За время этой утомительной лавировки пришлось уменьшить порціи хлѣба и овощей, съѣсть послѣднюю, имѣвшуюся на фрегатѣ живую козу и строго-настрого запретить матросамъ употребленіе въ пищу старыхъ башмаковъ и тому подобныхъ кожаныхъ издѣлій.

Читатель, сидя спокойно у своего комелька, наврядъ-ли представляетъ себѣ то тревожное чувство, которое испытывали мореплаватели въ неизвѣданныхъ еще моряхъ, гдѣ они могли ежеминутно наткнуться на какую-нибудь отмель или подводную скалу, особенно же когда имъ приходилось бороться съ противными вѣтрами и теченіями въ туманную погоду, скрывавшую до послѣдней минуты близость опасности.

Не ранѣе 26-го іюня удалось французскимъ судамъ обогнуть мысъ „Освобожденія“. Затѣмъ они могли уже безпрепятственно продолжать свой путь на сѣверъ-сѣверо-востокъ.

Два дня спустя, пройдя приблизительно 60 миль къ сѣверу, французская эскадра увидѣла передъ собою нѣсколько острововъ.

По мнѣнію Бугэнвилля, ихъ слѣдуетъ отнести къ группѣ Луизіадскихъ острововъ; новѣйшіе же географы причисляютъ ихъ къ Соломонову архипелагу. Замѣчательно, что ни Картеретъ, видѣвшій эти острова за годъ передъ тѣмъ, ни Бугэнвилль не сочли возможнымъ этого сдѣлать.

Оба корабля были вскорѣ окружены множествомъ туземныхъ байдаръ безъ коромыселъ. Экипажъ этихъ байдаръ состоялъ изъ людей такихъ же черныхъ, какъ негры, съ длинными курчавыми волосами рыжаго цвѣта. Дикари, вооруженные дротиками, встрѣтили французовъ громкими воинственными криками и вообще не высказывали особенно миролюбиваго настроенія. Къ тому-же пристать къ берегу какого-либо изъ этихъ острововъ казалось очень трудно вслѣдствіе сильнаго прибоя. Прибрежная низменная полоса была повсюду чрезвычайно узка.

Окруженный со всѣхъ сторонъ островами, Бугэнвилль, несмотря на густой туманъ, какъ-то инстинктивно попалъ въ сравнительно удобный проходъ, имѣвшій четыре или пять миль ширины. Волненіе было тамъ такъ сильно, что на „Звѣздѣ“ пришлось закрыть всѣ люки. На восточной сторонѣ этого прохода усмотрѣна была бухточка, повидимому очень удобная для якорной стоянки. Тотчасъ-же посланы были туда шлюпки для производства промѣровъ. Пока онѣ занимались этой работой, къ нимъ направилось около десятка байдаръ, на которыхъ находилось до стапятидесяти воиновъ, вооруженныхъ луками, копьями и щитами. Раздѣлившись на двѣ эскадры, байдары эти охватили съ двухъ сторонъ французскія шлюпки и осыпали ихъ градомъ стрѣлъ и дротиковъ. Матросы отвѣчали на это нападеніе ружейнымъ залпомъ, который не остановилъ атакующихъ. Потребовалось дать еще залпъ, чтобъ обратить ихъ въ бѣгство. Французы захватили двѣ байдары, экипажъ которыхъ бросился въ море. Байдары эти были очень длинны и прекрасно построены; у каждой изъ нихъ носъ былъ украшенъ человѣческой головой рѣзной работы, съ перламутровыми глазами, ушами изъ черепашьихъ щитовъ и губами, расписанными красной краской. Рѣчка, близъ которой шлюпки подверглись нападенію туземцевъ, была названа рѣкою „Воиновъ“. Что касается до острова, то онъ, въ честь тогдашняго французскаго морского министра, названъ былъ островомъ Шуазеля.

Близъ выхода изъ этого пролива усмотрѣна была опять земля,

а именно островъ Бугэнвилля, сѣверная оконечность котораго— мысъ Лавероп какъ-бы соединяется съ островомъ Бука. Этотъ послѣдній островъ, видѣнный Картеретомъ въ предшествовавшемъ году и названный имъ Винчельзи, казался чрезвычайно населеннымъ. По крайней мѣрѣ на немъ замѣчено было множество хижинъ. Островитяне, которыхъ Бугэнвилль называетъ неграми, вѣроятно, въ отличіе отъ малайцевъ и полинезійцевъ, собственно говоря — папуасы, принадлежащіе къ одной расѣ съ обитателями Новой Гвинеи. Они красили курчавые свои волосы въ красный цвѣтъ, губы у нихъ отъ постояннаго жеванія бетеля пріобрѣтаютъ подобную же окраску. Кокосовыя пальмы и другія плодовыя деревья, виднѣвшіяся въ изобиліи на островѣ, свидѣтельствовали, что французы могли бы, приставъ къ берегу, запастись тамъ цѣлебными кокосовыми орѣхами и другими плодами, но противные вѣтры и теченія быстро увлекли оба французскіе корабля въ сторону.

6-го іюля Бугэнвилль бросилъ якорь близъ южнаго берега Новой Ирландіи (открытой Шутеномъ) въ портѣ Праленъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ останавливался Картеретъ.

„Мы свезли на берегъ пустыя свои бочки,—говоритъ Бугэнвилль,—разбили нѣсколько палатокъ, начали запасаться водой, дровами и занялись стиркой бѣлья. Портъ, въ которомъ мы бросили якорь, былъ чрезвычайно удобенъ; волненіе никогда въ него не проникаетъ; грунтъ состоитъ изъ мелкаго песку безъ подводныхъ скалъ и камней. Въ глубинѣ порта, на протяженіи какихъ-нибудь четырехсотъ шаговъ, впадаетъ въ море четыре ручья; мы пользовались тремя изъ нихъ: двумя—чтобъ запастись прѣсной водой для „Сердитой“ и для „Звѣзды“, а третій ручей служилъ намъ для стирки бѣлья. Лѣсъ выходитъ прямо на берегъ моря; онъ состоитъ изъ многоразличныхъ древесныхъ породъ, которыя всѣ очень пригодны на дрова. Нѣкоторые сорта деревьевъ могли бы служить чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ для плотничныхъ и столярныхъ работъ, иные же были бы очень хороши и для фанерокъ. Оба наши корабля стояли такъ близко другъ отъ друга и отъ берега, что можно было безъ особеннаго усилія перекликаться какъ между собой, такъ и съ людьми, находившимися на берегу. Окрестности порта на значительномъ разстояніи необитаемы, а потому намъ нечего было опасаться какихъ бы то ни было столкновеній съ туземцами. Вообще

нельзя себѣ и представить якорной стоянки болѣе удобной для того, чтобъ запастись водой, дровами, равно какъ и для производства разныхъ починокъ, въ которомъ нуждались наши суда. Что касается до цынготныхъ больныхъ, то они могли сколько имъ угодно прогуливаться по лѣсу. Къ сожалѣнію, эта стоянка представляла также и нѣкоторыя невыгоды,—несмотря на всѣ старанія, намъ не удалось найти по-сосѣдству ни кокосовыхъ пальмъ, ни банановъ. Само собою разумѣется, что нельзя было получить также никакой провизіи, на которую можно было бы разсчитывать въ обитаемой странѣ. Одна лишь рыбная ловля служила намъ нѣкоторымъ подспорьемъ, зато мы чувствовали себя въ совершенной безопасности. Правда, можно было предвидѣть, что наши больные здѣсь не поправятся. У насъ хотя и не было особенно серьезно больныхъ, но у многихъ показались уже первые признаки цынги. Можно было опасаться, что положеніе ихъ значительно ухудшится, когда мы отправимся въ дальнѣйшій путь".

Спустя нѣсколько дней послѣ того какъ французы остановились въ портѣ Пралена, одинъ изъ матросовъ нашелъ кусокъ свинцовой пластинки съ надписью на англійскомъ языкѣ. Затѣмъ было уже безъ труда отыскано мѣсто, на которомъ за годъ передъ тѣмъ разбиты были палатки Картерета.

Дичи въ сосѣдствѣ этого порта было сравнительно очень мало. Охотники видѣли нѣсколько дикихъ или одичавшихъ свиней, но не могли подойти къ нимъ на выстрѣлъ. Зато имъ удалось убить нѣсколько штукъ очень хорошенькихъ зеленовато-золотистыхъ голубей съ сѣровато-бѣлымъ брюшкомъ и шеей, а также нѣсколько горлицъ, вдовушекъ, попугаевъ, какаду и особаго рода воронъ, карканье которыхъ очень напоминало собачій лай. Деревья въ лѣсу достигали громадной вышины и свидѣтельствовали о чрезвычайномъ плодородіи почвы; въ числѣ ихъ найдены были бетель, арековая пальма, бамбуковый тростникъ, перцовое дерево и др.

Въ болотистыхъ мѣстностяхъ, въ глубинѣ дѣвственныхъ лѣсовъ водится множество змѣй, скорпіоновъ и другихъ ядовитыхъ животныхъ. Впрочемъ, ядовитыя животныя встрѣчаются тамъ не на одной только сушѣ. Матросъ, искавшій очень рѣдкій сортъ двустворчатыхъ раковинъ, называемыхъ „молотками", былъ ужаленъ какою-то водяною змѣей. Послѣ пяти или шестичасовыхъ

ужасныхъ страданій, во время которыхъ съ нимъ дѣлались страшныя судороги, боль у него стала уменьшаться. Наконецъ, благодаря опіуму и янтарнокислому спирту, онъ совсѣмъ поправился. Приключеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, очень охладило рвеніе любителей конхиліологіи.

22-го іюля, послѣ сильной бури, ощущено было на корабляхъ нѣсколько подземныхъ ударовъ. Уровень моря неоднократно то повышался, то понижался, къ величайшему ужасу матросовъ, занимавшихся рыбной ловлей. Погода стояла самая непріятная; каждый день, почти безпрерывно, шли страшные дожди. Тѣмъ не менѣе ежедневно вглубь острова посылалась команда за пальмовой капустой, горлицами и т. п. Команда отправлялась въ путь съ самыми розовыми надеждами, но въ большинствѣ случаевъ возвращалась съ пустыми руками, промокшая до костей. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пристани найдено было чудо природы, въ тысячу разъ прелестнѣе всѣхъ диковинокъ, придуманныхъ для украшенія царскихъ дворцовъ. Во все продолженіе стоянки оно привлекало къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей.

„Это былъ водопадъ. Описывать его, говоритъ Бугэнвилль, невозможно. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о его прелести, надо было бы воспроизвести волшебной кистью сверкающіе огни водныхъ его струй, въ которыхъ отражаются палящіе лучи тропическаго солнца, изобразить туманную тѣнь роскошныхъ растеній, воздымающихся изъ этихъ водъ, и передать всю фантастическую игру свѣта въ этомъ грандіозномъ пейзажѣ, неиспорченномъ еще рукою человѣка“.

Какъ только погода нѣсколько улучшилась, французскія суда вышли изъ порта Пралена и продолжали до 3-го августа идти вдоль Новой Британіи. „Звѣзда“ подверглась нападенію цѣлой флотиліи туземныхъ байдаръ и вынуждена была отвѣтить на стрѣлы и камни дикарей нѣсколькими выстрѣлами, обратившими атакующихъ въ бѣгство. 4-го августа усмотрѣны были земли, которыя Дампьеръ назвалъ островомъ Матвѣя и Бурнымъ островомъ. Три дня спустя замѣченъ былъ островъ „Отшельниковъ“, названный такъ потому, что туземныя байдары, занятыя рыбной ловлей, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на „Звѣзду“ и „Сердитую“, не выказали никакого желанія вступить въ сношенія съ чужеземцами.

Миновавъ цѣпь низменныхъ, полузатопленныхъ острововъ, о которые чуть не разбились его суда и которые названы были „Шахматною доской“, Бугэнвилль снова увидѣлъ передъ собою берегъ Новой Гвинеи. Этотъ высокій гористый берегъ шелъ на западъ-сѣверо-западъ. 12-го августа усмотрѣна была большая бухта, но сильное морское теченіе увлекло суда далеко отъ этой бухты, у входа въ которую, словно колоссальные часовые, стоятъ горы Циклопа и Бугэнвилля, видимыя съ моря на разстояніи болѣе чѣмъ двадцати миль.

Французскія суда прошли въ виду острововъ Аримоа, самый большой изъ которыхъ имѣетъ протяженіе всего лишь въ четыре квадратныхъ мили. Неблагопріятная погода и сильныя теченія заставляли Бугэнвилля держаться какъ можно далѣе отъ береговъ, хотя это и препятствовало ему заниматься географическими изслѣдованіями. Съ другой стороны, опасно было также слишкомъ удаляться отъ Новой Гвинеи, такъ какъ въ противномъ случаѣ можно было бы, пожалуй, не найти выхода въ Индійскій океанъ и поставить суда въ крайне затруднительное положеніе. Миновавъ одинъ за другимъ острова Миспулу и Вайгіу (этотъ послѣдній находится близъ сѣверо-восточной оконечности Новой Гвинеи), суда Бугэнвилля проникли во Французскій каналъ.

Каналъ этотъ дозволилъ „Звѣздѣ“ и „Сердитой“ благополучно выбраться изъ скопленія мелкихъ островковъ и скалъ. Бугэнвилль былъ тогда уже въ Молукскомъ архипелагѣ, гдѣ разсчитывалъ найти свѣжую провизію и фрукты, необходимые для поправленія здоровья сорокапяти цынготно-больныхъ.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній о событіяхъ, которыя произошли въ Европѣ за время его отсутствія, Бугэнвилль не рѣшался идти къ такому порту, въ которомъ преимущество въ силѣ было бы не на его сторонѣ. Маленькая голландская факторія на островѣ Боэро или Буру казалась ему наиболѣе подходящимъ мѣстомъ стоянки, тѣмъ болѣе, что тамъ не трудно было запастись всѣмъ для него необходимымъ. Экипажи обоихъ судовъ несказанно обрадовались, когда отдано было приказаніе идти въ Кайетскій заливъ. Всѣ поголовно страдали цынгою въ бòльшей или меньшей степени; „половина экипажа, какъ говоритъ Бугэнвилль, была уже не въ состояніи исполнять служебныхъ обязанностей“.

„Остававшіеся еще у насъ съѣстные припасы до такой степени гнили, что распространяли невыносимое зловоніе. Самыми

тяжелыми минутами въ безотрадной нашей жизни на кораблѣ было обѣденное время, когда звонъ колокола предписывалъ намъ садиться за эту отвратительную и нездоровую пищу. Понятно, что такое безотрадное положеніе еще болѣе украшало въ нашихъ глазахъ и безъ того очаровательный пейзажъ группы острововъ Боэро. Еще съ полуночи, находясь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этихъ острововъ, мы могли обонять благоуханіе ароматическихъ растеній, которыми такъ славится Молукскій архипелагъ. Оно казалось намъ предвѣстникомъ скораго избавленія отъ всѣхъ бѣдъ. На разсвѣтѣ мы увидѣли въ глубинѣ залива небольшой городокъ, передъ которымъ стояло на якорѣ нѣсколько кораблей. На сосѣднихъ лугахъ паслись большія стада рогатаго скота. Картина эта вызвала у насъ, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайную радость, которую я, разумѣется, и самъ раздѣлялъ, тѣмъ не менѣе я чувствую себя не въ силахъ передать ее словами".

Едва лишь „Сердитая" и „Звѣзда" стали на якорь, какъ мѣстный голландскій резидентъ послалъ къ французскому капитану двухъ солдатъ освѣдомиться о причинахъ, вслѣдствіе которыхъ онъ остановился въ Кайетскомъ заливѣ, куда входъ разрѣшается лишь судамъ голландской остъ-индской компаніи. Бугэнвилль тотчасъ-же отправилъ къ резиденту офицера, которому поручено было объяснить, что вслѣдствіе голода и болѣзней французскія суда вынуждены были зайти въ первый попавшійся имъ портъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бугэнвилль обѣщалъ отплыть изъ Боэро, какъ только ему оказано будетъ тамъ надлежащее вспомоществованіе. Резидентъ прислалъ тогда Бугэнвиллю подлинное категорическое предписаніе амбоинскаго губернатора, строго воспрещавшее допускать въ Кайетскій заливъ какое бы то ни было иностранное судно. Вмѣстѣ съ тѣмъ резидентъ просилъ французскаго капитана письменно изложить причины, побудившія его зайти въ упомянутый заливъ, заявляя, что представитъ объясненія Бугэнвилля губернатору въ качествѣ оправдательнаго документа, свидѣтельствующаго, что предписаніе начальства было въ данномъ случаѣ нарушено лишь вслѣдствіе особо-уважительныхъ причинъ.

Когда Бугэнвилль подписалъ этотъ документъ, между французами и голландцами установились самыя искреннія дружескія отношенія. Резидентъ пригласилъ офицеровъ обоихъ французских-

скихъ кораблей къ себѣ на обѣдъ и заключилъ контрактъ на поставку этимъ кораблямъ свѣжаго мяса. Пришедшіе въ негодность сухари были замѣнены рисомъ, которымъ обыкновенно снабжаются, взамѣнъ сухарей, суда голландской остъ-индской компаніи. Нѣкоторыя овощи, обыкновенно невоздѣлываемыя на этомъ островѣ, доставлены были резидентомъ изъ огородовъ остъ-индской компаніи. Цынготные больные, безъ сомнѣнія, не замедлили бы выздоровѣть, если-бъ имъ можно было пробыть долѣе на этой стоянкѣ, но восточный муссонъ вскорѣ долженъ былъ прекратиться, а потому Бугэнвилль заблаговременно спѣшилъ прибыть въ Батавію. 7-го сентября онъ вышелъ изъ Кайетскаго залива съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что плаваніе среди острововъ Молукскаго архипелага далеко не сопряжено съ такими трудностями, какъ это утверждаютъ голландцы. Что касается до французскихъ картъ, то на нихъ, по словамъ его, нельзя было совершенно положиться. Руководствуясь этими картами, можно было бы лишь только пустить корабль ко дну. Бугэнвилль направился къ острову Явѣ черезъ Буттонскій и Салейерскій проливы. Путь этотъ, по которому обыкновенно слѣдуютъ голландскія суда, былъ тогда почти неизвѣстенъ мореплавателямъ другихъ національностей. Въ отчетѣ о своемъ путешествіи Бугэнвилль описываетъ его самымъ обстоятельнымъ образомъ. Мы не станемъ останавливаться на этомъ описаніи, такъ какъ оно представляетъ интересъ спеціально лишь для моряковъ.

28-го сентября, т. е. черезъ десять мѣсяцевъ послѣ отплытія изъ Монтевидео, „Звѣзда“ и „Сердитая“ прибыли въ Батавію, одинъ изъ прелестнѣйшихъ колоніальныхъ портовъ въ мірѣ. Кругосвѣтное путешествіе ихъ можно было считать тогда уже законченнымъ. Зайдя на Иль-де-Франсъ (островъ св. Маврикія), въ Столовую бухту и на островъ Вознесенія, возлѣ котораго онъ встрѣтился съ Картеретомъ, Бугэнвилль вернулся 16-го февраля 1769 года въ Сенъ-Мало, потерявъ только лишь семь человѣкъ за все время своего путешествія, продолжавшагося два года и четыре мѣсяца.

Послѣдующая дѣятельность этого счастливаго мореплавателя въ сущности уже не входитъ въ поставленныя нами для себя рамки; мы упомянемъ о ней поэтому лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Бугэнвилль принималъ участіе въ войнѣ за независи-

мость Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и храбро сражался съ англичанами въ 1781 году близъ Королевскаго форта на островѣ Мартиникѣ. Съ 1780 года онъ состоялъ уже командиромъ эскадры. Десять лѣтъ спустя ему поручено было возстановить порядокъ и дисциплину въ возмутившейся флотиліи д'Альбера де-Ріона. Произведенный въ 1792 году въ вице-адмиралы, онъ не счелъ умѣстнымъ принять этотъ чинъ, являвшійся, по его словамъ, однимъ лишь титуломъ безъ соотвѣтствующей должности. Избранный послѣдовательно членомъ „Бюро долготъ" и французской академіи наукъ, онъ былъ при Наполеонѣ I назначенъ сенаторомъ и возведенъ въ графское достоинство. Онъ скончался 31-го августа 1811 года, обремененный годами и почестями.

Имя Бугэнвилля пользуется особенною популярностью главнымъ образомъ оттого, что онъ былъ первымъ изъ французскихъ мореплавателей, совершившихъ кругосвѣтное путешествіе. Безспорно, что онъ открылъ и, если не изслѣдовалъ надлежащимъ образомъ, то все-же указалъ съ достаточною точностью многіе архипелаги, бывшіе до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстными или же мало извѣстными европейцамъ. Все-таки надо сознаться, что онъ пріобрѣлъ себѣ славу не столько серьезными научными трудами, сколько блестящимъ и увлекательнымъ описаніемъ своего путешествія. Если онъ снискалъ бóльшую извѣстность, чѣмъ другіе французскіе моряки, состязавшіеся съ нимъ на одномъ поприщѣ, то главнымъ образомъ лишь благодаря умѣнью очаровать современниковъ разсказами о своихъ приключеніяхъ.

Что касается до Гюйо-Дюкло, то, будучи не изъ дворянъ и занимая на „Сердитой" лишь второстепенный постъ, онъ, разумѣется, не былъ удостоенъ никакой награды. Правда, его пожаловали впослѣдствіи орденомъ св. Людовика, но этотъ орденъ былъ полученъ имъ за спасеніе фрегата „Бель-Пуль". Дюкло родился въ 1728 году и состоялъ на службѣ въ королевскомъ флотѣ съ 1734 года, но все-таки въ 1791 году былъ еще только старшимъ лейтенантомъ. Республиканское министерство произвело его сразу въ капитаны перваго ранга, но это была уже очень поздняя награда за долгую и полезную служебную его дѣятельность. Онъ умеръ въ Сенъ-Серванѣ 10-го марта 1794 года.

ГЛАВА III.

Первое путешествіе капитана Кука.

I.

Молодость Кука и первые его шаги въ карьерѣ моряка.—Ему поручается команда надъ кораблемъ «Endeavour». — Огненная Земля. — Открытіе нѣсколькихъ острововъ въ архипелагѣ Помоту. — Прибытіе на Таити. — Туземные нравы и обычаи.—Описаніе прочихъ острововъ архипелага Товарищества. — Прибытіе на Новую Зеландію. — Свиданія съ туземцами. — Открытіе Кукова пролива. — Плаваніе вокругъ обоихъ большихъ острововъ, составляющихъ Новую Зеландію.—Мѣстные нравы и естественныя произведенія.

Въ жизнеописаніи замѣчательныхъ людей необходимо бываетъ зачастую останавливаться также и на мелочныхъ фактахъ, которые сами по себѣ на первый взглядъ не представляютъ существеннаго интереса и въ біографіяхъ обыкновенныхъ смертныхъ могли бы смѣло быть пройдены молчаніемъ. Эти, повидимому, второстепенные факты пріобрѣтаютъ весьма важное значеніе, если въ нихъ проявляются намеки на будущее призваніе великаго человѣка. Въ такихъ случаяхъ они бросаютъ иногда яркій свѣтъ на его характеръ. Мы позволимъ себѣ поэтому войти въ нѣкоторыя подробности о скромномъ началѣ жизненнаго поприща одного изъ самыхъ знаменитыхъ мореплавателей, которыми справедливо гордится Англія.

Джемсъ Кукъ родился 27-го октября 1728 года въ Мортонѣ, въ Іоркскомъ графствѣ. Онъ былъ по счету девятымъ ребенкомъ въ семьѣ простого земледѣльческаго рабочаго и крестьянки. Будучи семи лѣтъ отъ роду, маленькій Джемсъ долженъ былъ уже помогать своему отцу въ тяжелыхъ крестьянскихъ работахъ на Эйри-Гольмской фермѣ близъ Эйтона. Умъ и прилежаніе мальчика заинтересовали фермера Томаса Скоттоу, такъ что онъ на свой счетъ отправилъ его въ школу, гдѣ онъ обучился грамотѣ и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. Тринадцати лѣтъ отъ роду Джемсъ отданъ былъ въ ученіе къ Уильяму Сандерсону, мелочному торговцу въ Стэйтѣ, приморскомъ городкѣ, населеніе котораго дѣятельно промышляетъ рыбной ловлей. Молодому Куку было очень не по сердцу сидѣть за прилавкомъ. Улучивъ свободную минуту, онъ всегда съ величайшимъ интересомъ прислушивался къ бесѣдамъ матросовъ и рыбаковъ.

Съ согласія своихъ родителей Джемсъ Кукъ оставилъ вскорѣ

мелочную лавочку и опредѣлился юнгой на суда Джона и Генри Уокера, занимавшіяся перевозкой угля вдоль береговъ Англіи и Ирландіи. Кукъ вскорѣ ознакомился со всѣми подробностями дѣла, за которое взялся, и былъ послѣдовательно произведенъ сперва въ матросы, потомъ въ боцмана, а подъ конецъ состоялъ даже шкиперомъ одного изъ судовъ этой фирмы.

Весной 1755 года, когда началась война между Англіей и Франціей, судно Кука стояло на якорѣ въ Темзѣ. Въ то время англійскій флотъ въ случаѣ войны пополнялся насильственнымъ наборомъ матросовъ. Кукъ сперва было думалъ скрыться, но затѣмъ, опасаясь, что его все равно вскорѣ отыщутъ, добровольно поступилъ матросомъ на шестидесятипушечный корабль „Орелъ", командиромъ котораго вскорѣ былъ назначенъ сэръ Гюгъ Паллизеръ.

Своею расторопностью и знаніемъ дѣла Кукъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе офицеровъ и капитана. Вмѣстѣ съ тѣмъ капитанъ получилъ отъ одного изъ членовъ парламента письмо, въ которомъ по просьбѣ всего эйтонскаго населенія ему настоятельно рекомендовали Джемса Кука. Въ непродолжительномъ времени Джемсъ, несмотря на свою молодость, былъ назначенъ старшимъ боцманомъ. 15-го мая 1759 года онъ на кораблѣ „Меркурій" отправился въ Канаду и состоялъ тамъ подъ командой сэра Чарльза Соундерса, осаждавшаго тогда Квебекъ вмѣстѣ съ сухопутными войсками генерала Вольфа. Во время этой осады Кукъ имѣлъ случай выполнить съ отличіемъ чрезвычайно важное, опасное и трудное порученіе. Надо было сдѣлать промѣры въ фарватерѣ св. Лаврентія, между Орлеанскимъ островомъ и сѣвернымъ берегомъ, какъ разъ напротивъ укрѣпленнаго лагеря, въ которомъ стояла французская армія. Адмиралъ Соундерсъ хотѣлъ удостовѣриться въ томъ, можно ли ему будетъ для поддержанія атаки генерала Вольфа провести туда свои корабли. Вполнѣ довѣряя искусству и мужеству Кука, капитанъ Паллизеръ предложилъ поручить ему это дѣло. Такъ какъ промѣры нельзя было производить днемъ, то Куку пришлось работать надъ ними семь ночей кряду. Подъ конецъ онъ былъ все-таки замѣченъ французами, которые выслали противъ него цѣлую флотилію индѣйскихъ лодокъ. Несмотря на искусство, съ какимъ было произведено нападеніе, Кукъ, благодаря ловкости, съ которой онъ управлялъ лодкой, успѣлъ уйти отъ своихъ преслѣдо-

Портретъ Кука (Fac-simile съ древней гравюры).

вателей и пристать къ Орлеанскому острову, неподалеку отъ англійскаго поста. Индѣйцы въ это время гнались за нимъ буквально по пятамъ, такъ что онъ едва успѣлъ выпрыгнуть на берегъ въ то время, какъ они уже вскочили въ его шлюпку.

Составленная Кукомъ карта фарватера оказалась тѣмъ не менѣе настолько-же вѣрной, какъ если-бъ Кукъ занимался про-

мѣрами и съемкой въ мирное время и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Адмиралъ Соундерсъ поручилъ ему вслѣдствіе этого составить гидрографическую карту всего теченія рѣки св. Лаврентія отъ Квебека и до самаго устья. Трудъ этотъ былъ выполненъ Кукомъ настолько хорошо и добросовѣстно, что его карта, изданная англійскимъ адмиралтействомъ, считается и до сихъ поръ лучшею въ своемъ родѣ.

Послѣ взятія Квебека Кукъ перешелъ на корабль „Нортумберлэндъ", находившійся подъ командой лорда Кольвиля, и воспользовался стоянкой у береговъ Ньюфаундленда, чтобы заняться изученіемъ астрономіи. Вскорѣ ему были поручены на этомъ островѣ серьезныя топографическія работы. Онъ составилъ подробный планъ морского порта Плаценціи и окружающихъ высотъ, а затѣмъ нанесъ на карту острова св. Петра и Микелонъ. Въ 1764 году его назначили инженеръ-топографомъ на Ньюфаундлендъ и Лабрадоръ. Тамъ въ теченіе трехъ лѣтъ Кукъ занимался гидрографическими работами, обратившими на него вниманіе министерства и послужившими къ исправленію множества ошибокъ, которыми изобиловали тогда карты этой части Сѣверной Америки. Въ то-же время Кукъ послалъ Британскому Королевскому Обществу записку о солнечномъ затменіи, которое онъ наблюдалъ на Ньюфаундлендѣ въ 1766 году. Записка эта была напечатана въ мемуарахъ общества.

Необходимо замѣтить, что Кукъ получилъ въ сельской школѣ лишь самое первоначальное образованіе; это не помѣшало ему, однако, впослѣдствіи пріобрѣсти солидныя и блестящія свѣдѣнія. Ему приходилось черпать ихъ изъ книгъ самому безъ помощи учителя и притомъ, такъ сказать, урывками, въ свободное отъ служебныхъ занятій время.

Энергія и настойчивый трудъ Кука получили наконецъ заслуженную награду. Въ 1769 году весь ученый міръ чрезвычайно интересовался предстоявшимъ прохожденіемъ Венеры черезъ солнце. Англійское правительство, зная, что съ удобствомъ наблюдать это прохожденіе можно будетъ въ южныхъ моряхъ, рѣшило отправить туда научную экспедицію. Начальство надъ этою экспедиціей предложено было сперва знаменитому гидрографу Дальримплю, извѣстному какъ своими астрономическими свѣдѣніями, такъ и географическими изслѣдованіями въ южныхъ моряхъ. Дальримпль представилъ, однако, съ своей стороны, тре-

бованія, показавшіяся адмиралтейству чрезмѣрными. Между прочимъ онъ хотѣлъ, чтобъ его тотчасъ-же признали въ чинѣ капитана 1-го ранга. Вслѣдствіе несговорчивости Дальримпля надо было пріискать для экспедиціи другого начальника. Лорды адмиралтейства, по совѣту сэра Гюга Паллизера, остановили свой выборъ на Джемсѣ Кукѣ, произвели его въ старшіе лейтенанты и назначили командиромъ судна „Endeavour".

Куку было въ то время сорокъ лѣтъ отъ роду. Ему впервые еще приходилось командовать военнымъ судномъ. Возложенное на него порученіе требовало совокупности такихъ качествъ, которыя въ то время нелегко было встрѣтить разомъ у моряка. Наблюденіе надъ прохожденіемъ Венеры было главной, но не единственной цѣлью экспедиціи. Куку поручалось также заняться географическими изслѣдованіями въ неизвѣданныхъ еще мѣстностяхъ Тихаго океана. Сынъ простого іоркширскаго крестьянина оказался на высотѣ возложенной на него задачи.

Пока занимались снаряженіемъ „Endeavour'а", выбирали для него экипажъ изъ восьмидесятичетырехъ лучшихъ матросовъ, грузили полуторагодовой запасъ провизіи, устанавливали десять пушекъ и двѣнадцать камнеметныхъ мортиръ и т. п.,—капитанъ Валлисъ вернулся въ Англію изъ кругосвѣтнаго своего плаванія. Когда къ нему обратились съ запросомъ относительно пункта, наиболѣе удобнаго для наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры, Валлисъ указалъ на открытый имъ островъ Георга III, который, какъ узнали впослѣдствіи, назывался у туземцевъ Таити. Вслѣдствіе этого Куку было поручено идти прежде всего къ этому острову.

Вмѣстѣ съ нимъ отправились: астрономъ Чарльзъ Гринъ, помощникъ Бродлея на Гринвичской обсерваторіи; шведскій врачъ докторъ Соландеръ, ученикъ Линнея и профессоръ ботаники при лондонскомъ „British Museum". Грину поручено было завѣдываніе астрономическимъ, а Соландеру—ботаническимъ отдѣломъ экспедиціи. Къ этимъ ученымъ присоединился также по собственному своему желанію сэръ Джозефъ Банксъ—человѣкъ очень богатый и пристрастившійся къ путешествіямъ. Окончивъ оксфордскій университетъ, онъ побывалъ на Ньюфаундлендѣ и на берегахъ Лабрадора. Банксъ взялъ съ собою двухъ рисовальщиковъ: одного для пейзажей и портретовъ, а другого для естественно-историческихъ предметовъ; кромѣ того съ нимъ былъ секретарь и четверо слугъ, въ томъ числѣ двое негровъ.

26-го августа 1768 года „Endeavour“ вышелъ изъ Плимута и прибылъ 13-го сентября въ Фунчаль (на островѣ Мадерѣ), чтобы взять тамъ свѣжей провизіи и произвести нѣкоторыя изслѣдованія. Научная экспедиція встрѣчена была самымъ радушнымъ образомъ. Когда офицеры и ученые съ корабля „Endeavour“ посѣтили мѣстный женскій монастырь, невѣжественныя монахини совершенно серьезно просили предсказать имъ заранѣе, когда будетъ гроза. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ требовали, чтобы ученые указали имъ въ монастырской оградѣ мѣсто, откуда бы могъ бить фонтаномъ ключъ прѣсной воды, въ которой чувствовался у нихъ недостатокъ. Банксъ, Кукъ, Соландеръ и Гринъ, несмотря на всю ученость, разумѣется, не могли удовлетворить желаніямъ набожныхъ просительницъ.

На пути отъ Мадеры до Ріо-Жанейро, куда „Endeavour“ прибылъ 13-го ноября, не случилось ничего достопримѣчательнаго. Въ столицѣ португальской колоніи научная экспедиція принята была вице-королемъ за шайку контрабандистовъ. Несмотря на всѣ старанія Кука объяснить, что именно значитъ прохожденіе Венеры черезъ солнце, сановникъ этотъ остался при убѣжденіи, что тутъ дѣло нечисто и что отъ него скрываютъ истинную цѣль предпріятія. Онъ рѣшился поэтому принять противъ англичанъ самыя строгія мѣры предосторожности и запретилъ даже Банксу собирать на берегу растенія. Только послѣ долгихъ хлопотъ дозволено было Куку запастись свѣжей провизіей и прѣсной водой. Въ довершеніе всего, 5-го декабря, въ то время, когда „Endeavour“, вытягиваясь изъ рейда, проходилъ мимо острова св. Креста, сдѣлано было по немъ изъ форта два вмстрѣла ядрами. Кукъ тотчасъ-же приказалъ бросить якорь и потребовалъ удовлетворенія за такую обиду. Ему объяснили, что коменданту форта предписано не выпускать въ море безъ разрѣшенія вице-короля ни одного судна. Хотя Кукъ своевременно увѣдомилъ вице-короля о своемъ отплытіи, вице-королевская канцелярія забыла сообщить объ этомъ коменданту. Наконецъ 7-го декабря „Endeavour“ снова вышелъ въ открытое море.

Тридцать восемь дней спустя, т. е. 14-го января 1769 года, Кукъ вступилъ въ проливъ Лемера.

„Приливъ былъ тогда такъ силенъ,—разсказываетъ Кипписъ въ своемъ „Жизнеописаніи капитана Кука“, — что вода совершенно заливала мысъ св. Діего. Она такъ напирала на корабль,

что онъ зарывался бугшпритомъ въ волны. На другой день бросили якорь въ маленькой бухтѣ, оказавшейся портомъ Маврикія, и вслѣдъ затѣмъ остановились въ заливѣ Успѣха. Во время этой стоянки гг. Банксъ, Соландеръ, Гринъ, корабельный врачъ Монкгоусъ и сопровождавшія ихъ лица подверглись серьезной опасности. Отправившись собирать растенія, они стали взбираться на гору, когда вдругъ неожиданно были охвачены такимъ сильнымъ холодомъ, что чуть было всѣ не погибли; у доктора Соландера всѣ члены оцѣпенѣли и онъ чуть было не упалъ въ обморокъ; двое слугъ Банкса (негры) умерли тутъ-же на мѣстѣ, всѣ остальные лишь черезъ двое сутокъ въ состояніи были вернуться на корабль, гдѣ отсутствіе ихъ начало уже сильно безпокоить Кука. Ученая экспедиція имѣла такимъ образомъ случай убѣдиться въ суровости климата Огненной Земли. Слѣдуетъ замѣтить, что въ южномъ полушаріи стояло тогда лѣто и утромъ въ тотъ самый день, когда ученые были застигнуты морозомъ, погода была такая же теплая, какая бываетъ обыкновенно въ Англіи въ маѣ мѣсяцѣ".

Джемсъ Кукъ сдѣлалъ нѣкоторыя любопытныя замѣтки о дикихъ обитателяхъ этой злополучной страны. Лишенные самыхъ необходимыхъ, повидимому, жизненныхъ удобствъ, безъ одежды, сколько-нибудь порядочнаго крова противъ морозовъ и непогодъ холодной своей отчизны, не умѣя изготовить себѣ оружіе и самые нужные инструменты и орудія, туземцы ведутъ крайне бѣдственную жизнь и съ трудомъ лишь поддерживаютъ жалкое свое существованіе. Однако-же изъ всѣхъ предметовъ, предложенныхъ имъ для обмѣна, они предпочли наименѣе для себя полезные. Пренебрегая топорами, ножами и крючками для удочекъ, дикари тотчасъ-же ухватились за браслеты и ожерелья. Нечувствительные къ комфорту, которымъ мы такъ дорожимъ, они считали излишнее болѣе всего для себя необходимымъ.

Кукъ не имѣлъ повода раскаиваться въ томъ, что пошелъ черезъ Лемеровъ проливъ. Дѣйствительно, онъ въ какихъ-нибудь тридцать дней успѣлъ обогнуть Огненную Землю и пройти на три градуса къ сѣверу отъ Магелланова пролива. Если-бъ онъ хотѣлъ идти Магеллановымъ проливомъ изъ Атлантическаго океана въ Тихій, то, безъ сомнѣнія, потерялъ бы гораздо болѣе времени. Весьма точныя астрономическія наблюденія, произведенныя совмѣстно съ Гриномъ, а также инструкціи, составленныя Кукомъ

для судовъ, огибающихъ мысъ Горнъ, значительно облегчили трудъ послѣдующихъ мореплавателей и существенно исправили карты Эрмита, Лемера и Шутена.

Съ 27-го января, когда онъ обогнулъ мысъ Горнъ, и до 1-го марта, на протяженіи шестисотъ шестидесяти морскихъ миль, Кукъ не замѣтилъ никакого ощутительнаго теченія. Онъ открылъ за это время нѣсколько острововъ, принадлежащихъ къ Опасному архипелагу и назвалъ ихъ островами: Лагуны, Шапки, Лука, Птичьими, островами Цѣпочки и т. д. Въ большинствѣ случаевъ это были населенные острова, тропическая растительность которыхъ казалась въ высшей степени роскошною морякамъ, видѣвшимъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ передъ собой только небо, воду и покрытыя вѣчными снѣгами скалы Огненной Земли. Продолжая свой путь, Кукъ встрѣтилъ островъ Маитеа, который Валлисъ назвалъ островомъ Оснабрюка, а на другой день, т. е. утромъ 11-го іюня, усмотрѣнъ былъ островъ Таити.

Два дня спустя „Endeavour" бросилъ якорь въ Матавайскомъ портѣ (который у Валлиса называется Королевскимъ портомъ). Валлисъ имѣлъ тамъ схватку съ туземцами, надъ которыми безъ труда одержалъ побѣду. Куку были извѣстны событія, ознаменовавшія пребываніе его предшественника на Таити, и онъ хотѣлъ во что бы то ни стало избѣжать подобныхъ же столкновеній съ туземцами. Для успѣшнаго производства астрономическихъ наблюденій необходимо было обезпечить себѣ полное спокойствіе. Какъ только былъ брошенъ якорь, Кукъ тотчасъ-же прочелъ своему экипажу инструкцію, нарушеніе которой должно было подвергать виновныхъ строжайшей карѣ.

Прежде всего заявлено было о необходимости вступить въ дружественныя сношенія съ туземцами и все время поддерживать эти дружественныя сношенія. Затѣмъ назначены были люди для закупки провизіи, а всѣмъ остальнымъ было строго воспрещено безъ особеннаго разрѣшенія вступать въ мѣновыя сдѣлки съ туземцами. Матросамъ, которые будутъ высажены на берегъ, строго воспрещалось оставлять свой постъ. Если рабочій или матросъ по недосмотру позволитъ похитить у себя какой-либо инструментъ или оружіе, то онъ обязанъ будетъ уплатить штрафъ, соотвѣтственный стоимости похищенной вещи, и кромѣ того будетъ подвергнутъ, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе строгому дисциплинарному взысканію.

Для огражденія наблюдателей отъ какого-либо нападенія со стороны туземцевъ Кукъ рѣшился построить укрѣпленную обсерваторію, доступы къ которой могли бы обстрѣливаться артиллерійскимъ огнемъ съ „Endeavour"'а. Сойдя на берегъ въ сопровожденіи Банкса, Соландера и Грина, Кукъ разыскалъ вскорѣ подходящее мѣсто и въ присутствіи туземцевъ отмѣрилъ участокъ земли, который предполагалъ занять укрѣпленіемъ. Одинъ изъ туземцевъ, по имени Оагу, бывшій въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Валлисомъ, и на этотъ разъ относился особенно дружественно къ англичанамъ. Окончивъ разбивку укрѣпленія, Кукъ оставилъ для охраны палатокъ команду изъ тринадцати человѣкъ подъ начальствомъ офицера, а самъ съ прочими членами научной экспедиціи отправился въ глубь страны. Ружейные выстрѣлы заставили его тотчасъ же вернуться назадъ.

Въ его отсутствіе произошло очень непріятное событіе, которое легко могло бы повлечь за собой весьма серьезныя послѣдствія.

Одинъ изъ туземцевъ, бродившихъ возлѣ палатокъ, замѣтивъ, что часовой небрежно держитъ ружье, вырвалъ ружье у него изъ рукъ и пустился бѣжать. Офицеръ, командовавшій карауломъ, приказалъ стрѣлять. Испуганные островитяне тотчасъ-же обратились въ бѣгство. Къ счастью, никто изъ невиновныхъ не былъ раненъ, такъ какъ пули нашли виноватаго: туземецъ, похитившій ружье, былъ убитъ наповалъ.

Легко представить себѣ, какое волненіе произвело это происшествіе между туземцами. Куку съ трудомъ лишь удалось ихъ успокоить. Онъ платилъ имъ за все, что оказывалось нужнымъ для постройки форта, и не позволялъ срубить безъ ихъ позволенія ни одного дерева. Онъ приказалъ привязать къ мачтѣ и наказать нѣсколькими ударами плетей мясника, оскорбившаго жену одного изъ туземныхъ вождей. Такой образъ дѣйствій произвелъ на островитянъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Несмотря на нѣсколько мелкихъ кражъ, совершенныхъ туземцами, отношенія между ними и англичанами сохраняли самый дружественный характеръ.

Благодаря этимъ дружественнымъ отношеніямъ, офицеры и ученые могли безпрепятственно совершить экскурсіи внутрь острова для научныхъ изслѣдованій и для ознакомленія съ мѣстными нравами и обычаями.

Во время одной изъ такихъ экскурсій Джозефъ Банксъ встрѣтилъ труппу странствующихъ импровизаторовъ и музыкантовъ. Къ величайшему удивленію, онъ замѣтилъ, что эти туземные барды выбрали сюжетомъ для своихъ пѣснопѣній прибытіе англичанъ и наиболѣе выдающіеся факты, случившіеся во время ихъ пребыванія на островѣ. Банксъ поднялся довольно далеко вверхъ по теченію рѣки, впадающей въ море близъ Матавайскаго порта, и нашелъ на берегахъ слѣды давнишней вулканической дѣятельности. Онъ роздалъ туземцамъ и посѣялъ много сѣмянъ огородныхъ растеній, какъ, напр., кукурузы, арбузовъ и т. п., а также посадилъ много апельсиновъ и лимоновъ. Возлѣ самаго укрѣпленія онъ приказалъ обработать участокъ земли, который засѣялъ сѣменами, вывезенными изъ Ріо-Жанейро.

Между тѣмъ надо было подумать и о разрѣшеніи главной задачи, возложенной на экспедицію. Кукъ тотчасъ-же принялъ мѣры къ выполненію данныхъ ему на этотъ предметъ инструкцій. Джозефъ Банксъ съ нѣсколькими офицерами отправленъ былъ на сосѣдній островъ Эймео наблюдать оттуда прохожденіе Венеры черезъ солнце. Четверо другихъ наблюдателей выбрали для себя удобный обсерваціонный пунктъ на самомъ Таити въ довольно значительномъ разстояніи отъ форта, гдѣ самъ Кукъ имѣлъ въ виду наблюдать прохожденіе планеты. Мысъ, на которомъ было построено это укрѣпленіе, до сихъ поръ еще называется мысомъ Венеры.

Въ ночь со 2-го на 3-е іюня ученые опасались, что погода будетъ неблагопріятна для разрѣшенія поставленной имъ задачи, но утромъ 3-го іюня солнце взошло въ полномъ блескѣ и въ продолженіе цѣлаго дня на небѣ не было ни одного облачка.

Секретарь французской академіи наукъ, Фонвьель, въ замѣткѣ, помѣщенной въ газекѣ „Nature“ отъ 28-го марта 1874 года, указываетъ, что самое наблюденіе должно было до чрезвычайности утомить производившихъ его астрономовъ. Оно началось въ 9 часовъ 21 минуту утра, кончилось въ 3 ч. 10 мин. по полудни, когда жара была совершенно невыносима и доходила до 120° по Фаренгейту. Самъ Кукъ предупреждаетъ, что не можетъ отвѣчать за точность указанія послѣдняго момента въ своемъ наблюденіи. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ въ подобную жару даже и самый совершенный человѣческій организмъ до извѣстной

степени теряетъ способность къ должному сосредоточенію вниманія.

Подойдя къ солнечному диску, Венера утратила круглую свою форму; край ея, обращенный къ солнцу, удлинился, какъ если-бъ его притягивало это свѣтило. Между планетой и солнцемъ образовалось нѣчто въ родѣ тонкой связки, которая казалась нѣсколько свѣтлѣе остальной части планеты. То же самое явленіе замѣчено было и при второмъ внутреннемъ прикосновеніи.

„Вообще, говоритъ Кукъ, наблюденіе надъ прохожденіемъ Венеры было произведено одинаково удачно какъ въ укрѣпленной нашей обсерваторіи, такъ и наблюдателями, отправленными мною на восточную часть острова. Съ самаго восхода и до заката солнца на небѣ не было ни облачка, такъ что мы всѣ трое—г. Гринъ, д-ръ Соландеръ и я самъ—могли весьма удобно наблюдать прохожденіе Венеры. У меня и г-на Грина телескопы были одинаковой силы, телескопъ же д-ра Соландера обладалъ нѣсколько бо́льшимъ увеличеніемъ. Планета казалась намъ окруженною атмосферою или свѣтящимся туманомъ, а потому мы не могли вполнѣ явственно опредѣлять моменты прикосновеній, въ особенности же внутреннихъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что между нашими наблюденіями обнаружились различія гораздо бо́льшія, чѣмъ слѣдовало, повидимому, ожидать".

Пока ученые и офицеры занимались упомянутыми наблюденіями, нѣсколько матросовъ, выломавъ дверь товарнаго склада, похитили оттуда цѣлыхъ сто фунтовъ гвоздей. Обстоятельство это могло повлечь за собою для экспедиціи самыя бѣдственныя послѣдствія, если-бъ рынокъ переполнился этимъ товаромъ, которому туземцы придавали до тѣхъ поръ такую большую цѣну. Можно было опасаться, что гвозди утратятъ значительную часть своей мѣновой стоимости. Послѣ тщательныхъ поисковъ удалось найти одного изъ воровъ, но у него оказалось лишь семьдесятъ гвоздей. Вору этому было дано восемьдесятъ розогъ. Тѣмъ не менѣе онъ не согласился выдать другихъ соучастниковъ кражи.

Передъ отплытіемъ изъ Таити Кукъ и прочіе члены научной экспедиціи рѣшились обойти весь островъ, имѣющій до тридцати миль въ окружности. Во время этого путешествія они познакомились съ вождями различныхъ округовъ и собрали много интересныхъ замѣтокъ о нравахъ и обычаяхъ таитянъ.

Особенно изумительнымъ показался имъ обычай оставлять по-

койниковъ на чистомъ воздухѣ, пока трупы не придутъ въ разложеніе, и затѣмъ зарывать въ землю однѣ лишь кости. Покойниковъ помѣщаютъ подъ навѣсъ, имѣющій пятнадцать фут. въ длину, одиннадцать въ ширину и соотвѣтственную вышину. Спереди навѣсъ этотъ остается открытымъ, а съ остальныхъ трехъ сторонъ огораживается плетнемъ. Трупъ кладется на помостъ, устроенный приблизительно на пятифутовой вышинѣ надъ землей. Покойника обертываютъ въ дорогія ткани и кладутъ возлѣ него булаву и каменный топоръ. Съ открытой стороны временной гробницы вѣшаютъ нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ, нанизанныхъ на веревку. Снаружи ставятъ половину скорлупы кокосоваго орѣха, наполненную водой, и привязываютъ къ одному изъ столбовъ мѣшокъ съ поджаренными ломтиками плодовъ хлѣбнаго дерева. Такая временная гробница называется „тупапоу". Куку и его товарищамъ не удалось узнать, чего ради туземцы держатъ своихъ покойниковъ на возвышенныхъ помостахъ до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ все тѣло. Онъ говоритъ лишь, что кладбища, называемыя у туземцевъ „мораи", пользуются у таитянъ большимъ уваженіемъ. Каждый разъ, когда англичане подходили къ кладбищамъ, туземцы обнаруживали замѣтное безпокойство.

Самымъ деликатнымъ кушаньемъ у туземныхъ гастрономовъ считается собака. Тѣмъ собакамъ, которыя предназначаются для употребленія въ пищу, никогда не даютъ мяса; ихъ кормятъ исключительно плодами хлѣбнаго дерева, кокосовыми орѣхами, ямсомъ и т. п. растительными продуктами. Собакъ этихъ жарятъ слѣдующимъ образомъ. Вырывъ въ землѣ яму, раскладываютъ въ ней костеръ и кладутъ въ этотъ костеръ каменья для того, чтобъ они накалились. Когда костеръ прогоритъ, горячіе каменья покрываютъ слоемъ ароматическихъ зеленыхъ листьевъ; на эту подстилку изъ листьевъ помѣщаютъ собаку, обсыпаютъ ее тоже листьями и забрасываютъ всю яму сверху горячими каменьями и землей. По прошествіи четырехъ часовъ яму разгребаютъ—и собака оказывается изжарившейся или, лучше сказать, сварившейся въ собственномъ своемъ соку. Кукъ полюбопытствовалъ отвѣдать приготовленной такимъ образомъ собаки и нашелъ мясо ея чрезвычайно вкуснымъ.

7-го іюля англичане стали приготовляться къ отплытію, причемъ они разрушили и срыли до основанія укрѣпленную свою обсерваторію.

Въ это время одинъ изъ туземцевъ, Тупіа, особенно дружественно относившійся къ европейцамъ, явился на „Endeavour“ съ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, состоявшимъ у него въ услуженіи. Тупіа былъ одинъ изъ мѣстныхъ верховныхъ жрецовъ и состоялъ когда-то первымъ министромъ у царицы Обереа. Ему очень хотѣлось побывать въ Англіи, и Кукъ, по разнымъ весьма уважительнымъ соображеніямъ, согласился принять его на корабль. Въ виду высокаго своего положенія, какъ верховный жрецъ и бывшій первый министръ, Тупіа могъ сообщить самыя обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на островѣ Таити, а также о нравахъ и обычаяхъ своихъ соотечественниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скорѣе, чѣмъ кто-либо другой, могъ насадить на Таити европейскую цивилизацію. Къ тому-же Тупіа неоднократно бывалъ на сосѣднихъ островахъ и былъ въ состояніи съ успѣхомъ замѣнить лоцмана.

13-го іюля собралась на „Endeavour“ громадная толпа туземцевъ, пришедшихъ проститься съ англичанами и со своимъ соотечественникомъ Тупіей. Нѣкоторые изъ туземцевъ молча проливали слезы, иные же, словно стараясь перещеголять другъ друга, испускали раздирающіе вопли. Но вообще эти изъявленія горести имѣли, казалось, скорѣе офиціальный характеръ.

Близъ самаго Таити лежатъ, по словамъ Тупіи, четыре острова: Гуагейне, Улиэтеа, Отага и Болабола, гдѣ можно было бы легко пріобрѣсти живыхъ свиней, домашнюю птицу и разные фрукты, въ которыхъ за послѣднее время пребыванія въ Матаваи началъ уже ощущаться недостатокъ. Кукъ, съ своей стороны, хотѣлъ лучше осмотрѣть островокъ Тетуроа, находящійся въ восьми миляхъ къ сѣверу отъ Таити. Такъ какъ у туземцевъ не было на этомъ островѣ постояннаго жилья, то Кукъ не счелъ умѣстнымъ тамъ останавливаться.

Когда англійскій корабль былъ въ виду Гуагейне, къ нему подошло нѣсколько туземныхъ байдаръ. Туземцы согласились, однако, взойти на корабль лишь послѣ того, какъ увидали на немъ Тупію. Мѣстный царекъ, Орэ, бывшій также въ числѣ посѣтителей, чрезвычайно изумлялся разнымъ диковинкамъ, которыя ему показали на кораблѣ. Дружественный пріемъ, оказанный этому царьку англичанами, очаровалъ его настолько, что онъ побратался съ Кукомъ и помѣнялся съ нимъ именами. Во все продолженіе стоянки царекъ называлъ себя Кукэ, а лейтенанта

Кука торжественно именовалъ „Орэ“. „Endeavour“ бросилъ якорь въ очень удобномъ портѣ, послѣ чего офицеры и ученые тотчасъ же съѣхали на берегъ. Какъ и слѣдовало ожидать, на островѣ Гуагейне нравы, обычаи, языкъ и естественныя произведенія оказались тѣ-же, что и на Таити.

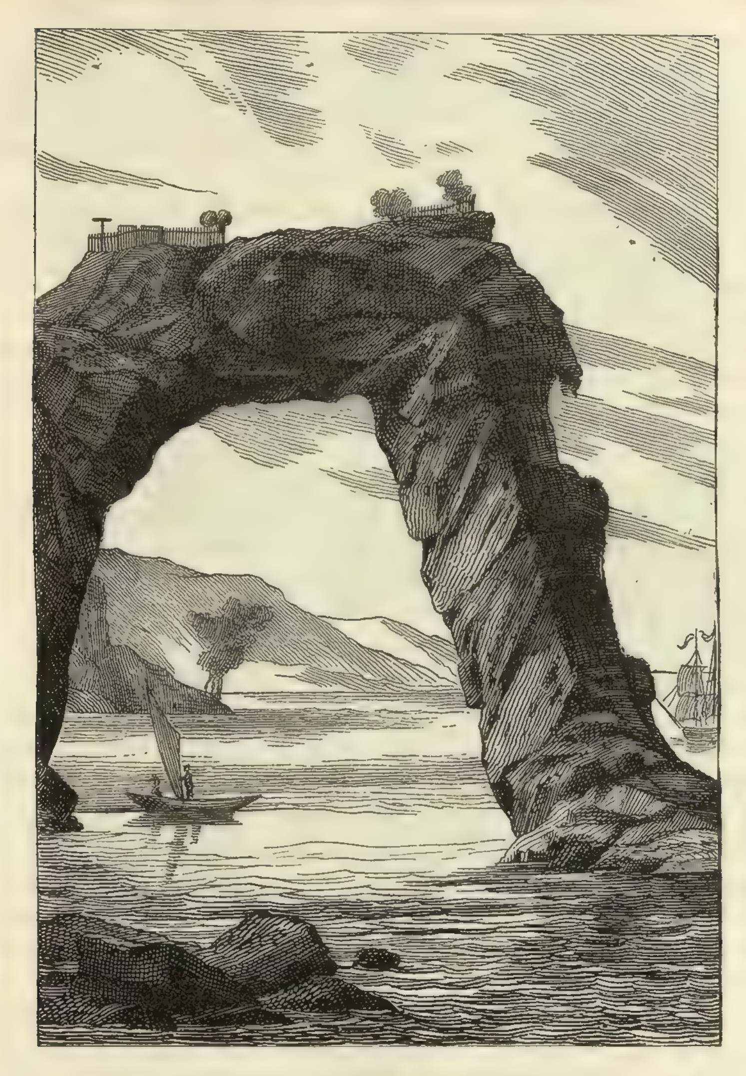
Въ семи или восьми миляхъ къ юго-западу оттуда находился островъ Уліетеа. Кукъ приставалъ также къ Уліетеа и торжественно вступилъ во владѣніе какъ этимъ, такъ и тремя сосѣдними островами. Пока плотники задѣлывали течь, обнаружившуюся подъ крюйт-камерой „Endeavour“'а, Кукъ производилъ гидрографическую съемку прибрежья. Осмотрѣвъ еще нѣсколько маленькихъ островов, онъ назвалъ весь этотъ архипелагъ островами „Товарищества“.

7-го августа „Endeavour“ снова поднялъ паруса. Шесть дней спустя усмотрѣнъ былъ островъ Отероя. Враждебное настроеніе туземцевъ не дозволило Куку пристать къ этому острову, и онъ рѣшился взять курсъ къ югу.

Экипажъ „Endeavour“'а праздновалъ 25-го августа годовщину своего отплытія изъ Англіи. 1-го сентября корабль находился подъ 40° 22′ южн. широты и 174° 29′ западн. долготы. Сильнымъ западнымъ вѣтромъ развело на морѣ страшное волненіе. „Endeavour“ вынужденъ былъ взять курсъ къ сѣверу и бѣжать передъ бурей. Такая неблагопріятная погода стояла до 3-го сентября. Къ тому времени буря затихла, и можно было опять продолжать путь къ западу.

Въ концѣ сентября мѣсяца стали являться разные признаки, указывавшіе на близость какого-нибудь острова или материка. Съ корабля замѣчены были плавающіе въ морѣ древесные стволы, скопленія травы и т. п. 5-го октября морская вода какъ-будто измѣнила свой цвѣтъ, а 6-го—усмотрѣнъ былъ берегъ, тянувшійся вдаль къ западу-сѣверо-западу. Чѣмъ болѣе приближались къ берегу, тѣмъ болѣе значительные размѣры онъ принималъ. Всѣ были единодушно убѣждены, что удалось наконецъ открыть пресловутый южный материкъ, названный тогдашними географами Terra australis incognita и считавшійся необходимымъ для уравновѣшенія материковъ сѣвернаго полушарія. На самомъ дѣлѣ это былъ восточный берегъ Новой Зеландіи и притомъ сѣвернаго острова Эгейномове.

Вскорѣ можно было уже различать съ корабля дымъ, поды-



«И-па» (Fac-simile съ древней гравюры).

мавшійся въ различныхъ мѣстахъ прибрежья. Сосѣдніе холмы были покрыты лѣсомъ, а въ долинахъ виднѣлись также очень высокія деревья. Затѣмъ показались небольшіе, но чистенькіе домики туземцевъ, байдары и, наконецъ, собравшаяся на берегу толпа людей. Вершина одного холма увѣнчана была высокой, правильно расположенной оградой изъ частокола. Ограда эта

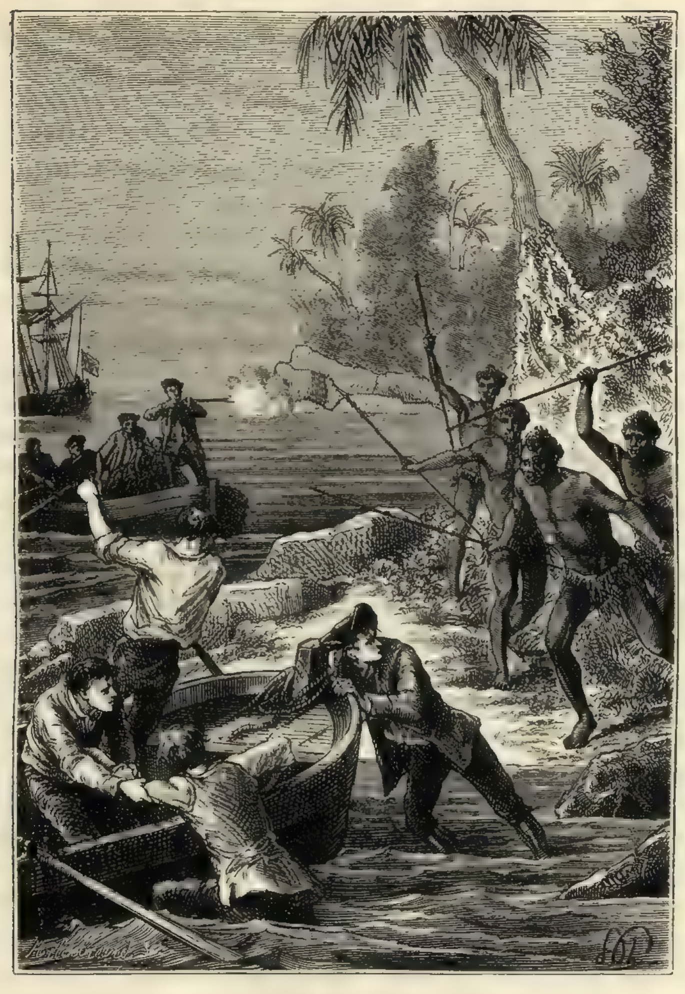
особенно заинтересовала англичанъ. Одни утверждали, что это паркъ для оленей; другіе же считали ее загономъ для домашняго скота и т. п. Всѣ эти предположенія оказались, однако, совершенно ложными, такъ какъ на самомъ дѣлѣ на холмѣ находилась туземная крѣпостца или „и-па“.

8-го октября, часамъ къ четыремъ пополудни, „Endeavour“ сталъ на якорь въ бухтѣ, при устьѣ небольшой рѣчки. По обѣ стороны бухты высились громадныя бѣлыя скалы. Мѣстность между ними, подымаясь террасами, расположенными одна надъ другой въ видѣ амфитеатра, какъ будто сливалась на заднемъ планѣ съ высокою цѣпью горъ, находившейся, повидимому, далеко внутри страны.

Кукъ, Банксъ и Соландеръ, въ двухъ шлюпкахъ, съ командою вооруженныхъ матросовъ, быстро направились къ берегу. Когда шлюпки стали подходить къ мѣсту, гдѣ стояли туземцы, послѣдніе тотчасъ же разбѣжались. Англичане тѣмъ не менѣе вышли на берегъ, поручивъ четыремъ юнгамъ охранять одну изъ шлюпокъ, тогда какъ другая снова отчалила отъ берега.

Едва только Кукъ и его товарищи успѣли отойти на нѣкоторое разстояніе отъ своей шлюпки, какъ на нее бросились четверо дикарей, вооруженныхъ длинными копьями. Они, безъ сомнѣнія, овладѣли бы шлюпкой, если-бъ экипажъ другой лодки, державшейся немного поодаль, не успѣлъ своевременно замѣтить этого нападенія и не крикнулъ юнгамъ, чтобъ они тоже отодвинулись отъ берега. Дикари преслѣдовали, однако, шлюпку такъ горячо, что боцманъ, командовавшій второю лодкой, счелъ нужнымъ, для острастки, выстрѣлить надъ ихъ головами. Остановившись на мгновеніе, дикари продолжали преслѣдовать шлюпку, когда второй ружейный выстрѣлъ положилъ одного изъ нихъ наповалъ. Товарищи убитаго хотѣли было сперва захватить его съ собой, но потомъ раздумали, опасаясь вѣроятно, что онъ затруднитъ ихъ бѣгство. Услышавъ выстрѣлы, Кукъ и его спутники вернулись на берегъ, сѣли въ шлюпку и отправились обратно на корабль. Туземцы собрались тогда снова на берегу и, какъ можно было явственно слышать съ корабля, съ оживленіемъ разсуждали о случившемся.

Куку очень хотѣлось вступить съ ними въ сношенія; онъ приказалъ поэтому спустить на воду три шлюпки и, съ надежнымъ прикрытіемъ, сошелъ на берегъ въ сопровожденіи Банкса, Солан-



Дикари преслѣдовали такъ горячо.

дера и Тупіи. До пятидесяти туземцевъ поджидало англичанъ, сидя на берегу. Туземцы были вооружены частью длинными копьями, частью топорами изъ очень хорошо отшлифованнаго зеленаго жировика. Топоры эти были длиною приблизительно въ футъ и вѣсомъ отъ четырехъ до пяти фунтовъ. Означенные топоры или, лучше сказать, боевыя сѣкиры назывались у туземцевъ „пату-пату“ или „токи“ и были чрезвычайно остры. Какъ только англичане вступили на берегъ, туземцы разомъ поднялись и

знакомъ пригласили непрошенныхъ гостей удалиться. Довѣряя превосходству вооруженія матросовъ и морскихъ солдатъ, Кукъ и его товарищи подошли нѣсколько ближе къ туземцамъ. Тупіа заявилъ, что англичане прибыли съ миролюбивыми намѣреніями, имѣютъ въ виду лишь запастись прѣсной водой и съѣстными припасами и будутъ расплачиваться за все, что имъ доставятъ, желѣзомъ, употребленіе котораго онъ старался объяснить туземцамъ. Кукъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что туземцы поняли все, сказанное имъ Тупіей, и что ихъ языкъ былъ только особымъ нарѣчіемъ таитянскаго.

Послѣ довольно долгихъ переговоровъ 30 дикарей переправились черезъ рѣчку, на берегу которой высадились англичане. Ихъ надѣлили стеклярусомъ и желѣзомъ, но они повидимому не придавали особенной цѣнности ни тому, ни другому. Одинъ изъ дикарей, подойдя къ Грину, выхватилъ у него изъ-за пояса кинжалъ; остальные тоже держали себя чрезвычайно дерзко. Чтобъ поддержать авторитетъ англичанъ, Банксъ выстрѣлилъ въ похитителя дробью. Новозеландецъ былъ раненъ, но все-таки не хотѣлъ возвратить кинжалъ. Тогда д-ръ Монкгаузъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья, заряженнаго пулей. Новозеландецъ упалъ, и Гринъ могъ отобрать у него свой кинжалъ. Увидѣвъ это, новозеландцы, вмѣсто того чтобъ бѣжать, двинулись въ порядкѣ на чужеземцевъ. Чтобъ отразить это нападеніе, пришлось дать нѣсколько выстрѣловъ. Нѣсколько туземцевъ было ранено, остальные же бросились въ рѣку и переплыли на противоположный берегъ.

Видя безуспѣшность своихъ попытокъ вступить въ торговыя сношенія съ туземцами, Кукъ рѣшился искать другого, болѣе гостепріимнаго мѣста, чтобъ запастись прѣсной водой. Тѣмъ временемъ замѣчены были на морѣ двѣ байдары, старавшіяся подойти къ берегу. Кукъ принялъ мѣры къ тому, чтобъ отрѣзать имъ дорогу. Одной изъ байдаръ удалось, однако, уйти, другую же успѣли нагнать. Тупіа тщетно кричалъ туземцамъ, что англичане идутъ къ нимъ съ дружественнымы намѣреніями. Когда англійскія шлюпки подошли къ байдарѣ, туземцы такъ энергически атаковали матросовъ копьями и топорами, что пришлось волей-неволей прибѣгнуть къ огнестрѣльному оружію; четверо новозеландцевъ было убито, остальные трое бросились въ воду, но были схвачены живьемъ, несмотря на упорное сопротивленіе.

На Кука, ожидавшаго, что байдару можно будетъ захватить безъ всякаго кровопролитія, схватка эта произвела очень непріятное впечатлѣніе. Въ своемъ путевомъ журналѣ онъ высказывается по этому поводу слѣдующимъ образомъ:

„Я увѣренъ, что всѣ чувствительные и добросердечные люди станутъ порицать насъ за то, что мы стрѣляли по этимъ несчастнымъ индійцамъ. Если-бъ мы были тогда въ состояніи взглянуть на дѣло совершенно хладнокровно, то, разумѣется, постарались бы избѣжать кровопролитія. Мы не могли признать индійцевъ заслуживающими смерти за то, что они не хотѣли довѣрять моимъ обѣщаніямъ и взойти ко мнѣ на корабль. Надо принять, однако, во вниманіе, что въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ предписывалось во что бы ни стало ознакомиться съ ихъ страною. Можно было достигнуть этой цѣли или опираясь на вооруженную силу, или же по добровольному соглашенію съ туземцами. Я пытался уже снискать ихъ дружбу подарками, но это пока еще мнѣ не удавалось. Желаніе избѣгнуть дальнѣйшихъ враждебныхъ столкновеній побудило меня къ захвату байдары. Я разсчитывалъ, что туземцы, побывавъ у насъ на кораблѣ, убѣдятся, что мы не желаемъ имъ зла и, напротивъ того, можемъ быть имъ полезными. До этого момента въ моихъ предположеніяхъ не было, очевидно, ничего преступнаго. Правда, что во время схватки, на возможность которой я, признаться, не разсчитывалъ, намъ слѣдовало достигнуть предположенной цѣли, не лишая жизни четырехъ ни въ чемъ неповинныхъ индійцевъ; но должно принять во вниманіе, что въ томъ положеніи, въ какомъ находились мои шлюпки, разъ намъ пришлось открыть огонь, нельзя уже было избѣжать роковыхъ послѣдствій или же умѣрить таковыя“.

Захваченные въ плѣнъ новозеландцы были встрѣчены на кораблѣ самымъ дружескимъ образомъ; ихъ осыпали подарками, украсили браслетами и ожерельями, а затѣмъ посадили въ шлюпку и отвезли на берегъ. Когда новозеландцы увидѣли, что шлюпка направляется къ устью рѣчки, они стали увѣрять, будто близъ этого мѣста обитаютъ ихъ враги, которые не преминутъ ихъ убить и съѣсть. Ихъ высадили однако-же тамъ на берегъ и, по наведеннымъ справкамъ, они остались на самомъ дѣлѣ цѣлы и невредимы.

На другой день утромъ (11-го октября) Кукъ покинулъ эту злополучную мѣстность. Бухта, въ которой онъ останавливался,

названа была бухтою „Бѣдности", такъ какъ англичане не могли достать тамъ ничего кромѣ дровъ. Она лежитъ подъ 38° 42′ южной широты и 181° 36′ западной долготы, имѣетъ подковообразную форму и представляетъ хорошую якорную стоянку, несмотря на то, что открыта для южныхъ и восточныхъ вѣтровъ.

Кукъ, направляясь къ югу, продолжалъ идти вдоль берега, опредѣляя положеніе замѣчательныхъ пунктовъ и давая имъ соотвѣтственныя наименованія; такъ, онъ назвалъ Портлэндомъ островъ, представляющій по своимъ очертаніямъ большое сходство съ островомъ того-же имени, лежащимъ въ Ламаншѣ. Сношенія съ туземцами имѣли попрежнему непріязненный характеръ и, лишь благодаря терпѣливости англичанъ, не переходили въ открытую вражду.

Однажды корабль былъ окруженъ нѣсколькими туземными байдарами съ рыбой, которую обмѣнивали на стеклянныя бусы и гвозди. Пока шла эта мѣновая торговля, одному изъ новозеландцевъ удалось схватить служителя Тупіи, четырнадцатилѣтняго мальчика Тайето, послѣ чего байдары поспѣшно направились къ берегу. Кукъ приказалъ стрѣлять въ похитителей мальчика. Юный таитянинъ воспользовался суматохой, которую причинилъ мѣткій ружейный залпъ, и бросился въ море, гдѣ его подобрала шлюпка, спущенная съ „Endeavour'a".

Погода становилась все хуже и хуже. Кукъ, не находя удобнаго порта, разсчиталъ, что ему будетъ выгоднѣе перемѣнить курсъ и осмотрѣть сѣверную часть новозеландскаго прибрежья.

23-го октября „Endeavour" зашелъ въ бухту, которая названа была „Толагской". Въ ней не замѣчалось никакого волненія. Прѣсная вода изъ впадавшихъ въ бухту ручьевъ оказалась превосходнаго качества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду дружественнаго настроенія туземцевъ, англичане могли запастись тамъ и свѣжей провизіей.

Послѣ того какъ приняты были мѣры къ ихъ безопасности, Банксъ и Соландеръ сошли на берегъ, чтобъ ознакомиться съ туземной флорой. Во время этой прогулки они видѣли много достопримѣчательнаго; такъ, въ концѣ долины, глубоко вдававшейся между крутыми, обрывистыми горами, возвышалась скала, въ которой былъ прорѣзанъ самою природой туннель. Сквозь этотъ туннель съ одной стороны виднѣлось море, а съ другой— часть бухты и окрестные холмы. На возвратномъ пути Банксъ

Оружіе и охотничьи снаряды новозеландцевъ (Fac-simile съ древней гравюры).

и Соландеръ были приглашены старикомъ туземцемъ присутствовать при воинскихъ упражненіяхъ новозеландской молодежи, вооруженной копьями и пату-пату. Во время другой своей прогулки докторъ Соландеръ купилъ туземный волчокъ, совершенно схожій съ подобными же европейскими игрушками. Туземцы объяснили, что волчокъ этотъ будетъ лучше вертѣться, когда его станутъ подгонять.

На островкѣ, находившемся у входа въ бухту, англичане видѣли самую большую байдару, какую имъ вообще только удалось встрѣтить. Она имѣла 68 фут. въ длину, 5 фут. въ ширину и $3^1/_2$ фута въ глубину. Носовая часть была украшена рельефной рѣзьбой довольно страннаго рисунка, въ которомъ главнымъ образомъ преобладали спиральныя линіи.

30-го октября, запасшись дровами и прѣсной водой, Кукъ вышелъ изъ Толагской бухты и, направляясь къ сѣверу, продолжалъ идти вдоль берега.

Въ окрестностяхъ небольшого острова, который названъ былъ островомъ Мэра, туземцы выказали себя особенно дерзкими и безцеремонными ворами. Кукъ, однако, хотѣлъ тамъ остановиться на пять или на шесть дней, чтобъ наблюдать за прохожденіемъ Меркурія черезъ солнце. Желая уяснить дикарямъ, что англичане не позволятъ оскорблять себя безнаказанно, онъ приказалъ выстрѣлить дробью въ новозеландца, похитившаго большой кусокъ парусины. Дикарь успѣлъ уже отбѣжать довольно далеко, а потому дробинки, попавшія ему въ спину, произвели на него лишь впечатлѣніе хорошаго удара хлыстомъ. Видя, что дикари не унимаются, Кукъ приказалъ выстрѣлить картечью у нихъ надъ головами. Картечь эта, давшая нѣсколько рикошетовъ надъ байдарами, такъ перепугала туземцевъ, что они налегли на весла и поспѣшно удалились къ новозеландскому прибрежью.

9-го ноября Кукъ и Гринъ сошли на берегъ. Кукъ измѣрялъ высоту солнца, а Гринъ наблюдалъ самое прохожденіе планеты.

Мы не можемъ слѣдовать шагъ за шагомъ за англійскимъ мореплавателемъ, занимавшимся обстоятельнымъ изслѣдованіемъ новозеландскаго прибрежья. Читателямъ наскучило бы однообразіе многократно повторявшихся столкновеній съ туземцами. Описаніе естественныхъ красотъ новозеландской природы могло бы показаться также подъ-конецъ утомительнымъ. Мы изложимъ поэтому вкратцѣ гидрографическую часть путешествія, останавливаясь преимущественно лишь на описаніи туземныхъ нравовъ и обычаевъ, которые въ настоящее время такъ сильно измѣнились.

Заливъ Меркурія примыкаетъ къ длинному полуострову, который тянется съ востока къ сѣверо-востоку и образуетъ сѣверную оконечность Новой Зеландіи. 15-го ноября, когда „Endeavour“ выходилъ изъ этого залива, къ англійскому кораблю направилось нѣсколько туземныхъ байдаръ.

„Двѣ изъ нихъ, въ которыхъ помѣщалось до шестидесяти воиновъ,—говоритъ Кукъ,—подошли къ намъ такъ близко, что мы могли бы удобно съ ними перекликаться. Туземцы запѣли военную свою пѣсню, но, видя, что на нихъ не обращаютъ вниманія, принялись бросать въ насъ каменьями, а затѣмъ пустились обратно къ берегу. Видя, что ихъ никто не преслѣдуетъ, новозеландцы снова вернулись; на этотъ разъ, казалось, уже съ серьезнымъ намѣреніемъ напасть на „Endeavour", и возбуждали другъ друга воинственными пѣснями. Тупіа, по собственному своему почину, обратился тогда къ туземцамъ съ очень благоразумной рѣчью, въ которой, упрекая новозеландцевъ въ кровожадности, напоминалъ, что англичане могли бы, если-бъ хотѣли, умертвить ихъ всѣхъ огнестрѣльнымъ своимъ оружіемъ. Новозеландцы отвѣчали на это: „Сойдите только на берегъ—и мы сами васъ всѣхъ убьемъ".—„Мы не хотимъ съ вами спорить,—возразилъ имъ Тупіа,—но по какому праву явились вы оскорблять насъ здѣсь, на морѣ? Мы не хотимъ съ вами сражаться и не принимаемъ вашего вызова, потому что у насъ съ вами нѣтъ никакого повода къ ссорѣ; море это и не ваше, и не наше". Простое и убѣдительное краснорѣчіе Тупіи чрезвычайно удивило какъ самого Кука, такъ и прочихъ англичанъ.

Осматривая одну бухту, Кукъ увидѣлъ, что въ нее впадаетъ очень большая рѣка, и назвалъ эту рѣку Темзой. По берегамъ ея росли громадныя деревья. Одно изъ нихъ, на высотѣ пяти футовъ отъ земли, имѣло въ обхватѣ болѣе семнадцати съ половиною футовъ. Совершенно прямой его стволъ могъ бы доставить 325 куб. футовъ плотной древесной массы. Вышина этого дерева отъ земли до первыхъ вѣтвей простиралась до восьмидесяти двухъ футовъ.

Какъ уже упомянуто, между англичанами и туземцами случались довольно частыя столкновенія. Необходимо замѣтить, что вина при этомъ была не всегда на сторонѣ туземцевъ. Нѣсколько матросовъ, относившихся всегда съ самой драконовской строгостью къ ничтожнѣйшимъ прегрѣшеніямъ туземцевъ, признали, однако, возможнымъ забраться безъ спроса на туземную плантацію и похитили тамъ множество бататовъ. Кукъ присудилъ каждаго изъ воровъ къ двѣнадцати ударамъ розгами. Двое изъ нихъ безропотно подчинились заслуженному наказанію, но третій утверждалъ, будто англичане имѣютъ полное право хозяйничать,

какъ имъ угодно, на плантаціяхъ дикарей. Не желая входить въ препирательства съ этимъ молодцомъ, Кукъ отправилъ его подъ арестъ въ корабельный трюмъ и объявилъ, что продержитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока виновный не придетъ къ полному сознанію справедливости наказанія и не выразитъ согласія получить еще шесть лишнихъ ударовъ розгами.

30-го декабря англичане обогнули мысъ, тождественный по мнѣнію Кука съ тѣмъ, который Тасманъ назвалъ мысомъ Маріи Ванъ-Дименъ. Задержанный послѣ того противными вѣтрами, „Endeavour" прошелъ въ три недѣли всего лишь десять миль. Къ счастью, все это время онъ держался въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, въ противномъ случаѣ намъ бы наврядъ пришлось описывать его путешествіе.

16-го января 1760 года, нанеся на карту нѣкоторые выдающіеся пункты восточнаго прибрежья Новой Зеландіи, Кукъ усмотрѣлъ громадный пикъ, покрытый вѣчными снѣгами. Пикъ этотъ названъ былъ въ честь графа Эгмонта — Эгмонтова гора. Обогнувъ этотъ пикъ, замѣтили, что берегъ позади его направляется какъ-бы по дугѣ громаднаго круга. Берегъ этотъ былъ изрѣзанъ множествомъ небольшихъ бухтъ. Кукъ рѣшился зайти въ одну изъ нихъ, чтобъ починить свое судно, а также запастись дровами и водой. Въ бухтѣ, которая была имъ выбрана для стоянки, оказался прекрасный ручей. Въ дровахъ тамъ тоже недостатка не было, такъ какъ лѣсъ доходилъ до самаго морского прибрежья. Кукъ воспользовался установившимися у него во время этой стоянки хорошими отношеніями съ туземцами, чтобы освѣдомиться, не видали ли они уже передъ тѣмъ когда-либо судно, похожее на „Endeavour". При этомъ выяснилось, что туземцы утратили уже всякое воспоминаніе о Тасманѣ, хотя заливъ Убійцъ, въ который заходилъ этотъ мореплаватель, лежалъ всего лишь въ пятнадцати миляхъ отъ мѣста стоянки Кука.

Въ одной изъ корзинъ, гдѣ хранилась у новозеландцевъ провизія, англичане увидѣли двѣ полуобглоданныя кости, непоходившія на собачьи. Осмотрѣвъ ихъ внимательнѣе, убѣдились, что это были человѣческія кости. Туземцы, нисколько не смущаясь, объяснили, что имѣютъ привычку съѣдать убитыхъ своихъ враговъ. Нѣсколько дней спустя они принесли на „Endeavour" семь человѣческихъ головъ, на которыхъ уцѣлѣли еще мясо и волоса; мозгъ же, который считается особенно вкуснымъ, былъ

уже съѣденъ. Мясо на головѣ было мягкое, но не издавало зловоннаго запаха; очевидно, оно было пропитано какимъ-то снадобьемъ, предохранявшимъ его отъ гніенія. Банксу удалось купить одну изъ этихъ головъ, но старикъ, который принесъ ихъ на корабль, ни за что не хотѣлъ уступить другую, вѣроятно потому, что у новозеландцевъ непріятельскія головы считаются трофеями, наглядно свидѣтельствующими о храбрости тѣхъ, въ чьихъ рукахъ онѣ находятся.

Слѣдующіе дни были посвящены осмотру окрестностей и нѣсколькимъ прогулкамъ внутрь страны. Въ одну изъ такихъ прогулокъ Кукъ, взобравшись на очень высокій холмъ, могъ ясно разсмотрѣть оттуда проливъ между сѣвернымъ и южнымъ островами Новой Зеландіи, названный имъ каналомъ королевы Шарлотты. Съ холма виденъ былъ противоположный берегъ пролива, находившійся, сколько можно было судить, приблизительно въ разстояніи четырехъ миль. Вслѣдствіе тумана нельзя было прослѣдить этотъ берегъ далѣе къ юго-востоку, но Кукъ имѣлъ все-таки достаточное основаніе заключить, что находится на южной оконечности сѣвернаго острова, прибрежье котораго было осмотрѣно имъ почти на всемъ протяженіи. Оставалось обогнуть еще южный островъ Новой Зеландіи, и Кукъ рѣшился выполнить это, какъ только увѣрится окончательно въ томъ, что каналъ королевы Шарлотты дѣйствительно проливъ.

Неподалеку отъ бухты, въ которой стоялъ на якорѣ „Endeavour“, находилась туземная крѣпостца или, лучше сказать, укрѣпленная деревня „и-па“, построенная на небольшомъ скалистомъ островѣ. Кукъ и ученые его спутники, неоднократно осматривавшіе подобныя крѣпостцы, признаютъ ихъ вполнѣ удовлетворяющими своему назначенію. „И-па“ обыкновенно располагается на такой мѣстности, доступъ къ которой затрудненъ самой природой. Трудности еще болѣе усиливаются искусственными сооруженіями, дѣлающими честь туземнымъ новозеландскимъ инженерамъ. Многія изъ видѣнныхъ Кукомъ укрѣпленій защищались двумя рвами съ двойнымъ палисадомъ и брустверомъ. Внѣшній ровъ имѣлъ въ глубину до двадцати четырехъ футовъ. За внутреннимъ брустверомъ устроенъ былъ, на двадцатичетырехъ-футовой вышинѣ, помостъ въ шесть футовъ шириною; помостъ этотъ, прочно укрѣпленный на толстыхъ сваяхъ, служилъ какъ-бы кавальеромъ, откуда защитники крѣпости могли безопасно по-

ражать атакующихъ дротиками и камнями, большія кучи которыхъ заранѣе были заготовлены на помостѣ. При тогдашнемъ состояніи военнаго искусства у новозеландцевъ крѣпостцы эти не могли быть взяты открытою силой—ихъ можно было вынудить къ сдачѣ только голодомъ послѣ продолжительной блокады.

„Удивительно,—замѣчаетъ Кукъ,—что искусство и стараніе, приложенное новозеландцами къ постройкѣ укрѣпленій, столь удобныхъ для обороны, не привели ихъ къ изобрѣтенію никакого метательнаго орудія. Имъ неизвѣстны ни лукъ, ни праща. За исключеніемъ дротиковъ и камней, бросаемыхъ отъ руки, у нихъ нѣтъ никакихъ метательныхъ орудій. Это тѣмъ болѣе странно, что умѣніе пользоваться пращей для метанія камней и лукомъ, чтобы пускать стрѣлы, требуетъ сравнительно меньшей степени развитія, чѣмъ постройка видѣнныхъ нами укрѣпленій. Притомъ же лукъ и праща встрѣчаются почти повсемѣстно на всемъ земномъ шарѣ, даже и у самыхъ дикихъ народцевъ“.

6-го февраля „Endeavour“ вышелъ изъ бухты и направился къ востоку, разсчитывая еще до отлива вступить въ каналъ королевы Шарлотты. Въ 7 часовъ вечера сильное теченіе увлекало корабль къ маленькому островку Коамароо. Со дна морского поднимались чрезвычайно острыя скалы, о которыя судно должно было, повидимому, непремѣнно разбиться.

Съ каждой минутой опасность болѣе и болѣе возростала; оставалось испытать послѣднее средство для спасенія корабля. Средство это, паче чаянія, удалось. „Endeavour“ былъ всего лишь въ одномъ кабельтовѣ отъ утесовъ, когда Кукъ приказалъ бросить якорь. Глубина въ этомъ мѣстѣ была болѣе шестидесяти саженъ, но, къ счастью, лапы якоря крѣпко врѣзались въ дно и дали судну опорную точку, вокругъ которой его поворотило теченіемъ. Обогнувъ эти утесы, „Endeavour“ все еще не могъ считаться въ безопасности, такъ какъ въ проливѣ было много подводныхъ скалъ, а скорость теченія доходила до пяти миль въ часъ.

Когда проливъ кончился, скорость теченія значительно уменьшилась. Пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, корабль могъ тогда идти по фарватеру и благополучно миновалъ самую узкую часть канала королевы Шарлотты.

Сѣверная часть Новой Зеландіи—островъ Эгейномове не былъ еще совершенно осмотрѣнъ. Оставалось нанести на карту около пятнадцати миль южнаго его прибрежья. Нѣкоторые изъ

офицеровъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, утверждали, что это не островъ, а материкъ. Кукъ не раздѣлялъ ихъ мнѣнія, но все-таки направилъ свое судно такъ, чтобъ устранить возможность какого бы то ни было недоразумѣнія. Послѣ двухдневнаго плаванія, миновавъ уже мысъ Пализера, онъ пригласилъ этихъ офицеровъ на палубу и спросилъ, остаются ли у нихъ еще какія-либо сомнѣнія. Всѣ отвѣчали отрицательно, а потому Кукъ, вмѣсто того, чтобы идти къ самому южному пункту достигнутаго имъ восточнаго прибрежья Эгейномове, поворотилъ корабль и пошелъ обратно къ южному острову Новой Зеландіи, называвшемуся у туземцевъ Тавай-Пунаму. Онъ рѣшился обогнуть весь этотъ островъ и нанести его на карту.

Прибрежье Тавай-Пунаму на большей своей части показалось Куку безплоднымъ и необитаемымъ. „Endeavour" долженъ былъ, впрочемъ, почти все это время держаться въ четырехъ или пяти миляхъ отъ берега.

Въ ночь на 9-е марта „Endeavour" нѣсколько разъ задѣвалъ о подводныя скалы. Утромъ обнаружилось, что корабль лишь чудомъ избѣжалъ очень серьезной опасности. Кукъ назвалъ Западней эти утесы, какъ-бы нарочно поставленные на погибель слишкомъ довѣрчивому мореплавателю.

Въ тотъ же день усмотрѣнъ былъ мысъ, сочтенный Кукомъ южной оконечностью Новой Зеландіи и названный поэтому Южнымъ Мысомъ. Впослѣдствіи выяснилось, что это была оконечность отдѣльнаго островка Стеварда. Громадныя волны, шедшія съ юго-запада въ то время, когда „Endeavour" огибалъ этотъ мысъ, убѣдили Кука, что поблизости въ этомъ направленіи не должно быть земли. Онъ взялъ поэтому курсъ на сѣверъ, чтобы, пройдя вдоль западнаго берега Тавай-Пунаму, нанести на карту весь контуръ Новой Зеландіи.

Невдалекѣ отъ южной оконечности западнаго берега усмотрѣна была бухта, которую Кукъ назвалъ Мрачною. Безплодное, крутое ея прибрежье покрыто было снѣгомъ. Самая бухта имѣла отъ 3 до 4 миль въ ширину и вдавалась приблизительно на такое-же разстояніе вглубь страны. Нѣсколько островковъ, находившихся въ бухтѣ, могли бы доставить для судна прекрасное закрытіе отъ волненія и вѣтровъ. Зная, однако, что вѣтеръ, благопріятный для выхода изъ этой бухты, дуетъ всего разъ въ мѣсяцъ, Кукъ не рѣшился въ нее зайти. Многіе изъ его офице-

ровъ считали, напротивъ того, весьма полезнымъ остановиться на нѣкоторое время въ Мрачной бухтѣ. Увлекаясь интересами минуты, они упускали изъ виду неудобства, сопряженныя со стоянкой, продолжительность которой нельзя было опредѣлить заранѣе. За время плаванія вдоль западнаго прибрежья Тавай-Пунаму не случилось ничего особенно достопримѣчательнаго.

„Начиная съ Мрачной бухты и до 44° 20′ южной долготы, говоритъ Кукъ, тянется у самой окраины берега узкая цѣпь холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ. Невдалекѣ позади этихъ холмовъ виднѣются горы, образующія тоже цѣпь, параллельную первой. Горы эти чрезвычайно высоки и состоятъ изъ голыхъ, безплодныхъ скалъ, во многихъ мѣстахъ покрытыхъ снѣгами... Нельзя представить себѣ ничего болѣе дикаго, неуклюжаго и ужасающаго, чѣмъ видъ этой страны съ моря. Куда не взглянешь, всюду видишь передъ собою вершины скалъ, нагроможденныхъ такъ близко одна отъ другой, что, вмѣсто долинъ, между ними остаются однѣ лишь разсѣлины".

Съ 44° 20′ и до 42° 81′ южной широты общая картина измѣняется, горы отходятъ дальше во внутрь страны; прибрежье опоясано плодоносными долинами и холмами.

Съ 42° 8′ до 41° 30′ съ моря можно было различать только высокій, крутой берегъ, одѣтый мрачными лѣсами. „Endeavour" шелъ довольно далеко отъ берега, и къ тому-же погода все время стояла туманная, такъ что нельзя было внимательнѣе осмотрѣть прибрежье. Обогнувъ такимъ образомъ весь островъ Таваи-Пунаму, англійскій корабль очутился снова у входа въ проливъ королевы Шарлотты.

Запасшись тамъ дровами и прѣсной водой, Кукъ рѣшился идти назадъ въ Англію такимъ путемъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ бы цѣлямъ экспедиціи. Ему чрезвычайно хотѣлось окончательно разъяснить вопросъ о существованіи южнаго материка, а потому онъ очень сожалѣлъ, что не можетъ направиться кратчайшимъ путемъ ни къ мысу Горну, ни къ мысу Доброй Надежды. Среди зимы и подъ такими отдаленными южными широтами нельзя было рискнуть на это съ кораблемъ въ положеніи „Endeavour"'а. Приходилось, волей-неволей, избрать путь черезъ Индійскій океанъ и, прежде всего, направиться къ западу, а затѣмъ идти вдоль восточнаго прибрежья Новой Голландіи.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію этой второй половины

путешествія Кука, умѣстно будетъ оглянуться назадъ и сдѣлать общій выводъ изъ фактическихъ данныхъ, собранныхъ путешественниками о положеніи Новой Зеландіи, естественныхъ ея произведеніяхъ и нравахъ ея населенія.

Въ предшествовавшемъ томѣ было упомянуто объ открытіи этой страны Абелемъ Тасманомъ и о событіяхъ, отмѣтившихъ кровавой чертой посѣщеніе голландскаго мореплавателя. Кромѣ прибрежной полосы, видѣнной Тасманомъ въ 1642 году, вся остальная часть Новой Зеландіи оставалась до Кука совершенно неизвѣстною европейцамъ и не посѣщалась ни однимъ европейскимъ судномъ. Тогдашніе географы не знали даже — составляетъ ли она отдѣльный островъ, группу острововъ или же часть невѣдомаго южнаго материка, какъ это предполагалъ самъ Тасманъ, назвавшій ее „землей Генеральныхъ Штатовъ". Куку принадлежитъ честь точнаго опредѣленія географическаго ея положенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нанесъ на карту оба составляющіе Новую Зеландію большіе острова, лежащіе между 34° и 48° южной широты и между 180° и 194° западной долготы.

Южный островъ, Таваи-Пунаму, гористъ, безплоденъ и казался очень малонаселеннымъ. Эгейномове представлялся несравненно болѣе привлекательнымъ. Холмы, горы и долины были тамъ покрыты лѣсами и орошались множествомъ ручьевъ. Основываясь на замѣткахъ Банкса и Соландера относительно климата и почвы Новой Зеландіи, Кукъ пришелъ къ слѣдующему выводу, вполнѣ подтвержденному послѣдующими событіями: „Если европейцы поселятся въ этой странѣ, они будутъ въ состояніи развести тамъ, безъ особеннаго труда и хлопотъ, все для себя необходимое".

Изъ четвероногихъ животныхъ въ Новой Зеландіи имѣлись только крысы и собаки. Эти послѣднія употреблялись туземцами въ пищу. Но если фауна новозеландскихъ острововъ была чрезвычайно бѣдна,—флора ихъ оказывалась сравнительно очень богатой. Особенное впечатлѣніе произвелъ на англичанъ новозеландскій ленъ, о которомъ въ путевомъ журналѣ Кука говорится:

„Вмѣсто льна и пеньки туземцы употребляютъ растеніе, значительно превосходящее тѣ, которыя служатъ для подобныхъ же цѣлей въ другихъ странахъ... Одежда новозеландцевъ въ большинствѣ случаевъ изготовляется безъ особенной предварительной

обработки изъ листьевъ этого растенія. Изъ него же выдѣлываютъ они свои лесы для удочекъ, канаты и веревки, которыя гораздо крѣпче и прочнѣе самыхъ лучшихъ пеньковыхъ. То же растеніе, при соотвѣтственной обработкѣ, даетъ длинныя, тонкія волокна, бѣлыя какъ снѣгъ и блестящія, словно шелкъ. Лучшія туземныя ткани изготовляются изъ этихъ волоконъ, отличающихся необычайной прочностью. Громадныя рыболовныя сѣти туземцевъ состоятъ тоже изъ листьевъ новозеландскаго льна. Листья эти разрѣзаютъ на полоски надлежащей ширины и затѣмъ связываютъ эти полоски вмѣстѣ".

Послѣ восторженнаго описанія Кука и не менѣе восторженнаго отзыва, даннаго нѣсколько лѣтъ спустя французскимъ путешественникомъ, Ла-Биллардьеромъ, объ этомъ растеніи, извѣстномъ теперь въ ботаникѣ подъ названіемъ „phormium tenax",—немудрено, что о немъ составилось въ первое время нѣсколько преувеличенное понятіе.

Дѣйствительно, блестящія ожиданія, возлагавшіяся на новозеландскій ленъ, вообще говоря, не оправдались. По изслѣдованіямъ химика Дюшартра оказалось, что продолжительное дѣйствіе теплоты и сырости чрезвычайно быстро разрушаетъ волокна этого растенія. Послѣ одной или двухъ стирокъ ткани, изготовленныя изъ новозеландскаго льна, обращаются въ охлопья. Тѣмъ не менѣе ленъ этотъ служитъ теперь предметомъ значительной вывозной торговли. М. А. Кеннеди въ своемъ интересномъ сочиненіи о Новой Зеландіи разсказываетъ, что еще въ 1865 году оттуда было вывезено всего лишь 15 кипъ льна, а въ 1869 вывозъ этотъ простирался уже до 12,162 кипъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1870 году онъ возросъ до 32,820 кипъ, цѣнностью въ 132,578 фунтовъ стерлинговъ.

Новозеландцы—высокаго роста, хорошо сложены, обладаютъ значительной силой, проворствомъ и чрезвычайной ловкостью. Женщины не отличаются, подобно тому какъ въ другихъ странахъ, отъ мужчинъ болѣе нѣжнымъ и граціознымъ тѣлосложеніемъ. Онѣ одѣваются такъ же какъ и мужчины, а потому ихъ можно узнать лишь по тембру голоса и болѣе подвижной физіономіи. Взаимныя отношенія между единоплеменниками имѣютъ самый дружественный характеръ, но врагамъ своимъ новозеландцы не даютъ пощады. Трупы убитыхъ враговъ пожираются на отвратительныхъ пиршествахъ, которыя до извѣстной степени

Новозеландское семейство (Fac-simile съ древней гравюры).

объясняетъ, но все-же не можетъ извинить недостатокъ въ животной пищѣ.

Кукъ замѣчаетъ по поводу воинственнаго характера новозеландцевъ: „Должно удивляться столь частымъ войнамъ въ странѣ, гдѣ побѣда доставляетъ такъ мало выгодъ“.

Англійскому мореплавателю было неизвѣстно, что войны эти

во многихъ случаяхъ обусловливались именно потребностью добыть себѣ мясную пищу. Ему также было неизвѣстно, что населеніе Новой Зеландіи распадалось на двѣ разноплеменныя расы, враждовавшія одна съ другою.

Въ древнихъ туземныхъ преданіяхъ разсказывается, что, назадъ тому приблизительно 1300 лѣтъ, маори прибыли въ Новую Зеландію съ Сандвичевыхъ островов. Принимая во вниманіе, что эта замѣчательная полинезійская раса заселила всѣ группы островов въ значительной части Тихаго океана, должно признать это преданіе весьма достовѣрнымъ. Маори считаютъ себя выходцами съ острова Гауаики (вѣроятно Гаваи въ Сандвичевомъ архипелагѣ или Сауаи—въ архипелагѣ Мореплавателей). Прибывъ въ Новую Зеландію, они частью уничтожили, частью же вытѣснили прежнихъ коренныхъ ея обитателей.

Дѣйствительно, первые европейскіе колонисты замѣтили среди туземнаго населенія Новой Зеландіи два совершенно различныхъ типа. Одинъ, болѣе преобладающій типъ напоминалъ какъ двѣ капли воды жителей Гаваи, Маркизскихъ островов и островов Дружбы, тогда какъ другой представлялъ замѣчательное сходство съ меланезійской расой. Данныя эти, собранныя Фрейсине и подтвержденныя потомъ Гохштеттеромъ, вполнѣ согласуются съ приведеннымъ у Кука любопытнымъ фактомъ: Тупіа, уроженецъ острова Таити, прекрасно понималъ языкъ новозеландцевъ и могъ совершенно свободно съ ними объясняться.

Благодаря успѣхамъ языковѣдѣнія и антропологіи, переселенія полинезійской расы прослѣжены теперь уже научнымъ образомъ, но они были еще только гипотезой во времена Кука, который былъ однимъ изъ первыхъ путешественниковъ, начавшихъ собирать туземныя легенды объ этихъ переселеніяхъ.

„У каждаго изъ этихъ народцевъ, говоритъ Кукъ, есть преданіе о томъ, будто его предки прибыли моремъ изъ отдаленной страны. Замѣчательно, что во всѣхъ преданіяхъ страна эта называется приблизительно одинаково, а именно Гайваисъ“.

Въ эпоху переселенія маори на Новую Зеландію тамъ не было другихъ четвероногихъ животныхъ кромѣ собаки, да и та, вѣроятно, была привезена самими маори. Пищей новозеландцамъ могли служить только растительные продукты и отчасти также неизвѣстныя англичанамъ громадныя птицы, которыя вскорѣ, впрочемъ, были совершенно истреблены. Къ счастью, у береговъ

ловилось много рыбы, такъ что населенію не угрожала опасность погибнуть голодною смертью.

Воинственные новозеландцы смотрѣли на каждаго чужеземца какъ на врага и притомъ врага, годнаго въ пищу. Неудивительно, что они зачастую нападали на англичанъ, безъ всякаго повода со стороны этихъ послѣднихъ. Зато, убѣдившись въ своемъ безсиліи и въ могуществѣ своихъ противниковъ и увѣрившись, что англичане избѣгаютъ, по возможности, употреблять противъ нихъ грозное свое огнестрѣльное оружіе, съ смертоноснымъ дѣйствіемъ котораго туземцы имѣли случай ознакомиться,— они стали дружественно относиться къ европейскимъ мореплавателямъ и поступали съ ними очень добросовѣстно.

Жители всѣхъ остальныхъ острововъ Тихаго океана, посѣщенныхъ до тѣхъ поръ Кукомъ, не имѣли никакого понятія о приличіи и скромности. Новозеландцы составляли въ данномъ случаѣ блестящее исключеніе. Кукъ приводитъ въ подтвержденіе этого нѣсколько весьма любопытныхъ фактовъ. Они не отличаются такою чрезвычайной чистоплотностью, какъ жители Таити (гдѣ климатъ гораздо теплѣе), и не купаются такъ часто, но, тѣмъ не менѣе, соблюдаютъ достаточную опрятность и заботятся о своей наружности. Они мажутъ себѣ волосы растительными маслами и рыбьимъ или птичьимъ жиромъ. Эти масла и жиры скоро портятся и становятся очень зловонными, вслѣдствіе чего отъ новозеландцевъ пахнетъ почти такъ же противно, какъ и отъ готтентотовъ. Татуировка у нихъ въ модѣ. Многіе рисунки воспроизводятся на кожѣ съ замѣчательнымъ искусствомъ, свидѣтельствующимъ какъ о художественности выполненія, такъ и объ артистическомъ вкусѣ, несравненно болѣе развитомъ, чѣмъ можно было ожидать у такихъ дикарей.

Къ величайшему своему удивленію, англичане замѣтили, что въ Новой Зеландіи женщины менѣе мужчинъ заботятся о своемъ туалетѣ. Онѣ ничѣмъ не украшаютъ себѣ голову, коротко обстригаютъ волосы и носятъ такой же костюмъ, какъ мужчины. Единственное дозволенное имъ кокетство заключается въ томъ, что онѣ протыкаютъ себѣ въ уши, вмѣсто серегъ, самые разнообразные предметы, лоскутья тканей, перья, рыбьи кости, куски дерева и т. п., къ которымъ подвѣшиваютъ на шнуркахъ куски зеленаго жировика, зубы и ногти покойныхъ родственниковъ и всевозможныя другія драгоцѣнности.

Эта страсть украшать свои уши существуетъ также и у таитянокъ. Въ путевомъ журналѣ Кука разсказывается между прочимъ, что одна таитянка прельстилась большимъ желѣзнымъ замкомъ и во что бы ни стало хотѣла привѣсить его себѣ вмѣсто серьги. Ей дѣйствительно продѣли въ ухо этотъ замокъ, затѣмъ заперли его на ключъ и бросили при ней ключъ въ море. По прошествіи нѣкотораго времени она опять явилась на корабль и просила избавить ее отъ замка. Быть можетъ, она находила его слишкомъ тяжелымъ или хотѣла замѣнить другимъ украшеніемъ. Во всякомъ случаѣ просьба ея на этотъ разъ осталась невыполненной. Таитянкѣ объяснили, что ей не слѣдовало такъ настоятельно требовать себѣ подобную серьгу и что замокъ безъ ключа отворить нельзя. Такимъ образомъ ей пришлось остаться съ большимъ замкомъ въ ухѣ.

Что касается одежды новозеландцевъ, то она обыкновенно состоитъ изъ двухъ кусковъ ткани. Первый изъ нихъ, представляющій нѣчто среднее между тканью и цыновкой, набрасывается на плечи и спускается до колѣнъ. Второй кусокъ ткани обертывается вокругъ таліи и ниспадаетъ до земли. Его носятъ, впрочемъ, не во всѣхъ случаяхъ и ограничиваются зачастую однимъ лишь верхнимъ плащомъ. Когда новозеландецъ въ этомъ плащѣ присѣдаетъ на корточки, онъ издали отчасти напоминаетъ хижину съ соломенной крышей. Плащи эти у нѣкоторыхъ щеголей украшались съ большимъ вкусомъ бахромой разныхъ цвѣтовъ, а въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ—также и выпушкой изъ собачьяго мѣха.

Туземцы выказывали особенно большое искусство при сооруженіи своихъ байдаръ. На ихъ военныхъ байдарахъ могло помѣщаться отъ 40 до 50 воиновъ въ полномъ вооруженіи. Одна изъ нихъ, измѣренная англичанами во время стоянки въ Улагской бухтѣ, имѣла до шестидесяти восьми футовъ въ длину. Байдары эти были роскошно изукрашены ажурной рѣзьбой съ отдѣлкой въ родѣ бахромы изъ черныхъ перьевъ. Байдары меньшей величины устраиваются обыкновенно съ коромысломъ. Иногда также двѣ байдары соединяются вмѣстѣ въ одну двойную. Носъ и корма рыбачьихъ лодокъ у новозеландцевъ украшались обыкновенно изваянной изъ дерева человѣческой головой, съ отвратительнымъ лицомъ, искаженнымъ страшной гримасой, высунутымъ языкомъ и глазами изъ двухъ бѣлыхъ рако-

Татуированная голова новозеландца (Fac-simile съ древней гравюры).

винъ. Зачастую двѣ рыбачьи лодки соединялись въ одной двойной и лишь самыя маленькія снабжались для большей устойчивости коромысломъ.

„Весьма вѣроятно, что единственной причиной болѣзней, говоритъ Кукъ, являются невоздержность и недостатокъ моціона. Неудивительно поэтому, что новозеландцы постоянно наслаж-

даются наилучшимъ здоровьемъ. Каждый разъ, когда мы заходили въ ихъ селенія, вокругъ насъ собирались старые и малые, мужчины и женщины, побуждаемые тѣмъ-же любопытствомъ, которое заставляло и насъ смотрѣть на нихъ. Намъ ни разу не случалось видѣть между туземцами ни одного, который страдалъ бы какою-либо болѣзнью. Многихъ мы видѣли совершенно голыми, но ни у кого изъ нихъ не замѣтили на кожѣ какой-либо сыпи, а также слѣдовъ прыщей или чирьевъ".

II.

Изслѣдованіе восточнаго прибрежья Новой Голландіи.—Замѣтки объ ея жителяхъ и естественныхъ произведеніяхъ.—«Endeavour» на подводной скалѣ.—Опасное плаваніе.—Торресовъ проливъ.—Обитатели Новой Гвинеи.—Возвращеніе въ Англію.

Потерявъ 31-го марта 1770 года изъ виду мысъ Фаруэль и Новую Зеландію, „Endeavour" направился къ западу. 19-го апрѣля усмотрѣна была подъ 37° 58′ южной широты и 210° 39′ западной долготы земля, простиравшаяся отъ сѣверо-востока къ западу. Соображаясь съ картой Тасмана, Кукъ призналъ въ ней землю, которую голландскій мореплаватель назвалъ Ванъ-Дименовой Землей. Кукъ не могъ при этомъ провѣрить—примыкало ли лежавшее предъ нимъ прибрежье къ Тасманіи, или составляло отдѣльный островъ. Идя вдоль берега къ сѣверу, онъ далъ наименованія всѣмъ выдающимся пунктамъ прибрежья. Такъ были нанесены на карту: мысъ Гикса Баранья голова, мысъ Гоу, гора Дромадера, Прямая коса, Голубятня и т. п.

Эта часть Австраліи очень гориста и покрыта отдѣльно стоящими деревьями. Дымки, подымавшіеся мѣстами, свидѣтельствовали, что прибрежная полоса обитаема. Туземное населеніе было, впрочемъ, весьма малочисленно и всегда обращалось въ бѣгство, какъ только замѣчало, что англичане хотятъ высадиться на берегъ.

Туземцы, которыхъ удалось видѣть, были вооружены длинными копьями и коротенькими деревянными палицами, изогнутыми наподобіе турецкаго ятагана. Такая палица, называемая у австралійцевъ бумерангомъ, является грознымъ метательнымъ оружіемъ, оставаясь совершенно безобидной въ рукахъ европейца, не умѣющаго съ ней обращаться.

Новозеландскія военныя пироги (Fac-simile съ древней гравюры).

Сколько можно судить, дикари эти натирали себѣ лицо какимъ-то бѣлымъ порошкомъ и расписывали себѣ тѣло широкими полосами бѣлаго же цвѣта. Полосы эти, скрещиваясь на груди, напоминали перевязь у солдата въ полной аммуниціи. На икрахъ и бедрахъ были тоже бѣлыя полоски, которыя можно было бы издали принять за подвязки, если-бъ эти дикари не ходили совершенно нагими.

Пройдя нѣсколько далѣе, англичане сдѣлали опять попытку высадиться на берегъ, гдѣ они замѣтили двухъ туземцевъ. Желая завязать дружественныя отношенія съ этими дикарями, англичане стали бросать имъ гвозди, стеклянныя бусы и разныя другія бездѣлушки. Австралійцы выказывали, однако, такое враждебн е настроеніе, что, для острастки, пришлось выстрѣлить изъ ружья надъ ихъ головами. На мгновенье они словно оцѣпенѣли отъ изумленія, но затѣмъ, видя себя цѣлыми и невредимыми, возобновили опять враждебныя дѣйствія и стали бросать въ англичанъ копьями и каменьями. Боцманъ, командовавшій лодкой, выстрѣлилъ тогда дробью въ ноги старшему изъ дикарей. Бѣдняга бросился бѣжать къ своей хижинѣ и тотчасъ же вернулся назадъ со щитомъ, чтобъ возобновить бой, прекратившійся, однако, какъ только дикари убѣдились въ своей безпомощности. Пользуясь этимъ, англичане пристали къ берегу и осмотрѣли туземныя хижины, въ которыхъ нашли множество дротиковъ. Въ той-же бухтѣ высажена была на берегъ команда матросовъ съ бочками, чтобъ запастись прѣсной водой. При этомъ опять-таки не удалось завязать сношенія съ туземцами, поспѣшно обращавшимися въ бѣгство, какъ только къ нимъ приближались англичане.

Во время одной изъ прогулокъ внутрь страны Кукъ, Банксъ и Соландеръ видѣли слѣды нѣсколькихъ животныхъ. Что касается птицъ, то онѣ были очень многочисленны и отличались весьма красивымъ опереніемъ. Разнообразіе и многочисленность растеній, найденныхъ въ этомъ мѣстѣ естествоиспытателями, побудили Кука назвать бухту Ботанибеемъ (т. е. Ботанической бухтой). Эта обширная, удобная и безопасная бухта лежитъ подъ 34° южной широты и 208° 37′ западной долготы. Суда могли удобно запасаться тамъ прѣсной водой и дровами.

„Деревья,—говоритъ Кукъ,—достигаютъ здѣсь, по меньшей мѣрѣ, размѣровъ нашихъ англійскихъ дубовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ даже большое наружное сходство съ дубами. Этотъ видъ деревьевъ испускаетъ изъ себя красную камедь въ родѣ драконовой крови“.

Кукъ, вѣроятно, описываетъ, какой-либо видъ эвкалипта. Что касается рыбъ, ловившихся въ изобиліи близъ берега, то изъ нихъ особенно замѣчателенъ по величинѣ особый видъ ската. Одна изъ этихъ рыбъ, выпотрошенная, вѣсила еще цѣлыхъ триста тридцать шесть фунтовъ.

6-го мая Кукъ вышелъ изъ Ботанибея и продолжалъ идти къ сѣверу вдоль берега, держась отъ него въ разстояніи двухъ или трехъ миль. Это прибрежное плаваніе было довольно однообразно. Оно оживлялось единственно лишь внезапными непредвидѣнными измѣненіями глубины и грядами подводныхъ утесовъ, столкновенія съ которыми надо было тщательно избѣгать.

Сойдя еще разъ на берегъ, Кукъ и ученые его спутники нашли окрестную страну во всѣхъ отношеніяхъ худшей, чѣмъ въ сосѣдствѣ Ботанибея. Почва была сухая и песчанистая, а склоны холмовъ были покрыты рѣдкимъ лѣсомъ изъ отдѣльно стоящихъ высокихъ деревьевъ, подъ которыми не было ни кустарника, ни мелкихъ порослей. Матросы убили тамъ дрофу, которая была признана самой вкусной дичью, какую только удавалось отвѣдать за все время путешествія. Бухта, близъ которой убили дрофу, получила наименованіе „Bustard-Bay" (бухта Дрофы). Тамъ найдено было также много устричныхъ раковинъ различныхъ породъ, въ числѣ которыхъ оказались и мелкія жемчужныя раковины.

25-го мая „Endeavour" находился въ одной милѣ отъ берега, возлѣ мыса, лежавшаго какъ-разъ подъ тропикомъ Козерога. На другой день замѣчено было, что разница уровней прилива и отлива простирается до 7 футовъ. Въ приливъ теченіе направлялось къ западу, а въ отливъ—къ востоку, совершенно противоположно тому, какъ это было замѣчено въ бухтѣ Дрофы. Близъ берега находилось много островов, фарватеръ былъ узокъ и очень не глубокъ.

29-го мая Кукъ, желая пріискать удобное мѣсто для осмотра киля и обшивки своего корабля, съѣхалъ, въ сопровожденіи Банкса и Соландера, на берегъ большого залива. Все прибрежье оказалось покрытымъ густою колючей травой (вѣроятно, какой-нибудь разновидностью „spinifex"). Колючія ея сѣмена вцѣплялись въ одежду и, пронизывая ее словно иголки, причиняли путникамъ нестерпимую боль. Вмѣстѣ съ тѣмъ на англичанъ напали цѣлыя тучи кровожадныхъ комаровъ и москитовъ. Якорная стоянка, удобная для того, чтобъ положить судно на-бокъ, была вскорѣ отыскана, но англичанамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія, не удалось нигдѣ по-сосѣдству найти мѣста, гдѣ бы можно было запастись прѣсной водой. На этомъ пустынномъ прибрежьѣ встрѣчались кое-гдѣ деревья, доставляющія камедь. На этихъ деревьяхъ помѣщались громадныя гнѣзда бѣлыхъ муравьевъ.

которые питались молодыми почками и камедью. Особенное вниманіе обратило на себя также обиліе бабочекъ самыхъ блестящихъ цвѣтовъ.

Эти интересные съ научной точки зрѣнія факты не могли, однако, помочь горю; надо было во чтобы то ни стало достать прѣсной воды, а между тѣмъ нигдѣ по-сосѣдству прѣсной воды не было. Куку пришлось такимъ образомъ ознакомиться на опытѣ съ невыгодными сторонами австралійскаго материка, заключающимися въ недостаткѣ источниковъ и рѣкъ.

Вторая экскурсія, произведенная вечеромъ въ тотъ-же день, была также малоуспѣшна. Кукъ имѣлъ, однако, случай убѣдиться, что заливъ глубоко вдавался въ материкъ, и рѣшился на другой день осмотрѣть все прибрежье этого залива. Оказалось, что далѣе вглубь ширина залива значительно увеличивалась, такъ что онъ представлялъ собою въ дѣйствительности большое озеро, находившееся съ сѣверо-запада въ сообщеніи съ моремъ. Другимъ рукавомъ озеро тянулось далеко на востокъ; Кукъ полагалъ, что и этотъ рукавъ имѣетъ, быть можетъ, особое сообщеніе съ моремъ.

Англійскій мореплаватель назвалъ эту часть Южной Австраліи Новымъ Южнымъ Валлисомъ. Безплодная, песчанистая и безводная, она не представляла никакихъ удобствъ для того, чтобъ завести въ ней колонію. Разумѣется, такой поверхностный, по преимуществу гидрографическій, обзоръ не могъ выяснить англичанамъ, что въ минералогическомъ отношеніи это была одна изъ богатѣйшихъ странъ на всемъ земномъ шарѣ.

Съ 31-го мая по 10-е іюня „Endeavour“ шелъ прежнимъ чередомъ вдоль восточнаго берега Австраліи. Пройдя такимъ образомъ безъ всякихъ приключеній цѣлыхъ 22°, т. е. тысячу триста миль, вдоль этого неизвѣстнаго берега, среди отмелей и подводныхъ скалъ, корабль Кука вдругъ попалъ въ такое положеніе, опаснѣй котораго трудно себѣ что-либо представить.

Находясь на 16° южной широты и 214° 39′ западной долготы, Кукъ увидѣлъ передъ собою два низменныхъ островка, покрытыхъ лѣсомъ. Дѣло было уже къ вечеру, а потому онъ распорядился, чтобъ ночь „Endeavour“ держался нѣсколько далѣе отъ австралійскаго берега, разсчитывая встрѣтить острова, открытые подъ этою широтою Квиросомъ (нѣкоторые географы, совершенно несправедливо сомнѣваясь въ существованіи этихъ острововъ,

присоединяли ихъ къ Австралійскому материку). Начиная съ 9-ти часовъ вечера, лотъ, который бросали черезъ каждые четверть часа, показывалъ все меньшую и меньшую глубину. Весь экипажъ корабля былъ на палубѣ въ готовности тотчасъ же бросить якорь, какъ только въ этомъ представится необходимость. Между тѣмъ глубина постепенно стала увеличиваться. Всѣ полагали, что корабль счастливо прошелъ надъ оконечностью песчаной отмели, которая была усмотрѣна при захожденіи солнца, и радовались, что избѣгли опасности. Такъ какъ глубина продолжала увеличиваться, то Кукъ и офицеры, не находившіеся на вахтѣ, вернулись въ свои каюты.

Въ одиннадцать часовъ вечера, 10-го іюня, лотъ, показывавшій сто двадцать футовъ глубины, далъ вслѣдъ затѣмъ всего лишь сто семь футовъ. Прежде чѣмъ успѣли бросить его еще разъ, „Endeavour“ коснулся уже подводнаго утеса, засѣлъ на немъ и подъ ударами волнъ началъ биться заднею частью киля о скалу.

Положеніе было чрезвычайно серьезное. Перенесенный волною за окраину коралловаго утеса, „Endeavour“ сидѣлъ носовою частью во впадинѣ скалы. При лунномъ свѣтѣ можно было уже различить плававшіе возлѣ судна обломки фальшъ-киля и обшивки.

Къ несчастью, корабль сѣлъ на утесъ во время прилива. Нельзя было поэтому разсчитывать, что самъ приливъ въ состояніи будетъ его поднять. Не теряя времени, Кукъ приказалъ выбросить за бортъ шесть пушекъ, всѣ лишніе боченки, бочки, желѣзный балластъ и вообще сдѣлалъ все, чтобы облегчить корабль, продолжавшій биться о скалу. Шлюпка была спущена на воду и верпъ заброшенъ по правую сторону судна. Хотѣли закинуть съ той-же стороны и дагликсъ, когда замѣтили, что болѣе значительная глубина находится позади кормовой части. Матросы усердно работали воротомъ, но всѣ попытки стянуться со скалы оставались тщетными.

Къ утру окончательно выяснился весь ужасъ положенія. Корабль находился въ восьми миляхъ отъ земли. На всемъ этомъ протяженіи не было ни единаго островка, на которомъ экипажъ могъ бы укрыться, если-бъ судно окончательно разбилось, какъ этого надо было, повидимому, ожидать. Хотя грузъ „Endeavour'а“ былъ уменьшенъ на цѣлыхъ пятьдесятъ тоннъ, корабль, несмотря на приливъ, касался кормовою частью скалы. Къ счастью, вѣтеръ утихъ, въ противномъ случаѣ судно неминуемо

разбило бы въ щепы. Въ немъ уже и такъ обнаружилась сильная течь; вода въ трюмѣ быстро прибывала, несмотря на то, что двѣ помпы работали безостановочно. Пришлось установить еще третью помпу.

Экипажу „Endeavour"'а предстояла страшная дилемма: если удастся снять корабль со скалы, то никто не могъ поручиться, что онъ не пойдетъ тотчасъ же ко дну, съ другой стороны, оставаясь на скалѣ, корабль долженъ бы неминуемо разбиться. Между тѣмъ имѣвшіяся въ наличности лодки были недостаточны для помѣщенія въ нихъ всего экипажа.

Можно было опасаться при такихъ обстоятельствахъ нарушенія дисциплины; изъ-за мѣстъ въ шлюпкахъ могла завязаться братоубійственная борьба, послѣ чего, разумѣется, нельзя было бы и думать о спасеніи судна. Если-бъ даже нѣсколькимъ матросамъ и удалось достигнуть негостепріимнаго австралійскаго берега, какая судьба предстояла имъ тамъ? Они развѣ лишь съ величайшимъ трудомъ могли бы добывать себѣ продовольствіе охотою и рыбною ловлей. А что же станется съ тѣми, которымъ пришлось бы остаться на кораблѣ? Эти ужасающія соображенія приходили, разумѣется, всѣмъ въ голову. Къ счастью, сознаніе долга среди отборныхъ людей, изъ которыхъ состоялъ экипажъ „Endeavour"'а, было такъ велико, что даже и при такихъ критическихъ обстоятельствахъ на кораблѣ сохранился строжайшій порядокъ, свидѣтельствовавшій несомнѣнно и о томъ, въ какой степени Кукъ сумѣлъ снискать уваженіе и любовь своихъ подчиненныхъ.

Онъ дѣйствительно распоряжался съ примѣрнымъ благоразуміемъ и хладнокровіемъ, приберегая силу людей, работавшихъ у помпъ, къ той минутѣ, когда должна была рѣшиться общая участь. Въ моментъ, когда приливъ достигъ высшаго своего уровня, весь экипажъ корабля поставленъ былъ къ шпилю. Общими силами удалось стащить судно съ утеса, и оказалось, что вода прибываетъ въ трюмѣ нисколько не быстрѣе, какъ въ то время, когда корабль сидѣлъ на подводной скалѣ.

Матросы, ожидавшіе въ теченіе цѣлыхъ сутокъ съ минуты на минуту крушенія судна, окончательно выбились изъ силъ. Тѣхъ, которые выкачивали воду изъ трюма, приходилось смѣнять каждыя пять минутъ, такъ какъ они положительно не въ состояніи были долѣе работать и даже отъ утомленія не могли держаться на ногахъ.

Въ это время, къ довершенію отчаянія, получено было весьма неблагопріятное извѣстіе. Матросъ, измѣрявшій глубину воды въ трюмѣ, сообщилъ, что за нѣсколько послѣднихъ секундъ она прибыла на цѣлыхъ восемнадцать вершковъ. Къ счастью, вскорѣ убѣдились, что матросъ ошибся. Экипажъ этому такъ обрадовался, какъ будто миновала уже всякая опасность.

Корабельному хирургу Монкгаузу пришла тогда въ голову счастливая мысль подвести подъ дно судна парусъ, внутренняя сторона котораго была подбита паклей, шерстью и навозомъ, скопившимся отъ животныхъ, которыя находились на кораблѣ. Течь послѣ этого значительно уменьшилась. Экипажъ, помышлявшій сперва уже о томъ, какъ-бы довести „Endeavour" до берега и построить изъ его обломковъ небольшое судно, на которомъ можно было бы достигнуть какой-нибудь европейской колоніи въ Остъ-Индіи, совершенно успокоился и понялъ, что корабль можно будетъ еще починить, пріискавъ для этого удобное мѣсто.

Такое мѣсто было найдено 17-го іюня въ небольшой бухтѣ при устьѣ рѣчки, которую Кукъ назвалъ рѣкою „Endeavour"'а. Корабль былъ тотчасъ-же положенъ на-бокъ, и плотники усердно приступили къ исправленію поврежденій. Больныхъ немедленно свезли на берегъ. Офицеры и ученые неоднократно ходили на охоту, чтобы добыть для цынготныхъ сколько-нибудь свѣжаго мяса. Тупіа увидѣлъ какое-то неизвѣстное ему животное, которое Банксъ, по его разсказамъ, принялъ было сперва за волка. Нѣсколько дней спустя охотникамъ удалось подкрасться къ нѣсколькимъ такимъ животнымъ. Оказалось, что это большія сумчатки, встрѣчающіяся въ одной только Австраліи. Онѣ назывались у туземцевъ кэнгуру и были до того времени совершенно неизвѣстны европейцамъ. Заднія ноги у кэнгуру значительно длиннѣе переднихъ, а потому животное это движется больше прыжками.

Туземцы близъ устья рѣки „Endeavour'а" оказались сравнительно довольно общительными. Они не только не убѣжали отъ англичанъ, но даже соблаговолили провести нѣсколько дней въ ихъ обществѣ. Эти австралійцы описываются въ путевомъ журналѣ Кука слѣдующимъ образомъ:

„Они были средняго роста, но съ замѣчательно маленькими руками и ногами. Кожа ихъ цвѣтомъ походила на сажу съ

темно-шоколаднымъ отливомъ. Волосы у нихъ были черные—у нѣкоторыхъ гладкіе, у другихъ курчавые—и не представляли ничего общаго съ волосами негровъ. Австралійцы обыкновенно обстригаютъ волосы очень коротко... Многія части ихъ тѣла расписаны красною краской. У одного изъ туземцевъ верхняя губа и грудь были украшены бѣлыми полосками, которыя онъ называлъ „карбанда". Черты лица у нихъ далеко не представляютъ чего-нибудь непріятнаго. Глаза у австралійцевъ очень живые, зубы бѣлые и ровные, голосъ нѣжный и мелодичный".

Многіе изъ туземцевъ носили странныя украшенія, которыя Куку доводилось передъ тѣмъ видѣть только въ Новой Зеландіи. Они протыкали себѣ хрящъ, соединяющій ноздри, и продѣвали въ это отверстіе птичью косточку толщиною въ палецъ.

Дружественныя отношенія, установившіяся между англичанами и туземцами, оказались, однако, недостаточно прочными: они длились всего лишь нѣсколько дней и кончились ссорою изъ-за черепахъ, пойманныхъ англійскими матросами. Австралійцы, не принимавшіе никакого участія въ ловлѣ черепахъ, требовали, однако, себѣ, въ качествѣ хозяевъ, нѣкоторую часть добычи. Видя, что англичане не желаютъ исполнить этого требованія, австралійцы удалились отъ нихъ въ чрезвычайномъ раздраженіи и, чтобъ отмстить за обиду, зажгли траву вокругъ англійскаго лагеря. Все, что могло сгорѣть, сдѣлалось жертвою пламени. Матросамъ съ трудомъ лишь удалось отстоять мѣсто, гдѣ сушились паруса, рыболовныя сѣти и бѣлье. Огонь распространился до сосѣдняго лѣса, находившагося приблизительно въ разстояніи англійской мили отъ лагеря. Пожаръ этотъ могъ бы имѣть еще болѣе прискорбныя послѣдствія, если-бъ онъ случился двумя днями ранѣе, когда въ лагерѣ хранился еще порохъ, выгруженный изъ крюйтъ-камеры „Endeavour"'а. Во всякомъ случаѣ обстоятельство это послужило для Кука урокомъ: на будущее время онъ, разбивая лагерь, приказывалъ всегда очистить окрестную мѣстность отъ травы.

Въ продолженіе этой стоянки Банксъ, Соландеръ и многіе офицеры охотились очень счастливо; они убили нѣсколько волковъ, кэнгуру, опоссумовъ, хорьковъ и различныхъ змѣй, изъ которыхъ многія оказались ядовитыми. Охотники видѣли также большое количество ястребовъ, соколовъ, иволгъ, какаду, попу-

гаевъ, голубей и другихъ птицъ, многія изъ которыхъ принадлежали къ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ видамъ.

По выходѣ изъ устья рѣки „Endeavour“’а Куку предстояло бороться съ бо̀льшими, чѣмъ когда либо, трудностями; кораблю его всюду угрожали отмели и подводныя скалы. Вечеромъ пришлось бросить якорь, такъ какъ идти ночью черезъ этотъ лабиринтъ подводныхъ камней было до чрезвычайности рискованно. Вдали на горизонтѣ виднѣлась линія наиболѣе сильнаго прибоя. Тамъ находилась, повидимому, крайняя гряда подводныхъ утесовъ.

Добравшись до нея, послѣ пятидневной борьбы съ противными вѣтрами, Кукъ открылъ въ трехъ или четырехъ миляхъ къ сѣверу оттуда три острова. Испытанія его, однако, далеко еще не кончились,—„Endeavour“ снова попалъ въ лабиринтъ подводныхъ скалъ и низменныхъ островковъ, между которыми казалось почти невозможнымъ пробраться. Кукъ задавалъ уже себѣ вопросъ—не будетъ-ли благоразумнѣе повернуть назадъ и отыскать какой-либо другой, болѣе безопасный путь въ Индійскій океанъ. Обсудивъ, однако, свое положеніе, англійскій мореплаватель нашелъ, что при трехмѣсячномъ запасѣ провіанта, остававшемся еще на его кораблѣ, всякое промедленіе могло бы повлечь за собой для экипажа „Endeavour“’а самыя гибельныя послѣдствія. Между тѣмъ попытка возвращаться назадъ была бы неминуемо сопряжена съ значительною потерею времени.

При такихъ критическихъ условіяхъ Кукъ рѣшился отойти какъ можно далѣе отъ берега и, если возможно, прорваться сквозь гряду подводныхъ утесовъ, которая тянется почти параллельно восточному австралійскому прибрежью. Попытка эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Куку удалось отыскать въ этой грядѣ каналъ, по которому „Endeavour“ не замедлилъ выбраться въ открытое море.

Такая счастливая перемѣна въ общемъ положеніи дѣлъ произвела на весь экипажъ корабля очень сильное впечатлѣніе. „Сердца англичанъ преисполнились радости,—говоритъ Кипписъ.—Въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ жизнь ихъ постоянно висѣла на волоскѣ. Ночью, когда корабль стоялъ на якорѣ, они слышали вокругъ себя бѣшеный прибой волнъ, разбивавшихся объ утесы, и знали, что, если только якорный канатъ лопнетъ, судно ихъ неизбѣжно потерпитъ крушеніе. Они проплыли триста

шестьдесятъ миль, постоянно выбрасывая лотъ и производя тщательные промѣры, чтобъ провести корабль сквозь лабиринтъ отмелей и подводныхъ камней. Это было поистинѣ безпримѣрное плаваніе!"

Если англичане имѣли полное основаніе радоваться своему избавленію отъ неминуемой опасности, у нихъ было также не мало поводовъ и къ тревожнымъ опасеніямъ. Дѣйствительно, если-бъ не выкачивали воду изъ трюма „Endeavour"'a, то она прибывала бы тамъ каждый часъ на девять вершковъ. Корабельныя помпы были въ плохомъ состояніи; запасъ провіанта приходилъ къ концу, а между тѣмъ кораблю предстояло еще долгое плаваніе.

16-го августа „Endeavour" попалъ опять въ чрезвычайно опасное положеніе. Приливъ увлекалъ его къ грядѣ подводныхъ скалъ. Гребни волнъ, разбивавшихся съ-разбѣгу объ эту гряду, высоко взлетали вверхъ бѣлою пѣной и брызгами. Значительная глубина моря не дозволяла бросить якорь и, въ то же время, отсутствіе вѣтра мѣшало воспользоваться парусами. Оставалось только спустить шлюпки на воду и тащить корабль на буксирѣ. Теченіе оказалось, однако, настолько сильно, что всѣ усилія гребцовъ оставались тщетными. „Endeavour" былъ уже всего лишь въ ста шагахъ отъ рифа, когда поднялся легонькій вѣтерокъ, настолько ничтожный, что при другихъ обстоятельствахъ на него не обратили бы вниманія; на этотъ разъ, однако, имъ поспѣшили воспользоваться, чтобы отойти отъ гряды утесовъ. Десять минутъ спустя вѣтерокъ этотъ стихъ, и корабль, увлекаемый теченіемъ, очутился опять въ двухстахъ футахъ отъ рифа. Новый порывъ вѣтерка еще разъ спасъ „Endeavour" отъ крушенія. Послѣ нѣсколькихъ такихъ перипетій замѣченъ былъ, наконецъ, въ грядѣ утесовъ узкій каналъ.

„Пускаться въ этотъ каналъ было, разумѣется, опасно,—говоритъ Кукъ въ своемъ путевомъ журналѣ,—но еще опаснѣе было оставаться въ томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ мы тогда находились. Съ помощью легкаго вѣтерка, шлюпокъ и теченія „Endeavour" достигъ до входа въ каналъ и понесся съ ужасающею быстротою. Сила теченія препятствовала кораблю уклоняться въ сторону и только благодаря этому онъ въ состояніи былъ счастливо пройти сквозь этотъ узкій каналъ, глубина котораго имѣла въ различныхъ мѣстахъ отъ 200 и до 42 футовъ".

Это были кэнгуру.

Мы вдавались въ нѣкоторыя подробности относительно этого плаванія, потому что оно происходило въ неизвѣданныхъ дотолѣ моряхъ, среди отмелей, подводныхъ скалъ и морскихъ теченій, которыя, даже будучи нанесены на карту, считаются еще очень опасными для мореходцевъ. Между тѣмъ Куку приходилось идти вдоль береговъ Новой Голландіи совершенно ощупью, рискуя ежеминутно встрѣтить такія препятствія, противъ которыхъ

могли оказаться безсильными все его искусство и смѣтливость.

Надо было еще разрѣшить вопросъ о томъ, составляютъ ли Новая Гвинея и Новая Зеландія одну землю или же онѣ отдѣляются другъ отъ друга морскимъ рукавомъ или проливомъ?

Чтобъ разъяснить это, Кукъ, несмотря на опасность прибрежнаго плаванія, снова подошелъ къ австралійскому берегу. 21-го августа онъ обогнулъ самую сѣверную оконечность Новой Голландіи—Іоркскій мысъ и вступилъ въ каналъ, усѣянный множествомъ острововъ, лежавшихъ вблизи отъ берега. Каналъ этотъ произвелъ на Кука впечатлѣніе пролива, который долженъ будетъ провести его въ Индійскій океанъ. Сойдя еще разъ на берегъ Австраліи, Кукъ водрузилъ тамъ англійскій флагъ и, торжественно вступивъ, именемъ короля Георга III, во владѣніе всѣмъ восточнымъ австралійскимъ прибрежьемъ съ 38° и до 10° 30′ южной широты, назвалъ это прибрежье Новымъ Южнымъ Валлисомъ. Весь этотъ церемоніалъ закончился троекратнымъ салютомъ изъ всѣхъ остававшихся на „Endeavour“'ѣ артиллерійскихъ орудій.

Вступивъ въ Торресовъ проливъ, названный имъ проливомъ „Endeavour“'а, Кукъ открылъ тамъ и нанесъ на карту нѣсколько острововъ, а именно острова Валлиса, острова принца Уэльскаго, находящіеся посреди югозападнаго канала, и островъ Буби. Затѣмъ онъ направился къ южному берегу Новой Гвинеи и шелъ вдоль этого берега, но не могъ пристать къ нему до 3-го сентября.

Когда, наконецъ, удалось отыскать удобное мѣсто, Кукъ, Соландеръ и Банксъ, въ сопровожденіи девяти хорошо вооруженныхъ матросовъ, высадились на берегъ. Едва успѣли англичане отойти на нѣсколько сотъ шаговъ отъ шлюпки, какъ трое туземцевъ вышли изъ лѣсу и бросились на нихъ съ громкимъ крикомъ.

„Тотъ изъ нихъ, который подошелъ къ намъ ближе всѣхъ,— говоритъ Кукъ,—бросилъ въ насъ что-то такое, что отлетѣло въ сторону и вспыхнуло словно порохъ; никакого звука при этомъ, однако, не было слышно“.

Чтобы остановить туземцевъ, Кукъ и его товарищи должны были дать по нимъ нѣсколько выстрѣловъ. Вернувшись затѣмъ въ свою шлюпку, англичане имѣли возможность удобно осмо-

трѣть туземцевъ. Новогвинейцы очень походили на австралійцевъ; волосы у нихъ были также коротко обстрижены, они ходили также совершенно нагіе, но цвѣтъ кожи у нихъ былъ немного свѣтлѣе,—быть можетъ, отъ того, что они были не такъ грязны, какъ австралійцы.

„Тѣмъ временемъ туземцы продолжали отъ времени до времени пускать въ нашу сторону свои огоньки. Они пускали ихъ обыкновенно по четыре или по пяти заразъ. Мы не могли объяснить себѣ, что это были за огни и съ какою цѣлью они ихъ бросали въ нашу сторону. Туземцы держали въ рукахъ коротенькія палки, быть можетъ пустыя внутри. Когда встряхивали этими палками, изъ нихъ выходилъ дымъ съ пламенемъ, точно такъ-же какъ изъ ружья, если изъ него выстрѣлить. Это было замѣчено и съ корабля, при чемъ иллюзія оказалась какъ нельзя болѣе полною. Оставшіеся на „Endeavour"'ѣ матросы и офицеры были убѣждены, что туземцы дѣйствовали противъ насъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Мы сами, разумѣется, сдѣлали бы такое-же предположеніе, если-бъ не находились такъ близко отъ берега, что должны были бы непремѣнно слышать ружейные выстрѣлы".

Фактъ этотъ такъ и остался необъясненнымъ, несмотря на множество самыхъ разнообразныхъ комментаріевъ. Можно было бы въ немъ усомниться, если-бъ онъ былъ сообщенъ не Кукомъ, а какимъ-либо другимъ путешественникомъ, менѣе заслуживающимъ довѣрія.

Многіе изъ англійскихъ офицеровъ хотѣли высадиться на берегъ, чтобы набрать кокосовыхъ орѣховъ и разныхъ другихъ фруктовъ, но Кукъ не разрѣшилъ имъ этого, не желая изъ-за такихъ пустяковъ рисковать жизнью своихъ матросовъ. Къ тому-же онъ спѣшилъ прибыть въ Батавію и ввести тамъ корабль въ докъ для починки. Вообще Кукъ считалъ излишнимъ терять даромъ время въ такихъ мѣстностяхъ, которыя давно уже посѣщались испанскими и голландскими судами и гдѣ поэтому не могло быть сдѣлано никакихъ новыхъ открытій.

Мимоходомъ Кукъ нанесъ точнѣе на карту положеніе острововъ Стрѣлы и Хорьковаго. Затѣмъ, дойдя до Тимора, онъ бросилъ якорь у острова Саву, на которомъ голландцы незадолго лишь передъ тѣмъ завели поселеніе. Запасшись тамъ свѣжею провизіей, Кукъ, посредствомъ тщательныхъ астрономи-

ческихъ наблюденій, опредѣлилъ, что этотъ островъ лежитъ подъ 10° 35′ южной широты и 237° 30′ западной долготы.

Послѣ кратковременной стоянки „Endeavour" продолжалъ свой путь и прибылъ въ Батавію, гдѣ его заново починили и проконопатили. Для измученнаго его экипажа пребываніе въ нездоровомъ климатѣ, гдѣ свирѣпствуютъ эндемическія лихорадки и горячки, было чрезвычайно пагубно. Банксъ, Соландеръ, Кукъ и большинство матросовъ опасно заболѣли; многіе, въ томъ числѣ корабельный хирургъ Монкгаузъ, Тупіа и юный Тайето, умерли. Изъ всего экипажа „Endeavour"'а всего лишь десять человѣкъ оставались за время этой стоянки въ добромъ здоровьѣ.

27-го декабря „Endeavour" вышелъ снова въ море и остановился 5-го января 1771 года у Принцева острова, чтобъ запастись свѣжей провизіей.

Въ продолженіе дальнѣйшаго плаванія состояніе здоровья экипажа еще болѣе ухудшилось. На пути къ мысу Доброй Надежды умерло еще двадцать три человѣка, въ томъ числѣ также и астрономъ Гринъ.

Остановившись въ Капштадтѣ, гдѣ его приняли самымъ радушнымъ образомъ, Кукъ на возвратномъ пути зашелъ на островъ св. Елены и наконецъ 11-го іюня 1772 года прибылъ въ Лондонскій портъ послѣ четырехлѣтняго почти отсутствія.

Таково было первое путешествіе Кука, въ которомъ, какъ говоритъ Кипписъ, „онъ подвергался столькимъ опасностямъ, открылъ такъ много невѣдомыхъ странъ и столько разъ доказалъ, что обладаетъ возвышеннымъ духомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ великому предпріятію, которое было выполнено имъ съ такимъ успѣхомъ".

ГЛАВА IV.

Второе путешествіе капитана Кука.

I.

Существуетъ ли Южный материкъ?—Вторичное прибытіе въ Новую Зеландію.—Архипелагъ Помоту.—Вторичное пребываніе на Таити.—Изслѣдованіе острововъ Дружбы.—Кукъ въ третій разъ посѣщаетъ Новую Зеландію.—Вторичное плаваніе въ Южномъ океанѣ.—Островъ «Пасхи».—Посѣщеніе Маркизскихъ острововъ.

Если-бъ само англійское правительство и не было расположено наградить Джемса Кука за блестящее выполненіе возло-

женнаго на него порученія, то оно вынуждено было бы къ этому единогласнымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія. Произведенный 22-го августа въ капитаны втораго ранга, великій мореплаватель, сознавая услуги, оказанныя имъ наукѣ и своему отечеству, счелъ эту награду слишкомъ для себя недостаточною. Онъ хотѣлъ быть произведеннымъ въ капитаны перваго ранга. Лордъ Сандвичъ, бывшій тогда первымъ лордомъ адмиралтейства, замѣтилъ Куку, что столь быстрое производство немыслимо, такъ какъ оно нарушило бы всѣ традиціи англійскаго флота.

Препирательства съ адмиралтействомъ не мѣшали Куку подготовлять къ печати описаніе своего путешествія. Вскорѣ, однако, возложено было на него новое важное порученіе, а потому Кукъ передалъ свои путевые журналы и замѣтки доктору Гаукесуорту, который и взялся привести ихъ окончательно въ порядокъ.

Въ то же время представлены были Британскому Королевскому Обществу наблюденія Кука и Грина надъ прохожденіемъ Венеры, а также астрономическія наблюденія и вычисленія, произведенныя Кукомъ, чтобъ опредѣлять широты и долготы усмотрѣнныхъ и открытыхъ имъ мысовъ, бухтъ, острововъ и т. п. Эти наблюденія и вычисленія были по достоинству оцѣнены Королевскимъ Обществомъ.

Важные результаты, достигнутые капитаномъ Кукомъ, были, однако, недостаточно полными въ томъ смыслѣ, что не доказывали еще вполнѣ неопровержимымъ образомъ отсутствіе Южнаго материка. Вѣра въ существованіе этого предполагаемаго материка глубоко коренилась въ сердцахъ у многихъ тогдашнихъ ученыхъ. Вынужденные сознаться, что Новая Зеландія и Австралія не принадлежали къ этому материку и что путь „Endeavour"'а лежалъ въ такихъ широтахъ, подъ которыми означенному материку слѣдовало бы въ сущности находиться, ученые утверждали, что онъ лежитъ вѣроятно немного южнѣе, и подкрѣпляли свои соображенія доводами, которые признавались въ то время весьма вѣскими.

Чтобъ окончательно разъяснить вопросъ о существованіи Южнаго материка, англійское правительство рѣшило снарядить новую экспедицію, поручивъ начальство надъ нею, само собою разумѣется, тому-же самому Куку. Суда, предназначавшіяся для этой экспедиціи, должны были удовлетворять особымъ условіямъ. Адмиралтейство было поэтому уполномочено парламентомъ купить

для этой цѣли два корабля, которые покажутся ему наиболѣе пригодными. На запросъ, сдѣланный ему по этому поводу, Кукъ отвѣчалъ, что корабли должны принадлежать приблизительно къ тому-же типу, какъ „Endeavour", т. е. быть прочной конструкціи, сидѣть неглубоко въ водѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обладать изрядной вмѣстимостью, чтобъ можно было на нихъ погрузить достаточное количество провіанта, товаровъ для мѣновой торговли и т. п. предметовъ, необходимыхъ для предстоящаго долгаго плаванія.

„Endeavour" тѣмъ временемъ былъ отправленъ на Фалкландскіе острова, а потому адмиралтейство купило два корабля, построенныхъ въ Уитби на одной верфи съ „Endeavour'омъ. Большій изъ этихъ кораблей, „Resolution" (Рѣшимость), имѣлъ 462 тонны, а меньшій, „Adventure" (Приключеніе),—336 тоннъ водоизмѣщенія. Кукъ былъ назначенъ командиромъ „Resolution", а капитанъ Фюрно, состоявшій вторымъ лейтенантомъ у Валлиса, былъ въ чинѣ капитанъ-лейтенанта назначенъ командиромъ „Adventure". Многіе изъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и матросовъ, совершившихъ кругосвѣтное путешествіе на „Endeavour"'ѣ, изъявили желаніе отправиться вмѣстѣ съ Кукомъ вторично въ кругосвѣтное плаваніе.

Само собою разумѣется, что оба корабля были снаряжены съ величайшимъ тщаніемъ. Старшій лордъ адмиралтейства, лордъ Сандвичъ, и капитанъ Паллизеръ лично слѣдили за этимъ важнымъ дѣломъ.

На каждый корабль погруженъ былъ запасъ провіанта по расчету на два съ половиною года. Кромѣ обыкновенной морской провизіи, отпущены были, по требованію Кука, различныя противоцынготныя средства, какъ-то: солодъ, кислая и соленая капуста, салепъ, горчица, бульонъ въ плиткахъ и консервы изъ моркови и сгущеннаго морского сусла, которые ему поручено было испытать по просьбѣ берлинскаго ученаго, барона Шторха, и завѣдующаго провіантскимъ департаментомъ Пельгама.

На каждомъ изъ кораблей находились также разобранныя и вполнѣ прилаженныя части небольшого судна въ двадцать тоннъ вмѣстимости, которое могло быть въ случаѣ какого-нибудь несчастія въ нѣсколько часовъ собрано и спущено на воду.

На „Resolution" и „Adventure" должны были отправиться: пейзажистъ Уильямъ Годжесъ, два естествоиспытателя—Джонъ Форстеръ и его сынъ Георгъ Форстеръ и два астронома: Уэлесъ

и Бейлей, въ распоряженіе которыхъ были предоставлены наилучшіе астрономическіе инструменты.

Адмиралтейство употребило всѣ зависящія отъ него средства для обезпеченія успѣха этой экспедиціи, которая на самомъ дѣлѣ доставила громадное количество научныхъ данныхъ, значительно содѣйствовавшихъ успѣхамъ естествовѣдѣнія, этнографіи, кораблевожденія и географіи.

„Мнѣ, говоритъ Кукъ, вручены были инструкціи, помѣченныя 25-го іюля. Мнѣ предписывалось идти съ возможной поспѣшностью къ острову Мадерѣ, взять тамъ нѣсколько боченковъ вина и продолжать затѣмъ путь къ мысу Доброй Надежды. Я долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ Столовой бухтѣ, чтобъ дать отдыхъ экипажу, а также чтобъ запастись свѣжей провизіей и другими предметами, въ которыхъ могла встрѣтиться надобность. Взявъ оттуда курсъ къ югу, я долженъ былъ искать мысъ Обрѣзанія Господня, какъ увѣряютъ, открытый господиномъ Буве подъ 54° южной широты и приблизительно подъ 11° 20′ восточной долготы отъ Гринвичскаго меридіана. Найдя этотъ мысъ, надлежало удостовѣриться, составляетъ ли онъ часть материка или же отдѣльный островъ. Въ первомъ случаѣ надлежало осмотрѣть возможно больше протяженіе материка, а также занести въ журналъ всѣ наблюденія и замѣчанія, полезныя для торговли и мореплаванія, или же могущія споспѣшествовать успѣхамъ естествовѣдѣнія.

Мнѣ поручено было также ознакомиться съ духомъ, характеромъ, темпераментомъ и численностью туземнаго населенія, если-бъ таковое имѣлось на означенномъ материкѣ, и употребить всѣ зависящія отъ меня благопристойныя мѣры, чтобы вступить съ туземцами въ союзныя и дружественныя отношенія.

Въ инструкціяхъ значилось также, что я долженъ былъ затѣмъ направиться для географическихъ изысканій, смотря по тому, какъ это окажется удобнѣе—на западъ или на востокъ, стараясь какъ можно ближе проникнуть къ южному полюсу. Задачу эту я долженъ преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока это будутъ позволять состояніе кораблей, здоровье экипажа и наличный запасъ провизіи. Во всякомъ случаѣ надо устроиться такъ, чтобъ оставалось въ запасѣ количество провіанта, достаточное для достиженія какого-либо порта, въ которомъ можно бы было снова запастись провизіей для возвратнаго пути въ Англію.

Въ случаѣ, если мысъ Обрѣзанія Господня окажется островомъ или если мнѣ не удастся вовсе его отыскать, мнѣ предписывалось въ первомъ случаѣ обстоятельно нанести его на карту и въ обоихъ случаяхъ идти далѣе къ югу до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться какая-нибудь надежда встрѣтить Южный материкъ. Затѣмъ надлежало взять курсъ къ востоку для отысканія упомянутаго материка и острововъ, если-бъ таковые оказались въ этой части южнаго полушарія. Держась въ высокихъ широтахъ, т. е. по возможности ближе къ полюсу, я долженъ былъ обойти кругомъ земного шара и, прибывъ къ мысу Доброй Надежды, вернуться въ Англію на Спидгетскій рейдъ".

13-го іюля 1772 года Кукъ съ обоими своими судами вышелъ изъ Плимута. 29-го того-же мѣсяца онъ бросилъ якорь въ Фунчальской бухтѣ на островѣ Мадерѣ. Взявъ тамъ нѣсколько боченковъ вина и запасшись свѣжей провизіей, маленькая его эскадра продолжала свой путь къ мысу Доброй Надежды. Опасаясь однако, что у него не хватитъ прѣсной воды на весь этотъ переходъ, Кукъ рѣшился зайти 10-го августа на островъ Сантъ-Яго (одинъ изъ острововъ Зеленаго мыса). Послѣ четырехдневной стоянки въ Прейскомъ портѣ направились опять къ югу. Кукъ воспользовался этой стоянкой, чтобъ занести въ свой журналъ всѣ данныя о ней, сколько-нибудь полезныя для мореплавателей. Замѣтки его имѣютъ лишь историческій интересъ, такъ какъ въ настоящее время условія стоянки въ Прейскомъ портѣ, вслѣдствіе произведенныхъ тамъ портовыхъ работъ, существенно измѣнились.

23-го августа вѣтеръ дулъ сильными порывами, такъ что на обоихъ корабляхъ пришлось вызвать весь экипажъ на палубу. Зная, что въ жаркихъ климатахъ сырость чрезвычайно вредна, и всегда заботясь о здоровьѣ своего экипажа, Кукъ приказалъ тѣмъ временемъ провѣтрить трюмъ; онъ велѣлъ даже развести тамъ огонь, по всѣмъ вѣроятіямъ, для лучшей дезинфекціи. Вообще Кукъ во все продолженіе путешествія не только строго соблюдалъ всѣ мѣры гигіенической предосторожности, рекомендованныя лордомъ Сандвичемъ и сэромъ Гюгомъ Паллизеромъ, но также и многія дополнительныя мѣры предосторожности, въ которыхъ онъ руководствовался опытомъ предшествовавшаго своего путешествія.

Благодаря такой предусмотрительности, на „Resolution" не

было ни одного больного къ 30-го декабря, когда корабль прибылъ къ мысу Доброй Надежды. Кукъ въ сопровожденіи капитана Фюрно и обоихъ Форстеровъ посѣтилъ мѣстнаго губернатора, барона Плеттенберга, который отнесся весьма сочувственно къ экспедиціи. Тамъ Кукъ узналъ, что два французскихъ корабля подъ начальствомъ капитана Маріона, отплывшіе въ мартѣ мѣсяцѣ съ острова св. Маврикія, заходили въ Столовую бухту на пути къ южнымъ морямъ, куда они были отправлены для географическихъ изслѣдованій.

Во время этой стоянки, оказавшейся болѣе продолжительной, чѣмъ это предполагалось прежде, Форстеръ познакомился съ ученикомъ Линнея, шведскимъ ботаникомъ Спарманомъ, и, назначивъ ему большое жалованье, пригласилъ участвовать въ экспедиціи. Образъ дѣйствій Форстера, который, для пользы науки, не побоялся раздѣлить свою славу съ другимъ ученымъ и заплатить этому ученому изъ собственныхъ средствъ значительную сумму денегъ, разумѣется, заслуживаетъ величайшей похвалы.

22-го ноября англійскія суда вышли, наконецъ, изъ Столовой бухты и направились къ югу искать мысъ Обрѣзанія Господня, открытый 1-го января 1739 года капитаномъ Буве. Ожидая вскорѣ наступленія холодовъ, Кукъ приказалъ раздать матросамъ теплую одежду, предназначенную для нихъ адмиралтействомъ.

Съ 29-го ноября по 6-е декабря свирѣпствовала страшная буря. Англійскія суда были значительно отброшены этою бурей къ востоку отъ предположеннаго пути, такъ что пришлось отказаться отъ поисковъ упомянутаго мыса. Вслѣдствіе непогоды и внезапнаго перехода отъ жаркой температуры къ чрезвычайному холоду погибли почти всѣ животныя, взятыя Кукомъ на свои суда съ мыса Доброй Надежды. Матросы очень терпѣли отъ сырости, и чтобъ они могли лучше работать—пришлось увеличить имъ порцію водки.

10-го декабря подъ 50° 40′ южной широты встрѣчены были первые пловучіе льды. Погода стояла очень сумрачная; постоянно шелъ или дождь, или снѣгъ; туманъ становился все гуще и гуще, такъ что одна изъ пловучихъ льдинъ была замѣчена лишь когда корабль Кука находился отъ нея въ разстояніи всего лишь одной версты. Въ путевомъ журналѣ Кука говорится, что, из-

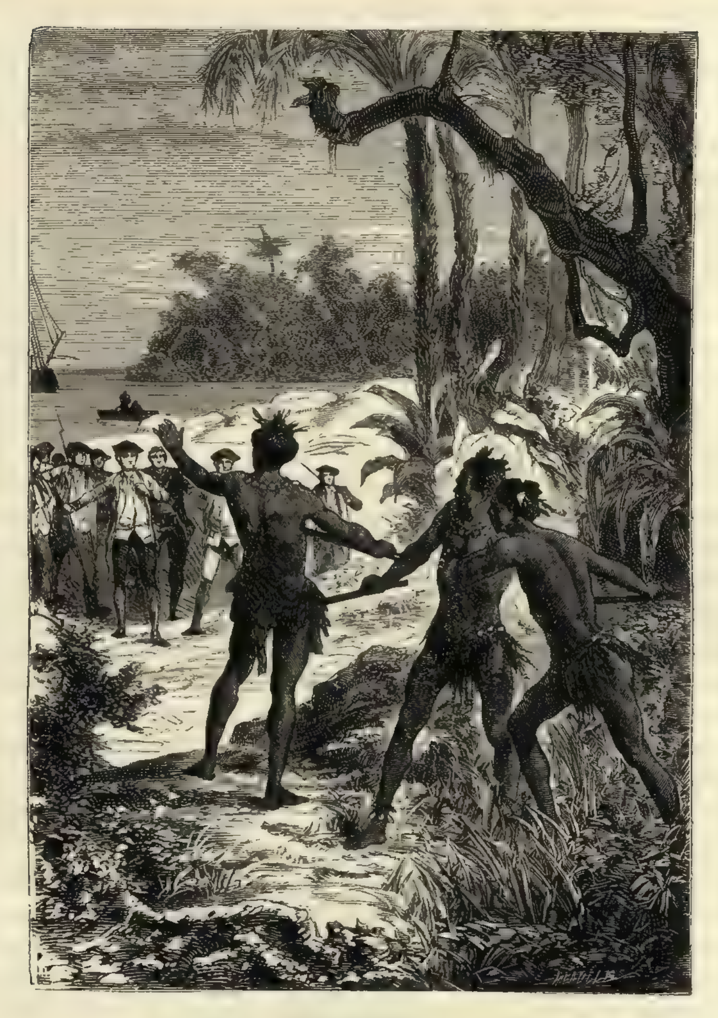
мѣривъ одну изъ такихъ льдинъ, нашли, что она имѣетъ двѣсти футовъ въ вышину, четыреста футовъ въ ширину и двѣ тысячи футовъ въ длину.

„Предполагая у этой льдины совершенно правильную форму, надо было бы заключить, что она сидитъ на тысячу восемьсотъ футовъ въ водѣ, а потому имѣетъ въ общей сложности до двухъ тысячъ футовъ въ вышину. Въ такомъ случаѣ объемъ этой льдины равнялся бы 2000 $\times$ 2000 $\times$ 400 куб. футовъ=1.600,000,000 кубическихъ футовъ".

По мѣрѣ того, какъ англійскія суда шли къ югу, имъ встрѣчалось все бóльшее и бóльшее число плавающихъ льдинъ. Погода стояла такая бурная, что волны, взлетая на эти льдины и горы, падали по другую ихъ сторону мелкими брызгами. Зрѣлище это наполняло душу удивленіемъ, которое тотчасъ-же, однако, смѣнялось ужасомъ при мысли о томъ, что, столкнувшись съ одной изъ такихъ громадныхъ ледяныхъ горъ, корабль тотчасъ-же пойдетъ ко дну. Привычка не замедлила, впрочемъ, произвести обычное свое дѣйствіе, такъ что, любуясь дивными прелестями борьбы ледяныхъ горъ съ морскими валами, никому не приходило въ голову вспомнить объ опасности, ежечасно угрожавшей самымъ кораблямъ.

14-го декабря встрѣчено было громадное необозримое ледяное поле, препятствовавшее идти судамъ далѣе къ югу. Пришлось перемѣнить курсъ и держаться вдоль окраинъ этого поля. Оно не представляло собою настоящей равнины, а было, напротивъ того, усѣяно ледяными буграми и холмами различной высоты. Многимъ казалось даже, будто они видятъ подъ льдомъ настоящую землю. Это показалось на мгновеніе даже и самому Куку, но какъ только разсѣялся туманъ, всѣ тотчасъ-же убѣдились въ неосновательности такихъ догадокъ.

На другой день замѣчено было сильное морское теченіе, значительно вліявшее на ходъ кораблей. Джакъ Форстеръ и астрономъ Уэлесъ отправились въ шлюпкѣ измѣрять скорость этого теченія. Пока они занимались этимъ измѣреніемъ, туманъ настолько сгустился, что корабль совершенно исчезъ у нихъ изъ виду. Оставшись въ утлой ладьѣ безъ инструментовъ и съѣстныхъ припасовъ на безбрежномъ морѣ, вдали отъ земли и среди плавающихъ льдинъ, ученые сознавали себя въ безвыходномъ положеніи. Сперва они гребли наугадъ, подавая отъ вре-



Трое индійцевъ вышли изъ лѣса.

мени до времени сигналы, но съ кораблей ихъ никто не слышалъ. Наконецъ, опасаясь слишкомъ далеко отойти въ сторону, они перестали грести. Положеніе ихъ казалось уже совершенно безнадежнымъ, когда послышался отдаленный звонъ колокола. Они тотчасъ же стали грести по направленію, откуда слышался звонъ. Вскорѣ съ „Adventure“ стали отвѣчать на ихъ сигналы. Ученые благополучно прибыли на это судно, проблуждавъ въ морѣ

нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ они вынесли страшную душевную пытку.

Въ то время вообще полагали, что льды на морѣ образуются въ заливахъ или же близъ устьевъ рѣкъ. Кукъ и его спутники считали себя поэтому въ сосѣдствѣ земли, лежавшей, по ихъ мнѣнію, далеко къ югу, за ледянымъ полемъ.

Пройдя около тридцати миль къ западу вдоль окраины этого ледянаго поля, англійскія суда не нашли въ немъ, однако, никакого прохода, по которому можно было бы проникнуть далѣе къ югу. Кукъ рѣшился поэтому повернуть на востокъ и, если не встрѣтитъ въ этомъ направленіи земли, обогнуть ледяное поле. Онъ разсчитывалъ затѣмъ проникнуть какъ можно ближе къ южному полюсу и такимъ образомъ окончательно разъяснить спорный вопросъ о южномъ материкѣ.

Въ южномъ полушаріи была тогда какъ разъ середина лѣта, но холода съ каждымъ днемъ становились, тѣмъ не менѣе, все сильнѣе. Матросы жаловались на стужу, и въ то же время на корабляхъ начали появляться признаки цынги. Съ помощью запасной теплой одежды и соотвѣтственныхъ лѣкарственныхъ средствъ (пивного сусла и лимоннаго сока) можно было, однако, еще пособить горю. Цынга вскорѣ прекратилась, и матросы сравнительно хорошо переносили холодъ и ненастье.

29-го декабря Кукъ убѣдился, что позади ледяного поля не было земли. Онъ рѣшился тогда идти къ востоку до самаго меридіана мыса Обрѣзанія Господня, если только не встрѣтитъ на пути какого-либо непреодолимаго препятствія.

Тѣмъ временемъ вѣтеръ и волненіе на морѣ усилились до того, что плаваніе среди ледяныхъ горъ, съ ужаснымъ грохотомъ сталкивавшихся другъ съ другомъ, стало чрезвычайно опаснымъ. Опасность еще болѣе увеличилась, когда на сѣверѣ отъ кораблей появилось необозримое ледяное поле. Казалось очень правдоподобнымъ, что англійскія суда будутъ, какъ говорится, затерты льдами. Могло случиться также, что они не выдержатъ напора льдовъ и будутъ раздавлены.

Кукъ не пытался, однако, уклониться отъ этой опасности. Онъ не пошелъ ни къ западу, ни къ востоку, и взялъ курсъ прямо на югъ. Онъ находился въ то время подъ тѣмъ самымъ меридіаномъ, подъ которымъ Буве помѣщаетъ мысъ Обрѣзанія Господня, и всего лишь въ семидесяти пяти миляхъ южнѣе этого

пункта. Такимъ образомъ было доказано, что если земля, усмотрѣнная Буве, существуетъ на самомъ дѣлѣ (въ чемъ теперь уже убѣдились), то это ни въ какомъ случаѣ не материкъ, а лишь сравнительно небольшой островъ.

У Кука были очень серьезныя причины торопиться. Миновали уже почти цѣлыхъ двѣ трети лѣта. Нельзя было терять времени на преслѣдованіе второстепенныхъ задачъ. Впрочемъ, и попытка проникнуть особенно далеко къ южному полюсу тоже не увѣнчалась успѣхомъ. Подъ 67° 15′ южн. широты встрѣчено было ледяное поле, которое нельзя было обойти ни съ востока, ни съ запада. Кукъ рѣшился поэтому повернуть назадъ, чтобъ отыскать землю, открытую недавно французами.

1-го февраля 1773 года англійскія суда находились подъ 48° 30′ южн. широты и 38° 7′ западн. долготы, т. е. приблизительно тамъ, гдѣ французы показывали островъ св. Маврикія. Послѣ долгихъ тщетныхъ розысковъ къ востоку и западу отъ этого меридіана, Кукъ пришелъ къ заключенію, что если въ тѣхъ мѣстахъ и существуетъ какой-либо островъ, то развѣ лишь очень маленькій, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не преминулъ бы его встрѣтить. 8-го февраля Кукъ, къ величайшему своему прискорбію, замѣтилъ, что „Adventure“ пропалъ у него изъ виду. Въ теченіе двухъ дней онъ тщетно поджидалъ это судно, подавая сигналы частыми пушечными выстрѣлами и держа въ продолженіе цѣлой ночи большіе огни на палубѣ. „Resolution“ долженъ былъ продолжать кампанію одинъ, безъ товарища. Утромъ 17-го февраля, между полуночью и тремя часами утра, экипажъ англійскаго корабля былъ свидѣтелемъ великолѣпнаго зрѣлища, до тѣхъ поръ никогда еще не виданнаго европейцами. Это было южное сіяніе. Въ путевомъ журналѣ Кука разсказывается о немъ слѣдующимъ образомъ:

„Офицеръ, командовавшій вахтой, замѣтилъ, что изъ свѣтящагося пространства отъ времени до времени исходили лучи свѣта, изгибавшіеся спирально и по дугѣ круга, сила свѣта при этомъ всегда увеличивалась и самое сіяніе представляло тогда въ высшей степени прелестное зрѣлище. Оно было, повидимому, совершенно неподвижно, но захватывало на небѣ то бо̀льшее, то меньшее протяженіе снопами свѣта, разливаемаго во всѣ стороны“.

Послѣ новой попытки пройти за полярный кругъ, не удавшейся вслѣдствіе густыхъ тумановъ, дождя, снѣга и громадныхъ

плавучихъ ледяныхъ горъ, Кукъ опять повернулъ къ сѣверу въ полномъ убѣжденіи, что на осмотрѣнномъ имъ протяженіи Южнаго океана не могло быть никакой сколько-нибудь обширной земли. Онъ взялъ курсъ къ Новой Зеландіи, куда предписано было явиться также и „Adventure", въ случаѣ если онъ потеряетъ изъ виду „Resolution".

25-го марта Кукъ бросилъ якорь въ Мрачной бухтѣ. Это была первая стоянка послѣ стасемидневнаго плаванія, въ теченіе котораго пройдено было не менѣе трехъ тысячъ шестисотъ шестидесяти миль, причемъ за все это время экипажъ „Resolution" не видѣлъ земли, хотя-бы даже издалека.

Отыскавъ удобную якорную стоянку, Кукъ тотчасъ же сформировалъ изъ матросовъ команды охотниковъ, рыболововъ и ботаниковъ. Эти послѣдніе подъ руководствомъ ученыхъ отыскивали въ окрестностяхъ бухты растенія, пригодныя въ пищу. Самъ Кукъ занимался преимущественно промѣрами въ бухтѣ и вдоль сосѣдняго прибрежья. Туземное населеніе казалось очень малочисленнымъ, и англичанамъ рѣдко приходилось вступать съ ними въ сношенія. Одна семья туземцевъ мало-по-малу, однако, привыкла къ англичанамъ и поселилась всего лишь въ ста шагахъ отъ мѣста, гдѣ они запасались прѣсной водой. Кукъ угостилъ эту семью концертомъ, въ которомъ флейта и волынка тщетно состязались съ барабаномъ. Новозеландцы безъ всякихъ колебаній отдали предпочтеніе этому послѣднему.

18-го апрѣля явился на корабль одинъ изъ туземныхъ вождей со своею дочерью. Прежде чѣмъ взойти на чужеземное судно, онъ нѣсколько разъ хлестнулъ по немъ зеленою вѣтвью, которую держалъ въ рукахъ. Затѣмъ онъ обратился къ англичанамъ съ рѣчью или заклинаніемъ, въ которомъ замѣчался довольно правильный размѣръ. (Обычай этотъ весьма распространенъ между островитянами южной части Тихаго океана). Едва только вступивъ на палубу, онъ, съ необычайною для новозеландцевъ щедростью, поднесъ капитану Куку въ подарокъ кусокъ туземной ткани и боевой топоръ изъ зеленаго жировика.

Осмотрѣвъ въ подробности корабль и желая изъявить за это благодарность Куку, вождь опустилъ пальцы въ мѣшокъ, висѣвшій у него на поясѣ, и хотѣлъ напомадить ему волосы содержавшимся въ этомъ мѣшкѣ вонючимъ жиромъ. Куку съ трудомъ лишь удалось отклонить отъ себя эту честь (которую хотѣли

также оказать и Байрону въ Магеллановомъ проливѣ), но живописцу Годжесу пришлось, скрѣпя сердце, передать свою голову въ распоряженіе вождя, напомадившаго ее самымъ усерднымъ образомъ къ величайшей потѣхѣ всего экипажа. Получивъ въ подарокъ девять стальныхъ топоровъ и до тридцати столярныхъ долотъ, почтенный вождь удалился и не показывался болѣе на глаза англичанамъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, чувствуя себя богаче всѣхъ остальныхъ своихъ соотечественниковъ, взятыхъ въ совокупности, онъ поспѣшилъ спрятать свои сокровища гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ и не смѣлъ явиться на корабль изъ боязни, чтобъ ихъ не вздумали отъ него опять отобрать.

Передъ отплытіемъ Кукъ выпустилъ на свободу пятерыхъ гусей, остававшихся еще у него изъ числа взятыхъ имъ съ мыса Доброй Надежды. Онъ надѣялся, что, въ виду малочисленности населенія и отсутствія у туземцевъ метательнаго оружія, гуси въ состояніи будутъ расплодиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кукъ приказалъ обработать близъ берега участокъ земли и посѣялъ тамъ разныя огородныя растенія. Онъ имѣлъ въ виду оказать этимъ услугу какъ туземцамъ, такъ и будущимъ путешественникамъ, которымъ овощи эти могли очень пригодиться.

Окончивъ гидрографическую съемку Мрачной бухты, Кукъ направился къ проливу королевы Шарлотты, гдѣ у него назначено было свиданіе съ капитаномъ Фюрно.

17-го мая экипажъ „Resolution" имѣлъ случай наблюдать рѣдкое и величественное явленіе. Шесть смерчей, одинъ изъ которыхъ, имѣвшій у своего основанія до шестидесяти футовъ въ діаметрѣ, мромчались всего лишь въ ста футахъ отъ корабля, послѣдовательно поднялись изъ воды и соединили поверхность моря съ проходившимъ надъ ней облакомъ. Явленіе это, которое объясняется всасывающимъ дѣйствіемъ вихря, продолжалось около трехъ четвертей часа. Экипажъ „Resolution" сперва было очень испугался, но вскорѣ чувство страха уступило мѣсто удивленію, тѣмъ болѣе понятному, что въ то время даже и ученые были мало знакомы со смерчами.

На другой день, въ то время, когда „Resolution" вступалъ въ проливъ королевы Шарлотты, замѣченъ былъ съ салинга „Adventure", въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль поджидавшій уже тамъ Кука. Достигнувъ 1-го марта Ванъ-Дименовой Земли, капитанъ Фюрно въ теченіе семнадцати дней шелъ вдоль ея берега.

Ему пришлось, однако, удалиться оттуда прежде, чѣмъ онъ имѣлъ возможность вполнѣ удостовѣриться, дѣйствительно ли она составляла, какъ онъ предполагалъ, нераздѣльную часть съ Новой Голландіей. Опровергнуть эту ошибку удалось лишь впослѣдствіи корабельному хирургу Бассу, по имени котораго и названъ проливъ между Голландіей и Ванъ-Дименовой Землей. 9-го апрѣля, войдя въ проливъ королевы Шарлотты, Фюрно воспользовался своимъ досугомъ, чтобы устроить на берегу садикъ и вступить съ туземцами въ сношенія, неопровержимо выяснившія процвѣтаніе у нихъ людоѣдства.

Передъ тѣмъ какъ пуститься въ дальнѣйшій путь, Кукъ свезъ на берегъ пролива королевы Шарлотты овцу и барана, козу и козла, борова и двухъ супоросыхъ свиней. Обработавъ участокъ земли, онъ засадилъ его картофелемъ, образчики котораго встрѣчались до тѣхъ поръ только на сѣверномъ новозеландскомъ островѣ, называемомъ у туземцевъ Эгейномове.

Туземцы очень походили на обитателей прибрежья Мрачной бухты, но казались только еще равнодушнѣе и легкомысленнѣе. За ужиномъ они бѣгали изъ одной каюты въ другую и ѣли безъ разбору все, что предлагалось имъ въ пищу. Они ни за что не хотѣли выпить хоть сколько-нибудь вина или водки, но съ большимъ удовольствіемъ пили воду, подслащенную сахаромъ.

Кукъ разсказываетъ про туземцевъ пролива королевы Шарлотты: „Они хватали все, что попадалось имъ подъ руку, но возвращали взятые ими предметы, какъ только имъ объясняли знаками, что мы не хотимъ или не можемъ дать имъ таковые. Особенную цѣнность туземцы придавали стекляннымъ бутылкамъ, называвшимся у нихъ твагоу. Впрочемъ, когда имъ объяснили свойство желѣза и употребленіе этого металла, они стали отдавать ему предпочтеніе передъ стеклянными бусами, лентами и бѣлой бумагой. Среди видѣнныхъ нами туземцевъ было много женщинъ. Губы ихъ, разумѣется для украшенія, были проколоты множествомъ маленькихъ дырочекъ, окрашенныхъ темно-синей краской. Щеки были покрыты толстымъ слоемъ румянъ изъ особаго сорта охры, растертой на маслѣ. Подобно женщинамъ съ береговъ Мрачной бухты, онѣ отличались тонкими кривыми ногами и широкими колѣнами, что, несомнѣнно, обусловливается недостаткомъ моціона и привычкой сидѣть сложивъ подъ себя ноги. Къ тому-же и въ байдарахъ приходится тоже сидѣть постоянно на

корточкахъ. Цвѣтъ кожи у нихъ смугловатый, а волосы совсѣмъ черные, лицо круглое, носъ и губы довольно толстые, но не сплющенные, глаза черные и живые и не безъ выраженія... Установившись въ рядъ, туземцы сняли съ себя плащи. Одинъ изъ нихъ затянулъ какой-то дикій напѣвъ, сопровождая его разными тѣлодвиженіями; остальные подражали этимъ тѣлодвиженіямъ съ буквальной точностью; они вытягивали руки и поочередно притопывали ногами, дѣлая при этомъ самыя изумительныя гримасы; они повторяли также хоромъ послѣднія слова припѣва, въ которомъ можно было различить извѣстнаго рода ритмъ. Не могу сказать навѣрное, были ли это риѳмованные или же бѣлые стихи; во всякомъ случаѣ мелодія ихъ была крайне дикая и очень однообразная".

Нѣкоторые изъ новозеландцевъ освѣдомлялись о Тупіи. Узнавъ, что онъ умеръ, они сочли долгомъ его оплакать съ причитываніями, которыя въ данномъ случаѣ, разумѣется, являлись лишь пустою формальностью.

Въ числѣ туземцевъ Кукъ не встрѣтилъ ни одного изъ видѣнныхъ имъ въ первое путешествіе; изъ этого онъ, повидимому, вполнѣ справедливо заключилъ, что туземцы, обитавшіе въ 1770 году на берегахъ пролива, были затѣмъ прогнаны оттуда или же сами удалились на другое мѣсто. Вообще, сколько можно было судить, численность прибрежнаго населенія уменьшилась съ тѣхъ поръ на двѣ трети. Туземная крѣпостца или „и-па" и множество хижинъ найдены заброшенными.

Когда оба корабля изготовились къ отплытію, Кукъ сообщилъ капитану Фюрно дальнѣйшія свои инструкціи. Онъ хотѣлъ направиться къ югу, чтобы изслѣдовать полосу океана между 41° и 46° южной широты на протяженіи отъ Новой Зеландіи до 140° западн. долготы. Если тамъ не удастся встрѣтить землю, оба корабля должны были идти къ Таити, назначенному также сборнымъ пунктомъ на случай, если они потеряютъ другъ друга изъ виду. Затѣмъ имѣлось въ виду вернуться къ Новой Зеландіи и осмотрѣть все неизслѣдованное еще протяженіе океана между этимъ островомъ и мысомъ Горномъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца стояли въ продолженіе нѣсколькихъ дней сильныя жары. Среди экипажа „Adventure" обнаружилась послѣ того цынга. Благодаря мѣрамъ предосторожности, которыя постоянно соблюдались на „Resolution, а также

примѣру самого Кука, ежедневно употреблявшаго въ пищу сел-лерей и ложечную траву, на этомъ кораблѣ не появлялось даже и самыхъ легкихъ симптомовъ означенной болѣзни.

1-го іюля оба англійскихъ судна находились подъ 25° 1′ южной широты и 134° 6′ западной долготы, гдѣ Картеретомъ былъ указанъ островъ Питкернъ. Кукъ не могъ, однако, отыскать этого острова. Состояніе больныхъ на „Adventure" внушало ему сильное опасеніе и побудило идти скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ первоначально, къ островамъ Товарищества. Самъ Кукъ говоритъ, что ему очень хотѣлось отыскать этотъ островъ, чтобы провѣрить или же въ точности опредѣлить его долготу, такъ какъ это дало бы возможность провѣрить также и долготу всѣхъ сосѣднихъ земель, которыя были открыты Картеретомъ, но положеніе которыхъ не было провѣрено астрономическими наблюденіями. Что касается южнаго материка, то Кукъ убѣдился въ отсутствіи таковаго въ этихъ широтахъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ взялъ курсъ къ сѣверо-западу и вскорѣ встрѣтилъ на своемъ пути нѣсколько островов изъ числа тѣхъ, которые были открыты Бугэнвиллемъ.

„Низменные острова, которыми такъ изобилуетъ экваторіальная полоса земного шара,—говоритъ Кукъ,—лежатъ частью совершенно на одномъ уровнѣ съ моремъ, частью возвышаются всего лишь на одинъ или на два аршина надъ этимъ моремъ. Въ большинствѣ случаевъ они имѣютъ круглую или, лучше сказать, кольцеобразную форму, такъ какъ содержатъ обыкновенно внутри бассейнъ, наполненный морскою водою. Глубина моря съ внѣшней стороны кольца оказывается у самаго берега очень значительной. Обыкновенно лотъ не можетъ достать тамъ до дна. Острова эти сравнительно очень бѣдны; самое лучшее, что на нихъ есть, это, надо полагать, кокосовыя пальмы. Несмотря на свою безплодность и незначительное протяженіе, большинство низменныхъ островов все-таки же заселены. Трудно представить себѣ, какимъ образомъ это случилось. Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что не менѣе трудно узнать, какимъ именно образомъ заселились также и гористые острова Тихаго океана".

15-го августа, усмотрѣвъ островъ Оснабрюкъ или Маиреа, открытый Валлисомъ, Кукъ направился къ бухтѣ Оэти-Пига. Онъ разсчитывалъ тамъ запастись свѣжей провизіей и оттуда уже идти въ Матаваи.

„На разсвѣтѣ, — говоритъ Форстеръ, — мы имѣли случай въ дѣйствительности наслаждаться прелестнѣйшимъ утромъ, о какомъ только случалось мечтать поэту. Легкое дыханіе вѣтерка, подергивая морскую поверхность едва замѣтной зыбью, вѣяло для насъ чуднымъ благоуханіемъ. Увѣнчанныя лѣсами горы высоко вздымали величественныя свои главы, озлащенныя уже лучами восходящаго солнца. Неподалеку отъ насъ тянулась двойная цѣпь холмовъ довольно отлогихъ, но также покрытыхъ лѣсомъ, въ которомъ всѣ оттѣнки зелени очаровывали глазъ роскошнымъ своимъ разнообразіемъ. У подошвы холмовъ разстилалась равнина, украшенная плодоносными хлѣбными деревьями, а позади тянулись рощи кокосовыхъ и разныхъ другихъ пальмъ, перистые вѣера которыхъ высились надъ болѣе низменными деревьями. На островѣ все было повидимому объято сномъ. Заря только-что занялась, и вся окрестная мѣстность была еще окутана полумракомъ, въ которомъ можно было, однако, различить туземныя хижины, разбросанныя между рощицами, и байдары, вытащенныя на берегъ. Въ полумилѣ отъ берега волны съ ревомъ разбивались о гряду подводныхъ скалъ, верхушки которыхъ достигали мѣстами до самой поверхности моря. Гряда эта представляла собою нѣчто въ родѣ мола, ограждавшаго внутренній портъ отъ всякаго волненія. Постепенно лучи дневного свѣтила проникли также и въ равнину. Островитяне, пробудившись отъ сна, стали выходить изъ своихъ домовъ и сообщили еще болѣе оживленія общему прелестному зрѣлищу. При видѣ нашихъ кораблей многіе изъ нихъ поспѣшно спустили на воду свои байдары и понеслись къ намъ навстрѣчу. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли на эту сцену, не предвидя, что вскорѣ подвергнемся очень серьезной опасности. Никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что близъ этихъ счастливыхъ береговъ наши корабли со всѣмъ своимъ экипажемъ съ трудомъ лишь спасутся отъ гибели“.

Это прелестное описаніе, замѣчательное по своей красотѣ и изяществу, равно какъ и по наглядной пластичности выраженій, остается и до сихъ поръ почти совершенно вѣрнымъ съ дѣйствительностью. Увлекаясь очаровательной картиной, читатель сожалѣетъ, что ему не суждено было сопутствовать смѣлымъ морякамъ и ученымъ, такъ хорошо понимавшимъ природу. Дѣйствительно жаль, что въ наше время нельзя уже нигдѣ отыскать на-

родцевъ, которые вели бы мирную и безмятежную жизнь, напоминающую сказочный золотой вѣкъ.

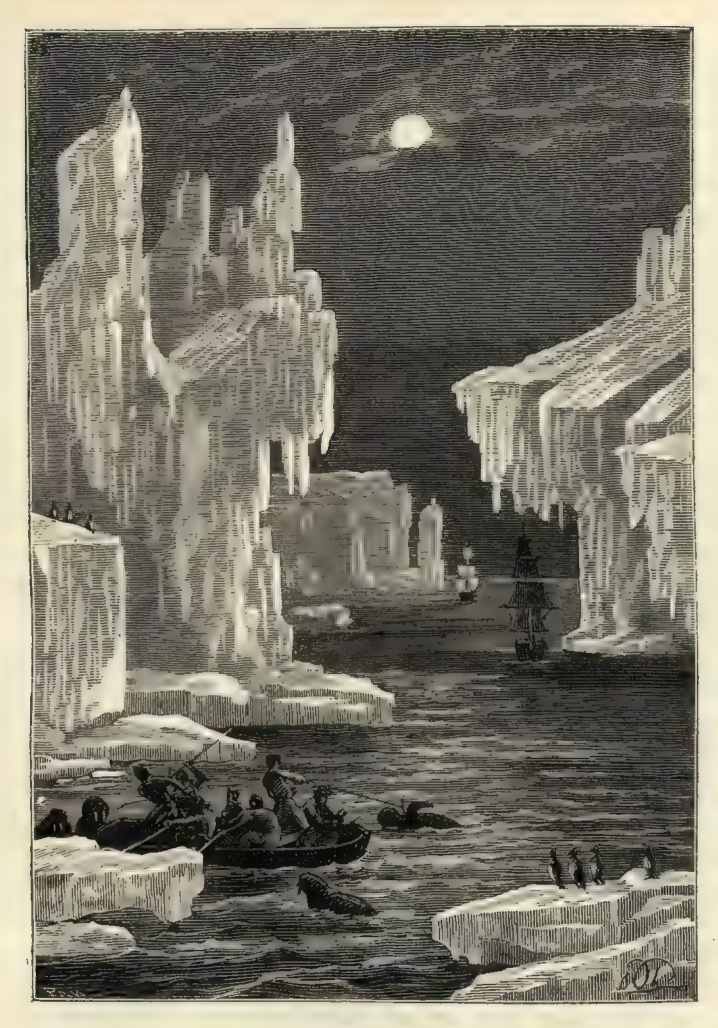
Англійскія суда были всего лишь въ полумилѣ отъ гряды утесовъ, когда вѣтеръ внезапно стихъ. Несмотря на усилія гребцовъ въ шлюпкахъ, взявшихъ корабли на буксиръ, „Adventure" и „Resolution" въ виду столь желаннаго берега едва не разбились объ утесы, когда Куку удалось уклонить ихъ въ сторону помощью искуснаго маневра, при которомъ онъ воспользовался приливомъ и легкимъ вѣтеркомъ. Оба корабля потерпѣли, однако, нѣкоторыя аваріи. „Adventure" лишился кромѣ того трехъ якорей.

Вскорѣ англійскія суда были окружены множествомъ байдаръ. За небольшое количество стеклянныхъ бусъ англичане пріобрѣли громадное количество прекраснѣйшихъ фруктовъ. Туземцы, однако, не привезли съ собою ни поросятъ, ни домашней птицы. На берегу вокругъ хижинъ бродило много свиней, но свиньи эти принадлежали мѣстному царьку и не могли быть проданы безъ его разрѣшенія. Многіе изъ таитянъ справлялись о Банксѣ и другихъ лицахъ, сопровождавшихъ Кука въ первое его путешествіе. Освѣдомлялись тоже и о Тупіи, но узнавъ, что онъ умеръ, не стали болѣе о немъ упоминать.

На другой день оба судна бросили якорь на Оэти-Пигскомъ рейдѣ, всего лишь въ двухъ кабельтовахъ отъ берега. Туземцы во множествѣ явились на нихъ въ качествѣ посѣтителей и торговцевъ. Пользуясь происшедшей отъ этого тѣснотой и сумятохой, нѣкоторые изъ островитянъ бросали назадъ въ байдары купленные уже у нихъ англичанами фрукты и заставляли платить себѣ за нихъ вторично. Чтобы положить этому конецъ, Кукъ приказалъ высѣчь розгами нѣсколькихъ туземцевъ, уличенныхъ въ обманѣ. Сознавая свою вину, они безропотно подчинились заслуженному наказанію.

По полудни оба капитана съѣхали на берегъ, чтобъ осмотрѣть мѣсто, откуда можно было запасаться прѣсной водой; мѣсто это они нашли чрезвычайно удобнымъ. Пока Кукъ и Фюрно находились на островѣ, туземцы, прибывшіе на англійскіе корабли, удивляли матросовъ и офицеровъ замѣчательною своею ловкостью въ плаваніи и ныряніи.

Одинъ изъ офицеровъ, бывшихъ на квартеръ-декѣ „Resolution", хотѣлъ передать нѣсколько стеклянныхъ бусъ шестилѣт-



Плавучіе льды.

нему ребенку, находившемуся въ одной изъ байдаръ, но по неосторожности уронилъ ихъ въ воду; ребенокъ тотчасъ-же бросился въ воду и нырялъ до тѣхъ поръ, пока не подобралъ ихъ всѣ до одной со дна. Въ награду за такую ловкость мы бросили ему еще нѣсколько такихъ бездѣлушекъ. Видя такую щедрость англичанъ, множество таитянъ и таитянокъ немедля разоблачились, прыгнули въ море и принялись продѣлывать тамъ самыя

изумительныя штуки. Въ путевомъ журналѣ „Resolution“ говорится: „Видя, съ какою ловкостью и проворствомъ двигались они въ водѣ, мы убѣдились, что море было для нихъ почти въ такой же степени родной стихіей, какъ и для земноводныхъ животныхъ“.

Нѣкоторые изъ таитянъ, посѣтившихъ англійскіе корабли, были уличены въ воровствѣ. Одинъ изъ нихъ, просидѣвшій очень долго въ гостяхъ у самого Кука, не могъ устоять противъ искушенія и, схвативъ какую-то вещицу, лежавшую на капитанскомъ столѣ, поспѣшно бросился съ нею въ море. Это привело Кука въ такое негодованіе, что онъ послалъ вслѣдъ вору два ружейныхъ выстрѣла, направивъ ихъ, однако, такъ, что пули пролетѣли надъ головою таитянина. Шлюпка, отправленная, чтобъ захватить байдары воровъ, была встрѣчена возлѣ берега градомъ каменьевъ. Пушечный выстрѣлъ съ корабля принудилъ, однако, нападавшихъ на эту шлюпку къ отступленію. Враждебныя дѣйствія на этомъ и кончились; островитяне, какъ ни въ чемъ не бывало, попрежнему являлись на корабль. Кукъ узналъ отъ нихъ, что большинство старинныхъ его знакомцевъ изъ окрестностей Матаваи погибло въ битвѣ съ враждебными обитателями другого таитскаго полуострова.

Офицеры и ученые совершили нѣсколько прогулокъ внутрь страны. Форстеръ, ревностно занимавшійся ботаническими изслѣдованіями, не пропускалъ ни одной изъ этихъ прогулокъ. Ему удалось однажды присутствовать при изготовленіи таитянками туземныхъ тканей.

„Пройдя всего лишь нѣсколько шаговъ,—говоритъ онъ,—мы услышали въ лѣсу глухой стукъ. Направившись къ мѣсту, откуда стукъ этотъ раздавался, мы вскорѣ дошли до небольшого сарая, въ которомъ утвержденъ былъ длинный четырехугольный брусъ. На этомъ брусѣ сидѣло пять или шесть женщинъ, обрабатывавшихъ шелковидную волокнистую кору шелковичнаго дерева для изготовленія изъ нея ткани. Употребляемыя ими для этого четырехгранныя деревянныя колотушки имѣли на сторонахъ продольныя параллельныя бороздки; на каждой изъ граней разстояніе между бороздками было одинаково, но разныя грани различались въ этомъ отношеніи одна отъ другой. Женщины на мгновеніе остановились, чтобъ мы могли осмотрѣть кору, колотушки и брусъ, служившій одновременно и столомъ и скамьею.

Онѣ показали намъ также находившійся въ сосудѣ изъ скорлупы большого кокосоваго орѣха жидкій клей, употреблявшійся для склеиванія вмѣстѣ кусковъ коры. Клей этотъ, добываемый ими, сколько мы могли судить, изъ проскурняка, положительно необходимъ для приготовленія громадныхъ кусковъ тканей, которые зачастую имѣютъ до пятидесяти аршинъ въ длину при ширинѣ въ два и даже въ три аршина, такъ какъ матеріаломъ для приготовленія этихъ тканей служатъ маленькіе кусочки коры дерева, достигающаго лишь небольшой толщины... У женщинъ, занимающихся этой работой, руки были грубыя и жесткія; одежда ихъ была тоже грязная и оборванная".

Въ тотъ же день Форстеръ встрѣтился съ таитяниномъ, обладавшимъ замѣчательно длинными ногтями, которыми онъ очень гордился. Ногти эти должны были служить нагляднымъ доказательствомъ, что онъ былъ человѣкъ состоятельный, не имѣющій надобности зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Этотъ странный и ребяческій обычай наблюдался путешественниками въ Аннамской имперіи, въ Китаѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ одинъ изъ ногтей оставляется обыкновенной длины для того, чтобъ имъ можно было удобно чесаться. Занятіе это на крайнемъ Востокѣ принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ.

Во время другой прогулки Форстеръ видѣлъ островитянина, проводившаго цѣлые дни въ обществѣ своихъ женъ на мягкомъ ложѣ изъ свѣже-скошенной травы. Этотъ тунеядецъ, жившій только для собственнаго удовольствія, не принося ни малѣйшей пользы своимъ согражданамъ, напомнилъ Форстеру гнѣвъ сэра Джона Мандевиля, возмущеннаго тѣмъ, что ему пришлось видѣть обжору, который проводитъ свои дни въ удовольствіяхъ, „словно свинья, откармливаемая на-убой".

22-го августа Кукъ, узнавъ, что царекъ Вагеатуя находится по сосѣдству и желаетъ его видѣть, съѣхалъ на берегъ въ сопровожденіи капитана Фюрно, Форстера и множества туземцевъ. Царекъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ многочисленною свитой. Кукъ тотчасъ же его узналъ, такъ какъ въ 1769 году неоднократно съ нимъ видѣлся.

Въ ту пору царька этого, бывшаго еще ребенкомъ, звали Ту-Ареэ, но по смерти своего отца, Вагеатуи, онъ, почувствовавъ сыновнюю привязанность, унаслѣдовалъ его имя. Чтобъ выка-

зать уваженіе свое къ Куку, Вагеатуя посадилъ его рядомъ съ собою на скамью и милостиво освѣдомился о многихъ англичанахъ, съ которыми познакомился въ предшествовавшее посѣщеніе Кука. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, Кукъ подарилъ царьку рубашку, топоръ, нѣсколько гвоздей и другихъ бездѣлушекъ. Наиболѣе драгоцѣннымъ изъ всѣхъ этихъ подарковъ оказался пучекъ красныхъ перьевъ, укрѣпленный на проволокѣ. При видѣ этихъ перьевъ туземцы не могли скрыть своего восхищенія и привѣтствовали щедрость Кука восторженными возгласами.

Державцу Малаго Таити, юному Вагеатуи, было въ то время семнадцать или восемнадцать лѣтъ отъ роду. Благодаря высокому своему росту и стройному сложенію, онъ могъ бы обладать представительностью, если-бъ на лицѣ его не отражались постоянно робость и недовѣріе. Въ свитѣ таитскаго монарха было нѣсколько вождей и сановниковъ, замѣчательныхъ по своей дородности. Особенно замѣчателенъ былъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ самыхъ приближенныхъ совѣтниковъ Вагеатуи, покрытый весьма затѣйливой татуировкой. Юный монархъ относился къ дородному своему сановнику съ большимъ уваженіемъ и постоянно съ нимъ совѣтовался.

Во время этого посѣщенія Кукъ узналъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ заходилъ въ Таити испанскій корабль. Впослѣдствіи выяснилось, что это былъ корабль Доминго-Буэнечіи, шедшій изъ Коллао въ Европу.

Пока толстякъ царедворецъ, котораго звали Этеэ, разговаривалъ съ офицерами о религіозныхъ предметахъ и между прочимъ освѣдомлялся, вѣруютъ-ли англичане въ Бога, Вагеатуа забавлялся часами Кука. Удивленный звукомъ, который производился движеніемъ часового механизма, Вагеатуа освѣдомился, что именно говорятъ часы и на что они вообще могутъ быть пригодны. Ему объяснили, что часы показываютъ время и въ этомъ отношеніи до извѣстной степени могутъ замѣнять собою солнце. Желая показать, что онъ понялъ это объясненіе, Вагеатуа тотчасъ-же сталъ называть часы маленькимъ солнышкомъ.

24-го августа англійскіе корабли снова снялись съ якоря. За ними долго слѣдовала цѣлая флотилія байдаръ, нагруженныхъ кокосовыми орѣхами и плодами. Видя, что у нихъ ускользаетъ послѣдній случай пріобрѣсти европейскіе товары, туземцы начали подъ-конецъ продавать по очень дешевой цѣнѣ: за одну стеклян-

Островитянинъ въ обществѣ своихъ женъ.

ную бусинку можно было купить дюжину лучшихъ кокосовыхъ орѣховъ. Такое обиліе фруктовъ много содѣйствовало возстановленію здоровья экипажа „Endeavoure"'а. Большая часть больныхъ, передъ тѣмъ едва державшихся на ногахъ, стала значительно бодрѣе и тѣломъ, и духомъ.

26-го августа „Resolution" и „Endeavoure" прибыли въ Матавайскую бухту. Тотчасъ-же на палубы обоихъ судовъ взобралась

толпа таитянъ. Между ними оказалось много старинныхъ знакомцевъ Кука. Особенно радушно привѣтствовали туземцы лейтенанта Пикерсджиля, посѣщавшаго ихъ въ третій разъ, такъ какъ онъ заходилъ уже въ Таити съ Валлисомъ въ 1667 году и съ Кукомъ въ 1669 году.

Кукъ приказалъ раскинуть на берегу палатки для больныхъ, для бондарей и для починки парусовъ. Затѣмъ, въ сопровожденіи капитана Фюрно и обоихъ Форстеровъ, онъ поѣхалъ въ шлюпкѣ въ Опаррэ. Шлюпка ихъ проходила мимо каменнаго мораи и кладбища, которыя въ предшествовавшее путешествіе Кука извѣстны были подъ названіемъ мораи Тутаги. Когда Кукъ, указывая на кладбище, назвалъ его этимъ именемъ, одинъ изъ туземцевъ, бывшихъ тоже въ шлюпкѣ, замѣтилъ, что мѣсто это послѣ смерти Тутаги называется мораи О-Ту. Форстеръ замѣчаетъ по этому поводу: „Какой прекрасный урокъ для государей, которымъ напоминаютъ при жизни, что они смертны и что даже мѣсто, гдѣ будетъ лежать ихъ трупъ, не должно называться ихъ именемъ. Когда шлюпка проходила мимо кладбища, сопровождавшій насъ туземный вождь и его жена скинули съ себя плащи. Туземцы дѣлаютъ это всегда въ знакъ уваженія, когда имъ случается проходить мимо какого-нибудь мораи. Очевидно, они считаютъ свои кладбища особенно святыми мѣстами“.

Кукъ вскорѣ былъ допущенъ передъ свѣтлыя очи державца О-Ту. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій онъ поднесъ этому державцу богатые подарки, сознавая всю выгоду заручиться дружественнымъ расположеніемъ этого монарха.

О-Ту былъ видный, рослый мужчина лѣтъ тридцати отъ роду. Онъ освѣдомился о Тупіи и многихъ офицерахъ, сопровождавшихъ Кука въ 1769 году, хотя ему не случалось тогда видѣться ни съ кѣмъ изъ нихъ. Кукъ щедро одарилъ также наиболѣе вліятельныхъ лицъ изъ числа приближенныхъ державца.

Придворныя дамы послали тотчасъ же своихъ слугъ за самыми большими кусками самыхъ лучшихъ туземныхъ тканей, окрашенныхъ въ пунцовый, розовый и соломенно-желтый цвѣта и надушенныхъ самыми благовонными туземными маслами. „Онѣ окутали насъ поверхъ мундировъ этими тканями такъ, что мы едва могли шевелиться“,—говоритъ Форстеръ.

На другой день О-Ту отдалъ визитъ капитану. Прежде чѣмъ взойти на корабль онъ распорядился завернуть Кука въ громад-

О-ту, король Таити (Fac-simile съ древней гравюры).

ное количество самыхъ драгоцѣнныхъ туземныхъ тканей. Вообще онъ выказалъ при этомъ чрезвычайную робость, бывшую, какъ выяснилось впослѣдствіи, отличительной чертой его характера. Когда его пригласили въ каюту, то, прежде чѣмъ спуститься въ пространство между деками, онъ послалъ туда своего брата. Короля и его свиту угостили завтракомъ, причемъ туземцамъ очень понравилось сидѣть на мягкихъ стульяхъ. О-Ту не при-

касался ни къ какому блюду, но всѣ его приближенные кушали съ большимъ аппетитомъ. Вниманіе державца обратила на себя хорошенькая болонка, принадлежавшая Форстеру. О-Ту изъявилъ желаніе имѣть такую собаку и тотчасъ-же получилъ ее въ подарокъ. Одинъ изъ сановниковъ взялъ ее тогда на руки и все время несъ за своимъ монархомъ. Послѣ завтрака Кукъ отвезъ О-Ту въ собственной своей гичкѣ на берегъ. Капитанъ Фюрно, въ свою очередь, подарилъ таитскому державцу козу и козла.

Во время одной изъ прогулокъ внутрь страны лейтенантъ Пикерсджиль встрѣтилъ старушку Обереа, которая была въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ съ Валлисомъ. Она утратила повидимому всякое вліяніе и была такъ бѣдна, что не могла сдѣлать никакихъ подарковъ своимъ пріятелямъ.

Англійскія суда отплыли изъ Таити 1-го сентября. Молодой таитянинъ Порео упросилъ при этомъ Кука взять его съ собой. Кукъ согласился въ надеждѣ, что таитянинъ можетъ впослѣдствіи оказаться ему полезнымъ.

Когда островъ Таити скрылся изъ виду, Порео не могъ удержаться отъ слезъ. Офицерамъ насилу удалось его утѣшить, объяснивъ, что они будутъ служить ему отцами.

Кукъ направился прежде всего къ острову Гуагейнэ, находящемуся всего лишь въ двадцати миляхъ отъ Таити, и прибылъ туда утромъ 3-го сентября. Островитяне привезли на англійскія суда множество крупной домашней птицы. Англичане покупали ее тѣмъ охотнѣе, что въ Таити нельзя было ее достать. Вскорѣ явилось на рынокъ множество свиней, откормленныхъ собакъ и плодовъ, которые вымѣнивались на топоры, гвозди, стеклянныя бусы и т. п.

На Гуагейнэ, какъ и на Таити, замѣтны были слѣды вулканическихъ изверженій. Вершина одного изъ холмовъ очень напоминала кратеръ погасшаго вулкана. Вообще весь островъ очень напоминаетъ собою Таити, но только въ миніатюрѣ, такъ какъ имѣетъ въ окружности всего лишь отъ восьми до десяти миль.

Кукъ посѣтилъ стараго своего пріятеля Орео. Царекъ этотъ, отложивъ въ сторону всякій церемоніалъ, заплакалъ отъ радости и бросился на шею капитану. Потомъ онъ представилъ ему своихъ приближенныхъ, которыхъ Кукъ и надѣлилъ кое-какими подарками. Что касается до самаго державца, то онъ получилъ отъ Кука самые драгоцѣнные подарки. Добрый старикъ, дѣй-

ствительно, очень нравился англійскому мореплавателю. Ореэ обѣщалъ снабдить англичанъ всѣмъ необходимымъ и сдержалъ свое слово вполнѣ добросовѣстно.

Тѣмъ не менѣе 6-го числа утромъ матросы, которымъ было поручено вести мѣновой торгъ съ туземцами, были оскорблены островитяниномъ, одѣтымъ въ красное военное платье. Островитянинъ этотъ, держа въ каждой рукѣ булаву, грозилъ этими булавами всѣмъ и каждому. Кукъ, съѣхавшій въ это время на берегъ, бросился на воинственнаго туземца, схватился съ нимъ, повалилъ его на землю и, отнявъ у него булавы, изломалъ ихъ въ куски.

Въ тотъ же день ограбленъ былъ нѣсколькими туземцами Скарманъ, неосторожно зашедшій далеко въ глубь страны для ботаническихъ изслѣдованій. Пока Скарманъ разсматривалъ какое-то растеніе, подошедшіе къ нему туземцы выхватили изъ-за пояса кинжалъ. Затѣмъ, ударивъ Скармана этимъ кинжаломъ по головѣ, начали срывать съ него платье. Скарману удалось однако подняться на ноги, и онъ пустился тогда бѣжать къ берегу, но, запутавшись въ кустахъ и колючей травѣ, былъ вскорѣ настигнутъ туземцами. Его раздѣли до-гола и, не умѣя отстегнуть пуговокъ, которыми застегнуты были рукавчики, собирались было отрѣзать ему руки, когда Скарману удалось избавить ихъ отъ этого труда, оторвавъ зубами пуговицы. Другіе островитяне, найдя Скармана голымъ и совершенно избитымъ, прикрыли его своими одеждами и отвели на рыночную площадь, гдѣ толпилось тогда множество туземцевъ. При появленіи Скармана въ такомъ видѣ всѣ они разомъ обратились въ бѣгство. Кукъ думалъ сперва, что островитянамъ удалось совершить какую-нибудь кражу. Узнавъ однако въ чемъ дѣло, онъ подозвалъ нѣсколькихъ туземцевъ, увѣрилъ ихъ, что не станетъ мстить невиннымъ, и тотчасъ же принесъ жалобу мѣстному державцу. Дерзкое преступленіе, совершенное его подданными, привело бѣднаго старика въ крайнее раздраженіе и отчаяніе. Обратившись къ своему народу съ самыми рѣзкими упреками, Ореэ обѣщался, во что бы то ни стало, разыскать грабителей и похищенныя ими вещи.

Несмотря на мольбы туземцевъ, Ореэ сѣлъ въ капитанскую гичку и отправился вмѣстѣ съ Кукомъ разыскивать виновныхъ. Оказалось однако, что они заблаговременно скрылись и что на-

стигнуть ихъ на этотъ разъ не было никакой возможности. Ореэ отправился тогда съ Кукомъ на корабль и остался у него обѣдать; по возвращеніи на берегъ Ореэ былъ встрѣченъ своими подданными съ изъявленіями величайшей радости. Въ виду продолжительнаго отсутствія своего царька они опасались, что никогда ужъ болѣе съ нимъ не увидятся.

Форстеръ замѣчаетъ по поводу этого происшествія, а также нѣсколькихъ мелкихъ кражъ, совершенныхъ туземцами: „Во всякомъ человѣческомъ обществѣ бываютъ хорошіе и дурные люди, но если взять процентное отношеніе, то въ Англіи и въ каждой другой цивилизованной странѣ дурныхъ людей окажется навѣрное въ пятьдесятъ разъ болѣе, чѣмъ на этихъ островахъ. Намъ было особенно пріятно убѣдиться, что туземное населеніе не предается исключительно одной только нѣгѣ и удовольствіямъ, какъ это утверждали первые путешественники, посѣтившіе Таити. Мы зачастую замѣчали у туземцевъ весьма развитой и человѣчный образъ мыслей“.

На англійскихъ корабляхъ были уже подняты паруса, когда Ореэ предупредилъ Кука, что ограбившіе Скармана воры пойманы, и приглашалъ его съѣхать на берегъ, дабы присутствовать при ихъ наказаніи. Когда это было признано невозможнымъ, то Ореэ въ парадной своей байдарѣ проводилъ Кука на цѣлую полмилю отъ своего острова и самымъ трогательнымъ образомъ простился съ англійскимъ капитаномъ.

Стоянка на Таити и Гугагейнэ была очень выгодна англичанамъ. Кромѣ значительнаго количества домашней птицы и плодовъ, англійскіе корабли вывезли оттуда до трехсотъ свиней. Несомнѣнно, что, продливъ нѣсколько стоянку, они могли бы запастись еще большимъ количествомъ живой провизіи.

Капитанъ Фюрно согласился взять съ собою съ Гуагенэ молодого туземца Омаи, умъ и скромность котораго должны были, по его мнѣнію, дать Европѣ самое выгодное понятіе о жителяхъ острововъ Товарищества. По прибытіи этого таитянина въ Англію старшій лордъ адмиралтейства, лордъ Сандвичъ, представилъ его королю. Омаи нашелъ себѣ также вѣрныхъ друзей и покровителей въ Банксѣ и Соландерѣ, познакомившихъ его съ самыми аристократическими англійскими фамиліями. Проживъ два года въ Англіи, Омаи былъ взятъ на корабль Кукомъ, отправившимся въ третье путешествіе, и благополучно вернулся на родину.

Послѣ непродолжительнаго плаванія англійскіе корабли прибыли къ острову Улиетеа, населеніе котораго встрѣтило Кука самымъ радушнымъ образомъ. Многіе туземцы разспрашивали о Тупіи и объ англичанахъ, видѣнныхъ ими на „Endeavour“'ѣ. Улиетейскій державецъ Ореэ поспѣшилъ возобновить знакомство съ Кукомъ и въ изобиліи снабдилъ англійскія суда свѣжей провизіей и фруктами. Во время этой стоянки таитянинъ Порео, уговорившій Кука взять его съ собою, познакомился съ одной молодой улиетинкой, отправился вмѣстѣ съ нею на берегъ и не пожелалъ болѣе вернуться на корабль. Вмѣсто него явился семнадцати или восемнадцатилѣтній молодой человѣкъ, болабольскій уроженецъ Эдиди, объяснившій, что онъ желаетъ посѣтить Англію. Прощанье его съ соотечественниками было очень трогательное, давшее выгодное понятіе о душевныхъ качествахъ этого юноши.

„Resolution“ и „Adventure“, нагруженные болѣе чѣмъ четырьмя сотнями свиней, громаднымъ количествомъ птицъ и плодовъ, окончательно разстались 17-го сентября съ островами Товарищества и взяли курсъ на западъ. Шесть дней спустя усмотрѣнъ былъ одинъ изъ Гарвеевскихъ острововъ, а 1-го октября суда стояли уже на якорѣ передъ островомъ Эоа, который у Тасмана и Кука называется Мидельбургскимъ островомъ.

Туземцы встрѣтили англичанъ радушно. Мѣстный старѣйшина, Таи-Оне, взобравшись на корабль и подойдя къ капитану Куку, дотронулся до его носа корнемъ перечнаго дерева и затѣмъ, не говоря ни слова, усѣлся съ нимъ рядомъ. Заключенный такимъ образомъ союзъ былъ еще болѣе скрѣпленъ нѣсколькими бездѣлушками, подаренными старѣйшинѣ.

Таи-Оне взялся самъ проводить англичанъ, желавшихъ осмотрѣть островъ. Во время этой прогулки ихъ постоянно окружала громадная толпа туземцевъ, предлагавшихъ мѣстныя ткани и цыновки въ обмѣнъ на желѣзные гвозди. Нѣкоторые изъ туземцевъ заявляли впрочемъ, что хотятъ сдѣлать гостямъ подарокъ, и отказывались принимать что-либо взамѣнъ.

Таи-Оне привелъ англичанъ въ свое жилище, находившееся въ прекрасной долинѣ подъ сѣнью нѣсколькихъ густолиственныхъ деревьевъ. Онъ угостилъ ихъ напиткомъ, который былъ въ присутствіи ихъ приготовленъ изъ корня перцоваго дерева. Напитокъ этотъ, называемый кавой, въ большомъ употребленіи почти на всѣхъ Полинезійскихъ островахъ.

Кава приготовляется слѣдующимъ образомъ. Разрѣзавъ корни на мелкіе куски, раздаютъ эти куски присутствующимъ, которые начинаютъ ихъ жевать. Разжеванные куски выплевываютъ въ большую деревянную посудину и обливаютъ тамъ водой. Когда вода достаточно настоится,—кава признается готовой. Туземцы пьютъ ее въ сосудахъ, каждый изъ которыхъ сдѣланъ изъ свѣжаго зеленаго листа, свернутаго въ видѣ чаши вмѣстимостью приблизительно около полштофа. Одинъ лишь Кукъ рѣшился отвѣдать кавы. Способъ ея приготовленія достаточно утолилъ жажду остальныхъ англичанъ. Что же касается до туземцевъ, то напитокъ этотъ пришелся имъ очень по вкусу, такъ что сосудъ съ кавой былъ вскорѣ осушенъ до дна.

Англичане осмотрѣли затѣмъ нѣсколько туземныхъ плантацій или огородовъ. Эти огороды отдѣлялись другъ отъ друга плетнями изъ тростника, въ которыхъ устроены были палатки съ досчатыми дверьми, поворачивавшимися на петляхъ. Прекрасная обработка земли и замѣчательное уваженіе къ праву собственности свидѣтельствовали, что туземцы находятся на болѣе высокой степени ризвитія, чѣмъ таитяне.

Несмотря на дружественный пріемъ, оказанный ему туземцами, Кукъ не могъ пріобрѣсти отъ нихъ ни за какую цѣну ни свиней, ни домашней птицы. Пребываніе его на островѣ Эоа было поэтому очень кратковременно. Оба англійскихъ корабля направились оттуда къ Амстердамскому острову (у туземцевъ Тонга-Табу), гдѣ Кукъ разсчитывалъ найти въ изобиліи свѣжую провизію.

„Resolution“ и „Adventure“ стали вскорѣ на якорь на Вандименовомъ рейдѣ на глубинѣ ста восьми футовъ и въ разстояніи одного кабельтова отъ рифа, идущаго вдоль берега. Островитяне оказались очень довѣрчивыми, они привезли на продажу множество тканей, цыновокъ, домашней утвари, инструментовъ, украшеній, свѣжей провизіи, фруктовъ и т. п. Эдиди купилъ у нихъ большое количество красныхъ перьевъ, имѣвшихъ, какъ онъ увѣрялъ, на Таити громадную торговую цѣнность.

Кукъ съѣхалъ на берегъ въ сопровожденіи туземца Аттаго, который всячески старался снискать расположеніе англійскаго капитана. Во время прогулки по острову они встрѣтили храмъ, называемый у туземцевъ фаитока и очень похожій на мораи. Воздвигнутый на насыпномъ холмѣ въ шестнадцать или восемнадцать футовъ вышиною надъ уровнемъ окрестностей, храмъ

этотъ имѣлъ форму продолговатаго четыреугольника. Подобно туземнымъ жилищамъ, онъ состоялъ изъ навѣса, устроеннаго на столбахъ, промежутки между которыми были забраны досками. Крыша его была очень искусно сдѣлана изъ пальмовыхъ листьевъ. Къ храму вели двѣ каменныхъ лѣстницы. Внутри храма стояли двѣ человѣческія фигуры, вышиною въ аршинъ, грубо вырѣзанныя изъ дерева.

„Не желая оскорблять ни туземцевъ, ни ихъ боговъ,—говоритъ Кукъ,—я не смѣлъ прикоснуться къ этимъ фигурамъ и обратился къ Аттаго съ вопросомъ: не это ли ихъ боги (Эатуа)? Не знаю, понялъ ли онъ меня, но только онъ тотчасъ-же подошелъ къ этимъ фигурамъ и принялся ворочать ихъ такъ безцеремонно, какъ бы это были простые деревянные обрубки. Я убѣдился такимъ образомъ, что онъ не признавалъ въ нихъ ничего божественнаго".

Нѣсколько мелкихъ кражъ, произведенныхъ островитянами, не нарушили общаго характера дружественныхъ отношеній, установившихся у нихъ съ англичанами, которые пріобрѣли на островѣ большое количество свѣжей провизіи.

Передъ отъѣздомъ англійскій капитанъ имѣлъ аудіенцію у одной особы, къ которой всѣ туземцы относились съ величайшимъ уваженіемъ. Говоря объ этой особѣ, туземцы давали ей всегда царскій титулъ. Кукъ описываетъ слѣдующимъ образомъ свое свиданіе съ этимъ монархомъ.

„Онъ сидѣлъ на скамьѣ съ такимъ глупымъ и мрачнымъ видомъ, что, несмотря на все разсказанное мнѣ о немъ, я принялъ этого державца за идіота, которому суевѣрный народъ вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ причинъ воздаетъ божескія почести. Поклонившись этому молодцу, я попробовалъ съ нимъ заговорить; но онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ и очевидно даже не соблаговолилъ обратить на меня какое-либо вниманіе... Я хотѣлъ было уже удалиться, когда слова одного изъ присутствовавшихъ тутъ-же туземцевъ положительно убѣдили меня въ томъ, что я дѣйствительно нахожусь передъ свѣтлыми очами мѣстнаго государя. Тогда я поднесъ ему въ даръ рубашку, топоръ, кусокъ красной матеріи, зеркало, нѣсколько гвоздей, бронзовыхъ медалей, бусъ и т. п. Онъ принялъ эти дары или, лучше сказать, дозволилъ положить ихъ на свою особу и возлѣ своей особы, нисколько не утрачивая обычной важности. За все это время онъ не ска-

залъ ни слова и даже ни разу не поворотилъ головы ни въ правую, ни въ лѣвую сторону".

На другой день, однако, этотъ величественный монархъ послалъ на корабль Кука нѣсколько корзинъ съ бананами и жаренаго поросенка. Островитяне объяснили Куку, что „арика острова посылаетъ этотъ подарокъ ему, какъ арикѣ корабля".

Тонга-Табу и сосѣдніе острова названы были Кукомъ островами Дружбы. Шутенъ и Тасманъ, видѣвшіе до него этотъ архипелагъ, дали ему наименованіе архипелага Злодѣевъ, а также острова Надежды, Кокосовыхъ Пальмъ и Горна.

Кукъ не могъ запастись на этой стоянкѣ прѣсной водой, а потому вынужденъ былъ покинуть Тонга-Табу скорѣе, чѣмъ предполагалъ это первоначально. Онъ успѣлъ, однако, собрать много интересныхъ данныхъ относительно естественныхъ богатствъ архипелага Дружбы и нравовъ туземнаго населенія. Мы приведемъ лишь наиболѣе характеристическіе изъ нихъ.

На островахъ Тонга и Эоа природа выказала себя щедрой до расточительности: тамъ въ изобиліи произрастаютъ кокосовыя и различныя другія пальмы, хлѣбное дерево, ямсъ, сахарный тростникъ и т. п. На обоихъ островахъ англичане нашли у туземцевъ большое количество свиней и домашней птицы. Собаки были извѣстны тамъ только по имени, но у береговъ ловилось громадное количество прекраснѣйшей рыбы.

Цвѣтъ кожи у островитянъ почти такой же бѣлый, какъ у европейцевъ, отъ которыхъ они не отличаются также и ростомъ. Они хорошо сложены и, вообще говоря, довольно красивы. Волосы у этихъ островитянъ отъ природы черные, но у нихъ въ обычаѣ красить ихъ въ разные цвѣта. Вслѣдствіе такой странной моды нѣкоторые изъ туземцевъ являются съ бѣлыми, красными или съ синими волосами. Краски для волосъ употребляются у нихъ въ порошкѣ. Всѣ островитяне татуированы, зато костюмъ ихъ отличается крайней простотой и безыскусственностью. Они окутываются кусками ткани, спускающимися до колѣнъ, и считаютъ себя достаточно одѣтыми. Женщины, которыя на Тонга-Табу, какъ и почти повсюду, кокетливѣе мужчинъ, носятъ передники изъ волоконъ, добываемыхъ ими изъ кокосовой пальмы. Передники эти украшаются хорошенькими раковинками, перьями и лоскутками разноцвѣтныхъ тканей.

Нѣкоторые изъ туземныхъ обычаевъ показались англичанамъ

тѣмъ болѣе странными, что они встрѣчали ихъ еще лишь впервые. Такъ, получивъ какой-либо подарокъ, островитяне, чтобъ изъявить свою благодарность, кладутъ подаренную вещь на голову. То же самое дѣлаютъ покупатели и продавцы при заключеніи своихъ торговыхъ сдѣлокъ. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ друзей или родственниковъ островитяне отрѣзаютъ себѣ одинъ или нѣсколько суставовъ или даже цѣлыхъ пальцевъ. Они живутъ не деревнями, а въ отдѣльныхъ хуторахъ, окруженныхъ садами и огородами. Хижины ихъ построены изъ тѣхъ же матеріаловъ и приблизительно такъ-же какъ у таитянъ и показались Куку только нѣсколько выше.

Покинувъ 7-го сентября Тонга-Табу, „Adventure“ и „Resolution“ прошли на другой день мимо острова Пильстарта, открытаго Тасманомъ, и 21-го числа того же мѣсяца бросили якорь въ Новозеландской бухтѣ Гауке.

Свезя на берегъ нѣсколько штукъ свиней и домашней птицы, которыхъ они хотѣли аклиматизировать въ Новой Зеландіи, Кукъ снова вышелъ въ море и направился къ каналу королевы Шарлотты. Во время поднявшейся сильной бури онъ потерялъ изъ виду „Adventure“ и не встрѣчался уже съ этимъ кораблемъ до самаго возращенія своего въ Англію.

5-го ноября, исправивъ аваріи, которыя „Resolution“ потерпѣлъ во время бури, Кукъ рѣшился осмотрѣть имѣвшіеся у него въ наличности съѣстные запасы. Онъ нашелъ при этомъ, что 4500 фунтовъ сухарей пришли въ совершенную негодность, кромѣ того болѣе 3000 фунтовъ оказались сильно попорченными.

За время стоянки въ проливѣ королевы Шарлотты новозеландцы доставили Куку наглядный случай убѣдиться въ томъ, что они людоѣды. Одинъ изъ офицеровъ „Resolution“ купилъ у туземцевъ голову недавно убитаго и съѣденнаго молодого человѣка. Нѣсколько туземцевъ, бывшихъ въ гостяхъ у Кука, увидѣвъ эту голову, изъявили желаніе отвѣдать мясца. По просьбѣ Кука офицеръ отдалъ имъ эту голову на съѣденье. Жадность, съ какою туземцы на нее набросились, служила явнымъ доказательствомъ, что у этихъ людоѣдовъ человѣческое мясо считается большимъ лакомствомъ.

Рѣшившись предпринять новую кампанію въ южныя моря, Кукъ отплылъ 26-го ноября отъ береговъ Новой Зеландіи. „Resolution“ снова направился къ посѣщеннымъ имъ уже полярнымъ

странамъ. Эта вторичная попытка производилась однако при гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ первая. Хотя здоровье экипажа „Resolution" было пока еще удовлетворительно, слѣдовало опасаться, что недостатокъ свѣжей провизіи не приминетъ произвести обычное свое дѣйствіе на людей, жизненныя силы которыхъ уже значительно ослаблены перенесенными ими трудностями. Разлучившись съ „Adventure, „Resolution" долженъ былъ теперь идти одинъ въ негостепріимныя южныя моря. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ на англійскомъ кораблѣ были на этотъ разъ убѣждены въ отсутствіи Южнаго материка. Предстоявшая кампанія имѣла поэтому, если можно такъ выразиться, чисто-платоническій характеръ. Надо было доказать съ полной очевидностью невозможность открыть въ этой обиженной природою полосѣ океана не только новый материкъ, но даже хоть сколько-нибудь обширные острова.

Первые льды встрѣчены были англійскимъ кораблемъ лишь 12-го декабря и притомъ гораздо южнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Съ этого времени плаваніе приняло обычный подъ этими широтами характеръ. Эдиди чрезвычайно удивлялся бѣлому дождю, какъ онъ называлъ снѣгъ, таявшій у него въ рукѣ; но изумленіе его не знало границъ, когда онъ увидѣлъ впервые льдины, показавшіяся ему прозрачною бѣлою землею.

„Юный таитянинъ былъ уже передъ тѣмъ пораженъ фактомъ, совершенно обычнымъ для насъ, но непостижимымъ для жителя жаркаго пояса. Послѣ того какъ мы перешли за полярный кругъ, у насъ почти не было ночи. Можно было удобно писать въ самую полночь при солнечномъ свѣтѣ. Эдиди съ трудомъ лишь вѣрилъ своимъ глазамъ и увѣрялъ, что таитяне назовутъ его лгуномъ, когда онъ станетъ разсказывать имъ про окаменѣлый дождь и безсмѣнный день".

Самъ лично Эдиди имѣлъ полную возможность привыкнуть къ этимъ страннымъ для него на первый взглядъ явленіямъ, такъ какъ „Resolution" пробрался на этотъ разъ сквозь плавучіе льды до 76° южной широты. Убѣдившись, что если близъ полюса и существуетъ какой-либо материкъ, то вѣчные льды дѣлаютъ къ нему доступъ почти невозможнымъ, Кукъ рѣшился, наконецъ, повернуть назадъ къ сѣверу.

Онъ доставилъ этимъ несказанное удовольствіе всему экипажу. На всемъ „Resolution" не было ни одного человѣка, который бы

не страдалъ цынгой или, по меньшей мѣрѣ, упорнымъ кашлемъ и насморкомъ. У самого Кука было серьезное воспаленіе печени, приковывавшее его къ постели. Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ стоялъ, какъ говорится, одной ногой въ могилѣ и потомъ вообще долго не могъ совершенно поправиться. „Resolution“ продолжалъ идти къ сѣверу до самаго 11-го марта, когда на разсвѣтѣ усмотрѣна была, къ общей радости, земля.

Это была земля Девиса, Роггевейновъ островъ Пасхи. Первое, что бросилось въ глаза мореплавателямъ, когда они подходили къ этому острову, стоявшія на берегу колоссальныя каменныя статуи, нѣкогда возбуждавшія изумленіе голландцевъ.

„Широта острова Пасхи,—говоритъ Кукъ,—разнится всего лишь на одну или двѣ минуты отъ той, которая указана въ рукописномъ журналѣ Роггевейна. Ошибка въ опредѣленіи долготы составляетъ приблизительно цѣлый градусъ“.

Иззубренныя прибрежныя скалы чернаго и стально-сѣраго цвѣта носили на себѣ явные слѣды могучей вулканической дѣятельности. На этомъ безплодномъ и пустынномъ островѣ виднѣлись, однако, мѣстами сады и огороды.

Къ величайшему удивленію, первое слово, произнесенное островитянами, когда они, подплывъ къ кораблю, потребовали, чтобъ имъ бросили съ него веревку, было на таитянскомъ нарѣчіи. Все свидѣтельствовало, впрочемъ, о томъ, что жители острова Пасхи принадлежали къ одной расѣ съ таитянами. Они точно также татуировались и были одѣты въ такія-же ткани, какія употребляются на островахъ Товарищества.

Въ путевомъ журналѣ Кука замѣчается, что необходимость защищать голову отъ палящихъ лучей солнца заставила островитянъ изобрѣсти соотвѣтственные головные уборы. Большинство мужчинъ носитъ на головѣ сплетенный изъ травы обручъ толщиною приблизительно въ два вершка. Въ обручъ этотъ втыкаются длинныя черныя перья фрегатовъ и разныхъ другихъ морскихъ птицъ. У другихъ были громадныя шляпы, сдѣланныя изъ перьевъ морской чайки-рыболова, почти не уступавшія величиной громаднымъ парикамъ англійскихъ юрисконсультовъ. Многіе удовлетворялись, впрочемъ, простымъ деревяннымъ обручемъ, вокругъ котораго расположены были по радіусамъ длинныя бѣлыя перья чаекъ. Колеблясь въ воздухѣ при малѣйшемъ движеніи, перья эти производили легкій вѣтерокъ, доставлявшій владѣльцамъ

такого головного убора пріятную прохладу. Туземныя дамы и дѣвицы носили большія, широкія шляпки, очень искусно сплетенныя изъ травы. Шляпки эти, спускаясь впередъ остроконечнымъ мысомъ, имѣли сверху продольный гребень и расходились назади двумя широкими лопастями".

Вся осмотрѣнная англичанами мѣстность была усѣяна пористыми камнями черноватаго цвѣта и вообще представляла самый безотрадный видъ. Нѣсколько видовъ тощихъ травокъ, прозябавшихъ въ трещинахъ скалъ, нѣсколько кустарниковъ, между прочимъ одинъ видъ шелковицы, проскурнякъ, мимоза и т. п. и въ заключеніе нѣсколько райскихъ смоковницъ—представляли собою единственную растительность, возможную среди этого скопленія вулканическихъ горныхъ породъ.

Неподалеку отъ мѣста, гдѣ англичане высадились на берегъ, возведена была изъ тесанаго камня вертикальная стѣна, сложенная весьма прочно съ соблюденіемъ попеременнаго порядка въ швахъ. Нѣсколько далѣе стоялъ посрединѣ хорошо вымощенной площадки человѣческій бюстъ почти трехсаженной вышины и въ шесть футовъ толщины, высѣченный изъ цѣльнаго камня; бюстъ этотъ былъ очень плохой работы; голова его была плохо очерчена, глаза, носъ и ротъ указывались лишь грубыми чертами; одни лишь уши, которыя, соображаясь съ туземной модой, изображены были очень длинными, отличались сравнительно законченной отдѣлкой.

Такія статуи, очень многочисленныя на островѣ Пасхи, повидимому не могли быть изваяны и установлены безпомощными дикарями, которыхъ нашелъ на этомъ островѣ капитанъ Кукъ; въ противномъ случаѣ пришлось бы заключить, что раса, населявшая этотъ островъ, достигла сперва сравнительно довольно высокой цивилизаціи, а затѣмъ пришла въ упадокъ. Необходимо замѣтить, что туземцы, не воздавая упомянутымъ статуямъ божескихъ почестей, тѣмъ не менѣе относились къ нимъ съ извѣстнаго рода уваженіемъ; по крайней мѣрѣ они были очень недовольны, когда англичане ходили по вымощенной площадкѣ, на которой стояла одна изъ этихъ статуй. Эти колоссальные часовые воздвигнуты были, впрочемъ, не только на берегу моря, но также по склону горъ и въ трещинахъ скалъ. Однѣ изъ нихъ найдены были въ стоячемъ, а другія въ лежачемъ положеніи. Казалось, что онѣ сброшены съ своихъ пьедесталовъ какимъ-нибудь земле-

Монументы острова Пасхи (Fac-simile съ древней гравюры).

трясеніемъ. Нѣкоторыя изъ статуй не были еще вполнѣ отдѣлены отъ скалы, послужившей для нихъ матеріаломъ.

Какая внезапная катастрофа заставила туземныхъ ваятелей прервать свою работу? Какое значеніе имѣютъ самыя статуи и кого онѣ должны были изображать? Какой отдаленной эпохѣ слѣдуетъ отнести эти бытовые памятники народа, который совершенно исчезъ, по крайней мѣрѣ утратилъ во мракѣ вѣковъ воспоминаніе

о прежней своей культурѣ. Вопросамъ этимъ, повидимому, суждено навсегда остаться неразрѣшенными.

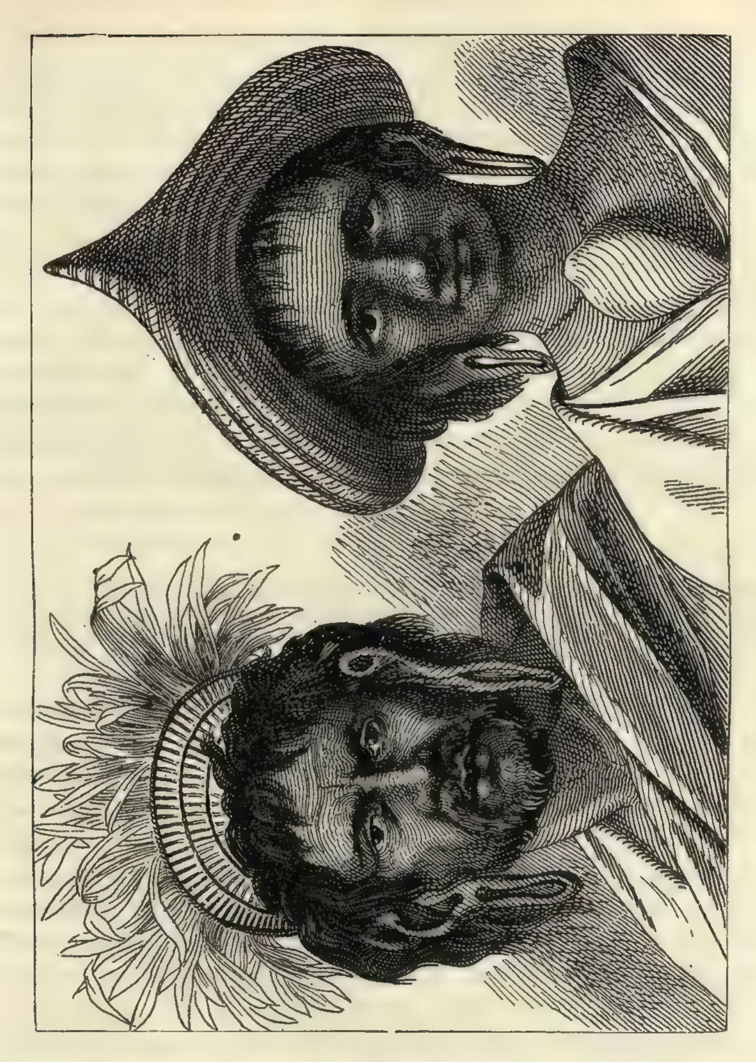
Туземцы охотно вступили въ мѣновыя сдѣлки съ англичанами. При этомъ надо было только смотрѣть за островитянами, какъ говорится, въ оба. По словамъ Кука, они выказывали поистинѣ замѣчательную ловкость въ дѣлѣ очищенія чужихъ кармановъ. Какъ бы ни было, Куку удалось пріобрѣсти на островѣ Пасхи нѣкоторое количество фруктовъ, оказавшихся очень полезными для цынготныхъ больныхъ. Недостатокъ въ прѣсной водѣ помѣшалъ, однако, англійскому мореплавателю остановиться на болѣе продолжительное время у береговъ этого острова.

„Resolution" пошелъ оттуда къ Маркизскимъ островамъ, открытымъ Менданой въ 1595 году, но съ тѣхъ поръ болѣе не посѣщавшимся европейцами. Какъ только корабль вышелъ въ море, съ Кукомъ сдѣлался новый приступъ болѣзни печени, причинившей ему столько страданій. Также и цынготнымъ больнымъ стало хуже. У матросовъ и офицеровъ, съѣзжавшихъ на берегъ и долго пробывшихъ на островѣ Пасхи, лупилась на лицѣ кожа.

7-го апрѣля 1774 года усмотрѣна была наконецъ группа Маркизскихъ островов. Ее удалось найти лишь послѣ пятидневныхъ поисковъ въ различныхъ мѣстахъ, которыя указывались для нея на географическихъ картахъ. „Resolution" бросилъ якорь близъ Таовати, названнаго Менданой островомъ св. Христины. Англійскій корабль былъ вскорѣ окруженъ туземными байдарами, носовая часть которыхъ была наполнена каменьями. У каждаго изъ островитянъ обвита была вокругъ руки праща. Несмотря на эти мѣры военной предосторожности, между туземцами и англичанами установились дружественныя отношенія.

„Островитяне эти хорошо сложены, — говоритъ Форстеръ, — и очень недурны собой, несмотря на желтоватый, весьма смуглый цвѣтъ кожи, который вслѣдствіе татуировки, покрывающей почти все ихъ тѣло, кажется совершенно чернымъ... Долины, выходившія къ бухтѣ, у которой мы остановились, были покрыты лѣсомъ. Вообще вся окрестная мѣстность вполнѣ соотвѣтствовала описанію испанскаго мореплавателя. Вдали отъ берега сквозь лѣсъ виднѣлось много огней, изъ чего мы заключили, что островъ этотъ обладаетъ вѣроятно значительнымъ населеніемъ".

Убѣдившись, что на Маркизскихъ островахъ трудно будетъ запастись свѣжей провизіей, Кукъ пробылъ тамъ всего лишь пять



Мужчина и женщина съ острова Пасхи (Fac-simile съ древней гравюры).

дней. За это время онъ успѣлъ, однако, собрать нѣсколько интересныхъ фактическихъ данныхъ относительно населенія этихъ острововъ, которое онъ считаетъ одной изъ красивѣйшихъ расъ во всей Океаніи. По словамъ англійскаго мореплавателя, черты лица у нихъ правильнѣе, чѣмъ у всѣхъ прочихъ островитянъ. Повидимому, однако, они одного происхожденія съ таитянами,

такъ какъ говорятъ приблизительно на одномъ и томъ же языкѣ.

Маркизскій архипелагъ состоитъ изъ пяти острововъ: Магдалены, Санъ-Педро, Доминика, Санта-Христины и острова Гуда, названнаго такъ по имени открывшаго его матроса. На островѣ Санта-Христинѣ проходитъ очень высокая горная цѣпь, отроги которой, постепенно понижаясь, заканчиваются холмами, доходящими до самаго моря. Горный хребетъ прорѣзанъ узкими, глубокими плодоносными долинами, которыя изобилуютъ плодовыми деревьями и орошаются ручьями отличной прѣсной воды. Бухта Мадре-де-Діосъ, которую Кукъ назвалъ портомъ „Resolution", лежитъ почти посерединѣ западнаго берега Санта-Христины. Въ нее впадаетъ два ручья, устья которыхъ образуютъ небольшія губы, съ песчанымъ дномъ и таковыми же прибрежьями.

II.

Кукъ снова посѣщаетъ Таити и архипелагъ Дружбы.—Изслѣдованіе Ново-Гебридскихъ острововъ.—Открытіе Новой Каледоніи и Сосноваго острова.—Стоянка въ проливѣ королевы Шарлотты.—Южная Георгія.—Гибель лейтенанта и десяти матросовъ съ «Adventure».

Покинувъ 12-го апрѣля Маркизскіе острова, Кукъ направился къ Таити и пять дней спустя очутился среди архипелага Помоту. Онъ присталъ къ острову Тіукеа, открытому Байрономъ. Жители этого острова имѣли основательную причину быть недовольными Байрономъ, а потому встрѣтили англичанъ довольно холодно. Куку съ трудомъ лишь удалось пріобрѣсти у нихъ двѣ дюжины кокосовыхъ орѣховъ и штукъ пять свиней, въ изобиліи водившихся на островѣ. Въ другой мѣстности того же острова туземцы оказались много гостепріимнѣе. Согласившись вступить въ дружественныя сношенія съ англичанами, они поздоровались съ ними, коснувшись носами ихъ носа. Эдиди удалось купить у этихъ островитянъ нѣсколько бѣлыхъ длинношерстыхъ собакъ, шкуры которыхъ употребляются на Таити для украшенія военной брони.

„Островитяне сообщили намъ,—говоритъ Форстеръ,—что, завидѣвъ рыбу, идущую стаями, они рубятъ на мелкіе куски ложечную траву, пересыпаютъ ею мягкотѣлыхъ животныхъ, вынутыхъ изъ раковинъ, и бросаютъ рыбѣ приготовленную такимъ образомъ приманку. Съ жадностью набрасываясь на эту при-

манку, рыба отъ нея на нѣкоторое время пьянѣетъ и всплываетъ на поверхность, гдѣ ее нетрудно уже поймать".

Кукъ видѣлъ еще много другихъ острововъ того же самаго архипелага, походившихъ общимъ своимъ характеромъ на островъ Тіукеа. Между прочимъ усмотрѣны были имъ Опасные острова, среди которыхъ Роггевейнъ потерялъ свою галеру „Африканку". Кукъ назвалъ эту островную группу Пализеровыми островами, а затѣмъ пошелъ прямо къ Таити. Матросы „Resolution", увѣренные въ дружественномъ расположеніи таитянъ, считали ихъ островъ какъ-бы вторымъ своимъ отечествомъ. Англійскій корабль бросилъ якорь 22-го апрѣля въ Матавайской бухтѣ, гдѣ его дѣйствительно встрѣтили самымъ радушнымъ образомъ. Мѣстный державецъ О-Ту и нѣсколько другихъ вождей, навѣстивъ Кука, привезли ему въ подарокъ десять или двѣнадцать большихъ свиней и громадное количество фруктовъ.

Кукъ разсчитывалъ сперва пробыть на Таити лишь нѣсколько дней, чтобъ дать астроному Уэлесу возможность произвести нѣкоторыя наблюденія. Обиліе свѣжей провизіи и фруктовъ заставило англійскаго мореплавателя значительно продлить эту стоянку.

Утромъ, 26-го апрѣля, прибывъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ въ Опаррэ съ офиціальнымъ визитомъ къ таитскому державцу, Кукъ нашелъ тамъ громадную флотилію болѣе чѣмъ изъ трехсотъ военныхъ байдаръ, стоявшихъ въ полномъ снаряженіи вдоль берега. На берегу толпилось множество вооруженныхъ воиновъ. При видѣ такой громадной боевой силы, собранной за одну ночь, англійскіе офицеры отнеслись къ ней сперва съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ. Дружественный пріемъ, оказанный имъ на берегу, тотчасъ-же разсѣялъ ихъ опасенія.

Собранный близъ Опаррэ таитскій военный флотъ состоялъ изъ ста шестидесяти двойныхъ военныхъ байдаръ, изукрашенныхъ множествомъ флаговъ, и ста семидесяти байдаръ меньшихъ размѣровъ, предназначавшихся для перевозки съѣстныхъ припасовъ. Экипажъ этихъ трехсотъ тридцати военныхъ судовъ состоялъ изъ семи тысячъ семи сотъ шестидесяти воиновъ и гребцовъ.

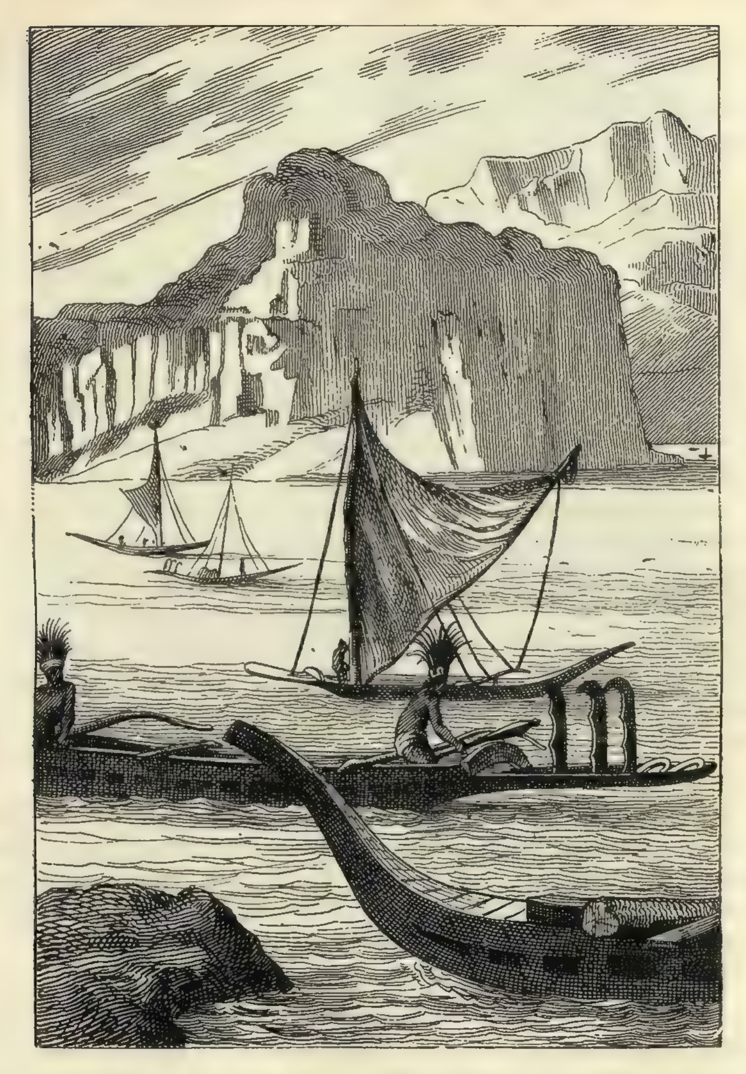
„Видъ этого флота, — говоритъ Форстеръ, — далъ намъ еще болѣе высокое понятіе о богатствѣ этого острова и о значительности туземнаго населенія. Принимая въ расчетъ плохое качество плотничнаго инструмента, которымъ располагали туземцы,

мы должны были изумляться громадному труду и терпѣнію, потраченнымъ на то, чтобы срубить такое множество громадныхъ деревъ, распилить ихъ на доски, обстругать и отполировать эти доски и наконецъ построить изъ нихъ такія громадныя и такъ хорошо отдѣланныя суда. Надо взять во вниманіе, что туземцамъ пришлось выполнять эту работу единственно лишь своими каменными топорами и долотами, кусочками кралловъ и рыбьей шкуры. Вожди и часть экипажа байдары, долженствовавшая находиться на боевой платформѣ, были въ воинскихъ доспѣхахъ, которые состояли изъ тканей, обернутыхъ нѣсколько разъ вокругъ головы и туловища, изъ плетеныхъ кирасъ и касокъ. Нѣкоторыя изъ этихъ касокъ были такъ велики, что чрезвычайно стѣсняли своихъ хозяевъ. Вообще воинскіе доспѣхи таитянъ имѣли какъ-будто театральный характеръ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, спеціально предназначались для устрашенія непріятеля. Нельзя отрицать, что они придавали таитскимъ воинамъ очень внушительный и величественный видъ".

Вернувшись въ Матаваи, Кукъ узналъ, что весь этотъ грозный флотъ предназначался для нападенія на сосѣдній островъ Эймео, вождь котораго, состоявшій прежде въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Таити, вздумалъ объявить себя независимымъ.

Вскорѣ послѣ того англійскаго капитана посѣтили нѣкоторые изъ его прежнихъ пріятелей. Всѣмъ имъ очень хотѣлось, чтобъ Кукъ надѣлилъ ихъ красными перьями, которымъ на Таити очевидно придавали большую цѣнность. Дѣйствительно, одно красное перо цѣнилось въ мѣновыхъ сдѣлкахъ дороже, чѣмъ гвоздь и стеклянная бусинка, взятые вмѣстѣ. Таитянамъ такъ нравились красныя перья, что они отдавали за нихъ даже траурные свои костюмы, которые Кукъ, въ первое свое путешествіе, не могъ пріобрѣсти, хотя онъ предлагалъ за нихъ по нѣсколько топоровъ за штуку.

Одежды эти, изготовлявшіяся изъ самыхъ рѣдкихъ произведеній острова и окружающаго его моря, отличались чрезвычайнымъ изяществомъ и тщательностью отдѣлки. Англичанамъ удалось на этотъ разъ получить за нѣсколько пучковъ красныхъ перьевъ цѣлый десятокъ полныхъ траурныхъ костюмовъ, имѣвшихъ сравнительно громадную стоимость даже и на Таити. Въ Англіи они обратили на себя большое вниманіе. Нѣкоторые изъ нихъ были проданы тамъ по 15—20 ф. стерлинговъ за штуку.



Пироги Маркизскихъ островов (Fac-simile съ древней гравюры).

Эдиди, сумѣвшій запастись большимъ количествомъ красныхъ перьевъ, сталъ первоклассным богачемъ и могъ выполнять всѣ свои фантазіи. Таитяне смотрѣли на него какъ на чудо и охотно слушали всѣ его разсказы; его охотно принимали не только среди туземной аристократіи, но даже и въ семьѣ мѣстнаго державца. Онъ женился на дочери матавайскаго вождя и привелъ свою

жену на корабль, гдѣ Кукъ и всѣ офицеры сочли своею обязанностью надѣлить ее подарками. Сестра Эдиди въ свою очередь вышла замужъ за могущественнаго вождя. При такихъ обстоятельствахъ Эдиди предпочелъ остаться на Таити.

Несмотря на случавшіяся неоднократно мелкія кражи, отношенія между англичанами и туземцами сохраняли самый дружественный характеръ. Англичанамъ удалось поэтому запастись чрезвычайно большимъ количествомъ свѣжей провизіи. Старушка Оберея, считавшаяся въ 1766 году царицей острова, привезла сама на корабль фрукты и нѣсколько штукъ свиней, въ надеждѣ получить въ обмѣнъ за нихъ красныя перья, бывшія тогда на Таити въ такой модѣ. Англичане выказали себя очень щедрыми на подарки и забавляли островитянъ фейерверками и воинскими упражненіями.

За нѣсколько дней до отплытія Кука изъ Таити О-Ту устроилъ въ честь его большіе двухсторонніе морскіе маневры, закончившіеся примѣрнымъ сраженіемъ. Оно было, впрочемъ, такъ кратковременно, что англичанамъ не удалось прослѣдить за всѣми его перипетіями. Черезъ пять дней таитяне имѣли въ виду дать настоящее морское сраженіе, и Куку, собственно говоря, очень хотѣлось посмотрѣть, какъ оно разыграется. Опасаясь возбудить недовѣріе туземцевъ, онъ рѣшился, однако, какъ можно скорѣе выйти въ море.

Едва только „Resolution“ вытянулся изъ бухты, какъ бросился въ море одинъ изъ младшихъ канонировъ, очарованный естественными прелестями Таити, а можетъ быть также и обѣщаніями О-Ту, очень желавшаго удержать на островѣ кого-нибудь изъ европейцевъ. Дезертиръ этотъ поплылъ къ берегу, но былъ настигнутъ посланною за нимъ шлюпкой. Кукъ очень сожалѣлъ, что въ видахъ сохраненія дисциплины долженъ былъ поступить такимъ образомъ. Если-бъ канониръ, у котораго въ Англіи не было ни друзей, ни родственниковъ, попросилъ разрѣшенія остаться на Таити, то Кукъ далъ бы ему съ удовольствіемъ это разрѣшеніе.

15-го мая „Resolution“ бросилъ якорь въ небольшомъ портѣ О-Варрэ, у острова Гуагейнэ. Престарѣлый вождь Ореэ явился одинъ изъ первыхъ поздравить англичанъ съ возвращеніемъ и поднести имъ соотвѣтственные подарки. Кукъ приберегъ для своего пріятеля самыя лучшія красныя перья, но оказалось, что

Туземцы Маркизскихъ острововъ (Fac-simile съ древней гравюры).

Орез не придавалъ имъ особенной цѣны. Ему гораздо болѣе нравились топоры, гвозди, пилы, долота и вообще разный стальной и желѣзный инструментъ. Старикъ видимо одряхлѣлъ, умственныя его способности также замѣтно ослабѣли. Кукъ объясняетъ это чрезмѣрнымъ пристрастіемъ Орез къ кавѣ, опьяняющему напитку, приготовляемому изъ корня перцоваго дерева. Авторитетъ престарѣлаго вождя тоже очень ослабѣлъ. Шайка воровъ не по-

церемонилась ограбить даже и престарѣлаго вождя. Кукъ, узнавъ объ этомъ, высадилъ на берегъ отрядъ вооруженныхъ матросовъ и пустился въ погоню за ворами, но они успѣли, однако, укрыться въ горахъ.

Ореэ былъ очень благодаренъ англичанамъ за дружественный ихъ образъ дѣйствій. Когда 24-го апрѣля „Resolution" снялся съ якоря, Ореэ послѣдній сошелъ съ корабля. Прощаясь съ вождемъ, Кукъ сказалъ, что имъ вѣроятно не суждено болѣе свидѣться; старецъ со слезами на глазахъ отвѣчалъ: „Пришлите сюда вашихъ дѣтей; мы будемъ имъ душевно рады".

Въ другой разъ Ореэ, желая особенно почтить своего друга, освѣдомился, гдѣ именно Кукъ разсчитываетъ быть погребеннымъ. „Въ Степнеѣ",—отвѣчалъ Кукъ. Ореэ просилъ нѣсколько разъ повторить это слово и заучилъ его наизусть. Послѣ того, при видѣ Кука, туземцы всякій разъ считали долгомъ привѣтствовать его восклицаніемъ: „Степней—мораи но Тоотэ!" (Степней—гробница Кука). Великій англійскій мореплаватель не предвидѣлъ, что погибнетъ насильственной смертью и что его соотечественникамъ съ трудомъ лишь удастся разыскать часть его тѣла и костей!

Эдиди, который подъ конецъ все-же вернулся съ англичанами на Гуагейне, встрѣтилъ тамъ далеко не такой радушный пріемъ, какъ на Таити. Впрочемъ онъ уже значительно обѣднѣлъ да и вообще у себя на родинѣ не могъ пользоваться такимъ авторитетомъ, какъ на Таити. Въ путевыхъ замѣткахъ Кука говорится по этому поводу:

„Здѣсь опять подтвердилась пословица: „Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ"... Эдиди, разставаясь съ нами, выказалъ самое глубокое сожалѣніе, свидѣтельствовавшее объ его привязанности къ намъ. Онъ бѣгалъ изъ каюты въ каюту, чтобъ проститься со всѣми. Я не въ силахъ описать горесть, переполнявшую сердце молодого таитянина, когда ему надо было подъ конецъ уходить съ корабля. Онъ долго еще смотрѣлъ на удалявшійся „Resolution" и, заливаясь слезами, легъ, въ отчаяніи, на дно своей байдары. Обогнувъ гряду подводныхъ утесовъ, мы видѣли, какъ онъ все еще простиралъ къ намъ руки".

6-го іюня Кукъ усмотрѣлъ островъ Могипу, который былъ открытъ Валлисомъ и получилъ отъ него названіе острова Гове. Нѣсколько дней спустя встрѣчена была цѣлая группа необитае-

мыхъ острововъ, окруженныхъ рифами и названныхъ, въ честь одного изъ лордовъ адмиралтейства, Пальмерстоновыми островами.

20-го іюня открытъ былъ крутой и утесистый островъ, поросшій кустами и большими деревьями. Вдоль острова тянулась узкая песчаная прибрежная полоса, на которой собралась вскорѣ цѣлая толпа туземцевъ, вооруженныхъ пиками и палицами. Видя приближеніе англійскихъ шлюпокъ, туземцы старались сперва застращать непрошенныхъ гостей разными угрожающими тѣлодвиженіями, но скрылись въ лѣсу, какъ только англичане стали высаживаться на берегъ. Вскорѣ однако островитяне стали опять показываться изъ лѣсу и, нападая на англичанъ, осыпали ихъ градомъ камней и стрѣлъ. Спарманъ былъ раненъ въ руку, а самъ Кукъ слегка оцарапанъ дротикомъ, скользнувшимъ у него по плечу. Матросамъ пришлось дать ружейный залпъ, чтобъ разсѣять этихъ негостепріимныхъ туземцевъ (отличавшихся очень темнымъ цвѣтомъ кожи). Островъ ихъ названъ былъ Кукомъ островомъ Дикарей.

Четыре дня спустя Кукъ снова прибылъ къ архипелагу острововъ Дружбы. Онъ остановился на этотъ разъ близъ острова Намуки или Роттердамскаго (какъ онъ былъ названъ Тасманомъ).

Едва только корабль бросилъ якорь, какъ онъ окруженъ былъ множествомъ туземныхъ лодокъ, нагруженныхъ бананами и разными другими фруктами, которые охотно обмѣнивались островитянами на гвозди и разное тряпье. Такой дружественный пріемъ побудилъ естествоиспытателей сойти на берегъ и совершить прогулку внутрь острова для ознакомленія съ естественными его произведеніями. По возвращеніи на корабль они восторженно описывали красоту и живописность видѣнныхъ ими восхитительныхъ пейзажей, а также отзывались съ большой похвалой о вѣжливости и услужливости туземнаго населенія.

Нѣсколько мелкихъ кражъ оставлены были англичанами безъ вниманія, но затѣмъ болѣе крупное воровство заставило наконецъ Кука прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Туземецъ, пытавшійся воспротивиться захвату двухъ байдаръ, которыя Кукъ приказалъ задержать, пока не будетъ возвращено украденное у англичанъ оружіе, былъ тяжело раненъ ружейнымъ выстрѣломъ. Тѣмъ не менѣе Кукъ счелъ возможнымъ назвать Намуку, Тонгу и сосѣдніе острова архипелагомъ Дружбы. Въ настоящее время они извѣстны подъ туземнымъ названіемъ острововъ Тонга-Табу.

Продолжая идти далѣе къ западу, неутомимый изслѣдователь осмотрѣлъ островъ Прокаженныхъ, а также острова Авроры, Пятидесятницы и Малликоло, названные Бугэнвиллемъ Большими Цикладскими островами.

Въ инструкціяхъ, данныхъ Куку адмиралтействомъ, ему предписывалось, насколько возможно, вступать съ туземцами въ дружественныя торговыя сношенія. Кукъ отдалъ своему экипажу соотвѣтственное распоряженіе. Въ первый день стоянки у береговъ Малликоло сношенія съ туземцами имѣли дѣйствительно дружественный характеръ; островитяне праздновали прибытіе англичанъ общественными играми и плясками, когда на другой день у нихъ дѣло чуть не дошло до открытаго столкновенія съ чужеземными гостями.

Одинъ изъ туземцевъ пожелалъ войти въ англійскую шлюпку, но матросъ, оставленный ее караулить, не счелъ себя въ правѣ его туда пустить. Принявъ это за оскорбленіе, раздраженный дикарь натянулъ лукъ и собирался поразить матроса отравленной стрѣлой, но былъ удержанъ отъ этого другими туземцами. Въ это время Кукъ, съ ружьемъ въ рукѣ, вышелъ на палубу. Видя, что островитянинъ снова прицѣливается въ матроса, Кукъ прикрикнулъ на него. Тогда дикарь направилъ стрѣлу на самого англійскаго капитана. Къ счастью, Кукъ предупредилъ его мѣткимъ выстрѣломъ, заставившимъ дикаря бросить стрѣлу и отбѣжать отъ берега. Островитяне сочли этотъ выстрѣлъ за объявленіе войны и осыпали корабль тучею стрѣлъ, не причинившихъ, однако, особеннаго вреда. Чтобъ разогнать дикарей, пришлось выстрѣлить у нихъ надъ головами изъ пушки.

По прошествіи нѣсколькихъ часовъ туземцы снова собрались вокругъ корабля и, какъ ни въ чемъ не бывало, занялись опять мѣновой торговлей.

Пользуясь миролюбивымъ ихъ настроеніемъ, Кукъ, съ отрядомъ вооруженныхъ матросовъ, рѣшился сойти на берегъ, чтобъ запастись дровами и прѣсной водой. Тамъ его встрѣтили четверо или пятеро вооруженныхъ туземцевъ. Кукъ держалъ въ рукахъ зеленую вѣтвь. Одинъ изъ туземцевъ, какъ оказалось впослѣдствіи—мѣстный вождь, подошелъ къ нему тоже съ зеленою вѣтвью. Заключеніе мира было засвидѣтельствовано обмѣномъ этихъ зеленыхъ вѣтвей и упрочено нѣсколькими ничтожными подарками. Куку разрѣшено было запастись дровами, но съ

Флотъ таитянъ, собранный въ Опаре (Fac-simile съ древней гравюры).

тѣмъ, чтобъ не отходить далеко отъ берега. Естествоиспытатели хотѣли углубиться для ботаническихъ изслѣдованій внутрь страны, но были каждый разъ безпощадно останавливаемы туземцами, которые отводили ихъ обратно на берегъ.

Островитяне эти не придавали желѣзу и стали никакой цѣнности. Англичанамъ было поэтому очень трудно добыть себѣ у нихъ фрукты и свѣжую провизію. Немногіе лишь туземцы согласились обмѣнять свое оружіе на ткани. Туземцы выказали при этомъ замѣчательную честность, къ которой англичане не были пріучены другими островитянами. „Resolution“ шелъ уже подъ парусами, когда туземцы на своихъ байдарахъ гнались еще за нимъ, чтобы вручить покупателямъ запроданныя вещи, плата за которыя была уже получена. Одному изъ дикарей удалось, послѣ долгихъ усилій, нагнать корабль; онъ вручилъ свое оружіе матросу, который забылъ уже про эту покупку. Когда матросъ хотѣлъ дать островитянину что-нибудь въ награду за такую честность, дикарь отказался наотрѣзъ, объяснивъ, что плата за оружіе имъ уже получена.

Кукъ назвалъ мѣсто своей стоянки у береговъ острова Малликоло Сандвичевымъ портомъ.

Если душевныя качества островитянъ произвели на англійскаго мореплавателя благопріятное впечатлѣніе, то нельзя сказать того-же о физическихъ ихъ свойствахъ. Малорослые и плохо сложенные, эти чрезвычайно смуглые дикари, съ приплюснутыми своими лицами, были очень неказисты на видъ. Къ сожалѣнію, дарвиновскія теоріи были въ то время еще неизвѣстны, зато Кукъ не преминулъ бы найти въ обитателяхъ Малликоло то промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной, объ утратѣ котораго такъ скорбятъ сторонники прекращенія видовъ. Черные, толстые, курчавые, короткіе волосы и окладистыя бороды дикарей были имъ также не къ лицу. Особенно уродливой казалась англичанамъ привычка островитянъ перетягивать себѣ животы веревкой до такой степени, что у нихъ таліи дѣлались какъ у осъ или большихъ муравьевъ. Дикари эти носили въ ушахъ серьги съ подвѣсками изъ черепаховыхъ щитковъ, браслеты изъ свиныхъ зубовъ, большія черепаховыя кольца и вставляли себѣ въ носъ хорошенькій бѣлый камешекъ. Оружіе ихъ состояло изъ копій, палицъ, луковъ и стрѣлъ. Эти послѣднія имѣли иногда по два и по три острія, намазанныхъ, сколько

можно судить, какимъ-нибудь ядовитымъ веществомъ; по крайней мѣрѣ туземцы были очень осторожны со своими стрѣлами и всегда держали ихъ въ колчанахъ.

23-го іюля утромъ „Resolution“ вышелъ изъ Сандвичева порта. Почти тотчасъ-же затѣмъ экипажъ корабля опасно заболѣлъ. Съ матросами и офицерами сдѣлалась страшная рвота, рѣзь въ животѣ, ломота въ костяхъ и сильныя головныя боли. Дѣло въ томъ, что передъ тѣмъ пойманы были двѣ очень большихъ рыбы, которыя показались очень вкусными. Несмотря на оказанную заболѣвшимъ медицинскую помощь, они окончательно выздоровѣли лишь по прошествіи десяти дней. Попугай и собака, отвѣдавшіе этой рыбы, околѣли на другой день. Слѣдуетъ замѣтить, что подобный же фактъ случился и съ спутниками Квироса. Впослѣдствіи въ этихъ мѣстностяхъ не разъ наблюдались симптомы отравленія ядовитою рыбой.

Покинувъ Малликоло, Кукъ направился къ Амбримскому острову, на которомъ, повидимому, есть дѣйствующій вулканъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ открылъ группу островковъ, названную, въ честь профессора астрономіи въ Кембриджскомъ университетѣ, островами Шеферда. Затѣмъ усмотрѣны были острова: Двухъ Холмовъ, Монтегю, Гинчинбрука и самый большій изъ всѣхъ— Сандвичевъ островъ, который не слѣдуетъ смѣшивать съ архипелагомъ того же имени. Всѣ эти острова окружены цѣлою сѣтью подводныхъ скалъ, густо заселены и покрыты богатой растительностью.

1-го августа вспыхнулъ на кораблѣ пожаръ, который былъ, однако, немедленно потушенъ. Почти тотчасъ-же затѣмъ одинъ изъ морскихъ солдатъ, не умѣвшій плавать, упалъ въ воду. Корабль легъ въ дрейфъ, послѣ чего солдату бросили веревку, за которую онъ благополучно успѣлъ ухватиться.

3-го августа открытъ былъ островъ Коро-Манго. На другой день Кукъ отправился въ шлюпкѣ къ берегу, разсчитывая найти удобное мѣсто, чтобъ запастись прѣсной водой. Большинство офицеровъ и матросовъ страдало еще послѣдствіями отравленія рыбой, и Кукъ надѣялся, что больные его на берегу скорѣе поправятся. Видъ туземцевъ, вооруженныхъ копьями, луками и стрѣлами, показался, однако, англійскому мореплавателю подозрительнымъ. Островитяне уговаривали сперва англичанъ вытащить шлюпку на берегъ, а потомъ хотѣли принудить ихъ къ этому

силой. Туземный вождь бросился съ толпою воиновъ къ шлюпкѣ. Дикари, которымъ удалось схватиться за весла, начали вырывать ихъ изъ рукъ англичанъ. Кукъ хотѣлъ выстрѣлить изъ ружья, но оно дало осѣчку. Англичане были тотчасъ-же осыпаны стрѣлами и каменьями, ранившими нѣсколько человѣкъ. Между прочимъ, одинъ изъ офицеровъ раненъ былъ стрѣлою въ грудь. Кукъ приказалъ тогда отвѣтить туземцамъ ружейнымъ залпомъ. Къ счастію, порохъ на полкахъ отсырѣлъ, такъ что большая половина ружей дала осѣчку; въ противномъ случаѣ дикарямъ пришлось-бы плохо. Впрочемъ и такъ четверо туземцевъ было убито наповалъ, а многіе болѣе или менѣе тяжело ранены. Коварный образъ дѣйствій дикарей заставилъ Кука назвать мѣсто, близъ котораго произошло это столкновеніе, мысомъ Измѣнниковъ.

„Островитяне эти,—говоритъ Форстеръ,—принадлежа, повидимому, къ другой расѣ, чѣмъ жители Малликоло, говорятъ на какомъ-то другомъ языкѣ. Коромангскіе туземцы не велики ростомъ, но сложены пропорціонально и обладаютъ довольно пріятной наружностью. Цвѣтъ кожи у нихъ очень смуглый, волосы курчавые и отчасти похожи на шерсть. У туземцевъ этихъ въ модѣ расписывать себѣ лицо черною или красною краской. Немногія женщины, которыхъ намъ удалось тамъ увидѣть, показались мнѣ очень некрасивыми. Нигдѣ на берегу мы не замѣтили байдаръ. Дома у островитянъ кроются пальмовыми листьями. Туземныя плантаціи представляютъ собою правильные четыреугольники и окружены тростниковыми заборами“.

Во всякомъ случаѣ нечего было и думать о стоянкѣ на островѣ, населеніе котораго относилось такъ враждебно къ чужеземцамъ. Кукъ направился поэтому къ другому острову, усмотрѣнному имъ еще за день передъ тѣмъ и называвшемуся у туземцевъ Танна.

„Островъ этотъ пересѣкался цѣпью холмовъ,—говоритъ Форстеръ.—Самый низменный изъ нихъ былъ конусообразной формы съ кратеромъ посрединѣ. Холмъ этотъ былъ красно-бураго цвѣта и представлялъ собою груду обожженныхъ, совершенно безплодныхъ камней. Изъ кратера по временамъ вырывался густой столбъ дыма, походившій издали на громадное дерево съ широкой куполообразной вершиной“.

„Resolution“ былъ немедленно окруженъ десятками двумя байдаръ. На самыхъ большихъ изъ этихъ байдаръ находилось до

двадцати пяти туземцевъ. Островитяне оказались очень дерзкими. Они старались присвоить себѣ все, что попадалось имъ подъ руку: живчики, флаги, и старались даже вырвать петли изъ руля. Чтобы прогнать этихъ нахаловъ, пришлось выстрѣлить у нихъ надъ головами изъ четырехфунтовой пушки. Кукъ съ нѣсколькими офицерами и учеными съѣхалъ на берегъ въ шлюпкѣ съ командою вооруженныхъ матросовъ. Несмотря на бездѣлушки, которыя англичане съ обычною въ такихъ случаяхъ щедростью раздавали дикарямъ, туземцы продолжали держать себя вызывающимъ образомъ. Малѣйшее недоразумѣніе неминуемо повлекло бы за собой кровопролитіе.

Островитяне эти, насколько могъ понять Кукъ, были людоѣды. Это казалось англичанамъ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что на Таннѣ не было недостатка въ свиньяхъ, курахъ, съѣдобныхъ кореньяхъ и разныхъ фруктахъ.

Въ виду настроенія туземцевъ было неосторожно далеко отходить отъ берега. Форстеръ прошелъ, однако, на нѣкоторое разстояніе внутрь острова и встрѣтилъ тамъ источникъ минеральной воды настолько горячей, что въ ней нельзя было держать палецъ долѣе секунды.

Англичанамъ очень хотѣлось осмотрѣть вулканъ, находившійся тогда въ полной дѣятельности, но туземцы ни подъ какимъ видомъ не соглашались допустить ихъ такъ далеко внутрь страны. Разумѣется, можно было бы проложить себѣ путь силою оружія, но Кукъ считалъ неумѣстнымъ прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ безъ крайней необходимости. По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ туземцевъ, оказалось, что изверженія особенно усиливаются въ дождливую и туманную погоду. Каждыя пять минутъ происходитъ тогда внутри вулкана взрывъ, послѣ котораго поднимается изъ кратера высокій столбъ огня и дыма. Однажды вулканъ этотъ извергнулъ большое количество камней. На островѣ найдено было множество сольфатаръ. Землетрясенія тамъ, само собою разумѣется, очень обыкновенны.

Въ концѣ концовъ жители острова Танны, благодаря краснорѣчію престарѣлаго своего вождя Паованга, стали относиться къ англичанамъ съ нѣсколько меньшимъ недовѣріемъ. Вслѣдствіе этого сношенія съ туземцами нѣсколько облегчились.

„Когда мы не подавали имъ повода къ подозрѣніямъ,—говоритъ Кукъ,—островитяне обращались съ нами вѣжливо, добро-

душно и очень гостепріимно... Они, правда, относились къ намъ съ недовѣріемъ, но развѣ можно было ихъ порицать за это? Они вѣдь не могли знать настоящія наши намѣренія. Видя у насъ преимущество въ силѣ, они не осмѣливались сопротивляться высадкѣ нашей на берегъ. Хотя мы и старались держать себя по отношенію къ нимъ дружественно, островитяне очень хорошо понимали, что, если намъ вздумается, мы можемъ силою оружія занять ихъ страну. Очень можетъ быть, что первоначальное предположеніе это казалось имъ даже правдоподобнымъ. Только лишь по прошествіи нѣкотораго времени, лучше познакомившись съ нами, они стали относиться къ намъ съ бо́льшимъ довѣріемъ".

Какъ бы ни было, причина, по которой туземцы не дозволяли англичанамъ осмотрѣть внутренность острова, такъ и осталась неразъясненной. Быть можетъ, жители Танны вообще не отличались чрезмѣрной довѣрчивостью; могло случиться также, что они часто подвергались набѣгамъ своихъ сосѣдей. Судя по храбрости островитянъ и замѣчательному умѣнью владѣть оружіемъ, надо было заключить, что имъ зачастую приходилось вести войны.

Не придавая никакой цѣнности предметамъ, которые привезены были англичанами для мѣновой торговли, туземцы не выказывали особеннаго желанія доставлять на рынокъ фрукты и съѣдобные коренья. Они ни за что не хотѣли уступить Куку свиней, даже въ обмѣнъ на топоры, въ полезности которыхъ имѣли, однако, случай наглядно убѣдиться.

На островѣ этомъ произрастаютъ: хлѣбное дерево, кокосовая пальма, дерево, приносящее плоды въ родѣ персиковъ и называемое у туземцевъ „павіа"; ямсъ, бататы, дикая смоковница, мускатное дерево и многія другія неизвѣстныя Форстеру плодовыя деревья.

Выйдя 21-го августа снова въ море, Кукъ послѣдовательно открылъ острова Эрронамъ и Аннатомъ, прошелъ вдоль Сандвичева острова, мимо Малликоло и Квиросовой Земли св. Духа, гдѣ онъ безъ труда узналъ заливъ св. Іакова и св. Филиппа. Затѣмъ окончательно покинувъ эти острова, Кукъ назвалъ ихъ Ново-гебридскими. Названіе это осталось за ними до настоящаго времени.

5-го сентября Куку удалось открыть землю, которую до тѣхъ поръ никогда еще не попирала нога европейцевъ, а именно сѣверную оконечность Новой Каледоніи. Первый усмотрѣнный съ

корабля мысъ названъ былъ мысомъ Кольнетта, по имени волонтера, которому удалось его увидѣть прежде другихъ. Берегъ былъ опоясанъ грядою утесовъ, за которой шли двѣ или три туземныхъ байдары, державшія курсъ повидимому такъ, какъ-будто хотѣли встрѣтиться съ англійскимъ кораблемъ. Къ восходу солнца они однако паруса убрали и вскорѣ исчезли изъ виду.

Пролавировавъ часа два вдоль пояса подводныхъ утесовъ, Кукъ нашелъ въ немъ проходъ, сквозь который можно было достигнуть берега, и бросилъ якорь въ Баладской бухтѣ.

Окрестная мѣстность казалась, вообще говоря, безплодной. Она была покрыта какою-то жесткой, бѣловатой травой. Изрѣдка виднѣлись деревья съ бѣлыми стволами, представлявшія нѣкоторое сходство съ ивами. Деревья эти назывались у туземцевъ „ніаули“. Замѣчено было также нѣсколько хижинъ, напоминавшихъ наружнымъ видомъ пчелиные ульи.

Едва только былъ брошенъ якорь, какъ англійскій корабль былъ окруженъ полуторадесяткомъ туземныхъ байдаръ. Туземцы оказались очень довѣрчивыми и тотчасъ-же вступили съ англичанами въ торговыя сдѣлки. Нѣкоторые изъ дикарей взобрались на корабль и съ большимъ интересомъ осмотрѣли его въ подробности. Они упорно отказывались отвѣдать гороховаго супа, солонины и свинины, но съ большимъ удовольствіемъ ѣли ямсъ. Болѣе всего удивлялись они козамъ, свиньямъ, собакамъ и кошкамъ. Животныя эти были совершенно неизвѣстны туземцамъ, на языкѣ которыхъ не было даже словъ для ихъ обозначенія. Гвозди и вообще всѣ инструменты и орудія изъ желѣза и стали, а также красныя ткани цѣнились у туземцевъ очень высоко. Эти островитяне были народъ рослый и дюжій, хорошо сложенный, съ волнистыми темнорусыми волосами и бородой. Языкъ ихъ не представлялъ ни малѣйшаго сходства съ нарѣчіями, которыя англичанамъ доводилось слышать на другихъ островахъ.

Когда Кукъ съѣхалъ на берегъ, туземцы встрѣтили его съ изъявленіями радости и удивленія, свидѣтельствовавшими, что они впервые лишь видятъ европейцевъ. Мѣстнымъ вождямъ не безъ нѣкоторыхъ усилій удалось водворить молчаніе, послѣ чего, обратившись къ Куку, они произнесли краткія привѣтственныя рѣчи, въ отвѣтъ на которыя Кукъ, по своему обыкновенію, поднесъ имъ въ даръ нѣсколько бездѣлушекъ. Затѣмъ, для лучшаго ознакомленія съ туземцами, офицеры вмѣшались въ толпу.

Многіе изъ островитянъ страдали особой болѣзнью въ родѣ проказы, отъ которой руки и ноги у нихъ были очень утолщены. Всѣ ходили почти совершенно голые; единственною одеждою служила имъ веревка, которой они стягивались вмѣсто пояса; другая, подобная же веревка повязана была вокругъ шеи. Многіе украшали эту веревку маленькими кусочками зеленаго жировика. У нѣкоторыхъ были на головѣ громадныя черныя цилиндрическія шляпы безъ донышка, грубо сплетенныя изъ травы или древесныхъ волоконъ и представлявшія нѣкоторое сходство съ шапками венгерскихъ гусаръ. У вождей эти шляпы были украшены черными и красными перьями. Уши у туземцевъ непомѣрно растянуты и вся ушная раковина разрѣзана на-двое; въ нихъ продѣвается по нѣскольку серегъ изъ черепаховыхъ колецъ, а за отсутствіемъ таковыхъ вставляется свертокъ листьевъ сахарнаго тростника.

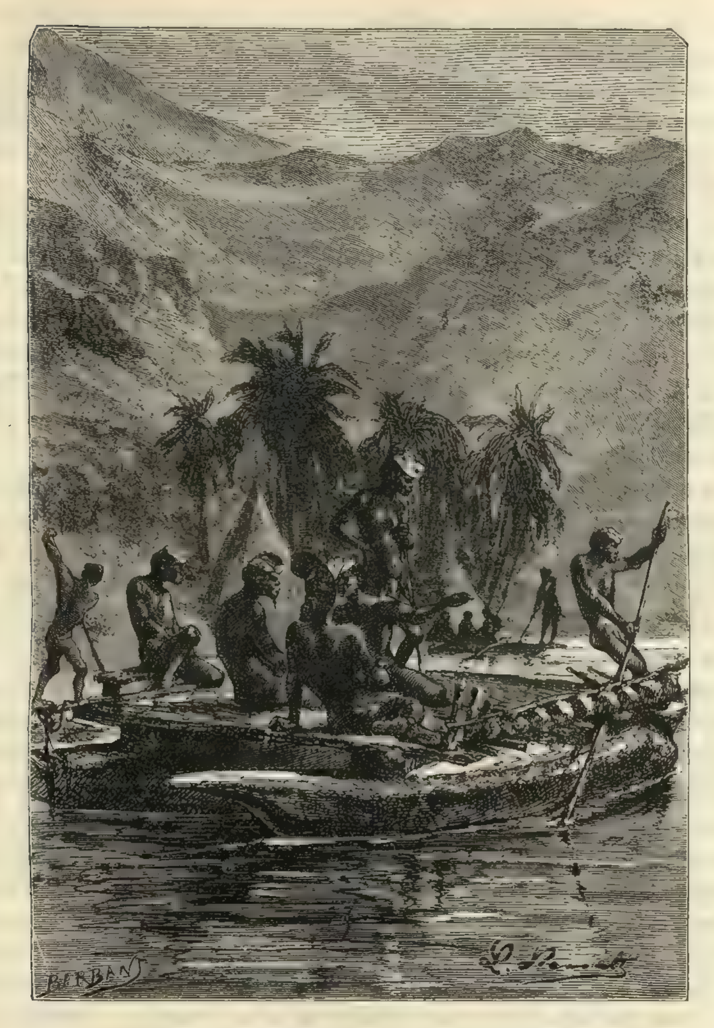
Невдалекѣ отъ берега, за рощицей изъ манговыхъ деревьевъ англичане встрѣтили деревушку, окруженную плантаціями сахарнаго тростника, ямса и банановъ. Плантаціи эти орошались небольшими каналами, искусно проведенными изъ сосѣдняго ручья.

Вскорѣ выяснилось, что, въ виду чрезвычайной бѣдности края, англичане не въ состояніи будутъ запастись тамъ свѣжей провизіей. Зато, благодаря дружественному настроенію туземцевъ, ученые могли безпрепятственно осмотрѣть страну и ознакомиться съ ея произведеніями.

„Туземцы эти, говоритъ Кукъ, выучили насъ нѣсколькимъ словамъ своего языка, который не имѣетъ ничего общаго съ нарѣчіями, употребляемыми на другихъ островахъ. Характера они кроткаго и миролюбиваго, но очень лѣнивы и безпечны; поэтому они рѣдко сопровождали насъ во время нашихъ прогулокъ.

Если, проходя мимо хижины, мы заговаривали съ туземцами, они намъ отвѣчали; но если мы проходили мимо, не обращаясь непосредственно къ нимъ, то они дѣлали видъ, будто насъ не замѣчаютъ. Женщины выказывали впрочемъ болѣе любопытства, чѣмъ мужчины; онѣ прятались въ кусты, чтобъ наблюдать оттуда за нами, но не соглашались подходить къ намъ иначе, какъ въ присутствіи своихъ мужей или отцовъ.

Островитяне не проявляли какого-либо страха или неудовольствія, когда мы въ ихъ присутствіи стрѣляли птицъ изъ ружей; напротивъ того, туземная молодежь охотно показывала ихъ намъ



Туземцы оказались очень довѣрчивыми.

и очень забавлялась мѣткостью нашихъ стрѣлковъ. Повидимому, у островитянъ въ это время года не было никакой серьезной работы. Окончивъ посадку ямса и банана, они ждали теперь, пока эти коренья и плоды созрѣютъ. Оставивъ себѣ только строго-необходимое количество продовольствія, туземцы отъ этого вѣроятно и не могли снабдить насъ свѣжею провизіей. Вообще же мы могли заключить, что они не чужды правилъ гостепріимства.

благодаря которымъ островитяне южныхъ морей пользуются столь лестной репутаціей у мореплавателей".

Замѣчаніе Кука о лѣности и нерадивости новокаледонцевъ совершенно справедливо. Пребываніе его у этихъ островитянъ было однако слишкомъ кратковременно для того, чтобъ онъ могъ составить себѣ о нихъ совершенно вѣрное сужденіе. Такъ, ему и въ голову не приходило, чтобъ эти гостепріимные островитяне могли быть людоѣдами. На островѣ найдено было сравнительно очень мало птицъ, въ томъ числѣ замѣчены были перепелки, горлицы, голуби, утки, чирки, куропатки и разныя мелкія пташки. Никакихъ четвероногихъ животныхъ ни въ дикомъ, ни въ домашнемъ состояніи встрѣчено не было. Всѣ усилія Кука пріобрѣсти себѣ отъ туземцевъ хотя небольшое количество свѣжей провизіи остались тщетными.

Англійскій мореплаватель сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ внутрь страны и взобрался на одну изъ вершинъ горной цѣпи, тянувшейся въ направленіи съ сѣвера на югъ. Съ вершины этой онъ увидѣлъ море, какъ съ запада, такъ и съ востока, и убѣдился, что Новая Каледонія имѣла въ этомъ мѣстѣ не болѣе десяти миль въ ширину. Мѣстность общимъ характеромъ напоминала ему часть Новоголландскаго прибрежья, лежащаго подъ тѣми-же широтами. Естественныя произведенія были въ обѣихъ странахъ вполнѣ одинаковы. Между прочимъ, лѣсъ въ Новой Каледоніи точно также отличается отсутствіемъ кустарника и молодой поросли. Куку показалось также, что новокаледонскія горы должны изобиловать минеральными сокровищами. Дѣйствительно, французскіе горные инженеры открыли тамъ впослѣдствіи богатыя залежи каменнаго угля, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ, никкеля и золота.

Во время этой стоянки Кукъ и оба Форстера снова отравились ядовитою рыбою. Кукъ разсказываетъ объ этомъ въ своемъ путевомъ журналѣ слѣдующимъ образомъ:

„Мой секретарь купилъ у одного изъ туземцевъ рыбу, пойманную острогой въ рѣчкѣ близъ мѣста, гдѣ мы запасались прѣсной водой. Рыба эта принадлежала къ совершенно неизвѣстному намъ виду, но представляла нѣкоторое сходство съ такъ называемой солнечной рыбой, принадлежащей къ виду, называемому у Линнея „Tetrodon". Она отличалась противною, большою и длинною головою. Не подозрѣвая, чтобъ эта рыба могла быть

ядовитой, я приказалъ ее изготовить къ вечеру на ужинъ. Къ счастью, пока ее срисовывали и описывали, прошло такъ много времени, что поваръ не успѣлъ исполнить мое приказаніе и угостилъ насъ за ужиномъ только одной лишь ея печенкой. Я и оба Форстера немного ее отвѣдали. Послѣ того, къ тремъ часамъ утра, всѣ мы почувствовали крайнюю слабость. У меня почти пропало чувство осязанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ не въ состояніи отличить тяжелыя тѣла отъ легкихъ. Большой кувшинъ съ водою и перышко казались мнѣ совершенно одинаковаго вѣса. Корабельный врачъ прописалъ сначала рвотныя, а потомъ потогонныя средства, доставившія намъ большое облегченіе. Свинья, которой брошены были внутренности этой рыбы, была найдена утромъ мертвою. Когда туземцы прибыли на корабль и увидѣли рыбу, повѣшенную нами на реѣ, они показали знаками, что она негодна въ пищу и что отъ нея можно умереть. Между тѣмъ, когда мы покупали эту рыбу, никто изъ нихъ не счелъ нужнымъ предупреждать насъ объ опасности“.

Кукъ осмотрѣлъ и нанесъ на карту значительную часть восточнаго прибрежья Новой Каледоніи. Во время прибрежнаго плаванія встрѣченъ былъ туземецъ, кожа у котораго была столь-же бѣлаго цвѣта, какъ у европейцевъ. При болѣе внимательномъ изслѣдованіи оказалось, что это былъ альбиносъ. Подобные случаи болѣзненной бѣлизны кожи замѣчены были также и у туземцевъ острововъ Товарищества.

Англійскому мореплавателю очень хотѣлось развести въ Новой Каледоніи свиней. Однакожъ ему съ трудомъ лишь удалось добиться отъ туземцевъ разрѣшеніе оставить у нихъ на островѣ борова и свинью. Ему пришлось долго выхваливать достоинства свиней, ихъ плодовитость и высокую цѣнность, прежде чѣмъ туземцы согласились взглянуть милостивымъ окомъ на этихъ животныхъ.

Вообще же Кукъ описываетъ новокаледонцевъ въ самомъ выгодномъ для нихъ свѣтѣ. Онъ считаетъ ихъ очень вѣжливыми и въ высшей степени добросовѣстными людьми, среди которыхъ воровство совершенно неизвѣстно. Мореплаватели, посѣщавшіе послѣ того Новую Каледонію и въ особенности Д'Антркасто, убѣдились, однако, на опытѣ, что островитяне эти преизрядные мошенники.

Нѣкоторые изъ туземцевъ въ общихъ чертахъ походили на

негровъ и обладали такими же толстыми губами, приплюснутыми носами и курчавыми волосами.

„Если-бъ мнѣ надо было высказаться о происхожденіи этого народца,—говоритъ Кукъ,—то я призналъ бы его за помѣсь между обитателями острова Танны и туземцами острововъ Дружбы или же новозеландцами. Можетъ быть, впрочемъ, что новокаледонцы представляютъ собою смѣсь всѣхъ этихъ трехъ расъ, по крайней мѣрѣ ихъ языкъ можетъ съ извѣстной точки зрѣнія разсматриваться какъ смѣшеніе таннійскаго и новозеландскихъ нарѣчій съ языкомъ обитателей архипелага Дружбы“.

Оружіе туземцевъ состояло изъ палицъ, копій, дротиковъ и пращей. Такое разнообразіе наступательнаго вооруженія свидѣтельствовало о чрезвычайной ихъ воинственности. Камни, бросаемые изъ пращи, гладкіе и сфероидальной формы. Хижины туземцевъ круглыя въ родѣ громадныхъ пчелиныхъ ульевъ. Высокія ихъ крыши заканчивались острою верхушкой. Въ каждой хижинѣ имѣлся очагъ, а въ нѣкоторыхъ было даже два очага, на которыхъ всегда поддерживался огонь. Кромѣ дверей никакого другого выхода для дыма не было, а потому англичане не въ состояніи были просидѣть въ туземной хижинѣ даже и нѣсколькихъ минутъ.

Пища туземцевъ состоитъ только изъ рыбы, различныхъ съѣдобныхъ корней, въ томъ числѣ изъ ямса и таро, и очень невкусной коры какого-то дерева. Бананы, сахарный тростникъ и хлѣбное дерево встрѣчаются очень рѣдко; кокосовыя же пальмы имѣютъ какой-то хилый видъ и не достигаютъ такого-же развитія, какъ на другихъ островахъ, посѣщенныхъ англичанами. Численность населенія казалась очень значительной, но Кукъ справедливо замѣчаетъ, что, по случаю прибытія „Resolution“ въ Баладскую бухту, туда, вѣроятно, собралось все окрестное населеніе. Лейтенантъ Пикерсджиль, производя гидрографическую съемку прибрежья, убѣдился, что оно въ сущности мало населено.

Новокаледонцы имѣютъ обычай предавать покойниковъ землѣ. Многіе матросы и офицеры осматривали туземное кладбище и между прочимъ обратили вниманіе на могилу одного вождя, имѣвшую видъ небольшого кургана, украшеннаго копьями, дротиками и веслами, воткнутыми возлѣ нея въ землю.

13-го сентября Кукъ отплылъ изъ Баладской бухты и направился къ югу вдоль берега Новой Каледоніи. Онъ нѣсколько

Крыши заканчивались острою верхушкою.

разъ приставалъ къ берегу, но нигдѣ не могъ добыть себѣ свѣжей провизіи. Страна повсюду представляла тотъ же безплодный характеръ. Невдалекѣ отъ южной оконечности Новой Каледоніи Кукъ открылъ островъ меньшей величины, названный имъ Сосновымъ островомъ, вслѣдствіе того, что на немъ найдено было множество сосновыхъ деревьевъ.

Деревья эти оказались очень пригодными для изготовленія

запасныхъ рей и стенгъ, въ которыхъ нуждался „Resolution". Кукъ послалъ поэтому на берегъ шлюпку съ командой рабочихъ, поручивъ имъ срубить и обдѣлать на мѣстѣ потребное количество деревьевъ. Оказалось, что многія сосны имѣли до двадцати вершковъ въ діаметрѣ и до семидесяти футовъ въ вышину, такъ что могли бы годиться даже и на мачты. Самъ Кукъ придавалъ большое значеніе открытію Сосноваго острова, такъ какъ по всему протяженію Тихаго океана только на этомъ островѣ да еще на Новой Зеландіи можно было найти мачтовый лѣсъ.

Слѣдуя далѣе къ югу, по направленію къ Новой Зеландіи, Кукъ встрѣтилъ 10-го октября необитаемый островокъ, на которомъ естествоиспытатели собрали множество неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ растеній. Островъ этотъ названъ былъ Норфолькомъ. Впослѣдствіи онъ былъ заселенъ частью возмутившагося экипажа „Bounty".

18-го октября „Resolution" снова остановился на якорѣ въ проливѣ королевы Шарлотты. Огороды, о разведеніи которыхъ такъ хлопотали англичане, найдены были совершенно заброшенными, но многія изъ посѣянныхъ тамъ растеній превосходно развились.

Первоначально туземцы выказывали крайнюю подозрительность и не хотѣли вступать въ сношеніе съ англичанами. Узнавъ, однако, что имѣютъ дѣло со старинными своими знакомыми, они выказали чрезвычайную радость. На разспросы о причинахъ, по которымъ, завидѣвъ корабль, они сперва какъ будто перепугались, туземцы отвѣчали уклончиво. Можно было, впрочемъ, догадаться, что со времени послѣдняго посѣщенія острова Кукомъ у новозеландцевъ было столкновеніе съ европейцами, при которомъ нѣсколько европейцевъ лишились жизни.

Мы уже упоминали, что Кукъ послѣ стоянки въ каналѣ королевы Шарлотты потерялъ „Adventure" изъ виду и не имѣлъ потомъ о немъ никакихъ свѣдѣній. То, что онъ узналъ отъ туземцевъ, заставило его еще болѣе опасаться за участь этого корабля. Несмотря на всѣ старанія, онъ не могъ, однако, вывѣдать у нихъ истину. Лишь по прибытіи на мысъ Доброй Надежды, гдѣ его ожидали письма отъ капитана Фюрно, удалось Куку узнать, что именно случилось съ „Adventure".

Высадивъ на берегъ нѣсколько штукъ свиней, которыхъ онъ непремѣнно хотѣлъ развести на Новой Зеландіи, Кукъ 10-го ноября опять вышелъ въ море и взялъ курсъ къ мысу Горну.

Первая земля, усмотрѣнная съ „Resolution“ послѣ долгаго плаванія, оказалась западнымъ прибрежьемъ Огненной Земли, неподалеку отъ входа въ Магеллановъ проливъ.

„Мы долго пробыли въ морѣ, но все-же та часть американскаго прибрежья, которой мы достигли 20-го декабря, — говоритъ Кукъ,—произвела на насъ самое грустное впечатлѣніе. Мы видѣли передъ собою рядъ островковъ, которые, не достигая большой высоты надъ уровнемъ моря, казались тѣмъ не менѣе совершенно безплодными и состояли изъ обнаженныхъ черныхъ утесовъ. За ними высились скалистыя громады Огненной Земли, покрытыя снѣгами, которые въ долинахъ доходили почти до береговой черты... Это самое дикое прибрежье, какое мнѣ гдѣ-либо случалось видѣть. Повсюду скалы и горы безъ малѣйшихъ признаковъ растительности... Горы выходятъ на море страшными обрывами, которые зачастую начинаются прямо съ вершины. Очень можетъ быть, что нигдѣ на земномъ шарѣ не найдется столь же ужасныхъ по своей дикости пейзажей. Горы, высившіяся на заднемъ планѣ, были всѣ покрыты снѣгами. На прибрежныхъ высотахъ острововъ, окаймлявшихъ Огненную Землю, какъ будто непрерывной береговой линіей, снѣга не было“.

Кукъ счелъ умѣстнымъ остановиться на нѣкоторое время въ этой пустынной странѣ, разсчитывая запастись тамъ кое-какою свѣжей провизіей. Отыскавъ для своего корабля безопасную стоянку въ Рождественскомъ каналѣ, онъ, по обыкновенію, произвелъ гидрографическую съемку окрестнаго прибрежья.

Команды матросовъ, посланныя на охоту, добыли большое количество водяной птицы. Шлюпка лейтенанта Пикерсджиля доставила на корабль четырнадцать штукъ гусей и триста штукъ яицъ морскихъ чаекъ. „Благодаря такой удачной охотѣ, говоритъ Кукъ, можно было угостить экипажъ свѣжимъ мясомъ и яйцами. Это доставило матросамъ тѣмъ большее удовольствіе, что приближались уже Рождественскіе праздники, а солонина всѣмъ намъ очень пріѣлась“.

Нѣсколько туземцевъ, обитавшихъ по сосѣдству, навѣстили англійскій корабль. Это были пешересы, нравы и обычаи которыхъ довольно обстоятельно описаны уже Бугэнвиллемъ. Кукъ, вообще говоря, подтверждаетъ то, что сказано о нихъ французскимъ мореплавателемъ. Пешересы питаются преимущественно

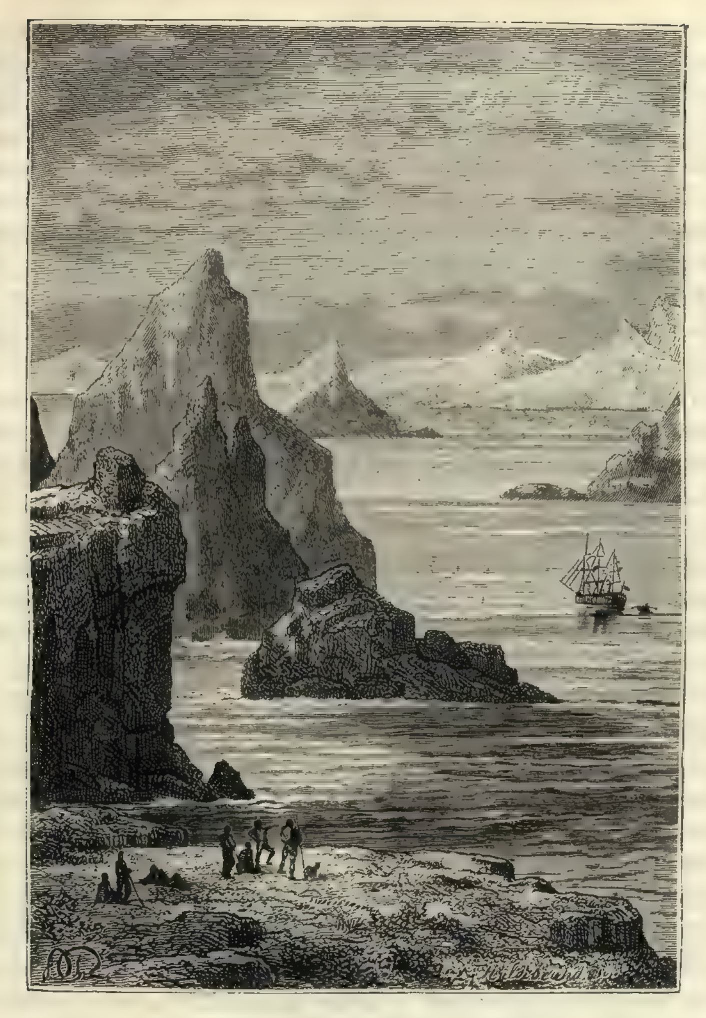
протухшимъ тюленьимъ мясомъ, отдавая предпочтеніе болѣе жирнымъ частямъ. Это обусловливается вѣроятно тѣмъ, что жирная пища развиваетъ у нихъ въ тѣлѣ болѣе теплоты и такимъ образомъ даетъ возможность лучше противустоять морозамъ и непогодѣ.

„Если-бъ кто-либо могъ сомнѣваться,—прибавляетъ Кукъ,—въ преимуществахъ цивилизованной жизни надъ жизнью дикарей, то одинъ взглядъ на этихъ индѣйцевъ могъ бы разрѣшить всѣ его сомнѣнія. Пока мнѣ не докажутъ, что человѣкъ, постоянно терзаемый голодомъ и холодомъ, можетъ все-таки чувствовать себя счастливымъ, я не могу повѣрить краснорѣчивымъ фразамъ разныхъ философовъ, не имѣвшихъ случая наблюдать человѣка въ разныхъ положеніяхъ или же непрочувствовавшихъ того, что они видѣли“.

Послѣ кратковременной стоянки „Resolution“ снова вышелъ въ море и, обогнувъ мысъ Горнъ, вступилъ въ Лемеровъ проливъ. Пройдя этотъ проливъ, англійскій корабль остановился на якорѣ близъ земли „Генеральныхъ Штатовъ“. На пути англичане встрѣчали множество китовъ. Окрестное прибрежье изобиловало пингвинами, бакланами, тюленями и сивучами.

„Я и докторъ Скарманъ чуть было не подверглись нападенію одного стараго сивуча,—разсказываетъ Форстеръ.—Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Мы взобрались на скалу, на которой лежало стадо, въ которомъ было нѣсколько сотъ этихъ животныхъ. Докторъ Скарманъ, убившій изъ ружья одну птицу, хотѣлъ ее подобрать, когда старый сивучъ, лежавшій поблизости, оскалилъ зубы и направился къ моему товарищу съ очевиднымъ намѣреніемъ вступить съ нимъ въ единоборство. Остальные сивучи съ интересомъ слѣдили, чѣмъ кончится поединокъ. Вскарабкавшись въ это время на скалу, я прицѣлился въ воинственнаго сивуча и положилъ его наповалъ. Всѣ остальные обратились тогда въ бѣгство по направленію къ морю; многіе изъ нихъ падали при этомъ второпяхъ съ десяти или пятнадцати-аршинной вышины на остроконечныя скалы. Это имъ, повидимому, нисколько не вредило. Дѣйствительно, шкура у сивучей очень прочная, а толстый слой подкожнаго жира отличается большою эластичностью“.

Покинувъ 3-го января землю Генеральныхъ Штатовъ, Кукъ направился къ юго-востоку, чтобы изслѣдовать единственную



Видъ Рождественскаго канала.

еще не осмотрѣнную имъ часть южныхъ морей. Онъ вскорѣ достигъ Южной Георгіи, усмотрѣнной въ 1675 году Ларошемъ, а въ 1756—Гюйо Дюкло, который командовалъ тогда испанскимъ кораблемъ „Левъ“. „Resolution“ прибылъ къ берегамъ Южной Георгіи 14-го января 1775 года. Кукъ въ трехъ мѣстахъ выходилъ на берегъ и, назвавъ эту землю Георгіей въ честь англійскаго короля Георга III, вступилъ именемъ короля во владѣніе ею.

Бухта „Поссесіонъ“, въ которой выполнены были всѣ формальности этого смѣшного ввода во владѣніе, окаймляется отвѣсными ледяными утесами, точь-въ-точь такими же, какъ ледяныя горы, которыя попадались „Resolution“ въ высокихъ южныхъ широтахъ.

„Внутренность страны,—говоритъ Кукъ въ путевомъ своемъ журналѣ,—представляла столь-же дикую и непривлекательную картину. Повсюду нагромождены были скалы, вершины которыхъ исчезали въ облакахъ. Лежавшія между ними долины окутаны покровомъ вѣчныхъ снѣговъ. Нигдѣ не видать ни берега, ни куста“.

Послѣ кратковременной стоянки у береговъ Георгіи Кукъ продолжалъ свой путь на юго-востокъ. Трудности опаснаго плаванія среди ледяныхъ полей и горъ, которыя ежечасно могли разбить „Resolution“ въ щепы, чрезвычайно изнурили экипажъ; зато Куку удалось послѣдовательно открыть Южный Туле, островъ Сандерса, архипелагъ Чанделера и, наконецъ, землю Сандвича.

Эти безплодныя и пустынныя земли не могли принести никакой практической пользы географамъ и торговцамъ. Убѣдившись въ ихъ существованіи, Кукъ не рѣшился осматривать ихъ въ подробности, такъ какъ не хотѣлъ подвергнуть опасности цѣнные научные матеріалы, собранные имъ во время путешествія.

Открытіе этихъ отдѣльныхъ острововъ убѣдило англійскаго мореплавателя, что близъ полюса должна находиться обширная земля, у береговъ которой образуется большинство льдовъ, встрѣчающихся въ громадномъ количествѣ на значительной части южнаго океана. Это остроумное предположеніе было вполнѣ подтверждено изслѣдованіями, произведенными въ XIX столѣтіи.

Направившись затѣмъ къ мѣсту, близъ котораго показанъ былъ на картѣ Буве мысъ Обрѣзанія Господня, Кукъ опять не нашелъ этого мыса и рѣшился тогда идти къ мысу Доброй Надежды, куда и прибылъ 22-го марта 1775 года.

„Adventure“ на обратномъ пути въ Англію останавливался тоже въ Столовой бухтѣ. Капитанъ Фюрно оставилъ въ Капштадтѣ на имя Кука письмо, въ которомъ увѣдомлялъ Кука о катастрофѣ, случившейся въ Новой Зеландіи съ одною изъ шлюпокъ этого корабля.

Прибывъ 13-го ноября 1773 года въ каналъ королевы Шарлотты, Фюрно запасся тамъ прѣсной водой и дровами, а затѣмъ

послалъ на берегъ шлюпку съ десятью матросами, подъ командой лейтенанта Роу, для собиранія растеній, пригодныхъ въ пищу. Такъ какъ шлюпка эта не возвращалась, то на слѣдующій день капитанъ Фюрно послалъ за нею другую шлюпку, которой и удалось собрать слѣдующія данныя относительно участи, постигшей злополучнаго Роу и его спутниковъ.

Послѣ долгихъ, тщетныхъ поисковъ вдоль берега, офицеръ, командовавшій второю шлюпкой, нашелъ на песчаномъ прибрежьѣ близъ Травяной бухты обломки шлюпки и нѣсколько башмаковъ, одинъ изъ которыхъ оказался принадлежавшимъ лейтенанту Роу. Въ то же время однимъ изъ матросовъ найденъ былъ кусокъ еще свѣжаго сырого мяса. Англичане сочли это мясо собачьимъ, такъ какъ не подозрѣвали туземцевъ въ людоѣдствѣ.

„Затѣмъ найдено было,— говоритъ капитанъ Фюрно, — на берегу до двадцати корзинъ, плотно увязанныхъ веревками. Развязавъ эти корзины, мы увидѣли въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жареное мясо, а въ другихъ—корни папоротника, употребляемые туземцами въ пищу вмѣсто хлѣба. Продолжая поиски, мы нашли еще нѣсколько башмаковъ и руку, въ которой, по вырѣзаннымъ на кожѣ буквамъ „Т. Н.“, признали руку Томаса Гилля“.

Офицеръ, командовавшій шлюпкой, замѣтилъ въ отдаленіи четыре байдары и множество туземцевъ, сидѣвшихъ вокругъ большого костра. Высаживаясь на берегъ, англичане дали залпъ, обратившій въ бѣгство всѣхъ дикарей за исключеніемъ двоихъ, которые медленно и хладнокровно пошли по направленію къ лѣсу. Одинъ изъ нихъ былъ тяжело раненъ пущеннымъ ему вслѣдъ выстрѣломъ. Команда вооруженныхъ матросовъ двинулась тогда на берегъ по направленію къ костру.

„Вскорѣ глазамъ нашимъ представилось ужасающее зрѣлище. На пескѣ разбросаны были головы, сердца и легкія нашихъ товарищей. Въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда собаки пожирали ихъ внутренности“.

У офицера было съ собою всего лишь десять человѣкъ; къ тому-же началъ накрапывать дождь, при которомъ нельзя было разсчитывать на тогдашнія кремневыя ружья. Туземцы, которыхъ собралось до полуторы тысячи человѣкъ, видя малочисленность англичанъ, очевидно намѣревались перейти въ наступленіе. При такихъ обстоятельствахъ благоразумнѣе всего было вернуться назадъ на „Adventure“.

„Не думаю, — говоритъ капитанъ Фюрно, — чтобъ эта рѣзня была умышленно устроена туземцами. На пути своемъ къ берегу г. Роу встрѣтилъ двѣ туземныхъ байдары, направлявшіяся къ нашему кораблю. Байдары эти оставались, дѣйствительно, цѣлое утро въ непосредственномъ нашемъ сосѣдствѣ. Надо полагать поэтому, что рѣзня произошла неожиданно изъ-за какой-нибудь ссоры. Можетъ быть также, что наша команда не соблюдала всѣхъ надлежащихъ мѣръ предосторожности и такимъ образомъ ввела въ искушеніе индѣйцевъ. Новозеландцы чувствовали себя тѣмъ смѣлѣе, что имѣли случай убѣдиться въ возможности промаховъ при стрѣльбѣ изъ ружей. Имъ извѣстно было также, что ружье можетъ дать осѣчку и что послѣ каждаго выстрѣла его приходится опять заряжать“.

Какъ бы ни было, „Adventure“ лишился такимъ образомъ лучшихъ своихъ матросовъ. Фюрно, покинувъ 23-го ноября 1773 года Новую Зеландію, обогнулъ мысъ Горнъ, зашелъ въ Столовую бухту и, наконецъ, 14-го іюля 1774 года, вернулся назадъ въ Англію.

Исправивъ свое судно и запасшись свѣжей провизіей, Кукъ вышелъ 27-го мая изъ Столовой бухты и послѣ небольшихъ остановокъ на островахъ св. Елены, Вознесенія, Фернандо, де-Норонья и въ Файялѣ (на одномъ изъ Азорскихъ острововъ) вернулся 29-го іюля 1775 года въ Плимутъ. Въ теченіе всего этого путешествія, продолжавшагося три года и восемнадцать дней, экипажъ „Resolution“ лишился всего лишь четырехъ человѣкъ. Изъ нихъ только одинъ умеръ отъ болѣзни, а именно отъ легочной чахотки, которою онъ страдалъ еще въ бытность свою въ Англіи.

Ни одно еще путешествіе не доставляло такой обильной жатвы географическихъ, этнографическихъ, ботаническихъ и разныхъ другихъ научныхъ открытій и наблюденій. Изслѣдованія капитана Кука выяснили многое, что оставалось темнымъ у прежнихъ путешественниковъ. Сдѣланы были важныя географическія открытія, между прочимъ острововъ: Новой Каледоніи и Пасхи. Отсутствіе южнаго материка было окончательно доказано. Кукъ получилъ за все это заслуженную награду. Черезъ девять дней по возвращеніи своемъ въ Англію онъ былъ произведенъ въ капитаны перваго ранга, а 29-го февраля 1776 года избранъ въ члены Британскаго Королевскаго Общества.

ГЛАВА V.

Третье путешествіе капитана Кука.

I.

Кукъ ищетъ острова, открытые французскими мореплавателями.—Кергеленскій архипелагъ.—Стоянка у береговъ Вандименовой Земли.—Проливъ королевы Шарлотты.—Островъ Пальмерстона.—Большія празднества на островахъ Дружбы.

Въ то время, когда капитанъ Кукъ вернулся въ Англію изъ второго кругосвѣтнаго своего путешествія, англійское адмиралтейство очень интересовалось вопросомъ, для разрѣшенія котораго предпринято было уже много изслѣдованій въ сѣверныхъ полярныхъ моряхъ. Желательно было узнать, существуетъ ли на сѣверѣ, вдоль береговъ Азіи или Америки, сообщеніе между Атлантическимъ и Тихимъ океанами, и если такое сообщеніе дѣйствительно существуетъ, то въ какой степени можетъ быть оно пригодно для мореплаванія? За нѣсколько времени передъ тѣмъ тщетно старались открыть этотъ морской путь въ сѣверозападномъ направленіи черезъ Гудсоновъ и Баффиновъ заливъ. Имѣлось въ виду попытать теперь счастья со стороны Тихаго океана черезъ Беринговъ проливъ.

Задача эта была очень трудная. Лорды адмиралтейства сознавали необходимость поручить выполненіе ея мореплавателю, знакомому съ опасностями, съ которыми предстоитъ бороться въ полярныхъ моряхъ. Надо было найти опытнаго, безстрашнаго моряка, который обладалъ бы необходимыми научными свѣдѣніями, чтобы извлечь надлежащую пользу изъ средствъ, предоставлявшихся въ его распоряженіе.

Всѣ эти качества ни въ комъ не встрѣчались одновременно въ такой высокой степени, какъ въ капитанѣ Кукѣ. Адмиралтейство предложило ему поэтому начальство надъ снаряжавшеюся экспедиціей. Кукъ занималъ тогда выгодный постъ при Гринвичской обсерваторіи. Онъ могъ бы спокойно провести тамъ остатокъ своихъ дней, окруженный общимъ уваженіемъ и славой, которую стяжалъ двумя своими кругосвѣтными путешествіями, однако же, не колеблясь ни минуты, принялъ сдѣланное ему предложеніе.

Въ распоряженіе Кука предоставлено было два корабля: „Re-

solution“ и „Discovery“. Суда эти были снаряжены такъ же, какъ и для предшествовавшаго кругосвѣтнаго путешествія. „Discovery“ состоялъ подъ командой капитана Клерка.

Начальнику экспедиціи предписано было идти къ мысу Доброй Надежды, а затѣмъ проникнуть далѣе къ югу, чтобъ разыскать острова, недавно открытые французскими мореплавателями подъ 48° южной широты и подъ меридіаномъ острова св. Маврикія. Оттуда онъ долженъ былъ зайти на Новую Зеландію, потомъ отвезти таитянина Маи на острова Товарищества, запастись тамъ свѣжей провизіей, взять курсъ къ Новому Альбіону, не приставая по возможности нигдѣ въ испанскихъ колоніяхъ Новаго Свѣта, и затѣмъ черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ пройти въ Гудсоновъ или въ Баффиновъ заливъ. Если это почему-либо не удастся, то, остановившись въ Камчаткѣ, чтобы дать отдыхъ экипажу и запастись свѣжей провизіей, Кукъ, послѣ новой попытки пройти изъ Тихаго океана въ Атлантическій, долженъ былъ вернуться въ Англію тѣмъ путемъ, который признаетъ наиболѣе полезнымъ въ интересахъ географіи и навигаціи.

„Resolution“ изготовился къ плаванію скорѣе, чѣмъ „Discovery“, и вышелъ въ море изъ Плимута уже 12-го іюля 1776 года. Ему пришлось поэтому ждать до 10-го ноября въ Столовой бухтѣ прибытія „Discovery“, который не могъ отплыть изъ Англіи ранѣе 1-го августа. „Discovery“ выдержалъ на этомъ переходѣ сильную бурю и потерпѣлъ нѣкоторыя аваріи. Между прочимъ понадобилось его заново проконопатить. Починки эти задержали оба корабля въ Столовой бухтѣ до 30-го ноября. Кукъ воспользовался этой долгой стоянкой для закупки домашняго скота, который онъ хотѣлъ отвезти на Таити и въ Новую Зеландію. Вмѣстѣ съ тѣмъ на обоихъ корабляхъ пополнены были запасы провіанта съ такимъ разсчетомъ, чтобы ихъ хватило на двухлѣтнее плаваніе.

Покинувъ мысъ Доброй Надежды, англійскія суда шли двѣнадцать дней къ юго-востоку, послѣ чего усмотрѣны были два острова подъ 46°53′ южной широты и 37°46′ восточной долготы. Пройдя сквозь раздѣляющій ихъ проливъ, Кукъ убѣдился, что эти утесистые пустынные острова были необитаемы. Какъ эти острова, такъ и четыре другихъ, лежащихъ еще на девять—двѣнадцать градусовъ далѣе къ востоку, открыты были французскими капитанами Маріономъ-Дюфреномъ и Крозе въ 1772 году.

24-го декабря Кукъ нашелъ острова, открытые въ 1772 и 1773 годахъ Кергеленомъ.

Мы не станемъ приводить здѣсь замѣтокъ англійскаго мореплавателя объ этомъ архипелагѣ; онѣ вполнѣ согласуются съ описаніями Кергелена, а потому будутъ приложены къ разсказу о путешествіи этого мореплавателя. Замѣтимъ только, что Кукъ, тщательно нанеся на карту Кергеленовы острова, покинулъ ихъ 31-го декабря и направился къ Вандименовой Землѣ. Во все продолженіе этого перехода болѣе чѣмъ въ триста миль оба корабля шли среди густого тумана.

26-го января они бросили якорь у береговъ Вандименовой Земли, въ той самой бухтѣ, гдѣ, за четыре года передъ тѣмъ, останавливался капитанъ Фюрно. Нѣсколько туземцевъ, находившихся поблизости, посѣтили англичанъ. Подарки, сдѣланные Кукомъ, были приняты дикарями очень холодно. Кукъ въ путевомъ своемъ журналѣ описываетъ этихъ туземцевъ слѣдующимъ образомъ:

„Они обыкновеннаго роста, но нѣсколько худощавы. Кожа у нихъ чернаго цвѣта, волосы тоже черные, курчавые и такъ-же походятъ на шерсть, какъ и волосы новогвинейскихъ негровъ, но у нихъ нѣтъ толстыхъ губъ и приплюснутаго носа, свойственныхъ африканскимъ неграмъ. Черты лица ихъ не представляли ничего непріятнаго; глаза ихъ показались намъ очень недурными; зубы у этихъ дикарей очень ровные, но далеко не отличаются бѣлизною. Большинство мажетъ себѣ волосы и бороду какою-то красною мазью. Нѣкоторые дикари красятъ себѣ этой мазью и лицо“.

Описаніе это, несмотря на свою краткость, является, однако, тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что послѣдній представитель этой расы умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Англійскіе корабли снялись съ якоря 30-го января и прибыли 10-го февраля къ берегамъ Новой Зеландіи, къ обычной стоянкѣ Кука въ каналѣ королевы Шарлотты. Туземныя байдары подходили къ нимъ, но долгое время никто изъ туземцевъ не рѣшался взойти на палубу. Всѣ были убѣждены, что англичане вернулись отомстить за смерть своихъ соотечественниковъ. Убѣдившись, что у Кука не было такого намѣренія, туземцы очень обрадовались и стали относиться къ англичанамъ съ полнымъ довѣріемъ. При помощи Маи, понимавшаго по-новозеландски,

Куку удалось узнать причину катастрофы, постигшей лейтенанта Роу и десятерыхъ его спутниковъ.

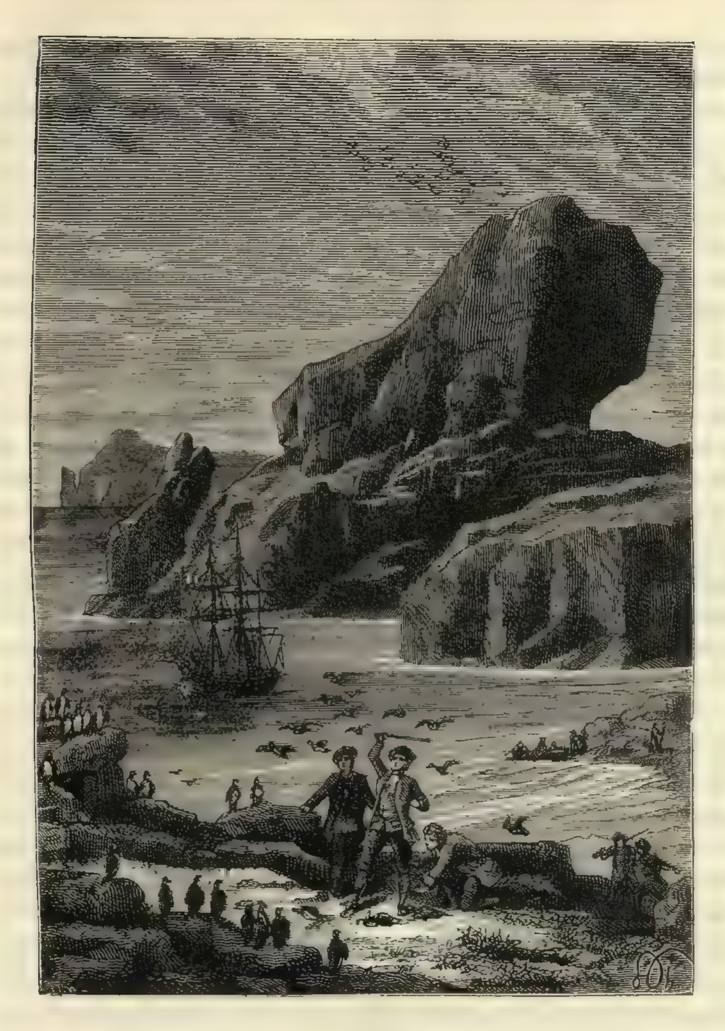
Оказалось, что въ то время, когда матросы ужинали, сидя на травѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, одинъ изъ новозеландцевъ укралъ изъ шлюпки какую-то вещь. Негръ капитана Фюрно, оставшійся сторожить лодку, ударилъ за это вора палкой. Новозеландецъ началъ кричать. Тогда соотечественники его бросились на англичанъ, которые пытались сопротивляться, но были подавлены численностью. Всѣ они были перерѣзаны, новозеландцы же потеряли убитыми только двухъ человѣкъ. Такимъ образомъ выяснилось, что нападеніе это не было со стороны туземцевъ предумышленно. Впослѣдствіи сами новозеландцы указали Куку вождя, начальствовавшаго надъ шайкой, которая умертвила злополучныхъ матросовъ „Adventure“, и предлагали казнить этого вождя, но Кукъ не согласился на это, къ великому удивленію какъ новозеландцевъ, такъ и Маи, который воскликнулъ: „Въ Англіи вѣшаютъ человѣка, если онъ убьетъ другого. Кагура убилъ десять человѣкъ, а вы не хотите ему отомстить!“

Передъ отплытіемъ изъ Новой Зеландіи Кукъ высадилъ на берегъ нѣсколько свиней и козъ, въ надеждѣ, что эти животныя наконецъ тамъ акклиматизируются.

Маи пожелалъ взять съ собою на Таити одного новозеландца. Вмѣсто одного нашлось, однако, двое охотниковъ. Кукъ согласился взять обоихъ на корабль, но предупредилъ, что они никогда уже не вернутся въ отечество. Когда новозеландскій берегъ скрылся изъ виду, новозеландцы принялись плакать, тѣмъ болѣе горько, что къ тоскѣ по родинѣ у нихъ присоединилась также морская болѣзнь. Вскорѣ, однако, они привыкли къ движенію корабля и, подружившись съ матросами, перестали грустить о покинутомъ ими отечествѣ.

29-го марта открытъ былъ островъ, называвшійся у туземцевъ Манжеа. Островитяне, вслѣдствіе приглашенія Маи, рѣшились взойти на корабль.

Они были небольшого роста, но крѣпкаго сложенія и очевидно обладали значительной силой; волосы свои они связывали на макушкѣ и носили длинныя бороды; многія части тѣла у нихъ были татуированы. Куку очень хотѣлось высадиться на берегъ этого острова, но, въ виду враждебнаго настроенія туземцевъ, онъ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе.



Острова Кергелена.

Въ четырехъ миляхъ оттуда усмотрѣнъ былъ другой островъ, очень похожій на Манжеа. Населеніе его казалось, однако, миролюбивѣе, а потому Кукъ послалъ на берегъ шлюпку съ командой матросовъ подъ начальствомъ лейтенанта Горэ. Маи отправился съ ними въ качествѣ переводчика. Оставивъ шлюпку подъ охраной вооруженныхъ матросовъ, Горэ съ другимъ офицеромъ, по имени Берней, естествоиспытателемъ Андерсономъ и Маи сошли

на берегъ одни и безъ оружія, причемъ, разумѣется, рисковали подвергнуться большимъ непріятностямъ.

Англичане встрѣчены были туземцами очень торжественно. Ихъ провели сквозь ряды воиновъ, выстроенныхъ шпалерами и вооруженныхъ палицами, къ тремъ вождямъ, уши которыхъ были украшены пучками красныхъ перьевъ. По-сосѣдству было до двадцати женщинъ, которыя, не обращая ни малѣйшаго вниманія на англичанъ, исполняли какой-то серьезный характерный танецъ. Разлучившись въ толпѣ другъ отъ друга и видя, что туземцы безцеремонно начинаютъ осматривать ихъ карманы, англичане начали было уже тревожиться за свою безопасность, когда заступничество Маи избавило ихъ отъ дальнѣйшихъ непріятностей. Ихъ задержали, впрочемъ, цѣлый день на островѣ, заставляя нѣсколько разъ раздѣваться, для того, чтобъ туземцы могли обстоятельно разсмотрѣть цвѣтъ ихъ кожи, но къ наступленію ночи отпустили обратно на шлюпку. Туда же, по распоряженію вождей, доставлено было большое количество кокосовыхъ орѣховъ, банановъ и разной свѣжей провизіи. Очень можетъ быть, что англичане обязаны были своимъ спасеніемъ преувеличеннымъ разсказамъ Маи о смертоносномъ дѣйствіи огнестрѣльнаго оружія. Маи утверждалъ, будто у европейцевъ есть корабли величиною болѣе острова и вооруженные такими пушками, которыя однимъ выстрѣломъ могутъ уничтожить весь островъ со всѣмъ его населеніемъ. Туземцы освѣдомились тогда, каковы пушки на двухъ корабляхъ, прибывшихъ къ ихъ острову. Маи отвѣчалъ, что пушки эти, хотя и не изъ самыхъ крупныхъ, но все-таки моглибы мигомъ стереть съ лица земли всѣхъ островитянъ. Онъ сперва было затруднялся объяснить, какимъ образомъ произошла бы эта катастрофа. Къ счастью, у него въ карманѣ было нѣсколько патроновъ. Онъ показалъ туземцамъ пули и порохъ, но его все-таки не поняли. Тогда Маи высыпалъ порохъ изо всѣхъ патроновъ въ ямочку, сдѣланную въ землѣ, зажегъ его фитилемъ, привязаннымъ къ длинной палкѣ. Внезапный взрывъ, сопровождаемый дымомъ и пламенемъ и тяжелымъ запахомъ порохового дыма, изумилъ всѣхъ островитянъ и внушилъ имъ полное довѣріе къ Маи. Они не осмѣлились задержать у себя англичанъ, опасаясь, чтобъ корабли не стали тогда стрѣлять по острову изъ пушекъ.

Въ толпѣ, находившейся на берегу, Маи встрѣтилъ трехъ своихъ соотечественниковъ. Отправившись съ семнадцатью товари-

щами на островъ Улиэтеа, они были отнесены сильнымъ вѣтромъ въ сторону. Улиэтеа находится неподалеку отъ Таити, и потому въ байдарѣ у нихъ было взято съ собою лишь очень немного съѣстныхъ припасовъ. Бо̀льшая часть экипажа байдары вскорѣ погибла отъ голода и утомленія; на байдарѣ оставалось всего лишь четыре человѣка, ослабѣвшихъ до того, что они не могли уже держаться на ногахъ, когда, въ довершеніе бѣдствія, она опрокинулась. Трое изъ несчастливцевъ ухватились однако за бортъ лодки и держались до тѣхъ поръ, пока не были встрѣчены байдарою съ острова Ватерэо. Прошло уже цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ волею случая они были занесены на этотъ островъ, находящійся болѣе чѣмъ въ двухстахъ миляхъ отъ Таити. Вступивъ въ дружественныя и родственныя связи съ жителями Ватерэо, которые по нраву и языку очень походили на таитянъ, они не пожелали болѣе вернуться на Таити. Кукъ замѣчаетъ по этому поводу:

„Фактъ этотъ лучше всякихъ разсужденій объясняетъ, какимъ образомъ могли заселиться отдаленныя отъ материковъ земли и между прочимъ острова Тихаго океана“.

Островъ Ватерэо лежитъ подъ 20° 1′ южной широты и 201° 45′ восточной долготы.

Англійскіе корабли прибыли затѣмъ къ сосѣднему острову Венуа. Лейтенантъ Горэ съѣхалъ на берегъ накосить травы для скота. Островъ казался необитаемымъ, хотя на немъ и найдены были туземныя могилы и развалины хижинъ.

5-го апрѣля усмотрѣнъ былъ островъ Гарвея, открытый Кукомъ во время второго путешествія въ 1773 году. Тогда островъ этотъ казался ему необитаемымъ. Кукъ былъ поэтому очень удивленъ, когда нѣсколько байдаръ, отдѣлившись отъ берега, направились къ его кораблямъ. Туземцы не рѣшились однако взойти на палубу. Они держали себя довольно дерзко и очевидно не хотѣли вступать въ дружественныя сношенія съ англичанами. Языкъ этихъ островитянъ представлялъ еще бо̀льшее сходство съ нарѣчіемъ, употребляемымъ на Таити.

Кукъ послалъ шлюпку, подъ начальствомъ лейтенанта Кинга, для отысканія удобной якорной стоянки, но шлюпка эта вернулась, не выполнивъ даннаго ей порученія. Туземцы, вооруженные копьями и палицами, выказывали намѣреніе отразить силою всякую попытку высадиться къ нимъ на островъ.

Запасы сѣна и прѣсной воды на англійскихъ корабляхъ стали уже истощаться, а потому Кукъ рѣшилъ идти къ островамъ Дружбы, гдѣ съ увѣренностью разсчитывалъ добыть также и свѣжей провизіи для экипажа. До Берингова пролива къ тому-же было такъ далеко, что торопиться туда казалось совершенно безцѣльнымъ. Во всякомъ случаѣ пришлось бы отложить до будущей весны попытку проникнуть черезъ этотъ проливъ изъ Тихаго океана въ Атлантическій.

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ вѣтровъ Кукъ, вмѣсто того, чтобъ идти къ Миддельбургу или Эоа, какъ онъ имѣлъ въ виду первоначально, направился къ острову Пальмерстона. Прибывъ туда 14-го апрѣля, англичане нашли тамъ множество птицъ, кокосовыхъ пальмъ и ложечной травы. Островъ этотъ въ сущности состоитъ изъ девяти или десяти отдѣльныхъ низменныхъ островковъ, являющихся вершинами одного и того же коралловаго рифа.

28-го апрѣля англійскіе корабли достигли острова Команго, жители котораго доставили имъ значительное количество кокосовъ, банановъ и другихъ фруктовъ. Англичане бросили якорь у береговъ острова Аннамуки, принадлежащаго также къ архипелагу острововъ Дружбы. 6-го мая явился на корабль Кука одинъ изъ вождей съ острова Танго-Табу, по имени Финау, называвшій себя царемъ всѣхъ острововъ Дружбы.

„Я получилъ въ подарокъ отъ этой владѣтельной особы,—говоритъ Кукъ,—двухъ рыбъ, принесенныхъ мнѣ однимъ изъ служителей. Послѣ обѣда я, въ свою очередь, поѣхалъ съ визитомъ къ г-ну Финау. Онъ подошелъ ко мнѣ, какъ только я вышелъ изъ шлюпки. Это былъ высокій, довольно худощавый мужчина, лѣтъ тридцати отъ роду. Лицомъ онъ болѣе всѣхъ остальныхъ островитянъ походилъ на европейцевъ".

Видя, что запасы провизіи на островѣ истощаются, Кукъ отправился къ группѣ островковъ Гапаэ, гдѣ, по распоряженію Финау, его встрѣтили самымъ радушнымъ образомъ. Англичане запаслись тамъ прѣсной водой и купили у туземцевъ множество свиней, фруктовъ и съѣдобныхъ кореньевъ. Туземные воины устраивали, на потѣху гостямъ, примѣрные поединки на копьяхъ, на палицахъ, а также кулачные бои.

„Всего болѣе удивило насъ,—разсказываетъ Кукъ въ своемъ путевомъ журналѣ,—появленіе на аренѣ двухъ толстыхъ бабъ,

безцеремонно начавшихъ тузить другъ друга кулаками съ ловкостью, которая сдѣлала бы честь любому мужчинѣ. Бой между ними продолжался, впрочемъ, всего лишь около полуминуты. Одна изъ амазонокъ признала себя побѣжденной. Что касается побѣдительницы, то ее удостоили такихъ же рукоплесканій, какими обыкновенно встрѣчаютъ мужчинъ, которымъ удалось, благодаря преимуществу въ силѣ или въ ловкости, одержать побѣду на этихъ народныхъ игрищахъ".

Празднества и увеселенія на этомъ не остановились. Туземцы устроили въ честь англичанъ пляску, въ которой участвовало сто пять танцоровъ. Оркестръ музыки состоялъ изъ двухъ барабановъ (или, лучше сказать, двухъ выдолбленныхъ деревянныхъ колодъ) съ аккомпанементомъ пѣвческаго хора. Чтобы не отставать отъ туземцевъ, Кукъ, высадивъ на берегъ морскихъ солдатъ, устроилъ ученье съ пальбою. Послѣ этого пущенъ былъ фейерверкъ, который привелъ островитянъ въ крайнее изумленіе. Не желая признать себя побѣжденными, туземцы угостили англичанъ сперва концертомъ, а потомъ балетомъ, въ которомъ участвовало двадцать молодыхъ женщинъ, обвитыхъ гирляндами изъ бѣлыхъ розъ. Послѣ этого балета пятнадцать плясуновъ исполнили характерный танецъ. Было бы, впрочемъ, слишкомъ долго разсказывать въ подробности всѣ устроенныя въ честь англичанъ увеселенія, благодаря которымъ архипелагъ Тонга названъ былъ островами Дружбы.

23-го мая Финау, назвавшій себя царемъ всего архипелага, сообщилъ Куку, что уѣзжаетъ на сосѣдній островъ. На это у него имѣлись очень серьезныя причины. Дѣйствительно, Финау узналъ о прибытіи настоящаго туземнаго державца—Футтафайге или Пулаго.

Самозванецъ Финау такъ ловко разыгривалъ свою роль, что Кукъ сперва было не хотѣлъ вѣрить, что Пулаго былъ истиннымъ государемъ. Вскорѣ, однако, почетъ, который оказывали туземцы своему державцу, убѣдилъ англійскаго мореплавателя, что Финау удалось его провести.

Пулаго былъ человѣкъ небольшого роста, но зато чрезвычайно дородный. Вслѣдствіе непомѣрной своей толщины онъ походилъ, ни дать, ни взять, на боченокъ. Если-бъ политическое вліяніе было пропорціонально дородству, то онъ былъ бы несомнѣнно однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей въ свѣтѣ.

Толстякъ этотъ оказался, однако, человѣкомъ очень серьезнымъ и разсудительнымъ. Подробно осмотрѣвъ корабль, онъ освѣдомлялся обо всемъ, что представлялось для него необычайнымъ и удивительнымъ. Онъ спросилъ также о причинѣ прибытія англійскихъ кораблей въ его владѣнія.

Придворные сановники, сопровождавшіе Пулаго, не дозволяли своему монарху спуститься въ пространство между деками, утверждая, что особа монарха—„табу“ и что никто не долженъ ходить надъ его головою. Кукъ черезъ своего переводчика Маи обѣщалъ, что никому не будетъ дозволено ходить надъ каютою, и пригласилъ державца съ собою обѣдать. Пулаго выказалъ за обѣдомъ большую умѣренность въ ѣдѣ и питьѣ. Вставая изъ-за стола, онъ пригласилъ Кука къ себѣ въ гости на берегъ. Кукъ имѣлъ при этомъ случай окончательно убѣдиться въ томъ, что Пулаго дѣйствительно облеченъ царскою властью.

29-го мая Кукъ вышелъ въ море и сперва вернулся къ острову Аннамуку, а потомъ бросилъ якорь у береговъ Тонга-Табу, гдѣ въ честь его дано было празднество или гейва, превосходившее своимъ великолѣпіемъ все видѣнное до тѣхъ поръ англичанами.

„Вечеромъ передъ домомъ, въ которомъ жилъ Финау, устроены были ночныя пляски, продолжавшіяся около трехъ часовъ. Въ теченіе этого времени, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, исполнено было двѣнадцать танцевъ. Въ одномъ изъ нихъ женщины, держась за руки, образовали большой кругъ, внутри котораго находился другой кругъ изъ мужчинъ. Въ другомъ танцѣ выступило на сцену двадцать четыре плясуна, выдѣлывавшихъ руками и ногами очень замысловатыя штуки, подобнаго которымъ мы ничего не видывали. Всѣ присутствовавшіе очень аплодировали этимъ молодцамъ. Музыканты такъ утомились, что ихъ пришлось замѣнить новыми, послѣ чего появился на сценѣ самъ Финау съ пятьюдесятью плясунами. Онъ былъ въ великолѣпномъ костюмѣ изъ бѣлой туземной ткани и полупрозрачнаго газа, а на шеѣ у него было надѣто нѣсколько рѣзныхъ фигурокъ, повидимому амулетовъ“.

Пробывъ около трехъ мѣсяцевъ на островахъ Дружбы, Кукъ вынужденъ былъ, наконецъ, ихъ покинуть. Передъ отплытіемъ изъ этихъ очаровательныхъ мѣстъ онъ оставилъ тамъ часть домашняго скота, вывезеннаго съ мыса Доброй Надежды, и по-

Праздникъ на островахъ Дружбы.

ручилъ Маи объяснить вождямъ, какимъ образомъ слѣдуетъ кормить домашнихъ животныхъ и какія выгоды могутъ отъ нихъ получиться. Онъ посѣтилъ также царскую усыпальницу, которая у туземцевъ называлась „Фіатука“ и состояла изъ трехъ довольно большихъ домовъ, построенныхъ на вершинѣ насыпного холма. Полы въ этихъ домахъ, равно какъ склоны холма, были выложены красивыми камешками и плитами.

„Въ одномъ изъ этихъ домовъ поперечная стѣна не была забрана досками, такъ что можно было удобно видѣть все внутреннее устройство. Къ великому нашему удивленію, говоритъ Кукъ, тамъ оказались двѣ деревянныя статуи, довольно грубо сдѣланныя изъ дерева. Одна изъ нихъ стояла у входа, а другая нѣсколько далѣе внутри зданія. Туземцы проводили насъ до дверей, но не осмѣлились перешагнуть черезъ порогъ. Мы освѣдомлялись о значеніи этихъ статуй. Намъ отвѣчали, что онѣ не служатъ изображеніемъ боговъ, а поставлены въ воспоминаніе о вождяхъ, погребенныхъ въ Фіатукѣ".

Отплывъ изъ Тонга-Табу 10-го іюля, Кукъ прибылъ вскорѣ къ Эоа, гдѣ встрѣтилъ радушный пріемъ у стариннаго своего пріятеля Таи-Онэ. Тамъ онъ узналъ, что большинство острововъ архипелага признаетъ верховную власть державца острова Тонга-Табу. Острова эти называются поэтому „Страною вождей". Такимъ образомъ Пулаго царствуетъ надъ стопятьюдесятью островами. Значительнѣйшіе изъ нихъ—Вавао и Гамао. Архипелагъ Вити или Фиджи, состоящій также въ числѣ этихъ стопятидесяти острововъ, населенъ воинственной расой, которая по умственному своему развитію стоитъ значительно выше туземнаго населенія острововъ Дружбы.

Самъ Кукъ и сопровождавшій его естествоиспытатель Андерсонъ собрали много интересныхъ данныхъ о нравахъ и обычаяхъ островитянъ. Англійскій мореплаватель, нѣсколько разъ заходившій на острова Дружбы, не нахвалится радушіемъ и гостепріимствомъ туземцевъ. Надо полагать, что онъ отчасти измѣнилъ бы выгодное свое объ нихъ мнѣніе, если-бъ узналъ, что Финау, начальствовавшій надъ всѣми военными силами въ Тонга-Табу, составилъ совмѣстно съ другими вождями заговоръ умертвить англійскихъ офицеровъ во время ночного празднества и въ то же время овладѣть кораблями посредствомъ внезапнаго нападенія. Мореплаватели, посѣщавшіе эти острова послѣ Кука, вынесли совсѣмъ иное впечатлѣніе о характерѣ ихъ обитателей. „Если-бъ Кукъ не отличался всегда въ своихъ описаніяхъ величайшею искренностью, то можно было бы предположить,—говоритъ одинъ изъ этихъ мореплавателей,—что названіе острововъ Дружбы — просто-на-просто ѣдкій сарказмъ".

Въ случаѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ, островитяне бьютъ себя кулаками въ лицо и царапаютъ себѣ щеки острыми

рыбьими зубами. У большинства изъ нихъ лица покрыты рубцами и желваками. Если кто-нибудь опасно захвораетъ, то для умилостивленія разгнѣваннаго божества считается необходимымъ принести въ жертву одинъ или два сустава отъ мизинца правой или же лѣвой руки. Кукъ говоритъ, что изъ десяти туземцевъ по меньшей мѣрѣ девять изуродованы такимъ образомъ и замѣчаетъ:

„Слово „табу", играющее столь важную роль въ туземныхъ обычаяхъ, имѣетъ очень обширное значеніе... Когда не дозволено касаться до какого-нибудь предмета, то говорятъ, что предметъ этотъ табу. Намъ объяснили между прочимъ, что если царь войдетъ въ домъ, принадлежащій одному изъ его подданныхъ, то домъ этотъ становится табу и хозяинъ не можетъ уже болѣе въ немъ жить".

Что касается религіи туземцевъ, то Кукъ наводилъ о ней самыя обстоятельныя справки. Онъ узналъ, что главное ихъ божество, Каллафутонга, нрава очень крутого. Въ гнѣвѣ своемъ оно уничтожаетъ плантаціи и насылаетъ на людей болѣзни и смерть. Религіозныя вѣрованія не на всѣхъ островахъ вполнѣ одинаковы, но принципъ безсмертія души признается повсюду. Цвѣты, плоды и домашнія животныя не приносятся въ жертву богамъ, но въ серьезныхъ случаяхъ ихъ приходится умилостивлять человѣческими жертвами.

17-го іюля Кукъ потерялъ изъ виду послѣдній изъ островов Дружбы, и 8-го августа англійскіе корабли, выдержавъ бурю, причинившую „Discovery" довольно значительныя аваріи, увидѣли островъ, называвшійся у туземцевъ Табуаи.

Всѣ старанія англичанъ убѣдить туземцевъ взойти на корабль оказались тщетными, — островитяне не хотѣли покинуть своихъ лодокъ, но приглашали чужеземцевъ съѣхать къ нимъ на берегъ. Не имѣя надобности въ свѣжей провизіи, Кукъ не хотѣлъ останавливаться у этого острова, который показался ему, однако, очень плодороднымъ. По словамъ туземцевъ, на немъ можно было бы легко пріобрѣсти большое количество свиней и домашней птицы. Островитяне высокаго роста и кажутся очень ловкими и дѣятельными. Они отличаются также большою силой. Наружность у нихъ довольно суровая. Они говорили по-таитянски, а потому англичане могли удобно съ ними объясняться.

Нѣсколько дней спустя на горизонтѣ показались зеленѣющія вершины Таити. Оба корабля стали на якорь близъ полуострова

Таирабу, гдѣ Маи былъ встрѣченъ своими соотечественниками съ изумительнымъ равнодушіемъ. Мужъ его сестры, мѣстный вождь Ути, съ трудомъ лишь согласился его признать. Настроеніе это, впрочемъ, совершенно измѣнилось, когда Маи показалъ привезенныя съ собою богатства, а въ особенности красныя перья, имѣвшія столь большой успѣхъ въ предшествовавшее путешествіе Кука. Ути сдѣлался тогда до-нельзя любезнымъ къ своему шурину и предложилъ даже помѣняться съ нимъ именами. Маи до того расчувствовался, что, безъ вмѣшательства Кука, его бы обобрали тогда-же какъ липку.

На англійскихъ корабляхъ имѣлось достаточное количество красныхъ перьевъ, а потому во время этой стоянки можно было въ изобиліи запастись плодами, свиньями и домашней птицей. Однако же Кукъ вскорѣ перешелъ оттуда въ Матавайскую бухту. Мѣстный державецъ Оту прибылъ изъ своей резиденціи Паррэ навѣстить своего пріятеля. Соотечественники Маи отнеслись и тамъ къ нему сперва очень презрительно. Бросившись къ ногамъ короля, Маи поднесъ ему пучекъ красныхъ перьевъ и два или три куска золотой парчи. Его едва удостоили взгляда. Равнодушіе это, однако, исчезло безслѣдно, когда узнали, какимъ онъ сдѣлался богачемъ. Къ сожалѣнію, Маи, раздраженный образомъ дѣйствія своего царя и вождей, сталъ держать себя съ ними очень холодно и вслѣдствіе этого не могъ имѣть на нихъ ожидаемаго цивилизующаго вліянія. Разные проходимцы, эксплуатируя недовольство Маи, кутили на его счетъ и безцеремонно расхищали его сокровища.

Куку давно уже говорили, что таитяне въ важныхъ случаяхъ умилостивляютъ боговъ человѣческими жертвоприношеніями. Въ бытность свою въ Атагуру ему пришлось однажды быть самому свидѣтелемъ такого варварскаго религіознаго обряда. Чтобы склонить своего „Атуа", т.-е. верховное божество, къ содѣйствію таитянамъ въ задуманной экспедиціи противъ острова Эймео, признано было умѣстнымъ принести этому божеству человѣческую жертву. Схвативъ одного простолюдина, умертвили его ударами палицъ въ присутствіи державца, которому поднесли затѣмъ волосы и одинъ глазъ жертвы. Очевидно, что это жертвоприношеніе являлось какъ-бы остаткомъ людоѣдства, существовавшаго прежде на островахъ Товарищества. По совершеніи варварскаго обряда, вовсе несоотвѣтствовавшаго общему національному ха-

«Фіатуки» (Fac-simile съ древней гравюры).

рактеру таитянъ, замѣченъ былъ на сосѣднемъ деревѣ зимородокъ. „Это самъ Атуа!“ — вскричалъ Оту, обрадованный столь счастливымъ предзнаменованіемъ.

На другой день принесено было въ жертву верховному божеству множество свиней. Жрецы, подобно римскимъ предвѣщателямъ, тщательно наблюдали за предсмертными муками жертвъ, стараясь извлечь изъ нихъ указанія относительно вѣроятности успѣха надъ непріятелями.

Кукъ, присутствовавшій молча при всей этой церемоніи, не могъ по окончаніи ея скрыть, что она внушаетъ ему негодованіе. Маи такъ энергически и краснорѣчиво передалъ взглядъ Кука на человѣческія жертвоприношенія, что Оту съ трудомъ лишь могъ сохранить свое самообладаніе. „Если бы царь, въ бытность свою въ Англіи, — сказалъ молодой таитянинъ, — вздумалъ когонибудь убить, какъ онъ убилъ здѣсь несчастнаго, ни въ чемъ неповиннаго человѣка, котораго вздумалъ принести въ жертву своему богу, то ничье заступничество не могло бы спасти его самого отъ казни черезъ повѣшеніе, праведнаго воздаянія всѣмъ безчеловѣчнымъ убійцамъ!“

Рѣзкій тонъ, въ которомъ высказано было это порицаніе, надо признать по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ. Куку слѣдовало принять во вниманіе, что въ каждой странѣ существуютъ свои нравы и обычаи и что наказаніе, налагаемое въ Лондонѣ за убійство, не можетъ быть примѣнено къ человѣческому жертвоприношенію, совершенному на Таити во исполненіе религіознаго обряда. Европейцы въ сношеніяхъ своихъ съ дикарями часто забывали пословицу: „Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся“. Вслѣдствіе этого они, подъ предлогомъ водворенія цивилизаціи, неоднократно проливали кровь людей виновныхъ лишь въ томъ, что отстаивали обычай, завѣщанный предками.

Передъ отплытіемъ изъ Таити Кукъ передалъ Оту домашнихъ животныхъ, привезти которыхъ изъ Европы ему стоило столькихъ хлопотъ. Кромѣ гусей, утокъ, индѣекъ, овецъ и козъ, въ числѣ этихъ животныхъ были также лошади и крупный рогатый скотъ. Особенное впечатлѣніе произвели на островитянъ лошади. Туземцы съ восхищеніемъ смотрѣли на Кука и капитана Клерка, ѣздившихъ по острову верхомъ разными аллюрами. Оту не зналъ какъ выразить свою благодарность англійскому королю, котораго онъ называлъ „арики-но-Притонъ“, особенно

когда убѣдился, что англичане не могутъ взять съ собою великолѣпную, громадную двойную байдару, построенную лучшими его мастерами, въ подарокъ упомянутому „арики“.

Покинувъ 30-го сентября Таити, „Resolution“ и „Discovery“ бросили якорь у береговъ Эймео. Стоянка тамъ ознаменовалась, однако, прискорбнымъ событіемъ. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ мелкихъ кражъ похищена была у англичанъ коза. Кукъ, для острастки, сжегъ нѣсколько байдаръ и пять или шесть туземныхъ хижинъ, угрожая прибѣгнуть къ еще болѣе суровымъ мѣрамъ, если животное не будетъ ему тотчасъ-же возвращено.

Добившись возвращенія украденной козы, Кукъ съ обоими своими кораблями отправился къ острову Гуагейнэ, гдѣ Маи намѣренъ былъ поселиться на жительство.

Вожди Уарскаго округа уступили ему за соотвѣтственную плату довольно обширный участокъ земли. Кукъ выстроилъ на этомъ участкѣ домъ, при которомъ развели садъ и огородъ, гдѣ были посажены разныя европейскія плодовыя деревья и овощи. Оставивъ Маи пару лошадей, нѣсколько штукъ изъ разной европейской домашней птицы, Кукъ подарилъ ему также кольчугу, полные рыцарскіе доспѣхи, нѣсколько ружей и пистолетовъ съ большимъ количествомъ пороху и пуль. Шарманка, электрическая машина, ракеты съ римскими свѣчами, составъ для разноцвѣтныхъ бенгальскихъ огней и разныя хозяйственныя орудія и принадлежности дополняли собою коллекцію подарковъ, предназначавшихся для того, чтобы дать таитянамъ высокое понятіе о европейской цивилизаціи. Сестра Маи была замужемъ за однимъ изъ вождей этого острова, но мужъ ея, занимая второстепенное положеніе, не могъ быть надежнымъ покровителемъ своему зятю. Торжественно заявивъ, что Маи его пріятель, Кукъ обѣщалъ поэтому вскорѣ вернуться, разузнать, какъ обходились съ Маи туземцы, и строго наказать всѣхъ, кто вздумалъ-бы его притѣснять.

Угрозы Кука произвели тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что незадолго до этого онъ приказалъ обкарнать уши и обрить головы нѣсколькимъ островитянамъ, попавшимся въ воровствѣ. Вскорѣ послѣ того, въ бытность свою на островѣ Райятеа, Кукъ, чтобы добиться выдачи дезертировъ, захватилъ всю семью туземнаго вождя Орео. Такимъ образомъ, знаменитый англійскій мореплаватель все болѣе и болѣе отрѣшался отъ сдержанности

и умѣренности, которыя выказывалъ въ предшествовавшихъ своихъ путешествіяхъ. Со дня-на-день онъ становился все требовательнѣе и строже по отношенію къ дикарямъ. Такой образъ дѣйствій естественно долженъ былъ привести въ концѣ концовъ къ роковой развязкѣ.

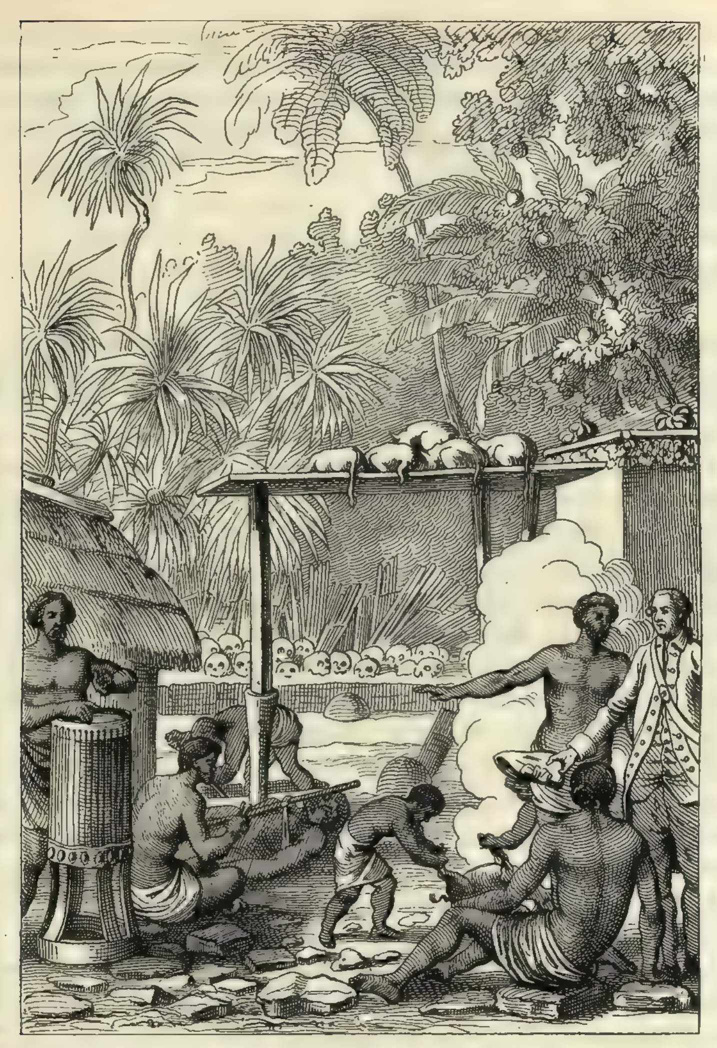
Вмѣстѣ съ Маи оставлены были на островѣ Гуагейнэ также и двое сопровождавшихъ его новозеландцевъ. Старшій изъ нихъ съ удовольствіемъ согласился жить на этомъ островѣ; младшій-же до того привязался къ англичанамъ, что его чуть не насильно пришлось свезти на берегъ. Когда „Resolution“ снимался съ якоря, Маи пришелъ проститься съ Кукомъ. Онъ, очевидно, отъ всей души сожалѣлъ объ отплытіи англійскихъ кораблей и, прощаясь съ офицерами, проливалъ горькія слезы.

Кукъ съ своей стороны, зная непостоянный и легкомысленный характеръ Маи, очень тревожился за дальнѣйшую участь этого юнаго таитянина, котораго онъ передъ отъѣздомъ надѣлилъ такими богатыми подарками. Кукъ особенно опасался, чтобъ Маи не сталъ злоупотреблять оставленнымъ ему огнестрѣльнымъ оружіемъ. Опасенія эти, къ несчастію, оправдались. Маи вошелъ въ большую милость у гуагэйнскаго державца, который, выдавъ замужъ за него свою дочь, нарекъ ему новое, болѣе почетное имя Паори *). Достигнувъ столь высокаго положенія, Маи выказалъ себя жестокосердымъ и свирѣпымъ тираномъ. Онъ никогда не ходилъ безъ оружія и зачастую пробовалъ мѣткость ружей и пистолетовъ на своихъ соотечественникахъ. Въ Гуагейнэ онъ оставилъ по себѣ самую дурную память. Воспоминанія о совершенныхъ имъ злодѣяніяхъ связываются у туземцевъ съ посѣщеніемъ ихъ острова англичанами.

Прибывъ къ острову Райятеа, Кукъ нашелъ, что пріятель его Ореэ лишенъ уже царскаго сана. Послѣ непродолжительной стоянки у этого острова англійскія суда посѣтили 8-го декабря Балаболу, гдѣ Кукъ купилъ у мѣстнаго державца Пуни якорь, потерянный Бугэнвиллемъ на тамошнемъ рейдѣ.

Въ теченіе продолжительнаго пребыванія на островахъ Товарищества Кукъ дополнилъ прежнія свои географическія, гидрографическія, этнографическія и естественно-историческія замѣтки объ этихъ островахъ новыми изслѣдованіями, въ которыхъ при-

*) Мудрый.



Человѣческія жертвоприношенія на Отаити (Fac-simile съ древней гравюры).

нимали самое дѣятельное участіе естествоиспытатель Андерсонъ и всѣ прочіе ученые и офицеры ввѣренной ему экспедиціи.

24-го декабря Кукъ открылъ низменный и необитаемый островъ, на которомъ найдено было множество черепахъ. Такъ какъ этотъ островъ былъ открытъ наканунѣ праздника Рождества Христова, то онъ и былъ названъ островомъ Рождества.

Минуло уже семнадцать мѣсяцевъ со времени отплытія Кука изъ Англіи, а онъ не считалъ еще путешествіе свое начавшимся. Дѣйствительно, онъ пока еще не приступалъ къ выполненію главнѣйшей части своихъ инструкцій, относившейся къ изслѣдованію пути черезъ Беринговъ проливъ изъ Тихаго океана въ Атлантическій.

II.

Открытіе Сандвичевыхъ острововъ.—Изслѣдованія вдоль западнаго американскаго прибрежья.—За Беринговымъ проливомъ.—Возвращеніе на Гавайскіе острова.—Роно и его похожденія.—Смерть Кука.—Возвращеніе экспедиціи въ Англію.

18-го января 1778 года были усмотрѣны съ англійскихъ кораблей подъ 160° вост. долготы и 20° сѣверн. широты острова, вся группа которыхъ получила названіе Сандвичевыхъ или Гавайскихъ острововъ. Мореплаватели имѣли случай вскорѣ убѣдиться, что острова эти обитаемы. Множество байдаръ, отчалившихъ отъ острова Атуи или Таваи, собрались вокругъ кораблей.

Къ великому изумленію англичанъ, островитяне говорили на языкѣ, совершенно схожемъ съ таитянскимъ. Благодаря этому нетрудно было войти съ ними въ дружественныя сношенія. На другой день многіе изъ туземцевъ согласились уже посѣтить корабли. При видѣ столькихъ неизвѣстныхъ имъ предметовъ островитяне выражали свое удивленіе и восторгъ взглядами, жестами и восклицаніями.

Оказалось однако, что туземцамъ было уже извѣстно желѣзо, которое они называли „гамаите“. Драгоцѣнные и рѣдкіе въ глазахъ островитянъ предметы, находившіеся на англійскихъ корабляхъ, являлись для бѣдныхъ дикарей большимъ соблазномъ. Они старались присвоить себѣ то, что имъ нравилось, не отступая даже передъ самыми незаконными средствами.

Подобно всѣмъ вообще океанійцамъ, они, кромѣ склонности къ воровству, отличались также и чрезвычайной завистью. Несмотря на всѣ мѣры предосторожности, которыя принимались англичанами, ежедневно случалось по нѣсколько мелкихъ кражъ. Команда матросовъ, посланная съ лейтенантомъ Вильсманомъ къ берегу для производства промѣровъ и разысканія удобной якорной стоянки, была встрѣчена толпою туземцевъ, которые, видя

на своей сторонѣ преимущество въ силѣ, вознамѣрились отнять у англичанъ весла, ружья и т. п. Матросамъ пришлось для самообороны употребить огнестрѣльное оружіе. Одинъ изъ туземцевъ, отличавшійся особенной назойливостью, былъ убитъ; остальные разбѣжались.

Какъ только „Resolution" и „Discovery" стали на якорь въ Уэ-Меа, Кукъ поспѣшилъ съѣхать на берегъ. Собравшаяся тамъ многочисленная толпа туземцевъ пала передъ нимъ на землю и вообще встрѣтила его знаками самаго глубокаго почтенія. Судя по этой встрѣчѣ можно было ожидать, что стоянка будетъ замѣчательно хороша во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣйствительно, туземцы доставили англичанамъ въ изобиліи фрукты и съѣдобные коренья, свиней и домашнюю птицу. Зачастую также они помогали матросамъ наливать бочки прѣсной водой и грузить ихъ обратно на шлюпки.

Въ виду такихъ дружественныхъ отношеній, установившихся съ островитянами, естествоиспытатель Андерсонъ и рисовальщикъ Веберъ рѣшились совершить прогулку внутрь страны. Они встрѣтили тамъ между прочимъ мораи, совершенно схожій съ видѣнными ими на Таити. Находка эта еще болѣе увѣрила англичанъ въ одинаковости происхожденія таитянъ и гавайцевъ. Убѣжденіе это возникло у нихъ вслѣдствіе сходства гавайскаго языка съ таитскимъ. Рисунокъ, приложенный къ путевому журналу Кука, представляетъ внутренность гавайскаго мораи. Тамъ изображены двѣ изваянныя изъ дерева человѣческія фигуры съ высокими цилиндрическими шапками на головахъ. Шапки эти очень похожи на головной уборъ загадочныхъ статуй острова Пасхи. Такое странное сходство невольно наводитъ на предположеніе о возможности сношеній, существовавшихъ нѣкогда между этимъ островомъ и Гавайскимъ архипелагомъ.

Кукъ пробылъ еще два дня въ этой бухтѣ и остался чрезвычайно доволенъ своими сношеніями съ туземцами. Затѣмъ, осмотрѣвъ сосѣдній островъ Онигеу, англійскій мореплаватель, несмотря на желаніе обстоятельно изслѣдовать весь этотъ столь интересный архипелагъ, снялся съ якоря и направился далѣе къ сѣверу. Усмотрѣвъ издали островъ Оагу и Тагурскіе утесы, онъ назвалъ всю эту группу острововъ Сандвичевымъ архипелагомъ. Теперь острова эти извѣстны подъ туземнымъ названіемъ Гавайскихъ острововъ.

Гавайцы средняго роста, но сильны и хорошо сложены. По словамъ Андерсона, характеръ у нихъ очень откровенный и честный. Не обладая такой серьезностью, какъ обитатели острововъ Дружбы, они все-же не такъ вѣтренны и легкомысленны, какъ таитяне. Вообще гавайцы показались Андерсону ловкимъ, смышленнымъ и трудолюбивымъ народомъ. Плантаціи ихъ свидѣтельствовали объ основательныхъ свѣдѣніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ земледѣліи. При видѣ неизвѣстныхъ имъ предметовъ, находившихся на корабляхъ, они не выказывали пустого дѣтского любопытства, какое англичане встрѣчали въ большинствѣ случаевъ у другихъ островитянъ. Гавайцы всегда освѣдомлялись къ чему именно пригодны тѣ или другіе предметы. При этомъ можно было замѣтить, что они какъ-будто стыдились своего невѣжества.

Гавайскіе острова показались англичанамъ очень населенными. По приблизительнымъ разсчетамъ, населеніе одного острова Таваи простиралось до тридцати тысячъ душъ. Одежда, пища, способъ приготовленія ея и вообще все у туземцевъ напоминало нравы и обычаи острова Таити. Англичане очень удивлялись такой тождественности нравовъ и обычаевъ у островитянъ, живущихъ другъ отъ друга въ столь значительномъ отдаленіи.

За время перваго своего пребыванія на Гавайскихъ островахъ Кукъ не имѣлъ случая видѣться съ туземными вождями, но командиръ „Discovery", капитанъ Клеркъ, былъ посѣщенъ однимъ изъ нихъ. Вождь этотъ былъ молодой еще человѣкъ, недурной наружности, окутанный съ ногъ до головы въ драгоцѣнныя ткани. Туземцы, въ знакъ почтенія, падали передъ нимъ ницъ. Клеркъ подарилъ гавайскому вождю нѣсколько бездѣлушекъ и получилъ отъ него взамѣнъ сосудъ для приготовленія „кавы", которую гавайцы любятъ въ такой-же степени, какъ и островитяне архипелага Дружбы. Ваза эта была украшена двумя довольно искусно вырѣзанными фигурами. Оружіе гавайцевъ состоитъ изъ луковъ, палицъ и копій (изъ очень крѣпкаго и прочнаго дерева), а также особаго рода кинжаловъ съ рукоятью посрединѣ и остріями на обоихъ концахъ. Кинжалы эти называются „пафоа". Обычай табу соблюдается такъ-же свято, какъ и на островахъ Дружбы. Прежде чѣмъ прикоснуться къ какому-либо предмету, туземцы всегда освѣдомлялись, не положено-ли на него табу.

Типы Сандвичевыхъ островов (Fac-simile съ древней гравюры).

27-го февраля Кукъ, продолжая свой путь къ сѣверу, встрѣтилъ значительное количество водорослей, о которыхъ упоминается также и въ путешествіи лорда Ансона. 1-го марта англійскіе корабли направились къ востоку, чтобъ подойти ближе къ американскому берегу, и, пять дней спустя, находились уже въ виду земли, которую Фрэнсисъ Дрекъ назвалъ Новымъ Альбіономъ.

Вслѣдствіе неблагопріятной погоды Кукъ долженъ былъ держаться въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега. Онъ нанесъ на карту мысъ Бланксъ, видѣнный уже 19-го января 1603 года Мартиномъ д'Агиляромъ. Въ то время возлѣ этого мыса показывался на всѣхъ картахъ входъ въ проливъ, открытіе котораго приписывалось этому мореплавателю. Кукъ не нашелъ тамъ никакого пролива, но, впрочемъ, не усмотрѣлъ также и пролива, открытаго Хуаномъ де-Фука и отдѣляющаго островъ Ванкуверъ отъ американскаго материка.

Вскорѣ послѣ того усмотрѣна была подъ 49°15′ сѣверной широты бухта, названная бухтой „Надежды“. Кукъ зашелъ туда, чтобъ запастись прѣсной водой и дать маленькій роздыхъ своимъ матросамъ. Берегъ этотъ оказался населеннымъ. Какъ только англійскія суда вошли въ бухту, къ нимъ подошли три туземныхъ лодки.

„Одинъ изъ дикарей,—говоритъ въ своемъ путевомъ журналѣ Кукъ,—всталъ и произнесъ длинную рѣчь, сопровождавшуюся тѣлодвиженіями, которыя можно было, повидимому, истолковать въ смыслѣ приглашенія съѣхать на берегъ. Въ заключеніе онъ бросилъ въ насъ горсть перьевъ, а многіе изъ его товарищей бросали пригоршнями какую-то пыль или красный порошокъ. Ораторъ одѣтъ былъ въ звѣриную шкуру и держалъ въ рукѣ погремушки, вырѣзанныя изъ дерева и представлявшія какую-то большую птицу. Въ продолженіе своей длинной и сильно прочувствованной рѣчи, изъ которой мы не поняли не единаго слова, онъ зачастую встряхивалъ погремушками. Выбившись наконецъ изъ силъ, индѣецъ усѣлся въ лодку, чтобъ отдохнуть. Два другихъ дикаря заступили его мѣсто, но ихъ рѣчи и причитыванія были не такъ продолжительны и менѣе энергичны. Лица у многихъ туземцевъ были раскрашены какимъ-то необычайнымъ образомъ. Голова ихъ была убрана птичьими перьями. Несмотря на очевидно миролюбивое настроеніе этихъ дикарей, никто изъ нихъ не соглашался взойти на палубу.

Когда корабли бросили якорь, Кукъ приказалъ снять паруса, спустить брамстеньгу и фокъ-мачту на „Resolution“ и вообще произвести всѣ нужныя исправленія. Между индѣйцами и англичанами завязалась вскорѣ мѣновая торговля, при чемъ туземцы выказали замѣчательную честность и добросовѣстность. Туземцы предлагали англичанамъ преимущественно медвѣжьи,

Дерево, подъ которымъ Кукъ наблюдалъ проходъ Венеры (Fac-simile съ древней гравюры).

волчьи, лисьи, оленьи, хорьковыя и куньи шкуры. Кромѣ того, они привозили на продажу много шкуръ морскихъ бобровъ, которыя добывались на островахъ, лежащихъ къ западу отъ Камчатки. Англичане купили также у нихъ одежды изъ особаго рода пеньковыхъ тканей, нѣсколько луковъ, копій, удочекъ, уродливыхъ фигуръ, вырѣзанныхъ изъ дерева, а также образ-

чики туземныхъ тканей изъ пуху и шерсти, нѣсколько мѣшковъ красной охры, рѣзныя украшенія изъ дерева, кусочки желѣза и мѣди подковообразной формы, которые туземцы продѣвали себѣ въ носъ и т. п.

„Въ числѣ этихъ разнообразныхъ товаровъ,—говоритъ Кукъ,— всего болѣе удивили насъ человѣческіе черепа и руки, на которыхъ уцѣлѣло еще немного мяса. Дикари объяснили, что недостававшее мясо ими съѣдено. Мы дѣйствительно убѣдились, что эти черепа и руки побывали уже на огнѣ".

Вскорѣ разъяснилось, что туземцы такіе же ловкіе воры, какъ и большинство видѣнныхъ до тѣхъ поръ англичанами дикарей. Они оказались даже болѣе опасными, такъ какъ, обладая стальными ножами, безцеремонно перерѣзали ими веревки. Чтобъ совершить кражу, они сговаривались обыкновенно по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Въ то время какъ одинъ изъ нихъ старался отвлечь вниманіе часового, другіе старались утащить, что плохо лежало на противоположномъ концѣ лодки. Англичане купили у этихъ дикарей нѣсколько бочекъ жиру и большое количество рыбы, преимущественно сардинокъ, заготовленныхъ впрокъ.

Плотникамъ и конопатчикамъ пришлось довольно долго работать надъ исправленіемъ разныхъ аварій, понесенныхъ англійскими кораблями. Наконецъ все было приведено въ порядокъ. Запасшись сѣномъ для небольшого количества остававшихся еще у него овецъ и козъ, Кукъ 26-го апрѣля 1778 года снова пустился въ путь. Онъ назвалъ мѣсто своей стоянки бухтою короля Георга, хотя зналъ, что у туземцевъ она называется Нутка. Едва лишь англійскія суда вышли въ открытое море, какъ были застигнуты тамъ сильною бурей, во время которой у „Resolution" появилась съ праваго борта сильная течь. Буря эта отнесла Кука отъ того мѣста, гдѣ указанъ былъ на картахъ проливъ, открытый адмираломъ де Фонте. Кукъ очень сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ ему хотѣлось разъяснить вопросъ о существованіи этого пролива.

Продолжая идти вдоль американскаго прибрежья, Кукъ наносилъ на карту всѣ наиболѣе замѣчательные его пункты. Ему приходилось при этомъ неоднократно вступать въ сношенія съ туземцами. Англичане вскорѣ замѣтили, что мѣсто деревянныхъ байдаръ заступили байдары изъ тюленьихъ шкуръ; у

этихъ байдаръ только ребра и киль сдѣланы были изъ дерева.

Послѣ кратковременной стоянки въ бухтѣ Принца Вильгельма, гдѣ задѣлана была течь у „Resolution“, Кукъ продолжалъ свой путь далѣе къ сѣверу. Онъ послѣдовательно нанесъ на карту: мысы Елизаветы и св. Гермогена, Банксову косу, мысы Дугласа и Беде, гору св. Августина, Кукову рѣку, островъ Кодьякъ, островъ Троицы и острова, которые Берингъ назвалъ Шумагиными. Затѣмъ осмотрѣны были Бристольская бухта, Круглый островъ, Тихая коса, Невнгамскій мысъ, гдѣ выходилъ на берегъ лейтенантъ Вильямсонъ, и островъ Андерсона, названный такъ въ честь естествоиспытателя Андерсона, умершаго въ виду этого острова отъ чахотки.

Открывъ Королевскій островъ и мысъ принца Уэльскаго, самую западную оконечность Американскаго материка, Кукъ подошелъ къ азіатскому берегу и вступилъ въ сношенія съ чукчами. Наконецъ, 11-го августа онъ вошелъ въ Беринговъ проливъ и недѣлю спустя достигъ до громаднаго ледяного поля, обойти которое оказалось невозможнымъ.

17-го августа 1778 года англійскіе корабли находились подъ 70° 41′ сѣверной широты. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца они шли вдоль окраины ледяного поля, въ надеждѣ встрѣтить какой-либо каналъ, по которому можно было бы подняться далѣе къ сѣверу. Всѣ усилія ихъ остались, однако, тщетными. Англійскіе мореплаватели всюду встрѣчали передъ собою необозримое ледяное поле, на которомъ ледъ былъ прозрачный и чистый, за исключеніемъ верхняго слоя, казавшагося немного пористымъ.

„Сколько могу судить,—говоритъ Кукъ,—эти ледяныя поля образовались изъ замерзшаго снѣга и притомъ въ открытомъ морѣ. Весьма неправдоподобно или, лучше сказать, даже невозможно, чтобы такія громадныя массы льда могли образоваться въ здѣшнихъ рѣкахъ, которыя очень мелководны. Кромѣ того, при внимательномъ изслѣдованіи льдинъ, мы не нашли въ нихъ никакихъ сухопутныхъ произведеній. Между тѣмъ, если-бъ льдины образовались въ большихъ или маленькихъ рѣкахъ, во льду непремѣнно оказалось бы что-нибудь подобное“.

До сихъ поръ арктическія экспедиціи какъ-бы пренебрегали путемъ черезъ Беринговъ проливъ. Тѣмъ бóльшій интересъ представляетъ замѣтка Кука о свойствахъ встрѣченнаго имъ тамъ

полярнаго льда. Свойства эти заставляютъ предполагать, что къ сѣверу отъ Берингова пролива лежитъ обширное открытое море. Можетъ быть даже (какъ думалъ между прочимъ и Густавъ Ламберъ), что море это бываетъ иногда свободно отъ льдовъ. Во всякомъ случаѣ, никто послѣ Кука не заходилъ въ этомъ направленіи особенно далеко на сѣверъ за исключеніемъ сибирскаго прибрежья, гдѣ открыты были экспедиціей профессора Норденшильда острова Лонга и Пловера.

Убѣдившись въ тщетности своихъ попытокъ обогнуть ледяное поле и пройти далѣе къ сѣверному полюсу, Кукъ вынужденъ былъ повернуть назадъ. Время года стояло позднее, и надо было позаботиться о томъ, чтобъ англійскія суда не затерло льдами. Кукъ рѣшился перезимовать гдѣ-нибудь въ болѣе тепломъ климатѣ, а на слѣдующее лѣто вернуться опять въ Беринговъ проливъ. Дойдя обратнымъ путемъ вдоль американскаго берега до острова Уналашки, Кукъ направился оттуда 26-го октября прямо къ Сандвичевымъ островамъ, которые ему хотѣлось осмотрѣть подробнѣе.

Ровно мѣсяцъ спустя, т. е. 26-го ноября, открытъ былъ островъ, жители котораго продали англичанамъ значительное количество плодовъ хлѣбнаго дерева, „пататовъ“, корней „таро“, „эдди“ и разныхъ другихъ фруктовъ и съѣдобныхъ корней въ обмѣнъ на гвозди и другія бездѣлушки. Островъ этотъ, называемый у туземцевъ Мовеэ, принадлежитъ къ Сандвичеву архипелагу. Вскорѣ послѣ того усмотрѣнъ былъ островъ Оугиги или Гаваи. На островѣ этомъ горы чрезвычайно высоки; нѣкоторыя ихъ вершины покрыты вѣчными снѣгами.

„Я никогда еще не встрѣчалъ дикарей, которые относились бы къ намъ съ такимъ довѣріемъ,—говоритъ капитанъ Кукъ.— Они передавали на корабль свои товары, а затѣмъ взбирались сами на палубу и тамъ уже договаривались окончательно о цѣнѣ. Мы не разъ заходили на Таити, но даже и тамъ намъ менѣе довѣряли. Надо полагать, что жители Оугиги отличаются во взаимныхъ торговыхъ сдѣлкахъ бо́льшею честностью и акуратностью, чѣмъ таитяне. Если-бъ они не довѣряли другъ другу, то, понятное дѣло, не стали бы довѣрять и чужеземцамъ“.

17-го января „Resolution“ и „Discovery“ бросили якорь въ бухтѣ, называвшейся у туземцевъ Каракакуа. Кукъ тотчасъ-же распорядился снять паруса, а также спустить стеньги и реи, на

Бухта Принца Вильгельма.

палубу для осмотра и надлежащаго исправленія. Оба англійскихъ корабля были немедленно окружены множествомъ туземныхъ байдаръ. На берегу собралась громадная толпа народа. Палубы кораблей были въ мигъ загромождены посѣтителями. Нигдѣ еще прибытіе кораблей не возбуждало у островитянъ такого живого интереса.

Въ числѣ вождей, навѣстившихъ Кука на „Resolution",

обращалъ на себя особенное вниманіе молодой человѣкъ, по имени Парэа. Самъ онъ называлъ себя „Жаканэ“. Неизвѣстно, былъ ли это особый титулъ или же какая-нибудь степень родства съ мѣстнымъ державцемъ. Во всякомъ случаѣ, Парэа пользовался большимъ авторитетомъ среди своихъ единоплеменниковъ. Нѣсколько подарковъ, сдѣланныхъ этому вождю, пріобрѣли англичанамъ его расположеніе. Впослѣдствіи онъ не разъ имѣлъ случай оказывать англійскимъ морякамъ важныя услуги.

Кукъ, въ первое свое пребываніе на Гавайскихъ островахъ, заключилъ, что туземцы менѣе другихъ океанійцевъ склонны къ воровству. На этотъ разъ ему пришлось убѣдиться, что заключеніе это сдѣлано было слишкомъ поспѣшно. Самая многочисленность гавайцевъ облегчала имъ возможность совершать мелкія кражи и обнадеживала, что кражи эти останутся безнаказанными. Вскорѣ выяснилось, что туземные вожди покровительствовали воровству. Многіе изъ похищенныхъ у англичанъ предметовъ оказывались впослѣдствіи въ рукахъ у вождей.

Парэа и другой вождь Канеэна привезли на „Resolution“ верховнаго жреца Коа. Это былъ худощавый старикъ, покрытый какою-то бѣловатой сыпью, происходящей отъ чрезмѣрнаго употребленія кавы. Онъ тотчасъ-же накинулъ Куку на плечи нѣчто вродѣ краснаго плаща, произнесъ съ самымъ серьезнымъ видомъ длинную рѣчь и преподнесъ Куку маленькаго поросенка. Впослѣдствіи выяснилось, что этотъ жрецъ призналъ Кука за божество и обратился къ нему съ молитвою. Вообще англичанъ очень удивляли странныя божескія почести, которыя на островѣ Гаваи оказывались капитану Куку. Значеніе этихъ божескихъ почестей выяснилось лишь впослѣдствіи, благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ миссіонера Эллиса. Приведемъ здѣсь вкратцѣ результаты упомянутыхъ изслѣдованій.

У гавайцевъ существовало съ незапамятныхъ временъ преданіе о томъ, будто могущественный вождь Роно, жившій еще при первыхъ туземныхъ царяхъ, убилъ въ порывѣ ревности жену, которую онъ нѣжно любилъ. Убѣдившись въ ея невинности, онъ помѣшался отъ горя и сталъ бродить по всему острову, убивая всякаго, кого только встрѣтитъ на дорогѣ. Утомившись, но еще не насытившись убійствами, онъ сѣлъ въ ладью и отчалилъ отъ берега, обѣщавъ, что вернется современемъ на плавучемъ островѣ, на которомъ будутъ кокосовыя деревья, собаки и свиньи. Преда-

ніе это увѣковѣчилось въ народныхъ пѣсняхъ и стало однимъ изъ догматовъ туземной религіи, причислившей Роно къ сонму боговъ. Увѣренные въ томъ, что предсказаніе Роно непремѣнно исполнится, гавайскіе жрецы ежегодно ждали прибытія этого божества на плавучемъ островѣ.

Несомнѣнно, что гавайское преданіе о Роно представляетъ много общаго съ мексиканской легендой о бѣгствѣ Кветцалькоатля. Вынужденный спасаться отъ гнѣва болѣе могущественнаго божества, Кветцалькоатль сдѣлалъ себѣ лодку изъ змѣиныхъ шкуръ и пустился на ней въ море, обѣщая своимъ поклонникамъ вернуться впослѣдствіи къ нимъ со своими потомками.

Когда англійскіе корабли стали на якорь, великій жрецъ Коа и сынъ его Онэ-Ла, состоявшій спеціально жрецомъ Роно, заявили, что корабли эти не что иное, какъ плавучіе острова, на которыхъ Роно, во исполненіе своего предсказанія, вернулся на Гаваи. Заявленія этого было достаточно, чтобъ всѣ гавайцы признали Кука настоящимъ божествомъ. Повсюду туземцы падали передъ нимъ ницъ; жрецы-же обращались къ нему съ молитвами. Если не возжигали передъ нимъ ѳиміама, то развѣ потому лишь, что это не входило въ обрядъ туземнаго богопочитанія. Почести эти казались самому Куку необычайными. Онъ не счелъ, однако, умѣстнымъ протестовать противъ нихъ и рѣшился, для пользы науки, безропотно служить для гавайцевъ предметомъ обожанія.

Ему пришлось при этомъ подчиняться многимъ требованіямъ жрецовъ, казавшимся очень странными и смѣшными. Такъ, его отвели однажды въ каменный мораи, имѣвшій сорокъ аршинъ въ длину и четырнадцать аршинъ въ ширину. Площадка, гдѣ стоялъ этотъ мораи, была окружена деревянной изгородью, на которой выставлены были черепа людей, принесенныхъ въ жертву божеству.

У входа въ мораи стояли два большихъ деревянныхъ идола, туловища которыхъ были опутаны красной тканью. Верховный жрецъ Коа, войдя съ Кукомъ въ мораи, заставилъ его подняться на помостъ, подъ которымъ лежалъ сгнившій уже поросенокъ и множество заплѣснѣвшихъ фруктовъ. Вокругъ помоста стояло двѣнадцать деревянныхъ истукановъ. Затѣмъ торжественно вошла въ мораи процессія, состоявшая изъ десяти человѣкъ, несшихъ живую свинью и большой кусокъ красной ткани. Верховный жрецъ очень ловко окуталъ этой тканью капитана Кука. Другіе

присутствовавшіе жрецы пѣли въ это время хоромъ священные гимны. Затѣмъ Коа подводилъ Кука поочереди къ каждому истукану. Съ большинствомъ изъ нихъ верховный жрецъ говорилъ насмѣшливо и прищелкивая пальцами, но, подойдя къ истукану, стоявшему посрединѣ, Коа преклонился предъ нимъ и предложилъ Куку послѣдовать его примѣру.

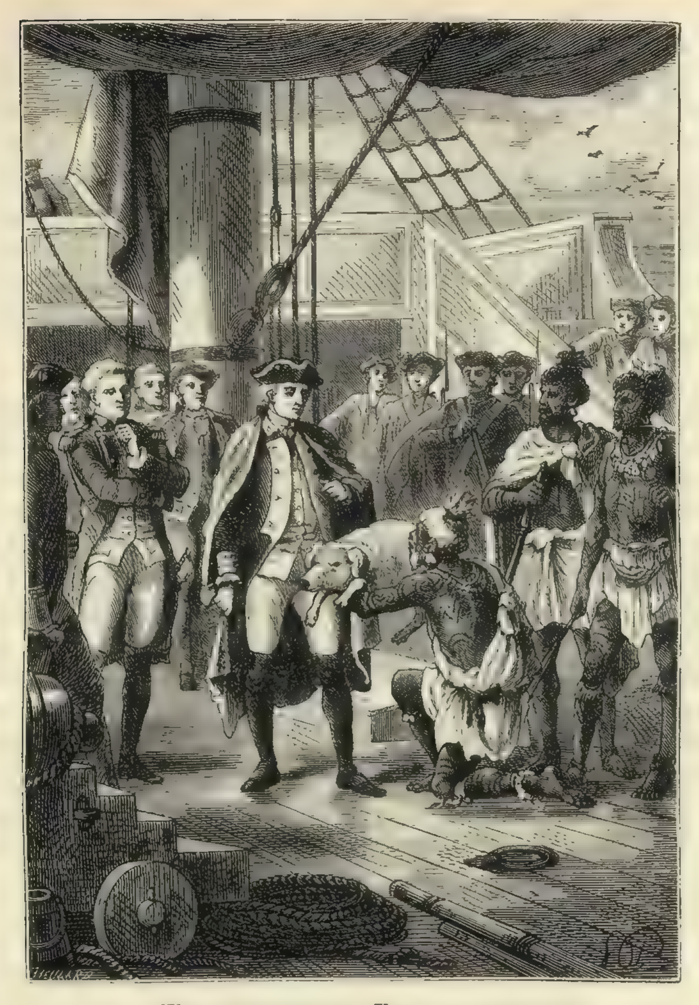
Послѣ разныхъ другихъ церемоній и приношеній капитану Куку торжественно передали зажареннаго поросенка, а также коренья, необходимые для изготовленія кавы.

„Парэа и великій жрецъ,—говоритъ лейтенантъ Кингъ,—распоряжались всею церемоніею. Когда всѣхъ присутствующихъ угостили кавой, Коа и Парэа раскрошили мясо поросенка на мелкіе кусочки и стали класть намъ эти кусочки въ ротъ. Мнѣ было непротивно брать ихъ изъ рукъ Парэа, человѣка очень чистоплотнаго, но Кукъ, котораго кормилъ самъ великій жрецъ, чувствовалъ себя очень скверно, тѣмъ болѣе, что воспоминаніе о полусгнившей свиньѣ вызывало у него припадки рвоты. Понятно, что отвращеніе капитана достигло еще бо́льшей степени, когда верховный жрецъ вздумалъ, въ знакъ особой вѣжливости и уваженія, угощать его уже разжеваннымъ мясомъ“.

Послѣ этой церемоніи Кука проводили обратно на шлюпку въ торжественной процессіи. Передъ нимъ шли четыре человѣка съ жезлами, обшитыми на концѣ собачьей шерстью. Отъ времени до времени они произносили громкимъ голосомъ какую-то фразу, въ которой англичане могли различать только слова „О-Роно“. При встрѣчѣ съ ними народъ тотчасъ-же преклонялъ колѣна.

Каждый разъ, когда Кукъ съѣзжалъ на берегъ, ему оказывались подобныя же почести. Одинъ изъ жрецовъ шелъ всегда впереди капитана, громогласно заявляя, что за нимъ слѣдуетъ Роно, при чемъ народу повелѣвалось пасть на землю и преклониться предъ божествомъ.

Если англичане имѣли основательныя причины быть довольными божескими почестями, которыя народъ, наущаемый жрецами, оказывалъ капитану Куку, то сословіе воиновъ или „эари“ было, сколько можно судить, чрезвычайно раздражено прибытіемъ Роно. Фактъ этотъ дѣйствительно подрывалъ ихъ вліяніе и увеличивалъ вліяніе жрецовъ. Нѣкоторые вожди прямо покровительствовали ворамъ, вслѣдствіе чего мелкія кражи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе учащались.



Жрецъ преподнесъ Куку поросенка.

До 24-го января 1779 года все шло, однако, обычнымъ своимъ чередомъ. Въ этотъ день, къ крайнему изумленію англичанъ, къ кораблямъ ихъ не подошла ни одна изъ туземныхъ лодокъ. Прибытіе мѣстнаго царька Тараи-Опу наложило табу на всю бухту и воспрепятствовало гавайцамъ вступать въ какія-либо сношенія съ англичанами. Царекъ этотъ въ тотъ-же день навѣстилъ запросто англійскіе корабли. Онъ прибылъ съ своей

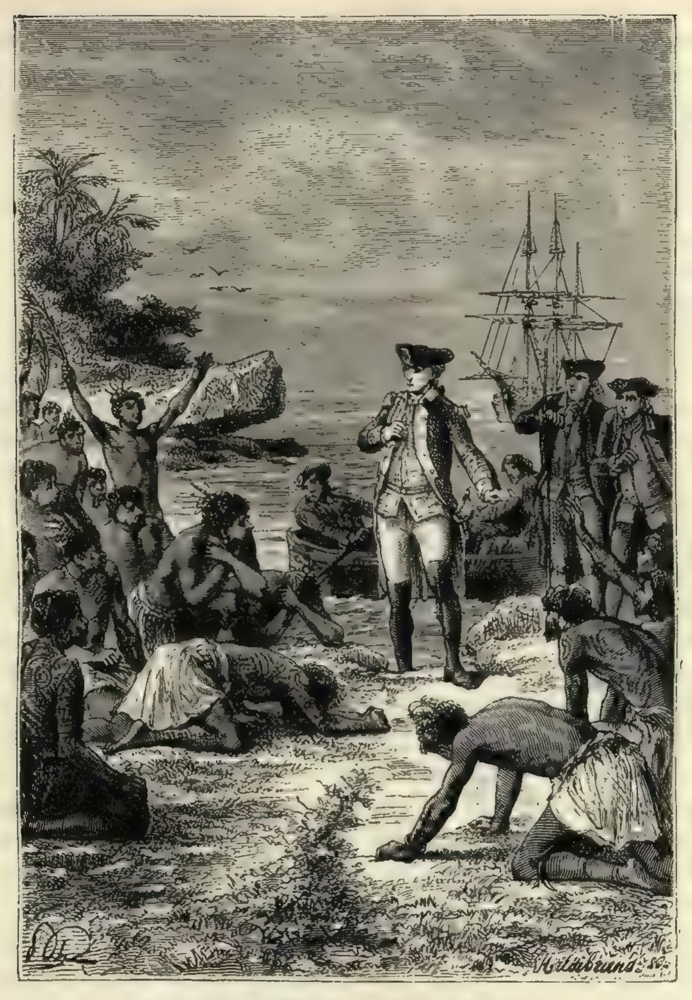
женой и дѣтьми въ одной байдарѣ. 26-го января Тараи-Опу сдѣлалъ Куку офиціальный визитъ.

„Кукъ,—говоритъ лейтенантъ Кингъ,—находился въ это время на берегу. Замѣтивъ, что царскія байдары, обойдя вокругъ кораблей, направляются къ пристани, Кукъ со взводомъ морскихъ солдатъ вышелъ на встрѣчу гавайскому монарху. Мы отвели Тараи-Опу въ капитанскій шатеръ и пригласили его сѣсть на кресло. Царекъ, однако, тотчасъ-же всталъ и граціозно набросилъ на плечи Куку собственный свой плащъ. Затѣмъ онъ надѣлъ на голову капитану каску изъ перьевъ, вручилъ ему опахало и разложилъ у его ногъ пять или шесть красивыхъ и, надо полагать, очень дорогихъ плащей".

Тараи-Опу и вожди, находившіеся въ его свитѣ, очень интересовались узнать, скоро-ли англичане разсчитываютъ отъ нихъ уѣхать. Кукъ, въ свою очередь, освѣдомился о томъ, что думаютъ гавайцы объ англичанахъ. Ему отвѣчали на это довольно уклончиво. Сколько можно было замѣтить, туземные вожди подозрѣвали, что англичанамъ у себя дома нечего ѣсть и что они прибыли къ гавайцамъ единственно лишь съ цѣлью „набить себѣ брюхо". Худоба нѣкоторыхъ матросовъ и старанія Кука запастись свѣжей провизіей еще болѣе утверждали ихъ въ этомъ убѣжденіи. Вожди освѣдомлялись, однако, о времени отъѣзда англичанъ не изъ опасенія, что чужеземцы истощатъ всѣ имѣющіеся на Гавайскихъ островахъ запасы провизіи; мѣстный державецъ боялся, напротивъ, того, чтобы его гости не отплыли во-свояси раньше, чѣмъ онъ приготовитъ для нихъ приличествующій подарокъ.

Дѣйствительно, за день до отплытія, командиры „Resolution" и „Discovery" получили отъ Тараи-Опу приглашеніе навѣстить его резиденцію. Они нашли тамъ цѣлыя груды различныхъ фруктовъ и съѣдобныхъ корней, множество тканей, а также красныхъ и желтыхъ перьевъ и въ заключеніе—цѣлое стадо свиней. Это былъ добровольный подарокъ, ежегодно подносимый туземному монарху его подданными. Тараи-Опу оставилъ себѣ приблизительно лишь третью часть подарка, остальное же отдалъ Куку и капитану Клерку. Такихъ драгоцѣнныхъ даровъ англичане не получали еще нигдѣ: ни на островахъ Дружбы, ни на островахъ Товарищества.

4-го февраля „Resolution" и „Discovery" вышли изъ бухты,



Туземцы падали передъ нимъ ницъ.

но вслѣдствіе налетѣвшаго шквала должны были черезъ нѣсколько дней вернуться туда обратно для исправленія аварій, которыя потерпѣлъ „Resolution".

Едва корабли стали на якорь, какъ англичане замѣтили рѣзкую перемѣну въ общемъ настроеніи туземцевъ. До 13-го февраля миръ, однако, еще не былъ нарушенъ. Вечеромъ въ этотъ день нѣкоторые изъ вождей запретили туземцамъ помогать

матросамъ при наполненіи бочекъ прѣсной водой. При этомъ завязалась ссора. Туземцы вооружились каменьями и палицами. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, находившимся на берегу, получилъ отъ Кука предписаніе стрѣлять, если островитяне вздумаютъ произвести нападеніе. Тѣмъ временемъ одинъ изъ туземцевъ, укравъ въ оружейной мастерской на „Discovery" клещи и долото, бросился въ море и поплылъ къ берегу. За нимъ въ погоню послана была лодка. Видя, что его настигаютъ, воръ поплылъ къ одной изъ байдаръ. Какъ только онъ туда вскарабкался, байдара поспѣшно направилась къ берегу. Англичане дали по ней нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, не причинившихъ туземцамъ никакого вреда. Парэа, бывшій тогда на „Discovery", узнавъ о покражѣ, тотчасъ-же поѣхалъ на берегъ, обѣщая, что заставитъ туземцевъ вернуть украденное. Дѣйствительно, боцману, командовавшему лодкой, отправившейся въ погоню за воромъ, принесли не только клещи и долото, но также и крышку отъ ведра, о пропажѣ которой онъ еще ничего не зналъ. Боцманъ возвращался уже на корабль, когда встрѣтилъ на пути шлюпку съ „Resolution". На шлюпкѣ этой было пятеро гребцовъ. Получивъ такое неожиданное подкрѣпленіе, онъ вернулся обратно на берегъ и сталъ требовать, чтобъ туземцы выдали ему вора или, по крайней мѣрѣ, байдару, на которой воръ спасся. Найдя эту байдару у берега, боцманъ хотѣлъ уже спустить ее на воду, когда подошелъ къ нему Парэа и заявилъ, что байдара принадлежитъ ему лично. Несмотря на возраженія вождя, онъ принялся тѣмъ не менѣе сталкивать байдару въ море. Парэа, бросивъ свое оружіе, схватилъ тогда англичанина за волосы и старался его удержать. Видя, что боцману не справиться съ своимъ противникомъ, одинъ изъ матросовъ ударилъ вождя по головѣ весломъ. Парэа, выпустивъ боцмана, вырвалъ тогда изъ рукъ матроса весло и переломилъ его на-двое о свое колѣно. Туземцы, бывшіе до тѣхъ поръ только мирными зрителями, вооружились каменьями и начали бросать ими въ англичанъ. Матросамъ пришлось отступить въ лодку, оставивъ въ рукахъ туземцевъ шлюпку съ „Resolution". Боцманъ и помощникъ рулевого остались также на берегу и уцѣлѣли только благодаря заступничеству Парэа, который приказалъ имъ отдать шлюпку и вещи, похищенныя у нихъ изъ кармановъ.

„Боюсь, чтобъ эти островитяне не заставили меня прибѣг-

нуть къ энергическимъ мѣрамъ! — сказалъ Кукъ, узнавъ о случившемся. — Нельзя оставить ихъ въ убѣжденіи, будто они имѣли надъ нами перевѣсъ!"

Въ ночь съ 13-го на 14-е февраля украдена была большая шлюпка съ „Discovery". Кукъ рѣшился тогда захватить Тараи-Опу или какихъ-либо другихъ вліятельныхъ лицъ и держать ихъ у себя въ заложникахъ, пока ему не вернутъ похищенное.

Взявъ съ собою небольшую команду морскихъ солдатъ, онъ съѣхалъ на берегъ и пошелъ прямо къ царской резиденціи. На пути его встрѣчали съ обычными знаками почтенія. Увидѣвъ Тараи-Опу и двухъ его сыновей, Кукъ сообщилъ имъ въ нѣсколькихъ словахъ о покражѣ шлюпки и уговорилъ отправиться вмѣстѣ съ собою на корабль.

Дѣла принимали повидимому вполнѣ благопріятный оборотъ. Оба сына державца сидѣли уже въ англійской шлюпкѣ, когда одна изъ женъ Тараи-Опу упала передъ своимъ мужемъ на колѣна и, заливаясь слезами, стала просить, чтобъ онъ не уѣзжалъ съ чужеземцами. Нѣсколько вождей послѣдовали ея примѣру. Тараи-Опу, не зная, на что рѣшиться, сѣлъ на скамью передъ своимъ домомъ.

Тѣмъ временемъ вокругъ англичанъ стала собираться толпа туземцевъ. Опасаясь, чтобы солдаты Кука силою не похитили ихъ царя, гавайцы стали поспѣшно вооружаться длинными копьями, дротиками и кинжалами. Кукъ настоятельно потребовалъ тогда, чтобы Тараи-Опу отправился съ нимъ на шлюпку. Тараи-Опу на это согласился и дошелъ съ Кукомъ до берега. Жена и вожди силою удержали его тамъ и не дали сѣсть въ шлюпку. Тѣмъ временемъ распространился между туземцами слухъ, будто на другомъ концѣ бухты матросы съ „Discovery" убили одного изъ наиболѣе вліятельныхъ вождей. Тотчасъ-же послѣ того женщины, сидѣвшія на берегу и спокойно бесѣдовавшія съ англійскими матросами, поспѣшно удалились.

Кукъ собрался вернуться на корабль. Онъ убѣдился, что попытка увезти Тараи-Опу повлекла бы за собой серьезное кровопролитіе. Капитанъ былъ уже неподалеку отъ шлюпки, когда къ нему подкрался туземецъ, вооруженный кинжаломъ съ двумя остріями. Видя, что туземецъ замахнулся, чтобъ нанести ударъ, Кукъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья, заряженнаго дробью. Туземецъ, грудь котораго была прикрыта толстой цыновкой, былъ,

по всѣмъ вѣроятіямъ, даже не раненъ этимъ выстрѣломъ. Онъ сдѣлался еще болѣе дерзкимъ и собирался пронзить Кука своимъ дротикомъ, когда одинъ изъ морскихъ солдатъ убилъ его наповалъ выстрѣломъ изъ ружья. Кукъ, на котораго бросилось нѣсколько туземцевъ, застрѣлилъ тоже одного изъ нихъ. Эти два выстрѣла заставили толпу попятиться назадъ, но затѣмъ гавайцы снова кинулись на англичанъ и осыпали ихъ градомъ каменьевъ. Морскіе солдаты отвѣтили на это нападеніе залпомъ. Шлюпка и лодка, стоявшія близъ берега, открыли также огонь по толпѣ. Это чрезвычайно разсердило капитана Кука. Онъ тотчасъ-же скомандовалъ прекратить огонь и подалъ знакъ лодкамъ рукою подойти какъ можно ближе къ берегу. Одна изъ шлюпокъ тотчасъ-же подошла, а другая, ложно истолковавшая сигналъ капитана, отплыла, напротивъ того, въ сторону. Ошибка эта оказалась гибельной и стоила жизни капитану Куку.

Прежде чѣмъ солдаты успѣли зарядить свои ружья, гавайцы бросились на нихъ и быстро потѣснили къ шлюпкѣ. Четверо солдатъ были при этомъ убиты, а лейтенантъ, командовавшій отрядомъ, былъ раненъ; онъ успѣлъ тѣмъ не менѣе добраться до шлюпки.

Одинъ только Кукъ оставался еще на берегу. Онъ шелъ къ шлюпкѣ, держа ружье подъ-мышкой и прикрывая правою рукой голову отъ камней. Онъ былъ отъ нея уже всего въ пяти или шести шагахъ, когда одинъ изъ туземцевъ ударилъ его копьемъ по затылку, а затѣмъ, испугавшись своей дерзости, обратился въ бѣгство. Ударъ, казалось, ошеломилъ Кука. Онъ зашатался, упалъ на одно колѣно и выронилъ изъ рукъ ружье, но тотчасъ-же, однако, пришелъ въ себя и сталъ уже подниматься на ноги, когда подбѣжалъ къ нему другой гаваецъ и ударилъ его кинжаломъ въ шею. Кукъ тогда снова упалъ на отмель, гдѣ вода доходила до колѣнъ. Нѣсколько туземцевъ бросилось на него, стараясь удержать его голову подъ водой. Онъ имѣлъ, однако, еще достаточно силы, чтобы приподняться. Какъ уже сказано, шлюпка была отъ неге всего лишь въ пяти или шести шагахъ разстоянія, но тѣмъ не менѣе матросамъ и морскимъ солдатамъ не удалось подать помощь своему капитану. Кука окунули опять въ воду, но ему опять удалось вырваться отъ дикарей. Видя, что онъ начинаетъ подниматься, одинъ изъ гавайпевъ пронзилъ его ударомъ копья. Убѣдившись, что Кукъ умеръ, туземцы унесли

его трупъ на берегъ и тамъ съ ожесточеніемъ продолжали наносить ему удары кинжалами.

Такова была кончина этого великаго моряка, несомнѣнно, знаменитѣйшаго изъ всѣхъ англійскихъ мореплавателей. Обширныя свѣдѣнія Кука, смѣлость его предположеній и стойкая энергія при ихъ выполненіи—дѣлали его образцовымъ изслѣдователемъ.

Кукъ оказалъ географіи неисчислимыя услуги. Въ первое путешествіе онъ нанесъ на карту острова Товарищества, доказалъ, что Новая Зеландія состоитъ изъ двухъ острововъ, открылъ каналъ королевы Шарлотты и нанесъ на карту все Новозеландское прибрежье. Во второмъ путешествіи Кукъ фактически доказалъ отсутствіе измышленнаго тогдашними географами Южнаго материка, открылъ Новую Каледонію, Южную Георгію, Сандвичеву Землю и проникъ къ южному полюсу далѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Наконецъ, въ третье свое путешествіе онъ открылъ Гавайскій архипелагъ и нанесъ на карту болѣе 3500 миль западнаго американскаго прибрежья отъ 43° сѣверной широты до Берингова пролива. Пройдя черезъ этотъ проливъ, онъ вступилъ въ Ледовитый океанъ и плавалъ тамъ болѣе мѣсяца, пока полярные льды не заставили его вернуться обратно.

Заслуги Кука, какъ моряка и гидрографа, стоятъ выше всякой похвалы. Мы позволимъ себѣ въ заключеніе указать еще на отеческую заботливость, съ какою онъ относился всегда къ своимъ матросамъ. Благодаря этой заботливости, экипажъ его корабля стоялъ всегда въ возможно лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, а потому, несмотря на неблагопріятныя условія, при которыхъ Куку приходилось выполнять поставленныя ему задачи, смертность отъ болѣзней была у него на кораблѣ всегда очень малая.

Капитанъ Клеркъ, принявшій начальство надъ экспедиціей, созвалъ совѣтъ, на которомъ многіе офицеры, въ томъ числѣ и лейтенантъ Кингъ, высказывались въ пользу того, чтобы отомстить гавайцамъ за смерть капитана Кука. Клеркъ полагалъ, однако, что такая месть была бы только безполезной жестокостью, недостойною памяти великаго мореплавателя. Рѣшено было поэтому вступить съ гавайскими вождями въ переговоры о выдачѣ тѣла капитана Кука и погибшихъ съ нимъ вмѣстѣ матросовъ. Веденіе этихъ переговоровъ поручено было лейтенанту Кингу. Послѣ долгихъ хлопотъ и усилій удалось наконецъ, чрезъ посредство жрецовъ, получить кусокъ человѣческаго мяса вѣсомъ въ девять или

десять фунтовъ. 20-го февраля Тараи-Опу прислалъ капитану Клерку голову Кука безъ нижней челюсти и костей лица, а также его руки и ноги. На другой день доставлена была нижняя челюсть, нѣкоторыя другія части тѣла, а также башмаки и многія другія части одежды Кука. Вмѣстѣ съ тѣмъ гавайскіе вожди заявили, что болѣе ничего достать не могутъ.

Смертные останки знаменитаго мореплавателя были уложены въ гробъ и опущены въ море съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ церемоніаломъ.

Во время переговоровъ о выдачѣ тѣла гавайцы держали себя сперва чрезвычайно дерзко и самонадѣянно. Всякій разъ, когда англичане съѣзжали на берегъ за прѣсной водой, они подвергались нападеніямъ разъяренной толпы, вооруженной каменьями и палицами. Несмотря на все свое нежеланіе, капитанъ Клеркъ вынужденъ былъ наглядно доказать гавайцамъ, что преимущество въ силѣ находится не на ихъ сторонѣ и что англичане щадили ихъ до тѣхъ поръ только изъ человѣколюбія. Отрядъ матросовъ и морскихъ солдатъ, отразивъ нападеніе дикарей, самъ перешелъ въ наступленіе, загналъ ихъ въ туземное селеніе и предалъ это селеніе пламени. Этотъ суровый урокъ произвелъ на гавайцевъ сильное впечатлѣніе. Они сдѣлались снова очень вѣжливы и предупредительны къ англичанамъ.

Запасшись свѣжей провизіей, капитанъ Клеркъ покинулъ 22-го февраля островъ Гаваи. Самъ онъ перешелъ на „Resolution“, а командиромъ „Discovery“ назначилъ лейтенанта Горэ. Осмотрѣвъ и нанеся на карту остальные острова Гавайскаго архипелага, Клеркъ взялъ курсъ къ сѣверу, останавливался на нѣкоторое время въ Камчаткѣ, гдѣ встрѣтилъ со стороны мѣстныхъ русскихъ властей самый радушный пріемъ, и прошелъ снова черезъ Берингов проливъ въ Ледовитый океанъ, но достигъ тамъ только до 69° 50′ сѣверной широты. Дальнѣйшій путь къ сѣверу, какъ и въ прошлый разъ, оказался прегражденнымъ льдами.

22-го августа 1779 года капитанъ Клеркъ умеръ отъ легочной чахотки. Главное начальство надъ экспедиціей перешло тогда къ лейтенанту Горэ. На обратномъ пути въ Англію „Discovery“ и „Resolution“ останавливались въ Камчаткѣ, въ Кантонѣ и на мысѣ Доброй Надежды. Наконецъ, 1-го октября 1780 года оба корабля, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, стали на якорь въ устьѣ Темзы.

Смерть капитана Кука произвела въ Англіи очень тяжелое впечатлѣніе. Лондонское Королевское Общество, членомъ котораго Кукъ состоялъ, отчеканило въ память его золотую медаль. Въ подпискѣ на эту медаль приняли участіе самыя высокопоставленныя лица.

Англійское адмиралтейство представило королю докладную записку, въ которой просило обезпечить семейство капитана Кука. Король назначилъ вдовѣ знаменитаго мореплавателя ежегодную пенсію въ сто пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Каждому изъ трехъ сыновей Кука назначена была пенсія въ двадцать фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ того англійское правительство издало на свой счетъ карты и рисунки къ третьему путешествію капитана Кука, при чемъ вырученная отъ продажи значительная сумма была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: половина ея выплачена была г-жѣ Кукъ, четвертая часть—капитану Кингу, остальная же четверть—наслѣдникамъ капитана Клерка. Въ довершеніе всего, дѣти Кука были возведены 3-го сентября 1785 года въ дворянское достоинство. Всѣ они умерли, не оставивъ послѣ себя потомства.

Память о Кукѣ, однако, не угасла. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить торжественное засѣданіе французскаго Географическаго Общества, состоявшееся 14-го февраля 1879 года.

Чтобы почтить столѣтнюю годовщину смерти Кука, собрался многочисленный митингъ, въ которомъ присутствовали многіе представители цвѣтущихъ теперь австралійскихъ колоній. Гавайскій архипелагъ, на которомъ суждено было погибнуть великому мореплавателю, прислалъ также своихъ депутатовъ. Громадная зала Географическаго Общества украшена была портретомъ Кука, его картами и астрономическими инструментами, великолѣпными акварелями Уэббера, образцами оружія и домашней утвари океанійскихъ островитянъ и т. п.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Французскіе мореплаватели.

I.

Открытія Буве де-Лозье въ южныхъ моряхъ. — Сюрвиль. — Земля Арзакидовъ. — Столкновеніе съ туземцами въ портѣ Праленъ. — Прибытіе къ берегамъ Новой Зеландіи. — Смерть Сюрвиля. — Открытія Маріона въ южныхъ полярныхъ моряхъ. — Умерщвленіе Маріона новозеландцами. — Путешествіе Кергелена въ Исландію и въ южныя полярныя моря.—Практическое испытаніе хронометровъ. — Экспедиціи Флерье и Вердена де-ла-Креня.

Въ первой половинѣ XVIII ст. сдѣлано было открытіе, долженствовавшее имѣть самое счастливое вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи географіи. Командиръ одного изъ судовъ французско-остъ-индской компаніи, Жанъ-Батистъ-Шарль Буве де-Лозье, заинтересованный громаднымъ, еще неизслѣдованнымъ тогда пространствомъ вокругъ южнаго полюса, гдѣ обозначалась у тогдашнихъ географовъ „Terra australis incognita“, просилъ разрѣшенія открыть эти неизвѣстныя земли. Просьбу его долгое время оставляли безъ послѣдствій. Наконецъ, въ 1738 году компанія предоставила въ распоряженіе Буве для этой цѣли два небольшихъ корабля.

То были два маленькихъ фрегата „Орелъ“ и „Марія“. Суда эти отплыли изъ Бреста 19-го іюля 1738 года. Простоявъ болѣе мѣсяца у острова св. Екатерины близъ береговъ Бразиліи, они 13-го ноября вышли опять въ море и направились къ юго-востоку.

Погода стояла чрезвычайно туманная. Начиная съ 26-го ноября французскіе корабли должны были подавать другъ другу сигналы пушечными выстрѣлами. Имъ приходилось неоднократно измѣнять свой курсъ и принимать чрезвычайныя мѣры предосторожности, чтобы не навалить другъ на друга. 5-го декабря туманъ сдѣлался

еще гуще. Съ „Орла“ слышно было все, что говорилось на „Маріи“, а между тѣмъ нельзя было различить этого судна. Въ морѣ плавало множество водорослей; замѣчены были также птицы изъ породы чаекъ, никогда не удаляющейся на большое разстояніе отъ земли.

„15-го декабря, — говоритъ Фабръ въ своемъ описаніи этого путешествія,—находясь подъ 48° 50′ южной широты (подъ тою-же широтой, подъ которой лежитъ въ сѣверномъ полушаріи Парижъ) и подъ 7° долготы къ востоку отъ Тенерифскаго меридіана, замѣтили къ пяти или шести часамъ утра громадную льдину, а потомъ еще нѣсколько другихъ. Возлѣ этихъ большихъ льдинъ плавали льдины меньшей величины. Фрегатъ „Марія“ подалъ сигналъ объ опасности и перемѣнилъ галсъ. Буве, которому не понравился этотъ маневръ, могущій встревожить матросовъ, приказалъ „Орлу“ прибавить парусовъ и, проходя мимо „Маріи“, заявилъ, что намѣренъ идти далѣе къ югу для успокоенія умовъ. Буве сообщилъ, что встрѣча со льдами должна считаться счастливымъ предзнаменованіемъ, такъ какъ она служитъ вѣрнымъ признакомъ сосѣдства земли“.

Оба фрегата продолжали путь къ югу, и вскорѣ настойчивость Буве была вознаграждена открытіемъ земли, которую онъ назвалъ мысомъ Обрѣзанія Господня. Мысъ этотъ представлялъ собою высокую гору, покрытую снѣгомъ и окруженную со всѣхъ сторонъ льдами, не позволявшими къ ней подойти ближе чѣмъ на семь или на восемъ миль. Съ этого разстоянія она казалась островомъ, имѣвшимъ съ сѣвера на югъ протяженіе около четырехъ или пяти миль.

„По картамъ Пьетергоса, которыя были у Буве, землю эту,— говоритъ Фабръ, — пришлось нанести подъ 54° южной широты и между 26° и 27° восточной долготы по тенерифскому меридіану, т. е. между 5° 30′ и 6° 30′ къ востоку отъ парижскаго меридіана.

Буве очень хотѣлось ближе осмотрѣть эту землю и высадиться тамъ на берегъ, но вслѣдствіе тумановъ и противныхъ вѣтровъ намѣреніе это не могло быть приведено въ исполненіе.

„3-го января 1739 года,—говоритъ Буве въ рапортѣ, который онъ представилъ остъ-индской компаніи, — мы могли по крайней мѣрѣ обстоятельно разсмотрѣть эту землю. Къ четыремъ часамъ по полудни туманъ немного разсѣялся, и мы въ состояніи были ясно различить крутые ея берега, изрѣзанные нѣсколькими бух-

19*

тами. Вершины горъ увѣнчаны были снѣгами, склоны же ихъ, какъ намъ показалось, покрыты лѣсомъ".

Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ подойти къ этой землѣ, Буве вынужденъ былъ уступить и повернулъ назадъ къ сѣверу. Матросы его были до-нельзя утомлены непосильными трудами. На обоихъ корабляхъ свирѣпствовала цынга. „Марія" пошла къ Иль-де-Франсу, „Орелъ" же направился къ мысу Доброй Надежды, куда и прибылъ 28-го февраля.

Буве въ упомянутомъ уже своемъ рапортѣ говоритъ: „Мы прошли отъ 1200 до 1500 миль по неизвѣданнымъ до сихъ поръ морямъ. Въ теченіе цѣлыхъ семидесяти дней почти безпрерывно стояли густые туманы; почти каждый день шелъ градъ или снѣгъ. Палубы и снасти кораблей неоднократно были покрыты снѣгомъ. Случалось, что шкоты совершенно обледенѣютъ, вслѣдствіе чего затруднялось управленіе судномъ; такъ, 10-го января мы не могли спустить малый нашъ марсель. Наши экипажи состояли изъ людей, привыкшихъ къ теплому климату и притомъ недостаточно снабженныхъ теплой одеждой; стужа казалась имъ поэтому чрезвычайной; они зачастую отмораживали себѣ руки и ноги. Между тѣмъ работы на корабляхъ было много. Приходилось по нѣскольку разъ въ день переставлять паруса и ежедневно производить промѣры. Одинъ изъ матросовъ „Орла", посланный на мачту, чтобы спустить рею малаго марселя, совершенно окоченѣлъ отъ холода и, потерявъ сознаніе, остался на марсѣ. Его сняли оттуда подъемнымъ горденемъ и не безъ труда привели въ чувство. Я самъ видѣлъ, какъ у матросовъ, вытягивавшихъ лагъ-линь, капали съ глазъ слезы. А еще время года для южнаго полушарія было самое благопріятное и я старался доставить матросамъ всѣ зависѣвшія отъ меня удобства".

Понятно, что въ виду ничтожности достигнутыхъ при этомъ результатовъ остъ-индская компанія не сочла нужнымъ продолжать попытки къ изслѣдованію южныхъ морей. Путешествіе Буве нанесло во всякомъ случаѣ первый серьезный ударъ вѣрѣ въ существованіе невѣдомаго материка. Первый толчекъ былъ данъ, и вскорѣ по слѣдамъ Буве пустилось нѣсколько другихъ мореплавателей, въ числѣ которыхъ было двое французовъ. Упомянувъ въ нѣсколькихъ словахъ о малоизвѣстномъ путешествіи Буве, мы хотѣли воздать должное первому піонеру среди антарктическихъ мореплавателей, бывшему, если можно такъ выразиться,

предтечей величайшаго изъ этихъ мореплавателей, англичанина Джемса Кука.

Другой морякъ французско-остъ-индской компаніи, покрывшій себя громкой славой въ сраженіяхъ съ англичанами, а именно Жанъ-Франсуа-Мари Сюрвиль, сдѣлалъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ экспедиціи Буве важныя открытія въ Океаніи. Ему удалось почти одновременно съ Кукомъ разыскать землю, которая была нѣкогда открыта Тасманомъ, назвавшимъ ее Землею Генеральныхъ Штатовъ. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Лоу и Шевалье, стоявшіе во главѣ управленія Французскою Индіей, задумали снарядить на свой счетъ корабль для торговли въ южныхъ моряхъ и, рѣшившись поручить начальство надъ этимъ кораблемъ Сюрвилю, отправили его во Францію, чтобы наблюдать за снаряженіемъ корабля и выхлопотать у компаніи надлежащее разрѣшеніе. Сюрвиль вооружилъ въ Нантѣ корабль, снабдилъ его трехлѣтнимъ запасомъ провіанта и всѣмъ необходимымъ для дальняго плаванія. Съ этимъ кораблемъ, именовавшимся „Св. Іоаннъ Креститель", Сюрвиль отправился сначала во французскія владѣнія въ Остъ-Индіи, гдѣ Лоу предоставилъ въ его распоряженіе команду изъ двадцати четырехъ туземныхъ солдатъ. Выйдя 3-го марта 1769 года изъ Ангельской бухты, „Св. Іоаннъ Креститель" послѣдовательно заходилъ въ Мазулипатамъ, Янсонъ и Пондишери, гдѣ были погружены на него разные товары для мѣновой торговли.

2-го іюня Сюрвиль отплылъ изъ Пондишери и направился къ Филиппинскимъ островамъ. 20-го августа онъ бросилъ якорь у острововъ Баши, названныхъ такъ Дампьеромъ въ воспоминаніе объ употребительномъ тамъ опьяняющемъ напиткѣ того-же имени. Напитокъ этотъ изготовляется туземцами изъ сока сахарнаго тростника, который настаивается въ теченіе нѣсколькихъ дней на какихъ-то черныхъ сѣмечкахъ.

У Дампьера, во время стоянки близъ острововъ Баши, бѣжало нѣсколько матросовъ. Бѣглецы были радушно приняты туземцами, снабдившими каждаго изъ нихъ женою, участкомъ земли и необходимыми земледѣльческими орудіями. Трое изъ матросовъ „Св. Іоанна Крестителя" вздумали также попытать счастья и остались на берегу. Сюрвиль рѣшился однако, во чтобы ни стало, добиться выдачи дезертировъ. Онъ приказалъ схватить двадцать шесть туземцевъ и оставить ихъ заложниками до тѣхъ поръ, пока бѣглецы не будутъ возвращены на корабль.

„У этихъ индѣйцевъ связаны были руки и ноги, — говоритъ Крозе въ своемъ описаніи путешествія Сюрвиля, — но тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ не побоялись броситься въ море и, къ величайшему удивленію всего экипажа, сумѣли доплыть до одной изъ своихъ байдаръ, державшихся отъ насъ въ довольно почтительномъ разстояніи“.

Дикарямъ объяснили, что они были задержаны лишь съ цѣлью побудить ихъ товарищей къ выдачѣ трехъ дезертировъ. Островитяне показали знаками, что понимаютъ въ чемъ дѣло, послѣ чего всѣ они, за исключеніемъ шестерыхъ, были освобождены. Въ виду поспѣшности, съ какою островитяне покинули корабль и бросились въ свои байдары, никто не разсчитывалъ, чтобъ они вернулись. Французы были поэтому очень удивлены, увидѣвъ, что туземцы, послѣ непродолжительнаго отсутствія, возвращаются назадъ съ радостными восклицаніями. Сюрвиль былъ убѣжденъ, что они везутъ съ собою бѣглецовъ. Дѣйствительно, они взобрались на палубу и положили къ ногамъ Сюрвиля трехъ... прекрасныхъ свиней, туго связанныхъ веревками!

Сюрвилю шутка эта очень не понравилась. Онъ такъ прикрикнулъ на дикарей, что они съ испугу тотчасъ-же бросились въ свои лодки и дружно налегли на весла. Вскорѣ байдары исчезли изъ виду, а на слѣдующій день „Св. Іоаннъ Креститель“ вышелъ въ море, увозя съ собою троихъ островитянъ, которые должны были заступить мѣсто бѣжавшихъ матросовъ.

7-го октября, послѣ довольно долгаго плаванія въ направленіи къ юго-востоку, усмотрѣна была подъ 6° 56′ южной широты и 151° 30′ восточной долготы (считая отъ парижскаго меридіана) земля, которая названа была Первоусмотрѣннымъ островомъ (Ile de la Première Vue).

„Св. Іоаннъ Креститель“ шелъ вдоль береговъ этого острова до 13-го октября, когда открытъ былъ прекрасный портъ, благодаря множеству окружавшихъ его островковъ защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ. Сюрвиль назвалъ его портомъ Пралена. Онъ лежитъ подъ 7° 25′ южной широты и подъ 151° 55′ восточной долготы.

Направляясь къ этому порту, французы видѣли нѣсколькихъ туземцевъ, вооруженныхъ копьями и щитами, заброшенными за спину. Вскорѣ „Св. Іоаннъ Креститель“ былъ окруженъ множествомъ байдаръ. Туземцы, прибывшіе въ этихъ байдарахъ, выка-

зывали сперва очень враждебное настроеніе, но затѣмъ нѣсколько успокоились. Человѣкъ тридцать изъ нихъ рѣшились даже взобраться на корабль, гдѣ осматривали съ величайшимъ вниманіемъ все, что только попадалось имъ на глаза. Подъ конецъ французамъ пришлось сдержать дикарей, хотѣвшихъ въ очень большомъ числѣ пожаловать къ нимъ въ гости.

Несмотря на радушный пріемъ, оказанный имъ на французскомъ кораблѣ, островитяне, очевидно, не вполнѣ довѣряли своимъ хозяевамъ. При малѣйшемъ движеніи, которое они замѣчали на кораблѣ, дикари бросались съ палубы въ свои байдары или же въ море. Одинъ изъ туземцевъ выказывалъ, впрочемъ, сравнительно бо̀льшее довѣріе къ французамъ. Сюрвиль подарилъ ему за это нѣсколько бездѣлушекъ. Островитянинъ, какъ-бы желая отблагодарить Сюрвиля, далъ понять знаками, что въ глубинѣ порта находится удобное мѣсто, гдѣ можно запастись прѣсной водой.

Сюрвиль приказалъ спустить на воду шлюпки и поручилъ команду надъ ними своему лейтенанту Лаббе.

„Дикари, очевидно, съ нетерпѣніемъ ждали отплытія шлюпокъ,— говоритъ Флерье *). Едва лишь шлюпки успѣли тронуться, какъ за ними вслѣдъ пустились туземныя байдары. Одна изъ нихъ, на которой находился островитянинъ, такъ предупредительно предложившій Сюрвилю свои услуги, повидимому, управляла движеніями остальныхъ. На ея кормѣ стоялъ туземецъ, который, держа въ рукахъ кучки травы на одной вышинѣ съ своей головой, подавалъ ими въ тактъ разные сигналы. По серединѣ той-же пироги стоялъ молодой человѣкъ, опиравшійся съ самымъ серьезнымъ видомъ на длинное копье. Въ ушахъ у него и въ носу были хорошенькіе букеты красныхъ цвѣтовъ, волосы же были напудрены бѣлой известью.

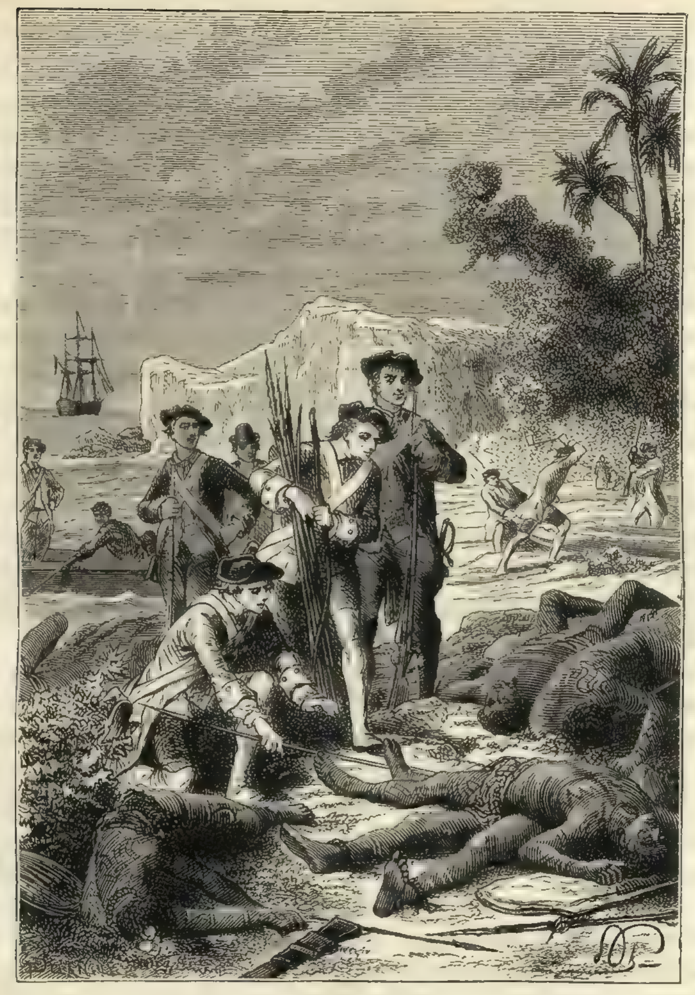
Поведеніе туземцевъ показалось французамъ нѣсколько страннымъ. Подозрѣнія ихъ еще болѣе усилились, когда островитяне стали приглашать шлюпки войти въ узкій каналъ, утверждая, что въ концѣ его найдется прекрасная прѣсная вода. Лейтенантъ Лаббе, несмотря на приглашеніе туземцевъ, не хотѣлъ пускаться въ этотъ каналъ, гдѣ глубина не превышала двухъ или трехъ футовъ, при вязкомъ илистомъ грунтѣ. Онъ высадилъ только на

*) См. Decouvertes de Français.

берегъ капрала съ четырьмя солдатами, поручивъ имъ осмотрѣть окрестную мѣстность. Команда эта вскорѣ вернулась, сообщивъ, что нашла вездѣ только одни болота, въ которыхъ легко увязнуть по поясъ. Очевидно, что дикари замышляли недоброе. Лаббе, не показывая вида, что проникъ ихъ коварныя намѣренія, вѣжливо предложилъ проводить его до какой-нибудь другой рѣчки.

Туземцы отвели тогда шлюпки за три мили оттуда въ такое мѣсто, откуда совсѣмъ нельзя было видѣть корабля. Лейтенантъ снова отправилъ на рекогносцировку капрала съ нѣсколькими солдатами. Капралъ дѣйствительно нашелъ небольшой родникъ прѣсной воды, едва достаточный, однако, для того, чтобъ нѣсколько человѣкъ могли утолить въ немъ жажду. Тѣмъ временемъ туземцы всячески старались уговорить лейтенанта Лаббе сойти на берегъ. Они указывали ему на изобиліе кокосовыхъ орѣховъ и другихъ плодовъ, хватались за багоръ шлюпки и старались подтащить ее къ берегу.

„Тамъ собралось, говорится въ описаніи путешествія Сюрвиля, болѣе двухсотъ пятидесяти туземцевъ, вооруженныхъ копьями отъ семи до восьми футовъ, деревянными мечами и палицами, луками, стрѣлами и каменьями. У нѣкоторыхъ изъ воиновъ имѣлись также щиты очень солидныхъ размѣровъ. Когда команда изъ пяти человѣкъ, ходившихъ на рекогносцировку, вернулась къ берегу и собиралась садиться на шлюпки, дикари бросились какъ на нее, такъ и на французовъ, находившихся въ лодкахъ. Одинъ изъ солдатъ былъ сбитъ съ ногъ ударомъ палицы, а капралъ пораженъ ударомъ копья. Кромѣ того много солдатъ и матросовъ было ранено стрѣлами и каменьями. Самъ лейтенантъ Лаббе раненъ былъ двумя стрѣлами въ ногу. Французы отвѣтили на это нападеніе ружейнымъ залпомъ, настолько ошеломившимъ дикарей, что они, въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, оставались совершенно неподвижными. Залпъ этотъ былъ тѣмъ убійственнѣе, что дикари столпились въ кучу всего лишь въ одной или двухъ саженяхъ отъ шлюпокъ, а потому ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ. Изумленіе островитянъ дало французамъ время зарядить ружья и дать второй залпъ, обратившій дикарей въ бѣгство. Французы навели страхъ на дикарей главнымъ образомъ благодаря тому обстоятельству, что лейтенанту Лаббе удалось мѣткимъ выстрѣломъ убить наповалъ вождя островитянъ, который, держась немного въ сторонѣ отъ сражающихся, поощрялъ



Французы подобрали оружіе, брошенное дикарями.

ихъ голосомъ и тѣлодвиженіями. Дикари унесли съ собой своихъ раненыхъ и оставили на полѣ сраженія 30—40 труповъ. Французы высадились тогда на берегъ, собрали оружіе, брошенное дикарями, и уничтожили ихъ байдары, за исключеніемъ одной, которую увели съ собой.

Сюрвилю очень хотѣлось захватить кого-нибудь изъ туземцевъ. Добрый капитанъ разсчитывалъ, что плѣнникъ будетъ служить

ему проводникомъ и что онъ, убѣдившись въ смертоносномъ дѣйствіи огнестрѣльнаго оружія, отговоритъ своихъ соотечественниковъ отъ дальнѣйшихъ злоумышленій противъ французовъ. Для этого употребленъ былъ слѣдующій оригинальный пріемъ. Въ байдару, захваченную у дикарей, посажено было двое негровъ, служившихъ матросами на „Св. Іоаннѣ Крестителѣ". Имъ напудрили головы и вообще одѣли или, лучше сказать, раздѣли ихъ такъ, что островитяне должны были издали признать этихъ негровъ за своихъ сородичей.

Дѣйствительно, хитрость эта удалась. Вскорѣ отъ одного изъ островковъ отчалила байдара, которая, видя другую байдару возлѣ самаго французскаго корабля, сочла возможнымъ подойти къ нему тоже. Сюрвиль спустилъ тогда на воду двѣ шлюпки и послалъ ихъ за нею въ погоню. Байдара оказалась, однако, на ходу быстрѣе, чѣмъ французскія шлюпки. Видя, что она уходитъ, французы начали стрѣлять по гребцамъ, которыхъ въ байдарѣ было всего двое. Одинъ изъ туземцевъ былъ убитъ и, свалившись въ море, опрокинулъ байдару, другой же, юноша четырнадцати или пятнадцати лѣтъ отъ роду, поплылъ прямо къ берегу. Шлюпки не замедлили, однако, его догнать.

Молодой островитянинъ мужественно оборонялся. Иногда онъ дѣлалъ видъ, будто собирается укусить самого себя, но при этомъ жестоко кусалъ державшихъ его матросовъ. Ему связали руки и ноги и доставили его въ такомъ видѣ на корабль. Тамъ онъ въ продолженіе цѣлаго часа притворялся мертвымъ; но когда его приподымали въ сидячее положеніе и потомъ сразу опускали на палубу, онъ падалъ всегда такъ, чтобъ не ушибить себѣ голову. Когда дикарю надоѣло играть эту роль, онъ открылъ глаза и, видя, что экипажъ ужинаетъ, показалъ знаками, что тоже голоденъ. Ему дали сухарей, и онъ ѣлъ ихъ съ большимъ аппетитомъ, дѣлая при этомъ разныя выразительныя тѣлодвиженія. Послѣ ужина его связали покрѣпче и приставили къ нему караулъ, опасаясь, чтобъ плѣнникъ не бросился въ море.

Ночью нѣсколько туземныхъ байдаръ подплывали къ кораблю, разсчитывая сдѣлать на французовъ нечаянное нападеніе. Часовые своевременно подняли тревогу и нападеніе туземцевъ было отражено ружейнымъ огнемъ. На другой день плѣнника посадили въ шлюпку и отправили съ командой матросовъ на островокъ, названный впослѣдствіи островомъ Прѣсноводныхъ ключей. Очу-

тившись на берегу, дикарь подобралъ раковину съ острыми краями и началъ поспѣшно перерѣзать веревки, которыми былъ связанъ. Когда матросы, приставленные къ плѣннику, замѣтили этотъ маневръ, веревки были почти уже перерѣзаны.

Осмотрѣвъ островъ, команда вернулась съ своимъ плѣнникомъ другой дорогой опять къ берегу. Видя, что его хотятъ посадить въ шлюпку, молодой дикарь бросился съ отчаянными воплями на землю и въ бѣшенствѣ началъ грызть ее зубами.

На этомъ островѣ найденъ былъ довольно обильный источникъ прѣсной воды. Въ деревьяхъ недостатка тоже не было, такъ что французы могли удобно запастись тамъ дровами. Одно изъ срубленныхъ деревьевъ замѣтно окрашивало морскую воду въ красный цвѣтъ. Мелко изрубленная его кора, облитая кипяткомъ, дала настой, весьма пригодный для окраски бумажныхъ тканей въ пунцовый цвѣтъ.

Французы собрали кромѣ того на островѣ изрядное количество пальмовой капусты, прекрасныхъ устрицъ и другихъ съѣдобныхъ раковинъ, очень пригодившихся экипажу „Св. Іоанна Крестителя“, страдавшему цынгою. Сюрвиль надѣялся, что во время этой стоянки больные въ состояніи будутъ немного поправиться, но дождь, шедшій почти безостановочно въ теченіе шести дней, настолько ухудшилъ ихъ положеніе, что трое больныхъ умерли, прежде чѣмъ французскій корабль успѣлъ сняться съ якоря.

Какъ уже упомянуто, портъ этотъ названъ былъ портомъ Пралена, а прилежащій большой островъ и весь окрестный архипелагъ, въ память о коварствѣ туземнаго населенія, названъ землею Арзакидовъ.

„Портъ Пралена,—говоритъ Флерье,— былъ бы однимъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ, если-бъ только дурное качество грунта не дѣлало его совершенно негоднымъ. Если принять въ соображеніе всѣ острова, видимые съ того мѣста, гдѣ стоялъ на якорѣ „Св. Іоаннъ Креститель“, то портъ этотъ можно будетъ представить себѣ въ видѣ круга, имѣющаго большой діаметръ... Враждебное настроеніе дикарей, населяющихъ эти острова, не дозволило хорошенько ознакомиться съ внутренностью страны. Мы осмотрѣли только прибрежье, но не замѣчали тамъ обработанныхъ полей. На островѣ Прѣсноводныхъ ключей, который былъ осмотрѣнъ на всемъ протяженіи, тоже не оказалось ни малѣйшихъ слѣдовъ какихъ-нибудь плантацій“.

Этимъ и ограничивались свѣдѣнія, которыя удалось добыть Сюрвилю и его подчиненнымъ объ островѣ Арзакидовъ. Къ счастью, свѣдѣнія эти были потомъ пополнены показаніями плѣннаго туземца, который скоро выучился бойко говорить по-французски.

Туземца этого звали Лова Салега. Онъ сообщилъ, что на родномъ ему островѣ произрастаетъ кромѣ капустной и кокосовой пальмъ много другихъ деревьевъ, приносящихъ плоды въ родѣ орѣховъ. Тамъ растетъ также дикое кофейное дерево, черное дерево такамака, разныя смолистыя и камедныя деревья, бананы, сахарный тростникъ, ямсъ, анисъ и, наконецъ, растеніе бинао, плодъ котораго употребляется туземцами вмѣсто хлѣба. Въ лѣсахъ водится множество какаду, лори, дикихъ голубей и дроздовъ, которые нѣсколько крупнѣе европейскихъ; въ болотахъ встрѣчаются каравайки, ржавки, кулики и утки; изъ четвероногихъ на островѣ водятся только козы и свиньи, находящіяся въ полудикомъ состояніи.

Ссылаясь на путевые журналы, имѣвшіеся въ его распоряженіи, Флерье изображаетъ слѣдующимъ образомъ обитателей порта Пралена. „Островитяне средняго роста, но очень сильны и мускулисты. Повидимому они принадлежатъ къ различнымъ расамъ, у однихъ кожа совсѣмъ черная, у другихъ же она мѣднаго цвѣта. Волосы у первыхъ курчавые и очень мягки на-ощупь, лобъ низкій, глаза не очень впалые, подбородокъ заостренный и съ маленькой бородкой; выраженіе лица суровое и жесткое. У нѣкоторыхъ изъ мѣднокожихъ волосы гладкіе. Вообще они подстригаютъ ихъ себѣ вровень съ ушами; нѣкоторые оставляютъ лишь клокъ волосъ на макушкѣ и полоску шириной въ вершокъ поверхъ лба, гладко сбривая остальные волосы острымъ камнемъ. Волосы и брови у дикарей напудрены известью, такъ что издали кажутся выкрашенными въ желтый цвѣтъ.

Мужчины и женщины ходятъ совершенно нагіе, но слѣдуетъ замѣтить, что впечатлѣніе, производимое этой наготой, не такъ рѣзко, какъ если-бъ передъ нами стоялъ раздѣтый европеецъ. Дѣйствительно, у островитянъ лицо, руки и почти все тѣло покрыты татуировкой, которая до извѣстной степени замѣняетъ собою одежду. Рисунки, воспроизведенные на кожѣ, отличаются иногда своеобразнымъ изяществомъ. Дикари эти носятъ серьги въ ушахъ и въ носу. Носовой хрящъ, подъ тяжестью продѣ-

ваемыхъ въ него украшеній, зачастую отвисаетъ такъ, что касается верхней губы.

Самымъ употребительнымъ украшеніемъ въ окрестностяхъ порта Пралена служитъ ожерелье изъ человѣческихъ зубовъ. Мода эта встрѣчается иногда и у народовъ, которые не ѣдятъ человѣческаго мяса, но все-таки Сюрвиль имѣлъ основаніе заподозрить островитянъ въ людоѣдствѣ. Подозрѣнія эти подтвердились какъ загадочными объясненіями Ловы Салега, такъ и полуизжаренной человѣческой головой, найденной Бугенвиллемъ въ одной изъ байдаръ съ острова Шуазеля".

„Св. Іоаннъ Креститель", простоявъ девять дней въ портѣ Пралена, вышелъ оттуда 21-го октября. На другой день и въ слѣдующіе затѣмъ дни съ корабля все время были видны разныя возвышенныя и гористыя земли. 2-го ноября Сюрвиль усмотрѣлъ довольно большой островъ и назвалъ его островомъ „Непріятностей", въ воспоминаніе о противныхъ вѣтрахъ, задержавшихъ тамъ на цѣлыхъ три дня его корабль.

Островъ этотъ представлялъ очаровательное зрѣлище. Онъ былъ хорошо обработанъ и, судя по многочисленности байдаръ, постоянно сновавшихъ вокругъ „Св. Іоанна Крестителя", казался очень населеннымъ.

Туземцы сперва ни за что не хотѣли взойти на корабль, но потомъ одинъ изъ вождей взобрался на палубу. Прежде всего ему бросилась тамъ въ глаза куртка, принадлежавшая одному изъ матросовъ. Онъ тотчасъ-же схватилъ ее и съ трудомъ лишь согласился отдать обратно. Потомъ, замѣтивъ на кормѣ бѣлый флагъ, дикарь хотѣлъ, во что бы то ни стало, его себѣ присвоить. Французамъ не безъ труда удалось заставить этого неудобнаго гостя отказаться отъ своего намѣренія. Тогда островитянинъ взобрался на марсъ бизань-мачты и осмотрѣлъ съ этого возвышеннаго поста всѣ части корабля. Спустившись съ мачты, онъ принялся скакать и прыгать по палубѣ, а затѣмъ, обращаясь къ товарищамъ, оставшимся въ байдарахъ, началъ приглашать ихъ словами и весьма странными тѣлодвиженіями взойти тоже на корабль.

Около дюжины дикарей послѣдовало этому приглашенію. Они походили на островитянъ изъ окрестностей порта Пралена, но говорили на другомъ языкѣ, непонятномъ для Лова Салеги. Они недолго лишь пробыли на кораблѣ. Когда Сюрвиль выразилъ

свое неудовольствіе по поводу того, что одинъ изъ островитянъ, схвативъ со стола графинъ, бросилъ его въ море, туземцы тотчасъ-же поспѣшили вернуться въ свои байдары.

Островъ казался такимъ живописнымъ и привлекательнымъ, что Сюрвиль рѣшился отправить на берегъ шлюпку за свѣжей провизіей и фруктами, въ которыхъ такъ нуждались цынготные больные.

Едва только шлюпка эта успѣла отвалить отъ корабля, какъ ее окружило множество байдаръ, наполненныхъ вооруженными дикарями. Чтобъ предупредить нападеніе туземцевъ, пришлось разогнать ихъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Ночью къ „Св. Іоанну Крестителю“ направилась цѣлая флотилія байдаръ. Чтобъ по возможности избѣжать кровопролитія Сюрвиль еще издали встрѣтилъ ихъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Картечь, перелетавшая рикошетами черезъ байдары, такъ напугала дикарей, что они обратились въ бѣгство.

Въ виду враждебнаго настроенія туземцевъ нечего было и думать о томъ, чтобы больныхъ высадить на берегъ. Сюрвиль снялся поэтому съ якоря. Продолжая свой путь, онъ послѣдовательно открылъ: острова Трехъ Сестеръ, островъ Залива и острова Освобожденія, составляющіе восточную оконечность всего архипелага.

Этотъ осмотрѣнный Сюрвилемъ архипелагъ былъ тотъ самый Соломоновъ архипелагъ, объ открытіи котораго Менданой уже извѣстно нашимъ читателямъ. Сюрвиль нанесъ на карту сто сорокъ миль прибрежья Соломоновыхъ острововъ и кромѣ того нарисовалъ тамъ съ натуры четырнадцать очень интересныхъ видовъ. Тѣмъ временемъ цынга принялась такъ свирѣпствовать на французскомъ кораблѣ, что надо было непремѣнно гдѣ-нибудь остановиться, чтобъ высадить на берегъ больныхъ и доставить имъ свѣжую провизію. Сюрвиль рѣшился поэтому идти къ Новой Зеландіи, хотя и зналъ, что послѣ Тасмана ее не посѣщалъ никто изъ европейскихъ мореплавателей.

12-го декабря 1769 года усмотрѣнъ былъ подъ 35° 37′ южной широты берегъ большой земли. Пять дней спустя „Св. Іоаннъ Креститель“ бросилъ якорь въ бухтѣ, наименованной бухтою Лористона. Въ глубинѣ этой бухты находился маленькій портъ, названный въ честь одного изъ пайщиковъ портъ Шевалье. Слѣдуетъ замѣтить, что капитанъ Кукъ уже съ первыхъ чиселъ

октября шелъ вдоль Новозеландскаго прибрежья и наносилъ его на карту. Въ то время, когда онъ проходилъ мимо бухты Лористона, французскій корабль стоялъ тамъ на якорѣ, но англичане его не замѣтили.

На этой стоянкѣ французы были захвачены врасплохъ страшной бурей, поставившей „Св. Іоанна Крестителя“ на волосъ отъ гибели. Матросы Сюрвиля были, однако, такъ увѣрены въ своемъ капитанѣ, что ни на минуту не потеряли присутствія духа. Отданныя Сюрвилемъ приказанія были выполнены съ замѣчательной быстротой и хладнокровіемъ, зрителями которыхъ, къ сожалѣнію, были одни только новозеландцы.

Шлюпка, въ которой больные были отправлены на берегъ, не успѣла вернуться на корабль, когда была застигнута бурей. Шлюпкѣ этой пришлось броситься къ берегу, гдѣ она и укрылась въ маленькой бухточкѣ, которая названа была бухтой Убѣжища. Матросы и больные встрѣтили тамъ самый радушный пріемъ у туземнаго вождя Нажинуи. Онъ уступилъ имъ собственную хижину и, по скольку было возможно, снабдилъ французовъ свѣжей провизіей.

Волненіемъ сорвало одну изъ лодокъ, находившихся на привязи, съ кормой „Св. Іоанна Крестителя“. Сюрвиль видѣлъ, что ее принесло въ бухту Убѣжища, и отправился ее отыскивать. На берегу найденъ былъ, однако, лишь только причалъ отъ этой лодки. Самая же лодка пропала безъ вѣсти. Далѣе вверхъ по теченію рѣки ея тоже не оказалось. Не желая оставлять этого воровства безнаказаннымъ, Сюрвиль знакомъ подозвалъ къ себѣ нѣсколькихъ туземцевъ, стоявшихъ возлѣ своихъ байдаръ. Одинъ изъ нихъ, имѣвшій неосторожность послѣдовать этому приглашенію, былъ тотчасъ-же схваченъ и отвезенъ на корабль, остальные же убѣжали.

„Мы увели одну байдару,—разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ,—остальныя же, равно какъ и дома туземцевъ, предали пламени. Впослѣдствіи корабельный врачъ узналъ въ захваченномъ нами новозеландцѣ того самаго вождя, который такъ великодушно пріютилъ у себя во время бури нашихъ больныхъ. Злополучный Нажинуи послѣ услугъ, которыя онъ намъ оказалъ, наврядъ-ли могъ разсчитывать, что нашъ командиръ поступитъ съ нимъ такимъ образомъ“.

Нажинуи умеръ на „Св. Іоаннѣ Крестителѣ“ 27-го марта

1770 года, когда французскій корабль находился близъ острова Хуанъ-Фернандеса.

Мы не станемъ приводить здѣсь замѣчаній французскаго мореплавателя о Новой Зеландіи и ея жителяхъ, такъ какъ они не прибавляютъ ничего къ фактическимъ даннымъ, собраннымъ по этому предмету Кукомъ.

Убѣдившись, что въ Новой Зеландіи ему нельзя будетъ запастись свѣжей провизіей, Сюрвиль спустя нѣсколько дней вышелъ въ море и держался сперва въ полосѣ между 27° и 28° южной широты. Цынга на его кораблѣ усиливалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, а потому Сюрвиль рѣшился какъ можно скорѣе идти къ берегамъ Перу. 5-го апрѣля 1770 года усмотрѣно было южно-американское прибрежье, а черезъ три дня, т. е. 8-го апрѣля, „Св. Іоаннъ Креститель“ бросилъ уже якорь передъ баромъ Хилкъ на Каллаоскомъ рейдѣ.

Желая какъ можно скорѣе доставить своимъ больнымъ необходимую помощь, Сюрвиль хотѣлъ лично переговорить съ губернаторомъ и отправился на берегъ. Къ несчастію, гичка его, переходя черезъ баръ, опрокинулась. Изъ находившихся на ней спасся только одинъ матросъ; Сюрвиль и всѣ остальные утонули.

Такъ погибъ этотъ искусный мореплаватель, который могъ бы еще оказать важныя услуги наукѣ и своему отечеству. Что касается до „Св. Іоанна Крестителя“, то испанское таможенное вѣдомство задержало его цѣлыхъ три года въ Лимѣ. Лейтенантъ Лаббе, принявшій начальство надъ этимъ кораблемъ послѣ смерти Сюрвиля, привелъ его 23-го августа 1773 года обратно въ Лоріанъ.

Мы упоминали уже, что Бугэнвилль привезъ съ собою въ Европу таитянина Аотуру. Когда таитянинъ этотъ пожелалъ вернуться на родину, французское правительство отправило его на Иль-де-Франсъ и предписало мѣстнымъ властямъ оказать ему надлежащее содѣйствіе къ возвращенію на Таити.

Офицеръ французскаго военнаго флота, Маріонъ-Дюфренъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ предложить губернатору островов Иль-де-Франса и Бурбона привезти на собственный счетъ и на собственномъ суднѣ юнаго Аотуру на Таити. Онъ требовалъ лишь, чтобъ въ этой экспедиціи его сопровождало также какое-нибудь военное французское судно.

Николай-Томасъ-Маріонъ-Дюфренъ родился въ Сенъ-Мало 22-го

декабря 1729 года и поступилъ еще въ ранней молодости во французскій военный флотъ. 16-го декабря 1746 года онъ произведенъ былъ уже въ младшіе лейтенанты, но съ тѣхъ поръ до 1771 года дослужился всего лишь до капитана брандера. Онъ служилъ, однако, съ большимъ отличіемъ и былъ на прекрасномъ счету у своего начальства.

Порученіе, которое Маріонъ-Дюфренъ соглашался взять на себя, служило лишь предлогомъ къ путешествію для географическихъ изслѣдованій и открытій. Пуавръ отнесся къ предположеніямъ Маріона весьма сочувственно, ссудилъ его деньгами, необходимыми для снаряженія экспедиціи, и далъ ему подробныя инструкціи относительно изслѣдованій, которыя, по его мнѣнію, надо было произвести въ южныхъ моряхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время отсутствіе южнаго материка не было еще положительно доказано Кукомъ.

Пуавръ очень интересовался сѣверной окраиной этого материка, которая, по его мнѣнію, должна была лежать неподалеку отъ ввѣренныхъ ему острововъ и обладать болѣе умѣреннымъ климатомъ. Онъ надѣялся найти тамъ мачтовый лѣсъ и большинство предметовъ, которые ему приходилось выписывать дорогою цѣною изъ Франціи. Тамъ могли, наконецъ, отыскаться удобные приморскіе порты, въ которыхъ корабли были бы обезпечены отъ урагановъ, налетающихъ отъ времени до времени на Иль-де-Франсъ и Бурбонъ. Само французское правительство послало къ тому-же старшаго лейтенанта Кергелена для изслѣдованія этихъ неизвѣданныхъ еще морей. Экспедиція Маріона, отправлявшаяся другою дорогой, очевидно должна была содѣйствовать выполненію этой задачи.

Благодаря содѣйствію г-на Пуавра, Маріону-Дюфрену удалось выйти въ море уже 18-го октября 1771 года съ двумя кораблями, „Маскареномъ“ (подъ непосредственнымъ его начальствомъ) и „Маркизомъ де-Кастри“ подъ командой мичмана дю-Клемера. Прежде всего корабли эти зашли на островъ Бурбонъ и взяли оттуда Аотуру, къ несчастію, заразившагося оспой еще въ бытность свою на Иль-де-Франсѣ. Болѣзнь эта обнаружилась у молодого таитянина вскорѣ послѣ того, какъ онъ сѣлъ на корабль. Опасаясь заразить оспою жителей острова Бурбона, Маріонъ съ обоими своими кораблями направился къ форту Дофина на Мадагаскарскомъ прибрежьѣ, чтобъ обождать тамъ

выздоровленія Аотуру, а затѣмъ идти къ мысу Доброй Надежды и пополнить тамъ запасы провіанта, необходимые для предстоявшаго дальняго плаванія. Юный таитянинъ, къ сожалѣнію, вскорѣ умеръ.

При такихъ обстоятельствахъ Маріонъ могъ, разумѣется, вернуться на Иль-де-Франсъ, разоружить свои корабли и отказаться отъ предположенной экспедиціи. Онъ предпочелъ, однако, воспользоваться представлявшимся ему благопріятнымъ случаемъ и ознаменовать свое путешествіе новыми географическими изслѣдованіями. Спутники Маріона вполнѣ раздѣляли его энтузіазмъ.

Достигнувъ мыса Доброй Надежды, французскіе корабли въ нѣсколько дней пополнили тамъ продовольственные свои запасы, разсчитанные на полуторагодичное плаваніе.

Выйдя изъ Столовой бухты, они направились къ югу къ землямъ, открытымъ Буве де-Лозье въ 1739 году и долженствовавшимъ лежать къ востоку отъ меридіана острова Мадагаскара.

28-го декабря 1771 года, когда корабли эти оставили мысъ Доброй Надежды, и до 11-го января 1772 года плаваніе ихъ не представляло ничего интереснаго. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Маріонъ, находясь подъ 40°—41° южной широты и подъ 20° 43′ долготы къ востоку отъ парижскаго меридіана, разсчитывалъ встрѣтить тамъ острова, обозначенные на картѣ Ванъ-Кейлена подъ именами островов Дина и Марвезана, но не показанные на тогдашнихъ французскихъ картахъ.

Многочисленность сухопутныхъ птицъ свидѣтельствовала о близости этихъ острововъ, но Маріонъ не хотѣлъ терять времени на провѣрку ихъ положенія. Онъ считалъ своей обязанностью заняться прежде всего отысканіемъ южнаго материка.

11-го января французскіе корабли были уже подъ 45° 43′ южной широты. Хотя въ южномъ полушаріи стояло тогда лѣто, холодъ былъ очень силенъ и къ тому-же безпрерывно шелъ снѣгъ. Два дня спустя, сквозь густой туманъ, разрѣшившійся обильнымъ дождемъ, усмотрѣна была въ разстояніи четырехъ или пяти миль земля, простиравшаяся съ з.-ю.-з. къ з.-с.-з. Лотъ показалъ 480 футовъ глубины при морскомъ днѣ, состоявшемъ изъ крупнаго песку и кораловъ. Маріонъ шелъ вдоль берега этой земли шесть или семь миль, пока она не осталась позади его кораблей. Она казалась очень возвышенной и гористой и была названа

Землею Надежды, такъ какъ Маріонъ разсчитывалъ съ увѣренностью достигнуть Южнаго материка. Четыре года спустя Кукъ, найдя этотъ островъ, назвалъ его островомъ Принца Эдуарда.

Къ сѣверу отъ земли Надежды усмотрѣнъ былъ еще другой островъ.

„Проходя мимо этого острова, я замѣтилъ,—говоритъ Маріонъ,—въ сѣверо-восточной его части, бухту, противъ которой, повидимому, находилась большая пещера. Возлѣ пещеры виднѣлось множество большихъ бѣлыхъ пятенъ, походившихъ на стадо овецъ. Очень можетъ быть, что въ этой бухтѣ можно было бы найти удобную якорную стоянку. По сосѣдству имѣлся, казалось, ручей, низвергавшійся каскадомъ въ море. Обогнувъ этотъ островъ, мы нашли возлѣ него еще три маленькихъ островка. Два изъ нихъ лежали въ большой вдающейся дугѣ, образованной прибрежьемъ большого острова, третій же составлялъ сѣверную его оконечность. Большой островъ имѣетъ въ окружности отъ семи до восьми миль. Онъ показался намъ совершенно безплоднымъ. Сколько можно судить, къ нему можно было бы удобно пристать. Маріонъ назвалъ этотъ островъ островомъ Пещеры.

Эти южныя земли лежатъ подъ 45° 45′ южной широты и 34° 31′ восточной долготы (отъ парижскаго меридіана), т. е. всего лишь на полградуса къ востоку отъ пути, по которому слѣдовалъ Буве. Что касается до Земли Надежды, то къ ней близко не подходили. Съ разстоянія шести миль казалось, что она покрыта зеленой травой или лѣсомъ. Горы на ней были очень высоки и увѣнчаны снѣгами. Маріонъ хотѣлъ было стать возлѣ нея на якорь, но, дѣлая промѣры, французскіе корабли столкнулись и причинили другъ другу довольно серьезныя аваріи, исправленіе которыхъ отняло цѣлыхъ три дня. Тѣмъ временемъ погода сдѣлалась крайне неблагопріятной и вѣтеръ очень усилился. Вслѣдствіе этого французскимъ кораблямъ пришлось продолжать свой путь, направляясь къ востоку вдоль 46-й параллели.

24-го января открыты были новыя земли.

„Мы приняли ихъ сперва за два отдѣльныхъ острова,—говоритъ Крозе, редактировавшій путевой журналъ Маріона.—Я срисовалъ ихъ такъ, какъ онѣ представлялись съ разстоянія восьми миль отъ берега. Вскорѣ, однако, намъ показалось, что это два высокихъ мыса, соединенныхъ низменной береговой полосой. Они лежатъ подъ 45° 5′ южной широты и въ 42° къ

востоку отъ парижскаго меридіана. Маріонъ назвалъ ихъ Холодными островами".

На ночь убрано было большинство парусовъ, но все-таки вѣтромъ и теченіемъ отнесло французскіе корабли такъ далеко отъ этихъ острововъ, что на разсвѣтѣ ихъ уже было не видно. Въ тотъ же день съ „Маркиза де-Кастри" поданъ былъ сигналъ, что впереди видна земля. Она находилась въ десяти или двѣнадцати миляхъ къ в.-ю.-в. отъ Холодныхъ острововъ. Густой туманъ, стоявшій цѣлыхъ двѣнадцать часовъ, безпрерывный дождь и сильный холодъ, который было очень тяжело переносить матросамъ, не запасшимся теплой одеждой, не дозволили подойти ближе чѣмъ на пять или на шесть миль къ берегу.

На другой день французскіе корабли могли уже лучше осмотрѣть какъ эту землю, такъ и другой открытый ими въ этотъ день островъ, который названъ былъ Пустыннымъ островомъ, а теперь извѣстенъ подъ названіемъ острова Крозе. Погода немного улучшилась, такъ что Маріонъ приказалъ спустить на воду шлюпку и послалъ лейтенанта Крозе вступить именемъ короля во владѣніе наибольшимъ изъ двухъ острововъ, лежащимъ подъ 46° 30′ южной широты и 43° восточной долготы, считая отъ парижскаго меридіана.

„Маріонъ назвалъ эту землю островомъ „Ввода во владѣніе", теперь же ее называютъ островомъ Маріона. Это, говоритъ Крозе, былъ по счету уже шестой островъ, открытый нами въ южныхъ моряхъ. Я взобрался на холмъ и увидѣлъ оттуда, что въ нѣкоторыхъ долинахъ лежалъ еще снѣгъ. Почва на островѣ казалась безплодной и была покрыта лишь мелкой тощей травкой... Нигдѣ не видно было ни дерева, ни даже кустика... Островъ этотъ, совершенно открытый для бурныхъ западныхъ вѣтровъ, дующихъ въ продолженіе цѣлаго года въ здѣшнихъ мѣстахъ, повидимому никогда не можетъ сдѣлаться обитаемымъ. Я нашелъ тамъ лишь тюленей, пингвиновъ, глупышей, нырковъ и т. п. водяныхъ птицъ, встрѣчаемыхъ въ открытомъ морѣ кораблями, которымъ приходится идти южнѣе мыса Доброй Надежды. Птицы эти, никогда не видавшія человѣка, были до того смирны, что позволяли до себя дотрогиваться; мы ловили ихъ просто руками. Прибытіе наше на этотъ островъ не смутило его обитателей. Самки птицъ продолжали спокойно сидѣть на яйцахъ или кормить вылупившихся уже дѣтенышей. Точно также и тю-

лени продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, играть и кувыркаться на берегу; присутствіе наше ихъ очевидно нисколько не устрашало".

Маріонъ продолжалъ идти далѣе къ востоку, слѣдуя приблизительно по 46—47 параллели. Туманы стояли до того густые, что корабли должны были постоянно подавать другъ другу сигналы пушечными выстрѣлами. Съ одного конца палубы не видно было того, что дѣлается на другомъ концѣ. 2-го февраля оба корабля находились подъ 47° 20′ восточной долготы, т. е. въ разстояніи всего лишь 1° 18′ отъ земель, открытыхъ 13-го числа того же мѣсяца французскими военными транспортами „Фортуной" и „Толстякомъ" подъ командою Кергелена и Сенъ-Аллуарна.

Достигнувъ 90° къ востоку отъ парижскаго меридіана, Маріонъ перемѣнилъ курсъ и направился къ Вандименовой Землѣ. Послѣ благополучнаго плаванія, въ продолженіе котораго не случилось ничего особеннаго, оба его корабля бросили якорь въ заливѣ Фридриха-Генриха.

Шлюпки немедленно были спущены на воду, и Крозе съ сильнымъ отрядомъ вооруженныхъ матросовъ направился къ берегу, на которомъ собралось около тридцати туземцевъ. Вообще, судя по множеству виднѣвшихся огней, земля эта показалась французамъ очень населенною.

„Туземцы,—говоритъ Крозе,—встрѣтили насъ довольно привѣтливо. Они набрали валежнику и сложили на берегу нѣчто въ родѣ костра, а затѣмъ подали намъ нѣсколько штукъ зажженныхъ уже хворостинъ, какъ-бы предлагая этимъ зажечь костеръ. Не понимая значенія этой церемоніи, мы зажгли костеръ. Дикарей это, казалось, нимало не удивило; они оставались возлѣ насъ, не выказывая ничѣмъ враждебнаго или же дружественнаго настроенія. Жены и дѣти дикарей находились тутъ же. Какъ мужчины, такъ и женщины были средняго роста. Кожа у нихъ была черная, волосы курчавые; всѣ дикари безъ различія пола и возраста ходили совершенно нагіе. Нѣкоторыя изъ женщинъ носили своихъ дѣтей за спиной, привязывая ихъ къ себѣ веревками, сплетенными изъ тростника. Мужчины были вооружены заостренными палками и острыми каменьями, походившими на топоры безъ рукоятокъ.

Мы пытались пріобрѣсти ихъ дружбу маленькими подарками, но они съ презрѣніемъ бросали все, что мы имъ предлагали,

не исключая желѣза, зеркалъ, платковъ и разноцвѣтныхъ ситцевъ. Мы показывали имъ куръ и утокъ, привезенныхъ съ собою, чтобъ заявить о своемъ намѣреніи пріобрѣсти у нихъ такихъ птицъ въ обмѣнъ на наши товары. Взявъ утокъ и куръ въ руки, туземцы разсматривали ихъ съ удивленіемъ, а потомъ съ разгнѣваннымъ видомъ бросили прочь отъ себя на землю.

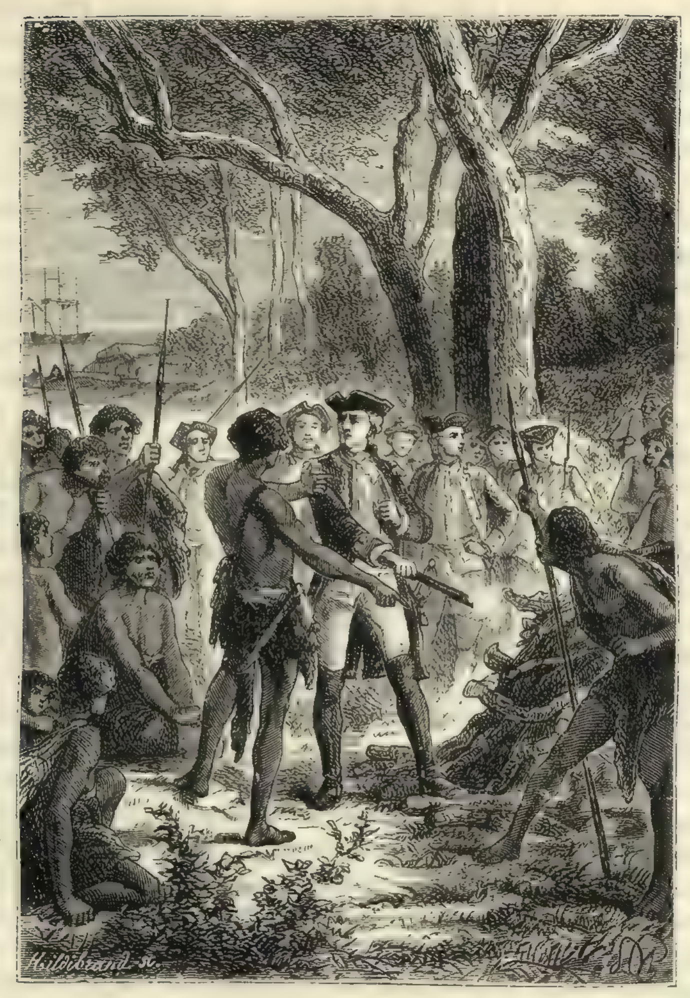
Такъ прошло уже около часу, когда Маріонъ и дю-Клемеръ съѣхали тоже на берегъ. Имъ тотчасъ-же подали зажженную головню, и наши командиры самымъ равнодушнымъ образомъ зажгли другой приготовленный костеръ въ полномъ убѣжденіи, что исполняютъ какой-нибудь мирный обрядъ, обязательный для всѣхъ чужеземцевъ, пристающихъ къ берегу. Оказалось, что они жестоко ошиблись. Туземцы тотчасъ-же удалились, осыпавъ насъ градомъ каменьевъ, которыми ранили обоихъ командировъ. Мы отвѣчали дикарямъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами и поспѣшили вернуться на свои корабли.

Послѣ этого была сдѣлана еще попытка высадиться на берегъ. Дикари выказали ей мужественное сопротивленіе. Чтобъ отразить нападеніе туземцевъ, французы вынуждены были дать залпъ, которымъ одинъ изъ дикарей былъ убитъ и нѣсколько человѣкъ ранено. Французы высадились тогда на берегъ и разогнали дикарей, которые разбѣжались безъ всякаго дальнѣйшаго сопротивленія.

Два вооруженныхъ отряда посланы были затѣмъ на поиски за прѣсной водой и деревьями, необходимыми для исправленія „де-Кастри". Цѣлая недѣля была проведена въ этихъ тщетныхъ поискахъ. Для науки она, однако, не пропала даромъ, такъ какъ французскіе моряки сдѣлали за это время много интересныхъ замѣтокъ и наблюденій.

Громадныя кучи раковинъ, попадавшіяся намъ зачастую, свидѣтельствовали, — говоритъ Крозе, — что главную пищу дикарей составляли ракушки, морскія перья, гребенки, морскіе жолуди и т. п. мягкотѣлыя животныя".

Не удивительно-ли, что кухонные отбросы и на Вандименовой Землѣ имѣютъ совершенно тотъ-же характеръ, какъ и доисторическіе кухонные отбросы, находимые на Скандинавскомъ полуостровѣ и на Панамскомъ перешейкѣ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что человѣкъ всюду остается тотъ-же и всюду прибѣгаетъ къ одинаковымъ средствамъ для удовлетворенія своихъ потребностей.



Имъ подали зажженную головню.

Убѣдившись, что не найдетъ на Вандименовой Землѣ ни прѣсной воды, ни дерева, пригоднаго для исправленія мачтъ на „де-Кастри“ и починки кузова у „Маскарена“, на которомъ оказалась сильная течь, Маріонъ вышелъ 10-го марта въ море и направился къ Новой Зеландіи, куда и прибылъ двѣ недѣли спустя.

Новозеландскіе острова, открытые въ 1642 году Тасманомъ

и посѣщенные въ 1772 году Кукомъ и Сюрвилемъ, становились въ то время уже хорошо извѣстными мореплавателямъ.

Оба французскіе корабля стали сперва на якорь возлѣ Эгмонтовой горы, но берегъ былъ тамъ настолько крутъ, что Маріонъ рѣшился перейти на другую стоянку. Отойдя отъ берега, онъ, 31-го марта, снова пробовалъ къ нему пристать подъ 36° 30′ сѣверной широты. Не найдя и на этотъ разъ удобной якорной стоянки, французскій мореплаватель направился вдоль берега и, несмотря на противные вѣтры, шелъ къ сѣверу до острововъ Трехъ Царей. Оттуда онъ вернулся опять къ Новой Зеландіи и бросилъ якорь у самой сѣверной ея оконечности—у мыса Маріи Вандименъ. Стоянка и тутъ оказалась плохая, такъ что Маріонъ послѣ нѣсколькихъ другихъ попытокъ долженъ былъ идти 11-го мая въ осмотрѣнную Кукомъ бухту острововъ. На одномъ изъ этихъ островковъ, на которомъ было достаточно лѣсу и прѣсной воды, разбиты были палатки для больныхъ, оставленныхъ тамъ подъ охраной сильнаго отряда вооруженныхъ матросовъ. Туземцы не замедлили явиться на корабли. Многіе изъ нихъ остались тамъ ночевать. Благодаря имѣвшемуся на корабляхъ словарю таитскаго языка не трудно было вступить съ ними въ торговыя сношенія.

„Среди дикарей, явившихся на наши корабли,—говоритъ Крозе,—я съ перваго же разу замѣтилъ три совершенно отличныхъ одна отъ другой расы. Одна изъ нихъ, которую, сколько можно судить, слѣдуетъ признать коренною туземною расой,—бѣлая съ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ. Дикари, принадлежащіе къ этой расѣ, ростомъ выше своихъ соотечественниковъ, волосы у нихъ прямые и гладкіе. Средній ихъ ростъ отъ 5′9″—5′10″. Представители второй расы отличаются болѣе смуглымъ цвѣтомъ кожи, нѣсколько меньшимъ ростомъ и слегка курчавыми волосами. Наконецъ третья раса состоитъ изъ настоящихъ негровъ съ курчавыми волосами. Негры эти сравнительно меньше ростомъ, но грудь у нихъ шире и борода гуще, чѣмъ у остальныхъ новозеландцевъ“.

Эти интересныя замѣчанія Крозе были подтверждены также и послѣдующими наблюдателями.

Маріонъ въ подробности описываетъ нравы новозеландцевъ, ихъ оружіе, пищу и укрѣпленныя деревни. Читатели наши познакомились уже со всѣмъ этимъ изъ путешествій капитана Кука.

Французы заняли на берегу три пункта и устроили въ одномъ изъ нихъ, на островѣ Матуаро, лазаретъ; въ другомъ, на берегу самой Новой Зеландіи, устроено было складочное депо, а въ третьемъ, находившемся въ двухъ миляхъ отъ берега—плотничная мастерская. Убѣдившись въ дружественномъ настроеніи дикарей, матросы и офицеры дѣлали большія прогулки вглубь острова и всюду встрѣчали самый радушный пріемъ. Довѣріе Маріона къ туземцамъ дошло до того, что, несмотря на возраженія Крозе, онъ запретилъ матросамъ, отправлявшимся на берегъ, брать съ собою оружіе. Такая неосторожность была въ сущности совершенно непростительна въ странѣ, гдѣ Тасманъ долженъ былъ назвать заливомъ Убійцъ первую бухту,—въ этой странѣ людоѣдовъ, гдѣ одинъ изъ кораблей Кука лишился офицера и десятерыхъ матросовъ, измѣннически убитыхъ и съѣденныхъ дикарями.

8-го іюня Маріонъ съѣхалъ на берегъ, гдѣ его встрѣтили съ бо́льшими чѣмъ когда-либо изъявленіями дружбы и преданности. Новозеландцы провозгласили его своимъ великимъ вождемъ и въ знакъ этого высокаго достоинства украсили ему голову четырьмя бѣлыми перьями. Четыре дня спустя Маріонъ въ сопровожденіи двухъ офицеровъ: гг. де-Вадрикура и Легу, волонтера, каптенармуса и нѣсколькихъ матросовъ, а всего семнадцать человѣкъ съѣхали на берегъ. Вечеромъ никто изъ нихъ не вернулся на корабль. Въ этомъ, собственно говоря, не было ничего страннаго, такъ какъ подобные случаи бывали и прежде. Полагали, что Маріонъ остался ночевать у гостепріимныхъ туземцевъ для того, чтобъ ему удобнѣе было утромъ осмотрѣть работы въ лѣсу.

13-го іюня послана была съ „де-Кастри“ шлюпка за прѣсной водой и дровами. Въ 9 часовъ утра увидѣли въ морѣ человѣка, плывшаго по направленію къ кораблю. Навстрѣчу ему была послана лодка. Оказалось, что это былъ одинъ изъ матросовъ, находившихся на шлюпкѣ, посланной за дровами. Всѣ его товарищи были предательски умерщвлены дикарями. Самъ онъ былъ раненъ въ бокъ двумя ударами копья и лишь чудомъ спасся отъ смерти.

Матросъ этотъ разсказалъ, что туземцы встрѣтили его и его товарищей самымъ дружелюбнымъ образомъ. Они перенесли на собственныхъ плечахъ отъ шлюпки до берега нѣкоторыхъ матро-

совъ, боявшихся замочить ноги. Затѣмъ, когда французы разбрелись по лѣсу и начали собирать тамъ валежникъ, туземцы, вооружившись копьями, топорами и булавами, бросились партіями по семи и по восьми человѣкъ на каждаго матроса. Тотъ матросъ, которому удалось спастись, находился на опушкѣ лѣса неподалеку отъ берега. Дикари не успѣли его окружить, и потому онъ, хотя и былъ раненъ двумя ударами копья, успѣлъ добѣжать до берега и спрятаться тамъ въ кустахъ. Съ того мѣста, гдѣ онъ укрылся, матросъ этотъ видѣлъ, какъ туземцы убивали его товарищей, разрѣзали имъ животы, вынимали внутренности, а затѣмъ разрубали трупы на куски и дѣлили ихъ между собою. Пока дикари занимались этимъ страшнымъ дѣлежомъ, матросъ потихоньку вышелъ изъ кустовъ и бросился въ воду, разсчитывая, что ему быть можетъ удастся достигнуть вплавь до корабля. Послѣ этого весьма естественно было предположить, что Маріона и сопровождавшихъ его семнадцать человѣкъ постигла такая же участь. Во всякомъ случаѣ, надо было безотлагательно принять мѣры для спасенія командъ, находившихся въ трехъ пунктахъ на берегу.

Кавалеръ дю-Клемеръ, принявшій главное начальство надъ экспедиціей, былъ человѣкъ весьма энергическаго характера. Благодаря своевременно принятымъ имъ мѣрамъ, катастрофа не приняла такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ это могло бы случиться при малѣйшемъ промедленіи.

Шлюпка съ „Маскарена“ съ командой вооруженныхъ матросовъ была послана за гичкою Маріона и шлюпкою съ „де-Кастри“. Командѣ этой предписано было увѣдомить всѣ французскіе посты о случившемся и, не теряя времени, идти на помощь самому отдаленному изъ нихъ, находившемуся въ лѣсу, гдѣ заготовлялись для „де-Кастри“ новыя мачты и реи. Какъ шлюпка, посланная утромъ за дровами, такъ и капитанская гичка найдены были на берегу близъ селенія, принадлежавшаго туземному вождю Такури. Онѣ были окружены дикарями, которые, перерѣзавъ матросовъ, выламывали теперь изъ шлюпокъ гвозди и всѣ желѣзныя части.

Не желая терять драгоцѣннаго времени, офицеръ, командовавшій французскимъ отрядомъ, приказалъ налечь на весла, чтобы какъ можно скорѣе добраться до плотничной мастерской. Къ счастью, мастерская эта, находившаяся въ двухъ миляхъ отъ

Онъ видѣлъ, какъ убивали его товарищей...

берега, еще не подверглась нападенію туземцевъ. Работы тамъ были тотчасъ-же прекращены, инструменты собраны, ружья заряжены, а предметы слишкомъ тяжелые для того, чтобъ ихъ можно было взять съ собой, зарыты въ баракѣ, который въ заключеніе былъ сожженъ.

Французамъ приходилось отступать цѣлыхъ двѣ мили, неоднократно встрѣчая на пути вооруженное скопище дикарей, воздержи-

вавшихся отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Новозеландцы довольствовались только тѣмъ, что восклицали отъ времени до времени: „Такури марэ Маріонъ“ (Такури убилъ Маріона).

Когда французскій отрядъ дошелъ до шлюпки, дикари приблизились къ нему настолько, что надо было ежеминутно ожидать ихъ нападенія. Лейтенантъ Крозе, командовавшій отрядомъ, провелъ тогда по землѣ черту и объявилъ, что первый дикарь, который ее переступитъ, будетъ тотчасъ-же убитъ. Затѣмъ онъ приказалъ дикарямъ сѣсть на землю. Новозеландцы, которыхъ было тамъ не менѣе тысячи человѣкъ, повиновались безпрекословно, несмотря на свое желаніе броситься на добычу, готовую ускользнуть отъ нихъ. Прежде всего посажены были на шлюпку матросы, у которыхъ были съ собою тюки съ разными вещами и плотничнымъ инструментомъ, а за ними и остальные матросы.

Самъ Крозе взошелъ на шлюпку послѣдній. Тотчасъ-же затѣмъ новозеландцы вскочили, испуская свой военный кличъ, и начали бросать въ французовъ каменьями и дротиками. Чтобъ лучше цѣлиться, дикари входили по поясъ въ воду. Крозе увидѣлъ тогда себя въ необходимости дать этимъ дикарямъ заслуженный урокъ и приказалъ своему отряду открыть по нимъ огонь. Новозеландцы, видя, что товарищи ихъ падаютъ мертвые и раненые безъ того, чтобъ французы до нихъ чѣмъ-нибудь прикасались, остолбенѣли отъ ужаса и даже не пытались бѣжать. Они были бы всѣ перебиты, если-бъ Крозе не велѣлъ наконецъ прекратить эту бойню.

Больные изъ лазарета на островѣ Матуаро были благополучно перевезены на корабли. Команда, прикрывавшая лазаретъ, получила своевременно подкрѣпленіе, а потому вѣроятно и не подверглась нападенію.

На другой день туземцы хотѣли воспрепятствовать матросамъ запастись водой и дровами на этомъ островѣ, на которомъ, слѣдуетъ замѣтить, находилось большое новозеландское селенье съ туземною крѣпостцей.

Выждавъ нападеніе новозеландцевъ, французы встрѣтили ихъ залпомъ и гнали дикарей до самой крѣпостцы. Запершись въ этой крѣпостцѣ, туземцы считали уже себя въ безопасности. Слышно было, какъ вожди ободряли своихъ воиновъ и поощряли ихъ храбро сражаться съ врагами. Французы, подойдя на пистолетный выстрѣлъ къ крѣпостцѣ, открыли мѣткій огонь по ея

защитникамъ, стоявшимъ на возвышенной платформѣ. Вожди дикарей были убиты первыми же выстрѣлами. Это такъ устрашило туземцевъ, что они обратились въ бѣгство. Человѣкъ пятьдесятъ было убито, остальнымъ же удалось броситься въ байдары и отчалить отъ берега. Селеніе и крѣпостца были сожжены.

Несмотря на успѣхи, одержанные надъ новозеландцами, нельзя было и думать о томъ, чтобы доставить изъ лѣсу прекрасныя новыя мачты изъ кедроваго дерева, изготовленіе которыхъ стоило столькихъ хлопотъ. Пришлось починить прежнія мачты, наложивъ на нихъ деревянные скрѣпы. Что касается до погрузки семисотъ бочекъ съ прѣсной водой и семидесяти кубическихъ саженъ дровъ, необходимыхъ для путешествія, то на эту работу потребовался цѣлый мѣсяцъ, такъ какъ французамъ приходилось производить ее съ помощью всего лишь одной шлюпки.

Участь капитана Маріона и его спутниковъ не была еще окончательно выяснена. Хорошо вооруженный отрядъ матросовъ посланъ былъ поэтому въ селеніе вождя Такури.

Селеніе это оказалось покинутымъ. Тамъ найдено было всего лишь нѣсколько стариковъ, которые, чувствуя себя не въ силахъ слѣдовать за бѣжавшими своими односельчанами, спокойно сидѣли у дверей своихъ хижинъ. Матросы хотѣли сперва захватить ихъ въ качествѣ заложниковъ. Одинъ изъ стариковъ пустилъ въ французскаго матроса дротикомъ и былъ за это убитъ. Другимъ же старикамъ французы не сдѣлали никакого зла. Всѣ дома въ селеніи были тщательно обысканы. Подлѣ хижины Такури найденъ былъ черепъ человѣка, сваренный всего лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ; около костей оставалось еще немного мяса, на которомъ виднѣлись слѣды, оставленные зубами людоѣдовъ. На кухнѣ найденъ былъ кусокъ человѣческаго бедра, насаженный на деревянный вертелъ и частью уже обглоданный.

Въ другомъ домѣ нашли рубашку, принадлежавшую злополучному Маріону. Воротъ этой рубашки былъ весь въ крови; на боку было также три или четыре большихъ кровавыхъ пятна. Въ другихъ хижинахъ найдены были пистолеты де-Водрикура и часть одежды этого молодого офицера, а также оружіе матросовъ и одежда ихъ, разорванная на мелкіе лоскутья.

Фактически убѣдившись въ гибели Маріона и его спутниковъ, кавалеръ дю-Клемеръ составилъ обо всемъ случившемся прото-

колъ и затѣмъ осмотрѣлъ бумаги Маріона, разсчитывая узнать изъ нихъ программу дальнѣйшаго путешествія. Онъ не нашелъ, однако, ничего кромѣ инструкцій, данныхъ Маріону губернаторомъ Иль-де-Франса.

Дю-Клемеръ созвалъ тогда офицеровъ обоихъ кораблей на совѣщаніе, на которомъ въ виду плохого состоянія „Маскарена" и „де-Кастри" рѣшено было, отказавшись отъ дальнѣйшихъ географическихъ изслѣдованій, идти къ островамъ Амстердамскому и Ротердамскому, а потомъ къ островамъ Маріаннскимъ и Филиппинскимъ, продать тамъ имѣвшіеся на корабляхъ товары и затѣмъ вернуться на Иль-де-Франсъ.

Назвавъ островную бухту портомъ Измѣны, дю-Клемеръ покинулъ ее 14-го іюля и взялъ курсъ къ Амстердамскому и Ротердамскому островамъ. Французскіе корабли прошли 6-го августа нѣсколько сѣвернѣе этихъ острововъ. Погода стояла великолѣпная. Обстоятельство это очень благопріятствовало плаванію. Это было большое счастье для матросовъ „Маскарена" и „де-Кастри", среди которыхъ страшно свирѣпствовала цынга. Немногіе лишь изъ нихъ въ состояніи были держаться на ногахъ.

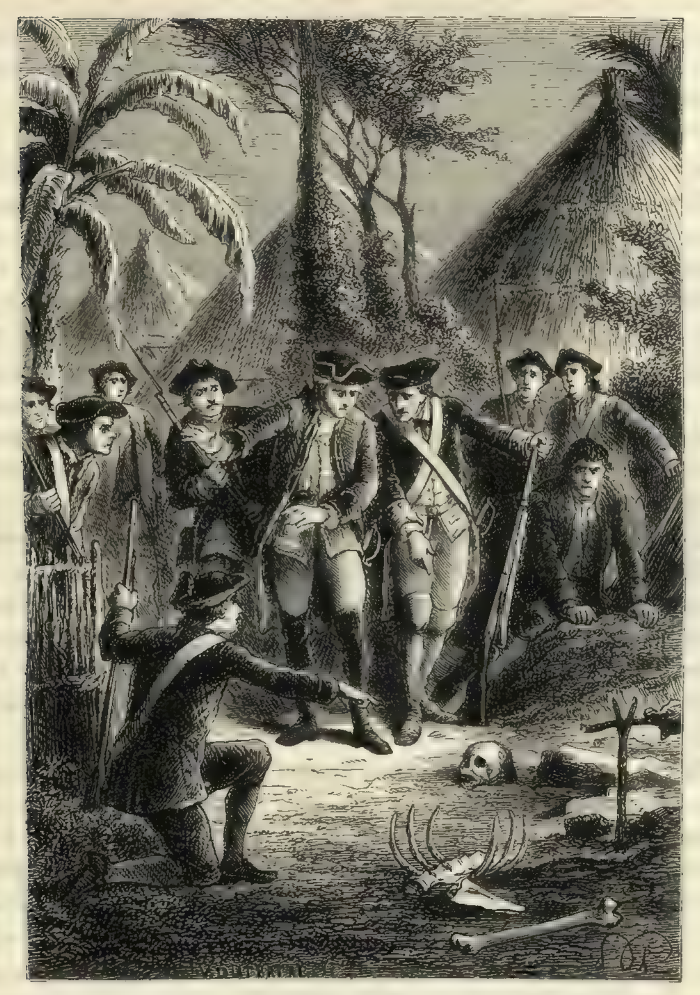
Наконецъ 20-го сентября усмотрѣнъ былъ островъ Гуагамъ, наибольшій изъ острововъ Маріаннскаго архипелага. Однако, лишь недѣлю спустя французскіе корабли были въ состояніи подойти къ берегу.

Крозе въ своемъ описаніи этого путешествія сообщаетъ много интересныхъ подробностей о жителяхъ и естественныхъ произведеніяхъ этого острова. За недостаткомъ мѣста мы должны будемъ ограничиться слѣдующей коротенькой выдержкой.

„Островъ Гуагамъ,—говоритъ онъ,—показался намъ земнымъ раемъ. Онъ обладаетъ прекраснымъ климатомъ и отличной прѣсной водою. Островъ этотъ изобилуетъ самыми вкусными овощами и фруктами. На немъ водится множество крупнаго рогатаго скота, свиней и козъ, равно какъ и разной домашней и дикой птицы".

Въ числѣ естественныхъ произведеній острова Крозе упоминаетъ о римѣ или хлѣбномъ деревѣ, плодъ котораго годенъ для употребленія въ пищу, какъ только достигнетъ полной своей величины, хотя еще и не совершенно созрѣлъ.

„Туземцы тогда именно и собираютъ его,—говоритъ Крозе.— Снявъ жесткую наружную кожуру, они разрѣзаютъ плодъ на



Подлѣ хижины Такури найденъ былъ черепъ человѣка...

ломти, словно кусокъ хлѣба. Его употребляютъ или немедленно въ пищу и тогда онъ напоминаетъ вкусомъ сдобную булку, или же сушатъ на солнцѣ, или въ печи. Приготовленные такимъ образомъ сухари сохраняются гораздо лучше морскихъ сухарей самаго высокаго качества и остаются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ годными къ употребленію".

Послѣ довольно долгой стоянки въ Аганскомъ портѣ на

островѣ Гуагамѣ французскіе корабли направились къ Филиппинскимъ островамъ и стали на якорь въ Манильской бухтѣ. Оттуда „де-Кастри“ и „Маскаренъ“ вернулись уже порознь на Иль-де-Франсъ.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ одинъ изъ блестящихъ офицеровъ французскаго военнаго флота, кавалеръ Жакъ-Раймонъ де-Жиронъ де-Гренье, принадлежавшій къ плеядѣ такихъ искусныхъ и безстрашныхъ моряковъ, какъ Шазель, Борда, Флерье, Дю-Метцъ-де-Гоимпи, Шаберъ, Верденъ де-ла-Кренъ и др., столь ревностно содѣйствовавшихъ успѣхамъ географіи и мореплаванія, воспользовался своею стоянкою на Иль-де-Франсѣ для изслѣдованія сосѣднихъ морей. На своемъ корветѣ „Heure du Berger“ онъ послѣ весьма успѣшнаго плаванія провѣрилъ положеніе ошибочно нанесенныхъ на картѣ Сенъ-Брандонскихъ подводныхъ утесовъ и отмели Сайя де-Малья; подробно осмотрѣлъ острова св. Михаила, Рокпиръ и Агалега въ Сешельскомъ архипелагѣ; исправилъ карты острововъ Аду и Діего Гарсіа. Основываясь на соотношеніи между морскими теченіями и муссонами, изслѣдованіемъ котораго онъ спеціально занимался, Жиронъ де-Гренье предложилъ новый болѣе короткій путь изъ Иль-де-Франса въ Остъ-Индію. Этотъ новый проектированный морской путь былъ на 800 миль короче прежняго, а потому долженъ былъ обратить на себя вниманіе французскаго правительства.

Видя, что проектъ Гренье очень благопріятно встрѣченъ морскою академіей, морской министръ рѣшился поручить провѣрку этого проекта какому-либо опытному моряку.

Порученіе это было возложено на Ива-Жозефа де-Кергелена. Въ 1767 и 1768 году офицеръ этотъ крейсировалъ съ небольшимъ судномъ у береговъ Исландіи, чтобъ оказывать въ случаѣ надобности содѣйствіе французскимъ судамъ, занимавшимся ловлею трески. Во время этой кампаніи Кергеленъ составилъ планы многихъ портовъ и рейдовъ, произвелъ много астрономическихъ наблюденій, исправилъ карту Исландіи и собралъ объ этомъ островѣ, тогда еще мало извѣстномъ, много очень интересныхъ фактическихъ данныхъ. Между прочимъ онъ первый далъ точное описаніе „гейзеровъ“, этихъ перемежающихся источниковъ горячей воды, которые бьютъ иногда фонтанами до большой высоты, а затѣмъ снова пропадаютъ. Онъ же сообщилъ любопытныя свѣдѣнія объ ископаемыхъ деревьяхъ, доказываю-

щихъ, что въ предшествующую геологическую эпоху Исландія, гдѣ нѣтъ теперь ни одного деревца, была покрыта громадными лѣсами.

Въ то же время Кергеленъ собралъ много интересныхъ подробностей о нравахъ и обычаяхъ исландцевъ.

„Туземныя женщины,—говоритъ онъ,—носятъ платья, кофты и передники изъ мѣстной шерстяной матеріи, называемой вадмель; сверхъ кофты онѣ надѣваютъ блузу, которая очень походитъ на іезуитскую рясу. Блуза эта значительно короче надѣтыхъ подъ нею юбокъ и всегда отличается отъ нихъ цвѣтомъ. Въ особенной модѣ при мнѣ были черныя блузы, которыя назывались „гемпе". Ихъ отдѣлываютъ бархатными лентами, стеклярусомъ и т. п... Головной уборъ здѣшнихъ дамъ имѣетъ видъ пирамиды или конуса вышиною въ аршинъ или въ аршинъ съ четвертью; онѣ обертываютъ себѣ голову большимъ платкомъ изъ очень грубаго полотна, которое держится совершенно прямо; сверхъ этого платка повязывается другой, болѣе тонкій, который вмѣстѣ съ первымъ и образуетъ упомянутую пирамиду или конусъ".

Кергеленъ собралъ также много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о лопаряхъ и самоѣдахъ, а также и о Фарерскихъ, Аркадскихъ и Шетландскихъ островахъ, которые были имъ подробно осмотрѣны.

Получивъ предписаніе изслѣдовать морской путь, предложенный Гренье, Кергеленъ испросилъ у морского министра разрѣшеніе осмотрѣть также и южныя земли, открытыя въ 1739 году Буве де-Лозье.

Аббатъ Терре, смѣнившій герцога де-Пралена въ завѣдываніи морскимъ министерствомъ, назначилъ Кергелена командиромъ корабля „Берье". Корабль этотъ взялъ въ Лоріанѣ 300 человѣкъ экипажа, запасъ продовольствія на четырнадцать мѣсяцевъ, а также значительное количество пороху и снарядовъ, которые надлежало доставить на Иль-де-Франсъ. Для производства астрономическихъ наблюденій назначенъ былъ въ помощь Кергелену аббатъ Рошонъ.

Прибывъ 20-го августа 1771 года на Иль-де-Франсъ, Кергеленъ оставилъ тамъ свой корабль и взялъ взамѣнъ его транспортъ „Фортуну" и другой маленькій транспортъ „Gros-Ventre" (Толстякъ) съ шестнадцатью пушками и сотнею матросовъ подъ командою Сенъ-Алуарна.

Какъ только суда эти изготовились къ плаванію, Кергеленъ

вышелъ въ море и взялъ курсъ къ сѣверу, намѣреваясь прежде всего осмотрѣть архипелагъ островов Маге. Поднялась страшная буря, а между тѣмъ лагъ, выбрасываемый съ „Фортуны", показывалъ все меньшую и меньшую глубину. Послѣдовательные промѣры дали сперва 180, а потомъ 114, 102 и, наконецъ, всего лишь 84 фута. Кергеленъ рѣшился тогда бросить якорь и держался на якорѣ до тѣхъ поръ, пока не стихла буря.

„Съ разсвѣтомъ мы совершенно успокоились,—говоритъ Кергеленъ,—такъ какъ убѣдились, что по-сосѣдству нѣтъ ни земли, ни подводныхъ утесовъ. „Толстякъ" былъ въ трехъ миляхъ отъ насъ подъ вѣтромъ. Сенъ-Алуарну не могло придти въ голову, чтобъ мы стояли на якорѣ. Страшная гроза съ громомъ и молніей не позволила ему различить моихъ сигналовъ. Между тѣмъ не было еще примѣра, чтобъ корабль сталъ когда-нибудь ночью на якорь въ морѣ на неизвѣстной отмели. Поднявъ якорь, я медленно пошелъ впередъ, дѣлая передъ собою промѣры. Лагъ долго показывалъ 84 фута, а потомъ вдругъ далъ 120, 150 и 175 футовъ. При слѣдующемъ промѣрѣ мы не могли уже достать дна. Такимъ образомъ выяснилось, что эта отмель—вершина подводной горы. Мы назвали ее мелью „Фортуны"; она тянется въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ до 7° 16′ южной широты и 55° 50 восточной долготы".

Затѣмъ „Фортуна" и „Толстякъ" поднялись вмѣстѣ до 5° южной широты и вышли такимъ образомъ на линію морского пути, проектированнаго кавалеромъ Гренье. Кергеленъ и С. Алуарнъ убѣдились, что вѣтры дѣйствительно дуютъ тамъ постоянно съ востока. Пройдя мимо Мальдивскихъ островов, они достигли Цейлона и шли вдоль берега отъ Уэльскаго мыса до Тринкемалайской бухты. Тѣмъ временемъ муссонъ перемѣнился, и на обратномъ пути вѣтеръ дулъ преимущественно съ запада и юго-запада, какъ это и предсказывалъ Гренье. Проектированный этимъ офицеромъ морской путь несомнѣнно представлялъ поэтому значительныя выгоды. Впослѣдствіи онѣ настолько выяснились на опытѣ, что сообщеніе между Иль-де-Франсомъ и Остъ-Индіей производится исключительно этимъ путемъ.

Вернувшись 8-го декабря на Иль-де-Франсъ, Кергеленъ сталъ такъ поспѣшно приготовляться къ путешествію въ южныя моря, что 12-го января 1766 года оба его корабля уже были готовы къ отплытію. Онъ пошелъ прямо на югъ, разсчитывая, что для

французскихъ колоній на Иль-де-Франсѣ и Бурбонѣ выгоднѣе было-бы всего открытіе земель, лежащихъ именно въ этомъ направленіи.

Уже съ 1-го февраля видно было съ кораблей множество птицъ, что, повидимому, указывало на близость земли. Погода стояла самая непріятная. Постоянно шелъ то градъ, то снѣгъ. Вслѣдствіе сильнаго порывистаго вѣтра было очень сильное волненіе. Первая земля была усмотрѣна 12-го февраля. На другой день открытъ былъ еще островъ, а вскорѣ послѣ того усмотрѣнъ очень большой возвышенный мысъ. На слѣдующій день въ семь часовъ утра облака разсѣялись и при яркомъ солнечномъ свѣтѣ ясно можно было различить линію прибрежья, простиравшуюся на протяженіи двадцати пяти миль подъ 49° 40′ южной широты и 61° 10′ восточной долготы. Къ несчастію, погода стояла все время бурная, такъ что французскіе корабли съ трудомъ лишь избѣгли крушенія объ этотъ открытый ими островъ. Кергеленъ отправилъ на берегъ шлюпку, когда его корабль вдругъ стало относить сильнымъ теченіемъ къ сѣверу.

„Видя, что меня унесло уже такъ далеко отъ земли,—говоритъ Кергеленъ въ описаніи своего путешествія,—я обсуждалъ, на что именно слѣдуетъ мнѣ рѣшиться. Состояніе моихъ мачтъ не дозволяло нести много парусовъ, а потому, еслибъ я подошелъ къ берегу, то пожалуй не могъ бы потомъ отъ него отойти, при чемъ мой корабль подвергся бы тѣмъ болѣе серьезной опасности, что у меня не было шлюпки, на которой можно было бы завести якорь. Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ я потерялъ изъ виду „Толстяка“ и не надѣялся уже его встрѣтить, такъ какъ погода въ высокихъ широтахъ стоитъ обыкновенно туманная. Къ тому-же вѣтеръ неоднократно измѣнялся и намъ пришлось вынести бурю. Зная, что „Толстякъ“ прекрасное судно и что на немъ имѣется семимѣсячный запасъ провіанта, я на основаніи вышеизложенныхъ соображеній пошелъ обратно къ Иль-де-Франсу, куда и прибылъ 16-го марта“.

Прежде чѣмъ пуститься въ обратный путь, Кергеленъ выждалъ, однако, возвращенія своей шлюпки. Лейтенантъ де-Буагеганнекъ, командовавшій этой шлюпкой, вступилъ со всѣми обычными формальностями во владѣніе новооткрытымъ островомъ. Письменное его заявленіе объ этомъ было помѣщено въ бутылку, которую нашелъ тамъ въ 1776 году капитанъ Кукъ.

Вскорѣ послѣ прибытія своего на Иль-де-Франсъ Кергеленъ вернулся во Францію, гдѣ успѣхомъ этого путешествія нажилъ себѣ много враговъ. Нападки ихъ стали еще ожесточеннѣе, когда Кергеленъ королевскимъ указомъ произведенъ былъ въ капитаны перваго ранга и пожалованъ 1-го января 1772 года орденомъ св. Людовика. На Кергелена стали распространяться тогда разные злостные, завѣдомо ложные слухи. Между прочимъ утверждали даже, будто онъ умышленно пустилъ „Толстяка" ко дну, чтобы имѣть возможность приписать одному себѣ открытіе, сдѣланное сообща съ Сенъ-Алуарномъ.

„Толстякъ" тѣмъ временемъ благополучно вернулся на Иль-де-Франсъ, и французское морское министерство, не обращая вниманія на злобныя инсинуаціи клеветниковъ, рѣшило поручить Кергелену начальство надъ новою экспедиціей въ Южныя моря. Корабль „Роландъ" и фрегатъ „Птица" (этотъ послѣдній подъ командою Со-де-Раневе) отплыли изъ Бреста 26-го марта 1772 года.

Достигнувъ мыса Доброй Надежды, Кергеленъ вынужденъ былъ простоять въ Столовой бухтѣ цѣлыхъ сорокъ дней. На кораблѣ у него развился тифъ. Это слѣдуетъ объяснить, повидимому, тѣмъ, что судно было новое и построено изъ не совсѣмъ сухого лѣса.

„Предположеніе это,—говоритъ Кергеленъ,—кажется тѣмъ правдоподобнѣе, что всѣ сухія овощи, какъ, напр., горохъ, бобы и чечевица, а также рисъ и часть сухарей, имѣвшихся у насъ на кораблѣ, сгнили и заплѣснѣли. Овощи обратились въ какой-то навозъ, распространявшій зловоніе и кишащій множествомъ бѣлыхъ червей..."

11-го іюля „Роландъ" вышелъ изъ Столовой бухты, но почти тотчасъ-же затѣмъ, во время страшной бури потерявъ двѣ стенги, нѣсколько парусовъ и бизань-мачту, онъ принужденъ былъ идти на Иль-де-Франсъ, гдѣ Кергеленъ разсчитывалъ запастись свѣжей провизіей и надлежащимъ образомъ починить свой корабль.

Вмѣсто де-Роша и Пуавра, такъ много содѣйствовавшихъ первому путешествію Кергелена, губернаторомъ Иль-де-Франса былъ въ то время де-Терней, а вице-губернаторомъ Мальяръ. Оба они, какъ-бы умышленно, старались помѣшать выполненію инструкціи, полученныхъ Кергеленомъ. Они не доставили ему свѣжей провизіи, въ которой такъ нуждался экипажъ „Роланда", и не признали возможнымъ снабдить этотъ корабль новыми

мачтами взамѣнъ поломанныхъ бурею. Наконецъ, вмѣсто тридцати четырехъ матросовъ, которыхъ ему пришлось оставить въ лазаретѣ, Кергелену дано было тридцать четыре солдата изъ разряда штрафованныхъ, отъ которыхъ мѣстныя власти хотѣли какъ-нибудь отдѣлаться. Экспедиція въ Южныя моря, предпринятая при такихъ условіяхъ, неминуемо должна была потерпѣть фіаско. Такъ дѣйствительно и случилось.

6-го января Кергеленъ снова увидѣлъ земли, открытыя имъ въ первое путешествіе. Съ этого числа и по 16-ое того-же мѣсяца онъ напесъ на карту многія точки прибрежья этихъ земель, весь островъ Круа, островъ Соединенія и островъ Роланда, т. е. въ общей сложности до 80 миль прибрежья. Погода стояла все время очень холодная съ густыми туманами и безпрерывнымъ снѣгомъ и градомъ, зачастую налетали сильные шквалы. 21-го января „Роландъ“ и „Птица“, чтобъ не разлучиться, должны были подавать другъ другу сигналы пушечными выстрѣлами. Въ этотъ день холодъ былъ такъ силенъ, что на палубѣ нѣсколько матросовъ лишилось чувствъ...

„Офицеры заявили мнѣ,—говоритъ Кергеленъ,—что при такомъ холодѣ и туманѣ обыкновенная порція сухарей недостаточна для поддержанія силъ экипажа; я приказалъ поэтому выдавать на каждаго человѣка добавочную порцію сухарей четыре унціи на день“.

8-го января 1774 года, находясь близъ острова Соединенія, „Роландъ“ подошелъ къ фрегату „Птица“. Командиръ этого фрегата, Роневе, сообщилъ при этомъ Кергелену, что за Французскимъ мысомъ найдена имъ была 6-го числа порядочная якорная стоянка въ небольшой бухтѣ. Шлюпка, посланная для производства промѣровъ, приставала тамъ къ берегу, при чемъ матросы убили сивуча и нѣсколько глупышей.

Недоброкачественность провизіи, плохое состояніе здоровья экипажей и оснастки обоихъ кораблей помѣшали и на этотъ разъ Кергелену въ подробности осмотрѣть этотъ злополучный архипелагъ. Онъ вынужденъ былъ взять курсъ опять къ сѣверу, но вмѣсто того, чтобы вернутся на Иль-де-Франсъ, онъ направился къ Антонжильской бухтѣ на островѣ Мадагаскарѣ. Кергеленъ зналъ, что найдетъ тамъ въ изобиліи свѣжую гоглдину, обыкновенные и сладкіе лимоны, ананасы, портулакъ и разныя другія противуцынготныя средства.

Извѣстный искатель приключеній, Беніовскій, основалъ незадолго передъ тѣмъ въ этой бухтѣ небольшую французскую колонію. Колонія эта терпѣла, однако, страшный недостатокъ въ самомъ для нея необходимомъ. Кергеленъ снабдилъ Беніовскаго полевыми лафетами для его пушекъ, плотничнымъ и слесарнымъ инструментомъ, надѣлилъ колонистовъ рубашками и одѣялами. Онъ построилъ также своими плотниками для колонистовъ продовольственные магазины.

Это вторичное плаваніе въ южныя моря было чрезвычайно гибельно для экипажа „Роланда“.

Тридцать пять человѣкъ умерло отъ цынги и другихъ болѣзней. Несомнѣнно, что если-бъ Кергеленъ остался еще недѣлю въ высокихъ южныхъ широтахъ, то онъ потерялъ бы по меньшей мѣрѣ еще сто человѣкъ.

Вернувшись во Францію, Кергеленъ, въ награду за вынесенныя имъ трудности и лишенія, встрѣтилъ тамъ самое суровое порицаніе. Предубѣжденіе противъ Кергелена было такъ сильно, что на него возложили всю отвѣтственность за безуспѣшность послѣдняго путешествія. Назначенъ былъ военный судъ, который приговорилъ Кергелена къ лишенію чиновъ и заключенію въ Сомюрскую крѣпость. Безъ сомнѣнія, приговоръ этотъ найденъ былъ слишкомъ суровымъ, такъ какъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя Кергеленъ выпущенъ былъ на свободу. Самымъ существеннымъ пунктомъ обвиненія противъ Кергелена былъ тотъ фактъ, что онъ, находясь еще на „Фортунѣ“, покинулъ свою шлюпку съ ея экипажемъ на пустынной землѣ, открытой имъ въ южныхъ моряхъ, и потомъ, только благодаря счастливому случаю, вернулся назадъ за этимъ экипажемъ. Надо полагать, однако, что и этотъ фактъ былъ значительно искаженъ, такъ какъ офицеръ де-Розели, находившійся на шлюпкѣ, бывшій впослѣдствіи адмираломъ, ходатайствовалъ о своемъ переводѣ на „Роландъ“, чтобы служить опять подъ начальствомъ Кергелена.

Описаніе этихъ двухъ путешествій представляетъ собою извлеченіе изъ брошюры, обнародованной Кергеленомъ въ то время, когда онъ содержался въ крѣпости. Брошюра эта по распоряженію французскаго правительства была конфискована и сожжена, а потому оставшіеся ея экземпляры составляютъ библіографическую рѣдкость.

Приступимъ теперь къ описанію путешествій, которыя хотя

и не привели къ новымъ географическимъ открытіямъ, имѣли, однако, существенное значеніе въ томъ смыслѣ, что содѣйствовали исправленію картъ и значительно двинули впередъ какъ навигацію, такъ и географію, разрѣшивъ давнишнюю уже задачу опредѣленія долготъ на морѣ.

Чтобы опредѣлить положеніе какого-нибудь мѣста на картѣ, надо знать его широту, т. е. разстояніе отъ экватора (считая къ сѣверу или къ югу), и долготу, т. е. разстояніе къ востоку или западу отъ какого-либо даннаго меридіана.

Въ то время, чтобъ опредѣлить положеніе корабля на картѣ, можно было пользоваться лишь корабельнымъ счисленіемъ. Выбрасывая каждый часъ лагъ, измѣряли длину линя, который высучивался въ теченіе полуминуты, и опредѣляли отсюда скорость хода корабля. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что лагъ далеко не остается неподвижнымъ, да и скорость судна въ теченіе часа можетъ измѣняться. Такимъ образомъ, въ опредѣленіи этой скорости при помощи лага могутъ вкрасться очень серьезныя ошибки.

Что касается до направленія пути, то оно указывалось корабельнымъ компасомъ. Извѣстно, однако, что магнитная стрѣлка не всегда и не вездѣ направляется прямо къ сѣверу. Къ тому-же корабль не всегда въ точности идетъ предположеннымъ курсомъ. Зачастую, наконецъ, нельзя бываетъ принять надлежащимъ образомъ во вниманіе силу морскихъ теченій. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что на корабельное счисленіе нельзя было вполнѣ полагаться.

Для болѣе точнаго опредѣленія положенія корабля на картѣ надо было найти такой способъ, который былъ бы свободенъ отъ этихъ погрѣшностей.

Съ помощью Гадлеевскаго октанта можно было опредѣлять широту мѣста съ точностью до 1′, т. е. съ точностью до $^1/_3$ морской мили. Между тѣмъ нельзя было и помышлять объ опредѣленіи долготы хотя-бы даже и съ такою точностью.

Если-бъ законы, управляющіе склоненіемъ и наклоненіемъ магнитной стрѣлки, были сами по себѣ проще и болѣе доступны изслѣдованію, то это значительно бы облегчило опредѣленіе долготъ. Правда, что наблюденія, сдѣланныя въ Индійскомъ океанѣ между островами Бурбономъ, Мадагаскаромъ и Родригесомъ, показали, что измѣненіе на 4° въ склоненіи магнитной стрѣлки

приблизительно соотвѣтствуетъ 5° измѣненія долготы. Съ другой стороны извѣстно было, что склоненіе магнитной стрѣлки въ данной мѣстности само подвергается измѣненіямъ, причины которыхъ остаются неизвѣстными.

„Двадцать лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Верденъ де-ла-Крень, писавшій въ 1778 году,—склоненіе въ 12° отъ сѣвера къ западу указывало въ данной широтѣ 61-й меридіанъ къ западу отъ Парижа. Очень можетъ быть, что въ теченіе двадцати лѣтъ склоненіе это измѣнилось на цѣлыхъ два градуса. Погрѣшность въ долготѣ, которая получилась бы отъ этого измѣненія, простиралась бы до $2^1/_2{}^0$, т. е. почти до 50 морскихъ миль“.

Зная на кораблѣ истинное его время, т. е. время по часамъ, соотвѣтствующимъ меридіану, подъ которымъ находится корабль въ данную минуту, и зная вмѣстѣ съ тѣмъ время по меридіану порта, изъ котораго вышелъ корабль, или же по какому-либо другому опредѣленному меридіану, не трудно опредѣлить долготу, подъ которой находится корабль. Дѣйствительно, каждый часъ разницы во времени будетъ соотвѣтствовать 15° разницы въ долготѣ; 4′ разницы во времени обусловливаютъ разницу въ 1° долготы. Задача опредѣленія долготы, подъ которой находится корабль на морѣ, можетъ быть поэтому сведена къ опредѣленію въ данный моментъ истиннаго времени по какому-либо данному меридіану.

Для этого необходимо было только обладать карманными или стѣнными часами, которые шли бы совершенно вѣрно, несмотря на волненіе и перемѣну температуры.

Въ этомъ направленіи произведено было много изслѣдованій. Бессонъ въ XVI вѣкѣ, Гюйгенсъ въ XVII, затѣмъ Сюлли, Гарриссонъ, Дютертръ, Галлондъ, Ривасъ, Ле-Руа и Фердинандъ Берту старались достигнуть разрѣшенія этой задачи.

Сознавая громадность услугъ, которыя должно было оказать мореплаванію изобрѣтеніе вѣрныхъ часовъ, англійское и французское правительства обѣщали большія награды изобрѣтателямъ, которымъ удастся достигнуть предположенной цѣли. Французская академія наукъ объявила конкурсъ на устройство точныхъ морскихъ хронометровъ. Въ 1765 году Ле-Руа представилъ на этотъ конкурсъ два хронометра, тогда какъ Берту, состоявшій придворнымъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, былъ вслѣдствіе этого самаго недопущенъ до конкурса. Хронометры Ле-Руа побѣдоносно

выдержали всѣ испытанія, которымъ ихъ подвергали на сушѣ. Оставалось только узнать, будутъ ли они идти такъ-же хорошо и на морѣ.

Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, маркизъ Куртанво построилъ на свой счетъ быстроходный фрегатъ „Аврору". Плаваніе на этомъ фрегатѣ съ 25-го мая по 29-е августа, прерывавшееся въ Кале, Дюнкирхенѣ, Роттердамѣ, Амстердамѣ и въ Булони, было, по мнѣнію самого Ле-Руа, слишкомъ кратковременно. Онъ желалъ, чтобы хронометры его были подвергнуты болѣе серьезному испытанію. Для этого назначенъ былъ фрегатъ „Веселая". Отплывъ изъ Гавра, фрегатъ этотъ зашелъ на островъ св. Петра, близъ Нью-Фаундленда, а затѣмъ, направившись къ югу, достигъ до Сале, на африканскомъ прибрежьѣ, останавливался на короткое время въ Кадиксѣ и вернулся въ Брестъ послѣ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ путешествія. На этотъ разъ испытаніе признано было достаточно серьезнымъ, такъ какъ производилось подъ разными широтами и при самой разнообразной погодѣ. Если часы шли тѣмъ не менѣе вѣрно, то они дѣйствительно заслуживали получить премію. Премія эта и была присуждена Ле-Руа.

Академіи наукъ извѣстно было, что и другіе опытные спеціалисты занимались также изслѣдованіями надъ устройствомъ хронометровъ, хотя по различнымъ причинамъ и не могли принять участія въ конкурсѣ. Въ надеждѣ поощрить изобрѣтателей къ устройству еще болѣе точныхъ хронометровъ, академія наукъ назначила на нихъ новые конкурсы въ 1771 и въ 1773 годахъ.

Между прочимъ Берту былъ убѣжденъ, что изобрѣтенный имъ хронометръ удовлетворяетъ всѣмъ требуемымъ условіямъ. Необходимо было подвергнуть этотъ хронометръ испытанію въ продолжительномъ морскомъ плаваніи.

Въ ноябрѣ 1768 года снаряженъ былъ въ Рошфорѣ восемнадцатипушечный корабль „Изида", начальство надъ которымъ было поручено кавалеру Эве де-Флерье, извѣстному болѣе подъ именемъ Кларе де-Флерье. Онъ былъ тогда еще только мичманомъ, но, несмотря на свою молодость, заслужилъ уже репутацію серьезнаго ученаго. Намъ не разъ уже случалось и случится еще упоминать его имя. Флерье, очень интересовавшійся механикой, помогалъ Берту въ его изысканіяхъ. Опасаясь, чтобы не за-

подозрили его въ пристрастіи, Флерье пригласилъ на корабль нѣсколько офицеровъ для наблюденія за ходомъ ввѣреннаго ему хронометра. Отплывъ въ ноябрѣ 1768 года изъ Рошфора, „Изида“ заходила въ Кадиксъ, на Канарскіе острова, въ Горею, на островъ Зеленаго мыса, на Мартинику, Санъ-Доминго, Нью-Фаундлендъ, опять на Канарскіе острова, въ Кадиксъ и наконецъ 31-го декабря 1769 года вернулась назадъ во Францію.

Хронометры перебывали такимъ образомъ послѣдовательно въ холодномъ, жаркомъ и умѣренномъ климатѣ, испытали самыя разнообразныя измѣненія температуръ и подвергались на морѣ страшнѣйшей качкѣ во время многочисленныхъ бурь, выдержанныхъ фрегатомъ.

Морскіе хронометры Берту вышли съ честью изъ всѣхъ этихъ испытаній. Вслѣдствіе этого Берту назначенъ былъ „инспекторомъ морскихъ хронометровъ“ съ соотвѣтствующимъ этой должности содержаніемъ.

Путешествіе Флерье привело, впрочемъ, и къ другимъ несравненно болѣе интереснымъ результатамъ. Ммножество астрономическихъ наблюденій и гидрографическихъ съемокъ, произведенныхъ Флерье, дали ему возможность отнестись совершенно компетентнымъ образомъ къ недостаткамъ тогдашнихъ картъ и подвергнуть карты эти строгому осужденію.

„Мнѣ сперва было не хотѣлось, — говоритъ Флерье, — вдаваться въ обстоятельный критическій разборъ морскихъ нашихъ картъ. Я хотѣлъ ограничиться лишь указаніемъ точнаго географическаго положенія невѣрно обозначенныхъ на нихъ пунктовъ; но ошибки, найденныя мною въ этихъ картахъ, настолько опасны и встрѣчаются въ такомъ изобиліи, что было бы положительно преступленіемъ передъ мореплавателями, если-бъ я не постарался раскрыть ихъ во всей подробности...“

Между прочимъ, онъ замѣчаетъ по поводу морскихъ картъ одного географа, пользовавшагося въ свое время большой репутаціей:

„Не берусь перечислять здѣсь всѣхъ погрѣшностей, найденныхъ мною въ морскихъ картахъ Беллена; погрѣшностей этихъ, какъ говорится, не перечтешь. Чтобы доказать необходимость провѣрки этихъ картъ, которою я долженъ былъ заняться, укажу лишь на ошибки, заслуживающія особеннаго вниманія и

прямо бросающіяся въ глаза, если кто-нибудь пожелаетъ сравнить географическое положеніе мѣста, обозначенное на картахъ, съ тѣмъ, какое имъ слѣдовало бы дать, въ случаѣ если-бы г. Белленъ пожелалъ воспользоваться обнародованными въ различныя времена астрономическими наблюденіями".

Приведя длинный списокъ погрѣшностей въ указанномъ на картѣ географическомъ положеніи мѣстности на европейскомъ, африканскомъ и американскомъ прибрежьяхъ, чаще другихъ посѣщаемыхъ судами, Флерье совершенно справедливо замѣчаетъ:

„Принимая во вниманіе такое обиліе погрѣшностей, встрѣченныхъ нами въ картахъ г. Беллена, невольно приходишь къ слѣдующему печальному, но все-таки неизбѣжному выводу: если карты наилучше знакомыхъ намъ частей земной поверхности, относительно которыхъ имѣется болѣе всего астрономическихъ наблюденій, отличаются еще такою неточностью, то чего же должны мы ожидать отъ морскихъ картъ, на которыхъ изображены рѣже посѣщаемые острова и земли, очертаніе и географическое положеніе которыхъ обозначено на основаніи приблизительныхъ догадокъ и предположеній".

Морскіе хронометры различныхъ системъ испытывались сперва отдѣльно и различными комиссарами. Рѣшено былъ затѣмъ подвергнуть ихъ одновременно однимъ и тѣмъ-же испытаніямъ, чтобы опредѣлить, которая изъ системъ окажется наиболѣе удовлетворительною. Съ этою цѣлью вооруженъ былъ фрегатъ „Флора" въ Брестѣ, командиромъ котораго назначенъ былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ французскаго флота, Верденъ де-ла-Крень, который впослѣдствіи, въ 1786 году, состоялъ командиромъ эскадры. „Флора" въ своемъ путешествіи заходила въ Кадиксъ, на острова Мадеру и Тенерифъ, въ Горею, на Мартинику, Гваделупу, Санъ-Доминго, на большинство Малыхъ Антильскихъ острововъ, на островъ св. Петра, Нью-Фаундлендъ, Исландію, которую Верденъ де-ла-Крень съ трудомъ лишь отыскалъ, на Фарерскіе острова, въ Данію и Дюнкирхенъ. Отчетъ Вердена объ этомъ путешествіи изобилуетъ также множествомъ поправокъ, относящихся преимущественно до указанія точной долготы мѣстъ, невѣрно обозначенной на картахъ.

Во время этого путешествія произведено было множество тщательныхъ промѣровъ и гидрографическихъ съемокъ. Вер-

денъ сообщаетъ также очень интересныя подробности о посѣщенныхъ имъ странахъ, о нравахъ и обычаяхъ жителей, естественныхъ произведеніяхъ и т. п., на что предшественникъ его Флерье не обращалъ особеннаго вниманія.

Въ числѣ наиболѣе интересныхъ замѣтокъ, содержащихся въ этихъ двухъ большихъ томахъ въ четвертую долю листа, особеннаго вниманія заслуживаютъ замѣтки о Канарскихъ островахъ и прежнемъ ихъ населеніи, о Серерахъ и Йолофахъ, объ Исландіи, Даніи и о причинахъ предпочтенія, которое было оказано меридіану, проходящему черезъ островъ Ферро.

Еще Птоломей избралъ первымъ меридіаномъ меридіанъ этого острова, самаго западнаго изъ Канарскихъ островов. Ему, разумѣется, было бы не трудно отдать предпочтеніе Александріи и провести первый меридіанъ черезъ тамошнюю обсерваторію. Но этотъ великій мужъ понималъ, что подобнымъ предпочтеніемъ не окажетъ никакой дѣйствительной чести своему отечеству, что Римъ и другіе большіе города станутъ, пожалуй, тогда тоже гоняться за этой воображаемой честью, что каждый географъ и путешественникъ станетъ произвольно избирать первый меридіанъ, что все это произведетъ въ концѣ-концовъ страшную путаницу и во всякомъ случаѣ затруднитъ наведеніе справокъ...

Отсюда можно заключить, что Верденъ относился къ вопросу о первомъ меридіанѣ съ такою же объективною разсудительностью, съ какою вообще относятся къ нему теперь истинно безпристрастные умы. Онъ снискалъ себѣ этимъ новое право на наше сочувствіе.

Что касается до корабельныхъ хронометровъ, то Верденъ высказывается о нихъ слѣдующимъ образомъ: „Всѣ ввѣренные мнѣ часы вынесли съ честью многоразличныя испытанія, которымъ они подвергались. Они шли одинаково вѣрно въ тепло и стужу, на берегу и на кораблѣ, во время страшной качки и толчковъ, когда мы стали на мель близъ Антигоа, и во время учащенной пушечной пальбы. Короче сказать, часы эти во всѣхъ отношеніяхъ выполнили возложенныя на нихъ надежды; они заслуживаютъ довѣрія мореплавателей и могутъ съ большой пользой употребляться для опредѣленія долготъ на морѣ“.

II.

Путешествіе Ла-Перуза.—Островъ св. Екатерины.—Островъ Зачатія.—Сандвичевы острова.—Изслѣдованіе американскаго прибрежья.—Французскій портъ.—Потеря двухъ шлюпокъ.—Монтерей и калифорнскіе индѣйцы.—Стоянка въ Макао.—Кавита и Манилья.—На пути въ Китай и Японію. — Островъ Формоза. — Островъ Кельперта. — Татарское прибрежье.—Заливъ Тернея.—Сахалинскіе татары.—Орочи.—Ла-Перузовъ проливъ.—Балъ въ Камчаткѣ.—Де-Лангль и многіе изъ его спутниковъ погибаютъ отъ руки дикарей.—Ботанибей.—Прекращеніе извѣстій объ экспедиціи Ла-Перуза.—Д'Антркасто отправляется ее отыскивать.—Ложные слухи.—Каналъ д'Антркасто.—Берегъ Новой Каледоніи.—Земля Арзакидовъ.—Жители острова Буки.—Стоянка въ портѣ Картерета.—Острова Адмиралтейства.—Стоянка у береговъ Амбоины.—Земля Левина.—Земля Нюи.—Стоянка въ Тасманіи.—Празднество на островахъ Дружбы.—Подробности о пребываніи Ла-Перуза на островѣ Тонга-Табу.—Стоянка въ Баладской бухтѣ.—Слѣды пребыванія Ла-Перуза въ Новой Каледоніи.—Ваникоро.—Печальный конецъ экспедиціи Ла-Перуза.

Описаніе путешествій Кука не было еще обнародовано, когда французское правительство пожелало воспользоваться недавно заключеннымъ миромъ, чтобы доставить своему флоту возможность ознаменовать себя тоже географическими изслѣдованіями. Благородное соревнованіе охватило французскихъ моряковъ, которые не могли равнодушно относиться къ славѣ, пріобрѣтенной всегдашними ихъ соперниками — англійскими мореплавателями. При такихъ обстоятельствахъ для французскаго морского министра весь вопросъ заключался въ томъ, кому именно изъ многочисленныхъ и въ одинаковой степени достойныхъ конкурентовъ отдать преимущество? Кому поручить команду надъ предполагавшейся кругосвѣтной экспедиціей?

Выборъ министра остановился на Жанѣ-Франсуа Голо де-Ла-Перузѣ, который, отличившись въ войнѣ съ англичанами, состоялъ, несмотря на свою молодость, уже въ чинѣ капитана перваго ранга. Во время этой войны на него возложено было трудное и щекотливое порученіе уничтожить факторіи англійской торговой компаніи, находившіяся на берегахъ Гудзонова залива. Выполняя эту задачу, Ла-Перузъ выказалъ себя не только искуснымъ воиномъ и морякомъ, но также и человѣкомъ очень добросердечнымъ. Помощникомъ въ командованіи экспедиціей назначенъ былъ ему капитанъ перваго ранга де-Лангль, служившій уже подъ его начальствомъ во время крейсерства въ Гудзоновомъ заливѣ.

На предоставленныхъ въ распоряженіе Ла-Перуза двухъ фрегатахъ—„Буссоли" и „Астролябіи"—отправились въ кругосвѣтное

плаваніе много офицеровъ и ученыхъ. На „Буссоли“ кромѣ самого Ла-Перуза находились де-Клонаръ, произведенный во время кампаніи въ капитаны перваго ранга, инженеръ Моннеронъ, географъ Бернизе, хирургъ Ролленъ, членъ академіи наукъ астрономъ Лепотъ-Дажеле, физикъ Ламанонъ, рисовальщики Дюше де-Ванси и Прево младшій, ботаникъ Коллиньонъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Гери. На „Астролябіи“, состоявшей подъ командой де-Лангля, былъ старшимъ лейтенантомъ Монти, произведенный во время этого путешествія въ капитаны перваго ранга. На этомъ фрегатѣ отправился также и знаменитый геометръ Гаспаръ Монжъ, который, однако, къ счастью для науки, заболѣлъ въ самомъ началѣ экспедиціи и былъ 29-го августа 1785 года высаженъ на берегъ въ Теперифѣ.

Французская академія наукъ и медицинское общество препроводили къ морскому министру обстоятельныя докладныя записки, въ которыхъ указывалось, на что именно желательно было бы для пользы науки обратить вниманіе во время предстоявшаго кругосвѣтнаго путешествія. Флерье, бывшій тогда главноуправляющимъ морскихъ портовъ и арсеналовъ, собственноручно составилъ карты для этого кругосвѣтнаго плаванія и присовокупилъ къ нимъ цѣлый томъ весьма остроумныхъ замѣтокъ и наблюденій о результатахъ всѣхъ предшествовавшихъ путешествій со времени Христофора Колумба.

На французскихъ фрегатахъ было погружено громадное количество товаровъ для мѣновой торговли, обильные запасы продовольствія, одежды и т. п., большой палубный ботъ въ двадцать тоннъ водоизмѣщенія, два баркаса и полный комплектъ запасныхъ мачтъ, парусовъ и т. п.

„Буссоль“ и „Астролябія“ вышли въ море 1-го августа 1785 года и, тринадцать дней спустя, стали на якорь у береговъ Мадеры. Французы были тамъ изумлены и очарованы чрезвычайной вѣжливостью и радушіемъ мѣстныхъ англійскихъ властей. 19-го августа Ла-Перузъ прибылъ къ острову Тенерифу.

„Астрономическія наблюденія и гидрографическія съемки, произведенныя гг. Флерье, Верденомъ и Бордою на островахъ Мадерѣ, Сальведжъ и Тенерифѣ, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Собственно нами наблюденія производились тамъ единственно лишь съ цѣлью провѣрить инструменты“,—говоритъ Ла-Перузъ.

Заявленіе это показываетъ, что Ла-Перузъ умѣлъ отдавать должную справедливость трудамъ своихъ предшественниковъ. Намъ неоднократно еще придется на это указывать.

Пока астрономы занимались провѣркою хода своихъ хронометровъ, естествоиспытатели въ сопровожденіи многихъ офицеровъ всходили на Тенерифскій пикъ и занимались собираніемъ рѣдкихъ растеній. Моннерону удалось измѣрить высоту этого пика съ несравненно бо́льшею точностью, чѣмъ его предшественникамъ — Гербердину, Фелье, Буге, Вердену и Борде, нашедшимъ для этой высоты соотвѣтственно 2,409, 2,213, 2,105 и 1,904 туазовъ*). Къ несчастью, результаты этого измѣренія, которые могли бы окончательно разрѣшить спорный вопросъ о дѣйствительной высотѣ Тенерифскаго пика, погибли вмѣстѣ со многими другими бумагами и путевыми замѣтками этой экспедиціи.

16-го октября были усмотрѣны Мартинъ-Васскіе острова или, лучше сказать, скалы. Опредѣливъ географическое ихъ положеніе, Ла-Перузъ пошелъ оттуда къ острову Троицы, находящемуся въ девяти миляхъ къ западу. Разсчитывая добыть на этомъ островѣ прѣсной воды, дровъ и свѣжей провизіи, Ла-Перузъ послалъ на берегъ шлюпку съ офицеромъ. Офицеръ этотъ лично переговорилъ съ португальскимъ губернаторомъ острова, располагавшимъ военною силою въ двѣсти человѣкъ, изъ которыхъ пятнадцать были въ мундирахъ, а остальные только въ рубашкахъ. Убѣдившись, что на этомъ островѣ нельзя ровно ничего достать, шлюпка вернулась назадъ на корабль. Послѣ того Ла-Перузъ нѣкоторое время тщетно искалъ островъ Вознесенія, а затѣмъ направился къ берегамъ Бразиліи и бросилъ якорь у острова св. Екатерины.

„Послѣ девяностошестидневнаго плаванія, — говоритъ Ла-Перузъ въ своемъ путевомъ журналѣ, часть котораго была обнародована генераломъ Милле-Мюро, — у насъ еще не было ни одного больного. Дожди, туманы и перемѣны климата нисколько не повредили здоровью матросовъ и офицеровъ. Правда, что продовольственные наши запасы были превосходнаго качества. Само собою разумѣется, что я предпринималъ всѣ мѣры гигіенической предосторожности, которыя указывались мнѣ благоразуміемъ и опытомъ. Кромѣ того, чтобъ поддержать на корабляхъ

*) Туазъ=6 ф. 4 1/5 дюйма.

веселое расположеніе духа, каждый вечеръ, отъ 8 до 10 часовъ, если только позволяло время, устраивались у насъ танцы".

Островъ св. Екатерины (о которомъ мы не разъ уже упоминали) простирается въ длину отъ 27°19′10″ до 27°49′ южной широты; ширина же его отъ запада къ востоку составляетъ среднимъ числомъ всего лишь двѣ мили. Островъ этотъ отдѣляется отъ американскаго материка проливомъ, который въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣетъ всего лишь 200 туазовъ. Какъ разъ на берегу этого пролива у самаго узкаго его мѣста построенъ городъ Нострa-Сеньера-дель-Дестеро, столица этого острова, на которомъ есть свой особый губернаторъ. Это очень хорошенькій городокъ съ четырьмя сотнями домовъ, въ немъ не болѣе трехъ тысячъ жителей. Фрезье разсказываетъ, что въ 1712 году островъ этотъ служилъ пристанищемъ разному темному люду, сбиравшемуся туда со всѣхъ уголковъ Бразиліи. Они были лишь номинально португальскими подданными, на самомъ же дѣлѣ не признавали надъ собою никакихъ властей. Благодаря замѣчательному плодородію острова св. Екатерины, населеніе его не нуждалось въ подвозѣ чего бы то ни было съ бразильскаго прибрежья. Суда, останавливавшіяся близъ острова, запасались тамъ свѣжей провизіей, которую обыкновенно покупали въ обмѣнъ на рубашки и готовое платье.

Островъ св. Екатерины дѣйствительно очень плодороденъ. На немъ можно было бы съ успѣхомъ заняться воздѣлываніемъ сахарнаго тростника, если-бъ этому не препятствовала крайняя бѣдность населенія. Жители острова не имѣютъ достаточныхъ средствъ для того, чтобы купить себѣ невольниковъ, необходимыхъ для такихъ работъ.

Мѣстныя португальскія власти встрѣтили французовъ очень радушно. „Буссоль" и „Астролябія" безъ труда запаслись на островѣ всѣмъ необходимымъ. Ла-Перузъ отзывается съ большой похвалой о честности и гостепріимствѣ мѣстнаго населенія.

„Слѣдующій фактъ,—говоритъ онъ,—можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ понимаютъ здѣсь гостепріимство. Шлюпка съ моего корабля, посланная за дровами въ одну бухточку, была опрокинута волнами. Туземцы, помогавшіе спасти эту шлюпку, уложили моихъ матросовъ къ себѣ въ постели, а сами легли спать на полу на цыновкахъ. Нѣсколько дней спустя, они привезли ко мнѣ на корабль паруса, мачты, якорь, флагъ съ этой

Портретъ Ла-Перуза (Fac-simile съ древней гравюры).

шлюпки, хотя все это могло бы имъ самимъ какъ нельзя болѣе пригодиться.

Снявшись съ якоря 19-го ноября, „Буссоль“ и „Астролябія“ взяли курсъ къ мысу Горну. Послѣ жестокой бури, которую оба фрегата выдержали очень хорошо, они въ теченіе цѣлыхъ сорока дней тщетно искали Большой островъ, открытый де-ла-Ро-

шемъ, но болѣе извѣстный подъ именемъ Георгіи, даннымъ ему капитаномъ Кукомъ. Вступивъ затѣмъ въ Лемеровъ проливъ, Ла-Перузъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ вѣтромъ и немедленно обогнуть мысъ Горнъ, не заходя въ бухту Успѣха, стоянка въ которой въ такое позднее время года могла бы повлечь за собой весьма непріятныя послѣдствія.

Дружественное настроеніе обитателей Огненной Земли, обиліе китовъ, которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ тогда еще не безпокоили охотники, множество морскихъ птицъ, гнѣздившихся на сосѣднемъ прибрежьѣ—обѣщало сравнительно благопріятныя условія для стоянки, но Ла-Перузъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ терять драгоцѣннаго времени. Благодаря попутнымъ вѣтрамъ, „Буссоль“ и „Астролябія“ обогнули мысъ Горнъ несравненно скорѣе и легче, чѣмъ разсчитывалъ на это самъ Ла-Перузъ. 9-го февраля французская экспедиція была уже въ Тихомъ океанѣ на высотѣ Магелланова пролива, а на 24-го она бросила якорь въ портѣ Зачатія (Concepcion). Ла-Перузъ, въ виду истощенія у него продовольственныхъ запасовъ, предпочелъ лучше зайти въ этотъ портъ, чѣмъ на островъ Хуанъ-Фернандесъ. Цвѣтущее здоровье экипажей обоихъ французскихъ судовъ до крайности изумило испанскаго коменданта. На французскихъ фрегатахъ не было ни одного больного, а по словамъ коменданта это было положительно неслыханное дѣло, чтобъ на кораблѣ, прибывшемъ къ Чилійскому прибрежью, обогнувъ мысъ Горнъ, не было нѣсколько десятковъ больныхъ.

Самый городъ, разрушенный въ 1751 году сильнымъ землетрясеніемъ, былъ выстроенъ вновь въ трехъ миляхъ отъ моря на берегу рѣки Біобіо. Всѣ дома въ немъ были одноэтажные, вслѣдствіе чего Concepcion, въ которомъ считалось до десяти тысячъ жителей, раскидывался на значительное протяженіе. Тамошній рейдъ одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ. Море тамъ чрезвычайно спокойно и въ немъ не замѣчается почти никакого теченія.

Эта часть Чили отличается изумительнымъ плодородіемъ. Пшеница родится тамъ самъ-60. Виноградъ даетъ тоже прекрасные сборы. Обширныя луговыя пространства покрыты безчисленными стадами рогатаго скота, который размножается тамъ въ невѣроятномъ количествѣ.

Несмотря на такія благопріятныя условія для процвѣтанія

страны, она находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Причиной этого была система чрезвычайно высокихъ или, лучше сказать, запретительныхъ пошлинъ, установленная испанцами и убивавшая въ корнѣ всю торговлю. Въ Чили, произведенія котораго могли бы безъ труда прокормить половину Европы, не производилось тогда, собственно говоря, ни ввозной, ни вывозной торговли. Даже и шерсть, за которую заплатили бы дорогой цѣной на французскихъ и англійскихъ рынкахъ, не находила себѣ поэтому сбыта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе чрезвычайно высокихъ пошлинъ на всѣ ввозимые товары, жизнь въ Чили была очень дорога. Такъ называемаго средняго сословія вовсе не существовало. Мѣстное населеніе рѣзко дѣлилось на двѣ категоріи—на богачей и бѣдныхъ. Это, между прочимъ, можно заключить изъ слѣдующей замѣтки Ла-Перуза:

„Здѣшнія дамы, когда хотятъ принарядиться, надѣваютъ на себя юбки со множествомъ сборокъ, сшитыя изъ золотого или серебрянаго брокара, изготовлявшагося когда-то въ Ліонѣ. Юбки эти надѣваются лишь въ торжественныхъ случаяхъ и продаются и передаются по наслѣдству отъ бабушекъ къ внучкамъ вмѣстѣ съ остальными фамильными драгоцѣнностями. Необходимо замѣтить, что сравнительно лишь очень немногія чилійскія дамы могутъ щеголять такимъ образомъ. Большинство живетъ въ такой бѣдности, что съ трудомъ лишь можетъ чѣмъ-нибудь прикрыть свою наготу“.

Не входя въ описаніе восторженнаго пріема, оказаннаго въ Чили французамъ, замѣтимъ только, что въ честь Ла-Перуза и его спутниковъ дано было въ Concepcion нѣсколько баловъ, на которыхъ мѣстныя дамы старались перещеголять другъ друга роскошью своихъ драгоцѣнныхъ туалетовъ. Ла-Перузъ не терялъ, однако, при этомъ изъ виду цѣли своего путешествія. Французская экспедиція находилась еще пока въ мѣстахъ, неоднократно посѣщавшихся европейскими судами, но уже наступала для нея пора пуститься въ менѣе изслѣдованныя страны. Снявшись 15-го марта съ якоря, оба фрегата послѣ благополучнаго плаванія прибыли 9-го апрѣля въ Кукову бухту на островѣ Пасхи.

По словамъ Ла-Перуза, рисовальщикъ Годжесъ, сопровождавшій знаменитаго англійскаго мореплавателя, очень плохо передалъ общій характеръ физіономіи островитянъ. Вообще говоря,

выраженіе лица у нихъ пріятное, но безъ всякаго опредѣленнаго отличительнаго характера.

Впрочемъ, и относительно многого другого замѣчается у Ла-Перуза разногласіе съ Кукомъ. Такъ, Ла-Перузъ полагаетъ, что пресловутыя каменныя статуи (многія изъ которыхъ срисованы художниками, бывшими съ нимъ на кораблѣ) изваяны самими нынѣшними островитянами, численность которыхъ простирается, по его мнѣнію, до двухъ тысячъ человѣкъ. Отсутствіе деревьевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ также озеръ и рѣчекъ, объясняется по мнѣнію Ла-Перуза хищническимъ истребленіемъ лѣсовъ, покрывавшихъ въ прежнее время островъ. Никакихъ непріятныхъ столкновеній съ туземцами не было. Островитянамъ удалось совершить нѣсколько мелкихъ кражъ, но французы, разсчитывая провести у нихъ всего лишь сутки, не сочли нужнымъ внушать этимъ дикарямъ болѣе ясное понятіе о правѣ собственности.

Покинувъ 10-го апрѣля островъ Пасхи, Ла-Перузъ пошелъ приблизительно тѣмъ же путемъ, которымъ слѣдовалъ Кукъ въ 1777 году, плывя изъ Таити къ американскому прибрежью. Французскіе корабли держались, однако, ста милями западнѣе, а потому Ла-Перузъ надѣялся открыть въ этой малоизвѣданной еще полосѣ Тихаго океана какія-нибудь новыя земли. Матросу, который первый увидитъ землю, обѣщана была денежная награда.

29-го мая французская экспедиція прибыла къ Гавайскому архипелагу.

Корабельные хронометры принесли въ данномъ случаѣ большую пользу и помогли исправить корабельныя исчисленія. Достигнувъ Сандвичевыхъ островов, Ла-Перузъ нашелъ между дѣйствительной ихъ долготой и долготой, выведенной по корабельному исчисленію, разницу на цѣлыхъ пять градусовъ. Безъ хронометровъ онъ помѣстилъ бы этотъ архипелагъ на цѣлыхъ 5° восточнѣе. Обстоятельство это указывало на существованіе морского теченія, направляющагося къ западу, и объясняетъ, почему всѣ острова, открытые Менданой и Квиросомъ и другими испанскими мореплавателями, показаны на ихъ картахъ гораздо ближе къ американскому прибрежью, чѣмъ это слѣдовало бы на самомъ дѣлѣ. Ла-Перузъ заключилъ отсюда также объ отсутствіи особой островной группы, въ которую испанскіе мореплаватели включили острова Меза, Майосъ и Дисграсіада. Группу эту слѣдуетъ признать тождественной съ Сандвичевыми островами,

Костюмы жителей Concepcion'а (Fac-simile съ древней гравюры).

тѣмъ болѣе, что Mesa означаетъ по-испански столъ, а по словамъ лейтенанта Кинга—гора Мауна-Лоа имѣетъ издали фигуру стола. Къ тому-же французскіе корабли шли по той полосѣ океана, гдѣ должна была лежать эта островная группа, и не видали тамъ никакихъ признаковъ земли.

„Островъ Мовеэ,—говоритъ Ла-Перузъ,—представляетъ вос-

хитительное зрѣлище... Передъ нами была хорошенькая рѣчка, которая, низвергаясь каскадами съ вершины горъ, впадала въ море, оросивъ предварительно жилища туземцевъ. Жилища эти такъ многочисленны, что на протяженіи цѣлыхъ трехъ или четырехъ миль составляютъ какъ-бы сплошную деревню. Слѣдуетъ замѣтить однако, что хижины построены на морскомъ берегу. Горы надвигаются къ берегу такъ близко, что полоса, удобная для обработки земли, имѣетъ въ ширину не болѣе полумили. Чтобы составить себѣ понятіе о чувствѣ, которое мы испытывали при видѣ этого прелестнаго уголка земли, надо быть морякомъ, который поставленъ въ необходимость довольствоваться въ этомъ знойномъ климатѣ всего лишь одною бутылкою воды въ день. Лѣса, которыми были покрыты холмы и горы, бананы и пальмы, виднѣвшіеся возлѣ хижинъ,—все это очаровывало насъ невыразимымъ образомъ, а между тѣмъ сильный прибой заставлялъ насъ испытывать настоящія танталовы муки. Долгое время намъ приходилось только пожирать глазами эти недосягаемыя для насъ прелести".

Французскимъ фрегатамъ удалось, наконецъ, найти удобную якорную стоянку. Какъ только „Буссоль" и „Астролябія" бросили якорь, ихъ тотчасъ-же окружило множество туземныхъ байдаръ, нагруженныхъ свиньями, бананами, бататами, шарро и т. п. Островитяне оказались очень ловкими торгашами. Они придавали особенно большую цѣну кускамъ старыхъ желѣзныхъ обручей. Знакомство съ желѣзомъ и съ употребленіемъ этого металла, замѣченное у нихъ уже Кукомъ, является новымъ подтвержденіемъ тому, что туземцы имѣли уже передъ тѣмъ сношенія съ испанскими мореплавателями, которымъ, вѣроятно, и принадлежитъ честь перваго открытія Гавайскаго архипелага.

Островитяне встрѣтили Ла-Перуза очень дружественнымъ образомъ, хотя онъ, съѣзжая на берегъ, счелъ нужнымъ принять противъ нихъ нѣкоторыя мѣры военной предосторожности. Ла-Перузъ не вступалъ во владѣніе островомъ Мовеэ, хотя и могъ считать себя первымъ европейскимъ мореплавателемъ, высадившимся на этомъ островѣ.

„Этотъ обычай европейскихъ мореплавателей,—говоритъ Ла-Перузъ,—въ высшей степени смѣшонъ. Философу должно быть обидно за человѣчество, когда онъ видитъ, что люди, обладая ружьями и пушками, утрачиваютъ отъ этого всякое понятіе о

Обитатели острова Пасхи.

справедливости. Дѣйствительно, что можетъ быть непристойнѣе игнорированія законныхъ правъ своихъ ближнихъ? Странный софизмъ, въ силу котораго мореплаватель, приставшій къ какому-либо невѣдомому до тѣхъ поръ европейцамъ острову, какъ-бы предоставляетъ тѣмъ самымъ своему отечеству право завоеванія, попирающее самыя священныя права туземнаго населенія! Какимъ образомъ такая случайность, какъ посѣщеніе чужеземнаго корабля,

можетъ являться основательнымъ поводомъ къ тому, чтобъ отнять у злополучныхъ островитянъ землю, которою съ незапамятныхъ временъ владѣли ихъ предки, орошая ее трудовымъ своимъ потомъ?"

Ла-Перузъ не сообщаетъ никакихъ подробностей о нравахъ и обычаяхъ жителей Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ провелъ всего лишь нѣсколько часовъ, тогда какъ англичане пробыли тамъ цѣлыхъ четыре мѣсяца. Желающимъ ознакомиться съ нравами и обычаями гавайцевъ французскій мореплаватель совѣтуетъ поэтому прочесть путешествіе капитана Кука.

Во время непродолжительной своей стоянки у острова Мовеэ французы купили болѣе сотни свиней, множество туземныхъ цыновокъ, фруктовъ и съѣдобныхъ корней, байдару съ коромысломъ, украшенія изъ перьевъ и раковинъ и нѣсколько военныхъ касокъ съ султанами изъ красныхъ перьевъ.

Въ инструкціяхъ, данныхъ Ла-Перузу морскимъ министерствомъ, предписывалось внимательно осмотрѣть и нанести на карту американское прибрежье, часть котораго до горы св. Иліи (за исключеніемъ одного Нуткинскаго пролива) была лишь усмотрѣна капитаномъ Кукомъ.

Французскіе корабли достигли этого прибрежья 23-го іюня подъ 60° сѣверной широты. Усмотрѣвъ среди длинной цѣпи горъ, покрытыхъ снѣгами, гору, названную Берингомъ горою св. Иліи, Ла-Перузъ шелъ нѣкоторое время вдоль берега, а затѣмъ послалъ для ближайшаго его осмотра три шлюпки подъ командой лейтенанта де-Монти, которыя открыли большую бухту, названную именемъ этого офицера. Слѣдуя вдоль берега въ очень близкомъ отъ него разстояніи, Ла-Перузъ нанесъ на карту все его очертаніе до самаго устья довольно большой рѣки, которая названа была рѣкою Беринга. По всѣмъ вѣроятіямъ рѣка эта была таже самая, которой и Кукъ далъ это наименованіе.

2-го іюля открыта была, подъ 58° 36′ сѣверной широты и 140° 31′ западной долготы, впадина въ прибрежной чертѣ, образовавшая повидимому очень удобную бухту. Для осмотра ея тотчасъ-же были посланы лодки подъ командой Пьервера, Флоссана и Бутервиля. Офицеры эти, вернувшись съ рекогносцировки, дали о бухтѣ благопріятный отзывъ, а потому Ла-Перузъ рѣшился бросить въ ней якорь. Французскіе фрегаты подошли ко входу въ бухту, но „Астролябію" сильнымъ теченіемъ отнесло опять

въ открытое море, куда должна была за нею послѣдовать и „Буссоль." Проведя цѣлую ночь подъ парусами, французскіе корабли сдѣлали въ шесть часовъ утра новую попытку войти въ бухту.

„Въ семь часовъ утра, когда мы были уже у самаго входа,— говоритъ Ла-Перузъ,—вѣтеръ внезапно перемѣнился къ з.-с.-з. и къ с.-з. $^{1}/_{4}$ з., вслѣдствіе чего намъ пришлось держать такъ круто къ вѣтру, что паруса у насъ стали полоскаться. Къ счастью, теченіе направлялось въ бухту и внесло туда наши фрегаты, которые прошли при этомъ всего лишь въ половинѣ пистолетнаго выстрѣла отъ утесовъ восточной ея окраины. Я бросилъ якорь неподалеку отъ входа въ бухту, на глубинѣ всего лишь 21-го фута, на скалистомъ грунтѣ, въ полукабельтовѣ отъ берега. „Астролябія" вынуждена была стать на якорь приблизительно въ такихъ же условіяхъ, какъ и „Буссоль". Въ теченіе всей моей тридцатилѣтней морской службы мнѣ ни разу еще не случалось видѣть двухъ кораблей въ такомъ критическомъ положеніи... Хуже всего было то, что мы стояли на скалистомъ грунтѣ, который, въ противность донесеніямъ гг. Флоссана и Бутервиля, простирался кругомъ насъ во всѣ стороны на нѣсколько кабельтововъ. Намъ некогда было, впрочемъ, терять время въ пустыхъ разсужденіяхъ; надо было какъ можно скорѣе идти далѣе вглубь бухты, а между тѣмъ быстрота теченія очень затрудняла возможность сняться съ якоря и дѣлала этотъ маневръ чрезвычайно опаснымъ".

Ла-Перузу удалось, однако, благополучно выполнить этотъ маневръ и отвести свои суда на болѣе удобную стоянку.

Какъ только французскіе корабли вторично бросили якорь, они были немедленно окружены байдарами дикарей. Въ обмѣнъ на рыбу, шкуры морскихъ выдръ и другихъ животныхъ, дикари преимущественно требовали желѣза. По прошествіи нѣсколькихъ дней число туземцевъ значительно возросло, такъ что они сдѣлались если не опасными, то по крайней мѣрѣ очень безпокойными для французовъ.

На одномъ изъ острововъ бухты Ла-Перузъ устроилъ временную обсерваторію, кузницу и мастерскую для починки парусовъ. Несмотря на бдительность часовыхъ, туземцы, „подползая на брюхѣ словно змѣи, не шевеля даже и травой, пробирались въ палатки и зачастую похищали оттуда разныя вещи. Между про-

чимъ имъ удалось залѣзть ночью въ палатку, гдѣ спали двое офицеровъ, Лористонъ и Дарбо, состоявшіе при обсерваторіи. Дикари похитили у нихъ ружье съ серебряной отдѣлкой и мундиры, которые для большей предосторожности положены были подъ подушку. Все это было сдѣлано такъ ловко, что офицеры даже и не проснулись. Всѣ двѣнадцать часовыхъ заявили утромъ, что не замѣтили ничего подозрительнаго".

Время, которое Ла-Перузъ разсчитывалъ провести въ этой бухтѣ, названной имъ „Французскимъ портомъ", приходило къ концу. Астрономическія наблюденія, промѣры, съемки и чертежи были уже почти готовы. Передъ отплытіемъ изъ бухты Ла-Перузъ хотѣлъ, однако, ознакомиться въ подробности съ ея прибрежьемъ. Ему казалось, что въ бухту непремѣнно должна впадать большая рѣка, по которой можно будетъ проникнуть далеко вглубь страны. Выяснилось однако, что предполагаемое имъ устье рѣки было на самомъ дѣлѣ устьемъ ледника, спускавшагося съ вершины сосѣдней горы.

Здоровье матросовъ и офицеровъ на обоихъ французскихъ корабляхъ было превосходное, и вообще можно было подумать, что экспедиціи, какъ говорится, бабушка ворожила.

„Мы,—говоритъ Ла-Перузъ,—считали себя счастливѣйшими изъ мореплавателей, такъ какъ, достигнувъ столь отдаленныхъ странъ, не имѣли ни одного больного. У насъ не было даже и отдѣльнаго случая заболѣванія цынгою. Никто не предвидѣлъ, что мы находимся наканунѣ ужасающаго бѣдствія"...

На картѣ Французскаго порта, составленной Маннерономъ и Бернизе, оставалось только нанести промѣры. Работу эту надлежало выполнить морскимъ офицерамъ. Ла-Перузъ командировалъ для этого три шлюпки подъ начальствомъ д'Экюра, Маршенвиля и Бутена. Зная горячность д'Экюра и чрезмѣрное его усердіе къ службѣ, Ла-Перузъ передъ самымъ отплытіемъ шлюпокъ совѣтовалъ ему быть поосторожнѣе и не приступать къ промѣрамъ у входа въ бухту иначе, какъ если тамъ не будетъ сильнаго прибоя.

Шлюпки отправились для производства промѣровъ уже въ шесть часовъ утра. Офицеры, находившіеся на шлюпкахъ, разсматривая эту командировку какъ увеселительную прогулку, собирались охотиться на берегу и позавтракать тамъ въ лѣсу.

„Въ 10 часовъ утра,—говоритъ Ла-Перузъ,—я увидѣлъ, что

маленькая наша шлюпка идетъ обратно. Не ожидая столь скораго возвращенія, я нѣсколько удивился и, прежде чѣмъ г. Бутенъ успѣлъ взойти на корабль, обратился къ нему съ вопросомъ: не случилось ли чего-нибудь особеннаго? Мнѣ тотчасъ-же пришло на мысль, что лодки наши могли подвергнуться нападенію дикарей. Вглядѣвшись пристальнѣе въ г. Бутена, я еще болѣе встревожился, такъ какъ лицо его выражало самую глубокую скорбь.

Онъ разсказалъ мнѣ о гибели большой шлюпки съ „Буссоли". Шлюпка эта при немъ пошла ко дну. Самъ онъ избѣгнулъ крушенія лишь потому, что въ минуту опасности сохранилъ все свое хладнокровіе. Слѣдуя за д'Экюромъ, который, какъ старшій въ чинѣ, командовалъ всѣми шлюпками, Бутенъ попалъ вмѣстѣ съ нимъ въ страшный прибой, направлявшійся въ бухту, тогда какъ отливное теченіе выходило оттуда со скоростью трехъ или четырехъ миль въ часъ. Въ эту критическую минуту Бутену пришло въ голову повернуть свою лодку такъ, чтобъ она подставляла волнамъ корму. Такимъ образомъ лодка его могла уступать волнамъ, которыя были не въ состояніи ее захлестнуть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, отливъ постепенно выдвигалъ ее задомъ напередъ изъ бухты".

Г. Бутенъ вскорѣ увидѣлъ себя уже въ открытомъ морѣ. Линія буруновъ оставалась у него впереди. Болѣе заботясь о спасеніи товарищей, чѣмъ о собственной безопасности, онъ направился тогда вдоль буруновъ и вошелъ въ нихъ снова, но былъ опять выброшенъ отливомъ. Онъ взобрался наконецъ на плечи одного изъ матросовъ, чтобъ осмотрѣть возможно большее протяженіе моря, но всѣ старанія его были тщетны. Море уже поглотило свои жертвы... и съ окончаніемъ отлива г. Бутенъ вернулся въ бухту.

„Волненіе у входа въ бухту тѣмъ временемъ стихло, а потому Бутенъ, видѣвшій только гибель шлюпки съ „Буссоли", надѣялся, что шлюпка съ „Астролябіи", быть можетъ, еще и уцѣлѣла. На самомъ дѣлѣ, въ то время, когда лодку д'Экюра опрокинуло, Маршенвиль со шлюпкою „Астролябіи" былъ въ четверти мили отъ буруновъ. Море было тамъ совершенно спокойно, но этотъ офицеръ, побуждаемый великодушіемъ, которое въ данномъ случаѣ привело его лишь къ безцѣльному самопожертвованію, такъ какъ помочь погибающимъ было положительно невозможно, устремился

прямо въ бѣшеный прибой, захлестнувшій уже шлюпку „Астролябіи“, и погибъ въ безуспѣшной попыткѣ выручить своихъ товарищей.

Вскорѣ прибылъ ко мнѣ на корабль командиръ „Астролябіи“, де-Лангль, столь-же удрученный горемъ, какъ и я самъ. Онъ сообщилъ мнѣ со слезами на глазахъ, что насъ постигло еще бо̀льшее бѣдствіе, чѣмъ я предполагалъ первоначально. У насъ вообще было условлено никогда не отправлять обоихъ братьевъ Ла-Борда-Маршенвилля и Ла-Борда-Бутервилье въ одну и ту же командировку. На этотъ разъ, однако, г. де-Лангль отступилъ отъ общаго правила и дозволилъ обоимъ братьямъ погулять и поохотиться вмѣстѣ. И самъ я и командиръ „Астролябіи“, мы оба считали командировку эту въ сущности увеселительною прогулкой и были убѣждены, что шлюпки наши точно также не подвергаются никакой опасности, какъ если-бъ онѣ выѣхали на Брестскій рейдъ и притомъ въ хорошую погоду.

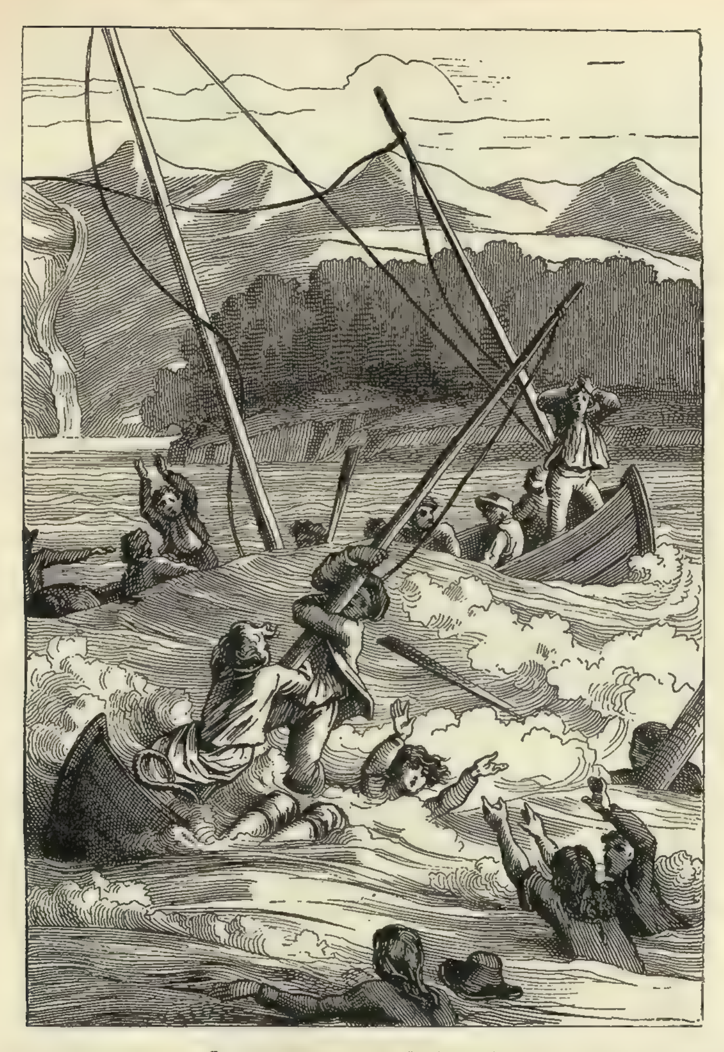
Тотчасъ-же послано было нѣсколько лодокъ на поиски за потерпѣвшими крушеніе. Туземцамъ обѣщаны были большія награды, если имъ удастся кого-нибудь спасти, но возвращеніе лодокъ разсѣяло у насъ послѣднюю возможность самообольщенія, положительно выяснивъ, что обѣ шлюпки погибли со всѣмъ своимъ экипажемъ“.

Черезъ восемнадцать дней послѣ этой катастрофы оба фрегата вышли изъ Французскаго порта. Посреди бухты, на островѣ, который названъ былъ островомъ „Надгробнаго Памятника“, Ла-Перузъ воздвигнулъ монументъ въ память злополучныхъ своихъ товарищей. На этомъ монументѣ вырѣзана была надпись:

«При входѣ въ портъ погибъ двадцать одинъ храбрый морякъ.
Кто-бы вы ни были, оплачьте вмѣстѣ съ нами ихъ участь!»

У подножія памятника зарыта въ землю бутылка, въ которую вложено было описаніе этого печальнаго происшествія.

Французскій портъ лежитъ подъ 58° 37′ сѣверной широты и 139° 50′ западной долготы. Обладая многими преимуществами, онъ также имѣетъ и нѣкоторые недостатки, между которыми первое мѣсто занимаютъ сильныя теченія при входѣ въ бухту. Климатъ тамъ гораздо мягче, чѣмъ, напримѣръ, въ Гудзоновомъ заливѣ подъ тѣмъ-же градусомъ широты. Окрестное прибрежье отличается поэтому замѣчательно могучею растительностью. Сосны



Крушеніе шлюпокъ въ Французскомъ портѣ (Fac-simile съ древней гравюры).

трехъ саженей въ обхватѣ и двадцати саженей въ вышину встрѣчаются сплошь и рядомъ. Селлерей, щавель, волчій бобъ, дикій горохъ, цикорій и губастикъ растутъ тамъ въ изобиліи, такъ-же какъ и множество съѣдобныхъ растеній, употребленіе которыхъ много содѣйствовало сохраненію здоровья экипажей.

Въ морѣ ловится множество лососей, форелей, мелкой трески, палтусовъ и разной другой рыбы.

Въ прибрежныхъ лѣсахъ водятся черные и бурые медвѣди, рыси, горностаи, куницы, бѣлки, бобры, сурки, лисицы, лоси и каменные бараны. Самыми цѣнными мѣхами считаются тамъ: котиковый мѣхъ, шкуры сивучей и бѣлыхъ медвѣдей.

„Встрѣчающіяся здѣсь растенія и животныя,—говоритъ Ла-Перузъ,—вообще говоря, сходны съ тѣми, которыя водятся въ другихъ странахъ, но зато общій характеръ мѣстности представляется во всѣхъ отношеніяхъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Сомнѣваюсь, чтобъ можно было найти гдѣ-либо въ Альпахъ или Пиренеяхъ такіе величественно-грозные и вмѣстѣ съ тѣмъ живописные виды. Если-бъ бухта эта не находилась, такъ сказать, на концѣ свѣта, то ее смѣло можно было бы рекомендовать вниманію туристовъ“.

Что касается до туземцевъ, то Ла-Перузъ отзывается о нихъ не особенно лестно.

„Индѣйцы въ своихъ байдарахъ,—говоритъ онъ,—постоянно вертѣлись около нашихъ фрегатовъ. Они выжидали обыкновенно по три и по четыре часа, прежде чѣмъ продать намъ два или три котиковыхъ мѣха или же небольшое количество рыбы. При этомъ они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ стянуть у насъ что-нибудь, вытаскивали желѣзо отовсюду, гдѣ оно было плохо закрѣплено, и внимательно осматривали, нельзя ли будетъ похитить что-нибудь ночью. Я приглашалъ къ себѣ на корабль туземныхъ старѣйшинъ и осыпалъ ихъ подарками, а между тѣмъ они, находясь у меня въ гостяхъ, никогда не упускали случая украсть какой-нибудь гвоздь или старыя брюки. Когда они корчили добродушную, кроткую мину, я былъ убѣжденъ, что имъ удалось уже что-нибудь стащить, и зачастую дѣлалъ видъ, будто не замѣчаю этого“.

Женщины дѣлаютъ себѣ въ нижней губѣ продольный разрѣзъ во всю ширину челюсти и вставляютъ туда нѣчто въ родѣ деревянной ложки безъ ручки. Ложка эта упирается одной стороной въ десну, а другою выпячивается сквозь прорѣзъ въ губѣ, „вслѣдствіе чего вся нижняя часть рта выдается у нихъ на два или на три вершка впередъ“.

Простоявъ во Французскомъ портѣ болѣе, чѣмъ это было для него желательно, Ла-Перузъ не могъ уже съ такою же тщательностью, какъ прежде, осматривать и снимать на карту всѣ изгибы американскаго прибрежья. Ему надо было во что бы ни

Типы женщинъ Французскаго острова (Fac-simile съ древней гравюры).

стало прибыть въ февралѣ мѣсяцѣ въ Китайскія воды, чтобы заняться слѣдующимъ лѣтомъ съемкой береговъ Манчжуріи.

Тѣмъ не менѣе онъ послѣдовательно осмотрѣлъ и нанесъ на карту входъ въ Крестовый проливъ (гдѣ заканчиваются высокія горы, увѣнчанныя снѣгами), заливъ острововъ Кука, низменный носъ Энганно, выдающійся далеко въ море и заканчивающійся горою св. Гіацинта, гору и мысъ Эджкомба (осмотрѣнные также

и Кукомъ), Норфолькскій проливъ, куда зашелъ въ слѣдующемъ году англійскій мореплаватель Диксонъ, порты Неккера и Гибера, мысъ Чирикова, острова Ла-Кройера (названные такъ въ честь брата знаменитаго географа Делиля, бывшаго спутникомъ Чирикова), острова Санъ-Карлоса, бухту Ла-Туша и мысъ Гектора.

По мнѣнію Ла-Перуза, осмотрѣнные имъ пункты не представляли собою сплошного прибрежья. Дѣйствительно, это былъ обширный архипелагъ, состоящій изъ островов Георга III, островов Принца Уэльскаго и острова Королевы Шарлотты, заканчивающагося къ югу мысомъ Гектора.

Въ виду поздняго времени года Ла-Перузу некогда было въ подробности осматривать всѣ эти земли, но все-таки онъ не ошибся, признавъ ихъ группою острововъ.

Нанеся на карту мысъ Флерье, составляющій оконечность весьма возвышеннаго острова, Ла-Перузъ встрѣтилъ нѣсколько островов, которые назвалъ островами Сартина, и спустился вдоль берега до входа въ Нуткинскій проливъ, который и былъ усмотрѣнъ 25-го августа. Затѣмъ Ла-Перузъ осмотрѣлъ тѣ части американскаго берега, къ которымъ не могъ подойти Кукъ и которыя вслѣдствіе этого не были еще нанесены на карту. Это прибрежное плаваніе было сопряжено съ серьезными опасностями, вслѣдствіе чрезвычайно сильныхъ морскихъ теченій, непозволявшихъ въ разстояніи пяти миль отъ берега управлять кораблемъ даже и при такомъ вѣтрѣ, съ которымъ можно было бы идти по три узла въ часъ.

5-го сентября открыто было девять небольшихъ острововъ, лежащихъ приблизительно въ милѣ отъ Бѣлаго мыса и названныхъ Ла-Перузомъ островами Неккера. Густой туманъ неоднократно вынуждалъ французскіе корабли отдаляться отъ берега, чтобъ не наткнуться нечаянно на какой-нибудь островокъ или утесъ. Такая неблагопріятная погода стояла до самаго прихода „Буссоля“ и „Астролябіи“ въ Монтерейскую бухту, гдѣ находились уже въ то время два испанскихъ корабля.

Въ бухту эту заходило тогда множество китовъ. На морѣ плавали цѣлыя стаи пеликановъ, водившихся въ изобиліи на всемъ калифорнскомъ прибрежьѣ. Гарнизона, состоявшаго изъ 280 человѣкъ конницы, оказывалось вполнѣ достаточно, чтобы держать въ повиновеніи туземное населеніе Калифорніи, прости-

равшееся до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Слѣдуетъ замѣтить, что калифорнскіе индѣйцы, въ большинствѣ случаевъ люди малорослые и слабосильные, не отличались такою страстною любовью къ независимости и самостоятельности, какъ большинство ихъ единоплеменниковъ. Они вели бродячій образъ жизни и стояли на несравненно болѣе низкой ступени художественнаго и промышленнаго развитія, чѣмъ племена, живущія далѣе къ сѣверу. Индѣйцы эти были, однако, очень ловкими охотниками.

„Они великолѣпно стрѣляютъ изъ лука, — говоритъ Ла-Перузъ.—Намъ не разъ случалось видѣть, какъ они убивали стрѣлами самыхъ маленькихъ птичекъ. Правда, что они стрѣляютъ такихъ птичекъ не далѣе какъ за пятнадцать шаговъ и съ замѣчательнымъ терпѣніемъ подкрадываются къ своей дичи на разстояніи выстрѣла.

Въ охотѣ за крупнымъ звѣремъ они выказываютъ еще бóльшую сноровку. Мы видѣли индѣйца, который, надѣвъ на себя вмѣсто шапки оленью голову, шелъ на четверенькахъ, повременамъ останавливаясь какъ-бы для того, чтобъ пощипать травы. Онъ разыгрывалъ роль оленя такъ мастерски, что наши охотники только оттого въ него не выстрѣлили, что были предупреждены заранѣе. Съ помощью такого маневра индѣйцы подкрадываются къ стаду оленей на самое близкое разстояніе и убиваютъ ихъ своими стрѣлами“

Ла-Перузъ въ подробности описываетъ Президіо Лоретской Божіей Матери и калифорнскія миссіи. Описанія эти имѣютъ теперь, впрочемъ, лишь историческое значеніе. Болѣе современный интересъ представляютъ собранныя имъ свѣдѣнія объ урожаѣ овощей и хлѣбовъ въ Калифорніи.

„Урожай кукурузы, ячменя, пшеницы и гороху можетъ сравниться лишь съ урожаемъ этихъ растеній въ Чили. У насъ, въ Европѣ, земледѣльцы даже не могутъ и вообразить себѣ такого изумительнаго плодородія. Въ Калифорніи средній урожай пшеницы бываетъ самъ-70 или самъ-80; самъ-сотъ считается хорошимъ урожаемъ, и самъ-60 бываетъ лишь въ неурожайные годы“.

22-го сентября французскіе фрегаты вышли опять въ море. Благодаря радушію испанскаго губернатора и миссіонеровъ, они запаслись большимъ количествомъ провизіи, которая должна была имъ очень пригодиться на пути изъ Монтерейской бухты до Макао.

Часть океана, по которой пролегалъ путь Ла-Перуза, была въ то время почти совершенно неизвѣстна мореплавателямъ. Правда, она давно уже посѣщалась испанцами, но эгоистическая политика испанскаго правительства не дозволяла обнародовать сдѣланныя тамъ географическія открытія. Какъ-бы ни было, Ла-Перузъ рѣшился идти къ юго-западу, чтобъ отыскать обозначенный на нѣкоторыхъ картахъ островъ „Гортской Богоматери“ (Nustra-Senora de la Gorta).

Послѣ долгихъ и тщетныхъ поисковъ, чрезвычайно затруднявшихся противными вѣтрами, пришлось, однако, отказаться отъ этого намѣренія.

„Наши паруса и снасти, — говоритъ Ла-Перузъ, — ежедневно напоминали, что мы цѣлыхъ шестнадцать мѣсяцевъ уже находимся въ морѣ. У насъ постоянно рвались шкоты и тросы, а наши парусники не успѣвали чинить паруса, пришедшіе въ совершенную ветхость“.

5-го ноября открытъ былъ небольшой островъ или, лучше сказать, утесъ приблизительно въ версту длиною, покрытый толстымъ слоемъ гуано. На немъ не росло ни одного деревца. Островъ этотъ, лежащій подъ 23°34′ сѣверной широты и 166°52′ западной долготы отъ Парижа, названъ былъ островомъ Неккера.

Легкій вѣтерокъ едва колыхалъ гладкую поверхность моря. Ночь была тихая и ясная. Вдругъ въ половинѣ второго часа утра замѣченъ былъ въ двухъ кабельтовахъ отъ носа „Буссоли“ легкій прибой о подводную скалу. Море было такъ спокойно, что, набѣгая на скалу, не производило почти никакого шуму. Лишь отъ времени до времени можно было замѣтить бѣлые гребешки волнъ. Ла-Перузъ приказалъ немедленно поворотить влѣво, но пока успѣли выполнить этотъ маневръ, корабль находился уже всего лишь въ одномъ кабельтовѣ отъ рифа.

„Мы избавились почти чудомъ отъ самой страшной опасности, въ какой только можетъ очутиться когда-либо мореплаватель, — говоритъ Ла-Перузъ. — Нельзя не отдать при этомъ полную справедливость экипажу. Несмотря на критическое положеніе, въ которомъ мы находились, на кораблѣ не было ни малѣйшаго безпорядка или смятенія. Единственно лишь благодаря точности и акуратности, съ которой выполнялись всѣ мои приказанія, мы успѣли еще во-время поворотить корабль! При малѣйшемъ за-

Онъ разыгрывалъ роль оленя такъ мастерски...

медленіи онъ набѣжалъ бы на подводный утесъ и, разумѣется, пошелъ бы ко дну".

Этотъ подводный рифъ не былъ еще до тѣхъ поръ обозначенъ на картахъ. Слѣдовало съ точностью опредѣлить его положеніе, чтобы другіе мореплаватели не могли тоже нечаянно на него наткнуться. Нанеся этотъ рифъ на карту, Ла-Перузъ назвалъ его рифомъ „Французскихъ фрегатовъ".

14-го декабря „Астролябія“ и „Буссоль“ были уже въ виду Маріанскихъ острововъ. Ла-Перузъ подходилъ лишь къ вулканическому острову Вознесенія Господня. Лава образовала тамъ ущелья и пропасти, по краямъ которыхъ росли кой-гдѣ хилыя кокосовыя пальмы и нѣкоторыя другія деревья, такъ перепутанныя ліанами, что по берегу нельзя было, при всемъ стараніи, пройти даже и четверть версты въ часъ. Лодкамъ съ трудомъ лишь удалось пристать къ берегу. Какая-нибудь сотня кокосовыхъ орѣховъ, нѣсколько раковинъ и растеній, собранныхъ тамъ естествоиспытателями, почти не вознаграждали за опасность, которой они подвергались, съѣзжая на этотъ островъ.

Ла-Перузъ спѣшилъ прибыть въ Макао, чтобъ застать тамъ суда, отправляющіяся въ Европу. Ему хотѣлось отослать на нихъ во Францію отчетъ о съемкахъ и наблюденіяхъ, произведенныхъ на американскомъ прибрежьѣ, и о плаваніи отъ Монтерейской бухты до береговъ Китая. Ему некогда было поэтому останавливаться на какомъ-либо другомъ островѣ Маріанскаго архипелага.

Опредѣливъ мимоходомъ широту и долготу острововъ Баши, Ла-Перузъ былъ уже 1-го января 1787 года въ виду Китайскаго прибрежья, а на другой день оба его фрегата бросили якорь на рейдѣ въ Макао.

Ла-Перузъ встрѣтилъ тамъ французскій военный транспортъ подъ командой мичмана де-Ришри, которому было поручено ограждать интересы французской торговли въ китайскихъ водахъ. Городъ Макао слишкомъ извѣстенъ для того, чтобъ стоило о немъ распространяться. Европейцы терпѣли тамъ отъ китайцевъ всевозможныя притѣсненія и униженія, которыя возбуждали негодованіе французскаго мореплавателя противъ низости и деспотизма китайскихъ властей. Ла-Перузъ полагалъ, что наилучшимъ выходомъ изъ такого невыносимаго положенія была бы международная военная экспедиція противъ Китая.

Мѣха, пріобрѣтенные на американскомъ прибрежьѣ, проданы были въ Макао за десять тысячъ піастровъ. Часть этой суммы должна была поступить въ собственность экипажа обоихъ французскихъ фрегатовъ. Директоръ шведской торговой компаніи въ Макао обязался переслать эту сумму на Иль-де-Франсъ. Никому изъ спутниковъ Ла-Перуза не суждено было однако воспользоваться этими деньгами.

Отплывъ 5-го февраля изъ Макао, французскіе корабли на-

правились къ Манильѣ. Осмотрѣвъ мели Пратасъ, Булинао, Мансилохъ и Маривельскую, положеніе которыхъ очень невѣрно указано на картахъ д'Апре, они вынуждены были зайти въ Маривельскій портъ, чтобъ выждать тамъ попутныхъ вѣтровъ или болѣе благопріятныхъ морскихъ теченій. Хотя портъ этотъ находится всего лишь въ одной мили подъ вѣтромъ отъ Кавите, пришлось идти цѣлыхъ три дня до этого послѣдняго порта.

„Мы нашли въ Кавите, — говоритъ Ла-Перузъ, — нѣсколько домовъ, въ которыхъ можно было устроить мастерскія для починки парусовъ, заготовленія солонины и т. п. Отыскалось также удобное помѣщеніе для нашихъ естествоиспытателей и инженеръ-географовъ. Командиръ порта уступилъ собственный домъ для устройства обсерваторіи и отвелъ намъ мѣсто для постройки шлюпокъ. Вообще мы пользовались въ этомъ портѣ такою же неограниченной свободой, какъ на необитаемомъ островѣ, а между тѣмъ, на рынкахъ и въ арсеналѣ, могли получить все, что намъ требовалось, совершенно такъ-же, какъ если-бъ стояли въ одномъ изъ первоклассныхъ европейскихъ портовъ“.

Кавите, важнѣйшій послѣ Манильи городъ на Филиппинскихъ островахъ, столица области того-же имени, былъ тогда въ сущности дрянною деревушкой, гдѣ кромѣ офицеровъ и чиновниковъ не проживало ни одного европейца. Впрочемъ, если городъ представлялся лишь грудой развалинъ, то портъ находился сравнительно еще въ очень хорошемъ состояніи, что было большимъ счастьемъ для французскихъ фрегатовъ. На другой день послѣ своего прибытія Ла-Перузъ, въ сопровожденіи капитана де-Лангля и большинства другихъ своихъ офицеровъ, отправился въ шлюпкѣ въ Манилью съ визитомъ къ губернатору.

„Окрестности Манильи восхитительны, — говоритъ Ла-Перузъ. — Онѣ орошаются прелестной рѣкой, раздѣляющейся на нѣсколько рукавовъ. Два главныхъ рукава соединяются съ Бейскимъ озеромъ или лагуной. Озеро это, находящееся въ семи миляхъ отъ морского прибрежья, лежитъ въ чрезвычайно плодоносной равнинѣ, на которой разбросано болѣе ста туземныхъ деревень.

Городъ Манилья построенъ на берегу залива того-же имени, образующаго дугу длиной болѣе 25 миль. Близъ самаго города впадаетъ въ этотъ заливъ рѣка, судоходная на всемъ своемъ протяженіи вплоть до озера, изъ котораго она вытекаетъ. Трудно

представить себѣ городъ, мѣсто для котораго было бы выбрано болѣе удачнымъ образомъ. Всѣ съѣстные припасы имѣются тамъ въ изобиліи и по самой дешевой цѣнѣ, но зато одежда, разныя европейскія бездѣлушки и мебель продаются непомѣрно дорого. Недостатокъ конкуренціи, запретительныя пошлины и разныя стѣсненія, которымъ подвергается торговля, дѣлаютъ то, что за остъ-индскіе и китайскіе товары приходится платить въ Манильѣ почти такъ же дорого, какъ и въ Европѣ. Немудрено, что при такихъ условіяхъ эта великолѣпная колонія доставляетъ ежегодно испанскому казначейству до полутора милліона чистаго убытка. Громадныя владѣнія испанцевъ въ Америкѣ отвлекаютъ до сихъ поръ ихъ вниманіе отъ Филиппинскихъ острововъ. Острова эти можно сравнить съ помѣстьями, принадлежащими знатному вельможѣ, который не извлекаетъ изъ нихъ никакихъ доходовъ, хотя въ другихъ рукахъ они могли бы обогатить своего хозяина.

Не думаю, чтобъ можно было меня обвинять въ преувеличеніи, если скажу, что держава, которой принадлежали бы только одни Филиппинскіе острова, могла бы, устроивъ на нихъ надлежащіе порядки, смотрѣть безъ малѣйшей зависти на всѣ остальныя европейскія колоніи въ Африкѣ и въ Америкѣ".

9-го апрѣля, узнавъ о прибытіи въ Макао капитана д'Антракасто, пришедшаго съ контръ-муссономъ изъ Иль-де-Франса, и получивъ отъ фрегата „Сюбтиль", кромѣ писемъ и депешъ изъ Европы, подкрѣпленіе изъ восьми матросовъ и двухъ офицеровъ (мичмана Гіе и гардемарина Ле-Габіена), „Буссоль" и „Астролябія" направились въ китайскія воды.

21-го апрѣля усмотрѣнъ былъ островъ Формоза. Ла-Перузъ вошелъ сперва въ проливъ, отдѣляющій этотъ островъ отъ материка. Онъ нашелъ тамъ чрезвычайно опасную отмель, которая была до тѣхъ поръ неизвѣстна мореплавателямъ, и тщательно нанесъ ее на карту. Само собою разумѣется, что для этого ему пришлось произвести множество промѣровъ. Вскорѣ послѣ того французскіе фрегаты прошли мимо бухты, на берегу которой находился прежде голландскій фортъ Зеландія и гдѣ расположена столица Формозы, городъ Тайванъ.

Вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ плаваніе въ Формозскомъ проливѣ было очень затруднительно, а потому Ла-Перузъ рѣшился вернуться назадъ и обогнуть восточное прибрежье этого острова. При этомъ онъ исправилъ невѣрно нанесенное на карты

положеніе островов Пескадоресъ, представляющихъ собою скопленіе скалъ самой причудливой формы, осмотрѣлъ маленькій островъ Ботолъ-Табако-Хима, куда не приставалъ еще ни одинъ путешественникъ, и прошелъ мимо острова Киму, принадлежащаго къ архипелагу Ліу-Кіу, населеніе котораго состоитъ повидимому изъ смѣси китайцевъ съ японцами. Имъ усмотрѣны были также острова Гоа-пинсу и Тяйо-су, того-же архипелага, который въ то время былъ извѣстенъ лишь изъ писемъ іезуитскаго патера Гобиля.

Французскіе фрегаты вступили затѣмъ въ Японское море и направились ко входу въ Корейскій проливъ, отдѣляющій Китай отъ Японіи. Ла-Перузъ встрѣтилъ тамъ сильныя и очень измѣнчивыя морскія теченія и столь же густые туманы, какъ, напримѣръ, у береговъ Лабрадора. У самаго входа въ этотъ проливъ лежитъ островъ Квельпертъ, близъ котораго, въ 1635 году, потерпѣло крушеніе англійское судно „Ястребъ" (Sparrow-Hawk). Ла-Перузъ опредѣлилъ южную оконечность этого острова и съ величайшей тщательностью нанесъ на карту его прибрежье на протяженіи двѣнадцати миль.

„Наврядъ-ли можно найти какой-либо другой, болѣе хорошенькій островъ, — говоритъ Ла-Перузъ. — Посрединѣ острова воздымается гора, имѣющая до 6000 фут. высоты. Гора эта питаетъ нѣсколько ручейковъ. Начиная отъ средняго пика, мѣстность отлого спускается къ берегу, такъ что съ моря островъ съ лежащими на немъ селеніями кажется расположеннымъ въ видѣ амфитеатра. Земля повидимому тамъ воздѣлана до значительной высоты надъ поверхностью моря. Мы видѣли въ подзорныя трубы, что поля раздѣлены на очень мелкіе участки, свидѣтельствующіе о значительномъ населеніи острова. Разнообразные колера воздѣлываемыхъ хлѣбовъ и огородныхъ растеній придавали всей этой картинѣ еще болѣе заманчивый видъ".

Ла-Перузу и его спутникамъ удалось опредѣлить долготу и широту этого острова весьма точными астрономическими наблюденіями. Результатъ этотъ былъ тѣмъ существеннѣе, что Японское море никогда еще не посѣщалось европейскими судами и было извѣстно лишь изъ обнародованныхъ іезуитами туземныхъ японскихъ и китайскихъ картъ.

25-го мая фрегаты вошли въ Корейскій проливъ, берега ко-

тораго были тщательно нанесены на карту съ указаніемъ промѣровъ, производившихся черезъ каждые полчаса.

Слѣдуя очень близко отъ Корейскаго берега, французы могли осмотрѣть его во всей подробности. Они видѣли тамъ между прочимъ нѣсколько укрѣпленій, построенныхъ по европейскому образцу.

27-го мая усмотрѣнъ былъ миляхъ въ двадцати отъ Корейскаго прибрежья островъ, не показанный ни на одной картѣ. Ла-Перузъ назвалъ его островомъ Дажеле.

Французскіе корабли направились послѣ того къ Японскимъ островамъ. Задержанный противными вѣтрами, Ла-Перузъ лишь 6-го іюня могъ усмотрѣть мысъ Ното и островъ Іозисима или Іеззо (Матсмай).

„Мысъ Ното,—говоритъ Ла-Перузъ,—имѣетъ для географіи важное значеніе. Разстояніе между нимъ и мысомъ Набо на восточномъ берегу (положеніе этого мыса было тщательно указано капитаномъ Кингомъ) опредѣлитъ наибольшую ширину острова Іеззо. Мысъ Ното можетъ быть взятъ также за исходную точку при опредѣленіи ширины Татарскаго моря, такъ какъ я намѣренъ идти отъ этого мыса прямо къ берегамъ Манджуріи".

Берегъ Манджуріи усмотрѣнъ былъ 11-го іюня. Мѣсто, къ которому подошли французскіе фрегаты, находилось какъ разъ на границѣ Манджуріи и Кореи. Невдалекѣ отъ берега тянулась цѣпь горъ отъ 3,500 до 4,200 фут. вышиною. Мѣстами вершины ихъ покрыты были еще снѣгомъ. Страна казалась совершенно безлюдной и не представляла никакихъ слѣдовъ обработки. Идя вдоль берега на протяженіи цѣлыхъ сорока миль, Ла-Перузъ не встрѣтилъ никакой рѣчки, которая бы впадала въ море. Между тѣмъ желательно было пристать къ берегу для зоологическихъ, ботаническихъ и минералогическихъ изысканій.

„До 14-го іюня берегъ шелъ въ направленіи с. в. $^1/_4$ с., — говоритъ Ла-Перузъ. — Мы были уже подъ 44° широты и все-таки не дошли до мѣста, гдѣ географы помѣщаютъ проливъ Тессуа. Между тѣмъ мы находились на 5° западнѣе долготы, указанной для этого воображаемаго пролива. Необходимо, слѣдовательно, урѣзать Манджурію на цѣлыхъ 5° и прибавить ихъ къ ширинѣ пролива, отдѣляющаго материкъ отъ острововъ, находящихся къ сѣверу отъ Японіи".

На всемъ протяженіи прибрежья не видно было никакихъ

слѣдовъ человѣческаго жилья. На морѣ не замѣчено было ни единой лодки. Страна, покрытая великолѣпными лѣсами и роскошною растительностью, казалась совершенно необитаемой.

23-го іюня „Буссоль“ и „Астролябія“ бросили якорь въ заливѣ, лежащемъ подъ 45° 13′ сѣверной широты и 135° 9′ восточной долготы и названномъ заливомъ Тернея.

„Мы горѣли нетерпѣніемъ,—говоритъ Ла-Перузъ,—осмотрѣть эту землю, о которой мечтали съ самаго отплытія нашего изъ Франціи. Это былъ единственный неизслѣдованный еще уголокъ земного шара, ускользнувшій отъ неутомимой энергіи капитана Кука. Надо полагать, что если-бъ знаменитый англійскій мореплаватель не погибъ безвременной смертью на открытыхъ имъ Гавайскихъ островахъ, то намъ не удалось бы оказаться первыми посѣтителями Манджурскаго прибрежья.

Тернейскій заливъ состоитъ изъ пяти маленькихъ бухточекъ, которыя отдѣляются одна отъ другой холмами, до самой вершины поросшими лѣсомъ. Во Франціи никогда не удавалось намъ видѣть, ни весною, ни лѣтомъ, такихъ дивныхъ и разнообразныхъ оттѣнковъ зеленой листвы. Прежде чѣмъ шлюпки наши успѣли подойти къ берегу, мы внимательно разсматривали его въ подзорныя трубы, но видѣли только оленей и медвѣдей, спокойно бродившихъ по опушкѣ лѣса... Растенія были тѣ-же, какъ и у насъ въ Европѣ, но только казались болѣе могучими и зелеными. Большинство изъ нихъ находилось въ то время въ полномъ цвѣту.

На каждомъ шагу встрѣчались намъ розы, желтыя и красныя лиліи, ландыши и вообще всѣ дорогіе сердцу родные полевые цвѣты. Вершины горъ увѣнчаны были соснами, дубы попадались только по склонамъ горъ и утрачивали по мѣрѣ приближенія къ морскому берегу свою красоту и могучій ростъ. Вдоль ручьевъ и рѣчекъ росли ивы, березы и клены, а на опушкѣ лѣса красовались цвѣтущія яблони и боярышники, рядомъ съ большими кустами орѣшника, на которомъ завязались уже плоды“.

Возвращаясь съ рыбной ловли, французы случайно увидѣли неподалеку отъ берега туземную могилу. Побуждаемые любопытствомъ, они разрыли ее и нашли тамъ два скелета, лежавшихъ рядомъ и завернутыхъ въ медвѣжьи шкуры. На головахъ у этихъ скелетовъ одѣты были шелковыя ермолки, а къ поясу привѣшены мелкія китайскія монеты и мѣдныя украшенія. Въ той-же могилѣ найдено было штукъ десять серебряныхъ браслетъ,

желѣзный ножъ, топоръ и разныя другія мелочи, въ томъ числѣ небольшой, наполненный рисомъ мѣшокъ изъ синей китайки.

Утромъ 27-го іюня Ла-Перузъ покинулъ эту уединенную бухту, насыпавъ на берегу маленькій курганъ, возлѣ котораго зарыто было въ землю нѣсколько медалей. На курганѣ поставленъ былъ столбъ съ надписью, обозначавшей день и годъ прибытія французскихъ фрегатовъ въ эту бухту.

Нѣсколько далѣе къ сѣверу шлюпки, высланныя на рыбную ловлю, поймали болѣе 800 штукъ трески, которая была тотчасъ-же посолена. Тамъ же найдено было множество великолѣпныхъ жемчужныхъ раковинъ.

Послѣ кратковременной стоянки въ бухтѣ Сюффрена, лежащей подъ 47° 51′ сѣверной широты и 137° 25′ восточной долготы, Ла-Перузъ открылъ 6-го іюля островъ, оказавшійся Сахалиномъ. Берегъ его такъ же изобиловалъ лѣсами, какъ и противоположное Манджурское прибрежье. Внутри острова, въ значительномъ разстояніи отъ берега, воздымались высокія горы. Самая высокая изъ нихъ названа была пикомъ Ламанона. Мѣстами въ лѣсу виднѣлись хижины и взвивались дымки. Капитанъ де-Лангль въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ съѣхалъ поэтому на берегъ и осмотрѣлъ нѣсколько хижинъ. Тамъ не нашли, однако, ни одной души. Туземцы бѣжали въ лѣсъ, очевидно, незадолго до прибытія французовъ, такъ какъ зола въ ихъ кухонныхъ очагахъ не успѣла еще остыть.

Оставивъ въ хижинахъ нѣсколько подарковъ, французы вернулись опять на берегъ и собирались уже сѣсть въ шлюпку, когда подплыла къ берегу лодка съ семью островитянами, которые, очевидно, нимало не боялись чужеземныхъ гостей.

„Въ числѣ ихъ,—говоритъ Ла-Перузъ,—было двое стариковъ съ длинными бѣлыми бородами, одѣтыхъ въ ткань изъ древесной коры, очень похожую на тонкія цыновки, которыя выдѣлываются на Мадагаскарѣ. Двое другихъ островитянъ носили голубые нанковые халаты китайскаго покроя и вообще одеждой напоминали китайцевъ, на остальныхъ же были длинные халаты, застегнутые на пуговкахъ и стянутые поясомъ. Халаты эти доходили почти до земли, а потому счастливые обладатели ихъ избавлены были отъ необходимости носить исподнее платье. Всѣ они были съ непокрытыми головами. Впрочемъ, у одного или у двухъ туземцевъ надѣта была на головѣ узенькая повязка

изъ медвѣжьяго мѣха. Передняя часть головы и макушка были у нихъ выбриты, тогда какъ волосы на затылкѣ имѣли въ длину отъ 8 до 10 вершковъ. Мода эта отличалась отъ китайской тѣмъ, что китайцы оставляютъ на затылкѣ лишь круглый пукъ волосъ, который называется у нихъ кентсекъ и заплетается въ косу. Всѣ островитяне носили сапоги изъ тюленьей шкуры. Сапоги эти были въ китайскомъ вкусѣ и очень изящной работы.

Островитяне были вооружены луками, копьями и стрѣлами съ желѣзными наконечниками. У старѣйшаго изъ нихъ, къ которому остальные относились съ большимъ уваженіемъ, сильно болѣли глаза. Что-бъ защитить ихъ отъ солнца, онъ носилъ на головѣ повязку съ козырькомъ. Въ обращеніи съ французами туземцы выказали большое радушіе. Манеры ихъ отличались серьезной и благородной пристойностью. Де-Лангль обѣщалъ туземцамъ, что навѣститъ ихъ на слѣдующій день. Онъ дѣйствительно съѣхалъ на берегъ съ Ла-Перузомъ и большинствомъ остальныхъ офицеровъ. Свѣдѣнія, полученныя ими отъ островитянъ, были настолько интересны, что побудили Ла-Перуза продолжать свои изслѣдованія далѣе къ сѣверу.

„Намъ удалось объяснить островитянамъ,—говоритъ Ла-Перузъ, — что мы хотѣли-бы узнать очертаніе ихъ земли и противоположнаго манджурскаго берега. Одинъ изъ стариковъ тогда всталъ и концомъ своей пики провелъ длинную черту въ направленіи приблизительно съ сѣвера на югъ, долженствовавшую изображать берегъ Манджуріи. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ востоку отъ этой черты онъ провелъ въ томъ же направленіи западный берегъ своего острова и, положивъ руку на грудь, объяснилъ знаками, что это и есть его земля. Между островомъ и Манджуріей онъ оставилъ проливъ и, повернувшись къ нашимъ кораблямъ, которые были видимы съ берега, указалъ чертою, что они могутъ пройти сквозь этотъ проливъ. Къ югу отъ своего острова онъ начертилъ другой островъ, отдѣливъ его также судоходнымъ проливомъ.

Старикъ отвѣчалъ на наши вопросы съ замѣчательнымъ умѣньемъ, но все-таки его перещеголялъ въ этомъ отношеніи другой островитянинъ, лѣтъ приблизительно тридцати отъ роду. Видя, что изображенія на пескѣ снова засыпаются, онъ взялъ у насъ карандашъ и бумагу и начертилъ свой островъ, при чемъ сообщилъ, что островъ этотъ называется Чака. Затѣмъ онъ от-

мѣтилъ черточкой рѣчку, на берегу которой мы находились, и указалъ, что устье ея лежитъ нѣсколько ближе къ южной окраинѣ острова и приходится почти на двухъ третяхъ его длины. Послѣ этого онъ изобразилъ Манджурскій берегъ, оставивъ, какъ и старикъ, проливъ между этимъ берегомъ и островомъ. Къ великому нашему удивленію, онъ начертилъ также рѣку Амуръ или, какъ онъ ее называлъ, Сахалинъ и помѣстилъ ея устье нѣсколько южнѣе сѣверной окраины своего острова.

Мы освѣдомлялись у него о ширинѣ пролива и старались знаками объяснить свое желаніе. Онъ прекрасно насъ понялъ и, разставивъ руки въ разстояніи двухъ или трехъ вершковъ одну отъ другой, заявилъ, что обозначаетъ такимъ образомъ ширину протекавшей тутъ-же маленькой рѣчки. Раздвинувъ руки пошире, онъ сказалъ, что это будетъ ширина рѣки Сахалина, а наконецъ, разставивъ ихъ еще болѣе, указалъ намъ относительную ширину пролива, отдѣляющаго его островъ отъ Манджуріи.

Мы съ господиномъ де-Ланглемъ полагали, что слѣдуетъ непремѣнно убѣдиться, дѣйствительно-ли островъ, вдоль берега котораго мы шли, тотъ самый, который географы назвали Сахалиномъ, не подозрѣвая, что онъ такъ далеко простирается на югъ. Я распорядился, чтобъ оба фрегата на другой же день отправились далѣе къ сѣверу. Бухта, гдѣ мы стояли на якорѣ, названа была бухтой де-Лангля, въ честь капитана, который первый открылъ ее и первый сошелъ тамъ на берегъ.

Продолжая идти вдоль берега острова Чаки, мы нашли другую бухту, которая была названа бухтой д'Эстена. Шлюпки наши пристали неподалеку отъ деревушки, состоявшей изъ десяти или двѣнадцати хижинъ, болѣе просторныхъ, чѣмъ видѣнныя нами прежде. Каждая изъ этихъ хижинъ состояла изъ двухъ помѣщеній: въ заднемъ находился кухонный очагъ, горшки и другая домашняя утварь, а вдоль стѣнъ тянулись лавки; передняя же свѣтлица была совершенно пустая и предназначалась вѣроятно для пріема гостей. Мужчинъ въ деревушкѣ не было; что же касается женщинъ, то онѣ, увидѣвъ чужеземцевъ, бѣжали въ лѣсъ. Догнавъ двухъ изъ нихъ, французы успокоили ихъ и срисовали затѣмъ съ нихъ портреты. Лица этихъ дамъ значительно отличались отъ европейскаго типа, но все-таки имѣли довольно пріятное выраженіе. Впрочемъ, глаза у островитянокъ были узкіе, губы толстыя и притомъ верхняя губа татуирована или же просто раскрашена.

Онъ концомъ своей пики провелъ длинную черту...

Де-Лангль вскорѣ нашелъ на берегу, возлѣ четырехъ большихъ лодокъ, нагруженныхъ копченой рыбой, нѣсколькихъ мужчинъ, стаскивавшихъ лодки въ воду. Оказалось, что это были манджуры съ береговъ рѣки Сахалина. Во время прогулки по острову французы видѣли площадку, окруженную пятнадцатью или двадцатью кольями съ насаженными на нихъ медвѣжьими головами. По мнѣнію Ла-Перуза, это были трофеи, долженство-

вавшіе напоминать о побѣдѣ, одержанной туземцами надъ медвѣдями.

Близъ берега ловилось много трески, а въ устьѣ сосѣдней рѣчки поймано было громадное количество лососей.

Осмотрѣвъ бухту Жонкьера, Ла-Перузъ бросилъ якорь въ бухтѣ де-Кастри. Запасъ прѣсной воды приходилъ у него къ концу; въ дровахъ тоже ощущался недостатокъ. Чѣмъ далѣе заходили французскіе фрегаты въ проливъ, отдѣляющій Сахалинъ отъ материка, тѣмъ меньшую глубину они тамъ встрѣчали. Ла-Перузъ заключилъ изъ этого, что ему не удастся обогнуть Сахалинъ съ сѣвера, такъ что придется, пожалуй, повернуть назадъ и обогнуть этотъ островъ съ юга. Во всякомъ случаѣ онъ не намѣренъ былъ оставаться въ бухтѣ де-Кастри болѣе пяти дней, разсчитывая, что успѣетъ въ продолженіе этого времени запастись всѣмъ необходимымъ.

Пока плотники заготовляли дрова, а матросы наливали бочки прѣсной водой, Манперонъ и Ла-Перузъ занимались астрономическими наблюденіями во временной обсерваторіи, которую устроили па маленькомъ островѣ въ глубинѣ бухты.

Туземцы, называвшіе себя „орочами“, жили въ хижинахъ, возлѣ каждой изъ которыхъ устроена была сушильня для рыбы. Они заготовляли впрокъ преимущественно лососей, которыхъ коптили три или четыре дня надъ очагомъ посреди хижины, а потомъ засушивали на солнцѣ, послѣ чего рыба вскорѣ становилась жесткою какъ дерево. Работой этой занимались исключительно женщины.

„Орочи ловили рыбу сѣтями и острогами въ той-же рѣкѣ, гдѣ и мы,—говоритъ Ла-Перузъ.—Они тутъ-же на мѣстѣ съ жадностью пожирали переднюю часть головы, жабры, плавники, а иногда и всю шкуру лосося (которую снимали замѣчательно ловко) и обсасывали со всѣхъ этихъ частей слизь съ такимъ-же аппетитомъ, съ какимъ мы глотаемъ устрицъ. Бóльшая часть рыбы доставлялась въ хижину уже безъ шкуры, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ловъ былъ уже особенно обиленъ. Тогда женщины съ такою-же жадностью набрасывались на цѣлыхъ рыбъ и столь-же отвратительнымъ образомъ пожирали всѣ слизистыя части, которыя считаются у нихъ особеннымъ лакомствомъ.

Орочи очень нечистоплотны и отличаются крайнимъ зловоніемъ. Я нигдѣ не встрѣчалъ людей болѣе слабаго сложенія и

Типы орочей (Fac-simile съ древней гравюры).

вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе удаленныхъ отъ нашего типа красоты. Средній ихъ ростъ ниже четырехъ футовъ десяти дюймовъ; тѣло у нихъ худощавое, голосъ слабый и пронзительный, словно дѣтскій; выдающіяся скулы, маленькіе, гноящіеся, прорѣзанные наискось глаза, большой ротъ, приплюснутый носъ, маленькій подбородокъ, на которомъ почти нѣтъ бороды, и, наконецъ,

оливковый цвѣтъ кожи, пропитанной насквозь жиромъ и дымомъ,—все это, взятое вмѣстѣ, производитъ съ непривычки довольно непріятное впечатлѣніе. Они носятъ длинные волосы и заплетаютъ ихъ въ косы приблизительно такъ-же, какъ это дѣлается у насъ во Франціи. Женщины обыкновенно не заплетаютъ волосъ, а лишь зачесываютъ ихъ назадъ, такъ чтобъ они падали на плечи. Набросанный мною портретъ одинаково вѣрно изображаетъ какъ мужчинъ, такъ и прекрасный полъ. Женщины здѣсь такъ походятъ на мужчинъ, что ихъ было бы трудно отличить, если-бъ не было маленькой разницы въ костюмѣ. Американскія индѣянки утрачиваютъ женственную свою прелесть вслѣдствіе того, что ихъ обременяютъ непосильною тяжкою работой. У орочей положеніе женщины гораздо благопріятнѣе, такъ что не мѣшало бы имъ сохранять свои прелести, если-бъ природа надѣлила ихъ таковыми.

Работа ихъ ограничивается кройкой и шитьемъ одежды, сушеньемъ рыбы и уходомъ за дѣтьми, которыхъ онѣ кормятъ грудью до трехлѣтняго или даже до четырехлѣтняго возраста. Я очень удивился, когда увидѣлъ, что довольно большой мальчуганъ, только что передъ тѣмъ довольно мѣтко стрѣлявшій изъ лука и отколотившій палкой собаку, побѣжалъ къ своей матери, уложившей спать пяти или шестимѣсячнаго ребенка, и началъ сосать у ней грудь“.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ Ла-Перузомъ отъ туземцевъ племени бичи и отъ орочей, оказывалось, что сѣверная оконечность Сахалина соединяется съ материкомъ песчаною отмелью, поросшей морскою травой. Глубина воды поверхъ отмели достаточна для туземныхъ лодокъ, но Ла-Перузъ не рѣшился идти туда со своими фрегатами, тѣмъ болѣе, что и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, лагъ показывалъ всего лишь 36 фут. глубины. Оставалось, однако, выяснить еще одинъ пунктъ, интересный въ географическомъ отношеніи, а именно — съ точностью опредѣлить положеніе южной оконечности острова Сахалина, берегъ котораго былъ осмотрѣнъ лишь до бухты Лангля, лежащей подъ 47°49′ сѣверной широты.

Выйдя 2-го августа изъ бухты де-Кастри, „Астролябія“ и „Буссоль“ направились къ югу. Онѣ послѣдовательно открыли и осмотрѣли островъ Моннерона и носъ де-Лангля, обогнули южную оконечность Сахалина, названную мысомъ Крильона, и вошли въ

проливъ между Іеззо и Оку-Іеззо или Сахалиномъ, названный Ла-Перузовымъ проливомъ. Опредѣленіе южной оконечности острова Сахалина и открытіе Ла-Перузова пролива разрѣшили спорный вопросъ, очень интересовавшій тогдашнихъ географовъ. Вообще въ то время объ очертаніи береговъ Кореи, Манджуріи, Сахалина и сѣверныхъ Японскихъ острововъ имѣлось лишь самое смутное понятіе. Такъ, извѣстный географъ Сансонъ изображалъ Корею въ видѣ острова и вовсе игнорировалъ существованіе Камчатки, Сахалина и Матсмая. Делиль, въ свою очередь, соединялъ Матсмай и Сахалинъ въ одинъ островъ, заканчивавшійся къ югу у Сангарскаго пролива. Бюашъ въ своихъ „Географическихъ Соображеніяхъ“ (стр. 105) говоритъ: „островъ Іеззо или Матсмай передвигали послѣдовательно на востокъ, на югъ, на западъ и, наконецъ, отбросили его далеко на сѣверъ...“

Это былъ настоящій хаосъ, въ которомъ удалось водворить окончательно порядокъ лишь благодаря экспедиціи Ла-Перуза.

Французы вступали въ сношенія съ туземцами, встрѣченными ими въ окрестностяхъ мыса Крильона. Ла-Перузъ нашелъ ихъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи гораздо развитѣе орочей съ залива де-Кастри, но зато не столь гостепріимными и даровитыми.

„Они ведутъ большую мѣновую торговлю китовымъ жиромъ, составляющимъ главное ихъ богатство,—говоритъ Ла-Перузъ.— Въ то время какъ въ Татарскомъ проливѣ туземное населеніе совсѣмъ незнакомо съ китовымъ промысломъ, островитяне окрестностей мыса Крильона добываютъ большое количество китовъ. Туземный способъ извлеченія жира нельзя признать, однако, особенно выгоднымъ. Они разрѣзаютъ китовое мясо на куски и раскладываютъ эти куски гдѣ-нибудь на покатости, лежащей на полдень; тамъ они гніютъ, и вытекающее изъ нихъ масло собирается въ сосуды изъ древесной коры или же въ бурдюки изъ тюленьихъ шкуръ“.

Осмотрѣвъ мысъ, названный голландцами Анивой, французскіе фрегаты прошли вдоль безплоднаго, пустыннаго и безлѣснаго острова, называемаго Землею Компаніи, и вскорѣ находились уже въ виду Курильскихъ острововъ. Пройдя сквозь цѣпь этихъ острововъ между Марикановъ и островомъ Четырехъ Братьевъ, Ла-Перузъ назвалъ этотъ проливъ, удобнѣйшій изъ всѣхъ въ этомъ архипелагѣ, каналомъ „Сердитой“ (Boudeuse).

3-го сентября усмотрѣно было прибрежье Камчатки, „неприглядной страны", гдѣ глазъ съ ужасомъ останавливается на громадныхъ утесахъ, которые въ началѣ сентября были еще покрыты снѣгами и, сколько можно судить, никогда не одѣвались зеленью.

Три дня спустя усмотрѣна была Авачинская или Петропавловская бухта. Съ прибытіемъ туда астрономы занялись наблюденіями, а естествоиспытатели — очень труднымъ и опаснымъ восхожденіемъ на сопку, находившуюся въ восьми миляхъ далѣе вглубь страны. Офицеры, которыхъ служба не удерживала на корабляхъ, забавлялись охотой и рыбной ловлей. Благодаря радушію мѣстныхъ русскихъ властей французамъ скучать было некогда.

„Насъ пригласили,—говоритъ Ла-Перузъ,—на балъ, данный въ честь нашего прибытія всѣмъ петропавловскимъ дамамъ, безъ различія происхожденія. Дамъ этихъ оказалось немного, но онѣ представляли поистинѣ замѣчательную коллекцію. Тринадцать дамъ, разодѣтыхъ въ шелковыя платья, сидѣли на скамьяхъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ комнатъ. Три изъ нихъ были русскія по происхожденію, остальныя же десять—широколицыя камчадалки съ маленькими глазками и приплюснутыми носами. Головы у тѣхъ и другихъ были повязаны платками, въ родѣ того, какъ это дѣлаютъ мулатки въ нашихъ колоніяхъ... Балъ начался русскими танцами подъ музыку, мелодія которой намъ очень понравилась и напоминала собою казачекъ, слышанный нами въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Русскіе танцы смѣнились камчадальскими, которые можно сравнить развѣ лишь съ судорожными кривляньями юродивыхъ на гробницѣ св. Медара. Здѣшнимъ камчатскимъ танцорамъ нужны только руки и плечи, ногъ же они почти вовсе не двигаютъ. Судорожныя движенія и подергиванія производятъ на зрителей тягостное впечатлѣніе, еще болѣе усиливающееся вслѣдствіе болѣзненныхъ воплей, которые вырываются у этихъ танцовщицъ изъ груди и употребляются взамѣнъ музыки для соблюденія такта. Пляска эта настолько утомительна, что съ танцовщицъ потъ льется ручьями, дѣло доходитъ до того, что онѣ подъ-конецъ падаютъ въ изнеможеніи на землю. Обильное испареніе, выдѣляемое при такой усиленной гимнастикѣ кожею этихъ красавицъ, наполняетъ всю залу запахомъ рыбьяго жира, который, надо сознаться, съ непривычки не кажется особенно привлекательнымъ для европейскихъ носовъ".

Балъ остановился въ самомъ разгарѣ вслѣдствіе пріѣзда курьера изъ Охотска. Письма и депеши, полученныя съ этимъ курьеромъ, содержали между прочимъ извѣстіе о производствѣ Ла-Перуза въ контръ-адмиралы.

Во время этой стоянки французскіе моряки навѣстили могилу члена академіи наукъ Делиля де-Ла-Кройера, умершаго въ Камчаткѣ въ 1741 году на возвратномъ пути изъ экспедиціи, предпринимавшейся по распоряженію русскаго правительства, для снятія на карту сосѣдняго американскаго прибрежья. На могилу Делиля положена была французами гравированная мѣдная доска. Такимъ же образомъ воздали они честь также и могилѣ англійскаго мореплавателя, капитана Клерка, который былъ сперва помощникомъ Кука, а потомъ заступилъ его мѣсто.

„Авачинская губа,—говоритъ Ла-Перузъ,—безъ сомнѣнія, самая прелестная, удобная и безопасная во всемъ свѣтѣ. Входъ въ нее настолько узокъ, что корабли должны непремѣнно проходить подъ выстрѣлами съ фортовъ, которые могутъ быть построены на берегахъ. Грунтъ тамъ глинистый и очень удобный для якорной стоянки. Два обширныхъ порта — одинъ въ восточной, а другой въ западной бухтѣ—могли бы разомъ вмѣстить всѣ суда англійскаго и французскаго военныхъ флотовъ.

29-го сентября 1787 года „Буссоль“ и „Астролябія“ вышли опять въ море. Русскій вице-консулъ Лессепсъ, сопровождавшій до сихъ поръ Ла-Перуза, разстался съ нимъ въ Петропавловскѣ и поѣхалъ оттуда сухимъ путемъ во Францію. Это было очень продолжительное и трудное путешествіе, особенно если принять во вниманіе позднее время года.

Ла-Перузу хотѣлось отыскать землю, открытую испанцами въ 1620 году. Оба фрегата долго крейсировали подъ 37°30′ сѣверной широты и прошли подъ этою параллелью около 300 миль, но не нашли никакихъ признаковъ земли. Затѣмъ они пересѣкли въ третій разъ экваторъ, прошли по тому самому мѣсту, гдѣ Байронъ указываетъ Опасные острова, но тоже ихъ тамъ не видали и, наконецъ, 6-го декабря, усмотрѣли открытый Бугэнвиллемъ архипелагъ Мореплавателей. Оба корабля были тотчасъ-же окружены туземными байдарами. Островитяне далеко не показались Ла-Перузу красавцами.

„Я видѣлъ между ними всего лишь двухъ женщинъ, — говоритъ онъ, — и у обѣихъ черты лица были довольно грубыя. У

младшей изъ нихъ, повидимому, лѣтъ 18-ти отъ роду, была на ногѣ отвратительная язва. Многіе островитяне страдали такими язвами, являющимися, можетъ быть, первою стадіей проказы. По крайней мѣрѣ у двоихъ туземцевъ ноги были изъязвлены и такъ распухши, что относительно характера его болѣзни не могло быть никакихъ сомнѣній. Островитяне эти очень довѣрчивы. Они подплывали въ своихъ байдарахъ весьма близко къ нашимъ кораблямъ, хотя и не имѣли при себѣ оружія. По всему видно, что они такого же миролюбиваго характера, какъ жители острововъ Товарищества и острововъ Дружбы".

9-го декабря „Буссоль" и „Астролябія" стали на якорь близъ острова Мауны. На другой день восходъ солнца предвѣщалъ прекрасную погоду. Ла-Перузъ рѣшился воспользоваться ею, чтобъ осмотрѣть островъ, запастись прѣсной водой и затѣмъ снова выйти въ море, такъ какъ якорная стоянка была слишкомъ плоха, чтобъ было желательно провести на ней и слѣдующую ночь. Принявъ всѣ надлежащія мѣры предосторожности, Ла-Перузъ съѣхалъ на берегъ тамъ, гдѣ его матросы наполняли бочки прѣсною водой. Что касается капитана де-Лангля, то онъ поѣхалъ на шлюпкѣ въ маленькую бухточку, которую замѣтилъ приблизительно въ милѣ оттуда. „Эта прогулка, — говоритъ Ла-Перузъ,—съ которой де-Лангль вернулся очарованный живописностью осмотрѣннаго имъ селенія, послужила причиною всѣхъ нашихъ несчастій".

На берегу завязалась весьма оживленная мѣновая торговля. Островитяне и островитянки продавали французамъ куръ, попугаевъ, поросятъ, плоды и разныя туземныя издѣлія. Тѣмъ временемъ, одинъ изъ туземцевъ, забравшись въ шлюпку, схватилъ тамъ деревянную колотушку и принялся тузить изо всей силы сторожевого матроса. Четверо матросовъ, подоспѣвшихъ на помощь къ своему товарищу, схватили этого буяна и, раскачавъ его хорошенько, бросили въ воду.

Ла-Перузъ, въ сопровожденіи цѣлой толпы стариковъ, женщинъ и дѣтей, прошелъ довольно далеко внутрь острова и остался очень доволенъ своею прогулкой въ этомъ дивномъ краѣ, гдѣ земля безъ всякой обработки доставляла жителямъ съ избыткомъ все необходимое и гдѣ прекрасный климатъ дозволялъ имъ обходиться безъ всякой одежды.

Хлѣбное дерево, кокосовыя пальмы, бананы, гойявы и апель-

синныя деревья снабжали этихъ счастливцевъ здоровой и обильной пищей, которую они могли разнообразить мясомъ куръ, собакъ и свиней, кормившихся избыткомъ древесныхъ плодовъ.

Весь первый день прошелъ безъ серьезныхъ столкновеній съ туземцами. Были кой-какія ссоры, но, благодаря сдержанности и осторожности французовъ, онѣ благополучно уладились. Какъ уже упомянуто, Ла-Перузъ хотѣлъ къ вечеру выйти въ море и отдалъ соотвѣтственное распоряженіе, но капитанъ де-Лангль, ссылаясь на необходимость пополнить запасы прѣсной воды, просилъ его обождать еще день.

Де-Лангль держался системы капитана Кука; онъ считалъ свѣжую воду гораздо здоровѣй той, которая долго пробыла въ трюмѣ. У нѣсколькихъ человѣкъ изъ экипажа „Астролябіи“ показались легкіе признаки цынги. Въ виду этого обстоятельства онъ считалъ особенно необходимымъ соблюдать всѣ мѣры гигіенической предосторожности.

Какое-то предчувствіе побуждало сперва Ла-Перуза не соглашаться на дальнѣйшее промедленіе. Однако онъ уступилъ наконецъ настояніямъ де-Лангля, заявившаго, что если больнымъ станетъ хуже, то отвѣтственность за это должна будетъ лечь на командира экспедиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ де-Лангль объяснилъ, что бухта, куда онъ намѣренъ отправиться за водой, чрезвычайно удобна, что онъ самъ приметъ начальство надъ экспедиціей и все дѣло будетъ окончено въ какихъ-нибудь три часа.

„Капитанъ де-Лангль, — говоритъ Ла-Перузъ, — отличался всегда такимъ извѣданнымъ благоразуміемъ и былъ настолько опытный морякъ, что не счелъ себя въ правѣ противиться его желаніямъ и уступилъ... На другой день наша шлюпка и баркасъ, подъ командой гг. Бутена и Мутона, отправились съ „Астролябіи“ къ берегу. На нихъ находились всѣ цынготные больные, а кромѣ того шесть морскихъ солдатъ и каптенармусъ, всего же въ общей сложности двадцать восемь человѣкъ. Главное начальство надъ экспедиціей принялъ самъ де-Лангль. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхали гг. Ломанокъ, Коллине и де-Вожуа, хотя они и чувствовали себя не совсѣмъ здоровыми. Де-Лангль взялъ съ своего корабля тоже шлюпку и баркасъ подъ командой Легобіена, котораго сопровождали Ла-Мартиньеръ и Лаво. Всего же въ эту экспедицію отправилось болѣе шестидесяти человѣкъ.

Де-Лангль снабдилъ всѣхъ ихъ ружьями и помѣстилъ на

шлюпкахъ и баркасахъ шесть фальконетовъ. Приближаясь къ берегу, онъ самъ и всѣ его спутники чрезвычайно удивились, найдя вмѣсто обширной и удобной бухты небольшую губу, усѣянную коралловыми рифами, между которыми оставался лишь узкій извилистый проходъ, гдѣ бушевалъ сильный прибой. Дѣло въ томъ, что де-Лангль осматривалъ эту бухту во время прилива.

Сперва было онъ хотѣлъ повернуть назадъ и пойти къ тому мѣсту, гдѣ мы за день передъ тѣмъ брали прѣсную воду. Видя, однако, миролюбивое настроеніе туземцевъ, большое число толпившихся на берегу женщинъ и дѣтей, а также обиліе свиней и плодовъ, предлагаемыхъ островитянами на продажу, де-Лангль по несчастью рѣшился войти въ бухту. Благополучно приставъ къ берегу, онъ выгрузилъ со всѣхъ четырехъ лодокъ пустыя бочки и выстроилъ своихъ морскихъ солдатъ такъ, что они образовали цѣпь, подъ прикрытіемъ которой матросы могли свободно налить всѣ привезенныя бочки прѣсной водой. Эта тишина и спокойствіе были однако непродолжительны. Значительное число туземныхъ байдаръ, успѣвшихъ продать нашимъ кораблямъ свои товары, вернулись на островъ. Байдары эти столпились какъ разъ въ той-же самой бухтѣ, такъ что въ ней сдѣлалась страшная тѣснота. Число туземцевъ, доходившее полтора часа тому назадъ вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми всего лишь до 200 человѣкъ, значительно возросло и достигло уже до тысячи двухсотъ человѣкъ.

Положеніе де-Лангля становилось съ минуты на минуту все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Тѣмъ не менѣе къ тремъ часамъ пополудни онъ съ помощью гг. Вожюа, Бутена, Коллине и Гобіена благополучно погрузилъ бочки съ водой въ шлюпки и баркасы. Бухта, однако, къ тому времени страшно обмелѣла. Ранѣе четырехъ часовъ пополудни нельзя было и думать, чтобъ шлюпки въ состояніи были по ней пройти. Де-Лангль усадилъ, однако, въ шлюпки и баркасы всѣхъ своихъ людей, а самъ съ нѣсколькими морскими солдатами помѣстился на носу шлюпки, строго запретивъ стрѣлять иначе, какъ по командѣ.

Онъ начиналъ сознавать, что дѣло добромъ не кончится. Островитяне уже начали кидать въ матросовъ каменьями. Вода доходила туземцамъ всего лишь по колѣна, хотя они подошли къ французамъ чуть не вплоть. Солдаты и матросы съ трудомъ лишь удерживали ихъ въ разстояніи какихъ-нибудь двухъ аршинъ отъ шлюпокъ.

Хорошій залпъ изъ ружей и фальконетовъ, разумѣется, заставилъ бы дикарей удалиться, но де-Ланглю не хотѣлось прибѣгать къ такой крутой мѣрѣ; онъ надѣялся сдержать островитянъ безъ кровопролитія и погибъ жертвою чрезмѣрнаго своего человѣколюбія. Дикари, какъ-бы по условному знаку, осыпали шлюпку, въ которой находился де-Лангль, градомъ большихъ камней съ самаго близкаго разстоянія. Почти всѣ находившіеся въ шлюпкѣ получили болѣе или менѣе тяжкіе ушибы. Самъ де-Лангль успѣлъ дать два выстрѣла изъ своей двустволки, но затѣмъ былъ сбитъ съ ногъ. Къ несчастію, капитанъ упалъ въ море, по правую сторону шлюпки, гдѣ на него набросилось болѣе двухсотъ островитянъ, которые тотчасъ же добили его каменьями и палицами. Видя, что онъ уже мертвъ, они привязали его за руку къ одной изъ уключинъ шлюпки, очевидно, опасаясь, чтобъ трупъ не унесло волнами въ море.

Шлюпка „Буссоли", находившаяся подъ начальствомъ Бутена, стояла на мели всего лишь въ двѣнадцати футахъ отъ шлюпки де-Лангля; пространство между ними оставалось свободнымъ. Туда устремились всѣ раненые, которымъ посчастливилось не упасть по направленію къ дикарямъ. Они добрались вплавь до баркасовъ, стоявшихъ уже въ глубокой водѣ. Благодаря этому обстоятельству, изъ шестидесяти одного человѣка, отправившихся съ де-Ланглемъ, спаслось сорокъ девять человѣкъ.

Г. Бутенъ, подражая примѣру де-Лангля, запрещалъ сначала стрѣлять и приказалъ дать залпъ только послѣ того, какъ де-Лангль вынужденъ былъ открыть огонь. Залпъ съ разстоянія четырехъ или пяти шаговъ въ густую толпу дикарей, разумѣется, долженъ былъ произвести самое убійственное дѣйствіе, но моряки наши не успѣли вторично зарядить ружья. Самъ Бутенъ былъ сбитъ съ ногъ ударомъ камня, но къ счастью упалъ въ промежутокъ между двумя шлюпками. Всѣ изъ его команды, которымъ удалось добраться до баркаса, имѣли по нѣскольку ранъ, преимущественно въ голову. Французы, попавшіе въ руки туземцамъ, были тотчасъ-же умерщвлены ударами палицъ.

Благоразумныя распоряженія г-на де-Вожюа и точность, съ какою они выполнялись Мутономъ, который командовалъ баркасомъ съ „Буссоли", дали возможность спасти сорокъ девять человѣкъ изъ числа участвовавшихъ въ этой злополучной экспедиціи.

Баркасъ съ „Астролябіи" былъ такъ нагруженъ, что сталъ

на мель. Это подало островитянамъ мысль пуститься въ погоню за ранеными. Они пытались даже завладѣть баркасами. Толпа смѣльчаковъ пробралась на рифы у входа въ бухту, мимо которыхъ баркасы наши должны были проходить въ разстояніи какихъ-либо десяти шаговъ. Разстрѣлявъ по этимъ дикарямъ послѣдніе свои заряды, баркасы выбрались наконецъ изъ этого разбойничьяго вертепа“.

Какъ и слѣдовало ожидать, Ла-Перузу очень хотѣлось отомстить за смерть злополучныхъ своихъ товарищей. Лейтенантъ Бутенъ, раненый настолько тяжело, что долженъ былъ лежать въ постели, успѣлъ, однако, отговорить своего командира отъ новой экспедиціи въ эту роковую бухту, объяснивъ, что если какая-нибудь шлюпка сядетъ тамъ на мель, то ни одинъ французъ не выберется оттуда живьемъ. Множество рифовъ и отмелей препятствовали бы тамъ свободѣ движенія французскихъ лодокъ, а между тѣмъ густой лѣсъ, доходившій до самаго берега моря, служилъ бы для туземцевъ, въ случаѣ нападенія, надежнымъ прикрытіемъ и убѣжищемъ. Ла-Перузъ лавировалъ тѣмъ не менѣе цѣлыхъ два дня передъ упомянутой бухтой, съ трудомъ лишь удерживая матросовъ и офицеровъ, горѣвшихъ желаніемъ отмстить за товарищей.

„Дерзость туземцевъ, — говоритъ Ла-Перузъ, — доходила до невѣроятія. За это время подходило къ нашимъ кораблямъ пять или шесть туземныхъ байдаръ, намѣревавшихся продавать намъ кокосовые орѣхи, голубей и свиней. Это привело меня въ такое раздраженіе, что я чуть было не отдалъ приказаніе пустить ихъ ко дну“.

Потеря убитыми и ранеными въ злополучной экспедиціи де-Лангля состояла изъ нѣсколькихъ офицеровъ и тридцати двухъ матросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Ла-Перузъ лишился также и двухъ шлюпокъ. При такихъ обстоятельствахъ ему поневолѣ приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Самый ничтожный уронъ, почти неизбѣжный въ случаѣ новаго столкновенія съ дикарями, заставилъ бы его сжечь одинъ изъ своихъ фрегатовъ, чтобъ хорошенько вооружить другой. Ла-Перузъ рѣшился поэтому идти въ Ботанибей, осматривая и нанося на карту острова, попадавшіеся ему на пути, и опредѣляя положеніе ихъ астрономическими наблюденіями.

14-го декабря усмотрѣнъ былъ островъ Ойолава, принадлежа-

щій къ тому-же архипелагу. Бугенвилль видѣлъ этотъ островъ, но только издали. Развѣ лишь Таити можетъ сравниться съ нимъ по величинѣ, красотѣ мѣстоположенія, плодородію и населенности. Жители Ойолавы во всѣхъ отношеніяхъ походили на маунскихъ туземцевъ. Байдары ихъ вскорѣ начали сновать вокругъ французскихъ фрегатовъ. Туземцы предлагали на продажу фрукты, съѣдобные коренья и т. п. По всѣмъ вѣроятіямъ, они впервые лишь вступали въ торговыя сношенія съ европейцами. Совершенно незнакомые съ желѣзомъ, они предпочитали одну стеклянную бусину большому топору или же шестидюймовому гвоздю. Въ числѣ островитянокъ многія были замѣчательно стройны и вообще очень недурны собою. Глаза ихъ и тѣлодвиженія выражали сердечную доброту, тогда какъ у большинства мужчинъ выраженіе лица было лукавое и свирѣпое.

Островъ Пола, мимо котораго Ла-Перузъ прошелъ 17-го декабря, принадлежитъ тоже къ архипелагу Мореплавателей. Надо полагать, что туда дошло ужъ какимъ-нибудь образомъ извѣстіе объ избіеніи французовъ на островѣ Маунѣ, такъ какъ ни одна байдара не подходила къ французскимъ кораблямъ. 20-го декабря усмотрѣны были Кокосовый островъ и островъ Злодѣевъ (названный такъ Шутеномъ). Этотъ послѣдній островъ раздѣляется на двое проливомъ, существованіе котораго ускользнуло бы отъ вниманія Ла-Перуза, если-бъ онъ не держался такъ близко къ берегу. Штукъ двадцать байдаръ, подходившихъ къ французскимъ фрегатамъ, привезли на продажу множество кокосовыхъ орѣховъ, лучше которыхъ Ла-Перузу никогда не случалось видѣть. Кромѣ этихъ орѣховъ туземцы привезли было нѣсколько банановъ, ямсу и одного небольшого поросенка.

Островъ Злодѣевъ и Кокосовый островъ отнесены у Валлиса на 1^0 13′ далѣе, чѣмъ слѣдуетъ, къ западу. Острова эти, называющіеся у Валлиса Кеппелемъ и Боскавеномъ, могутъ быть также причислены къ архипелагу Мореплавателей. Ла-Перузъ признаетъ жителей этого архипелага самою красивою расою во всей Полинезіи. Въ отношеніи языка они представляютъ большое сходство съ таитянами, но стоятъ значительно выше ихъ по красотѣ типа. Это—хорошо сложенные, крѣпкіе и рослые люди. Несомнѣнно, что при другихъ обстоятельствахъ Ла-Перузъ не преминулъ бы навѣстить живописные острова Ойолаву и Полу, но броженіе среди экипажа обоихъ его фрегатовъ было еще

слишкомъ сильно, воспоминаніе о событіяхъ на Маунѣ еще слишкомъ свѣжо, а потому самый ничтожный предлогъ могъ бы повлечь за собою кровопролитное столкновеніе, долженствовавшее закончиться избіеніемъ дикарей.

„Каждый изъ находившихся передъ нами острововъ напоминалъ намъ какую-либо черту коварства туземцевъ,—говоритъ Ла-Перузъ.—На островахъ Увеселенія, находящихся къ востоку отъ архипелага Мореплавателей, шлюпки „Роггевейна“ были измѣннически атакованы дикарями, осыпавшими ихъ градомъ камней. Шутенъ подвергся подобному же измѣнническому нападенію на островѣ Злодѣевъ, лежавшемъ передъ нами нѣсколько южнѣе острова Мауны, гдѣ на насъ самихъ напали такимъ разбойническимъ образомъ.

Эти соображенія побудили насъ совершенно измѣнить свой образъ дѣйствій по отношенію къ дикарямъ. Мы стали строго карать ихъ за самыя ничтожныя кражи и мошенничества. Если виновные пытались бѣжать, мы пускали въ ходъ оружіе и фактически доказывали, что бѣгство не спасетъ ихъ отъ нашего гнѣва. Мы запрещали островитянамъ всходить на наши корабли и угрожали наказать ослушниковъ смертью“.

Понятно, что въ виду такого настроенія Ла-Перузъ имѣлъ полное основаніе избѣгать всякихъ дальнѣйшихъ особенно близкихъ сношеній съ туземцами. Раздраженіе противъ дикарей было со стороны Ла-Перуза слишкомъ естественно для того, чтобъ могло возбуждать какое-нибудь удивленіе. Тѣмъ болѣе похвалы заслуживаетъ благоразуміе и человѣчность французскаго мореплавателя, сумѣвшаго даже и при такихъ обстоятельствахъ воздержаться отъ мщенія.

Покинувъ острова Мореплавателей, Ла-Перузъ направился къ островамъ Дружбы, которые еще не всѣ были осмотрѣны Кукомъ. 27-го декабря открытъ былъ островъ Вавао. Островъ этотъ, одинъ изъ самыхъ большихъ во всей группѣ, не былъ посѣщенъ знаменитымъ англійскимъ мореплавателемъ. По величинѣ онъ равняется Тонга-Табу, очень гористъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изобилуетъ прѣсной водой. Ла-Перузъ осмотрѣлъ многіе изъ острововъ архипелага Дружбы и купилъ у туземцевъ нѣкоторое количество свѣжей провизіи. Оно было впрочемъ недостаточно для покрытія суточнаго расхода, а потому французскій адмиралъ счелъ излишнимъ особенно долго останавливаться на этихъ островахъ и вы-

шелъ 1-го января 1787 года опять въ открытое море съ намѣреніемъ достигнуть Ботанибея такимъ путемъ, по которому не шелъ до тѣхъ поръ еще ни одинъ мореплаватель.

Открытый Тасманомъ островъ или, лучше сказать, утесъ Пильстаартъ, наибольшій діаметръ котораго не превышаетъ четверти мили, отличается крутизною своихъ береговъ и можетъ служить убѣжищемъ развѣ лишь для однѣхъ морскихъ птицъ. Ла-Перузъ спѣшилъ придти какъ можно скорѣе къ Новой Голландіи и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія останавливаться у этого острова, но все-таки долженъ былъ изъ-за противныхъ вѣтровъ простоять возлѣ него цѣлыхъ три дня.

13-го января усмотрѣнъ былъ островъ Норфолькъ съ прилежащими къ нему двумя маленькими островками. Ла-Перузъ бросилъ якорь приблизительно въ милѣ отъ берега и хотѣлъ послать туда шлюпку, чтобъ дать естествоиспытателямъ возможность ознакомиться съ мѣстною флорой и фауной. Вслѣдствіе сильнаго прибоя пристать къ берегу оказалось невозможнымъ. Извѣстно между тѣмъ, что капитанъ Кукъ совершенно безпрепятственно приставалъ къ берегу острова Норфолька.

Какъ бы ни было, французы потеряли цѣлый день въ тщетныхъ попыткахъ. На другой день Ла-Перузъ пустился въ дальнѣйшій путь. Въ то время, какъ французскіе фрегаты подходили уже къ Ботанибею, они увидѣли англійскій флотъ, направлявшійся нѣсколько сѣвернѣе. Флотъ этотъ, подъ начальствомъ коммодора Филиппа, шелъ къ порту Джаксону, чтобъ основать тамъ первую англійскую колонію въ Австраліи. Колонія эта послужила зародышемъ, который менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ развился до замѣчательно высокой степени благосостоянія и цивилизаціи.

Здѣсь собственно и заканчивается путевой журналъ Ла-Перуза. Письмомъ, помѣченнымъ изъ Ботанибея отъ 5-го февраля, онъ сообщилъ морскому министру, что хочетъ построить тамъ себѣ двѣ шлюпки взамѣнъ оставленныхъ на островѣ Мaунѣ. Всѣ раненые, въ томъ числѣ и старшій врачъ „Астролябіи", докторъ Лаво, которому пришлось сдѣлать трепанацію, были уже совершенно здоровы. Командиромъ „Астролябіи" назначенъ былъ капитанъ Клонаръ, а мѣсто старшаго офицера на „Буссоли" занялъ лейтенантъ де-Монти.

Два дня спустя отправлено было оттуда же другое письмо,

содержавшее подробную программу дальнѣйшаго путешествія. Ла-Перузъ говорилъ въ этомъ письмѣ:

„Я разсчитываю прежде всего пойти къ островамъ Дружбы и выполнить все, что предписывается моими инструкціями относительно южной части Новой Каледоніи, мендановскаго острова Санта-Крусъ, южнаго берега сюрвилевской Земли Арзакидовъ и бугэнвиллевской Луизіады, при чемъ постараюсь узнать, составляетъ-ли эта послѣдняя отдѣльный островъ или же часть Новой Гвинеи. Въ концѣ іюля 1787 года я пройду между Новой Гвинеей и Новой Голландіей и по возможности не Эндивуровымъ, а какимъ-либо другимъ проливомъ (въ случаѣ если таковой существуетъ). Въ сентябрѣ и началѣ октября мѣсяца я осмотрю заливъ Карпентера и весь берегъ Новой Голландіи до Вандименовой Земли, при чемъ устроюсь однако такъ, чтобы вернуться оттуда опять къ сѣверу и въ началѣ сентября 1788 года прибыть къ Иль-де-Франсу".

Ла-Перузъ не только не прибылъ къ условленному сроку на Иль-де-Франсъ, но и спустя цѣлыхъ два года объ его корабляхъ не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу.

Несмотря на весьма серьезный кризисъ, который переживала тогда Франція, обстоятельство это обратило наконецъ вниманіе національнаго собранія. Вслѣдствіе доклада, представленнаго членами парижскаго естественно-историческаго общества, національное собраніе, декретомъ отъ 9-го февраля 1791 года, предложило королю вооружить и послать одно или нѣсколько судовъ для розысканія Ла-Перуза. Допустивъ, что „Астролябія" и „Буссоль" потерпѣли крушеніе, можно было бы все-таки предположить, что значительная часть экипажа спаслась и находится на какомъ-либо изъ океанійскихъ острововъ. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, было желательно подать злополучнымъ морякамъ какъ можно скорѣе помощь.

Предполагавшаяся экспедиція, какъ значилось въ декретѣ, имѣла принести соотвѣтственную пользу кораблевожденію, географіи, торговлѣ, наукамъ и искусствамъ. Поэтому въ ней должны были принять участіе также ученые, естествоиспытатели и рисовальщики.

Начальство надъ экспедиціей поручено было контръ-адмиралу Брюни д'Антркасто, который обратилъ на себя вниманіе морского министра удачнымъ плаваніемъ изъ Иль-де-Франса въ Макао и

Портретъ д'Антркасто (Fac-simile съ древней гравюры).

обратно съ противо-муссономъ. Въ распоряженіе его даны были два корабля: „Поискъ“ и „Надежда“. Эта послѣдняя состояла подъ командой капитана перваго ранга Гюона де-Кермадека. Многіе изъ офицеровъ, находившихся на обоихъ судахъ, какъ напр.- Россель, Вильомэзъ, Тробріанъ, Ла-Грандьеръ, Леньель и Жюрьенъ, достигли впослѣдствіи высшихъ чиновъ во француз-

скомъ военномъ флотѣ. Въ числѣ ученыхъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи, были: естествоиспытатель Ла-Биллардьеръ, астрономы Бертранъ и Пьерсонъ, естествоиспытатели Вентенанъ и Ришъ, гидрографъ Ботанъ-Бопре и инженеръ Жуванси.

На обоихъ корабляхъ погружено было значительное количество товаровъ для мѣновой торговли и восемнадцатимѣсячный запасъ провіанта. Выйдя 28-го сентября изъ Бреста, экспедиція прибыла 13-го октября къ острову Тенерифу. Восхожденіе на знаменитый Тенерифскій пикъ считалось тогда дѣломъ обязательнымъ.

Ла-Биллардьеръ, взбиравшійся на пикъ, былъ тамъ очевидцемъ явленія, которое онъ при подобныхъ же обстоятельствахъ наблюдалъ уже разъ въ Малой Азіи. Онъ видѣлъ собственное свое изображеніе, въ самыхъ роскошныхъ цвѣтахъ радуги, на облакѣ, находившемся ниже его, въ сторонѣ, противоположной солнцу.

Пополнивъ запасы провизіи, французскія суда снялись 23-го октября съ якоря и пошли къ мысу Доброй Надежды. Во время этого плаванія Ла-Биллардьеръ производилъ очень интересныя изслѣдованія и открылъ, что свѣченіе моря обусловливается присутствіемъ въ морской водѣ маленькихъ животныхъ шарообразной формы. На всемъ пути до мыса Доброй Надежды, куда французскіе корабли прибыли 18-го января 1792 года, не случилось ничего особенно замѣчательнаго. Они встрѣчали, правда, необычайно большія стаи бонитовъ и другихъ рыбъ. Въ одномъ изъ кораблей обнаружилась легкая течь, которую, однако, безъ труда удалось задѣлать.

Въ Капштадтѣ д'Антркасто нашелъ письмо главнокомандующаго французскими военными и морскими силами въ Остъ-Индіи, де-Сенъ-Феликса. Письмо это измѣняло всю предположенную программу путешествія и въ значительной степени содѣйствовало неудачному его исходу. Сенъ-Феликсъ увѣдомлялъ адмирала, что капитаны двухъ французскихъ судовъ, прибывшихъ изъ Батавіи, доставили ему свѣдѣнія объ экспедиціи Ла-Перуза. Они, со словъ коммодора Гунтера, командовавшаго англійскимъ фрегатомъ „Сиріусъ", утверждали, будто онъ видѣлъ въ Южныхъ моряхъ близъ острововъ Адмиралтейства людей, одѣтыхъ въ европейскіе мундиры, которые, судя по покрою, онъ принялъ за мундиры французскихъ моряковъ. „Вы видите, — прибавлялъ Сенъ-Фе-

ликсъ,—что коммодоръ нашелъ уже ключъ къ разгадкѣ злополучной участи г-на Ла-Перуза".

Самъ коммодоръ Гунтеръ находился какъ разъ на Капскомъ рейдѣ, но черезъ два часа послѣ прибытія туда д'Антркасто снялся съ якоря. Поступокъ его казался по меньшей мѣрѣ страннымъ. Коммодоръ имѣлъ время узнать, что маленькая французская эскадра послана розыскивать Ла-Перуза, а между тѣмъ не сдѣлалъ коммодору этой эскадры никакого заявленія о столь важномъ фактѣ, какъ открытіе остатковъ экспедиціи Ла-Перуза. Вскорѣ обнаружилось, однако, что Гунтеръ заявлялъ, будто ничего не знаетъ о фактахъ, приводившихся въ письмѣ Сенъ-Феликса. При такихъ обстоятельствахъ слѣдовало бы, казалось, не придавать никакого этому письму значенія, но д'Антркасто счелъ нужнымъ принять его все-таки во вниманіе.

Французскіе ученые воспользовались стоянкою у мыса Доброй Надежды, чтобы совершить нѣсколько экскурсій во внутрь страны. Особенною ревностью къ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ отличался Ла-Биллардьеръ, вернувшійся на корабль только лишь передъ самымъ отплытіемъ.

„Поискъ" и „Надежда" снялись съ якоря 16-го февраля. Адмиралъ д'Антркасто, рѣшившись обогнуть Вандименовъ мысъ и войти въ Южныя моря, взялъ курсъ такъ, чтобы пройти между островомъ св. Павла и Амстердамскимъ. Острова эти, открытые въ 1696 году капитаномъ Вальмингомъ, были осмотрѣны капитаномъ Кукомъ въ послѣднее его путешествіе. На островѣ св. Павла горѣлъ лѣсъ какъ разъ въ то время, когда мимо него проходили французскіе корабли. Весь островъ поэтому былъ покрытъ облаками густого дыма, надъ которымъ высились вершины горъ.

21-го апрѣля оба корабля находились уже въ виду Вандименовой Земли и вошли въ бухту, которую сочли бухтою „Adventure". На самомъ дѣлѣ это была другая бухта, которая называется бухтою „Бурь". Портъ, находящійся въ глубинѣ этой бухты, названъ былъ портомъ д'Антркасто. Французскимъ морякамъ нетрудно было запастись тамъ дровами. Рыба ловилась тоже въ изобиліи. Въ числѣ прекрасныхъ деревьевъ, росшихъ въ сосѣднихъ лѣсахъ, Ла-Биллардьеръ упоминаетъ о нѣсколькихъ сортахъ эвкалиптовъ, драгоцѣнныя свойства которыхъ были въ то время еще неизвѣстны. Многочисленныя охоты, въ которыхъ естествоиспы-

татель этотъ принималъ дѣятельное участіе, доставили ему нѣсколько образчиковъ черныхъ лебедей и кэнгуру, считавшихся въ то время въ европейскихъ музеяхъ чрезвычайною рѣдкостью.

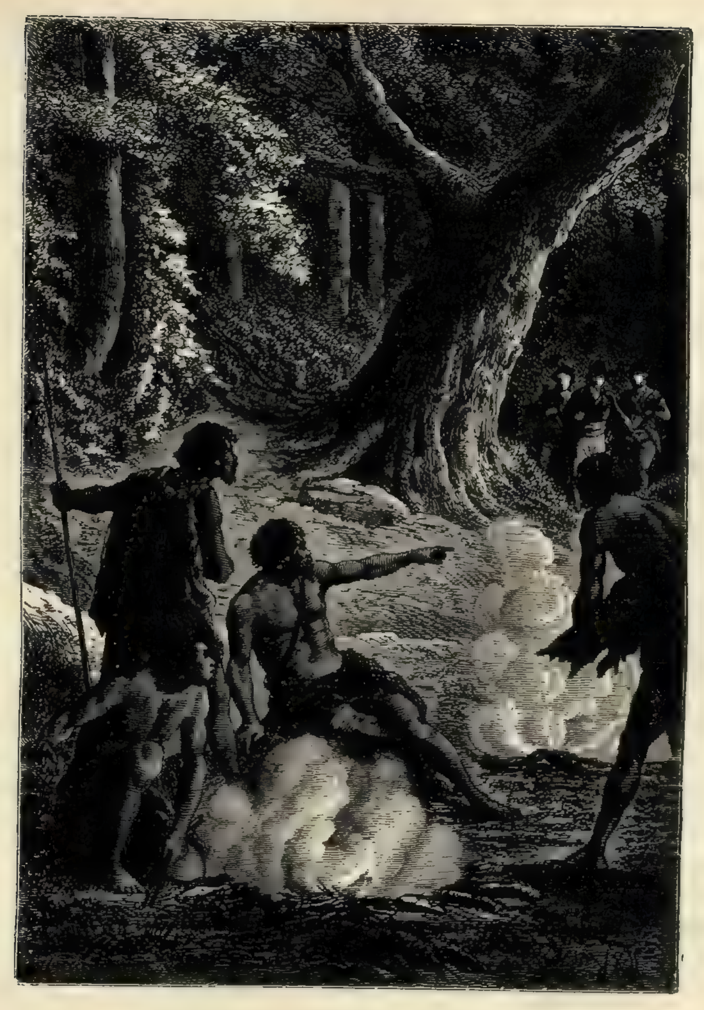
16-го мая французскія суда вышли изъ порта и направились въ проливъ, который впослѣдствіи, въ честь адмирала, названъ былъ проливомъ д'Антркасто.

„Замѣтивъ въ недалекомъ разстояніи отъ берега нѣсколько огней,—говоритъ адмиралъ въ описаніи своего путешествія,—гг. Кретенъ и д'Орибо рѣшили пристать къ берегу. Едва только они вошли въ лѣсъ, какъ увидѣли четырехъ туземцевъ, сидѣвшихъ возлѣ трехъ небольшихъ костровъ. Туземцы эти тотчасъ-же обратились въ бѣгство, покинувъ французамъ нѣсколькихъ морскихъ раковъ и мягкотѣлыхъ животныхъ, жарившихся на угольяхъ. По-сосѣдству виднѣлись три туземныхъ хижины. Наши моряки старались знаками убѣдить дикарей, что имъ бояться нечего.

Одинъ изъ туземцевъ, мужчина высокаго роста и съ очень развитою мускулатурой, забылъ возлѣ костра небольшую корзину съ осколками кремней. Онъ не побоялся вернуться за ней и подошелъ очень близко къ Кретену. Такую самоувѣренность придавало дикарю, повидимому, сознаніе собственной силы. Нѣкоторые изъ островитянъ ходили совершенно нагіе, у другихъ же была накинута на плечи шкура кэнгуру. Цвѣтъ кожи у этихъ дикарей не вполнѣ черный, но очень темный. Они отпускаютъ себѣ бороду. Волосы у нихъ на головѣ шерстистые и курчавые".

Выйдя изъ пролива д'Антркасто, французскіе корабли направились къ юго-западной оконечности Новой Каледоніи, которую долженъ былъ посѣтить Ла-Перузъ. Прежде всего усмотрѣнъ былъ Сосновый островъ, лежащій нѣсколько южнѣе Новой Каледоніи. „Поискъ" чуть было не погибъ на коралловыхъ рифахъ, гряда которыхъ тянется параллельно берегу, въ пяти или шести километрахъ отъ него. Близъ сѣверной оконечности Новой Каледоніи осмотрѣно было и нанесено на карту нѣсколько гористыхъ острововъ и отдѣльныхъ скалъ, дѣлающихъ плаваніе въ этихъ мѣстностяхъ чрезвычайно опаснымъ. Впослѣдствіи благодарные мореплаватели назвали ихъ утесами д'Антркасто и Гюонвыми островами.

Опасное плаваніе въ виду столь грознаго прибрежья продолжалось съ 16-го іюня до 3-го іюля. Оно принесло большую пользу географіи и кораблевожденію, но очень мало двинуло



Они увидѣли четырехъ туземцевъ.

впередъ дѣло разысканія Ла-Перуза, составлявшее главную задачу экспедиціи.

Д'Антркасто рѣшилъ воспользоваться наступленіемъ благопріятнаго времени года, чтобъ достигнуть земли Арзакидовъ, открытой Сюрвилемъ и посѣщенной черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Шортлэндомъ, который, думая, что открылъ новые острова, назвалъ эту землю Новою Георгіей.

„9-го іюля, въ половинѣ пятаго мы усмотрѣли,—говоритъ Ла-Биллардьеръ,—Эдистонскій утесъ въ пятнадцати километрахъ къ сѣверо-западу. Издали онъ показался намъ, какъ и Шортлэнду, кораблемъ, идущимъ подъ парусами. Иллюзія была тѣмъ полнѣе, что скала не только фигурой, но и цвѣтомъ напоминаетъ корабельные паруса. Подойдя ближе, мы увидѣли, что на вершинѣ этого утеса растетъ нѣсколько кустовъ. Земли Арзакидовъ, лежащія противъ этой скалы, очень гористы и до самыхъ вершинъ поросли лѣсомъ. Берега у нихъ крутые и обрывистые".

Исправивъ на картѣ положеніе Эдистонскаго утеса, не совсѣмъ вѣрно указанное прежними географами, и нанеся на карту пять островов Казначейства, лежащихъ такъ близко другъ къ другу, что Бугэнвилль принялъ ихъ за одинъ островъ, д'Антркасто прошелъ мимо Бугэнвиллева острова, отдѣляющагося очень узкимъ проливомъ отъ острова Буки. Покрытый садами и огородами, Бугэнвиллевъ островъ казался очень населеннымъ. Туземцы вступали съ французами въ торговыя сдѣлки, но ни за что не соглашались взойти на корабль.

„Кожа у нихъ черноватаго цвѣта, — говоритъ Ла-Биллардьеръ.—Островитяне эти средняго роста, ходятъ нагіе и, судя по развитію мускуловъ, должно быть, очень сильны; лица ихъ некрасивы, но чрезвычайно выразительны; головы у нихъ очень большія, лобъ широкій, лицо также широкое и какъ-бы приплюснутое, особенно же въ нижней своей части; подбородокъ толстый, скулы слегка выдающіяся; носъ приплюснутый, ротъ очень большой, но губы довольно тонкія.

Бетель, окрашивающій ихъ громадные рты въ кроваво-красный цвѣтъ, дѣлаетъ наружность островитянъ еще отвратительнѣе. Сколько можно судить, дикари эти очень ловко стрѣляютъ изъ лука. Одинъ изъ нихъ принесъ къ намъ на корабль глупыша, убитаго въ-летъ стрѣлою, которая пронзила птицѣ брюшко.

Островитяне эти обращаютъ особенное вниманіе на тщательную отдѣлку своего оружія. Луки ихъ и стрѣлы дѣйствительно очень недурны. Насъ изумило искусство, съ которымъ они просмаливаютъ тетивы своихъ луковъ. На первый взглядъ кажется, что тетива сдѣлана не изъ веревки, а изъ струны. Чтобъ она менѣе стиралась при пусканіи стрѣлъ, посерединѣ ея прикрѣпляется кусочекъ бамбуковой коры".

15-го іюля сняты были на карты западные берега обоихъ этихъ островОвъ, восточные же ихъ берега осмотрѣны были еще Бугэнвиллемъ.

На другой день французскіе мореплаватели достигли острова Гарди, названнаго такъ Картеретомъ въ честь сэра Чарльза Гарди, и въ тотъ-же день прибыли въ бухту Картерета, лежащую близъ сѣверо-восточной оконечности Новой Ирландіи.

„Поискъ“ и „Надежда“ стали на якорь въ этой бухтѣ, а для ихъ экипажей разбиты были палатки на Кокосовомъ островѣ, покрытомъ великолѣпными зеленѣющими деревьями. Растительность на этомъ островѣ чрезвычайно роскошная, несмотря на то, что известковыя скалы, составляющія подпочву, покрыты сравнительно лишь тонкимъ слоемъ плодородной земли. Французскіе моряки нашли на этомъ островѣ довольно мало кокосовъ, что слѣдуетъ, вѣроятно, приписать неблагопріятному времени года. Зато естествоиспытатели отыскали тамъ множество новыхъ рѣдкихъ видовъ растеній и насѣкомыхъ, разнообразіе которыхъ чрезвычайно обрадовало Ла-Биллардьера.

Въ продолженіе всей этой стоянки шли сильные дожди, казавшіеся безпрерывно падавшимъ съ неба потокомъ теплой воды.

Запасшись необходимымъ количествомъ дровъ и прѣсной воды, „Поискъ“ и „Надежда“ вышли 24-го іюля 1792 года изъ Картеретовой бухты. „Надежда“ лишилась при этомъ одного якоря, канатъ котораго перетерло острыми кораллами. Оба корабля вступили затѣмъ въ проливъ св. Георгія, ширина котораго въ южной его оконечности доходитъ до 60 или 70 километровъ. Такимъ образомъ проливъ этотъ вдвое уже, чѣмъ указываетъ Картеретъ. Увлекаемые быстрымъ теченіемъ, французскіе корабли прошли мимо острова Мема и Сандвичева острова, не будучи въ состояніи пристать ни къ тому, ни къ другому.

Усмотрѣвъ группу семи низменныхъ Портлэндскихъ острововъ, лежащихъ подъ 2° 39′ 44″ южной широты и 147° 15′ восточной долготы, д'Антркасто продолжалъ свой путь къ островамъ Адмиралтейства, которые намѣревался посѣтить. По свѣдѣніямъ коммодора Гунтера, на самомъ восточномъ изъ этихъ острововъ видѣли туземцевъ въ мундирахъ французскихъ моряковъ.

„Прибывъ къ этому острову, мы нашли на берегу громадную толпу дикарей. Одни изъ нихъ бѣгали вдоль берега, другіе же, не спуская глазъ съ кораблей, приглашали насъ знаками съѣхать

на островъ и привѣтствовали наше прибытіе радостными возгласами. Въ половинѣ второго пополудни мы легли въ дрейфъ и послали отъ каждаго корабля по шлюпкѣ съ подарками для островитянъ. Шлюпки наши подошли къ берегу такъ близко, какъ только это было возможно, корабли же постоянно держались такъ, чтобъ, въ случаѣ надобности, могли прикрыть ихъ огнемъ своей артиллеріи. Коварный образъ дѣйствій островитянъ этого архипелага по отношенію къ Картерету заставлялъ и на этотъ разъ опасаться измѣнническаго нападенія съ ихъ стороны".

Островъ былъ опоясанъ коралловыми рифами, а потому лодки должны были остановиться отъ него приблизительно въ ста метрахъ. Туземцы, стоявшіе на берегу, дѣлали французамъ дружественные знаки, приглашая ихъ сойти въ воду и пробраться по утесамъ до острова.

„Дикарь, отличавшійся отъ другихъ повязкою изъ двухъ рядовъ маленькихъ раковинъ, которую онъ носилъ на головѣ, очевидно, пользовался большимъ авторитетомъ надъ своими соотечественниками. Онъ приказалъ одному изъ туземцевъ сойти въ воду и принести намъ нѣсколько штукъ кокосовыхъ орѣховъ. Опасеніе приблизиться вплавь и безъ оружія къ людямъ, намѣренія которыхъ были ему неизвѣстны, заставило островитянина какъ-будто поколебаться. Вождь, повидимому, не привыкшій встрѣчать подобное сопротивленіе своей волѣ, тотчасъ-же ударилъ туземца нѣсколько разъ палкой по животу. Доводъ этотъ немедленно возымѣлъ ожидаемое дѣйствіе... Когда островитянинъ вернулся назадъ на берегъ, туземцы, подстрекаемые любопытствомъ, столпились вокругъ него, при чемъ каждый хотѣлъ получить что-либо изъ присланныхъ нами подарковъ. Вслѣдъ затѣмъ спущено было на море нѣсколько байдаръ. Многіе туземцы бросились въ воду и поплыли прямо къ намъ. Скоро возлѣ нашихъ шлюпокъ собралось множество дикарей. Мы удивлялись, что прибой и волненіе не удержали ихъ на берегу".

То, что было возможно для островитянъ, могли бы, по всей вѣроятности, выполнить и французы. Тѣмъ не менѣе никому не пришло въ голову освѣдомиться у дикарей, не потерпѣли-ли близъ ихъ острова крушеніе французскіе корабли или же не разбилось-ли тамъ хотя небольшое европейское судно. Во всякомъ случаѣ, туземцы были знакомы съ употребленіемъ желѣза и придавали этому металлу очень высокую цѣнность.

Д'Антркасто осмотрѣлъ затѣмъ сѣверную часть архипелага Адмиралтейства. Онъ вступалъ въ торговыя сношенія съ островитянами, но нигдѣ не приставалъ къ берегу и, сколько можно судить, не наводилъ особенно тщательныхъ справокъ о Ла-Перузѣ и его спутникахъ.

„Поискъ" и „Надежда" посѣтили затѣмъ острова „Отшельниковъ", открытые въ 1781 году испанскимъ фрегатомъ „Принцесса". Островитяне выказывали и тамъ ревностное желаніе побудить французовъ высадиться на берегъ, но всѣ ихъ усилія оставались тщетными.

Затѣмъ были послѣдовательно осмотрѣны острова, которымъ Бугэнвилль далъ названіе „Шахматной Доски", нѣсколько низменныхъ безыменныхъ островковъ, покрытыхъ роскошной растительностью, острова Шутена и берегъ Новой Гвинеи, позади котораго тянется горный хребетъ, достигающій мѣстами полуторы тысячи метровъ высоты.

Французскіе корабли шли вдоль берега Новой Гвинеи, держась отъ него въ очень близкомъ разстояніи, а затѣмъ направились черезъ Питтовъ проливъ къ Моллукскимъ островамъ.

Французскіе моряки очень обрадовались, когда, 5-го сентября 1792 года, бросили, наконецъ, якорь на Амбоинскомъ рейдѣ. На обоихъ корабляхъ было много цынготныхъ больныхъ. Притомъ-же всѣ, какъ офицеры, такъ и матросы, нуждались въ довольно продолжительной стоянкѣ, чтобъ отдохнуть и собраться опять съ силами. Ученые естествоиспытатели и астрономы тотчасъ-же съѣхали на берегъ и занялись своими изслѣдованіями и наблюденіями. Особенно обильную жатву дали естественно-историческія изслѣдованія. Ла Биллардьеръ съ гордостью перечисляетъ множество собранныхъ имъ растеній и животныхъ.

„Находясь на берегу, — разсказываетъ Ла-Биллардьеръ, — я вдругъ услышалъ звуки духовой музыки, которые лились иногда правильными аккордами, иногда же смѣшивались съ диссонансами, не представлявшими, впрочемъ, для уха ничего непріятнаго. Эти весьма гармоническіе и плавные звуки исходили, казалось, очень издалека. Въ теченіе нѣкотораго времени я думалъ, что по ту сторону бухты, верстахъ въ десяти отъ мѣста, гдѣ я находился, туземцы забавляются музыкой. Оказалось, однако, что ухо сильно обманывало меня насчетъ разстоянія, такъ какъ я былъ на самомъ дѣлѣ всего лишь въ ста метрахъ отъ одного изъ музы-

кальныхъ инструментовъ. Это былъ бамбукъ вышиною по меньшей мѣрѣ въ двадцать метровъ, установленный въ вертикальномъ положеніи на берегу моря. Между каждыми двумя узлами бамбука прорѣзано было отверстіе приблизительно въ 3 сантиметра длины и полтора сантиметра ширины. Вѣтеръ, врываясь сквозь эти отверстія, производилъ разнообразные и пріятные звуки. Такъ какъ у бамбука было много узловъ, то въ немъ сдѣлано было нѣсколько прорѣзовъ съ различныхъ сторонъ. Откуда бы ни дулъ вѣтеръ, онъ непремѣнно долженъ былъ встрѣтить какое-нибудь отверстіе. Звуки этого инструмента всего болѣе напоминаютъ стеклянную гармонику".

Въ теченіе мѣсячной стоянки на Амбоинскомъ рейдѣ французскіе корабли были проконопачены и вся ихъ оснастка тщательно исправлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были на корабляхъ должныя мѣры гигіенической предосторожности, точное исполненіе которыхъ такъ важно для сохраненія здоровья моряковъ въ сыромъ и знойномъ тропическомъ климатѣ.

Не безынтересно будетъ привести нѣкоторыя подробности относительно Амбоинскаго рейда, равно какъ о нравахъ и обычаяхъ туземнаго населенія.

„Рейдъ этотъ, — говоритъ Ла-Биллардьеръ, — представляетъ собою глубокую бухту, приблизительно въ двадцать километровъ длины и въ шесть съ половиною километровъ средней ширины. Во многихъ мѣстахъ вдоль ея береговъ корабли могутъ найти хорошую якорную стоянку, мѣстами же попадается и неудобный коралловый грунтъ.

Мѣстная крѣпостца, называющаяся фортомъ „Побѣды", выстроена изъ кирпича. Въ ней живутъ губернаторъ и нѣкоторые изъ членовъ колоніальнаго совѣта. Вслѣдствіе дурного качества строительнаго матеріала, изъ котораго сложены ея стѣны, крѣпостца эта начинаетъ уже разрушаться. Когда приходилось по какому-либо случаю стрѣлять изъ пушекъ, стѣны ея отъ сотрясенія давали трещины и частью даже обваливались.

Гарнизонъ этой грозной крѣпости состоялъ приблизительно изъ 200 человѣкъ. Большинство нижнихъ чиновъ набрано изъ туземцевъ; затѣмъ въ крѣпости было нѣсколько солдатъ, нанятыхъ въ Европѣ голландской остъ-индской компаніей, и кромѣ того въ ней стоялъ небольшой отрядъ королевскаго голландскаго пѣхотнаго полка...

Весьма немногіе лишь изъ европейскихъ солдатъ оказываются въ состояніи выносить климатъ голландскихъ колоній въ Остъ-Индіи. Компанія особенно дорожитъ поэтому солдатами, прослужившими уже нѣсколько лѣтъ въ колоніяхъ и свыкшимися съ тамошними климатическими условіями. Она всячески старается законтрактовать ихъ на вторичную службу. Весьма немногимъ лишь удается когда-либо вернуться въ Европу... Я встрѣтилъ нѣсколькихъ солдатъ, прослужившихъ въ колоніяхъ болѣе двадцати лѣтъ, хотя по первоначальному условію они обязаны были отбыть тамъ лишь пятилѣтній срокъ...

Туземное населеніе острова Амбоины говоритъ на чрезвычайно мягкомъ и музыкальномъ малайскомъ нарѣчіи. Что касается до естественныхъ произведеній острова, то они заключаются, главнымъ образомъ, въ пряностяхъ, въ кофе (который, впрочемъ, не такъ хорошъ, какъ на островѣ Бурбонѣ) и особенно въ саго, которое разводится здѣсь на всѣхъ болотистыхъ низменностяхъ.

Рисъ, потребляемый населеніемъ Амбоины, не воздѣлывается на этомъ островѣ, хотя могъ бы произрастать тамъ съ большимъ успѣхомъ. Голландская компанія запретила воздѣлываніе риса и сосредоточила всю торговлю имъ въ своихъ рукахъ. Продавая туземцамъ рисъ, она снова прибираетъ къ рукамъ деньги, которыя вынуждена платить за гвоздику и другія пряности. Такимъ образомъ, количество звонкой монеты, находящееся у туземцевъ, не можетъ чрезмѣрно увеличиваться и голландцы имѣютъ возможность держать заработную плату на чрезвычайно низкой нормѣ.

Очевидно, что голландское колоніальное правительство наноситъ столь эгоистическимъ образомъ дѣйствій значительный ущербъ интересамъ туземнаго населенія. Оно подавляетъ у туземцевъ всякую возможность промышленнаго развитія и побуждаетъ ихъ заниматься исключительно лишь разведеніемъ гвоздичныхъ и мускатныхъ деревьевъ.

Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что голландцы держатъ также и воздѣлываніе пряностей въ тѣсныхъ рамкахъ, опредѣляемыхъ размѣрами нормальнаго потребленія. Апатичность туземнаго населенія легко мирится даже и съ такою, въ высшей степени зловредною правительственной опекой"...

23 вандемьера I года республики (выражаясь словами Ла-

Биллардьера) французскіе корабли вышли изъ Амбоинской бухты. Они обильно запаслись тамъ свѣжей провизіей: живыми курами, утками и гусями, козами, свиньями, бататами, ямсомъ, бананами и тыквами. Солонины, однако, было заготовлено очень мало. Имѣвшаяся на корабляхъ мука оказалась плохого качества; что-же касается саго, которымъ хотѣли ее замѣнить, то экипажъ никакъ не могъ къ нему привыкнуть. Затѣмъ, изъ числа продовольственныхъ запасовъ, заготовленныхъ адмираломъ д'Антркасто на Амбоинѣ, остается только упомянуть о консервахъ изъ бамбуковыхъ побѣговъ, вареньѣ изъ гвоздики и мускатныхъ орѣхахъ и, наконецъ, объ аракѣ.

„Молодые бамбуковые побѣги, разрѣзанные ломтиками и заготовленные впрокъ въ уксусѣ,—говоритъ Ла-Биллардьеръ,—являются отличной приправой, чрезвычайно полезной на корабляхъ, отправляющихся въ дальнее плаваніе. Побѣги эти очень нѣжны, разумѣется, если они были срѣзаны во-время; они продаются на рынкѣ вмѣстѣ съ прочими овощами. Длина ихъ доходитъ обыкновенно до метра, а толщииа до трети сантиметра.

Молодые бамбуковые побѣги особенно уважаются китайцами, находящими, что они вкусомъ очень напоминаютъ спаржу.

Мы запаслись на Амбоинѣ также вареньемъ изъ гвоздики и мускатныхъ орѣховъ, изготовленнымъ на сахарѣ. Единственное, что можно было бы въ немъ ѣсть, это мясистая часть шелухи мускатныхъ орѣховъ. Къ несчастью, невѣжественные кондиторы выбрали для варенья уже созрѣвшіе орѣхи. Гвоздика была почти такъ-же крупна, какъ небольшія оливки, и сохраняла слишкомъ много аромата для того, чтобъ варенье изъ нея могло казаться пріятнымъ. Надо быть уроженцемъ Зондскихъ острововъ, чтобъ наслаждаться такими лакомствамп. То же самое должно замѣтить и о заготовленномъ нами имбирномъ вареньѣ.

Единственнымъ спиртнымъ напиткомъ, имѣвшимся въ достаточномъ количествѣ на Амбоинѣ, былъ аракъ. Мы купили себѣ нѣсколько боченковъ этой водки, которую такъ хвалятъ многіе путешественники, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она значительно хуже даже и посредственнаго коньяку".

Покинувъ Амбоину, эскадра д'Антркасто направилась къ юго-западному берегу Австраліи. На пути были послѣдовательно

усмотрѣны: островъ Киссера, сѣверный берегъ Тимора, островъ Бату, Саву. Французскіе корабли нигдѣ, однако, не останавливались, пока 16 фримера не достигли западной оконечности юго-западнаго берега Новой Голландіи, открытаго въ 1622 году Левиномъ.

На берегу виднѣлись только одни песчаные бугры и отвѣсныя скалы. Вся окрестная мѣстность казалась совершенно безплодной.

Плаваніе вдоль этого берега было сопряжено съ большими опасностями.

Море было очень неспокойно, а между тѣмъ французскимъ кораблямъ приходилось при сильномъ вѣтрѣ пробираться среди подводныхъ утесовъ. Налетѣвшій шквалъ чуть было не выбросилъ „Надежду“ на берегъ, когда одинъ изъ офицеровъ, г-нъ Легранъ, замѣтилъ съ салинга бухту, въ которой корабли могли найти вѣрное убѣжище.

„Оба нашихъ корабля уцѣлѣли лишь благодаря этой бухтѣ,— говорится въ описаніи путешествія адмирала д'Антркасто.— Если-бъ „Поиску“ пришлось лавировать ночью среди подводныхъ утесовъ, ежеминутно угрожавшихъ гибелью, то онъ непремѣнно потерпѣлъ бы крушеніе, тѣмъ болѣе, что днемъ корабль этотъ, послѣ тщетной борьбы съ бурею, оказался все-таки довольно близко прижатымъ къ берегу и никакъ не могъ уйти въ открытое море. Бухта, найденная гражданиномъ Леграномъ, названа была его именемъ, дабы увѣковѣчить память о важной заслугѣ, оказанной этимъ морякомъ нашей экспедиціи“.

Офицеры и ученые осматривали прибрежье и группу сосѣднихъ острововъ. Одинъ изъ ученыхъ, инженеръ-географъ „Поиска“ Ришъ, съѣхавшій на австралійскій материкъ, чтобъ произвести тамъ нѣкоторыя наблюденія, заблудился и вернулся на корабль лишь два дня спустя, изнуренный голодомъ и усталостью.

Эта группа острововъ была крайнимъ предѣломъ, до котораго доходилъ голландскій мореплаватель Петеръ Нюитсъ.

„Насъ чрезвычайно удивило, — говоритъ Ла-Биллардьеръ, — точность, съ какою этотъ мореплаватель опредѣлилъ широту означенныхъ острововъ, тѣмъ болѣе, что въ его время инструменты были еще очень несовершенны. То же самое слѣдуетъ замѣтить также и относительно почти всѣхъ пунктовъ, опредѣленныхъ Левиномъ на этомъ прибрежьѣ.

15-го нивоза французскіе корабли находились подъ 31° 52′

широты и 129° 10′ восточной долготы, когда капитанъ Гюонъ-де-Кермадекъ заявилъ адмиралу д'Антркасто, что на „Надеждѣ“ осталось лишь тридцать бочекъ прѣсной воды, вслѣдствіе чего пришлось уменьшить суточную ея порцію до трехъ четвертей бутылки на человѣка и прекратить раздачу противуцынготныхъ напитковъ. „Поискъ“ находился приблизительно въ такомъ-же положеніи. Кромѣ того у „Надежды“ былъ попорченъ руль. При такихъ обстоятельствахъ д'Антркасто, пройдя 1600 километровъ вдоль совершенно пустыннаго и безплоднаго берега, гдѣ ему не представлялось случая сдѣлать сколько-нибудь интересныхъ наблюденій, счелъ нужнымъ направиться къ Вандименову мысу.

3-го плювіоза французскіе корабли бросили якорь въ скалистомъ портѣ, лежащемъ въ глубинѣ бухты Бурь, гдѣ они останавливались уже въ прошломъ году.

Во время этой стоянки произведено было много интересныхъ научныхъ изслѣдованій и наблюденій. Ла-Биллардьеръ восторженно описываетъ богатство и разнообразіе естественныхъ произведеній этого уголка Вандименовой Земли. Онъ восхищался тамъ громадными лѣсами колоссальныхъ деревьевъ и густою чащей кустовъ и травянистыхъ растеній, сквозь которую съ трудомъ лишь можно было пробраться. Въ одну изъ многочисленныхъ его прогулокъ въ окрестностяхъ бухты онъ нашелъ прекрасные образчики кровавика или желѣзнаго блеска, а нѣсколько далѣе—землистую руду яркокраснаго цвѣта, очевидно, съ богатымъ содержаніемъ желѣза. Ему случалось также встрѣчаться съ туземцами. Свѣдѣнія, которыя даетъ Ла-Биллардьеръ объ этой, теперь уже совершенно вымершей расѣ, довольно интересны, а потому мы считаемъ нелишнимъ привести ихъ въ дополненіе къ тому, что было сообщено капитаномъ Кукомъ.

Мы встрѣтили сорока двухъ дикарей, въ томъ числѣ семерыхъ взрослыхъ мужчинъ и восьмерыхъ женщинъ. Остальные находились, повидимому, на положеніи дѣтей. Между ними было нѣсколько большихъ уже дѣвушекъ, еще менѣе чѣмъ ихъ матери прикрывавшихъ свою наготу. Туземцы отпускаютъ себѣ бороду. Волосы у нихъ курчавые и шерстистые. У дѣтей верхняя челюсть выдается впередъ значительно болѣе нижней, но съ теченіемъ времени различіе это сглаживается, и у взрослыхъ обѣ челюсти находятся почти уже на одной линіи. Кожа у нихъ не слишкомъ черна, но черный ея цвѣтъ считается чрезвычайно мод-

нымъ. Дикари, желая казаться по возможности чернѣе, вымазываютъ все тѣло, а въ особенности верхнія его части, угольнымъ порошкомъ.

У нихъ кожа, преимущественно-же на груди и на плечахъ, испещрена бугорками, которые расположены частью отдѣльно, въ неравныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого, частью же по прямымъ линіямъ, имѣющимъ до дециметра въ длину. Обычай вырывать два верхнихъ рѣзца, который, по разсказамъ путешественниковъ, можно было бы счесть общимъ всѣмъ этимъ дикарямъ, во всякомъ случаѣ неизвѣстенъ встрѣченному нами племени. У видѣнныхъ нами дикарей всѣ зубы оказались цѣлыми. Надо замѣтить также, что они были очень хороши и совершенно здоровы. Зато въ курчавыхъ волосахъ у туземцевъ водится множество паразитовъ. Мы удивлялись терпѣнію, съ которымъ одна изъ женщинъ охотилась за этими паразитами на головѣ своего ребенка, хотя намъ было противно смотрѣть, какъ она раскусывала зубами и съ жадностью пожирала этихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ. Извѣстно, что обезьяны и нѣкоторыя племена негровъ поступаютъ такимъ-же образомъ со своими паразитами.

Маленькія дѣти очень интересовались всѣмъ, что сколько-нибудь блестѣло, и безцеремонно обрывали у насъ металлическія пуговицы. Считаю долгомъ упомянуть, какъ одинъ маленькій дикарь подшутилъ надъ нашимъ матросомъ, который, набравъ цѣлый мѣшокъ раковинъ, поставилъ его возлѣ скалы. Ребенокъ унесъ мѣшокъ и спряталъ его въ другомъ мѣстѣ. Матросъ долго искалъ свои раковины, что очень забавляло маленькаго дикаря, который, наконецъ, пошелъ самъ за мѣшкомъ и поставилъ его опять на прежнее мѣсто. При этомъ ребенокъ безъ памяти хохоталъ надъ своей остроумной шуткой".

На разсвѣтѣ 26-го плювіоза оба французскіе корабля снялись съ якоря и вошли въ проливъ д'Антркасто. 5-го вентоза они прибыли въ бухту „Adventure". Простоявъ пять дней въ этой бухтѣ (для производства астрономическихъ наблюденій и т. п.), д'Антркасто направился къ Новой Зеландіи и бросилъ якорь близъ сѣверной ея оконечности. Послѣ непродолжительной стоянки, которая не могла ничего прибавить къ точнымъ и обстоятельнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ капитаномъ Кукомъ, французскій адмиралъ взялъ курсъ къ архипелагу Дружбы, куда разсчитывалъ непремѣнно зайти Ла-Перузъ.

Какъ только „Поискъ“ и „Надежда“ стали на рейдѣ у острова Тонга-Табу, они были немедленно окружены цѣлой флотиліей байдаръ и буквально взяты на абордажъ громадной толпою туземцевъ, привезшихъ на продажу множество свиней и различныхъ фруктовъ.

Одинъ изъ сыновей царька Пулао (о которомъ упоминается въ путешествіи Кука) встрѣтилъ французскихъ моряковъ очень радушно и усердно хлопоталъ о томъ, чтобъ ихъ не обманывали въ торговыхъ сдѣлкахъ. Задача эта была очень трудная, такъ какъ островитяне замѣчательно ловко просвоивали себѣ все, что сколько-нибудь плохо лежало.

Ла-Биллардьеръ разсказываетъ, что двое туземцевъ украли у него самого шляпу. Это случилось слѣдующимъ образомъ.

„Двое туземцевъ, которыхъ я счелъ за вождей, — говоритъ онъ, — вошли со мною вмѣстѣ въ палатку, гдѣ сложена была привезенная островитянами провизія. Одинъ изъ нихъ принялся самымъ старательнымъ образомъ выбирать для меня лучшіе фрукты. Я положилъ шляпу свою на землю, думая, что ей не можетъ угрожать тамъ ни малѣйшей опасности, и, разумѣется, жестоко ошибся. Туземецъ, находившійся позади меня, уловчился спрятать мою шляпу къ себѣ подъ плащъ и незамѣтно удалился. Товарищъ этого вора тоже ушелъ, обѣщавъ сейчасъ-же вернуться. Я никакъ не подозрѣвалъ, чтобъ со мною рѣшились сыграть такую штуку и украсть у меня такую объемистую вещь какъ шляпа, тѣмъ болѣе, что съ ней можно было легко попасться въ палаткѣ, къ которой приставленъ былъ караулъ. Къ тому-же шляпа не должна была, повидимому, особенно прельщать дикарей, имѣющихъ привычку ходить съ непокрытой головой... Во всякомъ случаѣ ловкость, съ которою обокрали меня туземцы, свидѣтельствуетъ, что они занимались этимъ дѣломъ уже не впервые“.

Во время этой стоянки д'Антркасто имѣлъ сношенія съ туземнымъ вождемъ Фино. Это вѣроятно Финау, о которомъ упоминается въ путешествіи капитана Кука. Фино нѣсколько разъ заговаривалъ о Кукѣ, котораго онъ называлъ Тутэ. Онъ былъ, однако, лишь второстепеннымъ вождемъ. Верховный вождь и державецъ Тонга-Табу, Вавао, Аннамуки и прочихъ острововъ Дружбы былъ въ то время Тубо. Онъ лично посѣтилъ французскіе корабли и возвратилъ французамъ ружье, похищенное за нѣсколько дней передъ тѣмъ у часового. Онъ подарилъ д'Антркасто

два куска ткани изъ коры шелковичнаго дерева. Каждый изъ этихъ кусковъ былъ такой громадной величины, что въ него можно было бы завернуть чуть-ли не весь корабль. Кромѣ того адмиралу подарено было нѣсколько штукъ свиней и десятка два цыновокъ. Взамѣнъ этого Тубо получилъ отличный топоръ и красный генеральскій мундиръ, въ который онъ тотчасъ же и облачился.

Черезъ два дня послѣ того явилась на корабль очень дородная дама, лѣтъ пятидесяти по меньшей мѣрѣ. Дама эта, къ которой островитяне относились съ величайшимъ почтеніемъ, оказалась туземною королевой Тинэ. Отвѣдавъ всѣхъ кушаньевъ, которыя ей предлагали, она отдала рѣшительное предпочтеніе засахареннымъ бананамъ. Метрдотель, стоявшій за стуломъ ея величества, хотѣлъ убрать тарелку, послѣ того какъ королева откушала, но она избавила его отъ этого труда, захвативъ себѣ и тарелку, и салфетку.

Мѣстный державецъ соблаговолилъ дать въ честь адмирала д'Антркасто придворное празднество. Съѣхавъ на берегъ, адмиралъ былъ встрѣченъ тамъ двумя вождями: Фино и Омалаи. Они привели его на обширную площадку, куда вскорѣ явился и самъ Тубо съ своими двумя дочерьми. Принцессы эти обильно умаслили свои волосы кокосовымъ масломъ, но зато костюмъ ихъ отличался крайнею простотой. Онъ ограничивался однимъ ожерельемъ изъ хорошенькихъ, разноцвѣтныхъ зеренъ.

„Туземцы во множествѣ присутствовали на этомъ празднествѣ; ихъ было тамъ по меньшей мѣрѣ четыре тысячи человѣкъ,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ. — Почетное мѣсто полагается у нихъ, сколько можно судить, по лѣвую сторону державца. По крайней мѣрѣ мѣсто это было приготовлено для нашего адмирала. Матросы немедленно принесли подарки, предназначавшіеся для Тубо, который имъ очень обрадовался и не зналъ какъ изъявить свою благодарность. Въ особенное восхищеніе пришла вся многочисленная толпа туземцевъ при видѣ куска пунцоваго штофа. Изумляясь яркому цвѣту этой матеріи, они показывали на нее пальцами и восклицали: „Эго! эго!“ Такія же восклицанія раздавались каждый разъ, когда мы развертывали какую-нибудь красную ленту и т. п. Адмиралъ подарилъ кромѣ того тонгатабскому державцу козу, козла, кролика и крольчиху. Тубо обѣщалъ заботиться объ этихъ животныхъ, такъ чтобъ они могли развестись въ большомъ количествѣ на островѣ.

Омалаи, бывшій, по словамъ Тубо, его сыномъ, а также и нѣкоторые другіе вожди тоже получили подарки отъ адмирала.

По правую руку отъ насъ, т. е. въ направленіи къ сѣверо-востоку, сидѣли въ тѣни обремененнаго плодами хлѣбнаго дерева тринадцать музыкантовъ, которые пѣли хоромъ, акомпанируя себѣ на особыхъ, своеобразныхъ инструментахъ. Четверо изъ нихъ держали въ рукахъ бамбуковыя трости отъ одного до полутораметра въ длину, которыми они ударяли въ тактъ о землю. Самая длинная изъ тростей служила вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы капельмейстерскимъ жезломъ. Звуки, издаваемые упомянутыми четырьмя тростями, напоминали звуки тамбурина. Между этими четырьмя тростями существовало такое соотношеніе, что двѣ одинаковыхъ трости средней величины звучали въ униссонъ. Самая длинная трость была на полтора тона ниже, а наиболѣе короткая—на два съ половиной тона выше. Артистъ, пѣвшій контральтомъ, обладалъ немного хриплымъ, но очень сильнымъ голосомъ, покрывавшимъ всѣ остальные голоса. Онъ акомпанировалъ себѣ, ударяя двумя казуариновыми палочками по бамбуковой трости длиною въ шесть метровъ и расколотой вдоль.

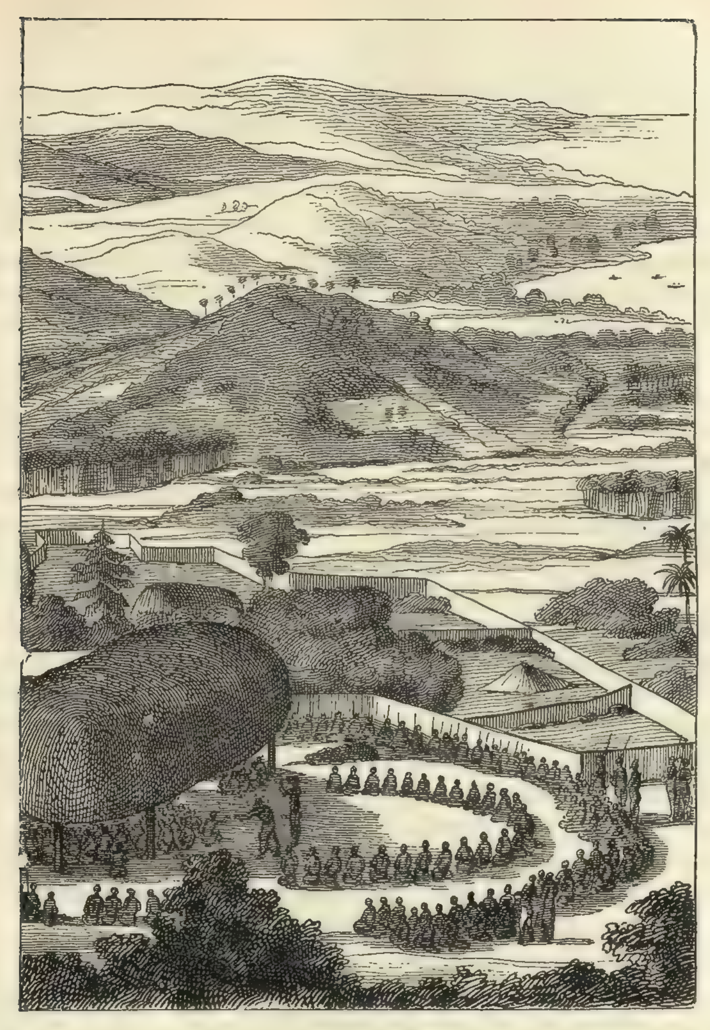
Трое артистовъ, сидѣвшихъ впереди другихъ, старались передать сюжетъ пѣсни пантомимой, дѣлая съ большимъ ансамблемъ разныя тѣлодвиженія, которыя были, по всѣмъ вѣроятіямъ, тщательно заучены. Отъ времени до времени они поворачивали къ королю голову, дѣлая руками довольно граціозные жесты. Иногда же они быстро опускали голову на грудь и качали ею со стороны на сторону.

Тубо подарилъ, въ свою очередь, адмиралу нѣсколько кусковъ ткани изъ шелковичной коры. Чтобъ мы могли составить себѣ болѣе точное понятіе о высокой цѣнности этого подарка, ткани эти были съ большою торжественностью развернуты во всю длину.

Одинъ изъ министровъ, сидѣвшій по правую руку державца, приказалъ готовить каву. Тотчасъ-же принесена была деревянная лохань овальной формы, имѣвшая около метра въ длину.

Музыканты, безъ сомнѣнія, приберегли къ этому времени самыя лучшія свои пьесы. По крайней мѣрѣ, при каждой паузѣ, которую они дѣлали, раздавались со всѣхъ сторонъ возгласы: „Мали! мали!“ и бурныя рукоплесканія, свидѣтельствовавшія о наслажденіи и восторгѣ, испытываемомъ слушателями.

Затѣмъ послѣдовала раздача кавы присутствовавшимъ вож-



Праздникъ въ честь д'Антркасто на о-вахъ Дружбы (Fac-simile съ древней гравюры).

дямъ. Церемоніей этой, очевидно имѣвшей важное государственное значеніе, распоряжался первый министръ, завѣдывавшій и самымъ приготовленіемъ кавы"...

Концертъ во всѣхъ отношеніяхъ уступалъ блестящимъ празднествамъ, которыя были даны на островахъ Дружбы въ честь Кука. Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что и королева Тинэ дала въ

честь французскихъ моряковъ балъ съ танцами, предшествуемый концертомъ. На этотъ балъ явилось множество туземцевъ, между которыми оказалось немало воровъ. Безстыдство этихъ мошенниковъ достигло до такой степени, что они вырвали у кузнеца съ „Поиска“ большой каталонскій ножъ, который онъ носилъ за поясомъ. Кузнецъ пустился вдогонку за похитителями. Дикари, видя, что поблизости нѣтъ никакого другого француза, бросились на него и проломили ему голову ударомъ палицы. Дѣло это происходило на берегу, а потому нападеніе на кузнеца было замѣчено съ „Надежды“. Пушечный выстрѣлъ съ этого корабля заставилъ грабителей обратиться въ бѣгство. Выстрѣлъ этотъ произвелъ страшный переполохъ. Французскіе офицеры и матросы бросились къ шлюпкамъ и при этомъ убили нѣсколькихъ туземцевъ, которые пытались ихъ задержать.

Несмотря на этотъ прискорбный случай, между островитянами и французами возобновились вскорѣ прежнія дружественныя отношенія. Они приняли даже такой искренній, сердечный характеръ, что многіе изъ туземцевъ просили адмирала взять ихъ съ собою во Францію, когда „Поискъ“ и „Надежда“ стали сниматься съ якоря.

„Здѣшніе островитяне народъ очень смышленый, — говоритъ д'Антркасто.—Они сообщили намъ точныя свѣдѣнія о корабляхъ, которые приставали къ ихъ архипелагу. Мы положительно убѣдились изъ ихъ разсказовъ, что Ла-Перузъ не заходилъ ни на одинъ изъ острововъ Дружбы. Туземцы очень хорошо помнятъ о посѣщеніяхъ капитана Кука и промежутки времени между ними опредѣляютъ сборами ямса. На каждый годъ у нихъ приходится по два сбора этихъ съѣдобныхъ кореньевъ“.

Свѣдѣнія эти совершенно противорѣчатъ тѣмъ даннымъ, которыя получены были тридцать пять лѣтъ спустя Дюмонъ Дюрвиллемъ черезъ посредство королевы Тамеа.

„Я освѣдомился у королевы,—говоритъ Дюмонъ Дюрвилль,—не заходили-ли въ промежутокъ времени между посѣщеніемъ Кука и адмираломъ д'Антркасто на острова Тонга другіе европейскіе корабли. Немного подумавъ, она категорически заявила мнѣ, что всего лишь за нѣсколько лѣтъ до прибытія д'Антркасто останавливались у острова Аннамуки два большихъ корабля съ пушками и со множествомъ европейцевъ. Корабли эти, походившіе очень на суда д'Антркасто, стояли цѣлыхъ десять дней на

Аннамукскомъ рейдѣ. Флаги ихъ не походили на англійскіе, а были, напротивъ того, совсѣмъ бѣлые. Чужеземцы относились къ островитянамъ очень дружественно, а потому мѣстные вожди отвели имъ на берегу домъ для производства мѣновой торговли. Туземецъ, продавшій одному изъ офицеровъ подушку, вырѣзанную изъ дерева, и получившій въ уплату ножъ, вздумалъ убѣжать, захвативъ съ собою и проданную подушку, но былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ. Обстоятельство это не нарушило мирныхъ отношеній между островитянами и французами, такъ какъ вожди признали, что въ данномъ случаѣ туземецъ былъ самъ виноватъ".

Нѣтъ никакого повода заподозрить Дюмонъ Дюрвилля въ умышленномъ обманѣ, а что касается тонготабской королевы, то она не сумѣла бы солгать настолько правдоподобнымъ образомъ. Особенно характеристическимъ является ея показаніе о корабельныхъ флагахъ, вовсе не походившихъ на англійскіе. Признавая показаніе ея правильнымъ, пришлось бы, однако, заключить, что адмиралъ д'Антркасто въ бытность свою на Тонга-Табу не наводилъ о Ла-Перузѣ достаточно обстоятельныхъ справокъ. Это было бы со стороны адмирала весьма тяжкимъ упущеніемъ. Мы будемъ имѣть, однако, случай привести еще нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о томъ, что д'Антркасто не вполнѣ серьезно относился къ главной, возложенной на него, задачѣ.

Жители Тонга-Табу съ глубокимъ прискорбіемъ простились 21-го жерминаля съ французскими кораблями. Шесть дней спустя, съ „Надежды", шедшей впереди, усмотрѣнъ былъ островъ Эрронанъ, самый восточный изъ острововъ Св. Духа, открытыхъ Квиросомъ въ 1606 году. Затѣмъ послѣдовательно были усмотрѣны острова Аннатомъ, Танна съ постоянно дѣйствующимъ вулканомъ, группа островковъ Ботанъ-Бопре и т. д. Увлекаемые быстрымъ теченіемъ, французскіе корабля очутились вскорѣ уже въ виду Ново-каледонскихъ горъ и бросили якорь въ томъ самомъ Баладскомъ портѣ, въ которомъ останавливался въ 1774 году Кукъ.

Ново-каледонцы были знакомы съ употребленіемъ желѣза, но придавали этому металлу меньшую цѣнность, чѣмъ другіе океанійскіе народцы. Вмѣсто желѣзныхъ орудій они употребляли орудія изъ очень твердаго камня, вполнѣ удовлетворявшія ихъ ограниченнымъ потребностямъ. Явившись на корабль, туземцы прежде всего попросили дать поѣсть. Просьбу эту понять было нетрудно,

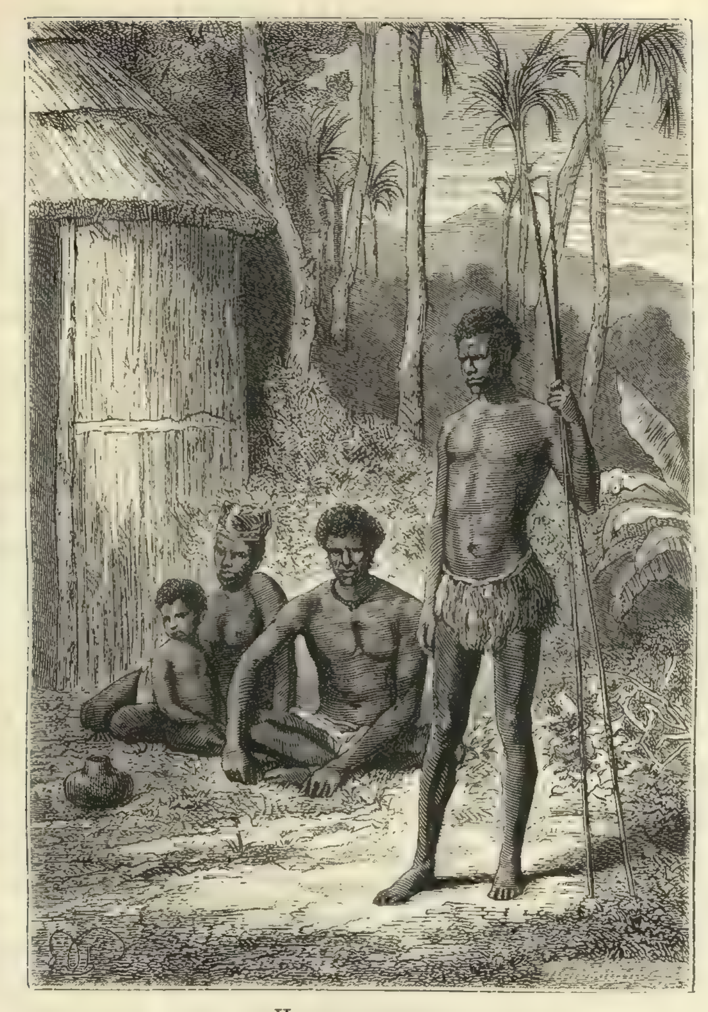
тѣмъ болѣе, что они подкрѣпляли ее весьма выразительной жестикуляціей и указывали на свои дѣйствительно отощавшіе животы. Байдары ново-каледонцевъ не отличались такою художественною постройкой, какъ лодки островитянъ „Дружбы". Къ тому-же они управляли ими довольно неискусно, что, впрочемъ, было замѣчено уже и капитаномъ Кукомъ. Волосы у ново-каледонцевъ курчавые и шерстистые, а цвѣтъ кожи почти такой-же черный, какъ у тасманійцевъ. Большинство ихъ вооружено дротиками и палицами. Всѣ мужчины кромѣ того носятъ привѣшенный къ поясу кожаный мѣшокъ съ гладкими камнями яйцевидной формы, которые они оченъ мѣтко бросаютъ изъ пращи.

Послѣ прогулки по берегу, во время которой было осмотрѣно много туземныхъ хижинъ, похожихъ на пчелиные ульи, французскіе офицеры и ученые рѣшились вернуться на свои шлюпки.

„Подходя къ пристани,—говорится въ донесеніи,—мы нашли тамъ болѣе семисотъ туземцевъ, сбѣжавшихся отовсюду. Они просили у насъ желѣза и европейскихъ тканей въ обмѣнъ на мѣстныя произведенія. Многіе изъ нихъ не замедлили выказать себя при этомъ замѣчательно ловкими и безстыдными ворами.

Въ числѣ многихъ мошенническихъ продѣлокъ ново-каледонцевъ я приведу лишь ту, которую сыграли со мною самимъ двое тамошнихъ воровъ. Одинъ изъ дикарей предложилъ мнѣ купить у него мѣшочекъ съ яйцевидными камнями, который былъ у него за поясомъ. Отвязавъ этотъ мѣшокъ, онъ сдѣлалъ видъ, что протягиваетъ его мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ отъ меня предметъ, который я соглашался дать ему въ обмѣнъ. Въ эту самую минуту другой дикарь, стоявшій позади меня, такъ громко вскрикнулъ, что я невольно оглянулся въ его сторону. Пользуясь этимъ, продавецъ мгновенно скрылся въ толпѣ, унеся съ собою и мѣшокъ, и полученную за него плату. Почти у всѣхъ у насъ были ружья и намъ не трудно было бы пристрѣлить вора, но мы не хотѣли прибѣгать къ такой крутой мѣрѣ. Можно было, однако, опасаться, что наше добродушіе будетъ сочтено туземцами явнымъ доказательствомъ безсилія и вызоветъ съ ихъ стороны еще болѣе дерзкіе поступки. Опасенія эти не замедлили подтвердиться.

Видя, что мы народъ смирный, многіе изъ дикарей принялись бросать каменьями въ одного изъ нашихъ офицеровъ, оставшагося немного позади и находившагося еще шагахъ въ двухстахъ отъ пристани. Мы были, однако, такъ сильно предубѣ-



Ново-каледонцы.

ждены разсказами Форстера въ пользу ново-каледонцевъ, что все еще не рѣшались проучить ихъ какъ слѣдуетъ. Необходимы были другіе факты, чтобы вполнѣ разрушить предвзятое убѣжденіе въ добродушіи и кротости нравовъ этихъ дикарей. Вскорѣ намъ представился случай во-очію убѣдиться въ ихъ кровожадной свирѣпости.

Одинъ изъ дикарей держалъ въ рукѣ недавно зажаренную

кость и съ аппетитомъ обгладывалъ оставшееся возлѣ нея мясо. Подойдя къ гражданину Пирону, дикарь радушно подалъ ему кость, приглашая отвѣдать мясца. Пиронъ, думая, что это мясо какого-нибудь четвероногаго животнаго, взялъ кость, на которой оставались почти только одни хрящи, и показалъ ее мнѣ. Я тотчасъ узналъ въ ней кусокъ таза четырнадцатилѣтняго ребенка. Окружавшіе насъ туземцы подтвердили это предположеніе и тотчасъ-же показали на одномъ ребенкѣ положеніе этой кости, при чемъ, безцеремонно объяснивъ, что мясо, бывшее вокругъ кости, съѣдено, старались знаками показать, что оно считается у нихъ чрезвычайно вкуснымъ.

Большинство нашихъ товарищей, оставшихся на кораблѣ, не хотѣли вѣрить, чтобъ ново-каледонцы могли быть людоѣдами. Разсказы Кука и Форстера, дѣйствительно, вовсе не вязались съ существованіемъ такого ужаснаго обычая. Намъ легко удалось, однако, убѣдить всѣхъ этихъ невѣрующихъ. Я принесъ съ собою обглоданную кость, полученную Пирономъ отъ одного изъ островитянъ. Старшій нашъ корабельный врачъ подтвердилъ, что это дѣйствительно кость ребенка. Затѣмъ я подалъ ее туземцамъ, находившимся въ то время у насъ на кораблѣ. Одинъ изъ этихъ людоѣдовъ съ жадностью за нее ухватился и тотчасъ-же оборвалъ зубами большую часть остававшихся еще на ней связокъ и хрящей. Затѣмъ я передалъ эту кость его товарищу, который также принялся обгладывать ее съ большимъ аппетитомъ".

Островитяне, навѣщавшіе французскіе корабли, оказались такими безцеремонными и дерзкими ворами, что ихъ пришлось подъ конецъ прогнать. На другой день французы, съѣхавъ на берегъ, нашли ново-каледонцевъ какъ разъ за обѣдомъ. Дикари были настолько гостепріимны, что предложили французамъ свѣже-зажареннаго мяса. Убѣдившись, что это было тоже человѣческое мясо, офицеры и ученые вѣжливо отказались отъ этого предложенія.

Нѣкоторые изъ туземцевъ подходили къ французамъ и „ощупывали у нихъ самыя мясистыя части рукъ и ногъ, повторяя при этомъ нѣсколько разъ слово „карапекъ" и облизываясь съ самыми недвусмысленными тѣлодвиженіями".

На этотъ разъ многіе изъ офицеровъ были ограблены и обокрадены самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Туземцы совсѣмъ перестали съ ними церемониться. Они пытались отнять топоры у матросовъ, посланныхъ рубить дрова. Чтобы отдѣлаться отъ

грабителей, матросы вынуждены были прибѣгнуть къ огнестрѣльному оружію.

Такія столкновенія возобновлялись неоднократно. Они заканчивались каждый разъ тѣмъ, что туземцы, потерявъ нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными, обращались въ бѣгство. Дикари, несмотря на безуспѣшность разбойническихъ своихъ попытокъ, покушались на нихъ каждый разъ, какъ только обстоятельства казались имъ благопріятными.

Ла-Биллардьеръ былъ очевидцемъ факта, который зачастую наблюдался впослѣдствіи, но въ то время считался весьма неправдоподобнымъ. Онъ видѣлъ, что туземцы ѣли особаго рода жирную на-ощупь землю. Она, какъ говоритъ французскій ученый, „заглушаетъ чувство голода, наполняя желудокъ и поддерживая такимъ образомъ внутренніе органы прикрѣпленными къ діафрагмѣ. Хотя земля эта не содержитъ никакихъ питательныхъ веществъ, она оказывается очень полезной дикарямъ, которымъ приходится иногда долго оставаться безъ пищи. Вслѣдствіе неплодородія почвы они мало занимаются воздѣлываніемъ съѣдобныхъ растеній... Кто-бы могъ подумать, что людоѣдамъ зачастую приходится съ голоду ѣсть землю? *)

Во время пребыванія въ Новой Каледоніи д'Антркасто не довелось ничего узнать о Ла-Перузѣ. Однако-же между туземцами сохранилось преданіе о томъ, будто, спустя нѣкоторое время послѣ посѣщенія Сосноваго острова Кукомъ, подходили къ сѣверной оконечности этого острова два корабля. Съ кораблей этихъ посланы были на берегъ шлюпки.

Жюль Гарнье, сообщившій это преданіе въ замѣткѣ, которая была помѣщена въ „Бюллетенѣ Парижскаго Географическаго Общества“ за ноябрь 1869 года, говоритъ, что, по собраннымъ имъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ, туземцы сперва испугались, но затѣмъ подошли къ иностранцамъ и вступили съ ними въ дружественныя сношенія. Желѣзо, европейскія ткани и разноцвѣтныя стеклянныя бусы, имѣвшіяся у моряковъ, казались дикарямъ

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, жирная земля, употребляемая въ пищу индѣйскими племенами, обитающими на берегахъ Ориноко, содержитъ въ себѣ громадное количество микроскопическихъ живыхъ организмовъ. Весьма вѣроятно, что земля, употреблявшаяся въ пищу ново-каледонцами, имѣла подобный же составъ. Понятно, что въ такомъ случаѣ она можетъ служить для туземцевъ до извѣстной степени даже и пищею.

несмѣтными богатствами и привели ихъ, наконецъ, въ такое возбужденіе, что они хотѣли силой удержать у себя чужеземцевъ и воспрепятствовать имъ вернуться на корабль. Залпъ изъ ружей, положившій на мѣстѣ нѣсколькихъ дикарей, заставилъ остальныхъ нѣсколько успокоиться. Недовольные такимъ грубымъ обращеніемъ со стороны туземцевъ, европейскіе корабли удалились по направленію къ Новой Каледоніи, простившись съ Сосновымъ островомъ пушечнымъ выстрѣломъ, который туземцы сочли за ударъ грома.

Удивительно, что д'Антркасто, вступавшій въ сношенія съ жителями Сосноваго острова, ничего обо всемъ этомъ не слышалъ. Островъ этотъ не особенно великъ и населеніе его сравнительно немногочисленно. Надо полагать поэтому, что туземцы имѣли вѣскія причины не разсказывать про посѣщеніе Ла-Перуза.

Если-бы во время плаванія вдоль коралловаго рифа, ограждающаго западное прибрежье Новой Каледоніи отъ напора морскихъ валовъ, адмиралъ д'Антркасто сумѣлъ отыскать какой-либо изъ многочисленныхъ прорывовъ, находящихся въ этомъ рифѣ, то онъ, вѣроятно, нашелъ бы на берегу слѣды пребыванія Ла-Перуза. Этотъ смѣлый и внимательный мореплаватель, любившій подобно Куку обстоятельно наносить на карту осматриваемыя имъ малоизвѣстныя земли, безъ сомнѣнія, приставалъ во многихъ мѣстахъ ново-каледонскаго прибрежья. Капитанъ одного китоловнаго судна, письмо котораго приведено у Ріензи, утверждаетъ, что видѣлъ у ново-каледонцевъ нѣсколько медалей, оставленныхъ Ла-Перузомъ, и знаки ордена св. Людовика.

Жюль Гарнье, на пути изъ Нумеи въ Каналу, видѣлъ въ мартѣ 1865 года у одного изъ сопровождавшихъ его туземцевъ старую заржавѣвшую шпагу. Она формою своею походила на шпаги XVIII столѣтія и на эфесѣ ея были изображены лиліи. Отъ хозяина этой шпаги можно было узнать только то, что она принадлежитъ ему уже съ незапамятныхъ временъ.

Трудно представить себѣ, чтобы кто-либо изъ членовъ экспедиціи подарилъ свою шпагу или же орденъ св. Людовика дикарямъ. Гораздо правдоподобнѣе допустить, что какой-либо изъ офицеровъ былъ убитъ и ограбленъ ново-каледонцами. Предположеніе это, какъ говоритъ Гарнье, отлично объясняетъ также разногласіе, замѣчающееся у Кука и д'Антркасто въ описаніи характера обитателей Баладской бухты. По словамъ Кука, ди-

кари эти обладаютъ всѣми возможными добродѣтелями. Это самые добродушные, откровенные и миролюбивые люди. Адмиралъ д'Антркасто, напротивъ того, считаетъ ихъ вмѣстилищемъ всѣхъ пороковъ—ворами, разбойниками и людоѣдами.

„Не случилось-ли чего-нибудь необыкновеннаго,—спрашиваетъ Гарнье,—въ промежутокъ между посѣщеніемъ Кука и прибытіемъ д'Антркасто? Весьма естественно допустить, что туземцы не безъ причины такъ радикально измѣнили свой образъ дѣйствій по отношенію къ европейцамъ. Быть можетъ, что между ними и европейцами произошло столкновеніе, при которомъ европейцы вынуждены были прибѣгнуть къ оружію. Быть можетъ, были сожжены при этомъ хижины дикарей и разорены ихъ плантаціи. Нельзя-ли объяснить подобнымъ столкновеніемъ враждебный пріемъ, оказанный адмиралу д'Антркасто въ Баладской бухтѣ?"

Ла-Биллардьеръ, описывая свою экспедицію въ горы, по которымъ пролегаетъ линія водораздѣла въ сѣверной части Новой Каледоніи и съ которыхъ видно по обѣ стороны море, говоритъ:

„Намъ сопутствовало туда всего лишь трое островитянъ, видѣвшихъ наши корабли, безъ сомнѣнія, еще въ прошломъ году, когда мы шли вдоль западнаго берега ихъ острова. По крайней мѣрѣ, разставаясь съ нами, дикари эти говорили о двухъ корабляхъ, замѣченныхъ ими по ту сторону".

Очень жаль, что Ла-Биллардьеръ не разспросилъ хорошенько туземцевъ объ этихъ корабляхъ. Онъ могъ бы узнать при этомъ, дѣйствительно ли туземцы видѣли ихъ именно годъ тому назадъ. Тогда разъяснилось бы между прочимъ, были ли это корабли Ла-Перуза или же эскадра д'Антркасто.

Изъ приведенныхъ здѣсь подробностей видно, что если-бъ д'Антркасто старался съ большимъ усердіемъ собирать свѣдѣнія о Ла-Перузѣ, то ему вѣроятно бы удалось разыскать слѣды пребыванія „Буссоли" и „Астролябіи" у ново-каледонскаго прибрежья. Мы увидимъ сейчасъ, что экспедиція д'Антркасто могла застать, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ большую часть спутниковъ Ла-Перуза еще живыми.

Во время этой стоянки капитанъ Гюонъ де-Кермадекъ умеръ отъ изнурительной лихорадки, которою онъ страдалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вмѣсто него командиромъ „Надежды" назначенъ былъ Гесмиви д'Орибо.

Покинувъ 21-го флоріаля Новую Каледонію, д'Антркасто по-

слѣдовательно осмотрѣлъ острова Мулена, Гюона и открытый Менданой островъ св. Креста, отдѣляющійся отъ Новаго Джерсея проливомъ, въ которомъ французскіе корабли подверглись нападенію дикарей.

На юго-востокѣ виднѣлся островъ, который получилъ отъ д'Антркасто названіе острова „Поиска". Если-бъ французскому адмиралу пришло на умъ осмотрѣть этотъ островъ, онъ, разумѣется, назвалъ бы его островомъ Открытія. Это былъ Ванико̀ро, небольшой островокъ, окруженный коралловыми рифами, на которыхъ потерпѣли крушеніе „Буссоль" и „Астролябія". Надо полагать, что въ то время на этомъ островѣ жили еще нѣкоторые изъ спутниковъ Ла-Перуза. Однако д'Антркасто не суждено было выполнить возложенную на него задачу. Даже и на этотъ разъ, будучи уже такъ близко къ цѣли, онъ прошелъ мимо нея. Завѣса, скрывавшая участь Ла-Перуза и его товарищей, была приподнята лишь впослѣдствіи, спустя много лѣтъ...

Въ подробности осмотрѣвъ южную оконечность острова св. Креста, д'Антркасто направился къ Сюрвилевской Землѣ Арза̀кидовъ, прошелъ мимо южной ея оконечности къ берегамъ Луизіады (которую Ла-Перузъ хотѣлъ посѣтить послѣ того, какъ побываетъ на Саломоновыхъ островахъ) и опредѣлилъ, 7 преріаля, точное географическое положеніе мыса Избавленія. Мысъ этотъ не составляетъ часть Новой Гвинеи, какъ это предполагалъ Бугэнвилль, а образуетъ собою оконечность отдѣльнаго острова, который названъ былъ островомъ Росселя въ честь одного изъ офицеровъ, который и былъ, главнымъ образомъ, авторомъ отчета о путешествіи д'Антркасто.

Послѣ утомительнаго плаванія среди множества низменныхъ и утесистыхъ острововъ, подводныхъ скалъ и отмелей, названныхъ фамиліями офицеровъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, французскіе корабли достигли на высотѣ мыса Короля Вильгельма береговъ Новой Гвинеи, послѣ чего взяли курсъ такъ, чтобы пройти въ проливъ Дампьера. Затѣмъ они шли вдоль сѣвернаго берега Новой Британіи, возлѣ котораго нашли нѣсколько неизвѣстныхъ еще дотолѣ маленькихъ островковъ. 17-го іюля французская эскадра была въ виду островка, лежащаго неподалеку отъ острова Отшельниковъ.

Адмиралъ д'Антркасто, давно уже страдавшій цынгою и кро̀вавымъ поносомъ, былъ въ то время уже въ совершенно

безнадежномъ положеніи. Уступивъ просьбамъ своихъ офицеровъ, онъ согласился оставить „Надежду", которая шла гораздо тише „Поиска", и какъ можно поспѣшнѣе идти къ острову Вайжіу. На другой день по прибытіи къ этому острову, а именно 20-го іюля, онъ скончался послѣ тяжкихъ страданій.

„Надежда" и „Поискъ" останавливались на нѣкоторое время у острововъ Вайжіу и Буру, гдѣ голландскій резидентъ принялъ французскихъ моряковъ очень радушно и гдѣ у нѣкоторыхъ туземцевъ сохранилось еще воспоминаніе о Бугэнвиллѣ.

Д'Орибо, принявшій начальство надъ экспедиціей, вскорѣ захворалъ, послѣ чего мѣсто его долженъ былъ заступить Россель. Пройдя черезъ Бутонскій и Салейерскій проливы, „Надежда" и „Поискъ" прибыли 19-го октября къ Сурабайскому порту.

Тамъ французскіе моряки узнали о важныхъ событіяхъ, которыя случились за время ихъ отсутствія изъ Европы. Людовику XVI отрубили голову. Франція находилась въ войнѣ съ Голландіей и со всѣми европейскими державами. „Надежда" и „Поискъ" потерпѣли значительныя аваріи, которыя надо было исправить. Экипажамъ обоихъ судовъ необходимо было дать продолжительный отдыхъ, но тѣмъ не менѣе д'Орибо хотѣлъ немедленно идти къ Иль-де-Франсу. Губернаторъ голландской колоніи счелъ себя, однако, въ правѣ задержать французскіе корабли. Вслѣдствіе разногласія въ политическихъ мнѣніяхъ возникли между членами экспедиціи раздоры. Губернаторъ, опасаясь, чтобъ дѣло не дошло до нарушенія спокойствія въ его колоніи, потребовалъ, чтобъ его плѣнники подчинились очень унизительнымъ условіямъ, на которыя они, однако, вынуждены были согласиться. Взаимное раздраженіе и ненависть особенно усилились, когда д'Орибо счелъ нужнымъ высказаться противъ республики и за бѣлое знамя. Большинство офицеровъ и ученыхъ протестовали противъ образа дѣйствій начальника экспедиціи. Вслѣдствіе этого они были арестованы голландскими властями и разосланы по разнымъ портамъ Зондскихъ острововъ.

По смерти д'Орибо, послѣдовавшей 21-го августа 1794 года, начальство надъ экспедиціей принялъ Россель. Онъ самъ намѣревался доставить во Францію бумаги экспедиціи и собранныя ею коллекціи, но на пути былъ встрѣченъ англійскимъ фрегатомъ и объявленъ военноплѣннымъ. Англичане, въ противность международному праву, захватили упомянутыя коллекціи и документы.

Когда впослѣдствіи предметы эти были возвращены французскому правительству, они оказались въ такомъ негодномъ состояніи, что изъ нихъ нельзя было уже извлечь для науки тѣхъ плодовъ, на какіе слѣдовало, повидимому, разсчитывать. Образъ дѣйствій англичанъ по отношенію къ французской научной экспедиціи представляется тѣмъ болѣе предосудительнымъ, что французское правительство во время войны съ Англіей объявило корабли капитана Кука нейтральными.

Такъ окончилась злополучная кампанія „Поиска“ и „Надежды“. Главная цѣль, имѣвшаяся въ виду при снаряженіи экспедиціи, не была вовсе достигнута. Съ другой стороны, сдѣланы были нѣкоторыя географическія открытія, пополнены и провѣрены открытія другихъ мореплавателей и собрано громадное количество фактовъ и наблюденій, преимущественно-же въ области естествовѣдѣнія, благодаря усердію естествоиспытателя Ла-Биллардьера.

III.

Путешествіе капитана Маршана.—Маркизскіе острова.—Открытіе Нука-Гивы.—Нравы и обычаи населенія.—Острова Революціи.—Американское прибрежье и портъ Чикитане.—Коксовъ проливъ.—Стоянка на Сандвичевыхъ островахъ.—Макао.—Обманутыя надежды.—Возвращеніе во Францію.—Открытія Басса и Флиндерса въ Австраліи.—Путешествіе капитана Бодена.—Земли Эндрахта и Витта.—Стоянка на островѣ Тиморѣ.—Изслѣдованіе Вандименовой Земли.—«Географъ» и «Натуралистъ» разстаются другъ съ другомъ.—Пребываніе въ Портъ-Джаксонѣ.—Ссыльные.—Богатыя пастбища въ Новомъ Южномъ Валлисѣ.—Возвращеніе «Натуралиста» во Францію.—Плаваніе «Географа» и «Казуарины» близъ земель Нюитса, Эдельса, Эндрахта и Витта.—Вторичное пребываніе на Тиморѣ.—Возвращеніе во Францію.

Въ 1788 году капитанъ одного изъ французскихъ торговыхъ судовъ, Этьенъ Маршанъ, на обратномъ пути изъ Бенгаліи, встрѣтился на рейдѣ острова св. Елены съ англійскимъ капитаномъ Портлокомъ. Разговоръ естественно зашелъ у нихъ о торговлѣ, о товарахъ, имѣющихъ особенно хорошій сбытъ въ мѣновыхъ сдѣлкахъ и на которыхъ можно нажить особенно крупные барыши. Маршанъ самъ говорилъ мало и старался вывѣдать какъ можно болѣе отъ своего словоохотливаго собесѣдника. Онъ узналъ между прочимъ отъ Портлока, что мѣха, особенно котиковые, могутъ быть очень дешево пріобрѣтены на западномъ берегу Сѣверной Америки и проданы затѣмъ въ Китаѣ по баснословно дорогимъ цѣнамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ

Видъ острова Бурона (Fac-simile съ древней гравюры).

Маршану было извѣстно, что въ Небесной Имперіи всегда найдется подходящій грузъ для судна, возвращающагося въ Европу.

Вернувшись во Францію, Маршанъ сообщилъ своимъ арматорамъ, марсельскимъ судохозяевамъ, гг. Бо, полученныя имъ отъ Портлока драгоцѣнныя свѣдѣнія, и арматоры рѣшились тотчасъ-же

ими воспользоваться. Для плаванія въ Тихомъ океанѣ необходимо было весьма прочное судно, обладающее особыми мореходными качествами. Гг. Бо построили поэтому новый корабль въ триста тоннъ водоизмѣщенія, съ мѣдными скрѣпами и мѣдною же обшивкой. Они снабдили его всѣмъ необходимымъ для обороны отъ дикарей или отъ морскихъ разбойниковъ, а также для производства починокъ и исправленій. На корабль этотъ были погружены необходимые товары для мѣновой торговли, продовольственные запасы, противуцынготныя средства и т. п. въ количествѣ, достаточномъ для кампаніи, долженствовавшей продлиться три или четыре года.

Командиромъ этого корабля, названнаго „Прочнымъ" (Solide), назначенъ былъ капитанъ Маршанъ. При немъ состояли помощниками капитаны Массъ и Просперъ Шаналь. Кромѣ того на кораблѣ было трое лейтенантовъ, два врача, трое волонтеровъ и тридцать девять матросовъ, такъ что, въ общей сложности, экипажъ „Прочнаго" состоялъ изъ пятидесяти человѣкъ.

Вооруженіе корабля состояло изъ четырехъ пушекъ, двухъ гаубицъ и четырехъ фальконетовъ съ надлежащимъ количествомъ боевыхъ припасовъ.

Маршанъ разсчитывалъ прибыть къ мысу Горну въ началѣ зимы, но тѣмъ не менѣе „Прочный" отплылъ изъ Марселя уже 14-го декабря 1790 года. Послѣ кратковременной стоянки въ Ла-Прайѣ на островахъ Зеленаго мыса онъ взялъ курсъ къ Землѣ Генеральныхъ Штатовъ, которая и была усмотрѣна 1-го апрѣля 1791 года, а затѣмъ обогнулъ Огненную Землю и вступилъ въ Тихій океанъ. Капитанъ Маршанъ хотѣлъ сперва было безостановочно идти къ сѣверо-западному американскому прибрежью, но уже съ первыхъ чиселъ мая прѣсная вода въ бочкахъ настолько испортилась, что надо было непремѣнно запастись свѣжей водой.

Рѣшено было поэтому зайти на Маркизскіе острова, открытые испанскимъ мореплавателемъ Мендозой. Острова эти лежатъ подъ 10° южной широты и подъ 141° западной долготы отъ парижскаго меридіана.

„Положеніе этихъ острововъ,—говоритъ Флерье, обнародовавшій очень интересный отчетъ объ этомъ путешествіи,— было тѣмъ удобнѣе для предположенной стоянки, что Маршанъ, желая избѣжать полосы штилей, въ которую часто попадаютъ суда,

слишкомъ много уклоняющіяся къ востоку, намѣренъ былъ пересѣчь экваторъ подъ 142° западной долготы.

Маркизскій архипелагъ, открытый Мендозой въ 1595 году, былъ затѣмъ въ 1774 году посѣщенъ капитаномъ Кукомъ.

12-го іюня усмотрѣнъ былъ островъ св. Магдалины, самый южный изъ островов этого архипелага. Наблюденія и вычисленія Маршана и капитана Шаналя были настолько точны, что „Прочный“ безошибочно подошелъ къ Маркизскимъ островамъ послѣ семидесятитрехдневнаго плаванія (отъ мыса Сенъ-Жуана, Земли Генеральныхъ Штатовъ) въ открытомъ морѣ, изобилующемъ самыми разнообразными теченіями. Теченія эти настолько увлекаютъ корабль въ сторону, что обыкновенные способы корабельнаго счисленія оказываются совершенно недостаточными. Единственнымъ надежнымъ способомъ для кораблевожденія является въ данномъ случаѣ постоянная провѣрка этого счисленія астрономическими наблюденіями.

Намѣреваясь пристать къ острову Санта-Христина, Маршанъ направился сперва къ Санъ-Педро, затѣмъ, пройдя къ востоку отъ этого острова, увидѣлъ передъ собою острова Доминику, Санта-Христину и Гудъ (самый сѣверный изъ Маркизскихъ острововъ).

Французскій корабль бросилъ якорь въ бухтѣ Мадре-де-Діосъ, гдѣ туземцы встрѣтили моряковъ самымъ восторженнымъ образомъ, привѣтствуя ихъ возгласами „тайо! тайо!“

Убѣдившись въ невозможности добыть въ окрестностяхъ этой бухты достаточное количество свиней, капитанъ Маршанъ зашелъ также и въ нѣкоторыя другія бухты острова Санта-Христины. Онъ нашелъ окрестности ихъ болѣе населенными, болѣе плодородными и болѣе живописными, чѣмъ прибрежье Мадре-де-Діосъ. Капитанъ Кукъ пробылъ слишкомъ недѣлю на Маркизскихъ островахъ, для того чтобъ собрать достаточно обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ островахъ и объ ихъ населеніи. Этьеннъ Маршанъ, имѣвшій болѣе времени ознакомиться съ жителями Маркизскаго архипелага, говоритъ о нихъ слѣдующимъ образомъ:

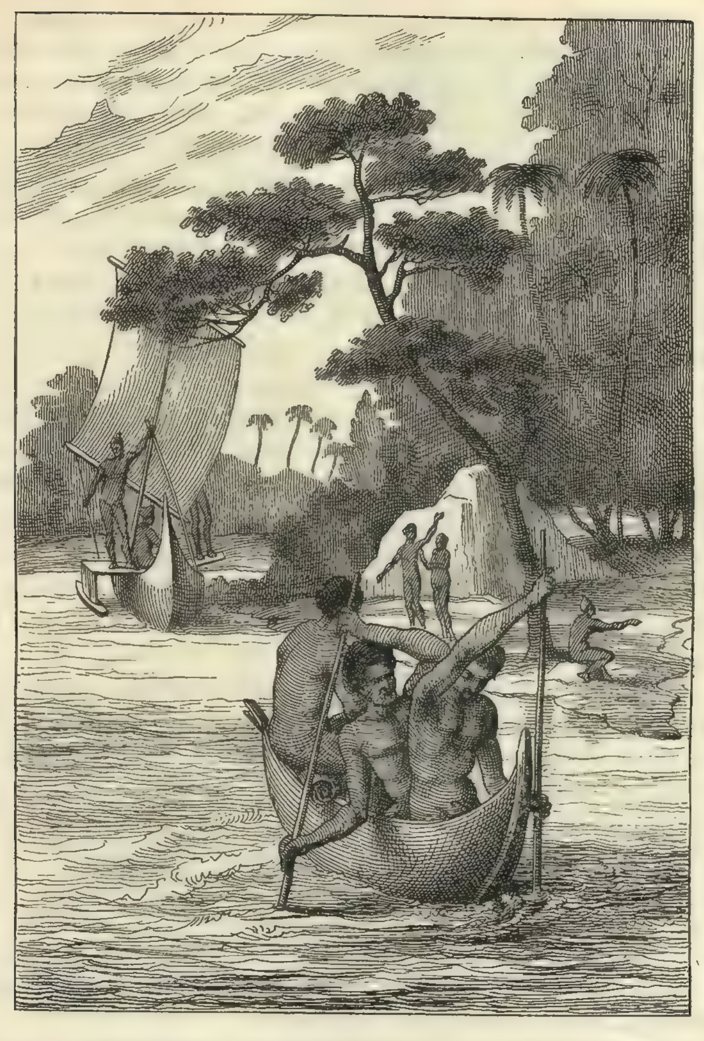
„Островитяне эти—народъ рослый, сильный и очень проворный. Цвѣтъ кожи у нихъ свѣтло-коричневый, но многіе изъ нихъ едва-ли смуглѣе нѣкоторыхъ европейцевъ. Одежду имъ замѣняетъ татуировка. Благодаря теплому климату, всякій другой костюмъ является для нихъ излишнимъ. Татуировка состоитъ

изъ рисунковъ, въ которыхъ соблюдается строжайшая симетрія. Такъ, напримѣръ, рисунокъ на лѣвой рукѣ или ногѣ непремѣнно долженъ въ точности соотвѣтствовать рисунку на правой конечности. Благодаря этой симетріи, татуировка производитъ, собственно говоря, весьма недурное впечатлѣніе. Что касается прически, то каждый устраиваетъ ее себѣ сообразуясь съ личнымъ своимъ артистическимъ вкусомъ, а также, разумѣется, и съ существующей модой, которая властвуетъ на Маркизскихъ островахъ такъ-же самодержавно, какъ и во всемъ остальномъ свѣтѣ. Болѣе всего разнообразія и щегольства проявляется въ ожерельяхъ. Многіе довольствуются однимъ или нѣсколькими рядами бусъ изъ красныхъ зеренъ, тогда какъ другіе носятъ нѣчто въ родѣ воротничковъ, сдѣланныхъ изъ мелкихъ кусковъ легкаго дерева. Какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ проткнуты уши, но въ большинствѣ случаевъ они ходятъ безъ серегъ. Одинъ изъ туземцевъ имѣлъ, однако, дерзость носить у себя въ ухѣ ружейный шомполь, украденный у капитана Маршана. Шомполь этотъ, казавшійся ему вѣроятно очень красивой подвѣской вмѣсто серьги, висѣлъ у него до самыхъ колѣнъ. Одной юной островитянкѣ удалось похитить у брадобрея большое заржавленное жестяное блюдо; прорвавъ дно у этого блюда, она продѣла въ него голову и чрезвычайно гордилась такимъ необыкновеннымъ ожерельемъ".

Кукъ утверждаетъ, что жители Маркизскихъ острововъ знакомы съ напиткомъ, который у таитянъ называется кавой. Маршанъ замѣчаетъ по этому поводу, что туземцы называли кавой водку, которою ихъ угощали у него на кораблѣ. Онъ никогда не видѣлъ ни одного туземца пьянымъ, а потому полагаетъ, что островитяне во всякомъ случаѣ не злоупотребляютъ кавой.

Въ описаніи путешествія Кука не упоминается объ одномъ туземномъ обычаѣ, весьма характеризующемъ мѣстное гостепріимство. Предлагая гостю лакомый кусокъ, хозяинъ считаетъ долгомъ предварительно его разжевать, для того чтобъ гостю оставалось только проглотить. Понятно, что французы, при всемъ своемъ уваженіи къ туземнымъ обычаямъ, старались всячески отдѣлаться отъ столь лестнаго знака вниманія со стороны услужливыхъ островитянъ.

Принимая во вниманіе, что на островѣ Санта-Христина дома строятся на каменныхъ террасахъ и что туземцы знакомы съ употребленіемъ ходуль, Маршанъ заключилъ, что островъ этотъ



Пироги Маркизскихъ острововъ (Fac-simile съ древней гравюры).

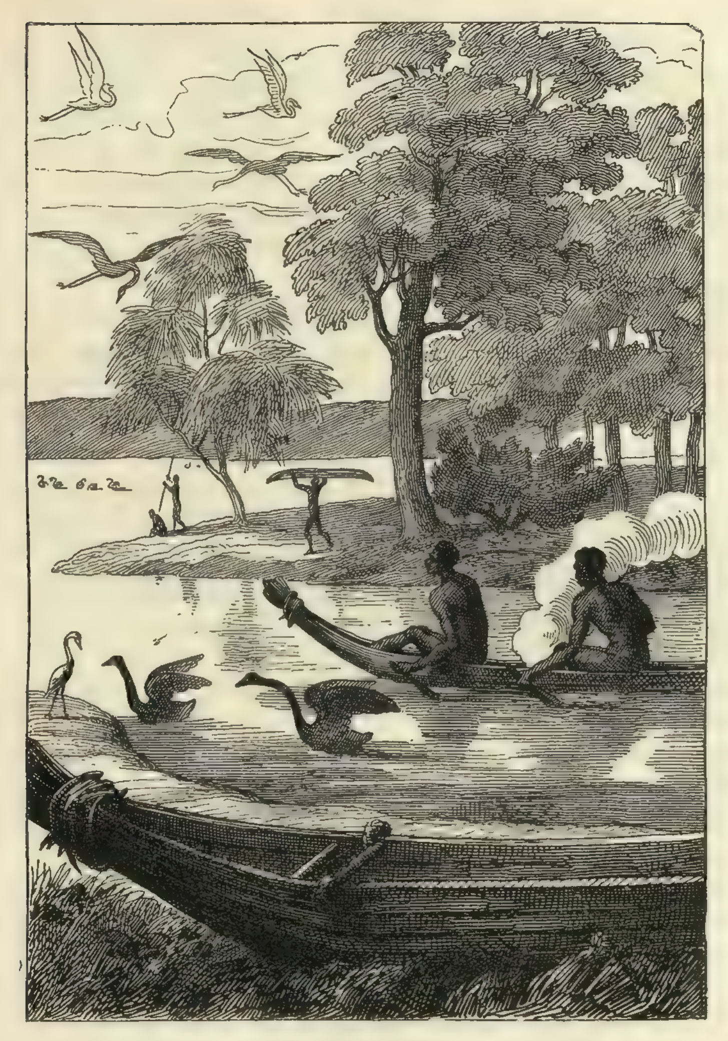
подверженъ наводненіямъ. На выставкѣ въ Парижѣ во дворцѣ Трокадеро можно было видѣть одну изъ такихъ ходуль. Она очень хорошей работы и украшена порядочной рѣзьбой. Извѣстный спеціалистъ по всѣмъ предметамъ, касающимся Океаніи, г. Гами, представилъ тогда по поводу этихъ ходуль очень интересную диссертацію.

„Обитателямъ острова св. Христины почти все время приходится заниматься ничего-недѣланіемъ, изрѣдка лишь прерываемымъ рыбною ловлею, починкою байдаръ или оружія и изготовленіемъ какихъ-либо предметовъ изъ домашней утвари. Во всякомъ случаѣ, бо́льшую часть времени они проводятъ въ пѣніи, пляскѣ и дружественныхъ бесѣдахъ. Выраженіе „убивать время", существующее также и на языкѣ этихъ островитянъ, прекрасно характеризуетъ сущность ихъ повседневныхъ занятій".

Уже въ первые дни стоянки въ бухтѣ Мадре-де-Діосъ Маршанъ имѣлъ случай сдѣлать наблюденіе, которое привело его къ открытію островов, оставшихся неизвѣстными какъ испанскимъ мореплавателямъ, такъ и самому Куку. При закатѣ солнца, въ совершенно ясную погоду, Маршанъ замѣтилъ на горизонтѣ небольшое легкое пятнышко, остававшееся всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Пятнышко это, видѣнное Маршаномъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, очевидно, было вершиной высокой горы. На тогдашнихъ географическихъ картахъ не указывалось въ томъ направленіи, гдѣ лежало это пятнышко, никакой земли, а потому Маршанъ справедливо заключилъ, что тамъ находится какой-нибудь неизвѣстный еще европейцамъ островъ.

Покинувъ 20-го іюня Санта-Христину, Маршанъ рѣшился въ этомъ удостовѣриться. Взявъ курсъ къ сѣверо-западу, онъ дѣйствительно открылъ подъ 7° южной широты группу островов, наибольшій изъ которыхъ названъ былъ въ честь его островомъ Маршана. Населеніе принадлежало, очевидно, къ одной расѣ съ жителями Маркизскихъ островов. Вскорѣ послѣ того открыто было еще нѣсколько островов, въ томъ числѣ островъ Бо, называющійся теперь Нука-Гивой, острова Двухъ Братьевъ, острова Масса и Шаналя. Вся эта группа островов, причисляемая теперь къ Маркизскому архипелагу, названа была Маршаномъ островами Революціи.

Продолжая свой путь далѣе къ сѣверу, Маршанъ рѣшился подойти ближе къ американскому прибрежью. Время года стояло уже слишкомъ позднее для того, чтобъ можно было, поднявшись до 60° сѣверной широты, дойти до „Вильямова пролива" или же „Куковой рѣки". Маршанъ рѣшился поэтому достигнуть мыса дель-Энганьо и заняться покупкой мѣховъ въ бухтѣ, которую Диксонъ назвалъ Норфолькской, но которая извѣстна у испанцевъ подъ названіемъ Гваделупскаго залива.



Рѣка лебедей (Fac-simile съ древней гравюры).

7-го августа усмотрѣны были земля и мысъ дель-Энганьо. Послѣ штиля, продолжавшагося цѣлыхъ пять дней и задержавшаго французскій корабль въ виду этого мыса, Маршану удалось наконецъ войти въ Гваделупскую бухту. До сихъ поръ, за все время отплытія изъ Франціи, на „Прочномъ“ не было еще ни одного больного. Между тѣмъ корабль этотъ находился въ

пути уже цѣлыхъ сто сорокъ два дня, изъ которыхъ на стоянки въ Прайѣ и Мадре-де-Діосъ приходилось отчислить только десять дней. Въ теченіе этого времени корабль прошелъ 5,800 морскихъ миль. Такой великолѣпный въ гигіеническомъ отношеніи результатъ былъ достигнутъ единственно лишь благодаря добросовѣстности арматоровъ, не пренебрегавшихъ при снаряженіи корабля никакими мѣрами гигіенической предосторожности, и постояннымъ заботамъ капитановъ о сохраненіи здоровья экипажей.

Во время пребыванія своего въ Гваделупской бухтѣ, которая у туземцевъ называется Чинкитане, капитанъ Маршанъ купилъ большое количество котиковыхъ мѣховъ, въ томъ числѣ болѣе сотни мѣховъ самаго высокаго достоинства.

Туземцы, съ которыми ему приходилось вступать въ сношенія, довольно некрасивы собой. Они малорослы, но вмѣстѣ съ тѣмъ широкоплечи, хотя сложены вообще довольно пропорціонально. Круглыя, приплюснутыя ихъ лица съ маленькими, глубоко впавшими, гноящимися глазами и выдающимися скулами, несомнѣнно, нравятся, однако, мѣстнымъ красавицамъ. Что касается цвѣта ихъ кожи, то его довольно трудно было различить подъ толстымъ слоемъ покрывавшей ее грязи, не говоря уже о красной и черной краскахъ, которою туземцы имѣли привычку себя разрисовывать. Густые, жесткіе и щетинистые волосы ихъ, покрытые охрой съ пріставшимъ къ нимъ пухомъ и прилипшею къ нимъ всевозможною грязью, дѣлали этихъ индѣйцевъ еще отвратительнѣе.

Женщины тамъ еще некрасивѣе мужчинъ, хотя кожа у нихъ и не такъ черна. Эти приземистыя, толстыя фигурки, на кривыхъ ножкахъ, вывернутыхъ во внутрь, грязны до невѣроятія.

Врожденное кокетство у женщинъ побудило этихъ дамъ прибавлять къ естественнымъ своимъ прелестямъ столь-же странное, какъ и неудобное, украшеніе, которое носится въ нижней губѣ. Говоря о пребываніи Кука въ этихъ мѣстностяхъ мы упоминали уже въ нѣсколькихъ словахъ объ означенной модѣ.

Приблизительно въ полудюймѣ подъ нижнею губой мѣстныя красавицы дѣлаютъ разрѣзъ, параллельный рту. Сперва въ этотъ разрѣзъ вставляютъ желѣзную или деревянную палочку. Съ

теченіемъ времени объемъ посторонняго тѣла, вводимаго въ эту щель, все болѣе и болѣе увеличиваютъ; подъ конецъ въ ней можетъ помѣщаться уже очень изящно отдѣланный кусокъ дерева, который формой и величиной приблизительно напоминаетъ столовую ложку безъ черешка. Вѣсъ выдающейся части этого украшенія оттягиваетъ нижнюю губу до самаго подбородка, открывая такимъ образомъ всю прелесть громаднаго зіяющаго рта, при чемъ выказываются также во всей красѣ грязные, желтые зубы. Деревяшка эта по желанію можетъ вставляться и выниматься. Когда она вынута, то продольная щель въ губѣ представляетъ собою какъ-бы второй ротъ, по ширинѣ не уступающій настоящему рту. У нѣкоторыхъ туземцевъ длина этой щели или, лучше сказать, второго рта простирается болѣе чѣмъ до трехъ дюймовъ.

Выйдя 21-го аагуста изъ бухты Чинкитане, „Прочный" направился къ юго-востоку, чтобы осмотрѣть острова Королевы Шарлотты, видѣнные еще въ 1786 году Ла-Перузомъ. Острова эти разбросаны на протяженіи приблизительно семидесяти миль. 23-го августа Этьеннь Маршанъ усмотрѣлъ бухту Плащей (Cloak-Bay, какъ ее называлъ Диксонъ). Она была тщательно изслѣдована и нанесена на карту капитаномъ Шаналемъ.

На другой день шлюпки вступили въ Коксовъ проливъ и купили на берегахъ его у индѣйцевъ нѣсколько мѣховъ. Французы чрезвычайно удивились, найдя у туземцевъ двѣ картины весьма старинной работы, а также гигантскія статуи, которыя, несмотря на крайне отдаленное соотношеніе свое съ лучшими образцами греческаго искусства, свидѣтельствовали тѣмъ не менѣе объ артистическихъ вкусахъ туземнаго населенія. „Мы, признаться, не ожидали отъ туземцевъ такой прыти",—говоритъ по этому поводу Маршанъ.

Земли, среди которыхъ лежатъ бухта Плащей и Коксовъ проливъ, низменны и покрыты еловымъ лѣсомъ. Растительный слой, состоящій изъ перегноя и камней, повидимому, очень тонокъ. Естественныя произведенія приблизительно тѣ же, какъ и въ окрестностяхъ Чинкитане.

Численность туземнаго населенія простирается приблизительно до 400 человѣкъ. Роста они приблизительно такого-же, какъ и европейцы; наружность этихъ индѣйцевъ менѣе отвратительна, чѣмъ наружность обитателей Чинкитане.

Видя, что въ бухтѣ Плащей ему не удастся закупить достаточное количество мѣховъ, Маршанъ отправилъ подъ командой Шаналя баркасъ для осмотра острововъ, лежащихъ нѣсколько южнѣе этой бухты. Шаналь нанесъ на карту большинство этихъ острововъ, которые до тѣхъ поръ не были еще посѣщены европейцами. Корабль Диксона хотя и проходилъ мимо этихъ мѣстностей, но никто изъ его экипажа не съѣзжалъ на берегъ. Немудрено, что немногія изъ сообщеній Диксона были опровергнуты вполнѣ или отчасти болѣе обстоятельными изслѣдованіями Маршана и Шаналя.

Дойдя до входа въ Нуткинскій проливъ, французскій корабль пришелъ къ проливу Берклея. Въ то самое время, когда „Прочный“ уже собирался вступить въ этотъ проливъ, показалось въ виду трехмачтовое судно, державшее курсъ такъ, какъ будто оно намѣревалось осмотрѣть прибрежье къ югу отъ этого пролива, куда направлялся и капитанъ Маршанъ. Обстоятельство это заставило французскаго мореплавателя идти какъ можно поспѣшнѣе въ китайскія воды, чтобы продать свой грузъ, прежде чѣмъ видѣнный имъ трехмачтовый корабль явится ему тамъ конкурентомъ. Выгоднѣе всего было идти въ Макао мимо Сандвичевыхъ острововъ. 5-го октября французскіе моряки видѣли уже вершины горъ Мауна-Лоа и Мауна-Коа. Обѣ эти вершины были совершенно свободны отъ снѣга, что прямо противорѣчитъ заявленіямъ капитана Кинга.

Подойдя къ острову Гаваи, Маршанъ благоразумно рѣшился не становиться тамъ на якорь, а произвести всѣ свои закупки подъ парусами. Онъ пріобрѣлъ на этомъ островѣ значительное количество свиней, домашней птицы, кокосовъ, банановъ и разныхъ другихъ фруктовъ и овощей, въ числѣ которыхъ были тыквы и арбузы, разведенные, по всѣмъ вѣроятіямъ, изъ сѣмянъ, которыя были посѣяны на этомъ островѣ капитаномъ Кукомъ.

Затративъ цѣлыхъ четыре дня на закупку свѣжей провизіи, Маршанъ продолжалъ свой путь къ китайскому прибрежью.

Онъ проходилъ при этомъ въ виду Тиніана, одного изъ Маріанскихъ острововъ.

Читателямъ извѣстно, какую очаровательную картину этого острова набросалъ коммодоръ Ансонъ. Байронъ, посѣтившій этотъ островъ пятюдесятью годами позднѣе, нашелъ, что описаніе этого

острова вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Разногласіе это объясняется тѣмъ, что во времена Ансона Тиніанъ былъ цвѣтущимъ островомъ, населеніе котораго доходило до тридцати тысячъ душъ. Эпидемическая болѣзнь, занесенная испанскими завоевателями, уничтожила почти все это многочисленное населеніе, послѣдніе остатки котораго были перевезены испанцами на островъ Гуагамъ.

Маршанъ не останавливался на Тиніанѣ, гдѣ мощная тропическая природа успѣла уже стереть всѣ слѣды пребыванія человѣка (такъ разсказываютъ почти всѣ путешественники, приставашіе послѣ Байрона къ острову).

Французскій мореплаватель отъ Тиніана направился къ южной оконечности острова Формозы и, наконецъ, 28-го ноября прибылъ въ Макао.

Тамъ капитанъ Маршанъ узналъ чрезвычайно непріятную для него новость. Правительство богдыхана строжайше воспретило ввозъ мѣховъ въ южные порты Небесной имперіи. Маршанъ никакъ не могъ узнать, чѣмъ именно вызвано было это запрещеніе. Неизвѣстно, обусловливалось ли оно какою-нибудь секретною статьею русско-китайскаго договора, или же просто скупостью и жадностью вліятельныхъ мандариновъ. Во всякомъ случаѣ, обойти это запрещеніе оказалось совершенно невозможнымъ.

Маршанъ написалъ въ Кантонъ представителямъ фирмы Бо въ этомъ городѣ о затруднительномъ положеніи, въ которомъ онъ вслѣдствіе этого находился. Оказалось, что и въ Кантонѣ существовало такое-же запрещеніе. Нечего было и думать о томъ, чтобы идти къ Вампоа, гдѣ пришлось бы заплатить болѣе шести тысячъ піастровъ одной пошлины.

При такихъ обстоятельствахъ Этьену Маршану оставалось только идти на Иль-де-Франсъ, а оттуда вернуться въ Марсель, что онъ и сдѣлалъ. Мы не станемъ описывать этого путешествія, во время котораго не случилось ничего особеннаго.

Научные результаты этой кампаніи заключались съ географической точки зрѣнія главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Открыта была часть группы Маркизскихъ острововъ, незамѣченная Кукомъ и его предшественниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Маршанъ болѣе тщательнымъ образомъ ознакомился съ нравами, обычаями и мѣстными произведеніями острова Санта-Христина въ Маркизскомъ архипелагѣ, бухты Чинкитане, бухты Плащей и архипелага Ко-

ролевы Шарлотты у американскаго прибрежья. Вмѣстѣ съ тѣмъ капитаны Маршанъ, Шаналь и Массъ такъ хорошо воспользовались новыми методами кораблевожденія и съ такою тщательностью изучили предшествовавшія путешествія, что въ состояніи были вести свой корабль въ открытомъ морѣ съ немыслимою прежде точностью. Составленныя ими карты отличались также замѣчательною вѣрностью. Понятно, что эти результаты слѣдовало бы признать очень ничтожными, если-бъ они были добыты особо снаряженной для этого офиціальной экспедиціей, но для судна, посланнаго съ торговою цѣлью частной купеческой фирмой, означенные результаты чрезвычайно велики.

Научная экспедиція, отправленная нѣсколько лѣтъ спустя французскимъ правительствомъ для изслѣдованія австралійскаго прибрежья, была чрезвычайно обильна результатами, которые, однако, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, остались сравнительно мало извѣстны. Какой-то злой рокъ преслѣдовалъ эту экспедицію. Всѣ географическіе словари и сборники путешествій словно сговорились какъ можно менѣе упоминать о ней.

Съ того времени, какъ Тасманъ открылъ западный берегъ Новой Голландіи, сдѣлано было уже многое для ознакомленія съ этимъ таинственнымъ громаднымъ материкомъ. Кукъ осмотрѣлъ все восточное его прибрежье, указалъ Эндивуровъ проливъ и настоятельно совѣтовалъ англійскому правительству устроить колонію въ Ботанибеѣ. Въ 1788 году эскадра Филиппа, прибывшая съ ссыльными, положила основаніе Портъ-Джаксону и англійскому владычеству въ Австраліи.

Въ 1795 и 1796 годахъ мичманъ Флиндерсъ и хирургъ Бассъ на крошечномъ суденышкѣ, называвшемся „Томъ-Пусъ", изслѣдовали на протяженіи двадцати миль рѣку Георга и въ подробности осмотрѣли значительное протяженіе прибрежья. Въ 1797 году Бассъ открылъ обширный портъ и назвалъ этотъ портъ, вслѣдствіе его положенія, Западнымъ.

„Истощивъ всѣ имѣвшіеся у него запасы провіанта, — говоритъ Деборо Кулей,—Бассъ, несмотря на все свое желаніе обстоятельно нанести на карту послѣднія сдѣланныя имъ открытія, вынужденъ былъ вернуться назадъ. У него взято было съ собою провіанта по разсчету всего на шесть недѣль, но, благодаря обилію рыбы и морской птицы, ему удалось продлить свое путе-

шествіе пятью недѣлями болѣе, несмотря на то, что онъ вынужденъ былъ взять къ себѣ на баркасъ двухъ бѣглыхъ ссыльныхъ, найденныхъ имъ на берегу въ самомъ безпомощномъ состояніи. Это морское путешествіе, совершенное болѣе чѣмъ на протяженіи шестисотъ миль на безпалубномъ баркасѣ, является одною изъ замѣчательнѣйшихъ извѣстныхъ экспедицій. Оно было предпринято не вслѣдствіе настоятельной необходимости, но съ предвзятымъ намѣреніемъ изслѣдовать неизвѣстныя до тѣхъ поръ части австралійскаго прибрежья, плаваніе вдоль которыхъ сопряжено съ серьезными опасностями".

Бассъ, сопровождаемый Флиндерсомъ, открылъ въ 1798 году проливъ, извѣстный теперь подъ названіемъ Бассова пролива и отдѣляющій Тасманію отъ Новой Голландіи. На небольшой шкунѣ, всего лишь въ двадцать пять тоннъ водоизмѣщенія, эти смѣлые мореплаватели обогнули вокругъ всю Вандименову Землю. Свѣдѣнія, доставленныя ими относительно рѣкъ и приморскихъ портовъ означенной земли, имѣли весьма важное значеніе для колонизаціи этого острова. Бассъ и Флиндерсъ были съ энтузіазмомъ встрѣчены въ Портъ-Джаксонѣ. По возвращеніи въ Англію Флиндерсъ былъ немедленно произведенъ въ старшіе лейтенанты и назначенъ командиромъ судна „Изслѣдователь" (Investigator), которое было спеціально снаряжено для изслѣдованій вдоль австралійскаго прибрежья. Ему поручено было осмотрѣть, главнымъ образомъ, южный и сѣверо-западный берегъ Австраліи, заливъ Карпентарія и Торресовъ проливъ.

Благодаря путешествіямъ Кука и д'Антркасто, во Франціи въ теченіе нѣкотораго времени очень интересовались Новою Голландіей. Эта загадочная страна, отличавшаяся такою своеобразной фауной, покрытая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсами громадныхъ эвкалиптовъ, а въ другихъ являвшаяся пустыней, поросшей лишь тощей колючей травой, должна была еще долго оставаться загадочной для географовъ и представлять почти неопреодолимое препятствіе дерзновеннымъ изслѣдователямъ.

Французская академія наукъ была лишь отголоскомъ общественнаго мнѣнія, предлагая правительству отправить экспедицію для изслѣдованія австралійскаго материка и окружающихъ его земель. Правительство согласилось снарядить такую экспедицію. Въ ней, по назначенію академіи наукъ, приняли участіе двадцать четыре ученыхъ.

Никогда еще научный отдѣлъ географической экспедиціи не былъ составленъ съ такою полнотой, не былъ снабженъ такими богатыми средствами къ обезпеченію успѣха изслѣдованія. Астрономы, географы, минералоги, ботаники, зоологи, рисовальщики и садовники были прикомандированы къ экспедиціи, при чемъ каждая спеціальность имѣла не по одному и не по два, а по три и даже по пяти представителей.

Въ числѣ этихъ ученыхъ особенно замѣчательны Лешено, де-Латуръ, Франсуа Перонъ и Бори де-Сенъ-Винсанъ.

Что касается до офицеровъ и матросовъ, то въ экспедицію эту назначены были лишь самые отборные. Изъ офицеровъ мы упомянемъ о Франсуа-Андре Бодэнѣ, Пере де-Меле, Гіацинтѣ Бугэнвиллѣ, Шарлѣ Бодэнѣ, Эмануелѣ Гамеленѣ, Пьерѣ Милью, Манженѣ, Дювалѣ д'Эльи, Генри Фрейсинэ, которые всѣ достигли адмиральскихъ чиновъ, а также о Сентъ-Круа, Жиккелѣ, Монжери, Сенъ-Крикѣ и Луи Фрейсинэ — бывшихъ впослѣдствіи капитанами перваго ранга.

Тщательный выборъ личнаго состава экспедиціи, равно какъ и предположенная для нея цѣль—предвѣщали уже, что она принесетъ благопріятные результаты; выработанная программа изслѣдованій должна была, повидимому, еще болѣе обезпечить успѣхъ экспедиціи. Все, что выяснено было опытомъ предшествовавшихъ мореплавателей, все, что могло быть прибавлено къ опыту съ помощью теоретическихъ выводовъ и умозаключенія,— все это послужило канвой для означенной программы. Муссоны и даже повидимому самые неправильные вѣтры, равно какъ и морскія теченія—были такъ обстоятельно приняты въ разсчетъ, что главною причиной испытанныхъ экспедиціей непріятностей было въ большинствѣ случаевъ именно отклоненіе отъ этой поистинѣ драгоцѣнной программы.

Снарядивъ на Иль-де-Франсѣ третье судно, которое должно было очень неглубоко сидѣть въ водѣ, французская экспедиція должна была обстоятельно осмотрѣть все прибрежье Вандименовой Земли, проливовъ д'Антркасто, Басса и Банкса; затѣмъ, опредѣливъ съ точностью положеніе острововъ Гунтера, пройти позади острововъ св. Петра и св. Франциска, осмотрѣть находящуюся тамъ часть материка и убѣдиться—нѣтъ ли тамъ пролива, который, какъ полагали многіе тогдашніе географы, соединяясь съ заливомъ Карпентарія, разрѣзалъ Новую Голландію на два острова.

Выполнивъ эту часть программы, надо было осмотрѣть земли Левина, Эдельса и Эндрахта, подняться по Лебяжьей рѣкѣ какъ можно далѣе вглубь страны, нанести на карту островъ Ротнеста и сосѣднее прибрежье, закончить съемку бухты Морскихъ Тюленей, опредѣлить истинное географическое положеніе нѣсколькихъ точекъ на берегу земли де-Витта, а затѣмъ, достигнувъ сѣверо-западнаго мыса, направиться къ Молукскимъ островамъ и остановиться для отдыха на островѣ Тиморѣ.

Какъ только экипажи совершенно оправятся, экспедиція должна была отправиться изъ Тимора къ берегамъ Новой Гвинеи и осмотрѣть—не дѣлится ли этотъ островъ морскими проливами на нѣсколько островов. Затѣмъ надлежало подробно изслѣдовать заливъ Карпентарія и, осмотрѣвъ нѣкоторыя прибрежныя части земли Арнгейма, идти къ острову Иль-де-Франсу и оттуда вернуться въ Европу.

Въ этой великолѣпной программѣ географическихъ изслѣдованій чувствовалась та самая искусная рука, которая начертала передъ тѣмъ инструкціи Ла-Перуза и д'Антркасто. Въ случаѣ точнаго выполненія означенной программы экспедиція должна была принести весьма цѣнные результаты.

Тридцатипушечный корветъ „Географъ" и большой корабль „Натуралистъ" были снаряжены въ Гаврѣ для этой цѣли. Французское правительство приняло всѣ мѣры къ снабженію этихъ судовъ всѣмъ необходимымъ. Кромѣ надлежащихъ запасовъ провіанта, запасныхъ парусовъ, снастей и т. п., на обоихъ корабляхъ имѣлись коллекціи астрономическихъ и физическихъ инструментовъ, изготовленныхъ лучшими оптиками и механиками, а также библіотеки, составленныя изъ наилучшихъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія. Кромѣ того французское правительство заручилось для обоихъ кораблей паспортомъ, за подписью всѣхъ европейскихъ державъ, на безпрепятственное плаваніе и открыло экспедиціи неограниченные кредиты у всѣхъ банкирскихъ фирмъ Азіи и Африки,—короче сказать, приняты были рѣшительно всѣ мѣры къ обезпеченію экспедиціи.

19-го октября 1800 года оба корабля вышли изъ Гавра, напутствуемые восторженными рукоплесканіями громадной толпы народа. Послѣ кратковременной стоянки въ портѣ Санта-Круцъ на островѣ Тенерифѣ „Географъ" и „Натуралистъ" безостановочно плыли до самаго Иль-де-Франса, гдѣ пришлось оставить

25-го апрѣля 1801 года нѣсколькихъ офицеровъ, заболѣвшихъ настолько серьезно, что они не могли продолжать кампанію.

Такое начало не обѣщало ничего хорошаго. Общее недовольство еще болѣе усилилось, когда узнали, что раціоны будутъ сокращены до полуфунта свѣжаго хлѣба въ недѣлю на человѣка, а вмѣсто винной порціи будетъ выдаваться $^{3}/_{16}$ бутылки весьма плохой ратафіи, купленной на Иль-де-Франсѣ. Такимъ образомъ пища матросовъ, офицеровъ и ученыхъ должна была состоять преимущественно изъ солонины и сухарей. Эти прежде времени принятыя мѣры предосторожности подорвали здоровье экипажа и возбудили, особенно среди ученыхъ, большое неудовольствіе.

Продолжительный переходъ изъ Европы къ Иль-де-Франсу и долгая стоянка на этомъ островѣ заставили экспедицію потерять драгоцѣнное время. Боденъ, опасаясь немедленно идти къ Вандименовой Землѣ, рѣшилъ начать свои изслѣдованія съ сѣверо-западнаго берега Новой Голландіи. Онъ не принялъ въ разсчетъ, что, поступая такимъ образомъ, долженъ будетъ все болѣе и болѣе спускаться въ южныя широты и что ему придется изслѣдовать Вандименову Землю въ самое неблагопріятное для этого время года.

27-го мая усмотрѣнъ былъ низменный, песчаный и пустынный берегъ Новой Голландіи. Послѣдовательно были осмотрѣны и нанесены на карту бухта Географа, мысъ Натуралиста, бухточка Депюша и носъ Пике. Естествоиспытатели, съѣзжавшіе здѣсь на берегъ, собрали большое количество растеній и раковинъ. Тѣмъ временемъ сильный вѣтеръ и волненіе заставили оба корабля отойти отъ берега. Двадцать пять человѣкъ офицеровъ, матросовъ и ученыхъ должны были нѣсколько дней провести въ пустынѣ, гдѣ съ трудомъ лишь могли добывать для утоленія жажды солоноватую воду. Не встрѣчая въ пустынѣ никакой дичи, они питались только кореньями особаго рода растенія, содержащаго большое количество соды и очень ѣдкаго на вкусъ.

Пришлось покинуть на берегу шлюпку, которая была сильно повреждена волнами, выбросившими ее на берегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ оставлено было нѣсколько ружей, сабель, патронташей, веревокъ, блоковъ и т. п. предметовъ.

„Всего прискорбнѣе при этомъ была гибель одного изъ лучшихъ матросовъ „Натуралиста". Матросъ этотъ, діеппскій уроженецъ, по имени Вассъ, желая войти въ лодку, поскользнулся

и былъ унесенъ волною. Три раза пытался онъ подойти къ лодкѣ и каждый разъ волны отбрасывали его назадъ къ берегу. Наконецъ, онъ исчезъ въ волнахъ. Мы не могли оказать ему помощь или хотя-бы даже убѣдиться въ его гибели, такъ какъ наступала ночь, а прибой съ минуты на минуту болѣе и болѣе усиливался".

Такая неблагопріятная погода стояла довольно долго. Дулъ порывистый вѣтеръ. Постоянно шелъ мелкій дождь. Вскорѣ „Географъ" во время густого тумана потерялъ изъ виду „Натуралиста". Ему довелось съ нимъ встрѣтиться потомъ лишь въ Тиморѣ.

Усмотрѣвъ островъ Ротнестъ, гдѣ, въ случаѣ неожиданной разлуки, назначено было у него свиданіе капитану Гамелену, командовавшему „Натуралистомъ", Боденъ, къ общему удивленію, не зашелъ на этотъ островъ, а приказалъ взять курсъ къ Тюленьей бухтѣ, находящейся у береговъ земли Эндрахта.

Вся эта часть Новой Голландіи представляетъ собою нескончаемо длинное низменное прибрежье, лежащее почти вездѣ на одномъ и томъ-же уровнѣ. Оно состоитъ изъ красноватой или желтоватой безплодной почвы, прорѣзанной мѣстами оврагами съ обрывистыми краями. Въ значительной части своего протяженія прибрежье это ограждено со стороны океана неприступными рифами, вполнѣ заслуживающими прозвище „Желѣзной брони", данное ему инженеръ-географомъ Буланже.

Боденъ тщательно осмотрѣлъ прибрежье земли Эндрахта, начиная съ острова Диркъ-Гатихса, съ котораго собственно оно и начинается. Послѣдовательно были осмотрѣны и нанесены на карту острова Дуръ и Бернье, на которыхъ были встрѣчены цѣлыя стада кэнгуру, рейдъ Дампьера и Тюленья бухта. Изслѣдованіе этой бухты было прозведено особенно тщательнымъ образомъ.

Послѣ безплодной земли Эндрахта осмотрѣна была столь-же подробно „Географомъ" земля де-Витта, простирающаяся отъ Сѣверо-западнаго мыса до земли Арнгейма на протяженіи 10° широты и 15° долготы. Плаваніе вдоль ея береговъ отличалось такимъ-же однообразіемъ и было сопряжено съ такими-же опасностями, съ какими французскимъ морякамъ приходилось бороться при изслѣдованіи земли Эндрахта. При этомъ

были наименованы и нанесены на карту острова: Лермитъ, Форестье, Дюпюшъ (вулканическаго происхожденія), отмель „Географъ“, избѣжать которую удалось лишь съ трудомъ, острова Беду и Ласепедъ, мысы Борда и Молліенъ, острова Шампаньи, Аркольскій, Фрейсинэ, Люка и т. д.

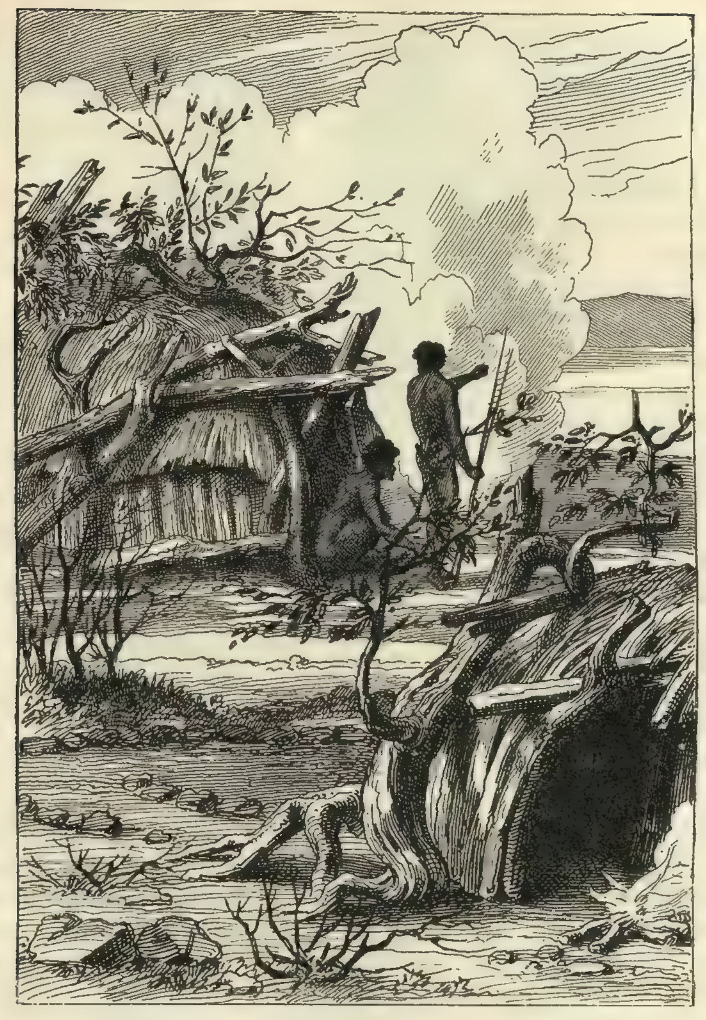
„Среди этихъ многочисленныхъ острововъ ничто не улыбается воображенію. Почва обнажена, раскаленное небо всегда ясно и безоблачно. Волны вздымаются преимущественно лишь ночными бурями. Человѣкъ какъ будто бѣжитъ отъ этихъ непріютныхъ береговъ. По крайней мѣрѣ тамъ нигдѣ не встрѣчаются слѣды нынѣшняго или хотя-бы даже прежняго его присутствія.

Мореплаватель, такъ сказать, устрашенный этимъ ужасающимъ одиночествомъ, встрѣчаемый отовсюду опасностями, изумляется и отвращаетъ свои взоры отъ этихъ злополучныхъ береговъ. Принимая же во вниманіе, что эти негостепріимные острова почти соприкасаются съ островами великаго азіатскаго архипелага, въ изобиліи осыпанными всѣми щедротами природы, онъ съ трудомъ лишь можетъ постигнуть, какимъ образомъ столь чрезвычайное безплодіе можетъ встрѣчаться рядомъ съ такимъ неслыханнымъ плодородіемъ“.

Приведенная нами выдержка изъ описанія путешествія „Географа“ очень вѣрно передаетъ пустынный и безотрадный характеръ этой части австралійскаго прибрежья. Изслѣдованіе этого пустыннаго прибрежья было закончено открытіемъ архипелага Бонапарта, лежащаго подъ 13° 25′ южной широты и 123° 30′ восточной долготы (считая отъ парижскаго меридіана).

„Плохая пища, которою насъ кормили съ самаго отплытія нашего изъ Иль-де-Франса, подорвала наконецъ здоровье экипажа. На кораблѣ распространилась цынга. Многіе матросы хворали ею уже очень серьезно. Запасы прѣсной воды приходили къ концу, и мы пришли къ убѣжденію въ невозможности возстановить ихъ на этомъ злополучномъ прибрежьѣ. Между тѣмъ приближалось уже время перемѣны муссона. Надо было заблаговременно уйти отъ урагановъ, которыми сопровождается эта перемѣна, такъ какъ встрѣча съ ними у береговъ Австраліи могла бы быть гибельной для „Географа“. Намъ слѣдовало, наконецъ, разыскать „Натуралиста“ и добыть себѣ новую шлюпку.

Всѣ эти соображенія побудили Бодена направиться къ



Хижина туземцевъ земли Эндрахта (Fac-simile съ древней гравюры).

острову Тимору, гдѣ „Географъ“ и бросилъ якорь 22-го августа на Купанскомъ рейдѣ“.

Мы не станемъ вдаваться въ подробное описаніе радушнаго пріема, оказаннаго на этомъ островѣ французскимъ мореплавателямъ, такъ какъ не думаемъ, чтобы разсказъ этотъ могъ особенно интересовать читателей. Упомянемъ только, что экипажъ „Географа“ очень нуждался въ отдыхѣ, и тотчасъ-же по при-

бытіи къ острову пришлось свезти на берегъ десять человѣкъ, особенно сильно страдавшихъ цынгой. У большинства матросовъ, оставшихся на кораблѣ, были также зачатки цынги, о которыхъ свидѣтельствовали распухшія и кровоточивыя десны.

Благодаря примѣненію обыкновенно употребляемыхъ въ такихъ случаяхъ средствъ, удалось вскорѣ справиться съ цынгой. Но взамѣнъ того развился кровавый поносъ, которымъ вскорѣ захворало 18 человѣкъ изъ экипажа.

Наконецъ, 21-го сентября пришелъ на этотъ рейдъ и „Натуралистъ“. Онъ съ величайшимъ терпѣніемъ ждалъ „Географа“ у острова Ротнеста, назначеннаго сборнымъ пунктомъ, на случай если суда потеряютъ другъ друга изъ виду. Извѣстно, что Боденъ не пожелалъ туда явиться. Во время продолжительной стоянки у этого острова офицеры „Натуралиста“ въ подробности сняли на планъ какъ самый островъ, такъ и близлежащее прибрежье съ Лебяжьей рѣкой и островами Аброльхосъ.

На островѣ Диркъ-Гатихсъ капитанъ Гамеленъ нашелъ двѣ оловянныя тарелки съ вырѣзанными на нихъ голландскими надписями. Въ одной изъ нихъ заявлялось, что 25-го октября 1616 года островъ этотъ былъ посѣщенъ амстердамскимъ кораблемъ „Эндрахтъ“. Другая же надпись свидѣтельствовала о пребываніи тамъ въ 1697 году корабля „Геельвингъ“ подъ командой капитана Фламинга.

Изслѣдованія „Натуралиста“ показали, что Тюленья бухта представляетъ собою впадину, вдающуюся въ материкъ на цѣлыхъ пятьдесятъ морскихъ миль (считая отъ мыса Кювье, составляющаго сѣверную его оконечность, и до оконечности залива Фрейсинэ). Восточный берегъ этой бухты составляется исключительно однимъ лишь материкомъ, западный же берегъ образуется островкомъ Кокса, островомъ Бернье, островомъ Дуръ, островомъ Диркъ-Гатихсъ и отчасти также материкомъ. Посрединѣ этой обширной впадины лежитъ полуостровъ Перона, къ востоку и западу отъ котораго находятся порты Гамелена и Фрейсинэ.

Болѣзни, свирѣпствовавшія между злополучными мореплавателями, установили на время нѣсколько лучшія отношенія между капитаномъ Боденомъ и его офицерами. Самъ Боденъ страдалъ такою сильною изнурительною лихорадкой, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ всѣ его считали уже умершимъ. Это не по-

Способъ носки воды на Тиморѣ (Fac-simile съ древней гравюры).

мѣшало ему черезъ недѣлю послѣ того посадить подъ арестъ одного изъ своихъ офицеровъ, мичмана Пике, пользовавшагося общимъ сочувствіемъ офицеровъ обоихъ кораблей. По возвращеніи во Францію Пике былъ произведенъ въ старшіе лейтенанты, что́ само по себѣ уже свидѣтельствовало о несправедливости взысканія, которому онъ въ данномъ случаѣ былъ подвергнутъ.

Капитанъ Боденъ совершенно измѣнилъ программу путешествія, выработанную академіей наукъ. Ему приходилось идти теперь къ Вандименовой Землѣ. Отплывъ 13-го ноября 1801 года изъ Тимора, французскіе моряки увидѣли передъ собой, ровно черезъ два мѣсяца послѣ того, южный берегъ этого острова. На обоихъ корабляхъ свирѣпствовала цынга, которою была поражена сравнительно довольно значительная часть экипажа. „Натуралистъ“ и „Географъ“ вошли въ проливъ д'Антркасто, который не былъ замѣченъ Тасманомъ, Фюрно, Кукомъ, Маріономъ, Гунтеромъ и Блейемъ. Онъ былъ открытъ лишь благодаря ошибкѣ, которая, при другихъ обстоятельствахъ, могла бы сдѣлаться пагубной.

Необходимо было возобновить запасы прѣсной воды. Съ обоихъ кораблей были поэтому посланы къ берегу шлюпки для отысканія какой-нибудь рѣчки.

„Въ половинѣ десятаго утра,—говоритъ Перонъ,—мы находились у входа въ Лебяжій портъ. Изъ всѣхъ мѣстностей, которыя мнѣ случалось видѣть въ теченіе нашего долгаго путешествія, я не видалъ ни одной болѣе очаровательной и болѣе живописной. Семь горныхъ кряжей, вздымавшихся амфитеатромъ одинъ надъ другимъ, образовали собою задній фонъ разстилавшейся передъ нами картины. Справа и слѣва высокіе холмы, окаймлявшіе портъ, образовали своими отрогами множество закругленныхъ мысовъ и прелестныхъ бухточекъ. Все это было покрыто роскошнымъ зеленымъ пологомъ самой пышной растительности. На берегахъ высились громадныя деревья, стоявшія такъ тѣсно одно къ другому, что съ трудомъ лишь можно было пробраться сквозь образуемую ими густую чащу. Безчисленныя стаи попугаевъ и какаду въ самомъ роскошномъ опереніи порхали на верхушкахъ этихъ деревьевъ. Хорошенькія синицы съ яркими синими шейками порхали въ ихъ сѣни. Море въ этомъ портѣ было гладко какъ зеркало; поверхность его едва лишь колыхали плававшія по немъ многочисленныя стаи черныхъ лебедей“.

Слѣдуетъ замѣтить однако, что не всѣ офицеры, съѣзжавшіе на берегъ, вынесли о краѣ такое безраздѣльно пріятное впечатлѣніе. Капитанъ Гамеленъ, котораго сопровождали нѣсколько офицеровъ и матросовъ, а также гг. Лешено и Пти, встрѣтилъ на берегу нѣсколько туземцевъ и одѣлилъ ихъ подарками. Это не помѣшало дикарямъ напасть на французовъ какъ разъ въ то время, когда Гамеленъ и его спутники садились въ шлюпку.

Король острова Тиморы (Fac-simile съ древней гравюры).

Французы были осыпаны каменьями, однимъ изъ которыхъ довольно сильно ушибло капитана Гамелена. Несмотря на такое нападеніе и на угрозы дикарей, потрясавшихъ своими копьями, капитанъ Гамеленъ не позволилъ дать по нимъ ни одного выстрѣла и показалъ такимъ образомъ рѣдкій примѣръ сдержанности и человѣколюбія.

„Географическія работы, произведенныя адмираломъ д'Антркасто у береговъ Вандименовой Земли, отличаются,—говоритъ Боденъ,—такою точностью, что наврядъ-ли можно было-бы встрѣтить что-нибудь болѣе совершенное въ этомъ родѣ. Ботанъ-Бопре, главнымъ образомъ производившій эти работы, пріобрѣлъ себѣ ими безспорное право на уваженіе своихъ соотечественниковъ и благодарность всѣхъ мореплавателей, къ какой бы націи они ни принадлежали. Повсюду, гдѣ только обстоятельства дозволяли этому искусному инженеру произвести довольно точныя изслѣдованія, онъ не оставилъ въ своемъ трудѣ ни малѣйшихъ пробѣловъ. Въ особенности можно это замѣтить по отношенію къ проливу д'Антркасто съ принадлежащими къ нему многочисленными бухтами и портами. Что касается части Вандименовой Земли, лежащей къ востоку отъ этого пролива, то она была лишь очень поверхностно осмотрѣна шлюпками французскаго адмирала, а потому Ботанъ-Бопре не имѣлъ для составленія своей карты достаточно подробныхъ данныхъ".

Гидрографы, натуралисты и географы занялись преимущественно съемкой этой части прибрежья Вандименовой Земли, дабы связать свои работы съ работами своихъ соотечественниковъ и составить такимъ образомъ изъ нихъ законченное цѣлое. Работы эти, исправившія и дополнившія гидрографическіе труды экспедиціи д'Антркасто, задержали французскіе корабли до 5-го февраля у сѣверо-восточной части Вандименовой Земли. Послѣ этого „Натуралистъ" и „Географъ" приступили къ осмотру юго-восточной части этого острова. Подробности этого плаванія представляютъ интересъ только лишь для спеціалиста-географа. Не останавливаясь на нихъ, мы замѣтимъ только, что все это прибрежье было чрезвычайно тщательно нанесено на карту.

Затѣмъ французскіе корабли изслѣдовали восточный берегъ Тасманіи, Банксовъ и Бассовъ проливы.

„Утромъ 6-го марта мы шли въ довольно большомъ разстояніи отъ берега мимо острова Шутена и группы островковъ Тальеферъ. Приблизительно въ полдень, когда мы были на высотѣ мыса Форестье, нашъ инженеръ-географъ Буланже отправился въ баркасѣ, которымъ командовалъ г. Маруаръ, чтобы обстоятельно осмотрѣть и нанести на карту всѣ подробности берега. Всѣ разсчитывали, что корабль будетъ идти параллельно баркасу, такъ, чтобъ не терять его изъ виду; между тѣмъ не прошло и

Типъ Новой Голландіи (Fac-simile съ древней гравюры).

четверти часа послѣ отплытія баркаса, какъ мы по распоряженію начальника экспедиціи, руководившагося неизвѣстными намъ соображеніями, повернули въ сторону отъ берега и ушли въ открытое море, при чемъ, разумѣется, потеряли баркасъ изъ виду. Лишь къ наступленію ночи мы подошли опять къ берегу. Тѣмъ временемъ поднялся сильный вѣтеръ, который ежеминутно

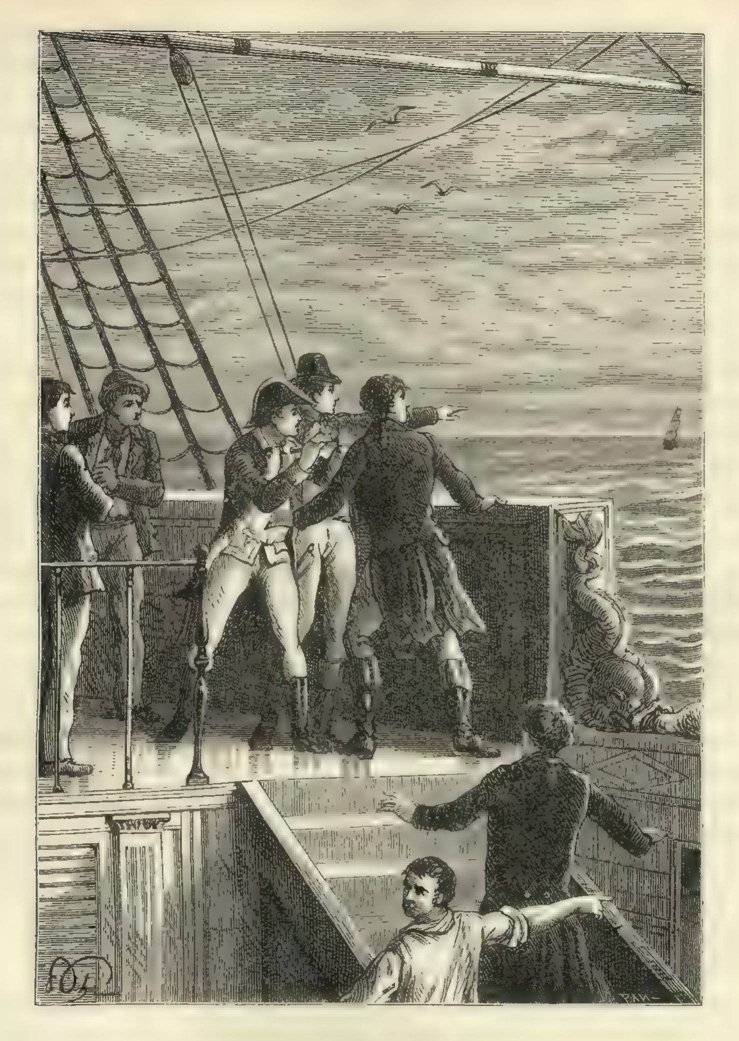
болѣе и болѣе свѣжѣлъ. Движенія наши имѣли нерѣшительный характеръ. Наступившая ночь скрыла отъ насъ берега, у которыхъ мы покинули злополучныхъ своихъ товарищей".

Въ продолженіе слѣдующихъ трехъ дней „Географъ" тщетно разыскивалъ свой баркасъ.

Въ этой выдержкѣ изъ повѣствованія экспедиціи Бодена довольно ясно просвѣчиваетъ негодованіе по поводу такого страннаго, чтобъ не сказать болѣе, поступка со стороны начальника экспедиціи. Какая могла быть при этомъ у него цѣль? Чего ради покинулъ онъ на произволъ судьбы свой баркасъ съ нѣсколькими матросами и двумя офицерами? Мы никакъ не могли разъяснить себѣ это, даже и прочитавъ самымъ тщательнымъ образомъ путевыя замѣтки Перона.

Въ Банксовомъ и Бассовомъ проливахъ французскія суда шли по слѣдамъ Басса и Флиндерса, изслѣдовавшихъ и описавшихъ все окрестное прибрежье. Съ 29-го мая 1802 года „Географъ" пошелъ вдоль юго-западнаго берега Новой Голландіи, гдѣ былъ извѣстенъ всего лишь участокъ отъ мыса Левина до острововъ св. Петра и св. Франциска. Все же пространство къ востоку отъ земли Нюитса до Западнаго порта никогда еще до тѣхъ поръ не посѣщалось европейцами. Надлежало пополнить этотъ пробѣлъ и окончательно убѣдиться, дѣйствительно ли Новая Голландія составляетъ только одинъ островъ и не впадаютъ ли въ море на неизвѣданной части прибрежья какія-либо большія рѣки.

Послѣдовательно были осмотрѣны и нанесены на карту островъ Латрель, мысъ горы Ѳавора, мысъ Фоларъ, бухта Декарта, мысъ Буфлера, бухта Эстена, Риволійская бухта и мысъ Монжа. Французскіе моряки поймали близъ этого мыса множество дельфиновъ, когда на горизонтѣ замѣченъ былъ парусъ. Всѣ думали сперва, что это „Натуралистъ", пропавшій въ ночь съ 7-го на 8-ое марта изъ виду во время порывистаго вѣтра и туманной погоды. Корабль этотъ шелъ навстрѣчу „Географу", и потому вскорѣ съ нимъ поровнялся. Оказалось, что это было англійское судно „Investigator", подъ командою лейтенанта Флиндерса, отправившееся 8 мѣсяцевъ тому назадъ изъ Европы, чтобъ закончить описаніе береговъ Новой Голландіи. Флиндерсъ занимался уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ описаніемъ этого прибрежья и также много потерпѣлъ отъ ураганов и бурь. Между прочимъ онъ потерялъ въ Бассовомъ проливѣ шлюпку съ однимъ офицеромъ.



На горизонтѣ замѣченъ былъ парусъ...

„Географъ“ осмотрѣлъ послѣ того мысъ Крете́, полуостровъ Флерье, имѣющій до двадцати миль въ длину, заливъ св. Викентія (названный такъ Флиндерсомъ), островъ Кенгуру, острова Альторпа, заливъ Спенсера, на западномъ берегу котораго лежитъ Линкольнскій портъ, одинъ изъ самыхъ лучшихъ и самыхъ безопасныхъ портовъ въ Новой Голландіи, и наконецъ острова св. Франциска и св. Петра. Чтобъ закончить эту гидрографи-

ческую кампанію и въ точности выполнить инструкціи, данныя капитану Бодену, слѣдовало бы осмотрѣть еще прибрежье, лежащее за этими островами. Погода стояла, однако, такая бурная, что Боденъ рѣшился отложить это до слѣдующей кампаніи.

Экипажъ „Географа" страшно страдалъ въ это время отъ цынги. Болѣе половины матросовъ не были уже въ состояніи исполнять свои обязанности. Изъ рулевыхъ могли лишь двое держаться на ногахъ. Не было ни вина, ни водки для того, чтобъ хоть сколько-нибудь исправить вкусъ совершенно протухшей прѣсной воды, которую притомъ пришлось выдавать въ недостаточномъ количествѣ; приходилось питаться сухарями, которые были насквозь проточены червями, и полусгнившею солониной, одинъ запахъ которой вызывалъ уже тошноту.

Въ южномъ полушаріи начиналась уже зима. Экипажъ „Географа" въ высшей степени нуждался въ отдыхѣ. Ближайшее мѣсто, куда онъ могъ зайти, былъ Портъ-Джаксонъ. Кратчайшій путь туда шелъ черезъ Бассовъ проливъ. Боденъ, любившій, повидимому, оригинальничать, разсудилъ иначе и приказалъ обогнуть южную оконечность Вандименовой Земли.

20-го мая „Географъ" сталъ на якорѣ въ бухтѣ Adventure. Больныхъ, которые были еще въ состояніи держаться на ногахъ, свезли на берегъ, гдѣ безъ труда также налили бочки свѣжей прѣсной водой. Однако въ это время года нельзя было уже держать судно на якорѣ въ открытой бухтѣ. Погода стояла бурная и чрезвычайно туманная. Берегъ совершенно скрывался изъ виду, и можно было судить о его близости только по страшному шуму, съ которымъ громадныя волны разбивались о прибрежныя скалы. Число больныхъ съ каждымъ днемъ возрастало, несмотря на то, что ежедневно умирало по нѣскольку человѣкъ. 4-го іюня изъ всего экипажа только лишь шесть человѣкъ могли держаться на палубѣ, а между тѣмъ какъ разъ въ это время разразилась страшная буря. Несмотря на такія неблагопріятныя обстоятельства „Географу" и на этотъ разъ удалось спастись отъ гибели, казавшейся неизбѣжною.

17-го іюня Боденъ обмѣнялся сигналами съ кораблемъ, проходившимъ мимо бухты д'Антркасто, при чемъ узналъ, что „Натуралистъ", простоявъ долгое время въ Портъ-Джаксонѣ, отправился наконецъ разыскивать „Географа". Лодка, покинутая Боденомъ, встрѣтилась съ англійскимъ судномъ. Экипажъ ея вре-

менно пріютился на „Натуралистѣ". Въ Портъ-Джаксонѣ ждали съ величайшимъ нетерпѣніемъ „Географа" и приготовили заранѣе все, въ чемъ могъ имѣть надобность его экипажъ.

Выйдя изъ бухты д'Антркасто, „Географъ" вскорѣ достигъ Портъ-Джаксона, но цѣлыхъ три дня лавировалъ у входа въ этотъ портъ, такъ какъ, за недостаткомъ матросовъ, кораблемъ нельзя было управлять надлежащимъ образомъ. Наконецъ англичане прислали съ берега шлюпку съ лоцманомъ и нѣсколькими моряками, которые и ввели этотъ корабль въ портъ.

„Имѣя у входа не болѣе двухъ миль ширины,—говоритъ Перонъ,—Портъ-Джаксонъ далѣе вглубь расширяется настолько, что образуетъ обширный бассейнъ, настолько глубокій, что въ немъ безопасно могутъ плавать самыя обширныя суда, и настолько просторный, чтобы вмѣстить произвольно большое число кораблей. По словамъ коммодора Филиппа, тамъ могъ бы свободно маневрировать флотъ изъ тысячи линейныхъ кораблей.

Въ самой почти серединѣ этого великолѣпнаго порта на южномъ берегу, возлѣ одной изъ главныхъ его бухточекъ, построенъ городъ Сидней. Городъ этотъ, недавно еще построенный на склонахъ двухъ сосѣднихъ холмовъ вдоль береговъ небольшого ручья, представляетъ очень пріятное и живописное зрѣлище.

Прежде всего бросаются въ глаза укрѣпленія или, какъ они здѣсь называются, батареи, и зданіе госпиталя, въ которомъ могутъ помѣститься отъ 200 до 300 больныхъ. Госпиталь этотъ, собственно говоря, построенъ былъ въ Англіи, а затѣмъ разобранъ на части, которыя были тщательно занумерованы и погружены на суда. По прибытіи въ Портъ-Джаксонъ оставалось только его снова собрать, что̀ и было выполнено безъ всякихъ хлопотъ имѣвшимися у коммодора Филиппа плотниками. Замѣчательны также большіе товарные сараи, построенные на берегу такъ, что самыя большія суда могутъ сдавать въ нихъ свой грузъ. Тутъ-же неподалеку расположена верфь, на которой мы видѣли уже нѣсколько голетовъ и бриговъ, на постройку которыхъ употреблялся исключительно только туземный лѣсъ.

Катеръ, на которомъ г. Бассъ открылъ проливъ, отдѣляющій Тасманію отъ Новой Голландіи, хранится теперь въ портѣ и считается какъ-бы святыней. Изъ его киля вырѣзано нѣсколько кусковъ дерева. Сдѣланныя изъ нихъ табакерки считаются та-

кими драгоцѣнностями, съ которыми счастливые обладатели ихъ не разстанутся ни за какія деньги. Губернаторъ, желая особенно почтить нашего командира, подарилъ ему отъ этой шлюпки кусочекъ дерева, богато оправленный въ серебро. На этой оправѣ изображены были главнѣйшія подробности открытія Бассова пролива.

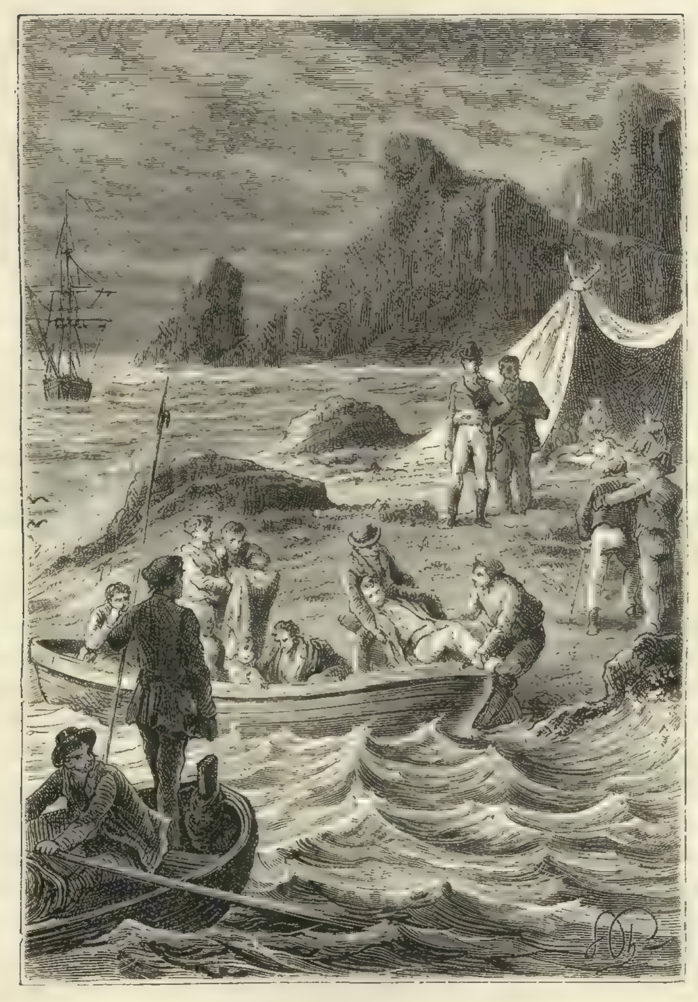
Въ Сиднеѣ замѣчательны также тюрьма, разсчитанная на полтораста или двѣсти арестантовъ, водочный и провіантный магазины, площадь, на которую выходятъ домъ губернатора, казармы, обсерваторія и гдѣ заложена церковь, едва лишь начинавшая при насъ подниматься отъ земли“.

Перонъ чрезвычайно изумляется перемѣнѣ, происшедшей со ссыльными, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ перевезены были въ Портъ-Джаксонъ, и говоритъ:

„Населеніе этой колоніи являлось для насъ новымъ поводомъ къ изумленію и размышленію. Никогда, можетъ быть, не представлялся государственному дѣятелю и философу предметъ, болѣе достойный изслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ никогда еще, по всѣмъ вѣроятіямъ, не было столь очевидно и блистательно доказано облагораживающее вліяніе общественныхъ учрежденій даже и на самые дурные характеры. Сюда свезены были воры и разбойники, съ которыми не могли справиться въ ихъ отечествѣ. Европейское общество извергло ихъ изъ своей среды, какъ злостныхъ и неисправимыхъ преступниковъ. И вотъ, въ отдаленной Австраліи, эти воры и разбойники, поставленные съ перваго же дня ссылки въ такое положеніе, въ которомъ имъ предстоялъ выборъ между строгой карой и надеждой на болѣе счастливую участь, признали болѣе удобнымъ и благоразумнымъ отрѣшиться отъ своихъ противообщественныхъ нравовъ.

Большинство изъ нихъ, искупивъ тяжкимъ каторжнымъ трудомъ свои преступленія и проживъ въ теченіе нѣкотораго времени подъ дѣятельнымъ и непреклоннымъ надзоромъ, вернулись уже снова въ ряды гражданъ. Теперь они сами заинтересованы въ сохраненіи порядка и правосудія, такъ какъ сами сдѣлались собственниками. Многіе обзавелись вмѣстѣ съ тѣмъ женами и дѣтьми. Понятно, что они ни въ какомъ случаѣ не согласились-бы вернуться къ безправному положенію преступниковъ, преслѣдуемыхъ закономъ.

Такой-же переворотъ подобными же средствами совершился



Больныхъ свезли на берегъ.

и у сосланныхъ сюда женщинъ. Погибшія, безнравственныя созданія мало-по-малу начинаютъ вести себя здѣсь благопристойно, а затѣмъ выходятъ замужъ и обращаются въ любящихъ матерей и трудолюбивыхъ хозяекъ"...

Французской экспедиціи оказанъ былъ въ Портъ-Джаксонѣ самый радушный пріемъ. Ученые пользовались тамъ всѣми удоб-

ствами для производства своихъ изслѣдованій и наблюденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ колоніальныя власти и частныя лица обильно снабжали экспедицію продовольственными и лѣкарственными средствами, виномъ и даже лакомствами.

Научныя экскурсіи въ окрестностяхъ Портъ-Джаксона были чрезвычайно плодотворны. Естествоиспытатели имѣли случай осмотрѣть знаменитыя розгильскіе виноградники (виноградники холма Розъ), гдѣ разведены были лучшіе сорта винограда съ мыса Доброй Надежды, съ Канарскихъ острововъ, съ Мадейры, Хереса и изъ Бордо.

„Лица, занимавшіяся уходомъ за этими виноградниками, разсказывали намъ, — говоритъ Перонъ, — что виноградная лоза растетъ здѣсь сильнѣе и лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Въ первые два или три мѣсяца все, повидимому, складывается какъ нельзя лучше. Лоза покрывается обильными цвѣтами и мы ожидаемъ богатаго сбора, но едва-только подуетъ съ сѣверо-запада легонькій вѣтерокъ, какъ у насъ все уже пропало безвозвратно. Ничто не можетъ противиться этому знойному, сухому вѣтру. Почки, цвѣты и листья вянутъ и опадаютъ“.

Впослѣдствіи, когда для винодѣлія выбраны были болѣе благопріятныя мѣстности, оно чрезвычайно развилось. Въ настоящее время австралійскіе виноградники въ изобиліи доставляютъ разнообразные сорта очень недурныхъ винъ, отличающихся большимъ содержаніемъ алкоголя.

Въ тридцати миляхъ отъ Сиднея тянется цѣпь Голубыхъ горъ, долгое время служившихъ границей мѣстности, извѣстной европейцамъ. Лейтенантъ Дэйсъ, капитанъ Тейхъ Патерсонъ, прослѣдивши Гаукесбургскую рѣку, этотъ новоголландскій Нилъ, до его источниковъ, Геккингъ, Бассъ и Баралье—безуспѣшно пытались перебраться черезъ эти крутыя горы.

Въ то время было уже замѣчено, что Новый Южный Валлисъ представляетъ весьма благопріятное условіе для скотоводства. Деревья въ лѣсахъ стоятъ тамъ рѣдко, трава произрастаетъ въ изобиліи и отличнаго качества. Англійское правительство озаботилось поэтому доставкой въ новую колонію большого количества крупнаго рогатаго скота и овецъ.

Рогатый скотъ размножается тамъ такъ быстро, что на однѣхъ казенныхъ фермахъ, незадолго до нашего прибытія въ Портъ-Джаксонъ, состояло уже 1800 штукъ головъ крупнаго рогатаго

скота, въ томъ числѣ 514 быковъ, 121 волъ и 1165 коровъ. Скотъ этотъ такъ быстро размножается, что въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ число быковъ и коровъ въ Сиднеѣ возросло съ 1856 до 2450, что составитъ годичный приростъ въ 650 головъ, т. е. около 33%.

Предположивъ подобное же безостановочное приращеніе въ теченіе тридцати лѣтъ и уменьшивъ полученный результатъ вдвое, мы все-таки получили бы громадную цифру, позволяющую съ увѣренностью заключать, что Новая Голландія будетъ къ тому времени покрыта безчисленными стадами крупнаго рогатаго скота. Овцеводство даетъ здѣсь еще болѣе блестящіе результаты. Стада овецъ размножаются здѣсь съ такой быстротой, что капитанъ Макъ Арзеръ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, утверждаетъ въ недавно обнародованной имъ брошюрѣ, будто черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ Новая Голландія окажется уже въ состояніи снабжать англійскія фабрики всѣмъ необходимымъ для нихъ количествомъ шерсти, ежегодно покупаемой теперь ими за границей на сумму болѣе 18 милліоновъ рублей.

Теперь уже выяснилось, что эти разсчеты, казавшіеся тогда столь неправдоподобными, нимало не преувеличены. Во всякомъ случаѣ интересно было прослѣдить первые шаги австралійскаго скотоводства, достигшаго теперь такого цвѣтущаго развитія, и отмѣтить громадное впечатлѣніе, которое оно произвело на французскихъ мореплавателей.

Здоровье экипажей „Натуралиста“ и „Географа“ отчасти улучшилось, но число матросовъ, способныхъ продолжать кампанію, оказалось настолько ограниченнымъ, что пришлось взять съ „Натуралиста“ наиболѣе надежныхъ людей и отослать это судно назадъ во Францію. Взамѣнъ „Натуралиста“ пріобрѣтенъ былъ гальотъ въ тридцать тоннъ водоизмѣщенія, названный „Казуариной“. Командиромъ этого гальота, сидѣвшаго очень мелко въ водѣ, а потому какъ нельзя болѣе пригоднаго для прибрежнаго плаванія, назначенъ былъ Луи Фрейсинэ.

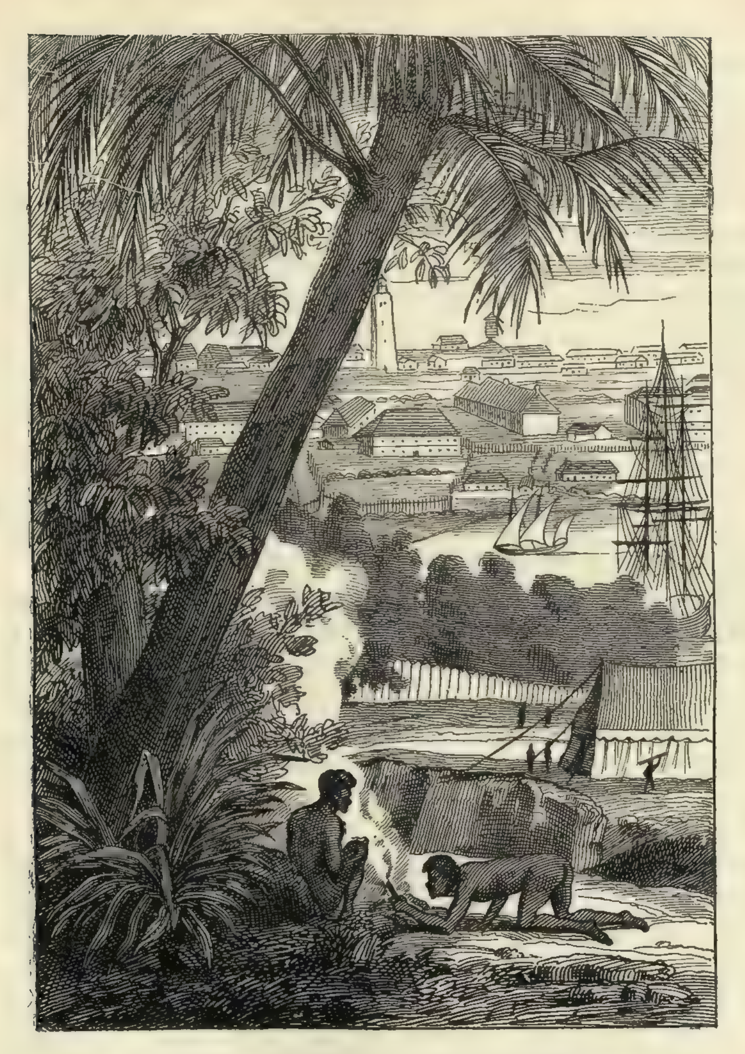
Съ „Натуралистомъ“ отправлены были во Францію отчеты о занятіяхъ экспедиціи, въ которыхъ занесены были результаты научныхъ изслѣдованій и наблюденій, произведенныхъ въ теченіе обѣихъ предшествовавшихъ кампаній. „Между прочимъ отослано было на этомъ кораблѣ, — говоритъ Перонъ, — болѣе сорока ты-

сячъ экземпляровъ разныхъ животныхъ, собранныхъ за послѣдніе два года на австралійскомъ прибрежьѣ и сосѣднихъ съ нимъ островахъ. Коллекція эта, богатѣйшая и многочисленнѣйшая изъ всѣхъ, какія когда-либо доставлялись въ Европу, была уложена въ тридцати трехъ большихъ ящикахъ. Англичане, принадлежавшіе къ здѣшней интеллигенціи, въ томъ числѣ и знаменитый Патерсонъ, видѣли въ домѣ, гдѣ я квартировалъ съ г. Бельфеномъ, часть этой коллекціи въ то время, когда она не была еще уложена, и чрезвычайно ею восхищались".

„Географъ" и „Казуарина" вышли 18-го ноября 1802 года изъ Портъ-Джаксона. Въ теченіе этой третьей кампаніи были осмотрѣны и изслѣдованы островъ Кинга, острова Гунтера, сѣверо-западная часть Вандименовой Земли (чѣмъ заканчивалось гидрографическое описаніе прибрежья этого острова). Послѣ этого съ 28-го декабря 1802 года по 15-е февраля 1803 года капитанъ Боденъ осматривалъ на юго-западномъ берегу Австраліи островъ Кэнгуру и два залива, лежащихъ напротивъ этого острова. „Однообразіе и безплодіе, которымъ, вообще говоря, отличается большая часть Новой Голландіи и многочисленныхъ прилегающихъ къ ней острововъ, представляетъ собою, — говоритъ Перонъ, — весьма странное явленіе, которое кажется еще необъяснимѣе, если принять во вниманіе рѣзкую разницу между австралійскимъ материкомъ и сосѣдними съ нимъ землями. Покинувъ низменные, голые и безплодные берега Земли Витта и направившись отъ нея къ сѣверо-западу, мы черезъ какихъ-нибудь двое сутокъ увидѣли передъ собою плодородные острова Молукскаго архипелага съ ихъ высокими горами, многочисленными рѣками и рѣчками и непроницаемыми зелеными лѣсами. Точно также и къ югу отъ Австралійскаго материка лежитъ богатая растительностью, гористая Вандименова Земля. Даже и островъ Кинга, лежащій такъ близко отъ этого материка, замѣчателенъ своимъ плодородіемъ и роскошною, свѣжею растительностью.

Какъ только выходишь на берегъ Новой Голландіи, общій характеръ мѣстности совершенно измѣняется. Повсюду представляются тѣ-же мрачныя картины, которыя столько разъ уже утомляли читателя, изумляли философа и опечаливали мореплавателя".

Инженеры, посланные на „Казуаринѣ", чтобъ осмотрѣть заливъ Спенсера, а также Іоркскій полуостровъ, который отдѣляетъ



Видъ Сиднея (Fas-simile съ древней гравюры).

его отъ залива св. Викентія, произвели обстоятельную съемку, при чемъ выяснилось, что въ Спенсеровъ заливъ не впадаетъ никакой большой рѣки. Что касается Линкольнскаго порта, то онъ былъ осмотрѣнъ менѣе обстоятельно, такъ какъ близился уже условленный срокъ возвращенія къ острову Кэнгуру. Увѣренные въ томъ, что Боденъ не станетъ ихъ дожидаться, инженеры

спѣшили къ этому острову, но все-таки опоздали. „Географъ“ вышелъ 1-го февраля въ море, бросивъ на произволъ судьбы „Казуарину“, хотя судно это было недостаточно снабжено съѣстными припасами.

Боденъ продолжалъ затѣмъ изслѣдованіе австралійскаго прибрежья и нанесъ на карту архипелагъ св. Франциска. Это былъ трудъ, по его мнѣнію, весьма важный въ географическомъ отношеніи, такъ какъ со времени открытія упомянутыхъ острововъ Питеромъ Нюитсомъ въ 1627 году они не были еще обстоятельно осмотрѣны никѣмъ изъ европейскихъ мореплавателей.

Флиндерсъ только что изслѣдовалъ какъ эти острова, такъ и близлежащее прибрежье, но Боденъ, не зная этого, полагалъ, что „Географъ“ будетъ первымъ европейскимъ кораблемъ, посѣтившимъ Землю Нюитса со времени ея открытія.

Прибывъ 6-го февраля въ портъ Короля Георга, Боденъ нашелъ тамъ „Казуарину“ въ такомъ жалкомъ состояніи, что ее пришлось посадить на мель.

Открытый Ванкуверомъ, въ 1791 году, портъ Короля Георга имѣетъ тѣмъ болѣе важное значеніе для мореплавателей, что, на протяженіи бо̀льшемъ чѣмъ разстояніе отъ Парижа до Петербурга, онъ является единственнымъ мѣстомъ австралійскаго прибрежья, гдѣ можно во всякое время запастись прѣсной водой.

Несмотря на это, окрестности порта Короля Георга такъ-же безплодны, какъ и вся остальная страна.

„Здѣшнія мѣста,—говоритъ Буланже въ своихъ запискахъ,—положительно наводятъ ужасъ. Даже и птицы залетаютъ сюда очень рѣдко. Это какая-то молчаливая, мертвая пустыня“.

Въ глубинѣ одной изъ бухточекъ порта, названной Устричной бухтой, найдена была рѣка, ширина которой при устьѣ оказалась такая-же, какъ ширина Сены въ Парижѣ. Боденъ назвалъ ее рѣкою Французовъ и послалъ для изслѣдованія ея шлюпку. Этой шлюпкѣ предписано было подняться вверхъ по рѣкѣ какъ можно дальше вглубь страны. Однако-же въ двухъ миляхъ отъ устья шлюпка вынуждена была остановиться передъ двумя плотинами изъ камней, сложенныхъ на-сухо. Плотины эти, соединяя берега рѣки съ маленькимъ островкомъ, лежавшимъ посерединѣ рѣки, дѣлали дальнѣйшее плаваніе по ней совершенно невозможнымъ.

„Въ этихъ плотинахъ или стѣнахъ продѣланы были окна въ

родѣ пушечныхъ амбразуръ, обращенныхъ широкимъ отверстіемъ къ морю. Большинство ихъ лежало выше уровня воды при отливѣ. Какъ уже упомянуто, отверстія оконъ, обращенныя къ морю, были очень широки, тогда какъ противоположныя отверстія, выходившія къ верховью рѣки, были значительно у́же. Благодаря такому приспособленію, рыба, подымавшаяся во время прилива въ рѣку, могла удобно проходить черезъ плотину, но не въ состояніи была возвратиться изъ огороженнаго пространства назадъ въ море. Такимъ образомъ рыба скоплялась за плотиной какъ-бы въ садкѣ, изъ котораго туземцы могли безъ труда ловить ее по мѣрѣ надобности".

Пройдя вдоль берега рѣки всего лишь треть мили вверхъ по теченію, г-нъ Форъ нашелъ на этомъ протяженіи еще пять такихъ же плотинъ, свидѣтельствовавшихъ объ изобрѣтательности австралійцевъ, стоящихъ, однако, еще на столь низкой степени развитія.

Тутъ-же, въ окрестностяхъ порта Короля Георга, одинъ изъ офицеровъ „Географа", г. Рансонне, оказался счастливѣе Ванкувера и д'Антркасто, такъ какъ ему удалось вступить въ сношенія съ туземцами. Офицеръ этотъ былъ первый изъ европейцевъ, видѣвшій этихъ туземцевъ вблизи.

„Едва только лодка наша подошла къ берегу,—говоритъ Рансонне,—какъ мы увидѣли восьмерыхъ туземцевъ, которыхъ въ первый день прибытія нашего въ портъ мы никакъ не могли подозвать къ себѣ. Трое изъ туземцевъ (по всѣмъ вѣроятіямъ, женщины) удалились, остальные же пятеро, бросивъ на землю копья, вѣроятно, чтобы увѣрить насъ въ миролюбивыхъ своихъ намѣреніяхъ, подошли къ шлюпкѣ и помогли намъ высадиться на берегъ. Матросы, слѣдуя моему примѣру, надѣлили услужливыхъ дикарей разными подарками, которые принимались съ видимымъ удовольствіемъ, но безъ всякой назойливости. Не знаю, чѣмъ это въ сущности объяснить — равнодушіемъ или довѣрчивостью, но только дикари, подержавъ нѣкоторое время въ рукахъ подаренныя имъ вещи, отдавали ихъ намъ назадъ. Когда мы снова возвращали имъ эти бездѣлушки, дикари снова оставляли ихъ тутъ-же на землѣ или на сосѣднихъ камняхъ.

Съ ними было нѣсколько штукъ красивыхъ и очень большихъ собакъ. Я всячески старался пріобрѣсти одну изъ нихъ и предлагалъ въ обмѣнъ за нее вещи, которыя должны были ка-

заться для дикарей самыми соблазнительными. Они, однако, наотрѣзъ отказались вступить со мною въ подобную сдѣлку. Собаки эти, вѣроятно, дрессированы для охоты на кэнгуру. Туземцы питаются преимущественно мясомъ этого животнаго и рыбою, которую, какъ я самъ видѣлъ, бьютъ дротиками, употребляемыми вмѣсто остроги. Эти австралійцы пили съ большимъ аппетитомъ кофе, ѣли солонину и сухари, но отказались отъ свиного сала, которымъ мы ихъ пробовали угощать, и бросили данные имъ куски сала на сосѣднихъ камняхъ.

Они высокаго роста, худощаваго сложенія и очень проворны. Волосы у нихъ длинные, брови черныя, носъ короткій, приплюснутый и какъ-бы вдавленный во внутрь у своего основанія. Глаза у австралійцевъ впавшіе, ротъ большой съ выдающимися губами и прелестными, очень бѣлыми зубами. Слизистая оболочка рта у нихъ, повидимому, такого-же чернаго цвѣта, какъ и остальная кожа, покрывающая ихъ тѣло.

У троихъ дикарей, находившихся, сколько можно судить, въ возрастѣ отъ сорока до пятидесяти лѣтъ, были длинныя черныя бороды. Зубы у нихъ были подпилены, а въ носовой перегородкѣ имѣлось отверстіе для серьги. Курчавые ихъ волосы были подстрижены въ скобку. Остальные двое австралійцевъ казались юношами лѣтъ семнадцати или восемнадцати. Они еще не были татуированы и носили длинные волосы, собранные на затылкѣ въ видѣ шиньона, напудреннаго красною охрой, которою взрослые натирали себѣ все тѣло.

Всѣ эти дикари ходили совершенно нагіе, такъ какъ широкій поясъ изъ множества тоненькихъ шнурочковъ, свитыхъ изъ шерсти кэнгуру, очевидно, нельзя было признать одеждою. Они очень много болтали между собой и повременамъ пѣли всегда въ одномъ и томъ-же тонѣ и акомпанируя себѣ постоянно одинаковыми жестами. Несмотря на установившіяся между нами дружескія отношенія, австралійцы ни за что не пускали насъ туда, гдѣ прятались ихъ жены“.

Простоявъ двѣнадцать дней въ портѣ Короля Георга, „Географъ“ и „Казуарина“ вышли опять въ море. Съ 7-го по 26-е марта французскіе корабли шли вдоль прибрежья земель Левина, Эдельса и Эндрахта, при чемъ карты этихъ земель, составленныя д'Антркасто и Ванкуверомъ, были тщательно исправлены. Затѣмъ Боденъ занялся гидрографической съемкой Земли де-Витта,

подробности очертанія береговъ которой были въ то время еще почти неизвѣстны. Попытки самого де-Витта, Віанена, Дампьера и Сентъ-Аллуарна подойти къ этой землѣ достаточно близко для того, чтобъ можно было осмотрѣть ее въ подробности, оставались безуспѣшными. Боденъ надѣялся, что будетъ счастливѣе означенныхъ мореплавателей, но мелководье, песчаныя отмели и подводныя скалы чрезвычайно затрудняли также и для него плаваніе вдоль этого прибрежья.

Къ упомянутымъ уже опасностямъ зачастую присоединялись оптическіе обманы или миражи. „Географъ", постоянно державшійся приблизительно въ милѣ отъ гряды прибрежныхъ рифовъ, казался съ „Казуарины" окруженнымъ со всѣхъ сторонъ подводными утесами, о которые долженъ былъ неминуемо разбиться. Этотъ оптическій обманъ отчасти разрушался лишь самою своей чрезмѣрностью.

3-го мая „Географъ" въ сопровожденіи „Казуарины" вторично бросилъ якорь въ Купангскомъ портѣ у береговъ острова Тимора. Простоявъ тамъ ровно мѣсяцъ и запасшись свѣжею провизіей, капитанъ Боденъ пошелъ снова къ Землѣ де-Витта, гдѣ разсчитывалъ встрѣтить попутные вѣтры, а оттуда направился къ Иль-де-Франсу. Вскорѣ по прибытіи къ этому острову онъ скончался 16-го сентября 1803 года. Весьма можетъ быть, что нездоровье значительно вліяло на характеръ Бодена и дѣлало его такимъ неуживчивымъ. Весьма вѣроятно, что только болѣзнь начальника экспедиціи и обусловливала постоянныя его ссоры съ офицерами и учеными. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ относится скорѣе къ области патологической психологіи.

23-го марта „Географъ" вернулся на Лоріентскій рейдъ. Черезъ три дня послѣ того приступлено было къ выгрузкѣ привезенныхъ имъ естественно-историческихъ коллекцій.

„Кромѣ множества ящиковъ съ минералами, засушенными растеніями, рыбами, пресмыкающимися и зоофитами въ банкахъ со спиртомъ, чучелами четвероногихъ животныхъ и птицъ и разными анатомическими препаратами, у насъ было еще,—говоритъ Перонъ,—семьдесятъ большихъ ящиковъ съ посаженными въ нихъ экземплярами живыхъ растеній, въ числѣ которыхъ насчитывалось болѣе двухсотъ видовъ полезныхъ растеній. Кромѣ того мы привезли болѣе шестисотъ видовъ сѣмянъ и около сотни живыхъ звѣрей и птицъ".

Приведемъ въ заключеніе нѣкоторыя выдержки изъ отчета, представленнаго французской академіей наукъ императору Наполеону I о результатахъ экспедиціи Бодена. Выдержки эти относятся главнымъ образомъ къ зоологической коллекціи, собранной гг. Перономъ и Лезюеромъ.

„Она состоитъ болѣе чѣмъ изъ ста тысячъ экземпляровъ разныхъ крупныхъ и мелкихъ животныхъ. Многія изъ нихъ принадлежатъ къ неизвѣстнымъ до сихъ поръ видамъ. Изъ нѣкоторыхъ пришлось даже образовать новые роды. Судя по докладу профессора, завѣдывающаго естественно-историческимъ музеемъ, число новыхъ видовъ, которыми коллекція эта обогащаетъ науку, простирается болѣе чѣмъ до двухъ съ половиной тысячъ".

Принимая во вниманіе, что второе путешествіе Кука, считавшееся до тѣхъ поръ самымъ блестящимъ по отношенію къ добытымъ научнымъ результатамъ, обогатило зоологію всего лишь двумястами пятьюдесятью новыми видами, и что путешествія Картерета, Валлиса, Фюрно, Мирса и самого Ванкувера всѣ вмѣстѣ не дали даже и этой цифры новыхъ видовъ (что̀ можно сказать и обо всѣхъ предшествовавшихъ французскихъ мореплавателяхъ), придется заключить, что Перону и Лезюеру удалось открыть несравненно большее число новыхъ животныхъ, чѣмъ всѣмъ остальнымъ путешественникамъ и естествоиспытателямъ за послѣднія два столѣтія.

Что касается географическихъ и гидрографическихъ трудовъ Боденовской экспедиціи, то они имѣютъ весьма серьезное научное значеніе. Англійское правительство умышленно старалось ихъ игнорировать. Деборо-Кулей въ составленной имъ „Исторіи путешествій" относитъ открытія Бодена на задній планъ, отводя вездѣ первое мѣсто Флиндерсу. Утверждали даже, будто французы держали Флиндерса шесть съ половиною лѣтъ въ плѣну на Иль-де-Франсѣ именно для того, чтобы хорошенько изучить составленныя имъ карты и сообразно съ ними написать реляцію о Боденовскомъ путешествіи. Понятно, что обвиненіе это по своей нелѣпости не нуждается даже и въ опроверженіи.

Оба мореплавателя, какъ англійскій, такъ и французскій, играли въ исторіи открытія и подробнаго описанія австралійскаго прибрежья достаточно видную роль для того, чтобъ не было надобности возвышать одного изъ нихъ на счетъ другого. Въ предисловіи ко второму изданію „Voyage de decouvertes australes"

(Путешествіе для открытій въ южныхъ моряхъ), написанномъ Перономъ и просмотрѣнномъ капитаномъ Луи Фрейсинэ, воздано каждому изъ нихъ должное по заслугамъ. Читатели, которыхъ интересуетъ этотъ вопросъ, могутъ обратиться къ означенному сочиненію.

ГЛАВА II.

Изслѣдователи Африки.

Шоу въ Алжирѣ и въ Тунисѣ.—Горнеманъ въ Феццанѣ.—Адансонъ на берегахъ Сенегала.—Гоугтонъ въ Сенегамбіи.—Мунго-Паркъ и его два путешествія по Нигеру или Джолибѣ.—Сего.—Томбукту.—Спарманъ и Левальянъ на мысѣ Доброй Надежды, въ Наталѣ и во внутренней Африкѣ.—Лачерда на Мозамбикскомъ прибрежьѣ и у Казембэ.—Брюсъ въ Абиссиніи.—Источники Голубого Нила.—Озеро Чана. — Путешествіе Броуна въ Дарфуръ.

Англичанинъ Томасъ Шоу, состоявшій капелланомъ британскаго консульства въ Алжирѣ, воспользовался двѣнадцатилѣтнимъ своимъ пребываніемъ въ Варварійскихъ владѣніяхъ, чтобы собрать коллекцію мѣстныхъ достопримѣчательностей, медалей, надписей, художественныхъ произведеній и т. п. Шоу самому не удалось посѣтить южные алжирскіе округа, но онъ все-таки сумѣлъ собрать достовѣрныя и весьма цѣнныя свѣдѣнія о многихъ мало извѣстныхъ въ то время мѣстностяхъ. Свѣдѣнія эти были получены имъ путемъ разспросовъ, при чемъ ихъ приходилось тщательно сравнивать и провѣрять показаніями лицъ, достойныхъ уваженія. Собранныя Шоу фактическія данныя приведены въ двухъ большихъ томахъ въ четвертую долю листа со многими рисунками въ текстѣ.

Сочиненіе Шоу, касающееся всего протяженія древней Нумидіи, является скорѣе трудомъ ученаго, чѣмъ путешественника. Надо сознаться, что и самая ученость, которою оно проникнуто, является зачастую неудобоваримой. Во всякомъ случаѣ этотъ историко-географическій трудъ былъ въ свое время цѣннымъ вкладомъ въ науку, благодаря громадному количеству содержавшихся въ немъ матеріаловъ, впервые собранныхъ почтеннымъ капелланомъ.

Слѣдующая выдержка даетъ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ образомъ написано это сочиненіе.

„Главнымъ ремесленнымъ производствомъ у кабиловъ и арабовъ является изготовленіе гиковъ (такъ называютъ они свои шерстяныя одѣяла) и тканей изъ козьей шерсти, которыми они покрываютъ свои шатры. Работой этой занимаются однѣ женщины, подобно тому какъ это дѣлали встарину Андромаха и Пенелопа. Онѣ не употребляютъ челнока, а продергиваютъ каждую нитку утка пальцами. Гикъ дѣлается обыкновенно въ шесть англійскихъ локтей длиною и отъ пяти до шести футовъ шириною. Онъ служитъ днемъ кабиламъ и арабамъ полнымъ костюмомъ, а ночью замѣняетъ имъ постель и одѣяло. Одежда эта весьма легкая, но очень неудобная, такъ какъ постоянно приходитъ въ безпорядокъ и спадаетъ съ плечъ. Тѣмъ, кто носитъ эту одежду, приходится часто ее поправлять и приподнимать. Понятно, что человѣку, который хочетъ совершить какое-нибудь усиліе, поясъ при такой одеждѣ является положительно необходимымъ. Это прекрасно обрисовывается, между прочимъ, и въ аллегорическомъ выраженіи: „препоясалъ свои чресла“, такъ часто употребляемомъ въ Св. Писаніи“.

Способъ, которымъ носится означенная одежда, и употребленіе ея ночью вмѣсто одѣяла, позволяютъ, повидимому, допустить, что, по крайней мѣрѣ, болѣе тонкіе сорта гиковъ, употребляемые у кабиловъ женщинами и людьми болѣе знатными, тождественны съ древнимъ peplus. Весьма вѣроятно также, что одежда, называвшаяся у римлянъ тогою, напоминала собою гикъ. Римлянинъ набрасывалъ себѣ тогу на плечи и закутывался въ нее, при чемъ, судя по складкамъ драпировки на статуяхъ, тога носилась совершенно такъ-же, какъ гикъ у арабовъ“.

Мы не станемъ болѣе останавливаться на этомъ сочиненіи, которое съ спеціальной нашей точки зрѣнія не представляетъ почти никакого интереса. Несравненно существеннѣе для насъ познакомиться съ путешествіемъ въ Феццанъ Фридриха-Конрада Горнемана.

Путешествіе это предпринято было при содѣйствіи учрежденнаго незадолго передъ тѣмъ въ Лондонѣ общества для изслѣдованія Африки. Горнеманъ былъ родомъ нѣмецъ. Еще въ молодости ему удалось ознакомиться съ арабскимъ языкомъ и пріобрѣсти нѣкоторыя медицинскія свѣдѣнія. Онъ предложилъ свои услуги Африканскому Обществу, которое, снабдивъ молодого нѣмца рекомендательными письмами и паспортами, открыло ему неограниченный кредитъ.

Покинувъ Лондонъ въ іюлѣ 1797 года, Горнеманъ прибылъ въ Парижъ. Лаландъ представилъ его французской академіи наукъ и передалъ ему свою записку объ Африкѣ. Бруссонэ, въ свою очередь, познакомилъ Горнемана съ однимъ туркомъ, который снабдилъ путешественника рекомендательными письмами къ каирскимъ купцамъ, имѣвшимъ торговыя сношенія съ внутренней Африкой.

Горнеманъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Каирѣ, чтобъ изучить нравы и обычаи туземцевъ, а также усовершенствоваться въ арабскомъ языкѣ. Замѣтимъ кстати, что Монжъ и Бертоллэ представили молодого путешественника главнокомандующему египетской арміи, генералу Бонапарту, который принялъ его очень благосклонно и обѣщалъ оказать всевозможное содѣйствіе его предпріятію.

Горнеманъ полагалъ, что всего безопаснѣе будетъ переодѣться мусульманскимъ купцомъ. Онъ выучилъ наизусть нѣкоторыя наиболѣе употребительныя молитвы и усвоилъ себѣ внѣшніе пріемы и ухватки египетскихъ торговцевъ, казавшіеся, по его мнѣнію, достаточными, чтобъ обмануть людей, которые не имѣли бы повода заподозрить въ немъ христіанина. Къ тому-же онъ ѣхалъ со своимъ соотечественникомъ Іосифомъ Фрейденбургомъ, который уже за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ перешелъ въ исламъ, совершилъ три путешествія въ Мекку и бойко говорилъ на всѣхъ болѣе или менѣе употребительныхъ турецкихъ и арабскихъ нарѣчіяхъ. Фрейденбургъ согласился служить Горнеману переводчикомъ.

Выступивъ 5-го сентября 1792 года съ купеческимъ караваномъ изъ Каира, Горнеманъ посѣтилъ прежде всего знаменитый оазисъ Юпитера Аммона. Оазисъ этотъ, называемый теперь Сіуа, лежитъ къ востоку отъ Египта, въ пустынѣ. Это—маленькое независимое государство, номинально признающее надъ собой верховную власть султана, но неплатящее ему никакихъ податей. Близъ города Сіуа, въ одной или двухъ миляхъ разстоянія отъ него, разбросано нѣсколько деревень. Самый городъ построенъ на скалѣ, въ которой жители его вырыли себѣ жилища. Извилистыя и узкія улицы такъ перепутаны другъ съ другомъ, что постороннему человѣку ни за что не выбраться изъ этого лабиринта.

Оазисъ Сіуа занимаетъ довольно большое протяженіе. Самой плодородной его частью является долина, имѣющая до пятидесяти

миль въ окружности. Благодаря достаточному орошенію, она въ изобиліи производитъ пшеницу, разныя овощи и плоды. Весь оазисъ особенно славится вкусными своими финиками, которые считаются лучшими во всей Сахарѣ и составляютъ главное богатство туземнаго населенія.

Горнеманъ, вскорѣ по прибытіи своемъ въ Сіуа, увидѣлъ тамъ очень интересныя развалины. Онъ тѣмъ болѣе хотѣлъ лично осмотрѣть ихъ, что отъ мѣстныхъ жителей нельзя было добиться никакого толку. Каждый разъ однако, когда Горнеманъ собирался осмотрѣть эти развалины, ему препятствовали въ томъ туземцы. Одинъ изъ арабовъ замѣтилъ даже: „Надо полагать, что вы еще въ глубинѣ сердца христіанинъ; въ противномъ случаѣ вы не стали бы посѣщать остатки зданій, сооруженныхъ невѣрными!“

Понятно, что послѣ этого замѣчанія Горнеманъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ. Сколько онъ могъ заключить изъ поверхностнаго осмотра, Сіуа дѣйствительно оазисъ Юпитера Аммона. Находящіяся тамъ развалины показались Горнеману египетскаго происхожденія.

Множество катакомбъ, встрѣчающихся почти на каждомъ шагу, особенно-же на холмѣ, на которомъ построенъ городъ, свидѣтельствуютъ, что этотъ оазисъ обладалъ въ древности очень густымъ населеніемъ. Путешественникъ тщетно старался достать себѣ тамъ цѣлый черепъ. Судя по найденнымъ имъ затылочнымъ костямъ, нельзя было заключить, чтобъ у покойниковъ извлекали мозгъ и замѣняли его смолою. Лоскутки одеждъ, попадавшіеся въ изобиліи въ катакомбахъ, были такъ ветхи, что не представлялось ни малѣйшей возможности сдѣлать какія-либо заключенія о покроѣ этихъ одеждъ или же о тканяхъ, изъ которыхъ онѣ были изготовлены.

Пробывъ недѣлю въ Сіуа, Горнеманъ отправился оттуда 29-го сентября въ Шіаху и долженъ былъ для этого перевалить черезъ горную цѣпь, опоясывающую оазисъ. За все это время путешественникъ въ сущности не испытывалъ еще серьезныхъ затрудненій, но, по прибытіи въ Шіаху, его стали обвинять въ томъ, что онъ христіанинъ и французскій шпіонъ. Горнеманъ спасся лишь благодаря присутствію духа и прекрасному знанію арабскаго языка. Когда его повели къ допросу, онъ захватилъ съ собою коранъ и, бойко прочитавъ мѣстному шейху цѣлую главу этой священной для мусульманъ книги, убѣдилъ какъ самого шейха,

Бонапартъ принялъ его очень благосклонно.

такъ и всѣхъ присутствовавшихъ въ своей невинности. Тѣмъ временемъ переводчикъ, опасаясь обыска, сжегъ собранные Горнеманомъ кусочки мумій, гербаріи, всѣ книги и подробный путевой журналъ. Это была дѣйствительно невознаградимая потеря.

Продолжая свой путь, караванъ, съ которымъ шелъ Горнеманъ, достигъ города Аужилы, хорошо извѣстнаго Геродоту, описывающему, что онъ находится въ десяти дняхъ пути отъ оазиса Юпитера Аммона. Благодаря усиленнымъ переходамъ,

разстояніе это пройдено было Горнеманомъ въ девять дней. Въ Аужилѣ присоединилось къ каравану нѣсколько купцовъ изъ Бенгази, Мерота и Мохабры со своими прислужниками, такъ что численность каравана простиралась уже до ста двадцати человѣкъ. Послѣ долгаго перехода чрезъ песчаную пустыню, онъ проникъ въ холмистую мѣстность, пересѣченную оврагами, гдѣ изрѣдка встрѣчалась трава и даже попадались деревья. Мѣстность эта называется Харучской пустыней. Пройдя через нее, путешественники прибыли въ Темиссу, небольшой городъ, построенный на холмѣ и окруженный высокой стѣной, послѣ чего въ Зуилѣ вступили наконецъ на Феццанскую территорію. Какъ только караванъ приближался къ какому-либо городу, мѣстное населеніе высылало навстрѣчу конный отрядъ, привѣтствовавшій его джигитовкой, которая у арабовъ называется „фантазіей". Затѣмъ слѣдовалъ обмѣнъ нескончаемыхъ любезностей, пожеланій, добраго здоровья и т. п. Такого рода привѣтствія, зачастую весьма лицемѣрныя, играютъ, сколько можно судить, въ жизни арабовъ весьма важную роль. Изысканность и обиліе ихъ не разъ приводили Горнемана въ изумленіе.

17-го ноября караванъ прибылъ въ городъ Мурзукъ, столицу Феццана. По словамъ Горнемана, орошенная и слѣдовательно— пригодная къ обработкѣ часть Феццанскаго королевства тянется съ сѣвера на югъ полосою приблизительно въ триста миль длиною при наибольшей ширинѣ въ двѣсти миль. Къ феццанской территоріи принадлежатъ также гористая страна Харучь, которая лежитъ нѣсколько восточнѣе, и другія пустыни, простирающіяся къ югу и западу отъ Феццанскаго оазиса. Климатъ въ Феццанѣ весьма непривлекательный. Лѣтомъ стоятъ тамъ страшныя жары, которыя при южномъ вѣтрѣ дѣлаются почти невыносимыми даже и для туземцевъ; зимою же дуетъ пронзительный и холодный сѣверный вѣтеръ, заставляющій разводить огонь, чтобъ сколько-нибудь согрѣться.

Единственное богатство страны составляютъ финики, пшеница, разные плоды и овощи. Мурзукъ является не только столицей Феццана, но и весьма важнымъ торговымъ рынкомъ. Туда привозятся товары изъ Каира, Бенгази, Триполи, Радамеса, Тоата и Судана. Главными товарами на Мурзукскомъ рынкѣ являются невольники и невольницы, страусовыя перья, шкуры дикихъ звѣрей, золото въ порошкѣ и самородкахъ. Изъ Борну привозится

въ Мурзукъ мѣдь, а изъ Каира шелковыя и бумажныя ткани, шерстяныя издѣлія, поддѣльные кораллы, кольца, браслеты и разные остъ-индскіе товары. Купцы изъ Триполи и Радамеса доставляютъ туда огнестрѣльное оружіе, сабли, ножи и т. п.

Феццанъ управляется независимымъ султаномъ, ведущимъ свой родъ прямо отъ Магомета. Онъ пользуется неограниченной властью, но платитъ триполискому бею ежегодную дань въ четыре тысячи долларовъ. Населеніе всего Феццана можно опредѣлить (Горнеманъ не объясняетъ, на какихъ именно основаніяхъ) приблизительно въ 75 тысячъ человѣкъ, которые всѣ исповѣдуютъ исламъ.

Сообщивъ еще затѣмъ нѣкоторыя подробности о мѣстныхъ нравахъ и обычаяхъ, Горнеманъ въ письмѣ къ Лондонскому Африканскому обществу заявлялъ, что разсчитываетъ еще разъ вернуться въ Феццанъ и описать тогда этотъ оазисъ подробнѣе.

Изъ послѣдующихъ писемъ выяснилось, что въ Мурзукѣ скончался вѣрный товарищъ Горнемана, ренегатъ Фрейденбургъ. Самъ Горнеманъ схватилъ тамъ сильную лихорадку и долженъ былъ, вслѣдствіе этого, пробыть въ Феццанѣ гораздо долѣе, чѣмъ разсчитывалъ первоначально. Едва лишь оправившись отъ болѣзни, онъ отправился въ Триполи, чтобъ отдохнуть и запастись свѣжими силами въ обществѣ проживавшихъ тамъ европейцевъ. 1-го декабря 1799 года онъ снова отправился въ Мурзукъ, благополучно достигъ этого города и выступилъ оттуда 7-го апрѣля 1800 года съ караваномъ въ Борну, гдѣ и пропалъ безъ вѣсти. Эта бездна, долженствовавшая поглотить столько жертвъ, не возвратила также и Горнемана.

Въ продолженіе всего XVIII столѣтія Африка являлась для путешественниковъ какъ-бы непріятельскою крѣпостью. Смѣлые изслѣдователи осаждаютъ ее со всѣхъ сторонъ и стараются въ нее проникнуть. Тѣ, которымъ удается это сдѣлать, погибаютъ тамъ или вынуждены возвращаться съ половины дороги. Только лишь за послѣднее время этому таинственному материку пришлось разоблачить свои тайны, при чемъ, къ общему удивленію, въ немъ оказались такія громадныя естественныя богатства, какихъ нельзя было, повидимому, и подозрѣвать.

На берегахъ Сенегала необходимо было еще пополнить свѣдѣнія, которыя собралъ тамъ Брю. Вскорѣ, однако, первое мѣсто въ географическихъ изысканіяхъ на западномъ африканскомъ

прибрежьѣ стали оспаривать у французовъ весьма серьезные и предпріимчивые соперники—англичане, ясно сознававшіе важное значеніе географическихъ изслѣдованій для развитія промышленности и торговли. Прежде чѣмъ приступить къ разсказу объ изслѣдованіяхъ маіора Гоугтона и путешествіяхъ Мунго-Парка, мы должны, впрочемъ, упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о смѣломъ предпріятіи французскаго естествоиспытателя Мишеля Адансона.

Адансонъ чуть не съ дѣтства съ увлеченіемъ занимался естественной исторіей и хотѣлъ прославить свое имя открытіемъ новыхъ видовъ растеній, животныхъ и минераловъ. За невозможностью разсчитывать на новыя открытія въ Европѣ, Адансонъ выбралъ себѣ поприщемъ для изслѣдованій Сенегалъ. Онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ, въ собственноручной запискѣ, причины, которыя побудили его остановить свой выборъ именно на этой странѣ.

„Изъ всѣхъ европейскихъ колоній,—говоритъ онъ,—Сенегалъ показался мнѣ такою, въ которую труднѣе всего проникнуть. Чрезвычайно знойный и въ высшей степени нездоровый климатъ и всевозможныя многоразличныя опасности, окружающія изслѣдователя, удерживали до сихъ поръ естествоиспытателей отъ обстоятельнаго знакомства съ Сенегаломъ. Онъ оставался поэтому почти дѣвственною страною“.

Во всякомъ случаѣ надо было обладать рѣдкимъ честолюбіемъ и мужествомъ, чтобъ руководствоваться именно этими соображеніями.

Безъ сомнѣнія, Адансонъ былъ уже не первымъ естествоиспытателемъ, подвергавшимся подобнымъ опасностямъ, но до тѣхъ поръ никто еще не предпринималъ такихъ изслѣдованій на собственный счетъ и безъ всякой надежды на вознагражденіе. Адансонъ затратилъ все свое состояніе на поѣздку въ Сенегалъ. По возвращеніи во Францію у него не хватало уже денегъ, чтобъ обнародовать сдѣланныя имъ научныя открытія.

3-го марта 1749 года Адансонъ отправился въ западную Африку на кораблѣ „Морской Рыцарь“, состоявшемъ подъ командой д'Апре-де-Манвилльета. Послѣ небольшой остановки въ гавани св. Креста на островѣ Тенерифѣ онъ высадился на берегъ при устьѣ Сенегала. Рѣку эту онъ считалъ тождественной съ Нигеромъ Птоломея и другихъ древнихъ географовъ. Въ продолженіе

почти пяти лѣтъ Адансонъ путешествовалъ по французскимъ владѣніямъ на берегахъ Сенегала. Онъ исходилъ ихъ за это время по всѣмъ направленіямъ, побывалъ въ Подорѣ, въ Портудалѣ, Альбредѣ и на устьяхъ Гамбіи. Настойчивость его и энергія увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ ему удалось собрать поистинѣ драгоцѣнныя коллекціи западно-африканскихъ растеній, животныхъ и минераловъ.

Ему обязана наука первыми точными свѣдѣніями о баобабѣ, „деревѣ-великанѣ", названномъ въ честь его „адансоніей". Онъ сообщилъ также драгоцѣнныя подробности о кузнечикахъ, составляющихъ главную пищу нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ, о бѣлыхъ муравьяхъ или термитахъ, строющихъ себѣ муравейники, которые по величинѣ не уступаютъ человѣческимъ жилищамъ, и объ особой породѣ устрицъ, которыя водятся близъ устья Гамбіи и живутъ тамъ на деревьяхъ.

„Собираніе этихъ устрицъ,—говоритъ онъ,—не составляетъ для негровъ особеннаго труда; имъ приходится только срѣзать вѣтку, на которой во множествѣ сидятъ устрицы. Зачастую на одной вѣткѣ можно встрѣтить до двухсотъ устрицъ. Если главная вѣтвь даетъ отъ себя много побочныхъ отпрысковъ, то нѣсколькими ударами ножа можно составить такой букетъ устрицъ, что одному человѣку, пожалуй, его и не снести".

Замѣтки французскаго естествоиспытателя чрезвычайно интересны, но не отличаются богатствомъ собственно-географическаго матеріала. Весь этотъ матеріалъ исчерпывается нѣкоторыми новыми или же болѣе подробными свѣдѣніями объ йолофахъ, мандингахъ и т. п. Вообще Адансонъ единственно только знакомитъ насъ обстоятельнѣе со странами, которыя были до него уже изслѣдованы въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи.

Совершенно иной характеръ имѣетъ путешествіе англичанина Гоугтона.

Плацъ-маіоръ Горейскаго форта, на западномъ африканскомъ прибрежьѣ, капитанъ 69-го англійскаго пѣхотнаго полка, Гоугтонъ состоялъ въ молодости своей при англійскомъ посольствѣ въ Марокко, гдѣ имѣлъ случай ознакомиться съ нравами и обычаями мавровъ и сенегальскихъ негровъ. Онъ предложилъ въ 1790 году Лондонскому Африканскому Обществу свои услуги, чтобы изслѣдовать теченіе Нигера и, осмотрѣвъ наиболѣе достопримѣчательные города въ Суданѣ, въ особенности же Томбукту и Гауссу,

вернуться къ прибрежью Средиземнаго моря черезъ Сахару. Эта превосходная программа осталась невыполненной лишь вслѣдствіе несчастной случайности.

Покинувъ Англію 16-го октября 1790 года, Гоугтонъ высадился на берегъ Африки 10-го ноября въ Жиллифри, близъ устья Гамбіи. Благосклонно принятый державцемъ страны Барра, онъ поднялся вверхъ по теченію Гамбіи на цѣлыхъ триста англійскихъ миль, прошелъ сухимъ путемъ остальную часть Сенегамбіи и прибылъ наконецъ въ Гонка-Конду, въ странѣ Яни.

„Тамъ, — говоритъ Валькенэръ въ своей „Исторіи путешествій“, — купивъ у одного негра лошадь и пятерыхъословъ, Гоугтонъ хотѣлъ пробраться съ товарами, которые должны были служить ему на пути вмѣсто денегъ, въ Медину, столицу небольшого государства Вулли. Изъ немногихъ словъ, сказанныхъ одною негритянкой на мандингскомъ нарѣчіи, которое онъ отчасти понималъ, Гоугтонъ къ счастью своевременно узналъ о заговорѣ, составленномъ нѣсколькими купцами. Купцы эти, торговавшіе на Нигерѣ, подозрѣвая въ англійскомъ путешественникѣ опаснаго для себя конкурента и не желая дѣлиться съ нимъ барышами, задумали убить его.

Чтобы избавиться отъ угрожавшей ему опасности, Гоугтонъ счелъ за лучшее идти другой дорогой. Переправившись съ своими ослами вплавь черезъ рѣку, онъ очутился на южномъ ея берегу, въ Канторскомъ королевствѣ.

Затѣмъ, еще разъ перейдя черезъ рѣку, англійскій путешественникъ прибылъ въ государство Вулли.

Тамъ онъ поспѣшилъ отправить къ мѣстному державцу гонца съ подарками и письмомъ, въ которомъ просилъ себѣ защиты и покровительства. Туземный царекъ остался очень доволенъ какъ письмомъ, такъ и подарками и гостепріимно принялъ Гоугтона въ своей столицѣ. Медина, по словамъ путешественника, довольно большой городъ, расположенный въ плодоносной странѣ, изобилующей крупнымъ и мелкимъ рогатымъ скотомъ.

Судя по такому счастливому началу, можно было ожидать, что предпріятіе смѣлаго путешественника увѣнчается успѣхомъ, когда вдругъ несчастный случай нанесъ жестокій ударъ надеждамъ Гоугтона. Близъ дома, гдѣ онъ жилъ въ Railways Мединѣ, начался пожаръ и вскорѣ пламя охватило весь городъ. Переводчикъ, уже нѣсколько разъ пытавшійся обокрасть Гоугтона, воспользовался

Баобабъ.

этимъ случаемъ и бѣжалъ, захвативъ съ собою лошадь и трехъ ословъ, навьюченныхъ товарами.

Вуллискій державецъ продолжалъ, однако, и послѣ того покровительствовать путешественнику и осыпалъ его подарками—драгоцѣнными не столько по своей стоимости, сколько по тому, что они служили явнымъ доказательствомъ монаршей милости. Этотъ туземный державецъ, по имени Джота, былъ вообще очень распо-

ложенъ къ европейцамъ. Гоугтонъ описываетъ его какъ человѣка добраго и весьма разсудительнаго. Онъ хотѣлъ вступить въ сношенія съ европейцами и желалъ, чтобъ англичане устроили факторію въ его владѣніяхъ.

Въ письмѣ къ своей женѣ Гоугтонъ замѣчаетъ между прочимъ: „Капитанъ Литльтонъ, пробывъ здѣсь четыре года, очень разбогатѣлъ. У него теперь нѣсколько кораблей, ведущихъ на рѣкѣ значительную торговлю. Здѣсь можно во всякое время получить въ обмѣнъ за малоцѣнныя бездѣлушки большія количества золота, слоновой кости, воску и невольниковъ, наживая по меньшей мѣрѣ 700%. Домашняя птица, яйца, молоко, масло, медъ, рыба и овцы здѣсь очень дешевы, такъ что самая большая семья могла бы здѣсь прекрасно прожить на десять фунт. стерлинговъ въ годъ. Почва здѣсь довольно сухая, а климатъ чрезвычайно здоровый. Джота говоритъ мнѣ, что въ Фататендѣ не было еще случая, чтобъ умиралъ бѣлый человѣкъ“.

Поднявшись далѣе по Фалемѣ, Гоугтонъ проникъ до Какулло (или Какулу, какъ это мѣстечко обозначено на картѣ д'Анвилля). Въ странѣ Бамбуку онъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Джолибѣ, главнѣйшей изъ рѣкъ, орошающихъ Суданъ.

Рѣка эта течетъ сначала съ юга на сѣверъ, а потомъ, отъ Дженнэ, поворачиваетъ на востокъ и течетъ въ этомъ направленіи до Томбукту (данныя эти были впослѣдствіи подтверждены и Мунго-Паркомъ). Державецъ страны Бамбуку благосклонно встрѣтилъ Гоугтона, далъ ему проводника до Томбукту и снабдилъ на дорогу раковинами (каури), служащими тамъ мелкой монетой.

Казалось уже, что англійскому путешественнику удастся благополучно достигнуть Нигера, когда д-ръ Лайдлей получилъ отъ него записку карандашомъ, которая такъ стерлась, что ее съ трудомъ лишь можно было разобрать. Въ запискѣ этой, помѣченной изъ Симбинга, Гоугтонъ сообщалъ, что его совершенно ограбили, но что тѣмъ не менѣе онъ рѣшился продолжать путь въ Томбукту. Вскорѣ послѣ того получены были изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія, заставлявшія предполагать, что смѣлый путешественникъ умерщвленъ въ странѣ Бамбарра. Впрочемъ, участь Гоугтона удалось окончательно разъяснить лишь другому англійскому путешественнику—Мунго-Парку.

„Симбингъ, откуда маіоръ Гоугтонъ прислалъ послѣднюю свою

записку, маленькій, обнесенный стѣнами, пограничный городъ Людамарскаго царства. Негры, находившіеся въ услуженіи у Гоугтона, покинули его тамъ, не желая идти съ нимъ въ страну мавровъ. Онъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ свой путь и, преодолѣвъ множество препятствій, пробрался довольно далеко къ сѣверу, пытаясь проникнуть за предѣлы Людамарскаго царства. Прибывъ въ Жарру, онъ познакомился тамъ съ нѣсколькими маврскими торговцами, ѣхавшими за солью въ Тишетъ, городъ, находившійся близъ солончаковъ на границѣ Сахары, въ десяти дняхъ пути къ сѣверу отъ Жарры. Давъ этимъ торговцамъ ружье и небольшое количество табаку, Гоугтонъ убѣдилъ ихъ взять его съ собою въ Тишетъ. Весьма вѣроятно, что мавры обманули его при этомъ, указавъ ему неправильно дорогу, по которой надлежало идти, или же увѣривъ, что страна между Жаррой и Томбукту неудобопроходима.

Черезъ двое сутокъ по выступленіи изъ Жарры Гоугтонъ увѣрился въ томъ, что они его обманываютъ, и хотѣлъ вернуться обратно. Тогда мавры отняли у него послѣднее имущество и ушли, оставивъ англійскаго путешественника одного на дорогѣ. Ему пришлось возвращаться въ Жарру пѣшкомъ. Неизвѣстно, умеръ-ли онъ на пути съ голоду или былъ умерщвленъ маврами. Во всякомъ случаѣ, Мунго-Парку показывали мѣсто, гдѣ найденъ былъ его трупъ.

Утрата путевыхъ замѣтокъ и наблюденій Гоугтона лишила науку тѣхъ плодовъ, какіе она могла бы извлечь изъ самоотверженной энергіи этого путешественника. Немногія лишь подробности относительно его изслѣдованій можно встрѣтить въ „Запискахъ Лондонскаго Африканскаго Общества“.

Молодой шотландскій хирургъ, Мунго-Паркъ, будучи корабельнымъ врачемъ на „Ворчестерѣ“ во время кампаніи въ Индійскомъ океанѣ, узналъ, что Африканское Общество ищетъ путешественника, который рѣшился бы подняться вверхъ по теченію рѣки Гамбіи и проникнуть оттуда вглубь африканскаго материка. Мунго-Паркъ, давно уже желавшій ознакомиться съ естественными произведеніями внутренней Африки, а также съ нравами и обычаями ея населенія. изъявилъ готовность предпринять означенное путешествіе, хотя въ то время имѣлись уже основанія опасаться, что попытка эта оказалась гибельной для его предшественника капитана Гоугтона. Заручившись согласіемъ Афри-

канскаго Общества, Мунго-Паркъ тотчасъ-же приготовился къ путешествію и 22-го мая 1795 года отплылъ изъ Портсмута съ рекомендательными письмами къ д-ру Лайдлею и открытымъ кредитомъ на сумму въ двѣсти фунт. стерлинговъ.

Прибывъ въ Жиллифри при устьѣ Гамбіи (въ странѣ Барра), путешественникъ поднялся вверхъ по теченію рѣки до мѣстечка Пизаніи, англійской факторіи д-ра Лайдлея. Мунго-Паркъ занялся тамъ прежде всего изученіемъ наиболѣе употребительнаго между туземцами мандингскаго нарѣчія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собиралъ справки о странахъ, которыя предполагалъ посѣтить.

Время, которое пробылъ Мунго-Паркъ въ Пизаніи, никоимъ образомъ нельзя считать потеряннымъ. Онъ собралъ тамъ о фелупахъ, йолофахъ, фулахахъ и мандингахъ свѣдѣнія болѣе точныя и обстоятельныя, чѣмъ тѣ, которыя имѣлись въ распоряженіи его предшественниковъ. Характеръ у фелуповъ меланхолическій, мстительный и раздражительный, но зато въ большинствѣ случаевъ они обладаютъ большимъ мужествомъ, энергіей и вѣрностью. Что касается йолофовъ, то это могущественное воинственное племя говоритъ на особомъ нарѣчіи и отличается чрезвычайно чернымъ цвѣтомъ кожи. Во всемъ остальномъ йолофы очень схожи съ мандингами, добродушными и общительными неграми, высокаго роста и мускулистаго сложенія. Мандингскія женщины сравнительно довольно красивы. У фулаховъ кожа свѣтлѣе, чѣмъ у остальныхъ западно-африканскихъ негровъ. Будучи довольно миролюбиваго характера, они занимаются преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ. Большинство фелуповъ, йолофовъ, фулаховъ и мандинговъ исповѣдуютъ исламъ и держатъ у себя по нѣсколько женъ.

2-го декабря Мунго-Паркъ, въ сопровожденіи двухъ переводчиковъ-негровъ и нѣсколькихъ носильщиковъ для небольшого его багажа, отправился вглубь страны. Прежде всего онъ проникъ въ маленькое государство Вулли, въ столицѣ котораго Мединѣ насчитывается до тысячи домовъ. Побывавъ затѣмъ въ довольно большомъ городѣ Колорѣ, Мунго-Паркъ, послѣ двухдневнаго странствованія въ пустынѣ, достигъ государства Бонду. Населеніе этого государства состоитъ изъ фулаховъ, исповѣдующихъ исламъ и занимающихся, кромѣ земледѣлія и скотоводства, торговлей слоновой костью, отъ которой получаетъ большіе барыши.

Портретъ Мунго-Парка (Fac-simile съ древней гравюры).

Вскорѣ послѣ того путешественникъ добрался до береговъ Фалемэ, рѣки, которая вытекаетъ изъ Далабскихъ горъ. Въ верховьяхъ ея добывается много золота. Въ Фаттекондѣ, столицѣ Бонду, Мунго-Паркъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ державцемъ, который, впрочемъ, никакъ не могъ себѣ представить, чтобъ кто-либо могъ путешествовать единственно только изъ любознатель-

ности. Мунго-Паркъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ про свою аудіенцію въ гаремѣ этого африканскаго монарха:

„Едва лишь вступилъ я во дворъ, на который выходили казы царскихъ женъ, какъ вокругъ меня столпился весь сераль его африканскаго величества. Однѣ изъ царскихъ женъ требовали отъ меня лѣкарствъ, другія просили у меня амбры и, наконецъ, всѣ безъ исключенія настаивали на томъ, чтобъ я пустилъ имъ кровь. Тутъ было отъ десяти до двадцати женщинъ, большею частью молоденькихъ и хорошенькихъ. На головѣ онѣ носили украшенія изъ золотыхъ бляхъ и янтаря.

Всѣ эти султанши были очень веселаго характера, много разговаривали и смѣялись. Особенно подшучивали надъ бѣлизной моей кожи и длиной моего носа, утверждая, что какъ и то, такъ и другое пріобрѣтено мною искусственнымъ образомъ. Кожа моя побѣлѣла, какъ онѣ увѣряли, оттого, что меня еще ребенкомъ купали въ молокѣ, носъ же мой вытянулся по той причинѣ, что его каждый день щипали, пока онъ не достигъ столь противоестественныхъ и некрасивыхъ размѣровъ“.

Перейдя черезъ сѣверную границу Бонду, Мунго-Паркъ вступилъ въ столицу страны Каджага (или Галамъ, какъ ее называютъ французы). Климатъ въ этой живописной странѣ, орошаемой Сенегаломъ, гораздо здоровѣе, чѣмъ въ приморской полосѣ. Туземцы называютъ себя „серавулли“, французы же зовутъ этихъ негровъ сераколами. Кожа у нихъ такая-же черная, какъ и у йолофовъ.

„Серавулли,—говоритъ Мунго-Паркъ,—дѣятельно занимаются торговлей. Въ прежнее время они вели значительную торговлю съ французами, которымъ продавали золото въ порошкѣ и невольниковъ. Теперь же они доставляютъ невольниковъ въ англійскія факторіи на берегахъ Гамбіи. Вообще они отличаются тароватостью и честностью въ торговыхъ сдѣлкахъ“.

Въ Жоагѣ у Мунго-Парка отняли половину его имущества подъ предлогомъ взиманія транзитной пошлины. Это было сдѣлано по распоряженію самого мѣстнаго державца. Къ счастью для путешественника, племянникъ кассонскаго царька Демба-Джего-Джалы, возвращавшійся на родину, принялъ его подъ свое покровительство. Они прибыли вмѣстѣ сперва въ Гонгади, гдѣ находятся прекрасныя финиковыя плантаціи, а затѣмъ въ Сами, на берегахъ Сенегала и уже на кассонской границѣ.

31-го декабря Мунго-Паркъ достигъ города Тизи, лежащаго въ кассонскихъ предѣлахъ. Гостепріимно встрѣченный мѣстнымъ населеніемъ, которое снабдило его провизіей по очень дешевой цѣнѣ, англійскій путешественникъ подвергся тамъ всевозможнымъ прижимкамъ и притѣсненіямъ отъ брата и племянника мѣстнаго державца.

Покинувъ этотъ городъ 10-го января 1796 года, Мунго-Паркъ отправился въ Куніакари, столицу Кассонскаго царства, плодоносной, богатой и густо населенной страны, которая можетъ выставить въ поле сорокатысячную армію. Мѣстный державецъ принялъ путешественника очень благосклонно и совѣтовалъ ему остаться у него въ гостяхъ, пока не окончится война между кассонцами и каджагцами. По словамъ Демба-Джего-Джалы, въ эту войну необходимо должны были вмѣшаться также каартскій и бамбарскій державцы, земли которыхъ собирался посѣтить Мунго-Паркъ. Впослѣдствіи англійскій путешественникъ очень жалѣлъ, что не послушался этого благоразумнаго совѣта.

Желая какъ можно скорѣе проникнуть внутрь Африки, Мунго-Паркъ не слушался никакихъ предостереженій и вступилъ въ предѣлы Каартскаго царства. Мѣстность тамъ оказалась ровная и зачастую песчанистая. На пути встрѣчались цѣлыя толпы туземцевъ, которые, избѣгая ужасовъ войны, уходили въ кассонскіе предѣлы. Нимало не смущаясь этимъ, Мунго-Паркъ продолжалъ идти далѣе, пока не прибылъ въ Каартскую столицу, лежащую въ плодоносной, открытой со всѣхъ сторонъ равнинѣ.

Мѣстный царекъ, Дези-Курабари, очень милостиво отнесся къ путешественнику и просилъ его не ходить въ Бамбару. Видя однако, что Мунго-Паркъ остается непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи, Дези совѣтовалъ ему, по крайней мѣрѣ, направиться туда черезъ Людамарское царство, населенное маврами, при чемъ не придется по крайней мѣрѣ проходить чрезъ самый театръ военныхъ дѣйствій.

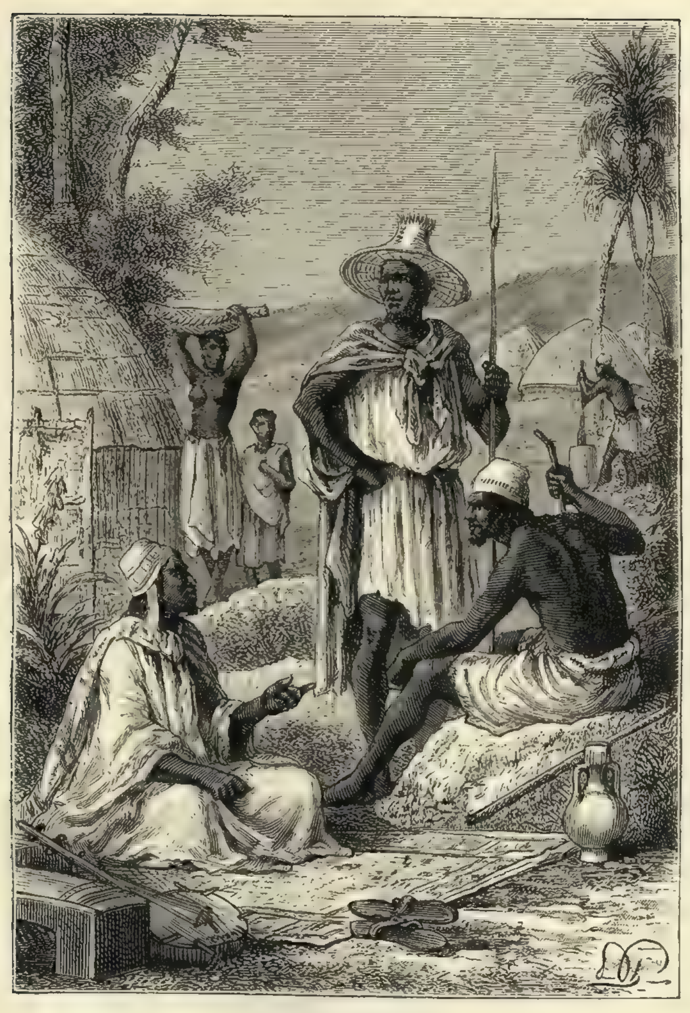
Въ продолженіе этого путешествія Мунго-Паркъ видѣлъ у негровъ нѣчто въ родѣ хлѣба, изготовляемаго изъ ягодъ лотоса. Хлѣбъ этотъ очень пріятнаго вкуса, напоминавшій собою хорошіе пряники. Растеніе, изъ ягодъ котораго онъ приготовляется, „rhamnus lotus“, встрѣчается въ дикомъ состояніи въ Сенегамбіи, Суданѣ и въ Тунисскихъ владѣніяхъ.

„Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это тотъ самый

лотосъ, плодами котораго, по разсказамъ Плинія, питались ливійскіе лотофаги. Мнѣ самому,—говоритъ Мунго-Паркъ,—съ большимъ аппетитомъ случалось ѣсть лотосовый хлѣбъ, и я убѣжденъ, что всякій съ большимъ удовольствіемъ сталъ бы имъ питаться. Разсказъ Плинія кажется мнѣ поэтому весьма правдоподобнымъ. Лотосовый хлѣбъ настолько вкусенъ, что римскіе солдаты наврядъ-ли жаловались, когда имъ приходилось употреблять его въ пищу".

Мунго-Паркъ прибылъ 22-го февраля въ Жарру. Въ этомъ большомъ городѣ дома по преимуществу каменные. Населеніе состоитъ бо́льшею частью изъ негровъ, пришедшихъ съ юга и отдавшихся подъ покровительство мавровъ, которымъ платитъ значительную подать. Путешественникъ получилъ отъ людамарскаго царька, Али, разрѣшеніе невозбранно пройти черезъ его государство. Несмотря на такое милостивое завѣреніе, Мунго-Паркъ былъ почти начисто сграбленъ въ Динѣ фанатиками маврами. Зато въ большихъ городахъ Сампакѣ и Далли, а также въ хорошенькой маленькой деревушкѣ Сами, англійскій путешественникъ встрѣченъ былъ настолько гостепріимно, что положительно увѣрился въ успѣхѣ своего предпріятія. Вдругъ неожиданно является въ эту деревушку мавританскій отрядъ, забираетъ съ собою Мунго-Парка и ведетъ его въ Бену, гдѣ стоялъ тогда лагеремъ людамарскій монархъ со своей арміей.

„Сидя на черной сафьянной подушкѣ, монархъ этотъ,—говоритъ Мунго-Паркъ,—собственноручно подстригалъ себѣ усы. При этомъ онъ пристально вглядывался въ зеркальце, которое держала передъ нимъ невольница. Этотъ африканскій царекъ, чистокровный арабъ, былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, что ясно показывала длинная, бѣлая его борода. Характера онъ показался мнѣ мрачнаго и угрюмаго. Али долго и пристально на меня смотрѣлъ, а затѣмъ, обратившись къ людямъ, которые меня привели, спросилъ, говорю ли я по-арабски. Они отвѣчали отрицательно. Державецъ, повидимому, очень удивился, но не сказалъ болѣе ни слова. Его приближенные, а въ особенности султанши, не считали нужнымъ руководствоваться примѣромъ своего властелина. Царскія жены осыпали меня вопросами. Внимательно осмотрѣвъ всѣ части моей одежды, онѣ шарили у меня въ карманахъ и заставили разстегнуть жилетъ, чтобъ удобнѣе освидѣтельствовать бѣлизну моей кожи. Нѣкоторыя изъ дамъ взяли даже на себя трудъ сосчитать



Туземцы Сенегала.

у меня пальцы на рукахъ и на ногахъ. Онѣ какъ-будто сомнѣвались въ томъ, что я дѣйствительно принадлежу къ человѣческой породѣ".

Мавры видѣли въ Мунго-Паркѣ безпомощнаго иноземца-христіанина, въ которомъ подозрѣвали притомъ шпіона. Англійскій путешественникъ испыталъ поэтому на себѣ всю наглость, жестокосердіе и фанатизмъ, которые составляютъ какъ-бы от-

личительныя черты ихъ характера. Ему пришлось вытерпѣть немало всевозможныхъ оскорбленій и даже побоевъ. Али хотѣлъ было назначить его въ придворные свои брадобреи, но умышленная неловкость, вслѣдствіе которой Мунго-Паркъ слегка зацѣпилъ царственную кожу наслѣдника людамарскаго престола, избавила его отъ этой высокой должности. Находясь въ плѣну у мавровъ, Мунго-Паркъ собралъ кое-какія свѣдѣнія о Томбукту, городѣ, въ который такъ трудно попасть европейцамъ и куда такъ долго и безуспѣшно стремились всѣ путешественники, задававшіеся цѣлью изслѣдовать центральную Африку.

„Гусса самый большой городъ, какой мнѣ случилось когда-либо видѣть,—сказалъ Мунго-Парку одинъ арабскій шерифъ.— Валетъ тоже больше Томбукту, но лежитъ далеко отъ Нигера и торгуетъ преимущественно солью, а потому туда стекается мало чужеземцевъ. Отъ Бенума до Валета десять дней пути, при чемъ все время не встрѣчается ни одного большого города. Путешественники питаются молокомъ, покупаемымъ у арабовъ, стада которыхъ пасутся возлѣ колодцевъ и небольшихъ лужъ. Цѣлыхъ два дня приходится идти по песчаной пустынѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ воды.

Достигнувъ Валета, надо идти оттуда до Томбукту еще одиннадцать дней. Вода по дорогѣ встрѣчается уже чаще, вслѣдствіе чего тамъ путешествуютъ преимущественно на быкахъ. Въ Томбукту живетъ много евреевъ, которые всѣ говорятъ по-арабски и читаютъ тѣ-же молитвы, какъ и мавры“.

Приближеніе непріятельскихъ войскъ побудило Али двинуться къ нимъ навстрѣчу въ Жарру. Мунго-Паркъ, сумѣвшій войти въ милость къ любимой женѣ Али, султаншѣ Фатимѣ, присоединился къ придворному штату державца. Близость театра военныхъ дѣйствій подавала путешественнику нѣкоторую надежду освободиться изъ плѣна. Дѣйствительно, каартскій царекъ, Дези-Курабари, разбивъ передовыя войска мавровъ, быстро двинулся къ городу Жаррѣ. Большинство жителей бѣжало изъ города, и Мунго-Паркъ послѣдовалъ общему примѣру.

Ему вскорѣ удалось уйти отъ мавровъ, но переводчикъ отказался слѣдовать за нимъ. Мунго-Паркъ вынужденъ былъ поэтому продолжать свой путь одинъ и безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Первый встрѣченный имъ при этомъ городъ—Вавра—находился,

собственно говоря, еще въ Каартскомъ царствѣ, которое платило тогда дань бамбарскому державцу Массонгу.

„Утромъ 7-го іюля, когда я собирался уже уѣзжать,—говоритъ Мунго-Паркъ,—хозяинъ подошелъ ко мнѣ съ очень сконфуженнымъ видомъ и попросилъ у меня локонъ волосъ. Онъ слышалъ, будто волосы бѣлаго человѣка являются особаго рода талисманомъ „сафи". Счастливому обладателю этого талисмана открывается разомъ, безъ всякихъ трудовъ и усилій, вся премудрость бѣлаго человѣка. Мнѣ, признаться, никогда еще до тѣхъ поръ не доводилось слышать о такомъ простомъ способѣ пріобрѣтенія знаній, но я тотчасъ-же согласился оказать посильное содѣйствіе моему жаждавшему образованія хозяину. Надо полагать, что ему ужъ очень хотѣлось стать ученымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ частью обстригъ, частью-же оборвалъ у меня волосы съ половины головы и, вѣроятно, распорядился бы подобнымъ-же образомъ съ другою половиной, если-бы я этому не воспротивился, заявивъ, что хочу сохранить на всякій случай часть драгоцѣннаго вещества, какъ мои волосы".

Послѣ тяжкихъ трудовъ и лишеній Мунго-Паркъ, посѣтивъ Галлу, а затѣмъ большой городъ Мурджу, ведущій значительную торговлю солью, достигъ, наконецъ, города Сего у береговъ рѣки Джолибы или Нигера.

„Трудно передать словами удовольствіе, съ которымъ я увидѣлъ, наконецъ, предъ собой великую цѣль моего путешествія—величественный Нигеръ, къ которому я такъ долго стремился. Рѣка эта, такой-же ширины какъ Темза на Вестминстерѣ, сверкала въ лучахъ заходящаго солнца и медленно катила свои воды по направленію *къ востоку*. Подбѣжавъ къ берегу, я зачерпнулъ рукою воды и утолилъ свою жажду, а затѣмъ, поднявъ руки къ небу, воздалъ величайшую благодарность божественному Провидѣнію, сподобившему увѣнчать мои усилія столь полнымъ успѣхомъ.

Слѣдуетъ замѣтить однако, что меня нисколько не удивило общее направленіе Нигера съ запада на востокъ. Правда, что при отъѣздѣ моемъ изъ Европы обстоятельство это казалось мнѣ весьма неправдоподобнымъ, но, въ продолженіе путешествія, мнѣ случалось неоднократно разспрашивать туземцевъ объ этой рѣкѣ. Меня при этомъ каждый разъ положительно увѣряли, что она направляется къ восходу солнца. Всѣ сомнѣнія мои подъ

конецъ совершенно разсѣялись, тѣмъ болѣе, что я зналъ о свѣдѣніяхъ, собранныхъ тѣмъ-же путемъ капитаномъ Гоугтономъ.

Столица Бамбары — Сего, въ которую я прибылъ, состоитъ въ сущности изъ четырехъ отдѣльныхъ городовъ. Два изъ нихъ— Сего-Корро и Сего-Бу лежатъ на сѣверномъ берегу рѣки. Остальные два—Сего-Су-Корро и Сего-Си-Корро расположены на южномъ берегу. Каждый изъ этихъ городовъ окруженъ большою земляною стѣною. Стѣны домовъ сложены изъ глины и представляются въ планѣ правильными квадратами. Между домами есть двухъэтажные. Многіе изъ нихъ выбѣлены, какъ снаружи, такъ и внутри, известью. Крыши у всѣхъ плоскія.

Въ каждомъ изъ городскихъ кварталовъ имѣется по нѣскольку мечетей, построенныхъ маврами. Городскія улицы покажутся европейцамъ, безъ сомнѣнія, узкими, но ширина ихъ должна быть признана вполнѣ достаточною въ странѣ, гдѣ колесные экипажи совершенно неизвѣстны. По наведеннымъ мною обстоятельнымъ справкамъ можно заключить, что населеніе Сего въ общей сложности простирается до тридцати тысячъ человѣкъ.

Постоянной резиденціей бамбарскаго державца служитъ Сего-Си-Корро. Державецъ этотъ получаетъ значительный доходъ отъ переправы черезъ рѣку. Перевозчиками служатъ собственные его невольники, которые взимаютъ за свой трудъ всего лишь по десяти каури съ человѣка. Хотя эта сумма весьма незначительна, но такъ какъ черезъ рѣку переправляется ежедневно много народу, то бамбарскій монархъ извлекаетъ изъ этой регаліи большіе барыши".

Уступая настояніямъ мавровъ, Мансонгъ не допустилъ англійскаго путешественника передъ свѣтлыя свои очи и воспретилъ ему пребываніе въ столицѣ. Изувѣрство мавровъ сдѣлало, впрочемъ, пребываніе въ Сего весьма опаснымъ для Мунго-Парка. Притомъ же бамбарскій державецъ, желая показать европейскому путешественнику, что не питаетъ къ нему никакого дурного чувства, прислалъ Мунго-Парку мѣшокъ съ пятью тысячами каури (на наши деньги около шести рублей серебромъ). Царскій посланецъ, передавшій Мунго-Парку эту, довольно значительную въ Бамбарѣ сумму, сообщилъ, что она предназначается для закупки провизіи и что ему поручено проводить путешественника до города Сансандинга. Никакія возраженія со стороны Мунго-Парка были немыслимы; ему оставалось только повиноваться.

На пути въ Сансандингъ онъ присутствовалъ при сборѣ растительнаго масла, которое получается съ дерева, называемаго туземцами *шеа*.

„Дерево это,—говоритъ Мунго-Паркъ,—обильно произрастаетъ во всей этой части Бамбарскаго царства. Оно растетъ во множествѣ въ лѣсахъ, а потому туземцы не даютъ себѣ труда разводить его искусственно. Дерево это представляетъ большое сходство съ американскимъ дубомъ, но приноситъ плоды въ родѣ испанской маслины. Косточки этихъ плодовъ, высушенныя на солнцѣ и прокипяченныя затѣмъ въ водѣ, даютъ растительное масло. У свѣжаго плода косточка покрыта довольно толстой, сладкой, мясистой оболочкой, которая въ свою очередь обтянута тонкой, зеленой кожицей. Растительное масло, добываемое изъ этихъ плодовъ, очень походитъ на коровье, но имѣетъ передъ коровьимъ масломъ то преимущество, что даже и безъ соли сохраняется цѣлый годъ въ свѣжемъ состоянiи. Притомъ-же оно бѣлѣе, тверже и, какъ мнѣ показалось, вкуснѣе самого лучшаго сливочнаго масла. Оно служитъ въ здѣшнихъ странахъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ внутренней торговли“.

Городъ Сансандингъ имѣетъ отъ восьми до десяти тысячъ жителей. Это довольно важный торговый рынокъ, посѣщаемый маврами, доставляющими туда изъ портовъ Средиземнаго моря стеклянныя бусы и т. п. предметы, вымѣниваемые ими на золото и бумажныя ткани. Мунго-Парку нельзя было остановиться также и въ этомъ городѣ. Назойливость тамошнихъ жителей и подозрительность фанатиковъ-мавровъ заставили его продолжать путь. Лошадь Мунго-Парка до того утомилась и обезсилѣла, что онъ долженъ былъ ее продать и отправиться далѣе на лодкѣ внизъ по теченiю Нигера или Джолибы, какъ эта рѣка называется у туземцевъ.

Въ Мурзанѣ, рыбачьей деревушкѣ, лежащей на сѣверномъ берегу рѣки, Мунго-Парку пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ изслѣдованiй и подумать о возвращенiи назадъ къ устью Гамбiи. Дѣйствительно, спускаясь по теченiю Нигера далѣе къ востоку, онъ встрѣчалъ болѣе и болѣе мавровъ, относившихся къ нему самымъ враждебнымъ образомъ. Къ тому-же началось уже самое дождливое время года; дороги начали уже портиться и вскорѣ должны были стать совершенно непроходимыми. Тогда пришлось-бы поневолѣ продолжать путь въ лодкѣ. Между тѣмъ у Мунго-Парка

не было никакихъ средствъ для найма таковой. Онъ кое-какъ перебивался, питаясь подаяніемъ. При такихъ обстоятельствахъ продолжать путь далѣе внизъ по теченію Нигера было бы рѣдкимъ безуміемъ. Это значило-бы идти на вѣрную смерть, при чемъ погибли бы также всѣ замѣтки и наблюденія, добытыя цѣною столь тяжкихъ трудовъ и усилій. Положимъ, что и обратный путь къ устьямъ Гамбіи былъ нелегокъ. Надо было пройти пѣшкомъ нѣсколько сотъ миль и преодолѣть множество препятствій, но все-таки дорога эта была уже знакомая и представляла болѣе вѣроятностей на успѣхъ.

„Еще передъ отъѣздомъ моимъ изъ Силлы, — говоритъ путешественникъ,—я постарался разузнать у мавровъ и негровъ, занимающихся торговлей по Нигеру, все, что только было возможно, о дальнѣйшемъ теченіи этой рѣки и о прилегающихъ къ ней различныхъ государствахъ...

Въ двухъ дняхъ пути отъ Силлы находится городъ Дженнé. Городъ этотъ, расположенный на островѣ, образуемомъ Нигеромъ, имѣетъ болѣе жителей, чѣмъ Сего и всѣ остальные бамбарскіе города. Въ двухъ дняхъ оттуда, далѣе внизъ по теченію, рѣка внезапно расширяется и образуетъ озеро, называемое Дибби (Темнымъ озеромъ). Я могъ узнать о размѣрахъ этого озера только то, что лодки, переѣзжая его съ запада на востокъ, теряютъ на цѣлый день берегъ изъ виду. Нигеръ выходитъ изъ этого озера нѣсколькими рукавами, которые вскорѣ, однако, соединяются въ два рукава: одинъ изъ нихъ течетъ къ сѣверу, а другой къ востоку. Рукава эти соединяются вмѣстѣ лишь близъ Кабры—города, находящагося въ одномъ днѣ пути къ югу отъ Томбукту и составляющаго какъ-бы Томбуктскую пристань или торговый портъ на Нигерѣ. Пространство между обоими рукавами Нигера называется Джимбала. Оно населено исключительно одними неграми. Разстояніе сухимъ путемъ отъ Дженнé до Томбукту составляетъ всего лишь двѣнадцать дней пути.

Томбуктское царство, куда до сихъ поръ еще не достигали европейскіе путешественники, лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Мазинской страны. Столица этого царства является однимъ изъ самыхъ важныхъ рынковъ, на которыхъ мавры ведутъ торговлю съ неграми. Страсть къ наживѣ и религіозный фанатизмъ привлекли въ Томбукту множество мавровъ и негровъ, обратившихся въ мусульманство. Томбуктскій султанъ и его приближенные

отличаются чрезвычайною строгостью и нетерпимостью въ дѣлахъ вѣры и перещеголяли въ этомъ отношеніи всѣ остальныя мавританскія государства".

Мунго-Парку пришлось возвращаться пѣшкомъ по дорогамъ, совершенно испорченнымъ дождями и разливомъ рѣкъ. Пройдя черезъ Мурзанъ, Кею и Модибу, онъ снова добылъ себѣ лошадь. Затѣмъ, черезъ Ніару, Сансандингъ и Сами, онъ прибылъ въ городъ Сэ, окруженный глубокими рвами и высокими стѣнами, которыя фланкировались квадратными башнями. Оттуда Мунго-Паркъ проѣхалъ въ большой городъ Джаббе, близъ котораго находятся высокія горы, и прибылъ въ Таффарскую страну, гдѣ его встрѣтили довольно негостепріимно.

Въ деревнѣ Сугѣ Мунго-Паркъ хотѣлъ выпросить себѣ пригоршню зеренъ отъ одного изъ туземцевъ, но негръ отвѣчалъ путешественнику, что у него нѣтъ ничего лишняго.

„Пока я вглядывался въ лицо этого негостепріимнаго человѣка,—говоритъ Мунго-Паркъ,—и старался разгадать причину сердитаго и недовольнаго его выраженія лица, онъ подозвалъ невольника, работавшаго на сосѣднемъ полѣ, и велѣлъ ему принести съ собою заступъ; затѣмъ негръ приказалъ своему невольнику вырыть неподалеку отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ, большую яму. Невольникъ тотчасъ-же принялся за работу, а хозяинъ его съ нетерпѣніемъ расхаживалъ въ это время взадъ и впередъ и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ. Я могъ разобрать только слова „данкату" (негодяй) и „джанкра лемень" (настоящая язва), которыя онъ повторилъ два раза. Весьма естественно было предположить, что эти комплименты относятся прямо къ моей особѣ.

Яма была уже почти окончена и до такой степени походила на могилу, что я счелъ благоразумнѣе всего вскарабкаться на своего коня и собирался уже дать тягу, когда невольникъ, ходившій тѣмъ временемъ въ деревню, вернулся оттуда съ трупомъ девяти или десятилѣтняго мальчика. Трупъ этотъ былъ совершенно нагой. Невольникъ тащилъ его за одну руку и ногу и бросилъ въ яму съ такимъ варварскимъ равнодушіемъ, которое показалось мнѣ крайне возмутительнымъ. Пока онъ заваливалъ яму землей, хозяинъ нѣсколько разъ повторилъ: „нафула аттиніата" (пропащія деньги). Я заключилъ отсюда, что умершій ребенокъ былъ его невольникомъ".

21-го августа Мунго-Паркъ выѣхалъ изъ Куликорро, гдѣ

онъ зарабатывалъ себѣ средства къ существованію тѣмъ, что писалъ для желающихъ разные сафи или талисманы. Вскорѣ послѣ того онъ прибылъ въ Боммаку, гдѣ производится большая торговля солью. Неподалеку оттуда съ вершины холма путешественникъ видѣлъ высокій горный хребетъ, находящійся въ Конгской странѣ, державецъ которой можетъ выставить въ поле еще бо́льшую армію, чѣмъ бамбарскій султанъ.

Вскорѣ послѣ того Мунго-Паркъ былъ ограбленъ шайкой разбойниковъ. Очутившись въ пустынѣ, въ пятистахъ миляхъ отъ ближайшей европейской факторіи и притомъ въ самое неудобное для странника дождливое время года, Мунго-Паркъ одно время пришелъ въ совершенное отчаяніе. Кризисъ этотъ былъ, однако, непродолжителенъ. Сообразивъ, что пока человѣкъ живъ, ему еще нечего падать духомъ, Мунго-Паркъ мужественно пошелъ впередъ и прибылъ въ городъ Сибидулу. Манза или мѣстный градоначальникъ розыскалъ лошадь и платье, похищенныя у путешественника фулахскими разбойниками. Затѣмъ купецъ Камалья или Карфа-Тора предложилъ Мунго-Парку отправиться по окончаніи дождливаго времени года къ устьямъ Гамбіи съ караваномъ невольниковъ. Англійскій путешественникъ до того выбился изъ силъ и былъ такъ измученъ лихорадкой, вслѣдствіе которой онъ цѣлыхъ пять недѣль не выходилъ изъ дому, что съ радостью принялъ это предложеніе.

Невольничій караванъ выступилъ къ устью Гамбіи 19-го апрѣля. Можно представить себѣ съ какимъ удовольствіемъ Мунго-Паркъ встрѣтилъ этотъ день. Пройдя черезъ Джаллонкскую пустыню и переправившись сперва черезъ Сенегалъ, а потомъ черезъ Фалемэ, караванъ достигъ наконецъ береговъ Гамбіи и прибылъ въ Пизанію, гдѣ 12-го іюня 1797 года докторъ Лайдлей встрѣтилъ съ распростертыми объятіями Мунго-Парка, съ которымъ онъ не разсчитывалъ уже никогда свидѣться.

Мунго-Паркъ вернулся въ Англію 22-го сентября того-же года. Открытія его въ центральной Африкѣ возбудили такой энтузіазмъ и публика съ такимъ нетерпѣніемъ ждала появленія въ свѣтъ путевыхъ его замѣтокъ, что Лондонское Африканское общество вынуждено было разрѣшить Мунго-Парку издать краткій очеркъ этого путешествія, имѣвшаго несомнѣнно болѣе существенное значеніе, чѣмъ всѣ предшествовавшія изслѣдованія этой части Африки.

Мунго-Паркъ обогатилъ географію и этнографію несравненно бо̀льшимъ количествомъ цѣнныхъ фактовъ, чѣмъ всѣ предшествовавшіе ему путешественники, пытавшіеся пробраться во внутрь Африки отъ устьевъ Сенегала или Гамбіи. Онъ въ точности опредѣлилъ положеніе источниковъ обѣихъ этихъ рѣкъ и нанесъ на карту часть теченія Нигера или Джолибы, при чемъ положительно убѣдился, что рѣка эта течетъ къ востоку, между тѣмъ какъ Гамбія направилась къ западу.

Много разногласія между географами было окончательно улажено этимъ путешествіемъ. Въ виду фактическихъ данныхъ, собранныхъ Мунго-Паркомъ, не было уже ни малѣйшей возможности смѣшивать всѣ эти три рѣки одну съ другой, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, въ 1707 году французскій географъ Делиль, на картахъ котораго Нигеръ, выходя изъ Борну, течетъ сперва къ востоку, а затѣмъ круто поворачиваетъ на западъ и обращается въ рѣку Сенегалъ. Впрочемъ, на послѣдующихъ своихъ картахъ, изданныхъ въ 1722—1727 году, Делиль исправилъ эту ошибку, соображаясь по всѣмъ вѣроятіямъ съ данными, собранными директоромъ Сенегальской французской компаніи—Андре Брю.

Разспрашивая туземцевъ, Гоугтонъ собралъ довольно обстоятельныя и точныя свѣдѣнія объ источникахъ Нигера, находящихся въ странѣ мандинговъ, а также объ относительномъ положеніи городовъ Сего, Дженне и Томбукту. Мунго-Паркъ съ своей стороны побывалъ самъ въ двухъ первыхъ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ и народахъ очень много новыхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній.

Какъ уже упомянуто, общественное мнѣніе въ Англіи оцѣнило по достоинству важное значеніе этого путешествія и отнеслось съ должнымъ уваженіемъ къ мужеству, искусству и правдивости Мунго-Парка.

Вскорѣ послѣ того англійское правительство хотѣло поручить Мунго-Парку начальство надъ экспедиціей для изслѣдованія внутренней Австраліи, но знаменитый африканскій изслѣдователь не счелъ возможнымъ принять это предложеніе.

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1804 году, Лондонское Африканское Общество, желая пополнить свѣдѣнія, имѣвшіяся о рѣкѣ Нигерѣ, предложило Мунго-Парку совершить новое путешествіе въ центральную Африку. Предложеніе это было принято.

Мунго-Паркъ, въ распоряженіе котораго предоставлены были громадныя средства, выѣхалъ 30-го января 1805 года изъ Англіи и послѣ двухмѣсячнаго плаванія былъ уже въ Горейскомъ портѣ на берегахъ Африки.

На этотъ разъ Мунго-Парка сопровождали его зять д-ръ Андерсонъ, рисовальщикъ Джорджъ Скоттъ и пятеро артиллеристовъ. Ему предоставлялось кромѣ того взять съ собою изъ Горейскаго гарнизона столько солдатъ, сколько ему заблагоразсудится. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ открытъ кредитъ въ 25 тысячъ рублей серебромъ на наши деньги.

„Самая громадность этихъ средствъ, — говоритъ Валькенеръ въ своей „Исторіи путешествій",—значительно превышавшихъ сумму, которая могла быть собрана подпиской, открытой Лондонскимъ Обществомъ, послужила, какъ мы полагаемъ, одною изъ главныхъ причинъ несчастнаго исхода этой экпедиціи. Чѣмъ богаче считали африканскіе царьки нашего путешественника, тѣмъ болѣе алчности выказывали они въ своихъ требованіяхъ. Подъ конецъ Мунго-Паркъ оказался въ невозможности удовлетворять этимъ требованіямъ, чтò и обусловило отчасти катастрофу, которою закончилась эта экспедиція".

Мунго-Паркъ взялъ съ собою изъ Гореи четырехъ плотниковъ, офицера и тридцать пять артиллеристовъ. Такимъ образомъ у него составился отрядъ изъ сорока семи европейцевъ, не считая негровъ, служившихъ носильщиками и т. п. Проводникомъ при этомъ караванѣ служилъ миндингскій купецъ Исаакъ. Выступивъ 27-го апрѣля 1805 года изъ Кайи, Мунго-Паркъ прибылъ на слѣдующій день въ Пизанію, откуда, десять лѣтъ тому назадъ, онъ предпринялъ первое свое путешествіе. Слѣдуя почти тою-же дорогой, какъ и въ первое свое путешествіе, т. е. держась почти прямо на востокъ, Мунго-Паркъ прибылъ, наконецъ, въ Бамбаку на берегу Нигера. Къ тому времени изъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ европейцевъ оставалось въ живыхъ лишь шестеро солдатъ и одинъ плотникъ. Всѣ остальные погибли отъ утомленія, отъ изнурительныхъ лихорадокъ и разныхъ другихъ болѣзней, обыкновенно свирѣпствующихъ въ тропической Африкѣ послѣ разлива рѣкъ. Вслѣдствіе алчности разныхъ царьковъ, черезъ владѣнія которыхъ проходилъ караванъ Мунго-Парка, имѣвшіеся у него запасы товаровъ сильно уменьшились.

Мунго-Паркъ сдѣлалъ при этомъ большую неосторожность.

Замѣтивъ, что въ Сансандингѣ, городѣ, имѣющемъ до одиннадцати тысячъ жителей, торговля на базарѣ идетъ очень бойко, и что стеклянныя бусы, индиго, сурьма, кольца и разныя другія бездѣлушки находятъ тамъ очень скоро покупателей, онъ вздумалъ самъ открыть тамъ лавку.

„Лавка эта,—говоритъ Валькенеръ,—казалась самой блестящей на всемъ базарѣ. Въ ней выставлены были образчики разныхъ европейскихъ товаровъ, которые продавались тамъ оптомъ и въ розницу. Она торговала очень бойко, и Мунго-Паркъ полагаетъ, что обстоятельство это возбудило зависть всѣхъ остальныхъ купцовъ. Торговцы изъ Дженне, мавры, и сансандингскіе купцы стакнулись съ купцами изъ Сего и въ присутствіи Модибинне, который самъ потомъ разсказалъ это Мунго-Парку, условились предложить Мансонгу бóльшее количество товаровъ, чѣмъ сколько онъ получилъ отъ англійскаго путешественника, съ тѣмъ, чтобъ означенный державецъ конфисковалъ все имущество чужеземца, а затѣмъ убилъ бы его или же, по меньшей мѣрѣ, прогналъ бы его изъ бамбарскихъ предѣловъ. Несмотря на это, Мунго-Паркъ продолжалъ каждый день торговать въ своей лавкѣ и выручилъ между прочимъ въ одинъ изъ базарныхъ дней 15,756 штукъ каури (раковинъ, служащихъ тамъ вмѣсто монетъ)“.

28-го октября скончался послѣ четырехмѣсячной тяжкой болѣзни д-ръ Андерсонъ, и Мунго-Паркъ снова очутился одинъ въ центральной Африкѣ. Бамбарскій султанъ Мансонгъ разрѣшилъ Мунго-Парку выстроить въ Сансандингѣ судно, на которомъ можно было бы спуститься внизъ по теченію Нигера. Судно это было названо „Джолибой“ и должно было отплыть 16-го ноября внизъ по теченію Нигера.

На этомъ обрывается путевой журналъ Мунго-Парка, содержащій кромѣ географическихъ данныхъ много интересныхъ подробностей о нравахъ и обычаяхъ различныхъ племенъ, обитающихъ по берегамъ этой рѣки. Когда этотъ журналъ былъ доставленъ въ Европу, онъ, несмотря на свою неполноту и отрывочность, былъ обнародованъ, какъ только выяснилось, что его авторъ погибъ въ водахъ Нигера. Въ немъ, собственно говоря, не содержалось никакихъ новыхъ географическихъ открытій, но тѣмъ не менѣе было извѣстно, что онъ принесетъ большую пользу наукѣ. Дѣйствительно, Мунго-Паркъ, вернувшись въ Англію послѣ перваго своего путешествія во внутреннюю Африку, озна-

комился съ производствомъ астрономическихъ наблюденій и на этотъ разъ опредѣлилъ астрономическое положеніе важнѣйшихъ посѣщенныхъ имъ городовъ. Данныя эти могли послужить опорными пунктами для составленія карты Сенегамбіи. Работа эта была поручена Ароу Смиту, который издалъ эту карту, замѣтивъ въ краткомъ предисловіи, что между положеніями мѣстъ, опредѣленными по разсчету дней пути, и положеніями, вычисленными изъ астрономическихъ наблюденій, обнаруживается разногласіе. Не зная, какъ выйти изъ этой дилеммы, Ароу Смитъ, опираясь на одни лишь астрономическія наблюденія, заключилъ, что путь Мунго-Парка пролегалъ несравненно сѣвернѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ вся путаница происходила отъ того, что въ путевой журналъ Мунго-Парка случайно вкралась ошибка, открыть которую удалось лишь впослѣдствіи человѣку съ весьма широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ—французу Валькенеру, бывшему одновременно или послѣдовательно префектомъ департамента, географомъ и литераторомъ. Онъ указалъ въ путевомъ журналѣ Мунго-Парка странную ошибку, не замѣченную ни англійскимъ издателемъ, ни французскимъ переводчикомъ этого журнала (надѣлавшимъ, кстати сказать, много самыхъ грубыхъ промаховъ). Въ журналѣ этомъ Мунго-Паркъ разсказывалъ между прочимъ, что онъ дѣлалъ „31-го апрѣля“ 1805 года. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что въ апрѣлѣ всего лишь тридцать дней. Такимъ образомъ, въ продолженіе всего своего путешествія Мунго-Паркъ въ астрономическихъ своихъ вычисленіяхъ дѣлалъ ошибку на цѣлыя сутки, употребляя числовыя данныя, относившіяся на самомъ дѣлѣ къ предшествовавшему дню. Карту, составленную Ароу Смитомъ, пришлось поэтому совсѣмъ передѣлать. Тѣмъ не менѣе, исправивъ погрѣшность, вкравшуюся въ вычисленіе Мунго-Парка, можно было на основаніи этихъ вычисленій получить точные опорные пункты для составленія правильной карты Сенегамбіи.

Свѣдѣнія, полученныя англійскими властями въ Гореѣ, не допускали, собственно говоря, какихъ-либо сомнѣній относительно гибели Мунго-Парка. Тѣмъ не менѣе въ виду слуховъ о бѣлыхъ людяхъ, видѣнныхъ будто-бы гдѣ-то во внутренней Африкѣ, сенегальскій губернаторъ отправилъ для окончательнаго разъясненія участи Мунго-Парка экспедицію, начальство надъ которой

поручилъ торговцу негру Исааку изъ племени мандинговъ, служившему проводникомъ у англійскаго путешественника. Исаакъ отправленъ былъ Мунго-Паркомъ изъ Сансандинга въ Горею съ порученіемъ доставить путевой журналъ англійскимъ властямъ, что́ и удалось ему выполнить благополучно.

Изъ описанія экспедиціи Исаака, не доставившей никакихъ новыхъ географическихъ данныхъ, мы приведемъ лишь часть, въ которой разсказывается о послѣднихъ дняхъ жизни Мунго-Парка.

Въ Сансандингѣ Исаакъ розыскалъ негра Амади Фатуму, который сопровождалъ Мунго-Парка во время плаванія его на „Джолибѣ" внизъ по теченію Нигера. Негръ этотъ разсказалъ Исааку слѣдующее:

„Отплывъ изъ Сансандинга, мы прибыли черезъ два дня въ Силлу—крайній пунктъ, до котораго достигъ Мунго-Паркъ.

Еще черезъ два дня мы, продолжая свой путь внизъ по теченію Нигера, прибыли въ Дженне. Когда мы вошли въ Дибби, за нами погнались въ трехъ лодкахъ негры, вооруженные дротиками, копьями, луками и стрѣлами. У нихъ не было, къ счастью, огнестрѣльнаго оружія и они вскорѣ прекратили это преслѣдованіе. Близъ Ракбары и потомъ невдалекѣ отъ Томбукту судно Мунго-Парка подверглось опять нападенію негровъ, которые были отражены съ большимъ урономъ. Близъ Гурумо на „Джолибу" напало семь лодокъ, которыя вынуждены были, однако, обратиться въ бѣгство. Затѣмъ Мунго-Парку пришлось выдержать еще нѣсколько схватокъ съ неграми. Онъ всегда выходилъ побѣдителемъ изъ этихъ схватокъ и благополучно прибылъ въ Каффо, гдѣ простоялъ цѣлый день. Послѣ того, продолжая спускаться внизъ по теченію до Кармуссы, онъ бросилъ якорь близъ Гурмона. На другой день путешественникъ увидѣлъ на берегу цѣлую армію негровъ, не сдѣлавшую, однако, никакой попытки напасть на его баркасъ.

Мунго-Паркъ находился тогда уже въ Гаусѣ. На слѣдующій день его баркасъ „Джолиба" былъ уже въ виду города Яура. Путешественникъ послалъ Амади-Фатуму въ этотъ городъ, чтобы купить тамъ провизіи и передать мѣстному вождю обычные подарки. Вождь этотъ освѣдомился у Фатумы, вернется ли бѣлый путешественникъ къ нему еще разъ въ городъ. Мунго-Паркъ, когда ему передали этотъ вопросъ, счелъ нужнымъ отвѣтить,

что онъ никогда болѣе не вернется въ Яуръ. Очень можетъ быть, что этотъ отвѣтъ именно и погубилъ Мунго-Парка. Яурскій градоначальникъ разсчиталъ, что ему будетъ гораздо выгоднѣе сразу завладѣть всѣмъ имуществомъ бѣлаго человѣка и удержать у себя подарки, которые въ противномъ случаѣ ему пришлось бы передать гаусскому державцу.

Когда Амади-Фатума снова вернулся въ тембе (дворецъ) вождя, находившійся всего лишь въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега Нигера, вождь этотъ отправилъ большой отрядъ войска въ маленькую деревушку Буссу, находящуюся на самомъ берегу рѣки. Когда баркасъ Мунго-Парка проходилъ мимо этой деревни, его осыпали градомъ камней и стрѣлъ. Видя неминуемую гибель, Мунго-Паркъ побросалъ все свое имущество въ рѣку и, наконецъ, бросился туда самъ со своими товарищами. Всѣ они тамъ утонули".

Такъ злополучно окончилась первая попытка европейца изслѣдовать теченіе Нигера и проникнуть въ Томбукту и Гаусу. Послѣ этого сдѣлано было много подобныхъ попытокъ, но почти всѣ онѣ не увѣнчались успѣхомъ.

Въ концѣ XVIII ст. двое изъ лучшихъ учениковъ Линнея посѣтили южную Африку для производства тамъ естественно-историческихъ изслѣдованій. Спарманъ занимался спеціально южно-африканскими млекопитающими, а Тунбергъ изслѣдовалъ главнымъ образомъ южно-африканскую флору. Мы уже упоминали, что Спарманъ присоединился къ экспедиціи Кука и совершилъ съ знаменитымъ мореплавателемъ путешествіе въ Океанію. Тѣмъ временемъ первая часть естественно-историческихъ изслѣдованій Спармана на мысѣ Доброй Надежды была напечатана въ Стокгольмѣ и тотчасъ-же переведена на французскій языкъ Летурнеромъ. Въ предисловіи къ переводу Летурнеръ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ оплакивалъ кончину этого путешественника, погибшаго будто-бы на Золотомъ берегу въ Гвинеѣ. Въ то самое время, когда переводъ этотъ выходилъ уже въ свѣтъ, Спарманъ прибылъ въ Парижъ и удостовѣрилъ Летурнера, что благополучно находится въ живыхъ.

Спарманъ прибылъ въ южную Африку и высадился въ Капштадтѣ 30-го апрѣля 1772 года. Тогда это былъ еще маленькій городъ, который вмѣстѣ со своими садами и виноградниками имѣлъ всего лишь 2000 шаговъ въ длину и столько-же въ ши-

рину. Широкія городскія улицы или, лучше сказать, аллеи изъ превосходныхъ дубовъ, окаймленныя хорошенькими домиками, стѣны которыхъ были чисто оштукатурены или выкрашены зеленой краской, очень удивили Спармана. Приглашенный на мысъ Доброй Надежды въ качествѣ гувернера къ дѣтямъ г-на Керсте, онъ нашелъ своего хозяина въ Фельсбеѣ, гдѣ семейство г-на Керсте постоянно жило зимою. Съ наступленіемъ весны Спарманъ переселился вмѣстѣ съ г. Керсте въ Альфенское его помѣстье близъ Констанца. Пользуясь удобнымъ случаемъ, естествоиспытатель совершилъ нѣсколько экскурсій въ окрестностяхъ Капштадта и Констанца. Между прочимъ, онъ взбирался также и на Столовую гору, что было сопряжено съ нѣкоторою опасностью. Прогулки эти дали Спарману возможность ознакомиться съ образомъ жизни боэровъ и обращеніемъ ихъ съ невольниками. Объ отношеніяхъ между хозяевами и невольниками можно судить уже по тому, что каждый изъ колонистовъ тщательно запиралъ на ночь двери своей спальни и держалъ возлѣ кровати нѣсколько заряженныхъ ружей и пистолетовъ. Жестоко обращаясь со своими невольниками, которыхъ они почти не признавали людьми, колонисты отличались вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Спармана, какимъ-то мужиковатымъ и добродушнымъ гостепріимствомъ. Спарманъ приводитъ этому много примѣровъ.

„Въ одну изъ моихъ экскурсій я подошелъ къ дому фермера Фанъ-деръ-Споэй, старика, уже вдовца, который самъ родился въ Африкѣ. Сыну его, какъ вамъ извѣстно, принадлежатъ знаменитые виноградники, изъ которыхъ добывается красное констанцское или старо-констанцское вино.

Не показывая виду, что меня замѣчаетъ, онъ продолжалъ стоять на дорогѣ, которая вела къ его дому. Когда я поровнялся съ нимъ, старикъ не сдѣлалъ мнѣ ни шагу навстрѣчу, а прямо схватилъ меня за руку и привѣтствовалъ словами: „Здравствуйте! Добро пожаловать! Какъ вы поживаете? Какъ прикажете васъ звать? Не прикажете-ли стаканъ вина и кстати трубочку табаку? Не хотите-ли закусить малую толику?“—Я отвѣчалъ на эти вопросы съ такимъ-же лаконизмомъ и принималъ предложенія хозяина въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ они были сдѣланы. Дочь хозяина, молодая, хорошенькая дѣвушка лѣтъ двѣнадцати или четырнадцати, подала на столъ великолѣпную баранью грудинку съ морковью. Послѣ обѣда она такъ мило разливала чай, что

очаровала меня вконецъ. Вообще отецъ и дочь отнеслись ко мнѣ съ самымъ добродушнымъ и деликатнымъ гостепріимствомъ. Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ хозяиномъ, стараясь вызвать его на разговоръ, но онъ всегда ограничивался немногосложными, хотя и вѣжливыми отвѣтами. Между прочимъ я замѣтилъ, что самъ онъ никогда не начиналъ разговора и отступилъ отъ этого правила только тогда, когда старался убѣдить меня у него переночевать. Я простился съ нимъ, очень тронутый столь рѣдкою добротою"...

Спарманъ сдѣлалъ потомъ еще нѣсколько экскурсій, при чемъ побывалъ въ Хоутѣ-Беѣ и въ Паарлѣ. Онъ имѣлъ неоднократно случай убѣдиться въ преувеличеніи и отступленіи отъ истины, которую позволялъ себѣ зачастую предшественникъ его на мысѣ Доброй Надежды—Кольбе.

Шведскій естествоиспытатель имѣлъ въ виду совершить зимою еще нѣсколько экскурсій, а весной хотѣлъ совершить путешествіе внутрь страны, когда всѣ его предположенія были разрушены прибытіемъ двухъ англійскихъ фрегатовъ „Resolution" и „Adventure" подъ командою капитана Кука. Форстеръ предложилъ молодому естествоиспытателю присоединиться къ экспедиціи. Благодаря этому Спарманъ имѣлъ возможность посѣтить Новую Зеландію, Вандименову Землю, Новую-Голландію, Таити, Огненную Землю; побывалъ въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ, въ Новой Георгіи, а затѣмъ 22-го марта 1775 года вернулся опять на мысъ Доброй Надежды.

Тотчасъ-же по возвращеніи своемъ въ Капштадтъ Спарманъ занялся приготовленіями къ путешествію во внутрь южной Африки. Чтобы добыть себѣ побольше денегъ на покрытіе предстоявшихъ расходовъ, онъ въ теченіе цѣлой зимы занимался медицинской и хирургической практикой. Къ веснѣ ему удалось заготовить достаточное количество зернового хлѣба, лѣкарствъ, спирту для сохраненія естественно-историческихъ коллекцій, ножей, огнивъ и т. п. Все это было нагружено на громадную телѣгу, запряженную пятью парами быковъ.

Возница, управляющій этими быками, долженъ обладать не только большой ловкостью и умѣньемъ обращаться съ этими животными, но онъ долженъ также практически изучить искусство владѣть бичемъ, которымъ ихъ погоняютъ. Рукоять этого бича длиною до пятнадцати футовъ. Къ ней прикрѣпляется плетеный

ремень, который немногимъ лишь длиннѣе. Наконецъ, къ этому ремню пришивается трехфутовая нахлестка изъ сыромятной кожи. Возница возсѣдаетъ на козлахъ, держа обѣими руками это грозное орудіе, которымъ онъ можетъ доставать до передней пары быковъ. На пути онъ постоянно работаетъ бичемъ, поощряя ударами его лѣнивыхъ животныхъ и притомъ такъ, чтобъ удары приходились всегда по шерсти.

Самъ естествоиспытатель досталъ себѣ верховую лошадь и нашелъ товарища, молодого колониста Иммельмана, который для собственнаго удовольствія уже совершилъ разъ подобное путешествіе. Спарманъ выѣхалъ изъ Капштадта 25-го іюля 1775 года, переправился черезъ Пальмитскую рѣку и проникъ затѣмъ въ безводную, необработанную страну, пересѣченную горами и долинами. Тамъ попадались цѣлыя стада антилопъ различныхъ породъ, а также водились во множествѣ зебры и страусы.

Онъ вскорѣ прибылъ къ горячимъ минеральнымъ источникамъ, находящимся у подошвы Цвартеберга. Ключи эти съ богатымъ содержаніемъ желѣза привлекали въ то время много посѣтителей, вслѣдствіе чего эксплоатировавшая ихъ компанія построила тамъ возлѣ горы большой домъ.

Тамъ присоединился къ шведскому естествоиспытателю молодой голландецъ Иммельманъ. Оба они отправились затѣмъ въ Цвеллендамъ, куда и прибыли 2-го сентября. Путешественники собрали тамъ о населеніи южной Африки драгоцѣнныя свѣдѣнія, которыя мы приведемъ въ краткомъ извлеченіи.

Готтентоты ростомъ не меньше европейцевъ. Руки и ноги у нихъ маленькія, а цвѣтъ кожи желто-коричневый. Волосы у нихъ не очень густые, но курчавые, напоминающіе черную шерсть. Въ большинствѣ случаевъ готтентотъ съ головы до ногъ выпачканъ жиромъ и грязью. Разрисованный такимъ образомъ готтентотъ кажется не такъ голымъ и болѣе представительнымъ, чѣмъ когда ему случается быть чисто вымытымъ. Въ южной Африкѣ у боэровъ существуетъ поэтому мѣстная поговорка: „кожа готтентота, невымазанная жиромъ, все равно что невычищенный сапогъ".

Готтентоты носятъ обыкновенно плащъ или, какъ они называютъ его, „кроссъ" изъ бараньей шкуры шерстью вовнутрь. Женщины пришиваютъ къ этому плащу мѣшокъ въ родѣ капюшона и носятъ въ этомъ мѣшкѣ дѣтей, которыхъ и кормятъ тамъ грудью (груди у нихъ, слѣдуетъ замѣтить, могутъ быть свободно

переброшены черезъ плечо). Мужчины и женщины носятъ обыкновенно на рукахъ кожаные браслеты, что послужило поводомъ къ баснѣ о томъ, будто готтентоты навертываютъ себѣ вокругъ ногъ колбасу и ѣдятъ ее за недостаткомъ другой провизіи. Браслеты эти бываютъ у нихъ также желѣзные и мѣдные, но кожаные гораздо дешевле, а потому оказываются наиболѣе распространенными.

Готтентотская деревня или крааль состоитъ изъ расположенныхъ въ кружокъ лачугъ, которыя всѣ походятъ одна на другую и напоминаютъ наружнымъ видомъ пчелиные ульи. Двери этихъ лачугъ такъ низки, что приходится входить туда ползкомъ на колѣнахъ. Посерединѣ лачуги помѣщается кухонный очагъ. Въ крышѣ не оставлено никакого отверстія, которое могло бы служить для выхода дыма.

Готтентотовъ не слѣдуетъ смѣшивать съ бушменами, живущими исключительно охотою и грабежомъ. Ловкость, съ которою бушмены пускаютъ отравленныя свои стрѣлы, мужество и выносливость этихъ дикарей—дѣлаютъ ихъ грозою мирныхъ поселенцевъ.

Въ Цвеллендамѣ Спарману удалось видѣть „квагу“ — родъ дикой лошади, сходной съ зеброю, но отличающейся отъ нея болѣе короткими ушами.

Путешественникъ осмотрѣлъ затѣмъ Моссель-бей. Бухта эта открыта западнымъ вѣтрамъ, а потому сравнительно рѣдко посѣщается судами. Затѣмъ осмотрѣна была территорія, названная на Бушелевской картѣ Землею Гутниковъ или Антиниковъ. Она изобилуетъ лѣсами и кажется весьма плодородной. Спарманъ справедливо заключилъ, что поселившіеся тамъ колонисты будутъ въ состояніи устроиться какъ нельзя лучше. Шведскій естествоиспытатель имѣлъ случай видѣть въ этой странѣ и изучить на мѣстѣ большинство африканскихъ млекопитающихъ, какъ напр. львовъ, леопардовъ, тигровыхъ кошекъ, гіенъ, слоновъ, обезьянъ, зайцевъ, антилопъ и газелей.

Мы не имѣемъ въ виду указывать всѣ посѣщенныя Спарманомъ мѣстности. Перечисленіе рѣчекъ, краалей и деревушекъ, встрѣченныхъ имъ на пути, очевидно, не можетъ интересовать читателей. Мы предпочитаемъ поэтому заимствовать у него нѣкоторыя довольно любопытныя подробности о капской овцѣ и такъ называемой медовой кукушкѣ, которыхъ ему пришлось тамъ наблюдать.

Готтентотка (Fac-simile съ древней гравюры).

„Когда здѣсь колютъ барана, — говоритъ Спарманъ, — всегда выбираютъ самаго тощаго изъ стада. Тѣхъ, которые пожирнѣе, положительно невозможно употреблять въ пищу. Хвостъ у здѣшнихъ барановъ имѣетъ форму пирамиды отъ одного до полутора фут. длиною и болѣе полуфута толщины въ верхнемъ концѣ. Вѣситъ онъ обыкновенно отъ 8 до 12 фунтовъ; онъ состоитъ изъ нѣжнаго жира, который многіе ѣдятъ здѣсь съ хлѣбомъ вмѣсто

масла. Жиръ этотъ вмѣсто масла употребляется также и на кухнѣ, но иногда идетъ также на выдѣлку свѣчъ".

Описавъ неизвѣстный еще тогда видъ двурогаго носорога, а также особой антилопы гну, которая по наружному виду представляетъ нѣчто среднее между лошадью и быкомъ, собравъ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ африканскомъ тушканчикѣ, о павіанѣ и бегемотѣ, нравы которыхъ были тогда мало еще извѣстны, Спарманъ разсказываетъ слѣдующія интересныя подробности о птицѣ, которую онъ назвалъ медовой кукушкой.

„Птица эта, оказывающая здѣсь человѣку большія услуги, не бросается въ глаза ни величиною, ни опереніемъ. На первый взглядъ ее можно было бы принять за простого воробья. Она, впрочемъ, будетъ немного крупнѣе, свѣтлѣе цвѣтомъ. На каждомъ плечѣ у нея желтое пятнышко и перья въ хвостѣ съ бѣлыми пятнами.

Птица эта ради собственной выгоды показываетъ людямъ гнѣзда пчелъ, такъ какъ сама она большая охотница до меда, а въ особенности до пчелиныхъ личинокъ. Ей извѣстно, что когда разорятъ гнѣздо, то всегда останется на землѣ сколько-нибудь меду, которымъ можно будетъ попользоваться. Иногда, впрочемъ, люди оставляютъ этой птицѣ въ награду за полученныя отъ нея указанія кусочекъ сотовъ.

Аппетитъ къ меду пробуждается у нея, надо полагать, обыкновенно по утрамъ и вечеромъ. По крайней мѣрѣ тогда она вьется вокругъ людей и видимо старается рѣзкими своими криками привлечь вниманіе колонистовъ или готтентотовъ. Въ большинствѣ случаевъ кто-нибудь обратитъ наконецъ вниманіе на эти крики. Тогда птица, не переставая кричать, медленно перелетаетъ съ кустика на кустикъ къ тому мѣсту, гдѣ поселился рой пчелъ... Гдѣ бы ни было пчелиное гнѣздо — въ трещинѣ скалы, въ древесномъ дуплѣ или же подъ землею въ норѣ, медовая кукушка, подлетѣвъ къ нему, порхаетъ прямо надъ нимъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ (я видѣлъ это два раза собственными глазами), а потомъ умолкаетъ и прячется куда-нибудь, въ ожиданіи, пока ей придется получить заслуженную часть добычи".

12-го апрѣля 1776 года, на обратномъ пути въ Капштадтъ, Спарманъ узналъ, что къ сѣверу отъ Шнеебергскаго кантона только-что удалось открыть большое озеро, единственное во всей

Бушменъ (Fac-simile съ древней гравюры).

этой африканской колоніи. Нѣсколько времени спустя шведскій естествоиспытатель покинулъ мысъ Доброй Надежды и уѣхалъ въ Европу съ богатою, собранною имъ тамъ естественно-историческою коллекціей.

Въ то же самое время, а именно съ 1772 по 1775 годъ, шведъ Тунбергъ, съ которымъ Спарманъ встрѣчался въ Кап-

штадтѣ, совершилъ три послѣдовательныхъ путешествія вглубь южной Африки. Тунбергъ подобно Спарману странствовалъ въ извѣстныхъ уже географамъ мѣстностяхъ, а потому путешествіе его не доставило никакихъ новыхъ географическихъ данныхъ.

Зато онъ собралъ громадное множество любопытныхъ наблюденій надъ растеніями и птицами мыса Доброй Надежды. Онъ сообщаетъ, впрочемъ, также кое-какія интересныя замѣтки о различныхъ народностяхъ, обитающихъ на мысѣ Доброй Надежды, гдѣ почва отличается несравненно бо́льшимъ плодородіемъ, чѣмъ это вообще предполагаютъ.

Почти непосредственно вслѣдъ за Тунбергомъ посѣтилъ южную Африку англійскій офицеръ, лейтенантъ Уильямъ Патерсонъ. Онъ путешествовалъ тоже главнымъ образомъ для собиранія растеній, птицъ, насѣкомыхъ и т. п. Онъ проникъ къ сѣверу нѣсколько далѣе Оранжевой рѣки, а на востокѣ до земли кафровъ и заходилъ тамъ далеко за рѣку Рыбъ. Естественная исторія обязана ему первымъ сколько-нибудь точнымъ описаніемъ жирафа и многими весьма важными замѣтками и наблюденіями. Нѣкоторыя изъ нихъ, касающіяся почвы, а также нравовъ и обычаевъ мѣстнаго населенія, представляютъ большой интересъ для географіи.

Замѣчательно, что сравнительно лишь немногіе путешественники, посѣщавшіе южную Африку, избирали себѣ цѣлью географическія изслѣдованія и открытія; большинство интересовалось преимущественно лишь южно-африканской флорой и фауной. Изъ этихъ путешественниковъ-естествоиспытателей мы назвали уже Спармана, Тунберга и Патерсона. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить также и орнитолога Левальяна.

Левальянъ родился въ Парамарибо, голландской Гвіанѣ. Родители его, французы, торговали живыми птицами и чучелами. Вернувшись вмѣстѣ съ ними въ Европу, Левальянъ еще въ дѣтствѣ побывалъ въ Голландіи, Германіи, Лотарингіи, въ Вогезскихъ горахъ, а затѣмъ уже прибылъ въ Парижъ. Подобное, если можно такъ выразиться, космополитическое существованіе развило у юнаго Левальяна страсть къ путешествіямъ. Онъ съ большою любовью занимался естественными науками, въ особенности же орнитологіей. Ознакомившись со многими національными и частными орнитологическими коллекціями, Левальянъ горѣлъ желаніемъ обогатить науку открытіемъ и описаніемъ новыхъ, неизвѣстныхъ еще видовъ птицъ.

Задавшись такою цѣлью, онъ рѣшился ѣхать для орнитологическихъ изысканій въ южную Африку, гдѣ надѣялся собрать особенно богатую жатву. Страны, лежащія близъ мыса Доброй Надежды, были уже изслѣдованы ботаниками и однимъ зоологомъ, спеціально занимавшимся млекопитающими, но никто еще до тѣхъ поръ не путешествовалъ тамъ спеціально для собиранія птицъ.

Левальянъ прибылъ въ Капштадтъ 29-го марта 1780 года. Пока онъ былъ на берегу, корабль, на которомъ находился еще весь его багажъ, взлетѣлъ на воздухъ. Вслѣдствіе этой катастрофы у Левальяна осталось только платье, которое было на немъ одѣто, ружье и кошелекъ съ десятью червонцами.

Несчастье это нисколько не смутило Левальяна и не лишило его обычнаго присутствія духа. Молодой орнитологъ рѣшился все-таки не отступать отъ предположенной цѣли. Полагаясь на свое искусство стрѣлять изъ ружья и лука, на свою силу, ловкость и выносливость, а также на умѣнье изготовлять чучела животныхъ и птицъ и придавать имъ естественныя позы, Левальянъ тотчасъ-же познакомился съ владѣльцами самыхъ богатыхъ зоологическихъ коллекцій въ Капштадтѣ.

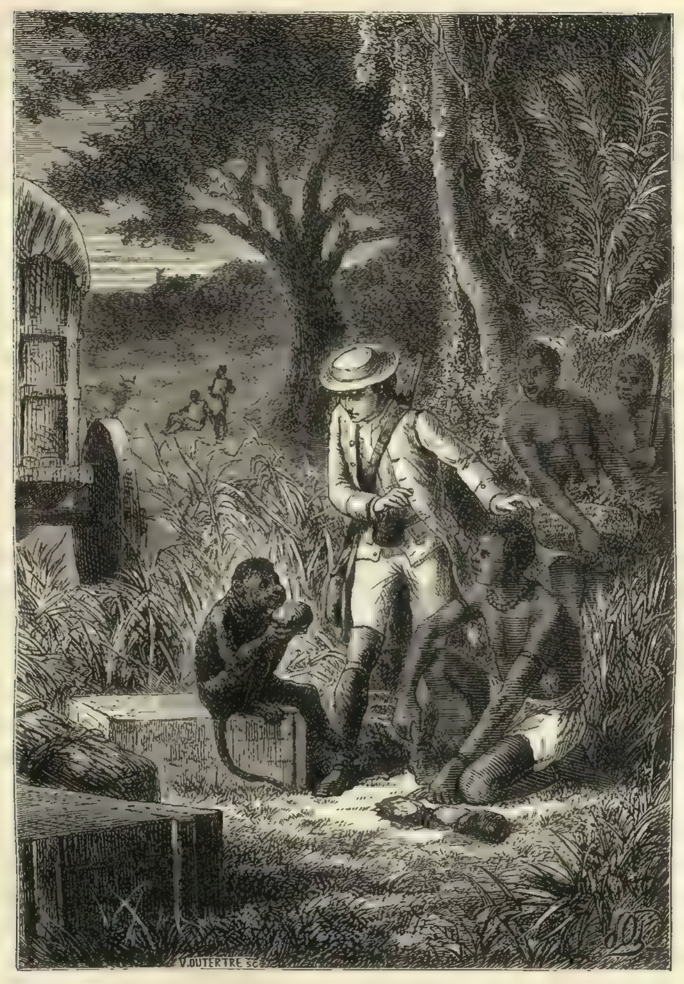
Одинъ изъ нихъ, коронный фискалъ Боэрсъ, доставилъ Левальяну необходимыя средства, чтобъ предпринять съ пользою путешествіе вглубь южной Африки. Онъ снабдилъ юнаго французскаго орнитолога повозками, быками, провизіей, товарами для мѣновой торговли, лошадьми, слугами и проводниками. Орнитологическія изысканія, ради которыхъ Левальянъ предпринялъ это путешествіе, по необходимости должны были повліять также и на его маршрутъ. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать черезъ населенныя мѣстности, молодой путешественникъ по возможности избѣгалъ торныя дороги и отдавалъ преимущество округамъ, которые были еще заселены европейцами. Онъ справедливо разсчитывалъ, что можетъ встрѣтить тамъ всего скорѣе новые, неизвѣстные еще ученому міру, виды птицъ. Благодаря такому своеобразному маршруту, Левальяну удавалось, какъ онъ говоритъ, заставать природу въ неискаженномъ ея состояніи и вступать въ сношенія съ туземцами, нравы которыхъ не измѣнились еще отъ столкновенія съ европейской цивилизаціей. Собранныя Левальяномъ фактическія данныя обрисовываютъ поэтому жизнь туземныхъ племенъ гораздо точнѣе и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ описаніе

всѣхъ предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за нимъ путешественниковъ. Остается только пожалѣть, что Левальянъ поручилъ редактированіе путевыхъ своихъ замѣтокъ одному молодому человѣку, который отнесся къ этому дѣлу самымъ безцеремоннымъ образомъ. Вмѣсто того, чтобъ ограничиться простой передачей фактовъ, редакторъ этотъ смотрѣлъ на нихъ какъ на сырой матеріалъ, изъ котораго можно строить какое угодно фантастическое зданіе. Преувеличивая опасности, которымъ подвергался Левальянъ, онъ сообщилъ хвастливый характеръ разсказамъ охотника о своихъ похожденіяхъ.

Пробывъ три мѣсяца въ Капштадтѣ и его окрестностяхъ, Левальянъ отправился 18-го октября 1781 года въ первое свое путешествіе къ восточному прибрежью, въ страну кафровъ. Онъ взялъ съ собою пятерыхъ готтентотовъ, три лошади, девять охотничьихъ собакъ и тридцать быковъ, изъ которыхъ двадцать запряжены были въ двухъ телѣгахъ по пяти паръ въ каждой. Остальные десять быковъ взяты были про запасъ для смѣны упряжныхъ, если съ которымъ-либо изъ нихъ случится какое-нибудь несчастье.

Сначала Левальянъ странствовалъ въ такъ называемой Готтентотской Голландіи, такъ тщательно изслѣдованной Спарманомъ. Ему встрѣчались тамъ, какъ и шведскому естествоиспытателю, громадныя стада антилопъ, зебръ и страусовъ. Прибывъ въ Цвеллендамъ, Левальянъ купилъ себѣ тамъ еще телѣгу, нѣсколькихъ быковъ и пѣтуха, который потомъ во все путешествіе пѣніемъ своимъ поднималъ по утрамъ его караванъ. Другое животное—а именно ручная обезьяна—оказалась также очень полезнымъ молодому путешественнику. Обезьяна эта, которую онъ приручилъ самъ, занимала полезную и почетную должность эксперта: если встрѣчались неизвѣстные готтентотамъ фрукты, ягоды, корни и т. п.,—никто не имѣлъ права къ нимъ прикасаться, прежде чѣмъ „мастеръ Киссъ“, какъ называли эту обезьяну, не признаетъ ихъ годными въ пищу.

Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что Киссъ служилъ Левальяну также вѣрнымъ часовымъ. Органы чувствъ этой обезьяны, изощренные въ борьбѣ за существованіе, значительно превосходили тонкостью все, что такъ удивляетъ европейцевъ у краснокожаго дикаря. Киссъ всегда предупреждалъ собакъ о приближеніи опасности. Если, бывало, гдѣ-либо по-сосѣдству про-



«Мастеръ Киссъ» въ роли эксперта.

ползетъ змѣя или появится стая обезьянъ, то Киссъ тотчасъ-же приходилъ въ ужасъ и начиналъ кричать, при чемъ по его ужимкамъ можно было всегда безошибочно заключить о томъ, какіе именно враги угрожаютъ каравану.

Выступивъ 12-го января 1782 года изъ Цвеллендама, Левальянъ продолжалъ свой путь вдоль восточнаго прибрежья, держась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега моря. Достигнувъ рѣки „Голубятни" (Duywen-Hoek), Левальянъ остановился лагеремъ на берегу

этой рѣки и очень счастливо охотился въ этой обильной дичью странѣ. Оттуда онъ перешелъ къ берегамъ Мосельской бухты, гдѣ гіены водились въ такомъ множествѣ, что вой ихъ чрезвычайно пугалъ его быковъ.

Продолжая свой путь, Левальянъ прибылъ въ страну Гутниковъ, что на готтентотскомъ языкѣ означаетъ людей, обремененныхъ медомъ. Тамъ дѣйствительно чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются рои пчелъ. Земля словно усѣяна цвѣтами, наполняющими воздухъ своими благоуханіями. Разнообразные колера этихъ цвѣтовъ придаютъ тамошнимъ пейзажамъ невыразимую прелесть. Опасаясь, чтобы нѣкоторые изъ его служителей не соблазнились этой очаровательной мѣстностью, Левальянъ поспѣшилъ какъ можно скорѣе ее покинуть. Вся эта страна до самаго прибрежья заселена колонистами, занимающимися скотоводствомъ, заготовкой строевого лѣса, масла и меда, отвозимыхъ въ Капштадтъ для продажи.

Вскорѣ послѣ того Левальянъ оставилъ за собою послѣдній голландскій постъ. Страна, въ которую онъ прибылъ, изобиловала рѣдкими птицами, въ числѣ которыхъ встрѣчалось особенно много „тураковъ". Нашъ путешественникъ остановился тамъ поэтому лагеремъ. Внезапно начавшіеся проливные дожди разрушили однако всѣ его расчеты на успѣшную охоту. Дѣло дошло до того, что Левальянъ и его готтентоты чуть не умерли тамъ съ голоду.

Послѣ многихъ разнообразныхъ охотничьихъ и другихъ приключеній, которыя сами по себѣ очень интересны, но, къ сожалѣнію, выходятъ изъ рамокъ нашей программы, Левальянъ вернулся опять въ Массельбей и очень обрадовался, найдя тамъ полученныя на его имя письма. Послѣ нѣсколькихъ экскурсій и охотничьихъ экспедицій Левальянъ проникъ наконецъ въ страну кафровъ. Туземцы были такъ напуганы боэрами, что тщательно избѣгали бѣлыхъ, а потому французскому орнитологу было трудно вступить съ ними въ сношеніе. Въ столкновеніяхъ съ голландскими колонистами кафры понесли значительный уронъ и лишились громаднаго количества головъ скота. Сосѣднее племя тамбуковъ, пользуясь критическимъ положеніемъ кафровъ, напало въ свою очередь на ихъ страну и произвело тамъ страшное опустошеніе. Наконецъ, также и бушмены вели ожесточенную борьбу съ кафрами. Не обладая огнестрѣльнымъ оружіемъ,

кафры чувствовали себя не въ силахъ противиться одновременно столькимъ врагамъ и постепенно отходили болѣе и болѣе на сѣверъ.

При такихъ обстоятельствахъ Левальянъ счелъ неумѣстнымъ заходить слишкомъ далеко въ страну кафровъ, тѣмъ болѣе, что мѣстность становилась тамъ гористою и затрудняла движеніе телѣгъ. Левальянъ вернулся поэтому назадъ, осмотрѣлъ Снѣговыя горы, безводныя равнины Карру, берега Буйволовой рѣки, и вернулся въ Капштадтъ 2-го апрѣля 1783 года.

Это продолжительное путешествіе имѣло весьма существенные результаты также и въ этнографическомъ отношеніи. Левальянъ собралъ весьма интересныя и точныя фактическія данныя о гонакахъ, многочисленномъ племени, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ настоящими готтентотами. Всего вѣроятнѣе предположить, что племя это является помѣсью готтентотовъ съ кафрами. Что касается готтентотовъ, то замѣтки о нихъ Левальяна почти во всѣхъ отношеніяхъ согласуются съ наблюденіями Спармана.

„Кафры, которыхъ случалось видѣть Левальяну, — говоритъ Валькенеръ,—ростомъ гораздо выше готтентотовъ и даже гонаковъ. Лица у нихъ не суживаются такъ книзу, какъ у готтентотовъ, и скулы не выдаются впередъ (эти характеристическіе признаки готтентотовъ проявляются у гонаковъ уже въ значительно меньшей степени). У кафровъ нѣтъ также ничего похожаго на широкія приплюснутыя лица и толстыя губы ихъ сосѣдей—мозамбикскихъ негровъ; напротивъ того, у большинства кафровъ лица имѣютъ довольно красивый овалъ. Носы у нихъ съ европейской точки зрѣнія также недурны, а ротъ украшенъ прелестнѣйшими зубами въ свѣтѣ. Кожа у нихъ прекраснаго чернаго цвѣта съ коричневымъ оттѣнкомъ и если не принимать въ расчетъ разницу въ цвѣтѣ, то многія кафрскія женщины, какъ увѣряетъ Левальянъ, могли бы смѣло выдержать сравненіе съ прелестнѣйшими изъ европейскихъ красавицъ“.

По возвращеніи въ Капштадтъ послѣ шестнадцатимѣсячнаго отсутствія Левальянъ нашелъ въ нравахъ и обычаяхъ городского населенія большую перемѣну. Почтенныхъ горожанъ, а въ особенности горожанокъ — положительно нельзя было узнать. Отправляясь въ свое путешествіе во внутрь южной Африки, юный орнитологъ удивлялся скромности, домосѣдству и неприхотливости капштадтскихъ дѣвицъ и дамъ. По возвращеніи же своемъ онъ

нашелъ, что онѣ только лишь и мечтаютъ объ удовольствіяхъ и нарядахъ. Страусовыя перья были въ такомъ спросѣ, что ихъ пришлось выписывать въ Капштадтъ изъ Европы и Азіи. Всѣ страусовыя перья, привезенныя Левальяномъ, были немедленно проданы дорогою цѣной; что касается до чучелъ птицъ, которыхъ Левальянъ, по мѣрѣ заготовленія, отправлялъ при всякомъ удобномъ случаѣ къ Боэрсу, то число ихъ простиралось въ общей сложности до 1080 штукъ. Домъ Боэрса, гдѣ онѣ были выставлены, обратился въ настоящій естественно-историческій музей.

Путешествіе это было настолько удачно, что со стороны Левальяна было вполнѣ естественно предпринять вторую подобную-же экспедицію. Компаньонъ его Боэрсъ уѣхалъ тѣмъ временемъ съ Мыса Доброй Надежды назадъ въ Европу. Тѣмъ не менѣе Левальянъ, сумѣвшій пріобрѣсти себѣ въ Капштадтѣ многочисленныхъ друзей, добылъ необходимыя средства, чтобы организовать новую экспедицію. 15-го іюня 1783 года онъ выступилъ изъ Капштадта во главѣ каравана изъ девятнадцати человѣкъ. На этотъ разъ онъ взялъ съ собою тринадцать собакъ, козла и десять козъ, трехъ лошадей, трехъ дойныхъ коровъ, тридцать шесть упряжныхъ, четырнадцать запасныхъ и двухъ вьючныхъ быковъ; эти послѣдніе несли на себѣ пожитки готтентотовъ, служившихъ Левальяну.

Мы не можемъ слѣдить за Левальяномъ въ охотничьихъ его похожденіяхъ и замѣтимъ только, что въ эту вторичную экспедицію ему удалось собрать великолѣпную орнитологическую коллекцію. Онъ привезъ въ Европу перваго живого жирафа, котораго тамъ не видѣли со временъ древнихъ римскихъ императоровъ. Мѣстность, изслѣдованная имъ преимущественно въ естественноисторическомъ отношеніи, простирается отъ юго-восточнаго прибрежья до 14° восточной долготы и ограничивается къ сѣверу тропикомъ Козерога. Вернувшись въ 1784 году въ Капштадтъ, онъ уѣхалъ оттуда въ Европу и прибылъ въ первыхъ числахъ января 1785 года.

Въ этомъ второмъ своемъ путешествіи Левальянъ встрѣтилъ племя „малыхъ намаковъ“. Племя это немногочисленно и, какъ онъ замѣчаетъ, уже вслѣдствіе этого должно будетъ вскорѣ исчезнуть, тѣмъ болѣе, что живетъ въ безплодной странѣ и подвергается нападенію со стороны бушменовъ.

Малые намаки довольно изряднаго роста, хотя и уступаютъ

Кафрская женщина (Fac-simile съ древней гравюры).

въ этомъ отношенiи кафрамъ и большимъ намакамъ. Нравы ихъ и обычаи почти тѣ же, какъ и у большинства кафрскихъ племенъ.

Каминуки или комейнаки, о которыхъ Левальянъ сообщаетъ затѣмъ нѣкоторыя подробности, очень худощавы и вообще особенно развиты въ длину.

„Они кажутся даже выше гонаковъ, — говоритъ онъ, — хотя, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ это лишь оптическій обманъ.

Сухощавые, узкіе въ плечахъ, на длинныхъ тоненькихъ ножкахъ, укутанные въ узкіе плащи, доходящіе почти до земли, они кажутся чрезвычайно высокими. Тонкій, поджарый ихъ станъ кажется будто умышленно вытянутымъ. Цвѣтъ кожи у нихъ не такъ теменъ, какъ у кафровъ, и лица гораздо красивѣе, чѣмъ у другихъ готтентотовъ, такъ какъ скулы у нихъ менѣе выдаются и носы тоже не такъ приплюснуты".

Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ туземныхъ племенъ, посѣщенныхъ Левальяномъ во второе его путешествіе, наиболѣе достопримѣчательнымъ и самымъ древнимъ является племя гузуановъ. Племя это не было разыскано никѣмъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, но теперь его считаютъ тождественнымъ съ бечуанами. Необходимо замѣтить впрочемъ, что мѣсто, гдѣ Левальянъ встрѣтилъ гузуановъ, находится довольно далеко отъ страны, въ которой, сколько извѣстно, давно уже живутъ бечуаны.

„Гузуаны, по словамъ Левальяна, очень маленькаго роста. Самые высокіе изъ нихъ едва-ли достигаютъ пяти футовъ. Эти маленькіе люди сложены, однако, довольно пропорціонально, обладаютъ изумительной силой и проворствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ смѣлый, самоувѣренный видъ, который до извѣстной степени импонируетъ и располагаетъ въ ихъ пользу. Изъ всѣхъ туземныхъ племенъ, съ которыми приходилось сталкиваться Левальяну, ни у одного онъ не замѣчалъ такой смѣтливости, умственной живости и неутомимой энергіи, какъ у гузуановъ. Головою они нѣсколько походятъ на готтентотовъ, но подбородокъ у нихъ болѣе округленный и цвѣтъ кожи гораздо свѣтлѣе... Волосы у нихъ еще курчавѣе и такъ коротки, что Левальянъ счелъ ихъ сперва остриженными... Отличительнымъ свойствомъ гузуанской расы является выростающій у женщинъ громадный естественный турнюръ. Эта колоссальная мясистая масса колышется и покачивается необыкновенно страннымъ образомъ при каждомъ движеніи. Левальянъ видѣлъ гузуанскую женщину, игравшую съ трехлѣтнимъ своимъ ребенкомъ. Она бѣжала, нисколько не нагибаясь, а ребенокъ стоялъ у нея на крупѣ, словно жокей на запяткахъ кабріолета".

Путешественникъ входитъ затѣмъ во многія подробности относительно тѣлосложенія, нравовъ и обычаевъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ народцевъ, многіе изъ которыхъ теперь совершенно вымерли или же слились съ болѣе могущественными племенами.

Замѣтки эти чрезвычайно интересны, но многое въ нихъ повидимому сильно преувеличено, такъ что мы не рѣшаемся приводить здѣсь.

На восточномъ берегу Африки португальскій путешественникъ Франциско Хозе де-Ласерда-Альмейда отправился въ 1797 году отъ Мозамбикскаго прибрежья во внутрь страны. Было бы очень интересно познакомиться съ этимъ путешествіемъ, тѣмъ болѣе, что мѣстности, посѣщенныя Ласердой, были осмотрѣны снова европейскими путешественниками лишь въ послѣднее время. Къ сожалѣнію, путевыя замѣтки Ласерды, сколько намъ извѣстно, не были обнародованы. Имя Ласерды часто упоминается географами. Извѣстно также, въ какихъ странахъ онъ путешествовалъ, но намъ не удалось нигдѣ, по крайней мѣрѣ во Франціи, встрѣтить сочиненіе, въ которомъ обстоятельно бы разсказывалось про самого Ласарду и его путешествіе. Все, что извѣстно объ этомъ изслѣдователѣ, можетъ быть изложено въ нѣсколькихъ строчкахъ. Мы крайне сожалѣемъ, что не можемъ привести болѣе полныя біографическія подробности о человѣкѣ, совершившемъ важныя географическія открытія. Надо удивляться несправедливости потомства, оставившаго во мракѣ забвенія имя этого смѣлаго изслѣдователя.

Мы не знаемъ, гдѣ именно и когда родился Ласерда. Извѣстно только, что онъ былъ инженеръ и занимался проведеніемъ пограничной черты между испанскими и португальскими владѣніями въ южной Америкѣ. Географическая наука обязана ему множествомъ интересныхъ замѣтокъ и наблюденій относительно области Мато-Гроссо, напечатанныхъ въ „Revista trimensal do Brazil".

Что именно привело Ласерду послѣ этого столь удачно выполненнаго труда въ португальскія владѣнія въ Африкѣ? Съ какою именно цѣлью хотѣлъ онъ проникнуть черезъ всю южную Африку съ восточнаго берега до Лоанды? Намъ это неизвѣстно. Мы знаемъ только, что въ 1797 онъ отправился изъ города Тете (лежащаго подъ 30° восточной долготы) съ большимъ караваномъ въ страну Казембэ.

Державецъ, царствовавшій надъ этой страной, славился воинскими своими подвигами, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкимъ у африканскихъ царьковъ добродушіемъ и человѣколюбіемъ. Столица его Лунда, имѣвшая въ длину болѣе двухъ миль, лежала на

восточномъ берегу какого-то озера Мофо. Было бы очень интересно опредѣлить, какое именно это было озеро, и вообще отождествить эти мѣстности съ тѣми, которыя извѣстны намъ теперь. Но, за отсутствіемъ вполнѣ точныхъ данныхъ, мы предпочитаемъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ гипотезъ. Замѣтимъ только, что городъ Лунда извѣстенъ по наслышкѣ многимъ португальскимъ путешественникамъ. Что касается страны Казембэ, то относительно ея положенія теперь никакихъ сомнѣній болѣе уже не существуетъ.

Радушно встрѣченный мѣстнымъ державцемъ, Ласерда пробылъ у него двѣнадцать дней, а затѣмъ изъявилъ желаніе продолжать свой путь къ западному африканскому прибрежью. Къ несчастію, сдѣлавъ одинъ или два перехода отъ Лунды, португальскій путешественникъ заболѣлъ и умеръ.

Казембинскій державецъ, собравъ всѣ путевые журналы и замѣтки Ласерды, приказалъ доставить ихъ, вмѣстѣ съ тѣломъ путешественника, на Мозамбикскій берегъ. Караванъ со смертными останками Ласерды подвергся на пути нападенію разбойничьей шайки и останки эти пришлось оставить на африканской землѣ. Что касается бумагъ, то онѣ были спасены однимъ изъ племянниковъ Ласерды, сопутствовавшимъ своему дядѣ, и впослѣдствіи доставлены въ Европу.

Перейдемъ теперь къ описанію сдѣланныхъ въ XVIII вѣкѣ попытокъ проникнуть съ востока во внутрь африканскаго материка. Однимъ изъ самыхъ удачныхъ по важности достигнутыхъ результатовъ—оказывается путешествіе кавалера Брюса.

Джемсъ Брюсъ, подобно многимъ другимъ путешественникамъ, занимавшимся изслѣдованіемъ африканскаго материка, былъ родомъ шотландецъ. Смолоду его готовили въ адвокаты, а потому онъ получилъ преимущественно юридическое образованіе. Канцелярскій трудъ не нравился Брюсу. Онъ съ радостью воспользовался представившимся случаемъ промѣнять адвокатуру на торговую дѣятельность. По смерти жены, съ которою Брюсъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, онъ уѣхалъ въ Испанію. Тамъ онъ занялся изслѣдованіемъ арабскихъ достопримѣчательностей и хотѣлъ обнародовать описаніе всѣхъ достопримѣчательностей, находившихся въ Эскуріалѣ, но не получилъ на это разрѣшенія отъ испанскаго правительства.

Вернувшись въ Англію, Брюсъ сталъ ревностно изучать во-

Портретъ Джемса Брюса (Fac-simile съ древней гравюры).

сточные языки, въ особенности же абиссинскій, который былъ извѣстенъ тогда лишь по весьма неполнымъ изслѣдованіямъ Людольфа.

Лордъ Галифаксъ, въ бесѣдѣ съ Брюсомъ, предложилъ ему, полушутя-полусерьезно, заняться отысканіемъ источниковъ Нила. Брюсъ тотчасъ-же восторженно ухватился за этотъ проектъ и

принялся дѣятельно хлопотать объ его осуществленіи. Стойкая энергія шотландца побѣдила наконецъ все препятствія, и въ іюнѣ 1768 года Брюсъ покинулъ „туманный Альбіонъ“ для голубого неба и согрѣтыхъ знойными лучами южнаго солнца видовъ прибрежья Средиземнаго моря.

Чтобы напрактиковаться въ путешествіяхъ, онъ осмотрѣлъ мимоходомъ нѣсколько островов Архипелага, Сирію и Египетъ. Выѣхавъ изъ Джедды, Брюсъ посѣтилъ Моку и Логейю, а затѣмъ, 19-го сентября 1769 года, высадился въ Массовѣ. Онъ догадался запастись султанскимъ фирманомъ, а также рекомендательными письмами отъ каирскаго бея и меккскаго шерифа. Предосторожность эта оказалась далеко не лишнею, такъ какъ наибъ или губернаторъ Массовы всячески старался помѣшать Брюсу проникнуть въ Абиссинію и вынудить отъ него возможно болѣе цѣнные подарки.

Португальскіе миссіонеры посѣщали въ былое время Абиссинію. Благодаря ихъ стараніямъ имѣлись уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой странѣ, далеко не отличавшіяся, однако, такою обстоятельностью и точностью, какъ свѣдѣнія, собранныя Брюсомъ. Сначала многіе сомнѣвались въ правдивости этого изслѣдователя, но сомнѣнія эти были совершенно незаслуженными. Всѣ послѣдующіе путешественники по Абиссиніи отдаютъ полную справедливость достовѣрности сообщаемыхъ имъ указаній.

Отъ Массовы до самой Адовы дорога постоянно идетъ въ гору и взбирается на горныя кручи, отдѣляющія Тигре отъ прибрежья Краснаго моря.

Адова не была прежде столицей Тигре. Тамъ устроена фабрика грубыхъ бумажныхъ тканей, которыя развозятся оттуда по всей Абиссиніи и замѣняютъ въ торговыхъ сдѣлкахъ монету. Въ окрестностяхъ Адовы растительный слой почвы настолько глубокъ, что допускаетъ воздѣлываніе пшеницы.

„Здѣсь,—говоритъ Брюсъ,—снимаютъ съ полей ежегодно три жатвы. Первый посѣвъ дѣлается въ іюлѣ и въ августѣ. Тогда идутъ сильные дожди, но, несмотря на это, земледѣльцы сѣютъ пшеницу, токуссо, тефъ и ячмень. Съ 20-го ноября начинаютъ жать ячмень, а затѣмъ приступаютъ къ уборкѣ пшеницы, токуссо и тефа. Потомъ, вмѣсто всѣхъ этихъ хлѣбовъ, высѣваютъ ячмень, созрѣвающій въ февралѣ. Убравъ его, сѣютъ на поляхъ въ третій разъ тефъ, или же особый видъ гороха, называемый шимброй,

и успѣваютъ убрать его еще до апрѣльскихъ дождей. Такимъ образомъ здѣшнія поля, безъ удобренія и бороньбы, даютъ ежегодно три жатвы. Несмотря на это, абиссинскіе земледѣльцы живутъ въ крайней бѣдности".

Въ Фремонѣ, неподалеку отъ Адовы, находятся остатки іезуитскаго монастыря, походившаго скорѣе на крѣпость, чѣмъ на обитель служителей Божіихъ. Въ двухъ дняхъ пути оттуда лежатъ развалины древней абиссинской столицы—Аксума.

„На большой площади, бывшей, повидимому, въ центрѣ города, я видѣлъ,—говоритъ Брюсъ,—сорокъ обелисковъ. Ни одинъ изъ нихъ не украшенъ іероглифами. Два самыхъ большихъ обелиска лежатъ на землѣ, но третій, по величинѣ немногимъ лишь уступающій двумъ первымъ, стоитъ еще совершенно прямо. Всѣ они высѣчены изъ цѣльной глыбы гранита. На верху стоящаго обелиска находится жертвенная чаша, превосходно изваянная въ греческомъ вкусѣ...

Миновавъ монастырь Абба-Пантелеонъ, называемый здѣсь также Мантиласъ, и маленькій обелискъ, стоящій на вершинѣ скалы надъ этимъ монастыремъ, мы шли по дорогѣ, направляющейся къ югу и вырубленной въ горѣ изъ ярко-краснаго мрамора. По лѣвую руку у насъ тянулась мраморная стѣна, образовавшая нѣчто въ родѣ бруствера пятифутовой вышины. Мѣстами въ этой стѣнѣ выдѣланы утолщенія въ видѣ пилястровъ. Судя по многимъ признакамъ, они служили пьедесталами для колоссальныхъ статуй Сиріуса, лающаго Анубиса, божества лѣтняго солнцестоянія. Я насчиталъ сто тридцать три такихъ, вполнѣ уцѣлѣвшихъ еще пьедестала. Изъ вырѣзанныхъ на нихъ изображеній священнаго пса сохранилось всего лишь два, да и тѣ сильно повреждены. Легко убѣдиться, однако, что они изваяны въ египетскомъ вкусѣ...

Сохранились также постаменты, на которыхъ стояли нѣкогда громадные сфинксы. Двѣ великолѣпныхъ гранитныхъ лѣстницы, каждая въ нѣсколько сотъ футовъ ширины, являются единственными остатками древняго языческаго храма. Лѣстницы эти превосходной работы и отлично сохранились до настоящаго времени. Въ уголкѣ большой площади, на которой высился нѣкогда этотъ величественный храмъ, стоитъ теперь маленькая коптская церковь. Невзрачная, тѣсная эта церковь содержится очень плохо и вся до-нельзя загрязнена голубинымъ пометомъ"

Близъ Аксума Брюсъ видѣлъ, какъ трое солдатъ вырѣзали себѣ на обѣдъ большой кусокъ мяса прямо изъ живой коровы.

„Они не отрѣзали лоскутъ шкуры, находившійся надъ мѣстомъ, изъ котораго вырѣзали себѣ бифштексъ,—говоритъ Брюсъ,—и, производя эту варварскую операцію, накрыли этимъ лоскутомъ рану. Затѣмъ они наложили нѣчто въ родѣ шва, употребляя вмѣсто иголокъ заостренные кусочки дерева. Не знаю, положили ли они что-нибудь подъ шкуру прямо надъ раной. Я видѣлъ только, что они замазали сверху все толстымъ слоемъ грязи, а потомъ заставили корову подняться на ноги и погнали ее передъ собой, разсчитывая вѣроятно заколоть ее вечеромъ, по прибытіи въ лагерь, на ужинъ себѣ и своимъ товарищамъ“.

Изъ Тигре Брюсъ перешелъ въ область Сире. Главный городъ ея того-же имени обширнѣе Аксума, но расположенъ въ нездоровой мѣстности, гдѣ постоянно свирѣпствуетъ тифъ. Невдалекѣ оттуда течетъ рѣка Такаце, древній Сирисъ, берега которой осѣнены величественными деревьями. Рѣка эта очень изобилуетъ рыбой.

Въ Саменской области путешественника часто безпокоили львы и гіены. Затѣмъ во время одной стоянки большіе черные муравьи пожрали часть его багажа. Оттуда Брюсъ проникъ въ Валдубскія горы, гдѣ вслѣдствіе знойнаго и нездороваго климата обитаютъ преимущественно монахи, рѣшившіеся удалиться отъ мірскихъ соблазновъ. Онъ останавливался тамъ лишь на самое непродолжительное время, чтобъ дать отдыхъ вьючнымъ своимъ животнымъ, и спѣшилъ какъ можно скорѣе прибыть въ Гондаръ. Поспѣшность эта со стороны Брюса была тѣмъ естественнѣе, что въ Абиссиніи свирѣпствовала тогда междоусобная война, при чемъ иностранецъ могъ легко попасть въ чрезвычайно опасное положеніе.

Въ то время, когда Брюсъ прибылъ въ абиссинскую столицу, тифозная эпидемія была тамъ въ самомъ разгарѣ. Свѣдѣнія изъ медицины, которыми обладалъ Брюсъ, оказались ему чрезвычайно полезными. Абиссинскій негусъ назначилъ его на весьма важный административный постъ, состоя на которомъ Брюсъ могъ во главѣ военнаго отряда осмотрѣть страну самымъ обстоятельнымъ образомъ. Благодаря этому, онъ имѣлъ возможность собрать множество интересныхъ замѣтокъ объ Абиссиніи и ея правительствѣ, о нравахъ и обычаяхъ туземнаго населенія и о главнѣйшихъ со-

бытіяхъ абиссинской исторіи. Сочиненіе Брюса было во всякомъ случаѣ для тогдашняго времени самымъ серьезнымъ и обстоятельнымъ трудомъ, касающимся Абиссиніи.

Въ одну изъ своихъ экскурсій Брюсъ открылъ источники Голубого Нила, который по его мнѣнію и былъ настоящимъ Ниломъ. Осматривая церковь св. Михаила Гешскаго, онъ убѣдился, что возлѣ этой церкви Нилъ имѣетъ всего лишь четыре аршина въ ширину и четверть аршина въ глубину. Понятно, что источники рѣки должны были находиться гдѣ-либо по-сосѣдству. Проводникъ увѣрялъ однако Брюса, что они находятся на горѣ, на которую надо еще взобраться. Ему не удалось впрочемъ обмануть путешественника.

„Нечего молоть вздоръ,—сказалъ ему Брюсъ.—Время идетъ уже къ вечеру; веди меня сейчасъ-же къ источникамъ Нила и покажи гору, на которой находятся эти источники. Онъ провелъ меня тогда на южную сторону церкви. Выйдя изъ кедровой рощицы, осѣнявшей этотъ храмъ, онъ указалъ мнѣ по другую сторону лощины небольшой холмъ. — Это и есть гора, которая отдѣляла васъ отъ источниковъ Нила, когда вы были по другую сторону церкви, — замѣтилъ онъ мнѣ насмѣшливымъ тономъ.—Видите тамъ въ болотѣ холмъ, поросшій травою. Изъ этого холма какъ-разъ и вытекаютъ оба источника Нила. Что касается Геша, то онъ расположенъ на вершинѣ этой скалы, покрытой такими зелеными кустами. Если вы хотите подойти къ источникамъ, то снимите съ себя сапоги, потому что весь этотъ округъ населенъ язычниками, которые не вѣрятъ ни во что кромѣ Нила и ежедневно молятся ему какъ божеству. Быть можетъ, впрочемъ, и вы принадлежите къ числу обожателей Нила.

Снявъ съ себя обувь, я поспѣшно спустился въ лощину и побѣжалъ къ маленькому зеленѣющему островку, бывшему отъ меня въ разстояніи какихъ-нибудь 200 шаговъ. Весь склонъ лощины былъ усѣянъ цвѣтами, толстые корни которыхъ пробивались сквозь землю. Заглядѣвшись на эти корни и луковицы, я раза два спотыкался и падалъ, прежде чѣмъ успѣлъ перебраться черезъ болото. но подъ конецъ достигъ все-таки острова, поросшаго зеленью. Островъ этотъ или, лучше сказать, небольшой холмъ имѣлъ фигуру алтаря. Безъ сомнѣнія, ему искусственно придали эту форму. Взобравшись на него, я въ восхищеніи оста-

новился передъ главнымъ источникомъ, стремительно вытекавшимъ какъ-разъ изъ середины этого алтаря.

Гораздо легче вообразить, чѣмъ описать словами тѣ чувства, которыя я тогда испытывалъ. Я стоялъ передъ источниками рѣки, до которыхъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ тысячъ лѣтъ не удавалось достигнуть самымъ мужественнымъ и знаменитымъ путешественникамъ".

Въ описаніи путешествія Брюса приведено еще много другихъ интересныхъ замѣтокъ. За недостаткомъ мѣста, мы приведемъ лишь то, что этотъ путешественникъ говоритъ объ озерѣ Цанѣ.

„Озеро это, несомнѣнно, самое большое въ Абиссиніи. Я убѣдился, однако, что размѣры его сильно преувеличиваютъ. Самая бо́льшая его ширина съ востока на западъ не превышаетъ по прямой линіи тридцати пяти миль, но около концовъ озера становится значительно у́же. Въ длину озеро Цана простирается (отъ сѣвера къ югу) на цѣлыхъ сорокъ девять миль. Озеро это поворачиваетъ отъ Бабъ-Баги немного къ ю. з. $^1/_4$ з. до самаго того мѣста, гдѣ выходитъ изъ него Нилъ, теченіе котораго въ озерѣ обнаруживается все время видимой для глаза струей. По выходѣ изъ озера Нилъ направляется къ Дара и вступаетъ въ Алладскую территорію. Въ сухое время года, т. е. съ октября до марта мѣсяца, озеро очень уменьшается въ величинѣ, послѣ дождей прибываетъ, но когда вода прибываетъ въ рѣкахъ, сливающихся въ этомъ озерѣ подобно тому какъ спицы колеса сливаются въ ступицѣ, оно выходитъ изъ береговъ и затопляетъ часть окрестной равнины.

Абиссинцы — страшные лгуны. Они утверждаютъ, будто на Цанѣ есть сорокъ пять обитаемыхъ острововъ. Я думаю, однако, что на самомъ дѣлѣ такихъ острововъ всего лишь одиннадцать. Главный—Декъ, Дака или Дага; изъ остальныхъ самые большіе — Галимунъ, лежащій къ Гондарской сторонѣ, Бригида—у Горгорскаго берега и Галила, лежащій еще за Бригидой. Всѣ эти острова служили прежде мѣстами ссылки, куда отправляли абиссинскихъ вельможъ или куда они удалялись сами, если чувствовали себя чѣмъ-нибудь недовольными. Иногда въ смутное время они укрывали на этихъ островахъ также и наиболѣе цѣнную часть своего имущества".

Осмотрѣвъ съ Брюсомъ Абиссинію, перейдемъ къ странамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ нея.

Мракъ, который покрывалъ древнюю египетскую цивилизацію, начиналъ уже разсѣиваться. Археологическія изслѣдованія Покока, Нордена, Нибура, Вольнея и Савари были послѣдовательно обнародованы. Французская египетская комиссія подготовляла уже къ печати обширный и прекрасный свой трудъ. Путешествія по Египту со дня на день становились все многочисленнѣе. Между прочимъ и У. Г. Броунъ пожелалъ въ свою очередь ознакомиться съ землею фараоновъ.

Изданное имъ описаніе своего путешествія даетъ довольно полную картину сохранившихся памятниковъ древняго зодчества и развалинъ, дѣлающихъ Египетъ столь интереснымъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Броунъ очень мѣтко очерчиваетъ также нравы и обычаи нынѣшняго населенія Нильской долины и прилегающихъ къ ней странъ. Совершенной новизной является описаніе Дарфура—страны, въ которую до тѣхъ поръ не проникали еще европейцы.

Замѣтимъ, что Броуну слѣдуетъ отвести особое мѣсто между путешественниками уже вслѣдствіе того, что онъ первый понялъ истинное значеніе рѣки Баръ-Эль-Абіада. Сознавая, что это и есть настоящій Нилъ, Броунъ старался какъ можно выше подняться по теченію этой рѣки, чтобы хотя приблизительно опредѣлить направленіе, въ которомъ слѣдуетъ искать ея источники и широту, подъ которой они, по всѣмъ вѣроятіямъ, лежатъ.

Прибывъ въ Египетъ 10-го января 1792 года, Броунъ прежде всего посѣтилъ Сіуахскій оазисъ, въ которомъ онъ, какъ и Горнеманъ, узналъ оазисъ Юпитера Аммона. Броуну тоже не удалось обстоятельно изслѣдовать находящіяся тамъ развалины и катакомбы. Онъ видѣлъ, однако, въ этихъ послѣднихъ множество череповъ и скелетовъ.

„Сіуахскія развалины до такой степени походятъ на развалины верхне-египетскихъ храмовъ, что несомнѣнно были построены тою-же самою своеобразной расой артистовъ и зодчихъ. Въ сіуахскихъ барельефахъ ясно различаются изображенія Изиды и Анубиса. Соотношенія между колоннами и капителями тѣ-же, какія соблюдаются вообще въ египетскихъ храмахъ, хотя абсолютные размѣры колоннъ и не отличаются такой колоссальностью.

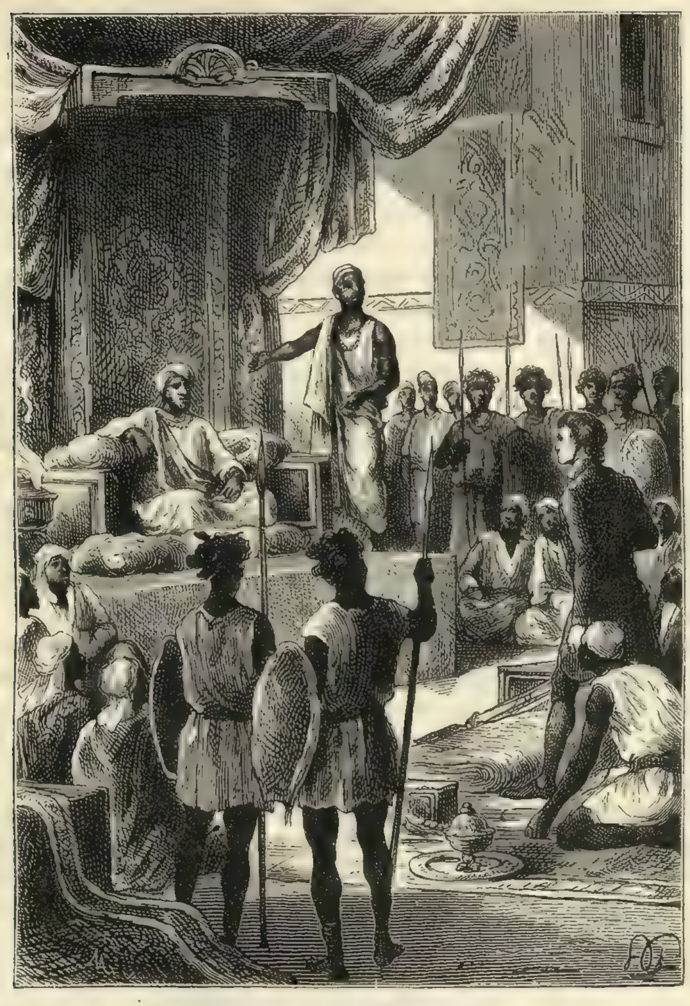
Скалы, видѣнныя мною по-сосѣдству сіуахскихъ развалинъ, состоятъ преимущественно изъ песчаника, не представляющаго ничего общаго съ гранитомъ, изъ котораго были сложены эти

древнія постройки; матеріалъ былъ для нихъ, очевидно, привезенъ издалека. У туземнаго населенія относительно этихъ развалинъ не сохранилось никакого сколько-нибудь правдоподобнаго преданія. Они полагаютъ только, что подъ этими развалинами скрыты несмѣтныя сокровища, охраняемыя злыми духами".

Вернувшись изъ Сіуаха, Броунъ совершилъ нѣсколько экскурсій въ Египетъ и прожилъ затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Каирѣ, гдѣ занимался изученіемъ арабскаго языка. 10-го сентября 1792 года онъ выѣхалъ изъ этого города и послѣдовательно посѣтилъ: Кавъ, Ашминъ, Джирге, Дендеру, Кусъ, Ѳивы, Ассуанъ, Хоссеиръ, Мемфисъ, Суецъ и Синайскую гору. Ему очень хотѣлось побывать въ Абиссиніи, но зная, что черезъ Массову попасть туда будетъ невозможно, онъ отправился въ маѣ 1793 года съ суданскимъ караваномъ изъ Асіута въ Дарфуръ. Пройдя черезъ Аине, Дизе, Харджe, Булакъ, Шебъ, Селине, Легеа и Биръ-эль-Малгу, караванъ прибылъ наконецъ въ Дарфурскіе предѣлы. Тамъ, въ мѣстечкѣ Сіуэйни, Броунъ захворалъ и лишь по истеченіи долгаго времени могъ пріѣхать въ городъ Эль-Фашеръ. Тамъ онъ подвергся всевозможнымъ вымогательствамъ и притѣсненіямъ со стороны мѣстныхъ властей. Путешественникъ хотѣлъ жаловаться султану, но никакъ не могъ добиться аудіенціи у него. Ему пришлось перезимовать въ Коббе и обождать тамъ до лѣта 1774 года окончательнаго выздоровленія. Броунъ воспользовался вынужденнымъ своимъ бездѣйствіемъ, чтобъ ознакомиться съ нравами, обычаями и языкомъ дарфурскаго населенія.

Съ наступленіемъ лѣта англійскій путешественникъ вернулся въ Эль-Фашеръ и началъ снова хлопотать объ аудіенціи у султана Абдъ-эль-Рашмана. Долгое время его старанія оставались безуспѣшными, пока, наконецъ, новая несправедливость, еще болѣе вопіющая чѣмъ всѣ прежнія, доставила путешественнику свиданіе съ дарфурскимъ державцемъ.

„Я нашелъ этого монарха на тронѣ, надъ которымъ высился на деревянныхъ колоннахъ балдахинъ, драпировки котораго состояли изъ разныхъ индійскихъ и сирійскихъ матерій, навѣшанныхъ, повидимому, безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Самое тронное мѣсто было покрыто турецкимъ ковромъ. Придворные сановники—мелеки сидѣли по правую сторону трона, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. За ними выстроены были въ шеренгу султанскіе тѣлохранители въ ермолкахъ, украшенныхъ спереди



Я нашелъ монарха на тронѣ.

небольшой мѣдной бляхой и чернымъ страусовымъ перомъ. Вооруженіе этихъ тѣлохранителей состояло изъ копья, которое они держали въ правой рукѣ, и щита, прикрывавшаго лѣвую руку. Щиты эти были изъ толстой бегемотовой шкуры. Одежда этихъ воиновъ состояла единственно лишь изъ рубашки, сшитой изъ туземной бумажной ткани. Позади трона стояло четырнадцать евнуховъ въ богатыхъ разноцвѣтныхъ халатахъ и тюрбанахъ,

непріятно поражавшихъ глазъ своей пестротой. Число просителей и зѣвакъ, толпившихся передъ трономъ, простиралось болѣе чѣмъ до полуторы тысячъ человѣкъ.

Наемный глашатай, стоявшій по лѣвую руку султана, неустанно выкрикивалъ ему самыя лестныя похвалы въ мѣстномъ дарфурскомъ вкусѣ: — Смотрите и удивляйтесь! — восклицалъ онъ.—Передъ вами буйволъ, сынъ буйвола, быкъ изъ быковъ, слонъ необычайной силы, могущественный султанъ Абдъ-эль-Рашманъ-эль-Рашидъ! Да продлитъ Аллахъ твою жизнь, о властитель! Да поможетъ онъ тебѣ и ниспошлетъ побѣду надъ врагами!“

Султанъ объявилъ, что Броуну будетъ оказано правосудіе, и поручилъ его дѣло одному изъ своихъ мелековъ. Путешественнику возвращена была, однако, всего лишь шестая часть отнятаго у него имущества.

Броунъ имѣлъ сперва въ виду только лишь проѣхать черезъ Дарфуръ, но подъ конецъ убѣдился, что ему нелегко будетъ выбраться оттуда и во всякомъ случаѣ надо будетъ отказаться отъ мысли о дальнѣйшихъ географическихъ изслѣдованіяхъ.

„11-го декабря 1795 года, проживъ опять цѣлыхъ три мѣсяца въ султанской резиденціи, я отправился,—говоритъ Броунъ,— вмѣстѣ съ хатибомъ (однимъ изъ главнѣйшихъ туземныхъ сановниковъ) во дворецъ. Допущенный предъ свѣтлыя очи Абдъ-эль-Рашмана, я обстоятельно изложилъ ему мои требованія, которыя были поддержаны хатибомъ, хотя и не съ такимъ усердіемъ, какъ мнѣ казалось желательнымъ. Султанъ не удостоилъ даже отвѣтомъ просьбу о разрѣшеніи продолжать мой путь далѣе къ югу. Этотъ безсовѣстный деспотъ, забравшій у меня на 750 піастровъ разнаго товара, согласился отдать въ уплату всего лишь двадцать тощихъ быковъ, которыхъ онъ самъ цѣнилъ только въ 120 піастровъ. Одно лишь плачевное состояніе моихъ финансовъ могло заставить меня скрѣпя сердце принять этихъ злополучныхъ быковъ. Вслѣдъ затѣмъ я простился съ Эль-Фашеромъ съ твердой рѣшимостью никогда туда болѣе не возвращаться“.

Броуну удалось выѣхать изъ Драфура лишь весной 1796 года съ караваномъ, возвращавшимся въ Египетъ.

Главнымъ городомъ Дарфура является въ сущности Коббе, хотя большинство купцовъ имѣютъ свои оптовые склады не тамъ, а въ Эль-Фашерѣ. Коббе тянется въ длину болѣе чѣмъ на двѣ

мили, ширина же его очень незначительна. Около каждаго дома поле, обнесенное частоколомъ. Зачастую между домами лежатъ довольно обширныя пустопорожнія мѣста.

Равнина, на которой расположенъ этотъ городъ, тянется еще оттуда на цѣлыхъ двадцать миль въ западномъ и юго-западномъ направленіи. Почти все городское населеніе состоитъ изъ купцовъ, занимающихся торговлею съ Египтомъ. Вмѣстѣ съ невольниками оно простирается, быть можетъ, до шести тысячъ душъ. Несомнѣнно, что невольниковъ тамъ гораздо болѣе, чѣмъ свободныхъ людей. Все населеніе Дарфура, вѣроятно, не превышаетъ двухсотъ тысячъ человѣкъ. Цифра эта получена Броуномъ лишь соображаясь съ числомъ воиновъ, призванныхъ подъ знамена по случаю войны съ Кордофаномъ.

„Населеніе въ Дарфурѣ самое разноплеменное, — говоритъ Броунъ.—Одни прибыли туда съ береговъ Нила, другіе изъ западныхъ странъ. Многіе принадлежатъ къ духовному сословію или занимаются торговлей. Я встрѣчалъ въ Дарфурѣ много арабовъ, принадлежащихъ къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ племенамъ. Они преимущественно кочуютъ на границахъ Дарфура со своими верблюдами, лошадьми и быками. Номинально признавая власть султана, арабы эти не всегда соглашаются платить ему дань или выставлять вспомогательныя войска. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, окончательно поселились въ странѣ и вполнѣ сжились съ тамошними порядками... Надо упомянуть также о зегавцахъ, страна которыхъ составляла прежде независимое государство, выставлявшее въ случаѣ войны въ поле тысячу всадниковъ. Племя это говоритъ на особомъ нарѣчіи, отличающемся отъ дарфурскаго языка.

Наконецъ, въ Дарфурѣ живетъ также племя бего или дажу, владычествовавшее нѣкогда надъ всею страной, но теперь признающее власть дарфурскаго султана“.

Дарфурцы могутъ долго выносить голодъ и жажду. Умѣренность эта не мѣшаетъ имъ быть страшными пьяницами, поглощающими громадное количество туземнаго спиртнаго напитка, называемаго „буза“ или „мериссе“. Ложь, воровство и мошенничество въ торговыхъ сдѣлкахъ являются отличительнымъ свойствомъ и какъ-бы украшеніемъ дарфурцевъ.

„Отецъ, которому удалось обмануть сына, или же сынъ, сумѣвшій провести отца въ какой-нибудь коммерческой операціи,

открыто хвастаются такимъ подвигомъ. Когда дарфурецъ клянется именемъ Аллаха или его пророка, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что онъ лжетъ самымъ наглымъ образомъ и собирается учинить безсовѣстнѣйшую плутню.

Извѣстно, что многоженство допускается мусульманской религіей. Дарфурцы въ этомъ отношеніи положительно злоупотребляютъ дозволеніемъ корана. Выступивъ въ походъ противъ кордофанцевъ, султанъ Теробъ взялъ съ собою пятьсотъ женъ и оставилъ еще кромѣ того пятьсотъ женъ у себя во дворцѣ. Такое обиліе женъ можетъ на первый взглядъ показаться смѣшнымъ, но слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь въ обязанности царскихъ женъ входитъ: молоть пшеницу, носить воду, готовить обѣдъ и вести все хозяйство всего многочисленнаго придворнаго штата".

Въ сочиненіи Броуна содержатся также очень интересныя замѣтки о мѣстныхъ санитарныхъ условіяхъ и врачебныхъ средствахъ, совѣты и указанія для лицъ, собирающихся путешествовать по Африкѣ, и многія подробности о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ, встрѣчающихся въ Дарфурѣ. За недостаткомъ мѣста, мы однако не можемъ на нихъ останавливаться.

ГЛАВА III.

Азія и ея народы.

Путешествіе Вицена въ Манджурію. — Іезуиты въ Китаѣ. — Патеръ Дю-Гальтъ. — Путешествіе Макартнея въ Китай. — Пребываніе въ Чу-Сангѣ.—Прибытіе въ Нанкинъ.—Переговоры.—Аудіенція у богдыхана.—Церемоніалъ и празднества въ Дзе-Холѣ. — Обратный путь въ Пекинъ и въ Европу. — Вольней. — Шуазель. — Гуфье. — Археологическія изслѣдованія Шевалье. — Путешествіе Оливье въ Персію. — Полуазіатская страна.—Путешествіе Палласа по Россіи.

Въ концѣ XVII столѣтія голландецъ Николай Виценъ путешествовалъ въ восточной и сѣверной Манджуріи. Онъ обнародовалъ въ 1692 году весьма любопытное описаніе этого путешествія. Сочиненіе это, вышедшее на голландскомъ языкѣ, не было переведено на другіе европейскіе языки и не доставило своему автору извѣстности, на которую онъ, собственно говоря, былъ въ правѣ разсчитывать. Оно было украшено многочисленными гравюрами, которыя не блистали художественнымъ

исполненіемъ, но зато, повидимому, были довольно схожими снимками съ натуры. Книга эта вышла тѣмъ не менѣе въ 1705 году вторымъ изданіемъ, послѣдніе экземпляры котораго были выпущены въ 1785 году подъ новымъ заголовкомъ. Въ то время однако въ ней не предстояло уже никакой надобности, такъ какъ тогда имѣлись уже въ печати несравненно болѣе интересныя и обстоятельныя описанія означенныхъ странъ.

Какъ только іезуиты проникли въ Небесную имперію, они стали немедленно хлопотать самымъ ревностнымъ образомъ о собираніи возможно полныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этой громадной странѣ, которая до нихъ извѣстна была лишь по разсказамъ Марка Поло. Хотя Китай можетъ служить образцомъ консервативныхъ порядковъ, не допускающихъ никакихъ измѣненій въ народныхъ нравахъ и обычаяхъ, описанія Марка Поло частью уже устарѣли. Къ тому-же они были слишкомъ неполны и не внушали къ себѣ особеннаго довѣрія. Во всякомъ случаѣ желательно было имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о странѣ, сношенія съ которой могли доставить Европѣ неисчислимыя выгоды.

Результаты изысканій іезуитскихъ патеровъ печатались сперва отдѣльно въ драгоцѣнномъ сборникѣ „Поучительныхъ писемъ", а затѣмъ были собраны, пересмотрѣны и дополнены однимъ изъ этихъ патеровъ—Дю-Гальдомъ. Надѣемся, что читатель не разсчитываетъ встрѣтить здѣсь выдержку изъ этого сочиненія, на которое было потрачено отцомъ Дю-Гальдомъ столько энергіи и труда. Подобное извлеченіе уже само по себѣ составило бы цѣлую книгу. Къ тому-же въ настоящее время имѣются уже о Небесной имперіи несравненно болѣе полныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ сочиненіе Дю-Гальда является первымъ дѣйствительно серьезнымъ описаніемъ Китая.

Занимаясь собираніемъ всевозможныхъ свѣдѣній относительно географіи, исторіи и этнографіи Китая, находившіеся тамъ іезуиты производили также и астрономическія наблюденія, собирали естественно-историческія коллекціи и составляли карты, которыя для нѣкоторыхъ отдаленныхъ областей Небесной имперіи были недавно еще лучшими и единственными въ своемъ родѣ.

Въ концѣ XVIII вѣка луврскій каноникъ аббатъ Грозье издалъ въ болѣе сокращенномъ видѣ новое описаніе Китая и Манджуріи. Онъ воспользовался для этого работами своего предшественника патера Дю-Гальда, которыя были исправлены имъ

по послѣднимъ свѣдѣніямъ. Въ сочиненіи этомъ послѣ обстоятельнаго описанія пятнадцати областей Китая и Китайской Манджуріи, а также вассальныхъ Китаю государствъ (Кореи, Тонкина, Кохинхины и Тибета), аббатъ Грозье посвящаетъ нѣсколько статей этнографическому и естественно-историческому обзору Небесной имперіи, а затѣмъ описываетъ форму правленія, нравы, обычаи, литературу, науки и искусства въ Китаѣ.

Въ концѣ XVIII столѣтія англійское правительство, желая вступить въ торговыя сношенія съ Китайской имперіей, отправило Джорджа Макартнея чрезвычайнымъ посломъ къ богдыхану. Этотъ дипломатъ побывалъ уже въ нѣсколькихъ европейскихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи. Занимая важные административные посты губернатора Антильскихъ острововъ, затѣмъ губернатора Мадрасскаго президентства и, наконецъ, генералъ-губернатора всей Остъ-Индіи, онъ пріобрѣлъ несравненное умѣнье обращаться съ людьми самыхъ разнообразныхъ характеровъ и темпераментовъ, угадывать скрытыя руководящія причины и сообразовать съ ними свои дѣйствія. Описаніе его путешествія содержитъ множество фактовъ и наблюденій, дозволившихъ европейцамъ составить болѣе точное понятіе о китайцахъ.

Личныя наблюденія и приключенія самого автора интересуютъ читателя гораздо болѣе, чѣмъ объективные выводы и заключенія, въ которыхъ личность наблюдателя какъ-бы стушевывается. Существуетъ французская поговорка „Le moi est haïssable (я—противно), но поговорка эта непримѣнима къ описаніямъ путешествій. Тотъ, кто можетъ сказать про себя: я былъ тамъ и видѣлъ то-то,—располагаетъ уже тѣмъ самымъ къ себѣ читателей.

Макартней и его свита отплыли изъ Портсмута 26-го декабря 1792 года съ эскадрой, состоявшей изъ трехъ судовъ: „Льва", „Индостана" и „Шакала". Эскадра эта останавливалась на пути въ Ріо-ди-Жанейро, у острововъ Св. Павла и Амстердамскаго, гдѣ встрѣтилась съ нѣсколькими судами, въ Батавіи и Бантамѣ, на островѣ Явѣ и Пуло-Кондорѣ, а затѣмъ бросила якорь въ Туронской или Хансанской бухтѣ у Кохинхинскаго прибрежья. Эта обширная бухта была кстати въ то время довольно невѣрно обозначена на картахъ. Прибытіе англійскихъ кораблей сперва было встревожило кохинхинцевъ, но когда они узнали причину, побудившую эскадру остановиться близъ Хансана, мѣстный губернаторъ тотчасъ-же послалъ къ Макартнею одного изъ высшихъ

сановниковъ съ подарками и приглашеніемъ къ обѣду. Послѣ обѣда Макартней присутствоваль на драматическомъ представленіи. Замѣчанія, которыя дѣлаетъ при этомъ Макартней по поводу нравовъ, обычаевъ и этнографическихъ особенностей кохинхинцевъ, выведены изъ слишкомъ поспѣшныхъ наблюденій для того, чтобъ могли быть достаточно точными.

Какъ только больные выздоровѣли и пополнены были запасы провизіи, англійскіе корабли вышли опять въ море. Зайдя на Разбойничьи острова, эскадра проникла затѣмъ въ Формозскій проливъ. Сильная буря заставила ее укрыться въ Чузанскомъ портѣ. Англійскіе моряки воспользовались этой стоянкой, чтобъ исправить карту архипелага и посѣтить сосѣдній городъ Тингъ-Хай. Англичане возбуждали въ туземцахъ такое-же любопытство, какое испытывали они сами при видѣ столь многихъ новыхъ предметовъ.

Городскіе дома и рынки, одежда китайцевъ и маленькія ножки китаянокъ—все это приводило англичанъ въ чрезвычайное изумленіе. Смѣемъ думать однако, что въ наше время, когда все это утратило уже прелесть новизны, будетъ представлять несравненно бóльшій интересъ замѣтка Макартнея о китайскихъ деревьяхъ-крошкахъ и о способахъ, употребляемыхъ для ихъ полученія.

„Такая миніатюрная растительность, — говоритъ Макартней,—повидимому здѣсь въ большомъ почетѣ. По крайней мѣрѣ въ богатыхъ домахъ всегда имѣется по нѣскольку образчиковъ деревьевъ-крошекъ. Здѣшніе садовники изучаютъ искусство разведенія такихъ деревьевъ. Искусство это является національнымъ китайскимъ изобрѣтеніемъ. Кромѣ удовольствія, доставляемаго побѣдой надъ природой, оно дозволяетъ держать въ обыкновенной комнатѣ растенія такихъ сортовъ, которые, при естественныхъ условіяхъ, никакимъ образомъ не могли бы тамъ помѣститься.

Способъ, употребляемый въ Китаѣ для полученія деревьевъ-крошекъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Выбравъ дерево, отъ котораго хотятъ получить отводокъ для деревца-карлика, обкладываютъ стволъ, какъ можно ближе къ мѣсту, гдѣ онъ раздѣляется на вѣтви, землей или перепрѣвшимъ навозомъ, обертываютъ все грубой пеньковой или бумажной тканью и тщательно поливаютъ водой, чтобы держать постоянно въ сырости. Бандажъ

этотъ остается на деревѣ иногда въ теченіе цѣлаго года. За это время, сквозь кору, покрытую землею, пробиваются эти корешки, осторожно отдѣляются тогда отъ штамбы вмѣстѣ съ выходящей изъ нея вѣтвью. Полученный такимъ образомъ отводокъ пересаживается въ надлежаще приготовленную землю, гдѣ корешки становятся вскорѣ настоящими корнями, а вѣтка обращается въ штамбу дерева-крошки. Вѣтка, превратившаяся въ такое деревцо, не теряетъ производительной способности, которою она обладала передъ этой операціей. Если она цвѣла и приносила плоды, то будетъ цвѣсти и приносить плоды, несмотря на то, что ее превратили въ самостоятельное маленькое растеньице. У вѣтокъ, которыя имѣется въ виду обратить въ маленькія деревца, всегда обрываютъ верхнія почки. Вмѣсто того, чтобъ расти въ длину, вѣтка эта даетъ тогда отъ себя множество боковыхъ отпрысковъ, которые образуютъ потомъ крону деревца-карлика. Китайскіе садовники умѣютъ такъ подстригать свои миніатюрныя деревца, что расположеніе ихъ вѣтвей пріобрѣтаетъ въ точности характеръ, который имѣетъ крона большихъ деревьевъ.

„Если хотятъ придать деревцу-крошкѣ видъ стараго и дряхлаго дерева, кору его смазываютъ патокой, что привлекаетъ на нее множество муравьевъ. Насѣкомыя эти не только съѣдаютъ патоку, но слегка обгладываютъ также древесную кору, которая и пріобрѣтаетъ тогда желаемый видъ“.

Выйдя изъ Чузана, англійская эскадра проникла въ Желтое море, въ которомъ до тѣхъ поръ никогда еще не появлялось европейское судно. Впадающая въ это море большая рѣка Гоанго увлекаетъ съ собою громадное количество желтоватаго ила, отъ котораго морская вода даже и на значительномъ разстояніи отъ устья этой рѣки пріобрѣтаетъ желтоватый оттѣнокъ. Англійскіе корабли бросили сперва якорь въ Тенчу-Фу, а затѣмъ вошли въ Пекинскій заливъ и остановились передъ баромъ рѣки Пей-Хо. Во время отлива глубина воды поверхъ бара составляла всего лишь какихъ-нибудь три или четыре фута, а потому пройти черезъ баръ въ самую рѣку оказалось немыслимымъ.

Вскорѣ послѣ того прибыли съ визитомъ къ Макартнею мандарины, назначенные китайскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ для встрѣчи англійскаго посла. Они поднесли Макартнею

множество подарковъ какъ отъ собственнаго имени, такъ и отъ лица китайскаго правительства. Подарки, которые Макартней привезъ изъ Европы для китайскаго императора, были уложены въ китайскія джонки, а самъ посолъ помѣстился на приготовленной для него парадной яхтѣ.

Первый изъ городовъ, въ которомъ останавливался посольскій кортежъ, поднимаясь вверхъ по теченію Пей-Хо, называется по-китайски Таку. Макартней удостоился тамъ посѣщенія мѣстнаго вице-короля и главнаго мандарина. Эти сановныя особы держали себя очень прилично и съ большимъ достоинствомъ. Они были весьма учтивы, но эта учтивость не переходила въ чрезмѣрную предупредительность и низкопоклонство, такъ часто встрѣчающіяся среди китайцевъ, принадлежащихъ къ низшимъ классамъ населенія.

„Справедливо замѣчаютъ, — говоритъ Макартней, — что народныя массы являются всегда тѣмъ, чѣмъ ихъ дѣлаетъ благодѣтельное начальство. Мы видѣли на каждомъ шагу доказательства этому въ томъ впечатлѣніи, которое производитъ на китайское простонародье страхъ, возбуждаемый тяготѣющею надъ нимъ строгой административной властью. Отъ природы веселаго и довѣрчиваго характера, они въ присутствіи правительственныхъ чиновниковъ совершенно терялись, робѣли и приходили въ крайнее смущеніе“.

Вслѣдствіе чрезвычайныхъ извилинъ Пей-Хо, посолъ и его свита подвигались къ Пекину очень медленно. По берегамъ рѣки всюду виднѣлись прекрасно воздѣланныя поля. Чистенькіе домики и цѣлыя селенія, кладбища, цѣлыя пирамиды мѣшковъ съ солью и т. п.—все это въ совокупности представляло очаровательное и весьма разнообразное зрѣлище. Съ наступленіемъ ночи на мачтахъ джонокъ и яхтъ зажигались разноцвѣтные фонари, при свѣтѣ которыхъ прибрежные пейзажи принимали необыкновенно фантастическій колоритъ.

Слѣдующая остановка была въ Тіенъ-Тзингѣ, что на китайскомъ языкѣ означаетъ небесное мѣсто. Городъ этотъ получилъ такое лестное прозвище благодаря пріятному своему климату, ясному, безоблачному небу и плодородію окрестныхъ мѣстностей. Посла встрѣтили тамъ вице-король и придворный мандаринъ, присланный самимъ богдыханомъ освѣдомиться о его здоровьѣ. Они сообщили Макартнею, что богдыханъ находится въ Манджу-

ріи въ лѣтней своей резиденціи и будетъ праздновать тамъ, 13-го сентября, день своего рожденія. Англійскому посольству приходилось поэтому плыть водою до Тонгъ-Шу—мѣстечка, лежащаго въ двѣнадцати миляхъ отъ Пекина, а оттуда уже ѣхать сухимъ путемъ въ Зе-Холь, гдѣ находился тогда богдыханъ. Подарки, предназначавшіеся для китайскаго императора, надо было тоже везти съ собой въ Зе-Холь. Макартней лично былъ очень радъ совершить путешествіе вглубь Манджуріи; но подарковъ везти съ собою сухимъ путемъ не хотѣлъ, такъ какъ они преимущественно состояли изъ инструментовъ и машинъ очень тонкой работы, которые доставлены были на корабль въ разобранномъ видѣ и очень тщательно упакованы. Придворный мандаринъ, въ свою очередь, не соглашался оставить эти произведенія европейскаго генія и искусства въ какомъ-нибудь изъ прибрежныхъ дворцовъ. Макартнею при содѣйствіи вице-короля удалось, однако, поставить на своемъ.

Рѣка Пей-Хо протекаетъ черезъ весь Тіенъ-Тзингъ, а потому англійскій посолъ и его свита могли составить себѣ обстоятельное понятіе объ этомъ городѣ. Какъ имъ показалось, онъ занималъ въ длину такое-же протяженіе, какъ Лондонъ, и содержалъ въ то время по меньшей мѣрѣ семисоттысячное населеніе. На берегу собралась громадная толпа народа посмотрѣть на посольскій кортежъ. Всѣ джонки, стоявшія на рѣкѣ, были переполнены публикой...

Дома въ городѣ построены изъ синяго кирпича,—изъ краснаго кирпича встрѣчались сравнительно рѣдко. Большинство домовъ одноэтажные, сравнительно лишь очень немногіе построены въ два этажа. Англійское посольство видѣло близъ Тіенъ-Тзинга парусныя телѣжки, существованію которыхъ европейцы долгое время не хотѣли вѣрить. Это—просторныя двойныя тачки изъ камыша съ большимъ колесомъ посерединѣ.

„Когда вѣтеръ недостаточно силенъ, чтобъ двигать эту тачку,—говоритъ Макартней,—то въ нее впрягается спереди человѣкъ, который тащитъ ее за собой, въ то время какъ другой возница или, лучше сказать, кормчій удерживаетъ ее въ равновѣсіи и подталкиваетъ сзади. При попутномъ вѣтрѣ поднимается парусъ, и тогда телѣжка сама движется впередъ очень быстро. Парусъ этотъ состоитъ изъ цыновки, привязанной къ двумъ шестамъ, прикрѣпленнымъ по бокамъ повозки“.

Для предохраненія окрестной мѣстности отъ разливовъ на берегахъ Пей-Хо устроены мѣстами гранитныя набережныя. Тамъ, гдѣ берега рѣки очень низменные, вмѣсто набережныхъ воздвигнуты настоящія гранитныя плотины со шлюзами для орошенія полей, лежащихъ ниже уровня воды въ рѣкѣ.

Вся окрестная страна была прекрасно воздѣлана, но населеніе часто голодало вслѣдствіе неурожаевъ, причиненныхъ наводненіемъ или же нашествіями саранчи.

Все это время посольство плыло по рѣкѣ Пей-Хо среди необозримой Пичилійской равнины, почва которой состоитъ вся изъ наносной формаціи. Не ранѣе какъ на четвертый день по отплытіи изъ Тіенъ-Тзинга появилась на горизонтѣ голубая черта отдаленныхъ горъ. Флотилія постепенно приближалась къ Пекину. 6-го августа 1793 года яхты посольскаго кортежа бросили якорь въ двухъ миляхъ отъ китайской столицы и въ полумилѣ отъ города Тонгъ-чу-Фу.

Надо было сойти на берегъ, чтобы сложить въ императорскомъ дворцѣ, называвшемся „Садомъ вѣчной зелени", наиболѣе хрупкіе подарки, которые казалось опаснымъ везти сухимъ путемъ въ Зе-Холь. Любопытство жителей Тонгъ-чу-Фу, столь сильно возбужденное появленіемъ англичанъ, достигло своего апогея, когда они увидѣли негра, состоявшаго въ услуженіи у англійскаго посла.

„Черная кожа моего негра, его курчавые шерстистые волосы и типическія черты лица,—говоритъ Макартней,—были въ этой части Китая еще невиданною диковинкою. Нѣкоторые изъ туземцевъ сомнѣвались въ возможности того, чтобъ подобное существо принадлежало къ человѣческой породѣ. Ребятишки кричали, что это одинъ изъ черныхъ дьяволовъ, „фанки". Добродушный видъ негра вскорѣ разубѣдилъ ихъ однако, и они продолжали глазѣть на „чернаго человѣка" уже безъ прежней робости и недовѣрія".

Англичанъ особенно удивило то, что они увидѣли на стѣнѣ афишу съ изображеніемъ луннаго затменія, долженствовавшаго случиться черезъ нѣсколько дней. Они убѣдились также, что деньги въ Китаѣ признаются тоже товаромъ. Китайцы не чеканятъ монеты, а употребляютъ вмѣсто нея серебро въ слиткахъ, на которыхъ одною буквою обозначается вѣсъ чистаго металла. Изумительное сходство обрядовъ религіи Фо съ христіанскими

религіозными обрядами тоже не ускользнуло отъ вниманія англичанъ. Макартней напоминаетъ, что нѣкоторые изъ миссіонеровъ старались объяснить это сходство предположеніемъ, будто апостолъ Ѳома проповѣдывалъ въ Китаѣ и насадилъ тамъ начатки христіанскаго ученія. Другіе-же миссіонеры, въ томъ числѣ и Преморъ, утверждаютъ, что дьяволъ хотѣлъ просто-напросто подшутить надъ іезуитами, а потому и выкинулъ такую штуку.

Чтобъ перевезти во дворецъ подарки, предназначавшіеся для богдыхана англійскимъ правительствомъ, потребовалось девяносто телѣгъ, сорокъ четыре тачки, болѣе двухсотъ человѣкъ и около трехъ тысячъ погонщиковъ. Посолъ и трое другихъ англичанъ, сопровождавшіе этотъ караванъ, сидѣли въ паланкинахъ. Другіе члены посольства, равно какъ и мандарины, ѣхали верхомъ. Громадная толпа народа тѣснилась по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой долженъ былъ проходить этотъ кортежъ. Когда Макартней прибылъ къ пекинскимъ воротамъ, ему отдали салютъ пушечными выстрѣлами. Пройдя черезъ ворота въ городской стѣнѣ, онъ очутился на широкой немощеной улицѣ, обстроенной одноэтажными и двухъэтажными домами. На этой улицѣ воздвигнута была великолѣпная тріумфальная арка съ тремя порталами, надъ которыми высились затѣйливыя, роскошно убранныя крыши.

„По поводу нашего посольства, — говоритъ Макартней, — ходили самые изумительные и невѣроятные слухи. Утверждали, будто подарки, которые мы веземъ богдыхану, состоятъ изъ предметовъ, рѣдкихъ въ другихъ странахъ и никогда еще не виданныхъ въ Китаѣ. Въ числѣ этихъ диковинокъ были также самыя необыкновенныя животныя, какъ напр. слонъ, величиной не болѣе обезьяны, но столь-же свирѣпый и кровожадный какъ левъ. Достойнымъ товарищемъ этого слона былъ пѣтухъ, питавшійся исключительно только углемъ. Китайское простонародье было глубоко убѣждено въ томъ, что въ Англіи все совершенно непохоже на то, что встрѣчается въ Срединномъ царствѣ. Предметы, сходные по наружнымъ признакамъ, должны тѣмъ болѣе отличаться внутренними своими свойствами.

Кортежъ съ подарками прибылъ наконецъ къ стѣнѣ императорскаго дворца, бросавшейся въ глаза желтымъ своимъ цвѣтомъ. Сквозь ворота видны были искусственныя горы, озера, рѣки съ

маленькими островами и фантастическія зданія, стоявшія среди деревьевъ.

Въ концѣ улицы, направлявшейся на сѣверъ и заканчивавшейся у городской стѣны, англичане могли видѣть мелькомъ большое и очень высокое строеніе въ родѣ колокольни, въ которомъ повѣшенъ былъ колоколъ громадной величины. Пройдя черезъ весь городъ, они составили о китайской столицѣ не особенно лестное мнѣніе. Они были убѣждены, что китаецъ, осмотрѣвшій Лондонъ съ его мостами, площадями, безчисленными кораблями на Темзѣ, городскими скверами, памятниками и т. п., вынесъ бы несравненно лучшее впечатлѣніе о великобританской столицѣ.

Прибывъ во дворецъ, гдѣ должно было помѣстить подарки англійскаго короля его кузену, китайскому богдыхану, мандарины освѣдомились у лорда Макартнея о томъ, какимъ именно образомъ и въ какомъ порядкѣ надо разставить и разложить эти подарки. Для нихъ отведена была большая, прекрасно убранная зала, въ которой стоялъ императорскій тронъ и находилось нѣсколько старинныхъ фарфоровыхъ вазъ.

Мы не станемъ входить въ подробности нескончаемыхъ переговоровъ между Макартнеемъ и китайскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, требовавшимъ, чтобъ англійскій посолъ, представляясь богдыхану, простерся передъ нимъ на землю. При этомъ Макартней съ изумленіемъ узналъ, что надписи на флагахъ, которые были подняты на яхтахъ и телѣгахъ посольства, означали на китайскомъ языкѣ: „посолъ, везущій дань отъ англійской земли".

Въ китайскомъ кварталѣ Пекина находится поле, которое богдыханъ, по обычаю, установленному съ незапамятныхъ временъ, засѣваетъ самъ каждую весну. Тамъ-же воздвигнутъ „Храмъ Земли", куда императоръ является во время лѣтняго солнцестоянія, чтобы воздать хвалу свѣтилу, которое освѣщаетъ міръ, и благодарить это свѣтило за блага, изливаемыя на землю.

Пекинъ, собственно говоря, только административный центръ Китайской имперіи. Тамъ нѣтъ ни порта, ни торговли, ни мануфактуръ.

Пекинское населеніе, по словамъ Макартнея, простирается до трехъ милліоновъ душъ. Дома въ городѣ по преимуществу одноэтажные, а потому, несмотря на большое протяженіе, которое

занимаетъ Пекинъ, трудно представить себѣ, чтобъ въ немъ обитало такое множество народу. Необходимо принять, однако, во вниманіе, что въ Китаѣ зачастую живетъ въ одномъ домѣ семья, состоящая изъ представителей цѣлыхъ трехъ поколѣній.

Многочисленность населенія въ Китаѣ объясняется тѣмъ, что браки заключаются тамъ въ раннемъ возрастѣ. Ранніе браки дѣтей являются со стороны родителей простою мѣрою предусмотрительности, такъ какъ, по китайскимъ законамъ, дѣти, и преимущественно сыновья, обязаны содержать родителей прилично своему состоянію.

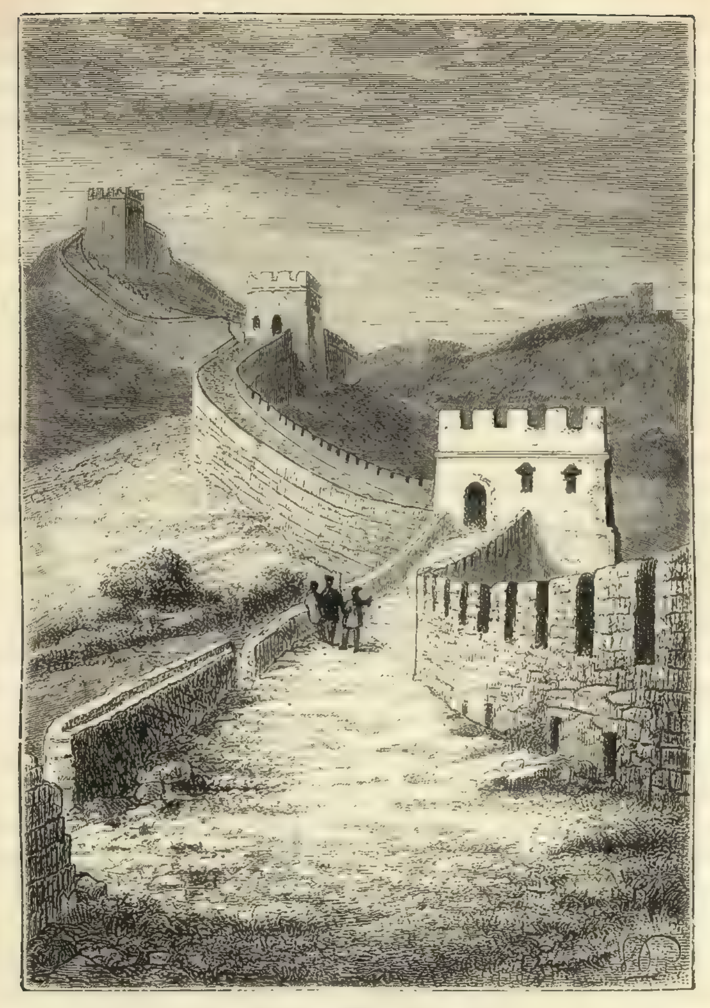
2-го сентября 1793 года англійское посольство выѣхало изъ Пекина въ Манджурію. Макартней совершилъ это путешествіе въ почтовой коляскѣ. Весьма вѣроятно, что такой экипажъ впервые лишь ѣхалъ по манджурскимъ дорогамъ.

По мѣрѣ удаленія отъ Пекина дорога идетъ все болѣе и болѣе въ гору, почва становится все болѣе песчаной и содержитъ въ себѣ уже менѣе глины и чернозема. Вскорѣ стали попадаться обширныя табачныя плантаціи. Убѣдившись, что табакъ воздѣлывается въ Китаѣ, Макартней заключилъ, что обычай куренія табаку долженъ былъ возникнуть въ Азіи совершенно самостоятельно, а не былъ занесенъ туда изъ Америки черезъ Европу.

Вмѣстѣ съ ухудшеніемъ качества почвы видимо уменьшалась также и густота населенія. Въ то-же время число манджуровъ сравнительно увеличивалось, и различіе въ нравахъ и обычаяхъ у китайцевъ и завоевателей ихъ становилось менѣе ощутительнымъ.

На пятый день англичане увидѣли пресловутую китайскую стѣну. Макартней говоритъ о ней слѣдующимъ образомъ:

„Эта укрѣпленная стѣна тянется на необозримое протяженіе, взбираясь на горные кряжи и на самыя высокія ихъ вершины, откуда она опять спускается въ глубокія долины и перекидывается на сводчатыхъ аркахъ черезъ рѣки. Во многихъ мѣстахъ воздвигнута для усиленія обороны двойная и даже тройная стѣна. На всемъ своемъ протяженіи это безпримѣрное по величинѣ укрѣпленіе снабжено башнями или большими бастіонами, находящимися въ разстояніи ста шаговъ одна отъ другой. Вообще-же китайская стѣна производитъ на человѣка, который видитъ ее впервые, впечатлѣніе въ высшей степени грандіознаго предпріятія...



Великая китайская стѣна.

„Вглядываясь пристальнѣе въ эту колоссальную постройку и размышляя о трудности, съ которою сопряжена была доставка матеріала и постройка стѣнъ въ мѣстахъ, которыя кажутся совершенно неприступными, приходишь въ еще бо́льшее изумленіе и удивленіе. Такъ, одна изъ высокихъ горъ, черезъ вершины которой проходитъ эта стѣна, имѣетъ по точному измѣренію 5225 футовъ въ вышину.

Это укрѣпленіе совершенно неправильно называютъ стѣною, такъ какъ слово стѣна не даетъ о немъ точнаго понятія. Оно тянется, какъ увѣряютъ, на полторы тысячи миль въ длину. Оно не вездѣ, впрочемъ, имѣетъ одинаковую оборонительную силу. Эта великая стѣна построена была вдоль всей пограничной черты, отдѣлявшей образованное китайское государство отъ разныхъ кочевыхъ племенъ. При нынѣшнемъ состояніи военнаго искусства участь народовъ, ведущихъ между собою войны, не можетъ уже зависѣть отъ подобныхъ искусственныхъ преградъ.

Многія небольшія укрѣпленія, служившія какъ-бы цитаделями и построенныя позади великой стѣны, начинаютъ уже обращаться въ развалины; другія же были, очевидно, исправлены, но главная стѣна почти повсемѣстно построена съ такимъ искусствомъ и тщательностью, что стоитъ почти уже около двухъ тысячъ лѣтъ безъ всякаго ремонта. Она кажется столь-же прочною и неразрушимою, какъ и оплоты изъ утесовъ, воздвигнутые самою природой между Китаемъ и Монголіей".

За великой стѣной общій характеръ мѣстности измѣнился. Сама природа указывала, повидимому, путешественникамъ, что они вступаютъ въ другую страну. Стало значительно холоднѣе, дороги сдѣлались хуже, горы имѣли сравнительно голый и обнаженный видъ. Въ долинахъ, по которымъ проѣзжалъ Макартней, попадалось много туземцевъ съ зобами. По наблюденіямъ состоявшаго при посольствѣ доктора Джиллана, болѣзнью этой страдала приблизительно шестая часть всего населенія. Манджурскіе округа, въ которыхъ очень часто встрѣчается эта болѣзнь, представляютъ въ орографическомъ отношеніи большое сходство съ нѣкоторыми округами Швейцаріи и верхней Италіи.

Англійское посольство прибыло наконецъ въ Зе-Хольскую долину, гдѣ построенъ дворецъ, служащій лѣтнею резиденціей императора. Дворецъ называется „Мѣстомъ пріятной свѣжести", а окружающій его паркъ—„Садомъ безчисленныхъ деревьевъ". Посольство было встрѣчено тамъ съ воинскими почестями при громадномъ стеченіи народа. Въ толпѣ замѣтно было много людей, одѣтыхъ въ желтое платье. Это были ламы низшихъ степеней или монахи религіозной секты Фо, къ которой принадлежитъ и самъ китайскій богдыханъ.

Происходившіе уже въ Пекинѣ переговоры по поводу того, какимъ образомъ посолъ долженъ поклониться богдыхану, возоб-

новились снова. Наконецъ Чіенъ-Лунгъ соблаговолилъ удовольствоваться тѣми самыми знаками почтенія, которые принято у англичанъ оказывать своему государю. Аудіенція у богдыхана имѣла чрезвычайно торжественный и пышный характеръ и происходила въ присутствіи множества высшихъ придворныхъ и государственныхъ чиновъ.

„Вскорѣ послѣ того какъ разсвѣло послышались звуки разныхъ музыкальныхъ инструментовъ и отдаленные возгласы, возвѣщавшіе приближеніе императора. Вслѣдъ затѣмъ появился и богдыханъ въ парадныхъ, открытыхъ носилкахъ, несомыхъ шестнадцатью тѣлохранителями. Носилки эти, внезапно показавшіяся изъ-за высокой горы, окаймленной деревьями, производили впечатлѣніе языческой религіозной процессіи, вышедшей изъ священной рощи. Передъ носилками шло нѣсколько глашатаевъ, громко восхвалявшихъ могущество и добродѣтели богдыхана. Отрядъ тѣлохранителей, придворные чины, знаменоносецъ, носитель большого императорскаго зонтика и нѣсколько музыкантовъ сопровождали китайскаго монарха. На немъ былъ темный шелковый халатъ и бархатная шапочка въ родѣ шотландскаго берета. Къ этому берету прикрѣплена была очень крупная жемчужина, являвшаяся, повидимому, единственной драгоцѣнностью, которая была на богдыханѣ“.

Войдя въ шатеръ, богдыханъ взошелъ на тронъ по переднимъ ступенькамъ, по которымъ онъ одинъ лишь имѣетъ право ходить. Великій колао (первый министръ) Го-чу-Тонгъ и двое изъ высшихъ придворныхъ сановниковъ стояли возлѣ богдыхана и преклоняли колѣна каждый разъ, когда имъ приходилось съ нимъ говорить. Когда принцы императорскаго дома, вассальные государи и высшіе государственные чины были размѣщены по рангамъ, президентъ „палаты обычаевъ“ (оберъ-церемоніймейстеръ) подвелъ лорда Макартнея къ трону съ лѣвой стороны, которая у китайцевъ признается болѣе почетной, чѣмъ правая. За посломъ слѣдовали его пажъ и переводчикъ. Рядомъ съ Макартнеемъ шелъ также и полномочный англійскій посланникъ.

Макартней, наученный оберъ-церемоніймейстеромъ, поднялъ надъ головою большую, великолѣпную золотую шкатулку, украшенную алмазами, въ которой находилось письмо англійскаго короля къ богдыхану. Держа въ обѣихъ рукахъ эту шкатулку, посолъ поднялся на нѣсколько ступенекъ, которыя ведутъ къ

трону, преклонилъ колѣно и послѣ краткаго привѣтствія передалъ шкатулку богдыхану. Милостиво принявъ шкатулку изъ рукъ посла, китайскій монархъ поставилъ ее возлѣ себя и сказалъ, что прибытіе къ нему посольства съ письмомъ и рѣдкими подарками отъ его величества великобританскаго короля очень его радуетъ, какъ доказательство уваженія и расположенія этого короля къ нему, богдыхану. Питая съ своей стороны такія-же чувства къ великобританскому государю, онъ надѣется, что между ихъ подданными будетъ всегда существовать доброе согласіе.

Поговоривъ нѣсколько минутъ съ посломъ, богдыханъ одѣлилъ его и полномочнаго англійскаго посланника разными подарками. Затѣмъ лорда Макартнея и его товарища усадили на подушки, положенныя возлѣ столовъ, на которыхъ расположены были пирамидкой чаши съ фруктами и разными яствами. Императоръ кушалъ въ это время также, неоднократно оказывая англійскимъ посламъ знаки высокаго своего вниманія и уваженія, долженствовавшіе очень поднять англичанъ въ глазахъ китайскаго народа. Послѣ того Макартней и его свита были приглашены осмотрѣть императорскіе сады. Во время прогулки тамъ англичане встрѣтили богдыхана, который, милостиво отвѣтивъ имъ на ихъ поклоны, приказалъ нѣсколькимъ придворнымъ сановникамъ, въ томъ числѣ и первому министру, считавшемуся какъ-бы вице-императоромъ, проводить иностранныхъ гостей и показать имъ достопримѣчательности садовъ лѣтней его резиденціи.

Въ сопровожденіи этихъ сановниковъ лордъ Макартней и его свита гуляли по великолѣпнымъ и обширнымъ садамъ, которые заставляли дѣйствительно удивляться искусству китайскихъ садовниковъ. Имъ не показали, впрочемъ, самой роскошной части этихъ садовъ, особо отдѣленной для дамъ императорской фамиліи. Входъ туда строго воспрещался также и самимъ китайскимъ сановникамъ.

Пройдя черезъ садъ, англійскій посолъ вступилъ въ роскошный паркъ, разбитый въ зеленѣющей равнинѣ. Деревья въ этомъ паркѣ (особенно же ивы) достигали огромной величины. Между ними росла въ изобиліи высокая, густая трава, которую никогда не косили. Въ паркѣ этомъ находилось большое озеро. Англичане и сопровождавшіе ихъ китайскіе сановники катались по этому

Колао (первый министръ) (Fac-simile съ древней гравюры).

озеру въ яхтахъ и доплывали до моста, переброшеннаго черезъ озеро въ самомъ узкомъ его мѣстѣ. За мостомъ озеро это простиралось еще на необозримое протяженіе.

Нѣсколько дней спустя, а именно 17-го сентября, Макартней и его свита присутствовали при торжественномъ выходѣ, бывшемъ при дворѣ по случаю дня рожденія богдыхана.

На другой день начались блестящія празднества, продолжавшіяся нѣсколько дней. Самъ Чіенъ-Лунгъ со всѣмъ своимъ дворомъ присутствовалъ на этихъ празднествахъ, во время которыхъ послѣдовательно выходили на сцену канатные плясуны, эквилибристы, борцы и фокусники, продѣлывавшіе самыя изумительныя штуки. Затѣмъ появились обитатели разныхъ областей Срединнаго царства въ своихъ національныхъ костюмахъ, при чемъ показывались также и замѣчательнѣйшія мѣстныя произведенія. Послѣ того данъ былъ концертъ, смѣнившійся балетомъ, а въ заключеніе сожженъ былъ фейерверкъ, показавшійся англичанамъ очень эффектнымъ, несмотря на то, что было еще совершенно свѣтло.

„Кое-что въ этомъ фейерверкѣ было для насъ совершенной новинкой, — говоритъ Макартней. — Такъ напримѣръ поднятъ былъ на значительную высоту большой ящикъ. Вдругъ у этого ящика, какъ будто нечаянно, отрывается дно; тогда изъ него высыпается разомъ множество бумажныхъ фонарей. Въ первую минуту они кажутся сложенными и совершенно сплюснутыми, но затѣмъ фонари эти мало-по-малу развертываются и отталкиваются одинъ отъ другого.

Каждый изъ нихъ принимаетъ совершенно правильную форму и тогда въ немъ неожиданно вспыхиваетъ дивно окрашенный огонекъ... Китайцы вообще обладаютъ изумительнымъ искусствомъ костюмировать огонь всякимъ фантастическимъ образомъ. Съ каждой стороны большого ящика были подняты по нѣскольку маленькихъ, которые открылись такимъ-же образомъ. Изъ нихъ падала каскадомъ цѣлая сѣть огней, блестѣвшихъ какъ полированная мѣдь и сверкавшихъ какъ молніи при каждомъ дуновеніи вѣтерка. Фейерверкъ этотъ окончился изверженіемъ искусственнаго вулкана“.

Отпраздновавъ день своего рожденія, богдыханъ обыкновенно ѣдетъ въ манджурскіе лѣса на охоту за дикими звѣрями. Преклонныя лѣта не дозволяли уже Чіенъ-Лунгу заниматься охотой, а потому онъ рѣшилъ вернуться въ Пекинъ, куда еще раньше того поѣхало англійское посольство.

Лордъ Макартней очень хорошо понималъ, что ему нельзя будетъ долго оставаться въ Китаѣ. При китайскомъ дворѣ вообще никогда не бывало постоянныхъ посольствъ. Къ тому-же всѣ расходы по содержанію англійскаго посольства уплачивались изъ

богдыханской казны, а расходы эти были довольно значительные. Лордъ Макартней намекнулъ поэтому китайскимъ сановникамъ, что англійскій король будетъ очень радъ получить возможно скорѣе отвѣтъ на письмо свое къ богдыхану. Вскорѣ послѣ того послу врученъ былъ отвѣтъ императора Чіенъ-Лунга на письмо англійскаго короля, а также подарки, предназначавшіеся королю и наконецъ подарки для него самого и для всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ его свиты. По правиламъ китайскаго церемоніала, съ полученіемъ этихъ подарковъ иностранный посолъ можетъ отправляться во-свояси.

Макартней вернулся въ Тонгъ-чу-Фу по Императорскому каналу. Англичане имѣли при этомъ случай наблюдать, какъ птицы „лейт-зе“ ловятъ рыбу для своего хозяина. Птицы эти, изъ рода баклановъ, были такъ хорошо дрессированы, что имъ не надо было даже надѣвать на шею кольцо (или веревочную петлю),— онѣ и безъ того не проглатывали пойманную рыбу, а подавали ее хозяину.

„На каждомъ плоту или лодкѣ имѣется штукъ десять или двѣнадцать баклановъ, которые ныряютъ въ воду, какъ только хозяинъ прикажетъ имъ это. Мы очень удивлялись, — говоритъ Макартней,—видя, какихъ громадныхъ рыбъ схватываютъ эти птицы своими клювами“.

Англійскій посолъ описываетъ также слѣдующій оригинальный способъ охоты за утками и другой водяной дичью. Китайцы спускаютъ на воду нѣсколько пустыхъ чановъ и бочекъ. Водяная дичь въ теченіе нѣскольких сутокъ успѣваетъ познакомиться съ этими бочками и чанами. Тогда охотникъ забирается въ особо приспособленный для этой цѣли бездонный чанъ, потихоньку подкрадывается въ этой посудинѣ къ птицамъ, хватаетъ ихъ за ноги и топитъ подъ водою. Такимъ образомъ онъ безъ шуму продолжаетъ свою охоту, пока не наполнитъ дичью цѣлый мѣшокъ. Разумѣется, что подобная охота возможна лишь тамъ, гдѣ вода доходитъ человѣку не болѣе какъ по шею.

Изъ Тонгъ-чу-Фу лордъ Макартней прибылъ сперва въ Кантонъ, а потомъ въ Макао, откуда вернулся обратно въ Англію. Мы не станемъ вдаваться въ описаніе этого обратнаго путешествія.

Перенесемся теперь въ другія азіатскія страны, въ такъ называемую „Переднюю Азію“. Первымъ путешественникомъ, о которомъ намъ придется упомянуть, будетъ Вольней.

Каждому извѣстно, по крайней мѣрѣ по наслышкѣ, сочиненіе его „О развалинахъ". Описаніе путешествія Вольнея въ Сирію и Египетъ должно быть поставлено гораздо выше этой книги. Тамъ нѣтъ и слѣдовъ напыщеннаго риторства. Немногословіе, ясность и точность изложенія дѣлаютъ описаніе этого путешествія однимъ изъ лучшихъ, самыхъ поучительныхъ сочиненій. Французская ученая экспедиція въ Египетъ нашла въ упомянутомъ сочиненіи многія драгоцѣнныя указанія, а также весьма точное описаніе климата, естественныхъ произведеній страны, нравовъ и обычаевъ туземнаго населенія.

Вольней приготовился къ этому сочиненію весьма серьезнымъ образомъ. Онъ считалъ это дѣломъ первостепенной важности и не хотѣлъ по возможности ничего предоставлять слѣпому случаю. Прибывъ въ Сирію, онъ тотчасъ-же сообразилъ, что можетъ ознакомиться съ дѣйствительною народной жизнью только въ такомъ случаѣ, когда будетъ знать туземный языкъ и будетъ въ состояніи лично собирать всѣ справки. Онъ поселился поэтому въ Маръ-Ганнскомъ монастырѣ, находящемся въ Ливанскихъ горахъ, и занялся тамъ изученіемъ арабскаго языка.

Позднѣе, чтобъ познакомиться съ жизнью племенъ, кочующихъ въ Аравійскихъ пустыняхъ, Вольней подружился съ шейхомъ одного изъ такихъ племенъ, выучился владѣть копьемъ и гарцовать на конѣ. Послѣ такой подготовки онъ былъ въ состояніи сопровождать это племя во всѣхъ его странствованіяхъ по пустынѣ. Благодаря покровительству шейха, онъ могъ осмотрѣть развалины Пальмиры и Бальбека, давно ужъ разрушенныхъ городовъ, извѣстныхъ въ то время европейцамъ только по имени.

„Стиль Вольнея,—говоритъ Сентъ-Бевъ,—замѣчателенъ точностью и мѣткостью выраженій, равно какъ отсутствіемъ громкихъ фразъ. Описывая почву Египта, Вольней въ краткихъ и ясныхъ словахъ указываетъ, чѣмъ она отличается отъ сосѣдней африканской пустыни и отъ чернаго, легкаго, жирнаго на-ощупь ила, отлагаемаго Ниломъ. Разсказывая про знойные вѣтры пустыни, онъ сравниваетъ изсушающій ихъ жаръ съ впечатлѣніемъ, которое чувствуешь, стоя у хлѣбопекарной печи, когда изъ нея вынимаютъ хлѣбы. Когда такой вѣтеръ начинаетъ дуть, воздухъ становится не то что туманнымъ, но какимъ-то сѣровато-пыльнымъ. И дѣйствительно, онъ наполненъ тогда самою мелкою пылью, которая не садится на землю, но проникаетъ повсюду.

Китайскій императоръ (Fac-simile съ древней гравюры).

Солнце сквозь эту пыльную атмосферу кажется фіолетовымъ кругомъ. Во всѣхъ этихъ описаніяхъ, которыя надо прочесть въ самой его книгѣ, Вольней достигаетъ, если можно такъ выразиться, идеальной красоты,—но красоты строгой, физической и, такъ сказать, анатомической, напоминающей стиль Гиппократа въ его „Трактатѣ о воздухѣ, землѣ и водахъ“.

Вольней не прославилъ своего имени никакимъ новымъ геогра-

фическимъ открытіемъ, но онъ является зато однимъ изъ первыхъ путешественниковъ, совершенно ясно сознавшихъ всю важность предпринятаго ими дѣла. Онъ старался воспроизвести вѣрную картину посѣщенныхъ имъ мѣстностей, а это была немаловажная заслуга въ его время, когда всякій изслѣдователь считалъ себя въ правѣ прикрасить свое повѣствованіе, даже не подозрѣвая, что совершаетъ этимъ преступленіе.

Аббатъ Бартелеми, издавшій въ 1788 году свое „Путешествіе юнаго Анахарсиса“, обладалъ большими связями и пользовался извѣстнаго рода вліяніемъ въ тогдашнемъ французскомъ обществѣ. Отчасти благодаря этому аббату Греція и прилегающія къ ней страны начали входить въ моду. Шуазель-Гуфье, подобно многимъ другимъ французскимъ сановникамъ, слушавшимъ лекціи почтеннаго аббата, пристрастился, благодаря имъ, къ исторіи и археологіи.

Назначенный французскимъ посломъ въ Константинополь, Шуазель рѣшился посвятить свои досуги изслѣдованію Греціи Гомера и Геродота въ археологическомъ и художественномъ отношеніи. Путешествіе это должно было вмѣстѣ съ тѣмъ пополнить образованіе юнаго 24-лѣтняго посланника, который, если и познавалъ себя самъ, то наврядъ-ли успѣлъ уже выучиться искусству познавать людей.

Надо полагать, что Шуазель не грѣшилъ излишней самонадѣянностью. Понимая, что самъ онъ не въ состояніи надлежащимъ образомъ выполнить предпринятый трудъ, онъ выбралъ себѣ въ помощники такихъ серьезныхъ ученыхъ и артистовъ, какъ аббатъ Бартелеми, эллинистъ Д'Ансъ де-Виллуазонъ, поэтъ Делиль, ваятель Фовель и живописецъ Касса. На самомъ дѣлѣ, участіе его въ изданіи „Живописнаго путешествія по Греціи“ ограничивалось ролью мецената.

Шуазель-Гуфье пригласилъ къ себѣ въ домашніе секретари профессора аббата Жана-Баптиста Ле-Шевалье, бойко говорившаго на языкѣ Гомера. Съѣздивъ въ Лондонъ по дѣламъ Шуазеля, Шевалье пробылъ тамъ достаточно долго, чтобы выучиться англійскому языку. Проѣздомъ черезъ Италію онъ серьезно захворалъ и долженъ былъ цѣлыхъ семь мѣсяцевъ прожить въ Венеціи. Только лишь по истеченіи этого времени могъ онъ отправиться въ Константинополь, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждалъ его Шуазель-Гуфье.

По порученію своего патрона Шевалье тщательно занялся изслѣдованіемъ вопроса—гдѣ именно находилась древняя Троя. Изучивъ въ подробности „Иліаду", Шевалье искалъ и, по его мнѣнію, нашелъ всѣ мѣстности, о которыхъ упоминается въ этой гомеровской поэмѣ. Его остроумныя историко-географическія изслѣдованія возбудили тотчасъ-же по выходѣ своемъ въ свѣтъ весьма оживленную полемику. Многіе, какъ напр. Бріанъ, относили открытія Шевалье къ области чистой фантазіи, исходя изъ положенія, что какъ сама Троя, такъ и десятилѣтняя война существовали лишь въ воображеніи воспѣвшаго ихъ поэта; другіе, преимущественно англичане, признали выводы французскаго археолога вполнѣ основательными. Мало-по-малу, однако, интересъ, возбужденный этимъ вопросомъ, ослабѣлъ и дѣло, казалось, было уже сдано въ архивъ, когда изслѣдованія и открытія Шлимана придали ему опять современный интересъ.

Гильомъ-Антуанъ Оливье, осмотрѣвшій въ концѣ прошлаго столѣтія значительную часть передней Азіи, испыталъ въ жизни большія превратности судьбы. Бертье де-Совиньи поручилъ ему составить статистическій очеркъ Парижскаго интендантскаго округа, но буря революціи унесла съ собою какъ покровителя Оливье, такъ и награду за произведенныя имъ изслѣдованія. Желая примѣнить естественно-историческія свои свѣдѣнія гдѣ-нибудь подальше отъ Парижа, Оливье выхлопоталъ себѣ у тогдашняго министра Ролана миссію въ отдаленныя и тогда еще мало извѣстныя страны Оттоманской имперіи. Въ товарищи ему былъ назначенъ естествоиспытатель Брюгьеръ.

Выѣхавъ изъ Парижа въ концѣ 1792 г., путешественники должны были прожить въ Марсели цѣлыхъ 4 мѣсяца въ ожиданіи корабля, на которомъ имъ можно было бы отправиться въ Константинополь. Лишь въ концѣ мая слѣдующаго года прибыли они въ оттоманскую столицу съ письмами и бумагами касательно ихъ командировки, адресованными на имя де-Семонвилля. Тѣмъ временемъ, однако, посолъ этотъ былъ уже отозванъ, а у его преемника де-Сентъ-Круа не было никакихъ инструкцій насчетъ этой командировки.

Пока новый посланникъ обратился въ Парижъ съ запросомъ о томъ, что ему слѣдуетъ дѣлать съ Оливье и Брюгьеромъ, ученые эти не хотѣли сидѣть сложа руки; они рѣшились поэтому посѣтить Малоазіатское прибрежье, нѣкоторые изъ остро-

вовъ Архипелага и побывать въ Египтѣ. Французскій посолъ не могъ, по различнымъ, не зависящимъ отъ него обстоятельствамъ, ссудить ихъ крупной суммой денегъ. У самихъ ученыхъ финансы тоже не находились въ особенно блестящемъ положеніи. При такихъ обстоятельствахъ поневолѣ пришлось ограничиться лишь поверхностнымъ осмотромъ этихъ, столь интересныхъ странъ.

По возвращеніи своемъ въ Константинополь Оливье и Брюгьеръ нашли тамъ уже другого посла—Вернинака; ему предписано было отправить ихъ въ Персію, съ порученіемъ возбудить у персидскаго шаха сочувствіе къ Франціи и, если можно, уговорить его къ объявленію Россіи войны.

Персія находилась тогда въ состояніи ужаснѣйшей анархіи. Похитители престола быстро смѣнялись одинъ другимъ, вслѣдствіе чего положеніе населенія было, разумѣется, самое бѣдственное. Когда Оливье и Брюгьеръ прибыли въ персидскіе предѣлы, на тронѣ Дарія и Кира возсѣдалъ Мегеметъ-ханъ, который велъ тогда въ Харассанѣ войну съ непокорными племенами. Французскимъ ученымъ предложили ѣхать къ шаху въ эту страну, въ которой не бывалъ еще ни одинъ европеецъ. Плохое состояніе здоровья Брюгьера помѣшало ему воспользоваться этимъ предложеніемъ и задержало обоихъ путешественниковъ четыре мѣсяца въ небольшой горной деревушкѣ.

Въ сентябрѣ 1796 г. Мегеметъ вернулся въ Тегеранъ. Тамъ онъ прежде всего приказалъ перерѣзать сотню русскихъ рыбаковъ, захваченныхъ у персидскаго прибрежья Каспійскаго моря. Окровавленные ихъ члены были прибиты гвоздями къ воротамъ его дворца. Эта отвратительная вывѣска была вполнѣ достойна палача, обитавшаго въ этомъ дворцѣ.

Этотъ Мегеметъ-ханъ былъ умерщвленъ въ слѣдующемъ-же году. Мѣсто Мегемета заступилъ, но не безъ борьбы, Фехтъ-Али-Шахъ.

Въ виду такой быстрой смѣны одного державца другимъ, Оливье не могъ выполнить возложеннаго на него дипломатическаго порученія. Со вступленіемъ на персидскій престолъ новаго державца приходилось каждый разъ начинать переговоры сызнова. Убѣдившись въ невозможности достигнуть какихъ бы то ни было результатовъ у такого неустойчиваго правительства, какимъ было тогда персидское, французскіе путешественники-естествоиспытатели-дипломаты сочли наиболѣе умѣстнымъ вер-

Китайскій волшебный фонарь (Fac-simile съ древней гравюры).

нуться назадъ въ Европу и отложить заключеніе союза между Франціей и Персіей до болѣе благопріятнаго времени. На обратномъ пути изъ Испагани Оливье и Брюгьеръ ѣхали черезъ Багдадъ, Алеппо, островъ Кипръ и Константинополь.

Въ чемъ-же заключались результаты столь долгаго пребыванія упомянутыхъ французскихъ ученыхъ въ Персіи? Возложенное на нихъ дипломатическое порученіе, какъ мы уже видѣли, не уда-

лось. Съ чисто-географической точки зрѣнія командировка ихъ не ознаменовалась никакими новыми открытіями и наблюденіями. Зато Кювье утверждаетъ (въ похвальномъ словѣ предмѣстнику своему въ академіи наукъ, Оливье), что эта научная экспедиція доставила много драгоцѣнныхъ данныхъ по части естественной исторіи. Надо полагать, что мнѣніе Кювье было не вполнѣ лишено основанія, такъ какъ Оливье, черезъ три мѣсяца по возвращеніи своемъ изъ Персіи, былъ избранъ въ члены академіи наукъ, на вакансію, которая открылась со смертью Добантона.

Что касается описанія этого путешествія, изданнаго въ трехъ томахъ въ четвертую долю листа, то публика, — выражаясь высспреннимъ слогомъ Кювье, — „оказала ему самый лестный пріемъ“.

„Говорятъ, что оно было бы еще пикантнѣе,—продолжалъ Кювье,—если-бъ цензура не урѣзала его столь безпощаднымъ образомъ, но въ тѣ времена администрація усматривала во всемъ намеки. Не всегда дозволялось откровенно высказывать свое мнѣніе даже и о Тамасъ-Кули-Ханѣ.

Г. Оливье, зная, что сила солому ломитъ, подчинился всѣмъ требованіямъ цензуры, вычеркнулъ изъ своей рукописи все найденное подозрительнымъ и безпрекословно ограничился простымъ, фактическимъ изложеніемъ того, что видѣлъ и наблюдалъ“.

Отъ Персіи рукой подать до Россіи. Въ XVIII вѣкѣ переходъ этотъ представлялся еще менѣе рѣзкимъ, чѣмъ въ настоящее время. Россія, собственно говоря, лишь со временъ Петра Великаго вступила въ семью европейскихъ державъ. До Петра она— въ своей исторіи, политикѣ, народныхъ нравахъ и обычаяхъ— была совершенно азіатской страной. Съ Петромъ Великимъ и Екатериной II создались въ ней болѣе удобные пути сообщенія, военный и торговый флотъ, развилась торговля, сплотились отдѣльныя племена въ одинъ великій народъ. Русское государство и безъ того уже было обширно, Петръ Великій и его преемники еще болѣе увеличили его своими завоеваніями. Не ограничиваясь этимъ, Петръ I хлопоталъ о составленіи вѣрныхъ географическихъ картъ своей имперіи и поручилъ научнымъ экспедиціямъ собирать въ разныхъ областяхъ своего царства обстоятельныя свѣдѣнія о климатѣ, естественныхъ произведеніяхъ, народныхъ нравахъ и обычаяхъ. Наконецъ, онъ отправилъ Беринга

для отысканія пути изъ Тихаго океана въ Сѣверный и такимъ образомъ содѣйствовалъ открытію Берингова пролива.

Екатерина II шла по слѣдамъ великаго преобразователя. Она привлекала въ Россію европейскихъ ученыхъ и вступила въ сношенія со всѣми писателями и философами, пользовавшимися тогда извѣстностью. Ей удалось такимъ путемъ возбудить въ Европѣ сильную агитацію въ пользу русскаго государства. Западная Европа съ интересомъ и любопытствомъ взирала на Россію. Чувствуя нарожденіе новой великой націи, не безъ тревоги помышляли о послѣдствіяхъ, которыя неизбѣжно долженствовало повлечь за собою ея вмѣшательство въ европейскія дѣла. Пруссія проявила уже свою мощь. Мечъ ея, брошенный Фридрихомъ II на вѣсы европейской политики, измѣнилъ всѣ условія политическаго равновѣсія. Между тѣмъ Россія была несравненно могущественнѣе Пруссіи какъ въ отношеніи численности населенія, такъ и вслѣдствіе громадныхъ своихъ естественныхъ богатствъ, бывшихъ тогда еще недостаточно изслѣдованными и мало извѣстными.

Всѣ сочиненія, относящіяся до Россіи, съ жадностью читались поэтому и политическими дѣятелями, и людьми, интересующимися судьбами своего отечества, и, наконецъ, даже помимо всякихъ политическихъ соображеній, всѣми, кому нравилось описаніе нравовъ и обычаевъ страны, столь много отличавшейся отъ остальной Европы.

Первое мѣсто въ числѣ такихъ сочиненій занимаетъ обширный трудъ естествоиспытателя Палласа „Путешествіе по многимъ областямъ Русской имперіи“, переведенный въ 1788—93 годахъ на французскій языкъ. Оно имѣло чрезвычайный успѣхъ, который, слѣдуетъ оговориться, былъ совершенно заслуженнымъ.

Германскій естествоиспытатель Петръ-Симонъ Палласъ былъ приглашенъ въ 1768 году императрицей Екатериной въ Петербургъ, гдѣ былъ причисленъ къ академіи наукъ и осыпанъ монаршими милостями. Чтобъ отблагодарить пріемное свое отечество, Палласъ занялся изслѣдованіями привезенныхъ изъ Сибири останковъ ископаемыхъ животныхъ. Результаты этихъ изслѣдованій были изложены въ обнародованной имъ запискѣ. Въ это время отправлены были изъ Англіи и Франціи научныя экспедиціи, чтобъ наблюдать прохожденіе Венеры черезъ солнце. Русское правительство, не желая отставать отъ этихъ державъ, коман-

дировало съ этою же цѣлью въ Сибирь нѣсколькихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Палласа.

Семь астрономовъ и геометровъ, пять естествоиспытателей и нѣсколько студентовъ должны были осмотрѣть во всѣхъ направленіяхъ эту громадную страну. Въ продолженіе цѣлыхъ шести лѣтъ Палласъ, съ свойственной ему неутомимой энергіей, производилъ свои изслѣдованія въ Оренбургѣ, на берегахъ Яика (нынѣшняго Урала), куда стекались орды кочевниковъ, скитающихся на прибрежныхъ солончакахъ Каспійскаго моря; въ Гурьевѣ, на самомъ берегу этого моря, или, лучше сказать, большого озера, съ каждымъ днемъ высыхающаго болѣе и болѣе; въ Тобольскѣ, столицѣ тогдашней Сибири; въ Колыванской губерніи, на сѣверномъ склонѣ Алтая; въ Красноярскѣ, на Енисеѣ; на берегахъ Байкальскаго озера и въ пограничной съ Китаемъ Дауріи. Затѣмъ послѣдовательно онъ избиралъ цѣлью своихъ изслѣдованій Астрахань, Кавказъ, населенный столь интересными разноплеменными народностями, и, наконецъ, прибрежья Дона, послѣ чего, 30-го іюля 1774 года, вернулся въ Петербургъ.

Палласа не слѣдуетъ причислять къ обыкновеннымъ путешественникамъ. Онъ путешествовалъ не только въ качествѣ естествоиспытателя. Прежде всего онъ человѣкъ, которому ничто человѣческое не чуждо. Его въ одинаковой степени интересовали географія, исторія, политика, торговля, религія, искусства и науки. Читая описаніе его путешествія, нельзя не удивляться обширности и разнообразію его свѣдѣній, высокому его чувству любви къ Россіи, ставшей для него второю родиной, и мудрости императрицы Екатерины II, сумѣвшей пріобрѣсти для Россіи такого полезнаго дѣятеля.

Приведя въ порядокъ свои замѣтки и выпустивъ въ свѣтъ описаніе своего путешествія, Палласъ не думалъ отдыхать на лаврахъ и упиваться ѳиміамомъ заслуженной имъ славы. Онъ чувствовалъ неудержимое стремленіе къ труду, а потому принялъ дѣятельное участіе въ подготовительныхъ геодезическихъ работахъ, необходимыхъ для составленія проектировавшейся тогда карты Россійской имперіи.

Вскорѣ послѣ того онъ съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ спеціально занялся ботаникой, и сочиненіе его по этой наукѣ доставило ему почетное мѣсто въ ряду замѣчательнѣйшихъ русскихъ естествоиспытателей.

Птицы «лейт-зс».

Однимъ изъ послѣднихъ его научныхъ трудовъ было описаніе южной Россіи—„Tableau physique et topographique de la Tauride“ (Физическая картина Крыма). Сочиненіе это было издано сперва на французскомъ языкѣ, а потомъ уже переведено на нѣмецкій и русскій. Палласу такъ понравился Крымъ, посѣщенный имъ въ 1793 и 94 годахъ, что онъ высказалъ желаніе тамъ поселиться. Императрица, узнавъ объ этомъ желаніи, пожаловала

тамъ знаменитому ученому обширныя помѣстья, принадлежавшія казнѣ, и Палласъ переѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ на жительство въ Симферополь.

Онъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы совершить новое путешествіе въ южныхъ губерніяхъ, въ Приволжскихъ степяхъ и въ странахъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю, изслѣдованныхъ имъ до самаго Кавказскаго хребта. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изъѣздилъ Таврическій полуостровъ по всѣмъ направленіямъ.

Часть этихъ странъ была осмотрѣна Палласомъ уже лѣтъ за 20 передъ тѣмъ. Онъ убѣдился, что за этотъ періодъ времени тамъ произошли значительныя измѣненія. Палласъ жалуется на неразсчетливое истребленіе лѣсовъ, но тѣмъ не менѣе признаетъ, что во многихъ мѣстностяхъ земледѣліе сильно подвинулось впередъ, что создались новые фабричные и торговые центры, короче сказать—онъ убѣдился, что южная Россія быстро шла по пути прогресса. Даже и въ Крыму, завоеванномъ сравнительно еще недавно, общее экономическое положеніе замѣтно улучшилось. По мнѣнію Палласа, полуостровъ въ непродолжительномъ времени долженъ былъ достигнуть высокой степени благоденствія.

Восторженному, добродушному ученому пришлось вынести отъ татаръ въ крымскихъ своихъ помѣстьяхъ много непріятностей. Это ему такъ надоѣло, что по смерти своей жены онъ уѣхалъ оттуда въ Германію и прожилъ остатокъ своихъ дней въ Берлинѣ. Онъ скончался тамъ 8-го сентября 1811 года.

Палласъ оставилъ послѣ себя два капитальныхъ сочиненія, въ которыхъ географы, государственные дѣятели, естествоиспытатели и торговцы могли обильно черпать обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ еще тогда странахъ, естественныя произведенія и потребности которыхъ должны были существенно измѣнить экономическія условія европейскихъ рынковъ.

ГЛАВА IV.

Америка сѣверная и южная.

Западно-американское прибрежье.—Хуанъ де-Фука и адмиралъ де-Фонте.— Три путешествія Беринга и Ванкувера. — Изслѣдованіе пролива Фука. — Нанесеніе на карту архипелага Новой Георгіи съ частью американскаго прибрежья. — Путешествія внутрь Американскаго материка. — Самюэль Гирнъ.—Открытіе Мѣдной рѣки.—Мекензи и рѣка его имени.—Рѣка Фразера. — Южная Америка. — Ла-Кондаминъ изслѣдуетъ Амазонку. — Путешествіе Александра Гумбольдта и Бонплана. — Островъ Тенерифъ. — Пещера Гуачеро.—Льяносы.—Электрическіе угри.—Амазонка.—Ріо-Негро и Ореноко.—Землеѣды.—Результаты путешествія.—Второе путешествіе Гумбольдта.—Сопки (Volcanitos). — Теквендамскій водопадъ. — Мосты Икононцо. — Квиндійскій перевалъ и своеобразныя носилки. — Квито и Пичинха.—Восхожденіе на Чимборазо.—Авды.—Лима.— Прохожденіе Меркурія черезъ солнце.—Путешествія по Мексикѣ. — Мехико. — Пуэбла и Кофре де-Пероте.—Возвращеніе въ Европу.

Намъ неоднократно уже приходилось упоминать о путешествіяхъ, имѣвшихъ цѣлью изслѣдованіе американскаго прибрежья. Мы говорили уже о смѣлыхъ предпріятіяхъ Фердинанда Кортеса, о морскихъ набѣгахъ и путешествіяхъ Дрэка, Кука, Ла-Перуза и Маршана. Необходимо, однако, вернуться на нѣкоторое время назадъ и, пользуясь очеркомъ Флерье, сдѣлать бѣглый обзоръ путешествій къ западно-американскому прибрежью съ самыхъ отдаленныхъ временъ и до конца XVIII столѣтія.

Въ 1537 году Кортесъ съ Францискомъ Уллоа осмотрѣлъ большой Калифорнскій полуостровъ и значительную часть длиннаго, узкаго залива, называющагося теперь Багрянымъ моремъ.

Послѣ того Васкецъ Коронадо пытался сухимъ путемъ достигнуть пресловутаго Аніанскаго пролива, соединяющаго будто-бы Тихій океанъ съ Атлантическимъ. Франциско Аларконъ стремился къ этому-же проливу моремъ вдоль берега, но оба они поднялись къ сѣверу лишь до 36° сѣверной широты.

Два года спустя, а именно въ 1542 году, португалецъ Родригесъ де-Кабрильо доходилъ со своимъ кораблемъ вдоль этого-же прибрежья до 44° сѣверной широты. Холодъ, болѣзни, недостатокъ провіанта и плохое состояніе корабля заставили его вернуться назадъ. Онъ не сдѣлалъ, правда, никакихъ новыхъ открытій, но зато убѣдился, что отъ бухты Рождества Богоматери, лежащей подъ 19°45′ сѣверной широты, до конечнаго пункта его изслѣдованій—американскій берегъ тянется безъ вся-

кихъ перерывовъ. Таинственный проливъ какъ будто умышленно отступалъ передъ изслѣдователями все далѣе и далѣе къ сѣверу.

Надо полагать, что малоуспѣшность этихъ попытокъ отбила у испанцевъ всякую къ нимъ охоту. По крайней мѣрѣ, съ этихъ поръ мы не встрѣчаемъ уже испанскихъ мореплавателей въ числѣ изслѣдователей западно-американскаго прибрежья. Вмѣсто нихъ мы видимъ англичанина Дрэка, который, идя вдоль этого прибрежья съ самаго Магелланова пролива и опустошивъ тамъ испанскія колоніи, достигъ до 48° сѣверной широты и затѣмъ, повернувъ къ югу, тщательно осмотрѣлъ берегъ на протяженіи цѣлыхъ 10°. Эта громадная прибрежная полоса названа была Новымъ Альбіономъ.

Затѣмъ надо упомянуть о состоявшемся въ 1592 году путешествіи Хуана Фуки, отличающемся чрезвычайной неправдоподобностью. Фука утверждалъ, будто ему удалось открыть Аніанскій проливъ, котораго тщетно искали всѣ его предшественники, тогда какъ въ дѣйствительности найденный имъ проливъ отдѣляетъ лишь островъ Ванкуверъ отъ Американскаго материка.

Въ 1602 году Вискайно осмотрѣлъ въ Калифорніи Монтерейскій портъ и основалъ на берегу маленькое поселеніе. Черезъ 40 лѣтъ послѣ того отправилась отыскивать Аніанскій проливъ экспедиція подъ начальствомъ адмирала де-Фуэнте или де-Фонте— смотря по тому, признавать его испанцемъ или португальцемъ. Описаніе этой экспедиціи представляетъ собою смѣсь дѣйствительныхъ фактовъ съ фантастическими измышленіями. Она подала поводъ къ множеству ученыхъ диссертацій и остроумныхъ полемическихъ статей. Де-Фонте открылъ архипелагъ св. Лазаря, лежащій къ сѣверу отъ острова Ванкувера. Но всѣ разсказы почтеннаго адмирала о посѣщенныхъ имъ озерахъ и большихъ городахъ, равно какъ и объ открытіи имъ пролива, соединяющаго Тихій океанъ съ Атлантическимъ — слѣдуетъ отнести къ области чистаго вымысла.

Въ XVIII столѣтіи разсказы путешественниковъ не принимались уже безусловно на вѣру. Ихъ разбирали, такъ сказать, по ниточкѣ, провѣряли самымъ тщательнымъ образомъ и сохраняли изъ нихъ только то, что согласовалось съ предшествовавшими достовѣрными изслѣдованіями. Бюашъ, Делиль и въ особенности Флерье были первыми піонерами на столь важномъ въ научномъ

отношеніи пути исторической критики и пріобрѣли себѣ этимъ право на вѣчную благодарность потомства.

Мы уже упоминали, что въ Россіи производились въ XVIII столѣтіи обширныя географическія изслѣдованія и еще болѣе обширныя рекогносцировки. Можно было предвидѣть, что въ непродолжительномъ времени казаки, служившіе передовыми постами русскаго владычества, достигнутъ береговъ Америки. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ то время существовало предположеніе, будто оба эти материка соединяются на сѣверѣ перешейкомъ. Во всякомъ случаѣ такія рекогносцировки не могли сами по себѣ имѣть серьезнаго научнаго значенія.

За нѣсколько лѣтъ до своей кончины императоръ Петръ I собственноручно составилъ подробный проектъ давно уже задуманнаго имъ путешествія, долженствовавшаго рѣшить весьма важный вопросъ о томъ—соединяются-ли Азія и Америка вмѣстѣ или же, напротивъ того, онѣ отдѣлены другъ отъ друга проливомъ. Въ Камчатскихъ портахъ и арсеналахъ нельзя было снарядить такую экспедицію. Надо было предварительно доставить въ Камчатку изъ Европы капитановъ, матросовъ, провіантъ и т. п.

Начальство надъ экспедиціей поручено было датчанину Виту Берингу и русскому—Алексѣю Чирикову. Оба они неоднократно уже имѣли случай заявить себя искусными и опытными моряками. Имъ ввѣрена была эскадра изъ двухъ кораблей, построенныхъ въ самой Камчаткѣ. Экспедиція эта въ состояніи была выйти въ море лишь 20-го іюля 1720 года. Берингъ направился къ сѣверовостоку и держался все время вдоль береговъ Азіи, не теряя ихъ изъ виду, пока не достигъ 15-го августа подъ 67°18′ сѣверной широты мыса, за которымъ азіатскій берегъ поворачивалъ прямо къ западу.

Въ это первое свое путешествіе Берингъ не видалъ американскаго прибрежья, хотя онъ, самъ того не замѣчая, прошелъ черезъ проливъ, который потомство назвало его именемъ. Баснословный Аніанскій проливъ уступилъ свое мѣсто на картахъ существующему въ дѣйствительности Берингову проливу.

Второе путешествіе, предпринятое въ слѣдующемъ году тѣми-же изслѣдователями, осталось безъ результатовъ. Берингу и Чирикову удалось предпринять третье путешествіе лишь въ 1741 году. На этотъ разъ они вышли въ море 4-го іюня, т. е. шестью недѣлями раньше, чѣмъ въ первое свое путешествіе. Имѣлось въ

виду, достигнувъ 50° сѣверной широты, идти къ востоку до встрѣчи съ американскимъ прибрежьемъ, а затѣмъ слѣдовать вдоль этого прибрежья къ сѣверу. Оба корабля сперва держались вмѣстѣ, но 20-го іюня, во время налетѣвшаго на нихъ шквала, потеряли другъ друга изъ виду и никогда уже болѣе не встрѣчались. Берингъ 18-го іюля достигъ Американскаго материка подъ 58°28′ сѣверной широты. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ производилъ гидрографическую съемку большой бухты, лежащей между мысами св. Ильи и св. Гермогена.

Въ продолженіе всего августа мѣсяца Берингъ держался среди острововъ, окаймляющихъ полуостровъ Аляску, при чемъ нанесъ на карту острова Шумягина. До 24-го сентября онъ, несмотря на противные вѣтры, съ которыми постоянно приходилось бороться, осмотрѣлъ оконечность этого полуострова и открылъ многіе изъ Алеутскихъ острововъ.

Изнуренный продолжительной болѣзнью, мореплаватель этотъ вскорѣ былъ уже не въ состояніи вставать съ постели и опредѣлить положеніе корабля, который, наконецъ, сталъ на мель подлѣ небольшого острова, названнаго потомъ Беринговымъ островомъ. Этотъ искусный и мужественный изслѣдователь скончался 8-го декабря 1741 года во время зимовки на упомянутомъ безплодномъ островѣ.

Съ наступленіемъ весны экипажъ его корабля, численность котораго уменьшилась вслѣдствіе трудовъ и лишеній, съ которыми сопряжена была эта зимовка, построилъ изъ остатковъ судна большую лодку и вернулся на ней въ Камчатку.

Чириковъ, тщетно прождавъ Беринга до 25-го іюня, рѣшился, наконецъ, идти безъ него къ берегамъ Америки, которыхъ и достигъ между 55° и 56°. Онъ отправилъ обѣ свои шлюпки, чтобы осмотрѣть берегъ и отыскать удобную якорную стоянку, но обѣ эти шлюпки пропали безъ вѣсти со всѣми находившимися на нихъ матросами. У Чирикова не осталось никакой лодки, на которой можно было бы въ случаѣ надобности съѣхать на берегъ. При такихъ обстоятельствахъ пришлось поневолѣ отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій и вернуться назадъ въ Камчатку.

Во всякомъ случаѣ путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій былъ проложенъ. Искатели приключеній, торговцы, звѣропромышленники и моряки устремились къ сѣверо-западной окраинѣ амери-

канскаго материка. Они открыли многіе изъ Алеутскихъ островов и обстоятельно изслѣдовали полуостровъ Аляску.

Видя, что Англія продолжаетъ посылать экспедиціи для изслѣдованія западно-американскаго прибрежья, а Россія утверждаетъ уже свое владычество на сѣверо-западной оконечности Америки, испанское правительство стало опасаться, чтобы какая-либо изъ этихъ державъ не заняла Калифорнію. Страна эта хотя и считалась принадлежащей испанцамъ, но у нихъ не было тамъ никакихъ поселеній.

При такихъ обстоятельствахъ мексиканскій вице-король, маркизъ де-Круа, вспомнилъ о Монтерейскомъ портѣ, на берегахъ котораго Вискайно основалъ небольшое поселеніе (вскорѣ совершенно заброшенное), и рѣшился возобновить это поселеніе, учредивъ тамъ президію. Двѣ экспедиціи, отправленныя одновременно—одна, подъ начальствомъ дона Гаспарта де-Портолы, по сухому, а другая, состоявшая изъ кораблей „Санъ-Карлосъ" и „Санта-Анна", моремъ, — вышли 10-го января 1769 года изъ Ла-Паса, прибыли въ портъ Санъ-Діего и, проискавъ цѣлый годъ, нашли, наконецъ, указанный Вискайно Монтерейскій портъ.

Послѣ этой экспедиціи испанцы дѣятельно занялись изслѣдованіемъ калифорнскаго прибрежья. Изъ путешествій, совершенныхъ съ этой цѣлью, особенно замѣчательны путешествія дона Хуана де-Айалы и Ла-Бодеги, предпринятыя въ 1775 году. Во время этихъ путешествій были осмотрѣны и нанесены на карту мысъ дель-Энгано и Гвадалупская бухта. Нѣкоторый интересъ представляютъ также экспедиціи Артиги и Морельи.

Мы уже говорили объ изслѣдованіяхъ Кука, Ла-Перуза и Маршана. Намъ остается теперь разсказать лишь про путешествіе Ванкувера. Совершенно естественно было назначить этого искуснаго моряка, сопровождавшаго капитана Кука во второмъ и въ третьемъ кругосвѣтномъ путешествіи, начальникомъ экспедиціи, которую англійское правительство посылало къ американскому прибрежью для улаженія недоразумѣній съ испанцами по вопросу о Нуткинской бухтѣ.

Джорджу Ванкуверу было поручено добиться отъ испанскихъ властей формальной уступки этой бухты, имѣвшей тогда важное значеніе для торговли пушнымъ товаромъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ снять на карту все американское прибрежье съ 30° сѣверной широты и до рѣки Кука, устье которой лежитъ подъ 61° сѣ-

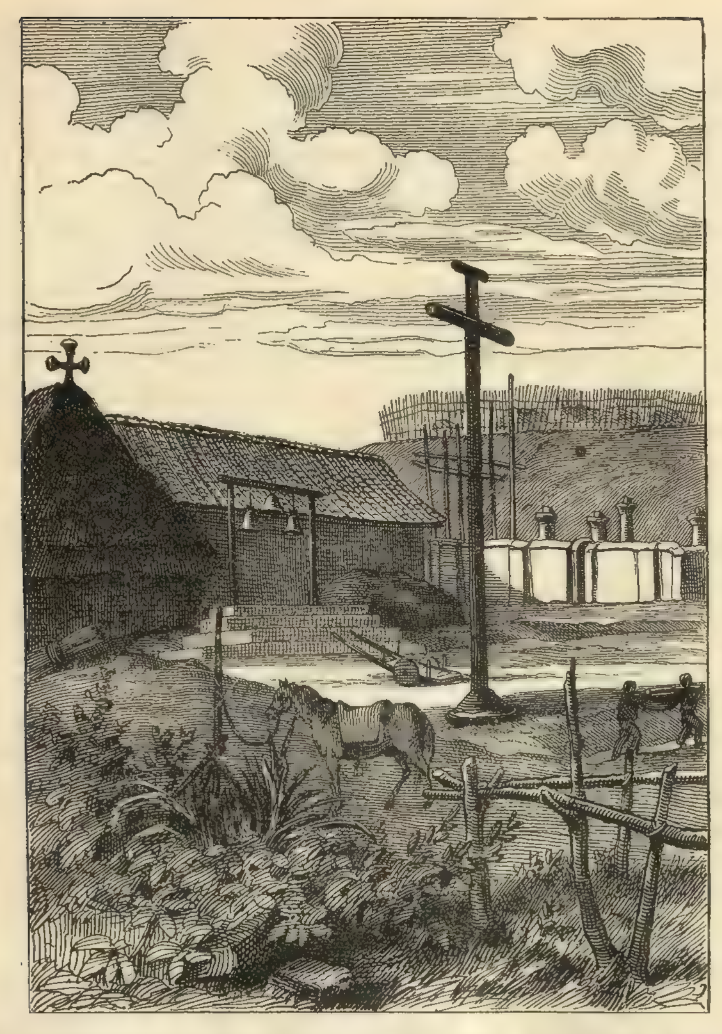
верной широты. Въ инструкціяхъ, данныхъ Ванкуверу, предлагалось обратить особенное вниманіе на проливъ Фуки и бухту, осмотрѣнную въ 1789 году кораблемъ „Вашингтонъ“.

Два корабля—„Открытіе“ въ 340 тоннъ и „Чатамъ“ въ 135 тоннъ водоизмѣщенія — отплыли подъ начальствомъ Ванкувера 1-го апрѣля 1791 года изъ Фальмута. Самъ Ванкуверъ находился на „Открытіи“, а „Чатамомъ“ командовалъ капитанъ Броутонъ.

Послѣ двухъ кратковременныхъ стоянокъ близъ острова Тенерифа и въ бухтѣ Симона Ванкуверъ прибылъ къ мысу Доброй Надежды. Оттуда онъ пошелъ къ югу, усмотрѣлъ островъ Св. Павла и направился къ Новой Голландіи, держась въ неизслѣдованной еще промежуточной полосѣ между путями Дампьера и Маріона. 27-го сентября усмотрѣна была часть Ново Голландскаго берега, заканчивающаяся высокимъ скалистымъ мысомъ, названнымъ мысомъ Чатама. Нѣкоторые изъ матросовъ Ванкувера страдали кровавымъ поносомъ, а потому рѣшено было бросить якорь въ первой же бухтѣ, гдѣ представится возможность запастись прѣсной водой, дровами, а въ особенности свѣжей провизіей, въ которой англійскіе корабли терпѣли большой недостатокъ. „Открытіе“ и „Чатамъ“ остановились, вслѣдствіе этого, въ портѣ Короля Георга III. Ванкуверъ нашелъ тамъ множество утокъ, караваекъ, лебедей, рыбы и устрицъ, но ему не удалось вступить въ сношенія съ туземцами, хотя по сосѣдству и оказалось недавно лишь покинутое селеніе, состоявшее изъ двухъ десятковъ шалашей.

Плаваніе эскадры Ванкувера вдоль юго-западнаго австралійскаго прибрежья не представляетъ для нашихъ читателей ничего новаго или особенно интереснаго.

26-го октября англійскіе корабли обогнули Ванъ-Дименову Землю, а 2-го ноября усмотрѣнъ былъ берегъ Новой Зеландіи. „Открытіе“ и „Чатамъ“ стали на якорь въ Мрачной бухтѣ. Ванкуверъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы закончить гидрографическую съемку этой бухты, начатую еще Кукомъ. Вскорѣ послѣ того „Открытіе“ во время урагана потеряло „Чатамъ“ изъ виду и встрѣтилось съ нимъ лишь въ Матавайскомъ портѣ, на островѣ Таити. На пути отъ Новой Зеландіи къ этому острову Ванкуверъ открылъ нѣсколько низменныхъ утесистыхъ острововъ, которые и были названы „Западней“. Кромѣ того былъ усмотрѣнъ болѣе обширный островъ Опарра. Капитанъ Броутонъ, съ своей стороны, открылъ островъ Чатамъ, лежащій къ востоку



Миссія Санъ-Карлоса близъ Монтерея (Fac-simile съ древней гравюры).

отъ Новой Зеландіи. Пребываніе Ванкувера на Таити, вообще говоря, напоминаетъ стоянку тамъ Кука, а потому не стóитъ описывать его въ подробности.

24-го января 1792 года англійскіе корабли отплыли къ Сандвичевымъ островамъ и останавливались на короткое время у острововъ Гаваи, Ваогу и Аттаваи. Положеніе дѣлъ на этомъ

архипелагѣ, со времени убійства тамъ Кука, значительно измѣнилось. Англійскіе и американскіе китоловы и торговцы пушными товарами, пристававшіе къ Гавайскимъ островамъ, пріучили туземцевъ къ водкѣ и къ употребленію огнестрѣльнаго оружія. Распри между второстепенными вождями сдѣлались значительно чаще прежняго, повсюду установилось полнѣйшее безначаліе. Вмѣстѣ съ тѣмъ численность островитянъ стала значительно уменьшаться.

17-го марта 1792 года Ванкуверъ покинулъ Сандвичевы острова и направился къ Американскому материку. Вскорѣ усмотрѣна была часть прибрежья этого материка, которую Дрэкъ назвалъ Новымъ Альбіономъ. Ванкуверъ встрѣтился тамъ съ капитаномъ Греемъ, про котораго утверждали, будто онъ на „Вашингтонѣ" проникъ въ проливъ Фуки и усмотрѣлъ за этимъ проливомъ обширное открытое море. Грей поспѣшилъ опровергнуть эти ложные слухи и заявилъ, что прошелъ лишь пятьдесятъ миль по упомянутому проливу и достигъ до мыса, начиная съ котораго онъ, по словамъ туземцевъ, поворачиваетъ къ сѣверу, вмѣсто того чтобъ идти въ прежнемъ направленіи съ запада на востокъ.

Ванкуверъ, войдя въ свою очередь въ проливъ Фуки, осмотрѣлъ тамъ и нанесъ на карту портъ Открытія, каналъ Адмиралтейства, Березовую бухту, каналъ Отчаянія, проливъ Джонстона и архипелагъ Броутона. Англійская эскадра встрѣтилась въ этомъ проливѣ съ небольшими испанскими судами подъ начальствомъ капитана Квадры. Ванкуверъ и Квадра сообщили другъ другу результаты произведенныхъ ими гидрографическихъ съемокъ и назвали сообща своими именами главный изъ многочисленныхъ островов архипелага, обозначеннаго на картахъ подъ именемъ Новой Георгіи.

Посѣтивъ затѣмъ Нуткинскій проливъ и устье рѣки Колумбіи, Ванкуверъ зашелъ въ Санъ-Франциско. Мы, разумѣется, не можемъ обстоятельно слѣдить за всѣми подробностями изслѣдованій, на которыя Ванкуверу пришлось посвятить послѣдовательно три кампаніи. Западно-американское прибрежье, на громадномъ протяженіи отъ мыса Мендоцино до порта Заключенія, лежащаго подъ 56°14 сѣверной широты и 25°37′ восточной долготы, было тщательно осмотрѣно англійскими кораблями.

„Теперь, по достиженіи главной цѣли, которую имѣлъ въ виду его величество король, посылая насъ въ эту экспедицію, я

надѣюсь,—говоритъ Ванкуверъ,—что произведенное нами весьма тщательное изслѣдованіе сѣверо-западнаго берега Америки разсѣетъ всѣ сомнѣнія и ложные взгляды касательно предполагаемаго сѣверо-западнаго между-океанскаго пролива. Мы положительно доказали, что на осмотрѣнномъ нами протяженіе прибрежья нѣтъ никакого сообщенія между сѣверной частью Тихаго океана и внутренностью американскаго материка".

Возвращаясь изъ Нуткинскаго пролива въ Европу, Ванкуверъ хотѣлъ осмотрѣть также и часть южно-американскаго прибрежья. На пути онъ останавливался у Кокосоваго острова и удостовѣрился, что этотъ небольшой островокъ, собственно говоря, незаслуженно носитъ свое прозвище. Посѣтивъ затѣмъ Вальпарайзо, англійскіе корабли обогнули мысъ Горнъ, запаслись свѣжей прѣсной водой на островѣ Св. Елены и вернулись, наконецъ, 12-го сентября 1795 года, въ устье Темзы.

Трудности этого долгаго путешествія настолько разстроили здоровье Ванкувера, что онъ послѣ того не могъ уже поправиться. Этотъ искусный изслѣдователь умеръ въ маѣ мѣсяцѣ 1798 года, не успѣвъ приготовить къ печати описаніе своего путешествія. Трудъ этотъ былъ законченъ братомъ Ванкувера.

Въ продолженіе четырехлѣтней кампаніи „Открытія" и „Чатама" снято было на карту 9000 миль неизвѣстнаго до тѣхъ поръ прибрежья. Несмотря на трудности, сопряженныя съ такою съемкой, англійскіе корабли лишились за это время всего лишь двухъ человѣкъ изъ своего экипажа. Очевидно, что Ванкуверъ и тутъ показалъ себя достойнымъ ученикомъ капитана Кука. Не знаешь, чему болѣе удивляться — отеческой-ли заботливости Ванкувера о матросахъ и человѣколюбивому его обхожденію съ туземцами, или же выказанному имъ въ это путешествіе замѣчательному искусству, поставившему его наряду съ лучшими мореплавателями-географами.

Въ то время какъ смѣлые моряки занимались изслѣдованіемъ западно-американскаго прибрежья, колонисты Новаго Свѣта тоже не сидѣли сложа руки. Поселившись сперва по берегамъ Атлантическаго океана, они основали цѣлый рядъ штатовъ, тянувшійся къ сѣверу до самой Канады, и вскорѣ стали углубляться болѣе и болѣе внутрь страны. Ихъ охотники и трапперы убѣдились въ существованіи громадныхъ пространствъ земли, годныхъ для обработки, и служили какъ-бы передовыми отрядами, за кото-

рыми подвигалась армія поселенцевъ. Понятно, что такое поступательное движеніе къ западу не могло совершаться безъ упорной борьбы съ индѣйцами, прежними хозяевами страны. Въ борьбѣ этой перевѣсъ оставался, въ концѣ концовъ, всегда на сторонѣ поселенцевъ, передъ которыми краснокожіе должны были постепенно отодвигаться вглубь американскаго материка, уступая бѣлолицымъ заповѣдные свои охотничьи луга и дубравы. Привлекаемые плодородіемъ дѣвственной почвы и привольной жизнью въ новыхъ поселеніяхъ, колонисты прибывали изъ Европы съ каждымъ годомъ въ бо́льшемъ и бо́льшемъ количествѣ.

Численность ихъ такъ возрастала, что, уже въ концѣ XVII столѣтія, наслѣдники лорда Балтимора ежегодно выручали отъ продажи своихъ земель до трехъ тясячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ половинѣ слѣдующаго затѣмъ XVIII столѣтія, въ 1750 году, наслѣдники Уильяма Пенна получили изъ того-же источника вдесятеро бо̀льшій доходъ. Несмотря на все это, въ Америкѣ чувствовался еще такой недостатокъ въ людяхъ, что туда начали ссылать преступниковъ. Въ Мэрилендѣ было въ 1750 году около 2000 ссыльныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно вербовали въ Европѣ эмигрантовъ, обязывая ихъ контрактами, при заключеніи которыхъ агенты-вербовщики нерѣдко кривили душой, что́ подавало впослѣдствіи поводъ къ справедливымъ жалобамъ и пререканіямъ.

Далеко еще не всѣ купленныя или отнятыя у туземцевъ земли были заняты, но англійскіе колонисты все-таки подвигались далѣе впередъ, не обращая особеннаго вниманія на право законныхъ обладателей почвы.

На сѣверѣ компанія Гудсонскаго залива, владѣя монополіей торговли пушными товарами, постоянно старалась пріобрѣтать себѣ для охоты новыя территоріи, по мѣрѣ того какъ прежнія территоріи истощались. Выдвигая передъ своими постами цѣпь трапперовъ, привлекала къ себѣ въ службу индѣйцевъ, поила ихъ водкой до-пьяна и получала отъ нихъ зачастую очень полезныя для себя свѣдѣнія. Такъ между прочимъ она узнала о существованіи рѣки, впадавшей въ Сѣверный океанъ и протекавшей сквозь мѣстность, которая изобиловала богатыми мѣдными рудами. Образчики этихъ рудъ доставлены были индѣйцами агентамъ компаніи во флотѣ Принца Уэльскаго. Недолго задумываясь, компанія въ 1760 году поручила Самюэлю Гирну начальство надъ экспедиціей, долженствовавшей разыскать эту рѣку.

Для путешествія въ полярныхъ странахъ, гдѣ добываніе продовольствія сопряжено зачастую съ большими трудностями и гдѣ приходится выносить страшную стужу, экспедиція должна состоять изъ небольшого числа надежныхъ людей, способныхъ къ продолжительнымъ тяжелымъ переходамъ по снѣжнымъ пустынямъ и притомъ иногда на тощій желудокъ. Гирнъ взялъ съ собою всего лишь двухъ бѣлыхъ и нѣсколькихъ индѣйцевъ, на которыхъ онъ могъ вполнѣ положиться.

Несмотря на искусство этихъ индѣйцевъ, служившихъ проводниками, прекрасно знакомыхъ съ мѣстностью и со всѣми привычками дичи, которая могла тамъ встрѣчаться, вскорѣ обнаружился недостатокъ въ продовольствіи. Въ 200 миляхъ отъ форта Принца Уэльскаго индѣйцы покинули Гирна и двухъ его бѣлолицыхъ спутниковъ, которымъ пришлось тогда поневолѣ вернуться тоже назадъ. Неудача эта не смутила начальника экспедиціи, смѣлаго моряка, которому не разъ приходилось выносить самыя тяжкія лишенія. Онъ разсудилъ, что тамъ, гдѣ въ первый разъ потерпѣлъ неудачу, можетъ при вторичной попыткѣ оказаться счастливѣй.

Въ февралѣ 1770 года Гирнъ отправился въ новую экспедицію къ Мѣдной рѣкѣ. На этотъ разъ онъ шелъ туда одинъ съ пятью индѣйцами, такъ какъ опытъ предшествующей экспедиціи доказалъ, что неспособность бѣлолицыхъ выносить трудности похода выводитъ наконецъ изъ терпѣнія индѣйцевъ, служащихъ проводниками. Ему удалось отойти на 15 миль отъ форта, когда вслѣдствіе страшныхъ морозовъ пришлось остановиться въ ожиданіи болѣе теплой погоды. Зимовка эта была очень тяжела; путешественникамъ удавалось иногда добыть себѣ болѣе дичи, чѣмъ сколько они въ состояніи были съѣсть, но несравненно чаще имъ приходилось голодать. Разъ, въ продолженіе цѣлой недѣли, они, чтобъ утолить голодъ, жевали старую выдѣланную кожу, глодали давно уже выброшенныя кости и отыскивали на деревьяхъ немногія уцѣлѣвшія отъ птицъ ягоды. Такія лишенія, не говоря ужь о страшныхъ морозахъ, приходится выносить изслѣдователямъ въ полярныхъ странахъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Гирнъ отправился въ дальнѣйшій путь. До самаго августа мѣсяца скитался онъ по лѣсамъ, а затѣмъ хотѣлъ перезимовать въ селеніи одного индѣйскаго племени, которое приняло его очень радушно. Несчастный случай, при кото-

ромъ Гирнъ лишился также и своего квадранта, принудилъ, однако, Гирна отказаться отъ этого намѣренія.

Самыя тяжкія бѣдствія и неудачи не могли поколебать мужества и рѣшимости Самюэля Гирна. Онъ пустился 7-го декабря опять въ дорогу и, направившись къ западу, подъ 60° широты встрѣтилъ наконецъ рѣку. На берегу этой рѣки онъ устроилъ себѣ шалашъ, въ которомъ провелъ цѣлую зиму. За это время онъ построилъ себѣ лодку, въ которой, когда рѣка вскрылась, пустился по ней внизъ по теченію. Рѣка эта, пройдя черезъ множество большихъ и малыхъ озеръ, оказалась наконецъ притокомъ Мѣдной рѣки. 13-іюля 1771 года Гирнъ благополучно вошелъ на своей лодкѣ въ Мѣдную рѣку; сопровождавшіе его индѣйцы разсказывали, что они въ теченіе уже нѣсколькихъ недѣль находятся въ странѣ, посѣщаемой эскимосами, и обѣщали, въ случаѣ встрѣчи съ этими эскимосами, перерѣзать ихъ всѣхъ до послѣдняго.

Случай къ этому вскорѣ представился.

„Видя, что эскимосы, не подозрѣвая никакой опасности, спокойно спятъ въ своихъ юртахъ, мои индѣйцы,—говоритъ Гирнъ,—выскочили изъ своей засады и напали врасплохъ на этихъ бѣдняковъ. Мнѣ поневолѣ пришлось быть очевидцемъ этой безчеловѣчной рѣзни.

Изъ 20 эскимосовъ, обитавшихъ въ этихъ юртахъ, ни одному не удалось спастись отъ кровожадныхъ индѣйцевъ. Одна старуха, въ первое время незамѣченная убійцами, была умерщвлена ими потомъ послѣ долгихъ самыхъ ужасныхъ истязаній.

Послѣ этой отвратительной рѣзни,—продолжаетъ Гирнъ,—мы сѣли на траву и съ аппетитомъ позавтракали свѣжей лососиной, найденной нами въ юртахъ у эскимосовъ“.

Неподалеку отъ этого мѣста рѣка значительно расширялась. Гирнъ спрашиваетъ себя—ужъ не достигъ-ли онъ до ея устья? Вода на вкусъ казалась совершенно прѣсною. На берегу, однако, виднѣлись слѣды прилива, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега рѣзвилось въ водѣ множество тюленей. Въ юртахъ у эскимосовъ найдено было большое количество китоваго уса. Все это вмѣстѣ заставляло предполагать, что путешественникъ былъ и въ самомъ дѣлѣ уже на берегу моря. Схвативъ свою подзорную трубу, Гирнъ сталъ осматриваться кругомъ и увидѣлъ передъ собою необозримое водное пространство, усѣянное островами, за которыми, безъ сомнѣнія, лежало открытое море.

Гирнъ увидѣлъ необозримое водное пространство.

30-го іюня 1772 года Гирнъ вернулся въ англійскія поселенія послѣ отсутствія, продолжавшагося цѣлыхъ 17 мѣсяцевъ.

Сознавая всю важность услуги, оказанной ей Гирномъ, Гудсонская компанія назначила его комендантомъ форта Принца Уэльскаго. Во время смѣлаго своего набѣга на прибрежье Гудсонскаго залива Ла-Перузъ овладѣлъ также и этимъ фортомъ, въ которомъ въ числѣ прочей добычи оказался и „Путевой журналъ“

Самюэля Гирна. Французскій морякъ возвратилъ Гирну этотъ журналъ, поставивъ однако условіемъ, чтобы онъ непремѣнно былъ обнародованъ въ печати. Мы не знаемъ, какія именно обстоятельства замедлили до 1795 года выполненіе обѣщанія, даннаго англійскимъ путешественникомъ Ла-Перузу.

Обширная сѣть озеръ, рѣчекъ и рѣкъ, которая, начинаясь съ Верхняго озера, собираетъ въ себя всѣ воды, текущія со Скалистыхъ горъ, и несетъ ихъ въ Ледовитый океанъ, стала извѣстной лишь въ послѣднюю четверть XVIII столѣтія. Открытіемъ ихъ наука въ значительной степени обязана торговцамъ пушными товарами, братьямъ Фробишерамъ, и Понду, которому удалось достигнуть до Атабаски.

Произведенныя ими рекогносцировки проложили торную дорогу для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Посты Гудсонской компаніи стали подвигаться далѣе и далѣе къ сѣверо-западу. Страна становилась постепенно болѣе и болѣе извѣстною. Вскорѣ дошли до англичанъ слухи о большой рѣкѣ, которая текла, какъ увѣряли, тоже по направленію къ сѣверо-западу.

Рѣка эта названа была Мекензіевой въ честь англичанина Александра Мекензи, перваго посѣтившаго ее европейца. Онъ выступилъ 3-го іюня 1789 года изъ форта Чиппеваяна (лежащаго на южномъ берегу озера Холмовъ) въ сопровожденіи нѣсколькихъ канадцевъ и многихъ индѣйцевъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ изъ прежнихъ проводниковъ Самюэля Гирна. Достигнувъ одного урочища, лежащаго подъ 67°45′ сѣверной широты, Мекензи узналъ, чтó и къ востоку, и къ западу оттуда недалеко до морского прибрежья. Очевидно, что онъ приближался къ сѣверозападной оконечности Американскаго материка.

12-го іюля Мекензи увидѣлъ передъ собою обширную водную поверхность; онъ сперва не рѣшался счесть ее моремъ, такъ какъ она имѣла очень незначительную глубину и почти на всемъ протяженіи покрыта была льдомъ, на горизонтѣ, однако, не видно было земли. На самомъ дѣлѣ это была одна изъ бухтъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Мекензи убѣдился въ этомъ, когда замѣтилъ, что, несмотря на слабый вѣтеръ, уровень воды поднимается. Это былъ морской приливъ. Затѣмъ путешественникъ переправился на островъ, находившійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Оттуда видно было уже открытое море, въ которомъ плавало и рѣзвилось нѣсколько китовъ. Островъ этотъ, лежащій

подъ 69°14′ сѣверной широты, получилъ поэтому отъ Мекензи названіе Китоваго острова. 12-го сентября экспедиція благополучно вернулась въ фортъ Чиппеваянъ.

Три года спустя Мекензи, жаждавшій новыхъ открытій, изслѣдовалъ верховье рѣки Мира, вытекающей изъ Скалистыхъ горъ. Въ 1793 году, перебравшись черезъ эту трудно проходимую горную цѣпь, онъ, по другую ея сторону, встрѣтилъ рѣку Такучетессе, направляющуюся къ юго-западу. Среди опасностей и лишеній, которыя легче себѣ представить, чѣмъ описать, Мекензи спустился внизъ по теченію этой рѣки до самаго ея устья, лежащаго нѣсколько южнѣе острововъ Принца Уэльскаго. Тамъ на отвѣсной стѣнѣ утеса онъ начерталъ, смѣсью вермильона съ жиромъ, краснорѣчивую и лаконическую надпись: „Александръ Мекензи, прибывшій сего 22-го іюля 1793 года сухимъ путемъ изъ Канады". 24-го августа того-же года онъ вернулся въ фортъ Чиппеваянъ.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ Южной Америкѣ не было совершено никакихъ научныхъ путешествій, за исключеніемъ упомянутой уже нами французской научной экспедиціи, имѣвшей спеціальной цѣлью измѣреніе дуги меридіана. Въ дополненіе къ тому, что было уже сказано объ этой экспедиціи, намъ слѣдуетъ упомянуть о путешествіи одного изъ ея членовъ Ла-Кондамина внизъ по теченію рѣки Амазонки. Когда измѣреніе дуги меридіана было окончено, Буге вернулся въ Европу, Жюссье остался еще на нѣкоторое время въ Перу для естественно-историческихъ изслѣдованій, обогатившихъ науку множествомъ неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ растеній и животныхъ, а Ла-Кондаминъ рѣшился изслѣдовать рѣку Амазонку до самаго ея устья.

Мори въ своей „Исторіи французской академіи наукъ" говоритъ: „Ла-Кондамина можно было-бы назвать Александромъ Гумбольдтомъ XVIII вѣка. Блистая въ обществѣ остроуміемъ, онъ былъ въ то-же время серьезнымъ и весьма многостороннимъ ученымъ. Въ этомъ замѣчательномъ своемъ путешествіи онъ проявилъ рѣдкое самоотверженіе и геройскую преданность дѣлу науки. Видя, что фонды, ассигнованные королемъ, недостаточны для покрытія расходовъ, онъ затратилъ 100 тысячъ франковъ собственныхъ своихъ денегъ. Путешествіе это было сопряжено съ необыкновенными трудностями и лишеніями. Ла-Кондаминъ вернулся изъ него глухой на оба уха и съ ногами, которыя почти

совершенно отнялись. Жертвы, принесенныя имъ наукѣ, не были оцѣнены по достоинству тогдашнимъ французскимъ обществомъ. Не понимая мученичества, которое не задавалось религіозными цѣлями, его встрѣтили недоброжелательными, злыми насмѣшками. Легкомысленные придворные видѣли въ Ла-Кондаминѣ только лишь разсѣяннаго и скучнаго глухого старика, неразлучнаго со своимъ слуховымъ рожкомъ. Они совершенно забывали въ немъ неутомимаго изслѣдователя, перенесшаго столько опасностей. Довольствуясь уваженіемъ своихъ сотоварищей ученыхъ, высказаннымъ столь краснорѣчиво Бюффономъ въ его отвѣтѣ на рѣчь, произнесенную Ла-Кондаминомъ при вступленіи его въ академію наукъ, изслѣдователь рѣки Амазонки утѣшался, пописывая стишки. До самой своей кончины, ускоренной болѣзнью, вынесенной имъ изъ путешествія по рѣкѣ Амазонкѣ, Ла-Кондаминъ сохранилъ пламенную любознательность, заставлявшую его изслѣдовать самымъ обстоятельнымъ образомъ все, къ чему только представлялся случай. Такъ, желая ознакомиться съ сущностью физической боли, онъ обращался съ разспросами къ палачу, совершавшему казнь надъ Даміаномъ".

До Ла-Кондамина немногимъ лишь путешественникамъ удавалось проникнуть вглубь Бразиліи. Ученый изслѣдователь надѣялся поэтому, снявъ на карту теченіе Амазонки и собравъ возможно обстоятельныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ индѣйцевъ, что путешествіе его въ столь мало извѣстной странѣ принесетъ существенную пользу наукѣ.

Мы разсказывали уже о приключеніяхъ Орильяны. Послѣ него, въ 1559 году, перуанскій вице-король отправилъ одного изъ своихъ офицеровъ Педро де-Урсуа отыскивать озеро Париму и пресловутое Эльдорадо. Урсуа погибъ отъ руки одного изъ своихъ подчиненныхъ, взбунтовавшагося солдата, который, занимаясь разбоемъ и грабежомъ, спустился внизъ по теченію Амазонки и былъ наконецъ схваченъ и четвертованъ на островѣ св. Троицы.

Подобныя попытки, разумѣется, не могли пролить особенно яркаго свѣта на теченіе этой рѣки. Португальскіе изслѣдованія были въ этомъ отношеніи несравненно удачнѣе. Въ 1636 и 1637 годахъ Педро Тексейра съ 47 лодками и многочисленнымъ отрядомъ индѣйцевъ поднялся вверхъ по теченію Амазонки до притока ея Напо. Вступая въ этотъ притокъ, который онъ счелъ

Портретъ Ла-Кондамина (Fac-simile съ древней гравюры).

главною рѣкой, Тексейра плылъ сперва вверхъ по этой рѣкѣ, а потомъ по рѣкѣ Кокѣ, пока не достигъ до урочища, находящагося въ 30 миляхъ отъ Квито, куда и прибылъ съ нѣсколькими изъ своихъ спутниковъ. Въ слѣдующемъ году онъ вернулся тѣмъ-же путемъ въ Пару въ сопровожденіи іезуитовъ д'Акунги и д'Артьеды, обнародовавшихъ описаніе этого путешествія. Оно появилось въ переводѣ на французскій языкъ въ 1682 году.

Карта, составленная Сансономъ, на основаніи данныхъ, приведенныхъ Тексейрою, и, разумѣется, скопированная всѣми прочими географами, была изъ рукъ вонъ плоха. Однако-же до 1717 года другой болѣе точной карты не было. Въ этомъ году была обнародована въ 12-мъ томѣ „Поучительныхъ писемъ" (драгоцѣннаго сборника, въ которомъ можно найти множество въ высшей степени интересныхъ историческихъ и географическихъ свѣдѣній) копія съ карты, составленной еще въ 1620 году германскимъ миссіонеромъ патеромъ Фрицемъ. Изъ карты этой видно, что Напо не можетъ быть признанъ верхнимъ теченіемъ Амазонки, и что эта рѣка, называемая въ верховьяхъ своихъ Мараньономъ, вытекаетъ изъ озера Гуануко, находящагося въ 30 миляхъ къ востоку отъ Лимы. Нижняя часть теченія Амазонки показана на этой картѣ довольно плохо, такъ какъ патеръ Фрицъ, спускаясь по этой рѣкѣ, захворалъ и не въ состояніи былъ производить точныхъ астрономическихъ наблюденій.

Что касается Ла-Кондамина, то онъ отправился въ достопамятное свое путешествіе 11-го мая 1743 года изъ Тарки, находящагося въ 5-ти миляхъ отъ Куэнсы. Пройдя черезъ Заруму, городъ, славившійся нѣкогда богатыми разработками золота, онъ переправился черезъ нѣсколько рѣчекъ по висячимъ мостикамъ изъ ліанъ, протянутымъ отъ одного берега до другого и напоминающимъ громадные гамаки. Оттуда онъ прибылъ въ городъ Локсу, находящійся подъ 4° южной широты. Городъ этотъ лежитъ на 400 туазовъ ниже Квито. Сравнительно со столицей Перу тамъ замѣчается поэтому большая разница въ средней годовой температурѣ. Сосѣднія горы, поросшія лѣсами, кажутся простыми холмами, если ихъ сравнить съ горными колоссами, находящимися неподалеку отъ Квито.

На пути изъ Локсы въ Ленъ де-Бракаморосъ надо было переходить черезъ послѣдніе отроги Андовъ. Въ мѣстности этой въ теченіе цѣлаго года идетъ дождь, а потому климатъ тамъ чрезвычайно нездоровый. Весь этотъ край былъ тогда уже въ чрезвычайномъ упадкѣ. Не оставалось почти никакого слѣда прежняго его благосостоянія. Лойола, Вальядолидъ, Ленъ и большинство другихъ перуанскихъ городовъ, лежащихъ вдали отъ моря и отъ большой дороги изъ Картагены въ Лиму, обратились уже въ ничтожныя деревушки. А между тѣмъ вся страна въ окрестностяхъ Лена была покрыта рощами какаовыхъ деревьевъ, на ко-

торыя индѣйцы обращали такое-же вниманіе, какъ и на золотосодержащій песокъ въ руслахъ большинства ихъ рѣкъ и рѣчекъ.

Достигнувъ береговъ Чинсипе, неподалеку отъ Яена, гдѣ эта рѣка уже шире, чѣмъ Сена близъ Парижа, Ла-Кондаминъ построилъ себѣ плотъ и спустился на немъ до впаденія означенной рѣки въ Мараньонъ. Съ этого мѣста Мараньонъ или Амазонка начинаетъ уже становиться судоходною, хотя на ней встрѣчаются мѣстами пороги и быстротоки. Русло рѣки суживается иногда прибрежными утесами до того, что ширина его не превосходитъ 120 футовъ. Такія узкія мѣста называются также воротами или „понго"; самыя величественныя изъ нихъ—ворота Манзерише, пробитыя Мараньономъ почти вертикально сквозь Кордильерскій хребетъ. Рѣка имѣетъ въ этихъ воротахъ въ ширину всего лишь 25 туазовъ или около 150 футовъ. Ла-Кондаминъ, проходившій черезъ эти ворота на плоту въ сопровожденіи одного лишь негра, пережилъ тамъ почти безпримѣрное приключеніе.

„Рѣка, глубина которой уменьшилась въ теченіе полутора сутокъ на цѣлыхъ 25 футовъ, продолжала убывать,—говоритъ Ла-Кондаминъ,—обломокъ толстой древесной вѣтви, засѣвшей между камнями и до того времени находившейся надъ водой, застрялъ ночью между бревенъ моего плота и проникалъ глубже и глубже въ образовавшійся промежутокъ, по мѣрѣ того какъ плотъ вслѣдствіе убыли воды садился все ниже и ниже. Если-бъ я случайно не проснулся, то плотъ нашъ оказался бы къ утру висящимъ уже на воздухѣ. Такимъ образомъ изъ-за этой древесной вѣтви я потерялъ-бы въ самомъ благопріятномъ случаѣ всѣ путевыя замѣтки и журналы наблюденій, т. е. всѣ плоды восьмилѣтнихъ моихъ трудовъ. Къ счастью, мнѣ удалось освободить плотъ и привязать его въ болѣе безопасномъ мѣстѣ".

Близъ развалинъ города Сантъ-Яго, куда Ла-Кондаминъ прибылъ 10-го іюля, живутъ среди лѣсовъ индѣйцы племени хибаросъ. Уже за сто лѣтъ до того времени индѣйцы эти возмутились противъ испанцевъ, заставлявшихъ ихъ работать въ золотыхъ рудникахъ, и съ тѣхъ поръ не были еще усмирены.

За Манзеришскимъ понго рѣка имѣла совершенно иной характеръ. Передъ Ла-Кондаминомъ открылся новый, никогда невиданный имъ еще міръ. Онъ плылъ по прѣсноводному океану, состоявшему изъ цѣлаго лабиринта озеръ, рѣкъ и протоковъ, отдѣлявшихся другъ отъ друга островами дремучихъ лѣсовъ. Въ

теченіе семилѣтняго своего пребыванія въ Америкѣ французскій ученый свыкся уже съ тропической природой, но все-таки однообразіе воды и зелени, простиравшихся вездѣ кругомъ на необозримое разстояніе, произвело на него могущественное впечатлѣніе. Отплывъ 14-го іюля изъ Борьи, Ла-Кондаминъ миновалъ вскорѣ устье Мороны, вытекающей изъ Сангайскаго вулкана, во время изверженій котораго пепелъ перелетаетъ иногда даже за Гваяквиль. Перерѣзавъ затѣмъ три устья рѣки Пастаки, разлившейся въ то время такъ сильно, что нельзя было съ точностью опредѣлить ея берега, Ла-Кондаминъ прибылъ 19-го числа того-же мѣсяца въ Лагуну, гдѣ его цѣлыхъ уже шесть недѣль ждалъ губернаторъ Эсмеральдской области, донъ Педро Мальдонадо, прибывшій въ этотъ городъ внизъ по теченію Пастаки. Населеніе Лагунъ состояло тогда приблизительно изъ тысячи индѣйцевъ, способныхъ носить оружіе. Они принадлежали къ нѣсколькимъ племенамъ, подчинявшимся, однако, вліянію миссіонера.

„Принявъ на себя обязательство нанести на карту теченіе Амазонки,—говоритъ Ла-Кондаминъ,—я тѣмъ самымъ обезпечилъ себя отъ бездѣйствія и скуки, неизбѣжной спутницы спокойнаго плаванія внизъ по теченію рѣки въ мѣстности, гдѣ природа поражаетъ величественнымъ своимъ однообразіемъ. Теперь-же мнѣ приходилось постоянно напрягать вниманіе, наблюдая, съ буссолью и часами въ рукахъ, всѣ перемѣны въ направленіи теченія рѣки и время, въ теченіе котораго мы шли въ каждомъ изъ этихъ направленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ былъ опредѣлять во многихъ мѣстахъ ширину русла Амазонки и устьевъ впадающихъ въ нее рѣкъ, углы, подъ которыми впадали эти рѣки, встрѣчавшіеся намъ на пути острова и т. п. Наконецъ мнѣ надо было по нѣскольку разъ въ день измѣрять скорость теченія рѣки и скорость движенія лодки. Измѣренія эти производились частью съ лодки, частью-же на берегу, различными способами, объяснять которые здѣсь было-бы неумѣстно. Благодаря этому мнѣ скучать было положительно некогда. Зачастую я производилъ также промѣры, чтобы опредѣлить профиль рѣки въ поперечномъ сѣченіи. Я измѣрялъ иногда при помощи геометрическихъ способовъ ширину Амазонки и впадающихъ въ нее рѣкъ. Почти ежедневно приходилось мнѣ опредѣлять полуденную высоту солнца. Сверхъ того вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось останавливаться, я наблюдалъ амплитуду точекъ восхожденія и захожденія этого свѣтила“.

Мансеришское понго на Амазонкѣ (Fac-simile съ древней гравюры).

25-го іюля, пройдя мимо устья Тигровой рѣки, Ла-Кондаминъ прибылъ опять въ миссію, населенную индѣйцами племени Ямеосъ. Миссіонерамъ недавно лишь удалось обратить этихъ индѣйцевъ въ христіанство и вывести ихъ изъ дремучихъ лѣсовъ, въ которыхъ они прежде скитались. Языкъ этого племени принадлежитъ къ числу очень трудныхъ для изученія, выговоръ тоже очень затруднителенъ, по крайней мѣрѣ для европейцевъ.

Хотя эти индѣйцы умѣли считать только до трехъ, слова у нихъ состоятъ зачастую изъ девяти и даже десяти слоговъ. Ямеосы стрѣляютъ очень мѣтко изъ сарбакановъ (длинныхъ тоненькихъ трубочекъ) маленькими отравленными стрѣлами. Ядъ, которымъ намазываютъ наконечники этихъ стрѣлъ, такъ силенъ, что убиваетъ самое большое животное не позже какъ черезъ минуту послѣ того какъ въ него попадетъ миніатюрная стрѣлка.

На другой день лодка французскаго ученаго достигла устья рѣки Укайяле, одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ, впадающей въ Мараньонъ; Укайяле можетъ быть даже безъ особенной натяжки признана главной рѣкой, причемъ, разумѣется, Мараньонъ приходилось бы считать ея притокомъ. Ниже сліянія съ Укайяле ширина Мараньона значительно возрастаетъ.

27-го іюля Ла-Кондаминъ прибылъ въ миссію омаговъ, нѣкогда могущественнаго племени, территорія котораго простиралась по обоимъ берегамъ Амазонки на 200 миль ниже устья притока ея Напо. Омаги считаются у другихъ мараньонскихъ индѣйцевъ пришельцами, которые прибыли къ нимъ въ лодкахъ по одной изъ рѣкъ, вытекающихъ изъ Гренадскаго королевства, откуда они бѣжали, чтобы избавиться отъ испанскаго ига. Слово „омага“ значитъ на перуанскомъ языкѣ плоскоголовый. Дѣйствительно, у омаговъ существуетъ странный обычай стискивать между двумя досками головы новорожденныхъ младенцевъ, „для того чтобы они походили на мѣсяцъ въ полнолуніе“. Племя это знакомо со свойствами двухъ неизвѣстныхъ въ Европѣ растеній— „флорипондіо“ и „курупы“, употребленіе которыхъ погружаетъ человѣка на цѣлыя сутки въ опьянѣніе съ самыми оригинальными грезами. Растенія эти съ успѣхомъ замѣняютъ для перуанцевъ опіумъ и гашишъ.

Хинное дерево, ипекакуана, симаруба, сальсапарель, гайяковое и какаовое деревья, а также ванилевая ліана—въ изобиліи произрастаютъ всюду по берегамъ Мараньона. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о каучуковыхъ деревьяхъ. Индѣйцы изготовляютъ изъ каучука фляжки, сапоги и клистиры, которые, такъ говоритъ Ла-Кондаминъ, прекрасно дѣйствуютъ и безъ поршней. Клистиры эти имѣютъ форму пустой внутри груши съ маленькимъ отверстіемъ въ тонкомъ концѣ, въ которое вставляется трубочка. У омаговъ они въ большомъ употребленіи и являются тамъ необходимой домашней утварью. Передъ началомъ каждаго

пиршества хозяинъ дома обязанъ изъ вѣжливости приготовить для каждаго изъ гостей по клистиру, точно также и гости не въ правѣ отказаться отъ этого инструмента, употребленіе котораго у нихъ обязательно передъ каждымъ параднымъ обѣдомъ.

Въ Санъ-Жоакино Ла-Кондаминъ перемѣнилъ гребцовъ и поэтому успѣлъ своевременно прибыть къ устью Напо, чтобы наблюдать тамъ въ ночь съ 31-го іюля на 1-е августа затменіе перваго спутника Юпитера. Наблюденіе это позволило французскому ученому съ точностью опредѣлить долготу и широту этого мѣста и послужило въ высшей степени цѣннымъ опорнымъ пунктомъ для составленія карты Амазонки.

Певасъ, куда лодка прибыла на слѣдующій день, является послѣдней изъ испанскихъ миссій на берегу Мараньона. Жившіе тамъ индѣйцы принадлежали къ различнымъ племенамъ и не всѣ еще были обращены въ христіанство. Они носили въ ноздряхъ и губахъ различныя украшенія изъ костей мелкихъ животныхъ и рыбъ и прокалывали свои щеки множествомъ дырочекъ, въ которыя вставлялись красивыя разноцвѣтныя перья.

Нѣсколько ниже Певаса лежитъ первая португальская миссія Санъ-Паоло. Близъ этой миссіи рѣка имѣетъ въ ширину не менѣе 200 туазовъ (болѣе полуторы версты), и на ней часто подымаются страшныя бури. Ла-Кондаминъ былъ пріятно изумленъ, видя, что индіянки ходятъ тамъ въ полотняныхъ рубашкахъ. Посѣтивъ нѣкоторые изъ индѣйскихъ хижинъ, онъ нашелъ тамъ сундуки съ замками, желѣзные ключи, иголки, зеркала и т. п. европейскія принадлежности, купленныя въ Парѣ на деньги, вырученныя отъ продажи какао.

Лодки этихъ индѣйцевъ гораздо удобнѣе тѣхъ, которыя употребляются туземными племенами, обитающими въ испанскихъ владѣніяхъ. Это настоящіе маленькіе бриги, имѣющіе до 60 футовъ въ длину и 7 футовъ въ ширину. На каждую изъ нихъ полагается 40 гребцовъ.

На протяженіи отъ Санъ-Паоло до Коари въ Амазонку впадаютъ съ южнаго берега величественныя, большія рѣки—Ютаи, Юрука, Теоре и Коари, а съ сѣвернаго—столь-же грандіозныя рѣки Путумайо и Юпура. На берегахъ этой послѣдней въ то время жили еще людоѣды. Тамъ установленъ былъ 26-го августа 1639 года Тексейрой пограничный столбъ, черезъ который должна была проходить тогда черта, отдѣляющая португальскія владѣнія

отъ испанскихъ. До этого мѣста съ туземцами можно было еще объясняться на перуанскомъ языкѣ. Далѣе же внизъ по теченію рѣки надо прибѣгать къ бразильскому языку, употребляемому во всѣхъ португальскихъ миссіяхъ.

Ла-Кондаминъ послѣдовательно осмотрѣлъ затѣмъ и нанесъ на карту устье Пуруса и Ріо-Негро. На берегахъ Ріо-Негро находится множество португальскихъ миссій, управляемыхъ монахами Кармелитскаго ордена. Рѣка эта въ верхнемъ своемъ теченіи соединяетъ водныя системы Амазонки и Ореноко. Этотъ весьма важный въ географическомъ отношеніи вопросъ былъ впервые серьезно изслѣдованъ Ла-Кондаминомъ, который подвергнулъ весьма остроумному критическому обзору путевыя замѣтки миссіонеровъ, путешествовавшихъ до него по этой рѣкѣ. Пылкое воображеніе искателей приключеній помѣщало въ этой мѣстности золотое озеро Париме́ и миѳологическій городъ Манаодель-Дорадо. Тамъ жило индѣйское племя манаосовъ, такъ долго съ успѣхомъ сопротивлявшихся португальскому оружію.

Бригъ французскаго ученаго прошелъ послѣ того мимо устья Ріо-де-ла-Мадера,—называющейся такъ вслѣдствіе громаднаго количества деревьевъ, которыя она увлекаетъ въ своемъ теченіи,—мимо Поксискаго укрѣпленія, ниже котораго Мараньонъ принимаетъ названіе Амазонки и гдѣ становятся уже ощутительными морскіе приливы и отливы, хотя разстояніе оттуда до моря превышаетъ еще 200 миль. Затѣмъ бригъ прошелъ въ виду Топайосской крѣпости, построенной близъ устья рѣки, протекающей по богатѣйшимъ горнымъ округамъ. На берегахъ этой рѣки живетъ племя тупинамбасовъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Ла-Кондаминъ увидѣлъ снова съ сѣверной стороны горы, отъ которыхъ успѣлъ уже отвыкнуть, такъ какъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ не видалъ ни единаго холма. Горы эти были первые отроги Гвіанскаго хребта.

6-го сентября напротивъ небольшой крѣпости Пару бригъ вышелъ изъ Амазонки и вступилъ въ естественный каналъ или протокъ, соединяющій ее съ рѣкою Ксингу, называемой у патера д'Акуньи Парамарибо. Спустившись по этой рѣкѣ, онъ вышелъ къ Курупскому форту и, наконецъ, бросилъ якорь передъ Парой, большимъ городомъ съ прямыми улицами, каменными и кирпичными домами. Чтобы закончить свою карту, Ла-Кондаминъ хо-

тѣлъ осмотрѣть устье Амазонки. Сѣвъ въ Парѣ на корабль, отправлявшійся въ Каенну, онъ прибылъ въ этотъ городъ 26-го февраля 1744 года.

Это грандіозное путешествіе имѣло, во многихъ отношеніяхъ, чрезвычайно важные результаты. Рѣка Амазонка была на всемъ своемъ протяженіи впервые изслѣдована дѣйствительно научнымъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выяснена была вѣроятность сообщенія ея съ Ореноко чрезъ посредство Ріо-Негро. Наконецъ Ла-Кондаминъ собралъ въ продолженіе этого путешествія множество интересныхъ замѣтокъ и наблюденій, являвшихся цѣннымъ вкладомъ въ естественную исторію, физику, астрономію и только-что зарождавшуюся тогда новую науку—антропологію.

Намъ предстоитъ упомянуть теперь о путешествіяхъ Александра Гумбольдта, одного изъ тѣхъ ученыхъ, которые лучше другихъ постигали тѣсную связь между географіей и прочими естественными науками. Благодаря этому обстоятельству путешествія Александра Гумбольдта могли служить образцомъ для многихъ позднѣйшихъ изслѣдователей.

Александръ Гумбольдтъ родился въ Берлинѣ въ 1769 году. Первымъ учителемъ его былъ Кампе, извѣстный издатель, выпустившій въ свѣтъ описанія нѣсколькихъ путешествій. Гумбольдтъ очень полюбилъ ботанику и, въ бытность свою въ Геттингенскомъ университетѣ, подружился съ Форстеромъ младшимъ, только-что совершившимъ кругосвѣтное путешествіе съ капитаномъ Кукомъ. Дружба эта и въ особенности восторженные разсказы Форстера возбудили у Гумбольдта страсть къ путешествіямъ. Онъ одновременно занимался изученіемъ геологіи, ботаники, химіи и животнаго электричества. Чтобъ усовершенствоваться въ этихъ наукахъ, молодой Гумбольдтъ посѣтилъ Англію, Голландію, Италію и Швейцарію. Въ 1797 году Гумбольдтъ, по смерти своей матери, положительно не пускавшей его уѣзжать изъ Европы, прибылъ въ Парижъ и вскорѣ сошелся тамъ съ молодымъ ботаникомъ, Эме Бонпланомъ, тоже ощущавшимъ страстное желаніе изслѣдовать какія-либо неизвѣстныя или же малоизвѣстныя страны.

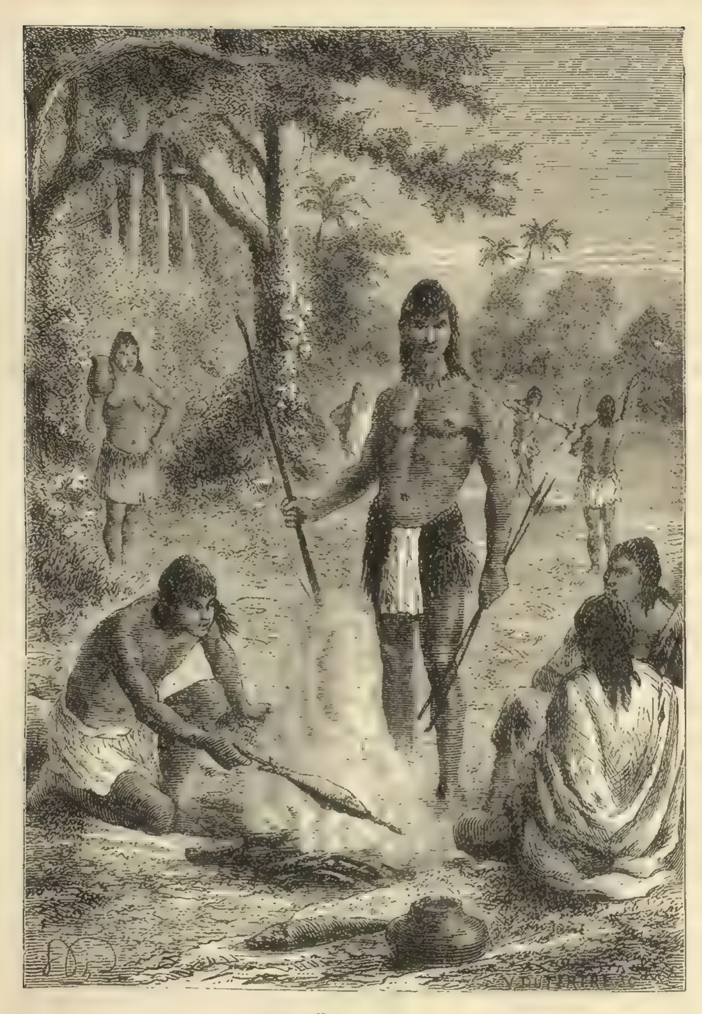
Гумбольдтъ хотѣлъ сперва присоединиться къ научной экспедиціи для изслѣдованія Австраліи, долженствовавшей отплыть туда съ капитаномъ Бодэномъ, но приготовленія къ этой экспедиціи затянулись такъ долго, что ему надоѣло ждать. Отказав-

шись отъ участія въ ней, онъ уѣхалъ въ Марсель, намѣреваясь отправиться въ Египетъ, гдѣ находилась тогда французская армія подъ начальствомъ Наполеона Бонапарта. Цѣлыхъ два мѣсяца тщетно ждалъ онъ въ Марсели отплытія нейтральнаго фрегата, долженствовавшаго перевезти шведскаго консула въ Алжиръ, а затѣмъ, съ пріятелемъ своимъ Бонпланомъ, уѣхалъ въ Испанію, надѣясь, что ему не откажутъ въ разрѣшеніи посѣтить испанскія владѣнія въ Америкѣ.

Получить такое разрѣшеніе было дѣло весьма не легкое. Гумбольдтъ обладалъ, однако, рѣдкой настойчивостью. Къ тому-же у него были хорошія связи, прекрасныя рекомендаціи и уже нѣкоторая извѣстность въ научномъ мірѣ. Поэтому, несмотря на все нежеланіе мадридскаго правительства, Гумбольдту, наконецъ, дозволено было осмотрѣть эти колоніи, а также производить тамъ всевозможныя астрономическія и геодезическія наблюденія. Понятно, что онъ пригласилъ съ собою и Бонплана.

Отплывъ изъ Короньи 5-го іюня 1799 года, молодые ученые прибыли, тринадцать дней спустя, на Канарскіе острова. Быть на Тенерифѣ и не совершить восхожденія на Тенерифскій пикъ казалось для нихъ совершенно немыслимымъ. Гумбольдтъ въ письмѣ къ Ла-Меттери разсказываетъ слѣдующимъ образомъ про эту экскурсію:

„Почти всѣмъ естествоиспытателямъ, бывшимъ здѣсь (подобно мнѣ) мимоходомъ, на пути въ южныя страны, удавалось лишь добраться до подошвы этого вулканическаго колосса и восхищаться прелестными садами Оротавскаго порта. На мое счастье, нашъ фрегатъ „Пизарро“ долженъ былъ простоять цѣлыхъ шесть дней въ этомъ портѣ. Я въ подробности изслѣдовалъ горныя породы, изъ которыхъ сложенъ Тейдскій пикъ. Мы отлично выспались подъ открытымъ небомъ на высотѣ 1200 туазовъ надъ уровнемъ моря. Въ два часа ночи мы снова пустились въ путь и къ восьми часамъ утра добрались до самой вершины, несмотря на сильный вѣтеръ, раскаленную почву, прожигавшую сапоги, и жестокій холодъ, охватывавшій насъ со всѣхъ сторонъ. Не стану описывать вамъ величественное зрѣлище, открывшееся передъ нами съ вершины этого пика. У нашихъ ногъ лежали вулканическіе острова: Лансеротъ, Канарія и Гомера. Самый пикъ представляетъ собою пустыню изъ пемзы и лавы, простирающуюся почти на цѣлыхъ двадцать квадратныхъ миль. Пустыня эта, гдѣ



Индѣйцы омаги.

нѣтъ ни птички, ни насѣкомаго, отдѣляетъ насъ отъ густого лѣса лавровыхъ деревьевъ и вереска, за которыми стелются виноградники, украшенные пальмами, бананами и змѣиными деревьями, корни которыхъ омываются морскими волнами... Мы спускались въ самый кратеръ, глубина котораго не превышаетъ 40—60 футовъ. Вершина Тенерифскаго пика воздымается на

1904 туаза надъ уровнемъ моря, какъ это и вычислилъ Борда на основаніи очень точныхъ геодезическихъ измѣреній... Кратеръ, находящійся на вершинѣ пика, давно уже не извергаетъ лавы, которая вытекаетъ теперь, во время изверженій, сквозь боковыя трещины. Въ немъ скопляется, однако, громадное количество сѣры и желѣзнаго купороса".

Въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года Гумбольдтъ и Бонпланъ прибыли въ городъ Куману, находящійся въ той части Южной Америки, которая извѣстна подъ названіемъ Терра-Фирмы. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль они осматривали въ окрестностяхъ этого города слѣды, оставленные страшнымъ землетрясеніемъ 1797 года. Затѣмъ они опредѣлили астрономическими наблюденіями точное положеніе Куманы: оказалось, что на всѣхъ картахъ городъ этотъ помѣщается на полградуса южнѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Ошибка эта объясняется сильнымъ морскимъ теченіемъ, которое, уклоняясь близъ острова Троицы къ сѣверу, вводило въ заблужденіе всѣхъ мореплавателей. Въ декабрѣ 1799 года Гумбольдтъ писалъ, уже изъ Карикаса, астроному Лаланду:

„Я только-что окончилъ въ высшей степени интересное путешествіе въ самую глубь Парской области, въ Коколарскіе Кордильеры, Тумерійскія и Гирійскія горы. Мои инструменты, гербаріи и т. п. пришлось навьючить на муловъ. Мы проникли въ миссіи капуциновъ, которыхъ не посѣщалъ еще до сихъ поръ ни одинъ естествоиспытатель, и открыли множество неизвѣстныхъ еще растеній, въ томъ числѣ нѣсколько новыхъ интересныхъ видовъ пальмъ. Мы собираемся добраться до Ореноко, откуда, если обстоятельства позволятъ, проникнемъ по ту сторону экватора, быть можетъ даже до Санъ-Карлоса на Ріо-Негро... У насъ въ гербаріяхъ засушено до 1600 растеній. Мы описали болѣе 500 птицъ, собрали изрядныя коллекціи раковинъ и насѣкомыхъ. Кромѣ того я сдѣлалъ до 50 рисунковъ съ натуры. Принимая въ расчетъ здѣшнія тропическія жары, вы заключите, я надѣюсь, что мы немало поработали за эти 4 мѣсяца".

Во время этого перваго своего путешествія Гумбольдтъ посѣтилъ миссіи, въ которыхъ обитали индѣйцы, принадлежащіе къ племенамъ чаймасовъ и гуарана. Онъ взбирался на вершину Тумирикири и спускался въ Гуачарскій гротъ, громадную пещеру, служащую обиталищемъ для многихъ тысячъ ночныхъ птицъ, топленый жиръ которыхъ и доставляетъ такъ называемое „гуа-

чарское масло“. Входъ въ эту пещеру, осѣненный и украшенный самою пышной растительностью, имѣетъ дѣйствительно величественный видъ. Внутренность пещеры, откуда вытекаетъ довольно большая рѣка, безпрерывно оглашается зловѣщими криками птицъ. Въ миѳологіи индѣйскаго племени чаймасовъ рѣка эта играетъ роль Ахерона. Какъ это племя, такъ и другіе оренокскіе индѣйцы убѣждены, что въ гуачарской пещерѣ обитаютъ души умершихъ. Вмѣсто того чтобъ сказать про кого-нибудь: „онъ умеръ“, зачастую говорятъ: „онъ сошелъ въ Гуачаро“.

Разъ въ годъ, приблизительно въ половинѣ лѣта, индѣйцы, запасшись длинными шестами, входятъ въ эту пещеру и разрушаютъ большую часть находящихся въ ней птичьихъ гнѣздъ. Многія тысячи юныхъ, не вполнѣ оперившихся еще птенцовъ погибаютъ при этомъ безвременной, насильственной смертью. Старыя гуачары, какъ-бы желая защитить своихъ дѣтенышей, носятся надъ головами индѣйцевъ, испуская раздирающіе крики. Птенцовъ, падающихъ на землю, вскрываютъ тутъ-же на мѣстѣ. Брюшина у нихъ покрыта снаружи толстымъ слоемъ жиру, который идетъ отъ грудобрюшной преграды до заднепроходнаго отверстія и, свѣшиваясь между ногъ, образуетъ тамъ нѣчто въ родѣ подушки.

Это „избіеніе младенцевъ“ называется въ Карипе „собираніемъ масла“. Въ это время передъ входами въ пещеру и въ передней ея части индѣйцы строятъ шалаши изъ пальмовыхъ листьевъ и раскладываютъ изъ хвороста маленькіе костры, на которыхъ вытапливаютъ въ глиняныхъ горшкахъ жиръ убитыхъ ими птенцовъ. Жиръ этотъ, извѣстный въ продажѣ подъ названіемъ гуачарскаго масла, полужидокъ, прозраченъ, безъ всякаго запаха и до того чистъ, что можетъ, нисколько не портясь, сохраняться въ теченіе цѣлаго года“.

Затѣмъ Гумбольдтъ продолжаетъ: „Мы провели около двухъ недѣль въ Карипской долинѣ, находящейся на высотѣ 952 кастильскихъ варъ (351 саженъ) надъ уровнемъ моря и обитаемой совершенно нагими индѣйцами. Мы видѣли тамъ черныхъ обезьянъ съ рыжими бородами и, къ великому нашему удовольствію, были очень благосклонно приняты какъ отцами-капуцинами тамошняго монастыря, такъ и миссіонерами, живущими среди индѣйцевъ, которыхъ имъ удалось малую толику цивилизовать“.

Черезъ горы Санта-Марія и Катуарскія миссіи путешествен-

ники вернулись въ Куману, а 21-го ноября прибыли оттуда моремъ въ Каракасъ. Городъ этотъ, лежащій въ долинѣ, которая изобилуетъ какао, хлопчатникомъ и кофейными деревьями, пользуется, благодаря возвышенному своему положенію, сравнительно умѣреннымъ климатомъ. Тамошнее лѣто, собственно говоря, не жарче европейскаго.

Гумбольдтъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Каракасѣ, чтобы изслѣдовать силу свѣта главнѣйшихъ звѣздъ южнаго неба. Ему казалось, что, со временъ Ла-Кайля, многія изъ нихъ, особенно же въ созвѣздіяхъ Журавля, Алтаря, Тукана и въ Ногахъ Центавра, сильно измѣнились въ этомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приводилъ въ порядокъ свои коллекціи, отсылалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ Европу и тщательно занимался изученіемъ горныхъ породъ и геологическаго строенія сѣверной окраины южно-американскаго материка.

Осмотрѣвъ окрестности Каракаса и совершивъ восхожденіе на сосѣднюю гору Силлу или „Сѣдло“, до вершины которой не доходилъ ни одинъ изъ обитателей этого города, Гумбольдтъ и Бонпланъ отправились въ Валенсію. Дорога туда идетъ по берегу озера, которое у индѣйцевъ называется Такаригой и превышаетъ величиною Невшательское озеро въ Швейцаріи. Никакое описаніе не можетъ передать красоты и разнообразія растительности на берегахъ этого озера. Впрочемъ, оно представляетъ интересъ не одной лишь чарующей прелестью живописныхъ своихъ пейзажей. Вода въ этомъ озерѣ изъ-году-въ-годъ постепенно убываетъ. Гумбольдтъ, обратившій вниманіе на этотъ фактъ, объясняетъ его хищническимъ истребленіемъ лѣсовъ, обусловливающимъ изсяканіе водныхъ источниковъ.

Неподалеку оттуда Гумбольдтъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости слышанныхъ имъ разсказовъ о диковинномъ деревѣ, называемомъ „el palo de la vaca“, т. е. „коровьимъ деревомъ“. Изъ надрѣзовъ въ корѣ оно даетъ значительное количество ароматическаго и очень питательнаго молока.

Настоящія трудности путешествія начинались лишь въ Порто-Кабелло, откуда начинаются такъ называемые „льяносы“, обширныя однообразныя равнины, разстилающіяся между цѣпью прибрежныхъ холмовъ и долиной рѣки Ореноко.

По словамъ Гумбольдта, льяносы, въ своемъ родѣ, столь-же изумительны, какъ и Анды. „Не знаю право, что изъ нихъ воз-

буждаетъ при первомъ взглядѣ бо́льшее удивленіе", — говоритъ онъ.

Дѣйствительно, это море травы, надъ которой, повидимому, даже и въ самую тихую погоду, постоянно вздымаются вихри пыли, производитъ на непривычнаго зрителя поражающее впечатлѣніе. Среди этой необозримой равнины, неподалеку отъ Калабозо, Гумбольдтъ впервые изслѣдовалъ электрическую силу гимнотовъ, или электрическихъ угрей, во множествѣ встрѣчающихся во всѣхъ притокахъ Ореноко. Индѣйцы, зная насколько опасны могутъ быть электрическія сотрясенія, по произволу возбуждаемыя этими угрями, не рѣшаются ловить этихъ рыбъ, не истощивъ предварительно электрическую ихъ силу. Чтобы добыть для Гумбольдта нѣсколькихъ гимнотовъ, они вогнали прежде всего въ болото, гдѣ находились эти угри, нѣсколько лошадей.

„Плесканье и шумъ, производимый копытами лошадей,—говоритъ Гумбольдтъ, — являются для гимнотовъ какъ-бы вызовомъ на бой и побуждаютъ ихъ вылѣзть изъ ила. Всплывая на поверхность воды, эти угри, желтоватаго цвѣта съ противными, синевато-багровыми пятнами, чрезвычайно походятъ на змѣй. Они устремляются къ лошадямъ и стараются нырнуть имъ подъ брюхо. Борьба между животными, такъ сильно разнящимися другъ отъ друга своей организаціей, представляетъ поразительный интересъ. Индѣйцы, вооруженные гарпунами и длинными шестами, окружаютъ прудъ со всѣхъ сторонъ, взбираясь даже на деревья, вѣтви которыхъ горизонтально стелются надъ водой. Дикими своими криками и длинными палками индѣйцы удерживаютъ лошадей въ водѣ, не дозволяя имъ спасаться на берегъ отъ преслѣдованій грознаго врага. Разъяренные этимъ шумомъ и гамомъ угри поражаютъ лошадей, нарушившихъ ихъ спокойствіе, послѣдовательными разрядами своихъ электрическихъ батарей. Долгое время побѣда остается на ихъ сторонѣ. Нѣсколько лошадей погибаютъ отъ электрическихъ ударовъ, поражающихъ органы, самые чувствительные и необходимые для жизни. Оцѣпенѣвъ отъ множества полученныхъ ими сильныхъ сотрясеній, злополучныя животныя теряютъ сознаніе и тонутъ въ мутныхъ водахъ пруда.

Остальныя лошади, едва дыша, съ взъерошенной гривой, безумно сверкающими глазами, въ которыхъ выражается самое му-

чительное страданіе, напрягаютъ всѣ усилія, чтобы выбраться на берегъ и бѣжать съ поля сраженія. Индѣйцы, однако, безпощадно гонятъ ихъ назадъ въ воду. Очень немногимъ лишь удается проникнуть сквозь цѣпь жестокосердыхъ рыбаковъ и достигнуть берега. Тамъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, онѣ падаютъ наконецъ на песокъ, совершенно обезсиленныя и разбитыя электрическими сотрясеніями, полученными ими въ борьбѣ съ гимнотами...

Я не помню, чтобы когда-либо мнѣ случалось получить, разряжая лейденскую банку, такое сотрясеніе, которое я испыталъ, неосторожно коснувшись ногою выползшаго изъ воды угря".

Опредѣливъ астрономическое положеніе Калабозо, Гумбольдтъ и Бонпланъ продолжали свой путь къ берегамъ Ореноко. Имъ пришлось при этомъ переправляться черезъ рѣку Уритуку, изобилующую кровожадными кайманами, и спуститься внизъ по теченію одного изъ притоковъ Ореноко—Апуре. Берега этой рѣки покрыты роскошною, мощною растительностью, которую можно встрѣтить только лишь въ тропическихъ странахъ.

Апуре течетъ сквозь лѣсную чащу, подымающуюся по обоимъ ея берегамъ сплошною стѣной зелени, испещренной букетами причудливыхъ, роскошныхъ цвѣтовъ. Мѣстами въ этой стѣнѣ виднѣются сводчатыя отверстія, сквозь которыя пекари, ягуары и др. дикіе звѣри выходятъ къ рѣкѣ утолять свою жажду. Когда ночь осѣняетъ лѣсъ своимъ покровомъ, лѣсъ этотъ, казавшійся въ продолженіе дня необитаемымъ, оглашается ревомъ, хрюканьемъ, криками, свистомъ, визгомъ и пѣніемъ звѣрей и птицъ. Пернатыя и четвероногія животныя стараются какъ-будто перещеголять другъ друга и производятъ сообща невообразимый гвалтъ.

Если въ Уритуку водятся опасные аллигаторы, то Апуре, кромѣ этихъ ящеровъ, обладаетъ также хорошенькой маленькой рыбкой „корабито", которая съ яростью нападаетъ на купающихся и зачастую вырываетъ у нихъ изъ тѣла изрядные куски мяса. Рыба эта, имѣющая всего лишь отъ 4 до 5 дюймовъ въ длину, плаваетъ всегда стаями и оказывается не въ примѣръ страшнѣе самаго крупнаго крокодила. Индѣйцы очень любятъ купаться и такъ какъ они ходятъ нагишомъ, то дѣйствительно купанье имъ необходимо для освѣженія кожи, искусанной москитами и

Портретъ Гумбольдта (Fac-simile съ древней гравюры).

муравьями. Тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не посмѣетъ окунуться въ воду, въ которой водятся хорошенькія корабито.

Достигнувъ Ореноко, путешественники спустились по этой рѣкѣ до Теми. Оттуда, перейдя небольшой волокъ, они очутились на берегу Кано-Пемичина, притока Ріо-Негро или Черной рѣки, впадающей въ Амазонку.

Теми часто разливается и затопляетъ тогда окрестные лѣса на громадное протяженіе. Индѣйцы пробиваютъ тогда между деревьями нѣчто въ родѣ узенькихъ каналовъ или, если можно такъ выразиться, водяныхъ тропинокъ отъ полутора до двухъ съ половиной аршинъ ширины. Ничто не можетъ быть любопытнѣе путешествія въ лодкѣ среди колоссальныхъ деревьевъ тропическаго лѣса подъ непроницаемой сѣнью зеленой листвы. Тамъ въ 300 или 400 миляхъ отъ морского берега попадаются зачастую цѣлыя стаи прѣсноводныхъ дельфиновъ, выбрасывающихъ струи воды и сжатаго воздуха съ такою силой, что французы назвали ихъ раздувальщиками (souffleur).

Чтобы перенести лодки изъ Теми въ Кано-Пемичинъ, надо было употребить цѣлыхъ четыре дня, такъ какъ все время приходилось расчищать дорогу косарями.

Пемичинъ впадаетъ въ Ріо-Негро, а эта рѣка въ свою очередь является, какъ уже упомянуто, притокомъ Амазонки.

Гумбольдтъ и Бонпланъ спустились по Ріо-Негро до Санъ-Карлоса, а затѣмъ поднялись вверхъ по теченію Касиквіари, широкаго и глубокаго рукава Ореноко, непосредственно соединяющаго эту рѣку съ Ріо-Негро. Индѣйское племя идапаминоровъ, живущее на берегахъ Касиквіари, питается преимущественно только копчеными муравьями.

Войдя въ Ореноко, путешественники поднялись по этой рѣкѣ до самыхъ ея источниковъ, находящихся у подошвы Дуидскаго вулкана. Кровожадность гуарибовъ и гуековъ, чрезвычайно мѣтко стрѣляющихъ изъ лука, дѣлала дальнѣйшія изслѣдованія въ этой мѣстности слишкомъ опасными. Между тѣмъ она представляла большой интересъ уже въ томъ отношеніи, что неподалеку отъ источниковъ Ореноко находится знаменитое озеро Эль-Дорадо съ нѣсколькими островками изъ слюды, сверкающей на солнцѣ какъ золото.

Во всякомъ случаѣ Гумбольдту и Бонплану удалось окончательно разрѣшить вопросъ о существованіи воднаго сообщенія между Ореноко и Мараньономъ. Оказалось, что эти рѣки дѣйствительно соединяются другъ съ другомъ на границѣ испанскихъ и португальскихъ владѣній, подъ 2° южной широты, черезъ посредство Касиквіари, впадающаго въ Ріо-Негро.

Рѣшившись повернуть назадъ, путешественники пустили свою лодку плыть по теченію Ореноко. Теченіе это довольно быстрое,

а потому они проплыли 500 миль менѣе чѣмъ въ 26 дней. Прибывъ въ Ангостуру, они прожили тамъ цѣлыхъ три недѣли, чтобъ выждать окончаніе самаго знойнаго времени года, когда въ низовьяхъ Ореноко свирѣпствуютъ лихорадки, а затѣмъ въ октябрѣ 1800 года вернулись въ Куману.

„Здоровье мое,—говоритъ Гумбольдтъ,—нисколько не пострадало отъ совершеннаго нами путешествія болѣе чѣмъ въ 1300 миль, но мой товарищъ, бѣдняга Бонпланъ, тотчасъ-же по возвращеніи схватилъ лихорадку, сопровождавшуюся сильною рвотой, отъ которой онъ съ трудомъ лишь выздоровѣлъ. Повидимому, надо въ самомъ дѣлѣ обладать замѣчательно крѣпкимъ здоровьемъ и большой физической энергіей, чтобы безнаказанно выносить усталость, лишенія и постоянное напряженіе нервовъ, выпадающее на долю злополучныхъ путешественниковъ въ этихъ убійственныхъ странахъ. Путешественникамъ приходится здѣсь жить, такъ сказать, въ обществѣ кровожадныхъ ягуаровъ и крокодиловъ, отъ которыхъ они все-таки могутъ легче уберечься, чѣмъ отъ несносныхъ муравьевъ и москитовъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ они должны питаться исключительно только бананами, рыбою и маніокомъ и пить одну только воду. Если такіе злополучные люди вздумаютъ проникнуть черезъ страну землеѣдовъ-отомаковъ и затѣмъ странствовать подъ экваторомъ вдоль береговъ Касикваіри, гдѣ на протяженіи цѣлыхъ 130 миль не встрѣтишь ни единой человѣческой души, то они, разумѣется, не въ правѣ будутъ пенять, если сложатъ гдѣ-нибудь тамъ буйныя свои головушки. Немногіе лишь въ состояніи преодолѣть столь тяжкіе труды и опасности; еще менѣе должно быть такихъ сумасбродовъ, которые, благополучно выйдя изъ такой передѣлки, дерзнули-бы снова подвергнуть себя такимъ-же опасностямъ“.

Мы упомянули уже о важномъ географическомъ открытіи, вознаградившемъ стойкую энергію изслѣдователей, осмотрѣвшихъ значительную часть страны къ сѣверу отъ Амазонки, между Попайаномъ и горною цѣпью французской Гвіаны. По всѣмъ другимъ отраслямъ знанія добыты были ими столь-же драгоцѣнные новые факты.

Гумбольдтъ убѣдился, что среди индѣйцевъ въ верховьяхъ Ореноко и Ріо-Негро есть племена, отличающіяся замѣчательной бѣлизной кожи. Племена эти, очевидно, принадлежатъ къ совершенно иной расѣ, чѣмъ краснокожее населеніе морского при-

брежья. Ему удалось также обстоятельно ознакомиться съ нравами и обычаями отомаковъ.

„Это интересное племя,—говоритъ Гумбольдтъ,—не отличается особенно развитымъ художественнымъ вкусомъ. По крайней мѣрѣ дикари эти расписываютъ себѣ тѣло до-нельзя уродливымъ образомъ. Когда вода въ Ореноко сильно прибываетъ, тамъ не попадается уже болѣе черепахъ. Все это время, т. е. въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, отомаки ѣдятъ исключительно или почти исключительно одну глину. Иные изъ нихъ съѣдаютъ въ сутки до полутора фунта этой глины. Нѣкоторые монахи увѣряютъ, будто эти индѣйцы подмѣшиваютъ къ глинѣ жиръ изъ крокодиловыхъ хвостовъ, но это совершенно несправедливо. Мы нашли у отомаковъ запасы совершенно чистой глины и сами видѣли, что они ѣдять ее безъ всякой примѣси. Они ее только слегка поджариваютъ и смачиваютъ".

Въ числѣ наиболѣе любопытныхъ открытій, сдѣланныхъ Гумбольдтомъ въ продолженіе этого путешествія, необходимо упомянуть о „кураре". Гумбольдтъ былъ очевидцемъ приготовленія этого яда у индѣйскихъ племенъ катарапени и макиритовъ. Онъ послалъ во французскую академію наукъ образчики кураре и „дапиши", особаго, неизвѣстнаго еще въ то время вида каучука. Дапиша вытекаетъ сама собою изъ корней деревъ „яціо" и „кукурмы". Она отвердѣваетъ въ землѣ и переходитъ тамъ изъ жидкаго состоянія въ эластичное.

Это первое путешествіе Гумбольдта закончилось изслѣдованіемъ южныхъ береговъ Санъ-Доминго и Ямайки. Гумбольдтъ и Бонпланъ прожили затѣмъ нѣкоторое время на островѣ Кубѣ, гдѣ занимались опытами надъ усовершенствованіемъ производства сахара, а также астрономическими наблюденіями и топографической съемкой береговъ этого острова.

Извѣстіе объ отплытіи изъ Франціи научной экспедиціи, ввѣренной капитану Бодэну, заставило ихъ прервать эти работы. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ то время у Гумбольдта, экспедиція эта должна была обогнуть мысъ Горнъ, осмотрѣть берега Чили и Перу. Гумбольдтъ, желая присоединиться къ этой экспедиціи, поспѣшилъ переправиться изъ Кубы на Терра-Фирму, разсчитывая встрѣтиться на берегахъ Перу съ французскими учеными. По прибытіи въ Квито онъ, однако, узналъ, что капитану Бодэну предписано идти въ Тихій океанъ мимо мыса Доброй Надежды.

Пейзажъ близъ Санта-Фе.

Разсчеты Гумбольдта примкнуть къ французской научной экспедиціи поэтому рушились, и онъ очень сожалѣлъ, что такъ поторопился выѣхать изъ Кубы.

Какъ-бы ни было, въ мартѣ 1801 года, Гумбольдтъ въ сопровожденіи вѣрнаго своего пріятеля Бонплана прибылъ моремъ съ острова Кубы въ Картагену, откуда намѣревался проѣхать сперва въ Санта-Фе-де-Боготу, а затѣмъ добраться и до плоско-

горія, на которомъ стоитъ Квито; а чтобъ переждать сильныя жары, они прожили нѣсколько времени въ хорошенькомъ селеніи Турбако, расположенномъ на горѣ близъ берега моря, и занимались тамъ приготовленіями къ дальнѣйшему путешествію. Во время одной изъ своихъ экскурсій въ окрестностяхъ этого селенія они посѣтили очень интересную мѣстность, о которой индѣйскіе проводники наговорили имъ много чудесъ. Мѣстность эта извѣстна у туземцевъ подъ названіемъ Volcanitos (Вулканчики).

Это болотистая равнина, находящаяся приблизительно въ 2-хъ миляхъ къ востоку отъ Турбако среди густого лѣса пальмъ и деревьевъ „толу“, доставляющихъ толуанскій бальзамъ. Мѣстное преданіе разсказываетъ, будто въ давно прошедшее время земля горѣла тамъ неугасаемымъ огнемъ. Пожаръ распространялся далѣе и далѣе и могъ бы надѣлать большихъ бѣдъ, если-бъ проходившій по сосѣдству святой не сжалился надъ народнымъ бѣдствіемъ и не потушилъ-бы этотъ пожаръ нѣсколькими каплями св. воды.

Гумбольдтъ нашелъ тамъ среди обширной равнины штукъ 20 конусообразныхъ бугровъ изъ сѣроватой глины. Это были настоящія маленькія сопки, вышиной приблизительно въ 25 футовъ. Кратеры ихъ оказались наполненными водой. Подходя къ этимъ сопкамъ, путешественники слышали глухой подземный шумъ, повторявшійся черезъ одинаковые промежутки времени. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того выдѣлялось изъ кратера большое количество какого-то газа; по словамъ индѣйцевъ, сопки эти находятся уже съ незапамятныхъ временъ въ такомъ состояніи.

Изслѣдовавъ газъ, выдѣляемый этими миніатюрными вулканами, Гумбольдтъ нашелъ, что это азотъ въ гораздо болѣе чистомъ состояніи, чѣмъ получавшійся въ то время въ химическихъ лабораторіяхъ.

Городъ Санта-Фе расположенъ въ долинѣ, находящейся на высотѣ 8600 футовъ надъ уровнемъ моря. Долина эта окружена со всѣхъ сторонъ высокими горами и представляетъ изъ себя въ сущности котловину, которая, повидимому, была когда-то громаднымъ озеромъ. Ріо-Богота, въ которую впадаютъ всѣ ручьи и рѣчки, текущія по склонамъ этой долины, прорвала себѣ проходъ сквозь горную цѣпь, окружающую упомянутую долину. Прорывъ этотъ находится къ юго-западу отъ Санта-Фе, неподалеку

отъ Теквендамской гаціенды. Вытекая оттуда съ чрезвычайною быстротой, Богота образуетъ величественный водопадъ и затѣмъ мирно течетъ по долинѣ рѣки Магдалины до сліянія своего съ этой рѣкою. Очевидно, что если-бъ заградили этотъ прорывъ, то вся Боготская котловина была-бы вскорѣ затоплена и снова обратилась-бы въ громадное озеро. Подобно тому, какъ въ Пиринеяхъ существуетъ преданіе относительно Роландова ущелья, будто бы прорубленнаго мечомъ этого паладина, индѣйцы разсказываютъ, что одинъ изъ ихъ героевъ — Бошика осушилъ Боготскую долину, прорубивъ въ скалахъ проходъ, сквозь который и течетъ теперь рѣка Богота. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ удалился въ священный городъ Ераку, гдѣ прожилъ двѣ тысячи лѣтъ примѣрнымъ образомъ, изнуряя свою плоть самымъ суровымъ подвижничествомъ.

Теквендамскій водопадъ, хотя и не самый большой въ мірѣ, представляетъ тѣмъ не менѣе величественное зрѣлище.

Рѣка имѣетъ еще неподалеку отъ водопада до 170 футовъ ширины, но тамъ, гдѣ она низвергается въ трещину, образовавшуюся повидимому отъ землетрясенія, ширина ея не превышаетъ 40 футовъ. Глубина пропасти, въ которую низвергается Ріо-Богота, превышаетъ 600 футовъ. Надъ этимъ грандіознымъ водопадомъ всегда стоитъ густое облако паровъ, которые, ниспадая на землю, въ значительной степени содѣйствуютъ плодородію Боготской долины.

Ничего не можетъ быть поразительнѣй контраста между этой долиной и долиной рѣки Магдалены. Наверху, т. е. въ Боготской долинѣ, климатъ и растительность напоминаютъ собой среднюю Европу, путешественникъ встрѣчаетъ тамъ пшеницу, дубы и другія европейскія лѣсныя породы. Между тѣмъ внизу, въ долинѣ Магдалены, его окружаютъ пальмы, сахарный тростникъ и другія растенія чисто-тропической флоры.

Одною изъ самыхъ интересныхъ естественныхъ диковинокъ, попадавшихся на глаза нашимъ путешественникамъ, является Икононзскій мостъ, черезъ который Гумбольдтъ и Бонпланъ переходили въ сентябрѣ 1801 года. На днѣ одного изъ тѣхъ глубокихъ ущелій или „каньоновъ“, какія встрѣчаются только въ Андскихъ горахъ, пробилъ себѣ путь черезъ узкую трещину небольшой ручеекъ, называющійся громкимъ именемъ рѣки „Всеобщаго мира“ (rio de Suma-Paz); переправиться черезъ этотъ

ручей было бы до чрезвычайности трудно и даже, пожалуй, невозможно, еслибы сама природа не позаботилась перекинуть черезъ него два естественныхъ моста, расположенныхъ одинъ надъ другимъ и справедливо считающихся замѣчательнѣйшими изъ мѣстныхъ диковинокъ.

Три громадныхъ утеса, оторванные отъ горъ землетрясеніемъ, которое произвело эту громадную разсѣлину, упали другъ на друга такъ, что образовали естественный сводъ, каждая изъ составныхъ частей котораго поддерживаетъ другую. Посрединѣ этого моста осталось большое отверстіе, сквозь которое виднѣется на неизмѣримой глубинѣ дно пропасти, гдѣ съ оглушительнымъ ревомъ несется бурный потокъ. Птицы, безчисленныя стаи которыхъ постоянно летаютъ въ этой пропасти, оглашаютъ воздухъ неумолкаемыми криками. Въ 60 футахъ надъ этимъ мостомъ находится другой естественный мостъ въ 50 футовъ длины и 40 футовъ ширины, толщина котораго по самой серединѣ не превышаетъ 7 футовъ. По краямъ этого моста туземцы устроили вмѣсто перилъ легонькую тростниковую изгородь, придерживаясь за которую путешественникъ можетъ безопасно наблюдать величественную сцену, развертывающуюся у него подъ ногами.

Вслѣдствіе дождей и дурного состоянія дорогъ путешествіе въ Квито оказалось очень утомительнымъ. Гумбольдтъ и Бонпланъ остановились однако въ этомъ городѣ лишь на самое короткое время, чтобы немного отдохнуть и собраться съ силами, а затѣмъ вернулись назадъ въ долину рѣки Магдалены и въ дивные лѣса, покрывающіе склоны горы Квиндіу въ срединной цѣпи Андовъ.

Перевалъ черезъ эту гору считается однимъ изъ самыхъ неудобныхъ. Даже и въ самое благопріятное время года надо употребить по меньшей мѣрѣ 12 дней, чтобы пробраться сквозь лѣса, въ которыхъ нѣтъ ни одной человѣческой души и гдѣ путешественникъ подвергается опасности умереть съ голоду. Гребень этого перевала находится на высотѣ 12 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а тропинка, по которой приходится идти, имѣетъ во многихъ мѣстахъ всего лишь футъ ширины. Путешественниковъ носятъ тамъ обыкновенно въ креслахъ, крѣпко привязывая ихъ къ ручкамъ. Индѣйцы каргеросы взваливаютъ на себя эти кресла и тащатъ ихъ на спинѣ въ родѣ того, какъ офени носятъ короба съ товарами.

„Мы, — говоритъ Гумбольдтъ въ своемъ письмѣ къ брату,— предпочли идти пѣшкомъ. Погода стояла прекрасная, а потому мы провели лишь 17 дней въ этихъ пустыняхъ, которыя, сколько можно судить, никогда не были обитаемы. Путники спятъ тамъ въ шалашахъ изъ листьевъ геликоніи, запасъ которыхъ носятъ на всякій случай съ собой. Спускаясь по западному склону Андовъ, встрѣчаешь болота, въ которыхъ можно завязнуть по колѣно или даже и глубже. Какъ только перевалили черезъ гребень, погода совершенно измѣнилась; за послѣднее время шли проливные дожди, сапоги на насъ сгнили, такъ что мы прибыли въ Картаго босикомъ и съ ободранными ногами, но зато съ богатою коллекціей новыхъ растеній.

Изъ Картаго мы отправились черезъ Бугу въ Попайанъ; намъ пришлось при этомъ пройти по живописной долинѣ рѣки Коки, держась постоянно вдоль горы Чоки и находящихся на ея склонѣ платиновыхъ рудниковъ.

Весь ноябрь 1801 года мы прожили въ Попайанѣ, откуда сдѣлали нѣсколько экскурсій къ базальтовымъ горамъ Юлусуито, къ вулкану Пюраче, кратеры котораго извергаютъ съ ужасающимъ шумомъ водяные пары, проникнутые сѣрнистымъ водородомъ. Мы осмотрѣли также въ Пише выходы порфировыхъ гранитовъ...

Главнѣйшее затрудненіе, которое намъ надо было преодолѣть, заключалось въ томъ, чтобы пробраться изъ Попайана въ Квито. Надо было перейти черезъ Парамосъ дель-Пасто, а между тѣмъ дождливое время года уже наступило. Замѣтимъ, что „парамой“ называется въ Андахъ всякое мѣсто, лежащее на высотѣ 1800 или 2000 туазовъ, гдѣ прекращается уже растительность и ощущается холодъ, пронизывающій до костей. Мы избрали такой путь для того, чтобы избѣжать нестерпимаго зноя долины Паціи, гдѣ можно въ одну ночь схватить какую-либо изъ лихорадокъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ „calenturas de Patia“ и продолжающихся обыкновенно три или четыре мѣсяца. Какъ-бы ни было, мы перешли черезъ высшую точку здѣшнихъ Кордильеръ, черезъ ужасающія пропасти, чтобы добраться изъ Попайана въ Альмагеръ, а оттуда въ Пасто, находящееся у подошвы грознаго вулкана...“

Вся область Пасто является въ высшей степени холодной, плоской возвышенностью, во многихъ мѣстахъ лежащей выше крайняго уровня, до котораго достигаетъ растительная жизнь.

Эта плоская возвышенность со всѣхъ сторонъ окружена вулканами и сольфаторами, постоянно извергающими облака дыма. Единственной пищей для мѣстнаго населенія служатъ бататы, и въ случаѣ неурожая ихъ—индѣйцы питаются ягодами маленькаго деревца „ачупалла“, которыя имъ приходится оспаривать у андскихъ медвѣдей. Гумбольдтъ и Бонпланъ день и ночь мокли подъ дождемъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, а затѣмъ, близъ города Ибарры, чуть не утонули вслѣдствіе внезапнаго половодья, сопровождавшагося землетрясеніемъ; но все-таки, наконецъ, благополучно прибыли 6-го января 1802 года въ Квито, гдѣ маркизъ Сельва-Алегре оказалъ имъ самое блестящее и радушное гостепріимство.

Городъ Квито самъ по себѣ очень недуренъ, но сильные холода и сосѣдство обнаженныхъ горъ дѣлаютъ пребываніе въ немъ очень скучнымъ. Со времени большого землетрясенія, бывшаго 4-го февраля 1797 года, тамъ стало значительно холоднѣе. Буге, въ бытность свою въ Квито, наблюдалъ тамъ постоянную температуру отъ 15 до 16° по Реомюру, а Гумбольдтъ нашелъ уже, что она измѣняется въ предѣлахъ отъ +4 до +10°. Котопакси и Пичинха, Антизана и Илинаса, являющіяся различными кратерами одного и того-же подземнаго очага, были обстоятельно осмотрѣны Гумбольдтомъ и Бонпланомъ, которые пробыли по двѣ недѣли у каждаго изъ этихъ вулкановъ.

Гумбольдтъ доходилъ два раза до жерла Пичинхи, до котораго передъ нимъ достигалъ только одинъ Ла-Кондаминъ.

„Въ первый разъ, — говоритъ Гумбольдтъ, — я отправился туда, взявъ съ собою одного только индѣйца. Зная, что Ла-Кондаминъ добрался до кратера съ болѣе низменной и покрытой снѣгами части его окраины, я хотѣлъ было послѣдовать его примѣру. Попытка эта чуть было не оказалась пагубной для насъ обоихъ. Мой индѣецъ провалился по самую грудь въ одну изъ разсѣлинъ; мы съ ужасомъ замѣтили, что шли, собственно говоря, по мосту изъ замерзшаго снѣга. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ оказались отверстія, сквозь которыя виднѣлся дневной свѣтъ. Такимъ образомъ, мы, сами того не подозрѣвая, находились на сводѣ, опирающемся на стѣнки кратера. Я изрядно испугался, но все-же не хотѣлъ отступиться отъ своего намѣренья и рѣшился достигнуть до кратера другимъ путемъ. На самой окраинѣ жерла воздымаются, такъ сказать, надъ без-

дной три остроконечныхъ пика. Эти три утеса остаются непокрытыми снѣгомъ, такъ какъ пары, подымающіеся изъ вулканическаго жерла, не даютъ этому снѣгу скопиться. Взобравшись на одинъ изъ этихъ утесовъ, я нашелъ на его вершинѣ камень, который, свѣсившись надъ самой пропастью, представлялъ собою нѣчто въ родѣ балкона. Онъ имѣлъ въ длину всего лишь 12 футовъ, а въ ширину 6 и постоянно колебался отъ сильныхъ вулканическихъ сотрясеній, которыхъ менѣе чѣмъ въ полчаса мы насчитали до 18. Чтобъ хорошенько осмотрѣть дно кратера, мы должны были лечь на брюхо. Наврядъ-ли можно было бы придумать болѣе печальную, зловѣщую и ужасающую картину. Жерло вулкана представляетъ собою круглое отверстіе, имѣющее въ окружности около версты. Отвѣсные его края покрыты вверху снѣгомъ, вся внутренность этой бездонной пропасти кажется совершенно черною, но, вглядываясь пристальнѣе, можно было различить въ ней вершины нѣсколькихъ горъ, находившихся подъ нами по меньшей мѣрѣ на глубинѣ 300 туазовъ. Можете себѣ представить, на какой глубинѣ должны были находиться ихъ подошвы!

Я увѣренъ, что дно кратера находится на одномъ уровнѣ съ городомъ Квито. Ла-Кондаминъ, посѣтивъ этотъ вулканъ, нашелъ его угасшимъ и покрытымъ снѣгомъ. Мы же должны были сообщить жителямъ Квито печальную вѣсть о томъ, что огнедышащій ихъ сосѣдъ пробуждается къ новой дѣятельности".

На другой вулканъ—Антизану Гумбольдтъ поднялся на высоту 2773 туазовъ. На этой высотѣ кровь начала выступать изъ губъ, десенъ и глазъ путешественниковъ, такъ что они должны были отказаться отъ дальнѣйшаго восхожденія. Точно также имъ не удалось добраться и до жерла Котопакси.

9-го іюня 1802 года Гумбольдтъ, опять въ сопровожденіи Бонплана, выѣхалъ изъ Квито, чтобы осмотрѣть вулканы Чимборазо и Тунгурагуа; на Чимборазо они не дошли всего лишь 250 туазовъ до высшей точки вулканическаго конуса. Тѣ-же самые припадки кровотеченія, какіе они испытывали и при восхожденіи на Антизану, заставили путешественниковъ спуститься назадъ въ долину. Что касается Тунгурагуа, то вершины этой горы обрушились во время землетрясенія 1797 года. Вулканъ этотъ, по измѣренію Ла-Кондамина, воздымался на 2620 туазовъ

надъ поверхностью моря, тогда какъ Гумбольдтъ нашелъ высоту его равной всего лишь 2531 туазу.

Изъ Квито путешественники направились къ берегамъ Амазонки. Имъ пришлось проходить черезъ Лактакунгу, Гамбато и Ріо-Бамба. Вся эта страна была страшно опустошена землетрясеніемъ 1797 года, когда тамъ утонули въ водѣ и илѣ болѣе 40,000 человѣкъ. Спускаясь съ Андовъ, Гумбольдтъ и его товарищи любовались остатками іегской шоссейной дороги, идущей отъ Куско до Ассуая и называемой „дорогой Инки“. Полотно этой дороги, прямой какъ стрѣла, было выведено изъ тесанаго камня. Основательностью и прочностью постройки она нисколько не уступала лучшимъ изъ древнихъ римскихъ дорогъ. Неподалеку оттуда находятся развалины дворца инки Тупаюпанги. Ла-Кондаминъ, посѣтившій эти развалины, описалъ ихъ въ „Мемуарахъ Берлинской академіи наукъ“.

Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Куенсѣ, Гумбольдтъ отправился въ Яенскій округъ, снялъ на карту теченіе Мараньона отъ верховьевъ этой рѣки до впаденія въ нее Ріо-Напо и, благодаря произведеннымъ имъ астрономическимъ наблюденіямъ, исправилъ и пополнилъ карту Ла-Кондамина. Прибывъ затѣмъ, 23-го октября 1802 года, въ Лиму, онъ наблюдалъ тамъ прохожденіе Меркурія черезъ солнце.

Проживъ цѣлый мѣсяцъ въ чилійской столицѣ, онъ уѣхалъ въ Гваяквиль, а оттуда переправился морскимъ путемъ въ городъ Акапулько, находящійся въ Мексикѣ, которая называлась тогда Новой Испаніей.

Громадная масса замѣтокъ и наблюденій, собранныхъ Гумбольдтомъ въ продолженіе годичнаго его пребыванія въ этой странѣ, давшая ему возможность написать его „Очеркъ Новой Испаніи“, свидѣтельствуетъ о несокрушимой энергіи Гумбольдта и его изумительной способности къ труду. Впрочемъ, послѣ разсказаннаго нами о предшествовавшихъ его путешествіяхъ никакихъ сомнѣній въ этомъ у нашихъ читателей уже не можетъ быть.

Гумбольдтъ занимался въ Мексикѣ одновременно историческими и археологическими изысканіями, изучалъ характеръ, нравы и языкъ туземнаго населенія, производилъ естественно-историческія, физическія и химическія изслѣдованія, астрономическія и географическія наблюденія. Всеобъемлющій умъ Гум-

больдта и глубина его познаній возбуждають къ нему глубочайшее удивленіе.

Особенное вниманіе Гумбольдта привлекли прежде всего серебряные рудники въ Таско, Моранѣ и Гванахуато, откуда извлекается ежегодно по нѣскольку милліоновъ піастровъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Гумбольдтъ еще въ молодости особенно интересовался геологіей и минералогіей. Путешественникъ осмотрѣлъ затѣмъ вулканъ Херульо, внезапно появившійся изъ земли 29-го сентября 1759 года среди обширной равнины, въ 36 миляхъ отъ берега моря и болѣе чѣмъ въ 40 миляхъ отъ ближайшаго вулканическаго очага. Въ теченіе нѣсколькихъ дней вулканъ этотъ, извергая непрерывно пепелъ и лаву, обратился въ настоящую огнедышащую гору въ 1700 футовъ вышиною.

Въ самомъ городѣ Мехико Гумбольдтъ и Бонпланъ имѣли полную возможность привести въ порядокъ собранныя ими громадныя коллекціи. Они разобрались также до извѣстной степени въ громадной массѣ путевыхъ своихъ замѣтокъ и наблюденій и подготовили къ печати геологическій атласъ.

Въ январѣ 1804 года они покинули этотъ городъ, чтобъ осмотрѣть восточный склонъ Кордильеръ и опредѣлить вышину двухъ колоссальныхъ вулкановъ, находившихся близъ Пуэблы.

„Въ Попокатепетлѣ, — говоритъ Деборо-Кулей въ замѣткѣ объ этомъ путешествіи Гумбольдта, — непрерывно кипитъ вулканическая дѣятельность, хотя въ теченіе уже нѣсколькихъ вѣковъ эта огнедышащая гора извергаетъ только дымъ и пепелъ. Эта самая высокая изо всѣхъ горъ въ Мексикѣ превышаетъ на двѣ тысячи футовъ высочайшія изъ европейскихъ горъ... Большое количество недавно выпавшаго снѣга не помѣшало Гумбольдту взойти также на Сундучную гору (Cofrée), которая на 1300 футовъ выше Тенерифскаго пика. Съ вершины этой горы открывается обширная и весьма разнообразная панорама. Равнина, на которой стоитъ Пуэбла, видна какъ на ладони, равно какъ и восточный склонъ Мексиканскихъ Кордильеръ, покрытыхъ густыми лѣсами пиній, древовидныхъ папоротниковъ и мимозъ. По другую же сторону путешественники могли ясно различать Вера-Круцскій портъ, крѣпость Санъ-Хуанъ-д'Улиуа и прибрежье Мексиканскаго залива".

Названіе „Сундучной" гора эта получила вслѣдствіе того, что на вершинѣ ея воздымается, словно продолговатая башня

съ пирамидальною крышей, скала въ 400 или 500 футовъ вышиною.

Послѣ этой экскурсіи Гумбольдтъ проѣхалъ въ Вера-Круцъ, гдѣ былъ настолько счастливъ, что не схватилъ свирѣпствующей тамъ горячки. Оттуда онъ переправился моремъ въ Гавану, гдѣ оставилъ въ 1800 году бо́льшую часть своихъ коллекцій. Сѣвъ на корабль, шедшій въ Соединенные Штаты, онъ прибылъ въ Филадельфію и посвятилъ тамъ нѣсколько недѣль ознакомленію съ государственными учрежденіями великой Сѣверо-Американской республики. Въ августѣ 1804 года Гумбольдтъ вернулся наконецъ въ Европу.

Результаты путешествій Гумбольдта были настолько многозначительны, что можно безъ особенной натяжки признать его открывшимъ на самомъ дѣлѣ тропическія страны Америки. До него эксплоатировали эти страны, не зная ихъ хорошенько. Никто не подозрѣвалъ даже множества содержащихся въ нихъ неисчислимыхъ естественныхъ сокровищъ. Во всякомъ случаѣ ни одинъ путешественникъ не подвинулъ еще такъ сильно впередъ физическую географію и всѣ науки, состоящія съ нею въ связи. Гумбольдтъ является во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ путешественникомъ.

КОНЕЦЪ

Л. А. ЧАРСКАЯ
Историческая повѣсть

ГАЗАВАТЪ

Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу.

Съ 10 иллюстраціями I. Смукровича и 127 копіями съ картинъ, рисунковъ и портретовъ разныхъ русскихъ художниковъ.

«Газаватъ»—это повѣсть объ упорной борьбѣ двухъ враговъ—русскихъ и кавказскихъ горцевъ, борьбѣ, полной героическихъ подвиговъ съ обѣихъ сторонъ, достойныхъ памяти потомства. Тридцать лѣтъ длилась эта отчаянная борьба, которую горцы признали священною войною за вѣру и независимость и которая выдвинула цѣлый рядъ настоящихъ богатырей, какъ со стороны русскихъ воиновъ, такъ и со стороны кавказцевъ-мюридовъ. На фонѣ этой борьбы въ «Газаватѣ» разыгрывается рядъ интереснѣйшихъ, захватывающихъ душу эпизодовъ изъ жизни юнаго русскаго плѣнника, его молодого друга, горца, привязавшагося къ Россіи и полюбившаго русскихъ и молоденькой плѣнницы грузинки—главныхъ героевъ повѣсти.

Всѣ они группируются вокругъ знаменитаго вождя кавказскихъ мюридовъ, Шамиля, являющагося какъ бы центромъ и главнымъ рычагомъ многолѣтней борьбы.

Описанныя въ книгѣ событія наглядно иллюстрированы многими рисунками, часть которыхъ составляютъ спеціально исполненныя изображенія отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ повѣсти, другая же часть—копіи съ картинъ и рисунковъ, воспроизводящихъ историческія событія и принадлежащихъ кисти или карандашу извѣстныхъ художниковъ. Кромѣ того помѣщены также портреты наиболѣе выдающихся дѣятелей этой знаменательной эпохи.

«Газаватъ» научитъ читателя не столько плѣняться красотою и величіемъ геройства, сколько состраданію къ тѣмъ, кому пришлось испить кровавую чашу войны, будь то побѣжденный или побѣдитель. Критикой «Газаватъ» признается однимъ изъ лучшихъ произведеній г-жи Чарской и вообще одной изъ лучшихъ повѣстей, относящихся къ эпохѣ покоренія Кавказа.

Мнѣніемъ Ученаго Комитета М. Н. Пр. признано подлежащимъ внесенію въ списки книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣд. М. Н. Пр., а также и безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Отз. Д-та Общ. Дѣлъ М. Н. Пр. № 7679, 6 іюля 1906 г.)

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 50 к.

С. М. МАКАРОВА

РАЗСКАЗЪ МОНЕТЪ

Историческая хроника для юношества.

Съ портретами и рисунками.

Историческая хроника «Разсказъ монетъ» С. М. Макаровой обнимаетъ нѣсколько эпохъ и цѣлый рядъ царствованій. Исторія Богдана Хмѣльницкаго, царствованіе Екатерины Великой, времена Отечественной войны и Наполеона, царствованіе Александра II, турецкая война—словомъ всѣ выдающіеся эпизоды русской исторіи описаны въ этой хроникѣ въ рядѣ живыхъ и увлекательныхъ очерковъ. Разсказъ ведется не людьми, а старинными монетами изъ коллекціи, которыя пережили не одно царствованіе и много видали на своемъ вѣку.

«Разсказъ монетъ» представляетъ безспорный интересъ для юношества. По замыслу изданіе оригинально и снабжено массой иллюстрацій.

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 р. 50 к.

1-е изданіе Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. допущено въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣд. М. Н. Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Ж. М. Н. Пр., ноябрь 1902 г.).

Н. А. НАДЕЖДИНЪ

БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Съ акварелями, отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ худ. Э. К. Соколовскаго.

Ко временамъ давно минувшимъ, въ совсѣмъ особый міръ,—міръ витязей и богатырей, неслыханныхъ геройскихъ подвиговъ, силъ могучихъ, не знающихъ удержу, переносятъ насъ старинныя пѣсни, распѣваемыя народомъ, такъ называемыя былины.

Но въ подлинномъ своемъ видѣ, былины слишкомъ объемисты и неудобны для чтенія мало подготовленному читателю. Тутъ нуженъ доступный для общаго пониманія пересказъ.

Удовлетворить этому требованію и имѣетъ цѣлью настоящее изданіе, въ которомъ собраны всѣ наиболѣе выдающіяся былины о русскихъ богатыряхъ и витязяхъ.

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 р. 50 к.

Уч. К-томъ М. Н. Пр. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній вѣд. М. Н. Пр. (Отз. Д-та Общ. Дѣлъ М. Н. Пр. № 4508, 6 апр. 1905 г.). Главнымъ Управленіемъ В.-Уч. Зав. рекомендовано для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ. (Отз. Гл. Упр. В.-Уч. Зав. № 24132, 6 ноября 1905 г.).